

Всероссийская научная конференция
«Ноябрьские чтения-2021»

19-21 ноября
2021

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТУДЕНЧЕСКИЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ-2021

Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2021 г.

Санкт-Петербург
2022

УДК 94
ББК 63.3(0)
Н86

Редакционная коллегия: *А. Д. Муратбакиева* (СПбГУ; отв. ред.); *Д. А. Малюченко* (СПбГУ); *Р. А. Шумяков* (ЕУСПб); *М. К. Пилюсян* (СПбГУ); *Д. О. Алешин* (СПбГУ; РНБ); *В. Д. Кудрина* (СПбГУ; Гос. Эрмитаж).

Рецензенты: канд. ист. наук *К. Н. Степанова* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *И. И. Верняев* (СПбГУ); д-р ист. наук, доц. *О. В. Кулишова* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *А. Д. Пантелеев* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *М. И. Дмитриева* (СПбГУ); канд. ист. наук *А. А. Вовин* (СПБНИИ РАН; ЕУСПб); канд. ист. наук *Д. А. Сосницкий* (СПбГУ); канд. ист. наук *Л. В. Сидоренко* (СПбГУ); PhD *Ю. Клей* (университет штата Аризона, Темпе, США); канд. ист. наук *В. В. Калиновский* (СПбГУ); *М. С. Назарова* (СПбГУ ПТД); *Я. Е. Артемьева* (ЕУСПб); канд. ист. наук, доц. *Т. Н. Жуковская* (СПБНИИ РАН); канд. ист. наук *И. В. Петров*.

Дизайн обложки, компьютерная верстка: *Д. А. Подлужный*;
дизайн эмблемы Ноябрьских чтений (на 1-й с. обложки): *В. С. Сизяков*;

Сборник статей подготовлен Студенческим советом Института истории СПбГУ.

Н86 Ноябрьские чтения-2021: Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2021 г. / *А. Д. Муратбакиева* (отв. ред.); *Д. А. Малюченко*; *Р. А. Шумяков*; *М. К. Пилюсян*; *Д. О. Алешин*; *В. Д. Кудрина*. — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. — 693 с.

ISBN 978-5-00197-044-6

В сборник вошли избранные статьи участников XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», ежегодно проводимой в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Материалы конференции состоят из разделов «Повседневность как проблема исторического изучения», «Археология и этнография», «История древнего мира», «История средних веков», «Всемирная история в новое и новейшее время», «История религии и церкви», «История России до XX века», «Новейшая история России», «История искусств и музеология».

Издание предназначено для всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-00197-044-6

© Авторы статей, 2022

Оглавление

Обращение к читателю.....	9
I. СТАТЬИ ПО ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ»	
<i>Шинкарук Л.В.</i> Повседневность польской гимназии во второй половине XIX в.....	11
<i>Ивченко Ю. О.</i> Восприятие детства и эволюция взаимоотношений детей и родителей в дворянских семьях XIX в. (на материалах детских дневников А. В. Половцова и его дочери К. А. Половцовой).....	16
<i>Мединская Д. А.</i> Детство и юность последнего императора (по страницам дневника цесаревича Николая Александровича).....	21
II. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
<i>Кондрашова Е. С.</i> Раскопки и разведки в районе Феодосии в 1924–1925 гг. (по материалам архива Феодосийского музея древностей).....	26
<i>Петровицева Т. О.</i> К вопросу об интерпретации погребений с «посмертной женой» у донских алан.....	31
<i>Муратбакиева А. Д.</i> Птицы с личиной на груди с поселенческих памятников Приуралья и Западной Сибири.....	36
<i>Конюхов Н. А., Мирошник Д. П.</i> Археологическая карта ванвиздинской культуры.....	42
<i>Бобровская А. С.</i> Материалы экспедиций А. П. Окладникова как источники по истории археологии.....	49
<i>Дрёмова П. С.</i> Влияние археологии на творческую биографию русского художника В. Г. Шварца.....	53
<i>Чернышова П. А.</i> К вопросу о линейности воршудов.....	58
<i>Кишиневский А. Е.</i> TikTok: опыт антропологического исследования.....	63
III. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА	
<i>Бочаров В. В.</i> «Третье сословие» в Сиракузах: к вопросу о политической неудаче Диона.....	68
<i>Жданова Н. С.</i> Изменения в политике Спарты на втором этапе Пелопоннесской войны.....	73
<i>Харина Д. А.</i> Экономическое и политическое развитие Самоса до прихода к власти Поликрата.....	78
<i>Чернова А. Ю.</i> Гробница Тигран и синкретические мистерии греко-римской Александрии.....	83
<i>Глебов В. С.</i> Особенности защитного снаряжения римских трубачей и знаменосцев I–II вв. н. э.....	90
<i>Епифанов И. И.</i> Справедливость и милосердие Октавиана Августа: биография и автобиография (по «Жизнеописанию» Светония и «Деяниям божественного Августа»).....	95
<i>Жакупов А. А.</i> Статус Октавиана в пропаганде принципата.....	99
<i>Кульгин Л. А.</i> Камулудун к 61 г. н. э.: пределы традиции и инновации.....	104
<i>Мамедова М. Н.</i> Римское военное присутствие в провинции Британия (по сочинениям Тацита).....	110
<i>Лапкин И. Д.</i> Античные и средневековые источники о готской войне 378–382 гг.: к постановке проблемы.....	114

<i>Андряков Д. В.</i> Социально-психологические аспекты жизни римского ветерана после отставки (по сочинениям Тацита).....	119
<i>Генишпринг Д. М.</i> Варвары в Северном Причерноморье по данным Аммиана Марцеллина.....	123
<i>Соловьева А. С.</i> Скифская царская власть и ее символика в античных литературных источниках и в археологическом материале.....	128

IV. ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Потапов А. П.</i> Святой и заяц в агиографии на примере «Vita Sancti Anselmi» Эадмера.....	133
<i>Хоменкова В. Ю.</i> Эволюция персонифицированного образа Британии: от девы Британии до Джона Булля.....	137
<i>Бузулков И. О.</i> Валлийский антикварий Хамфри Ллуид в дебатах о британской истории.....	142
<i>Защкина Е. М.</i> Роль аббата Сугерия в развитии городов Иль-де-Франс в первой половине XII века.....	147
<i>Кирсанов Д. Ю.</i> Франсуа де Ла Ну: от рождения до «Железной Руки».....	152
<i>Глухова А. С.</i> Рецепция рыцарской культуры в современном кинематографе.....	157

V. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

<i>Рудаков В. В.</i> Философия войны и военное дело ацтеков в описании Берналя Диаса дель Кастильо (1492–1584).....	162
<i>Емельянов В. С.</i> Сопоставление идей Ю. Крижанича с идеями Н. Макиавелли и С. Полоцкого.....	167
<i>Лейдерман А. Л.</i> Польское государство и шляхта в изображении еврейских хроник XVII века эпохи Хмельнитчины.....	172
<i>Бобылева И. Д.</i> Образ идеального посла в сочинениях французских дипломатов конца XVII–первой половины XVIII в.....	177
<i>Саакова К. А.</i> Зарождение республиканизма в мексиканском государстве в первой половине 1820-х годов.....	182
<i>Дайнеко И. В.</i> Чарльз Джеймс Фокс и дискуссии в парламенте Великобритании по вопросу отмены работорговли.....	187
<i>Зайцев А. А.</i> Правление Раджива Ганди как переходный этап от эпохи семьи Неру-Ганди к эпохе либерализации в постколониальной истории Индии.....	192
<i>Урядников И. А.</i> Особенности исторических публикаций Лаури Летонмяки.....	197
<i>Букин Д. С.</i> Репрезентация японской монархии в британской кинохронике 1920-х гг.....	202
<i>Мартин М. А.</i> Многослойный Commonwealth: специфика термина в истории Австралии.....	207
<i>Завизион Д. Д.</i> Несостоявшаяся театральная революция: расцвет и закат Тинг-движения в Третьем Рейхе.....	212
<i>Тарасенкова В. Р.</i> Внешнеполитическая ситуация в Швеции в июне 1941 г.: пик прогерманского пособничества.....	218
<i>Титов Д. Н.</i> Система высшего образования в советской военной администрации Германии (1945–1949).....	223
<i>Зайцева А. В.</i> Организация «Молодые американцы за свободу» в политических баталиях 1964 года в США.....	228
<i>Кровяков В. С.</i> Латинамериканизм или Панамериканизм? Концепции региональной интеграции в Латинской Америке.....	233

VI. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

<i>Смирнов С. Н.</i> Римские историки о религиозной политике Септимия Севера.....	238
<i>Леонтьев Е. С.</i> Образ «Другого» и определение христианской идентичности в работах Юстина и Татиана	243
<i>Непряхин И. Ю.</i> Два рассказа об Инквизиции в русской книжности: о методах борьбы с еретиками в православной культуре.....	248
<i>Пузырева К. А.</i> Представления о религиозном искусстве в трудах Мартина Лютера и Жана Кальвина.....	253
<i>Ковалева Е. О.</i> Деятельности архимандрита Виталия (Максименко) в оценках современников.....	257
<i>Мусеева А. А.</i> Церковная философия С. Л. Франка: эволюция отрицания государственной сущности Церкви.....	263
<i>Галин Н. А.</i> Государственно-церковные отношения накануне Великой Отечественной войны.....	268

VII. ИСТОРИЯ РОССИИ ДО XX В.

<i>Васильев А. Н.</i> Княжеские воеводы как функционеры раннего государства Руси (вторая половина X в.).....	273
<i>Артамонов Я. С.</i> К вопросу о взаимоотношениях между русско-польско-литовским пограничьем, Прибалтикой и Вольнюью в конце XII-начале XIII вв.....	278
<i>Чекалдина Н. А.</i> Строевский список Новгородской четвертой летописи и новгородское летописание второй половины XV в.....	283
<i>Карпова М. В.</i> Перевары как административно-территориальные единицы Торопецкого уезда и Водской пятины Новгородской земли.....	288
<i>Киселев Д. А.</i> «Вотчинный» дискурс в русско-литовской дипломатии времен Смоленской войны 1512–1522 гг.....	294
<i>Хадиев Р. Р.</i> К вопросу о Казанской ссылке 1565–1566 гг.....	299
<i>Медведев К. М.</i> «Смоленск де и Севершизна первые здрайцы...» — Смоленские земли в инкорпорационной политике правящих кругов Речи Посполитой в 1618–1654 гг.....	304
<i>Шехирина М. А.</i> Переводы записок иностранных путешественников при Петре I.....	310
<i>Алешин Д. О.</i> Политика амнистий Анны Леопольдовны 1740–1741 гг. как прецедент в российской юстиции и политической традиции.....	315
<i>Агапова А. А.</i> Литературная деятельность В. Т. Золотницкого как стратегия служебной мобильности в 1760-е гг.: к постановке проблемы.....	320
<i>Симинченко О. И.</i> Термин «революция» как инструмент автоапологии в мемуарах Л. Л. Беннигсена.....	325
<i>Пустовойт И. С.</i> Гимназическая реформа С. С. Уварова 1811 г. в истории среднего образования России.....	330
<i>Жукова А. М.</i> Образ Англии на страницах русской периодики первой четверти XIX в.....	339
<i>Хасаншин Р. Р., Идиатуллин Р. А., Миронов Е. Е.</i> Высочайшие визиты на территорию Камско-Вятского края в первой половине XIX в.: приезд в 1824 г. императора Александра I.....	344
<i>Васильцова С. Н.</i> Особенности взаимоотношений между польскими и русскими студентами Петербургского университета 1830–1860-х гг.....	349
<i>Владимирова Н. А.</i> Помощники податных инспекторов в Российской империи и их обязанности: на основе материалов Псковской губернии.....	354

<i>Ердюкеско Е. А.</i> История табачной фабрики Стамболи в 1861–1911 гг.....	360
<i>Швачко Б. Е.</i> Социальная деятельность предпринимателей г. Кургана на рубеже XIX–XX вв.....	365
<i>Стуколов Ф. И.</i> Жизнь и академическая карьера профессора Ф. К. Фрейтага (1800–1859 гг.): новые материалы.....	370
<i>Новоточинов С. Б.</i> Теория малых дел (по материалам произведений С. Н. Кривенко).....	375
<i>Федоров Д. А.</i> Дмитрий Иванович Пихно — редактор-издатель газеты «Киевлянин» (1879–1913 гг.).....	380
<i>Савченко А. Ф.</i> Берлинский конгресс 1878 г. как новая точка отсчета в российско-германских отношениях.....	385
<i>Маркин В. И.</i> Влияние противоречивости взглядов бюрократического национализма М. Н. Каткова и традиционализма К. П. Победоносцева на политику Александра III.....	390
<i>Тихонов А. С.</i> Русско-германское военно-морское сотрудничество на рубеже XIX–XX вв.....	395
<i>Маркелов С. А.</i> Периодизация истории «Земледельческой газеты» 1901–1917 гг.: на материалах программных статей.....	401
<i>Логинов В. А.</i> Преступления и наказания на Второй Тихоокеанской эскадре во время похода 1904–1905 гг.....	406
<i>Ломако П. Е.</i> Листовки анархистов в 1904–1907 гг.: тематика на примере прокламаций Белостокской группы.....	411
<i>Абрамова М. В. И. Г.</i> Церетели как политик и оратор II Государственной Думы (по воспоминаниям современников).....	416

VIII. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Цветкова Е. А.</i> Проблемы марксистского понимания освобождения женщин.....	421
<i>Снегирёв А. А.</i> Станция Лиски в «красновский» период Гражданской войны по воспоминаниям белогвардейцев.....	426
<i>Мареева М. С.</i> Образы советской власти в визуальной пропаганде Белого движения во время Гражданской войны.....	431
<i>Шайхутдинова Д. В.</i> Окружной суд в Новониколаевске: история открытия.....	438
<i>Табачник К. К.</i> Историко-религиоведческая литература 1920–1930–х гг. как инструмент дискредитации православных традиций.....	443
<i>Крутько К. И.</i> Складывание особого феномена русского театра в Харбине как результат взаимодействия советской и эмигрантской культур (1920–1930–е гг.).....	448
<i>Сковородникова Е. Д.</i> Принципы борьбы с неграмотностью в 1920–е гг. в РСФСР.....	452
<i>Савина М. С.</i> Меры по реализации НЭПа в отражении центральных газет Советской России.....	457
<i>Мамин Р. В.</i> «Сотворил гражданенка, ассигнуй треть»: реакция населения на советскую гендерную политику в 1920–х гг. на материале анекдотов.....	462
<i>Воротынцева Г. Д.</i> Интерпретации алкогольных девиаций в раннесоветском обществе (1918–1929 гг.) в визуальных источниках антирелигиозного характера: на материалах журналов «Безбожник» и «Безбожник у станка».....	467
<i>Малюченко Д. А.</i> Преобразования военной юстиции в первой половине 1930–х гг. (на примере военной прокуратуры Морсил Балтийского моря).....	472
<i>Хаблова Е. С.</i> Прибытие Андре-Жоржа Одрикура в СССР в 1935 г. и его работа с Николаем Ивановичем Вавиловым.....	478

<i>Аблаева Д. С.</i> Сталинская премия как инструмент формирования общественного сознания на примере пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем»	483
<i>Лялин Р. С.</i> Восстановление без плана. Севастополь в 1944–1946 гг.....	488
<i>Герасименко И. О.</i> Развитие советской военно–морской теории в первые послевоенные десятилетия.....	493
<i>Степанова О. А.</i> Бытовое обслуживание Ленинграда второй половины 1950–х – первой половины 1960–х гг.: взаимодействие власти, служащих и клиентов.....	498
<i>Богданчикова Е. С.</i> Советская общественность Ленинграда в борьбе с проявлениями паразитического образа жизни в первой половине 1960–х гг.....	503
<i>Ситнер С. В.</i> «Швейкование»: Театр на Таганке и советская цензура, 1964–1980.....	508
<i>Кузнецов Д. А.</i> Институциональная структура советской науки о древности в 1945–1991 гг.....	513
<i>Шашонков П. А.</i> Первый съезд автономий СССР 22–23 сентября 1990 г.: подготовка, ход работы и последствия.....	518
<i>Халимочкин В. С.</i> Ленинград–Санкт–Петербург в условиях талонной системы (декабрь 1990–май 1992 гг.).....	523
<i>Задорожная Е. А.</i> Деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ в ходе осуществления экономических преобразований 1992 г.....	528
<i>Маркарян К. В.</i> Террористический акт в Буденновске 1995 г., как важнейший элемент Первой чеченской войны.....	533
<i>Беденкова А. С.</i> Тенденции развития института президентства в современной истории России (2000–2020 гг.).....	538

IX. ИСТОРИЯ ИСКУССТВ И МУЗЕОЛОГИЯ

<i>Мецзякова Д. П.</i> Эволюция композиции произведений Ангеррана Картона.....	542
<i>Пестрякова А. А.</i> Новозаветные сюжеты в живописи Дирка ван Бабюрена и Маттиаса Стома.....	548
<i>Статкевич В. О.</i> Проблема соавторства в творчестве Давида Тенирса Младшего.....	554
<i>Климова В. В.</i> Мечты о свободе Польши на полотнах Яцека Мальчевского (на примере коллекции Рогалинской галереи).....	560
<i>Вернер А. О.</i> Текст и изображение в статье Майкла Баксандалла «“Воскресение Христа” Пьеро делла Франческа».....	566
<i>Гамидова С. А.</i> Выставка музыкального и церковного искусства 1892 года.....	571
<i>Грузков М. М.</i> Участие деятелей Государственной Думы в дискуссиях профессиональной общественности о развитии российской архитектуры в 1910-е гг.....	576
<i>Бузунова К. А.</i> Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбачком и ее архитектурные прототипы: проблемы заимствования и воспроизведения архитектурных форм.....	581
<i>Лепендина О. В.</i> Церковная архитектура Пскова XVII в.....	587
<i>Кудрина В. Д., Василевский Т. Д.</i> К вопросу о происхождении завершения иконостаса церкви Рождества Богородицы в Каргополе.....	592
<i>Иванова В. Н.</i> Храмовая роспись в городе Угличе второй половины XVII – начала XIX в.....	597
<i>Орлова Д. В.</i> Формирование иконографии образа Шивы Натараджа в индийской религиозной скульптуре штата Тамилнад.....	602
<i>Гуккина П. Б.</i> Елизаветинская политика роскоши: придворный костюм, ограничения и гендерная стратегия. Проблема портрета как источника.....	609

<i>Минайленко П. А.</i> Репрезентация в кинематографе французских протестов 1968-ого года.....	615
<i>Еременко И. С.</i> Трансформация дискурса фильмов про Вьетнамскую войну в кинематографе США.....	620
<i>Уварова А. В.</i> Историческая память и ее отражение в экспозициях исторических музеев на примере музейного комплекса «Зоя».....	625
<i>Ткачев В. В.</i> Деятельность М. Д. Бутина (1835–1907) в формировании художественного пространства Забайкалья во второй половине XIX–начале XX вв.....	630
<i>Безгина К. М.</i> Императорский сельскохозяйственный музей (1859–1917): из истории комплектования.....	635
<i>Гадышева С. Ю.</i> Златоустовское художественное оружие в музейных собраниях г. Санкт-Петербурга.....	639
<i>Никшина М. Ю.</i> Журнал «Среди коллекционеров» как исторический источник изучения музейной деятельности и частного коллекционирования первой четверти XX в.....	645
<i>Мичурин Ф. Д.</i> «Героическая Оборона Ленинграда»: история выставки.....	650
<i>Большаков М. В.</i> Атрибуция музейного предмета на примере пастушьей бирки из собрания музея–заповедника «Зарайский кремль».....	655
<i>Богатырева А. Е.</i> Передача имущества, имеющего культурную ценность, Русской православной церкви в период с 1985 по 1991 гг.....	662
<i>Батурина А. А., Соловьева В. Д.</i> Правовые и этические вопросы стрит-арта в современной России (на примере города Твери).....	666
<i>Целикова А. М.</i> Голос улиц: фестивали как способ сохранения объектов уличного искусства вне улиц и музеев.....	671
<i>Ефремова В. М.</i> Исторические кладбища: опыт классификации.....	676
<i>Скуднева М. В.</i> Проблемы музеефикации городской среды исторических поселений на примере Выборга и Томска.....	683
<i>Савченко С. К.</i> Научно-вспомогательный материал в современном музее.....	688

Обращение к читателю

Дорогие друзья, перед вами сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», состоявшейся в Институте истории Санкт-Петербургского университета 19–21 ноября 2021 г.

В конференции приняло участие 168 человек, представлявших вузы и научные учреждения Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Твери, Зарайска, Коломны, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Минска, Набережных Челнов, Саранска, Перми, Белгорода, Сыктывкара, Ижевска, Минска, Воронежа, Барнаула, Липецка, Иркутска, Петрозаводска, Ярославля, Тюмени, Кургана, Кемерово. Из-за эпидемиологической ситуации конференция проходила в дистанционном формате, что, однако, не повлияло на активную работу секций и оживленные дискуссии.

По итогам слепого рецензирования было рекомендовано к публикации 132 статьи. Их вы и найдете в представленной книге. Материалы конференции состоят из разделов «Археология и этнография», «История древнего мира», «История средних веков», «Всемирная история в новое и новейшее время», «История искусств и музеология», «История религии и культуры», «История России до XX века», «Новейшая история России». Кроме того, в 2021 г. в рамках конференции был впервые проведен круглый стол на тему «Повседневность как проблема исторического изучения», на котором докладчики представили свой опыт реконструкции повседневной истории Нового времени на основании различных источников (дневники, мемуары, телесериалы). Прошедшие отбор доклады, переработанные авторами в статьи, помещены в отдельном разделе по итогам работы круглого стола.

С момента своего зарождения «Ноябрьские чтения» — это проявление студенческой инициативы. Организационный комитет конференции и редакционная коллегия сборника каждый год пополняется обучающимися бакалавриата и магистратуры разных курсов. Ценность конференции состоит в том, что она стала настоящей школой для студентов-организаторов многих поколений. Для Студенческого совета Истфака (Института истории) СПбГУ «Ноябрьские чтения» за два десятилетия успела стать ещё и доброй традицией: студенты разных лет с успехом передают друг другу дух научного консилиума, а значит преемственность сохраняется.

Конференция «Ноябрьские чтения» в течение нескольких лет привлекает молодых ученых со всей России, подтверждая положение Института истории Санкт-Петербургского университета как центра академической и студенческой науки. Сборники статей призваны укрепить достигнутый статус конференции и привлечь к участию в ней молодых историков, археологов, этнографов, искусствоведов и музеологов. Подготовка к печати материалов научной конференции — сложная задача, однако мы, студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры Института истории, уже приобрели необходимый опыт, готова

к публикации сборники конференции 2019 и 2020 гг.¹ Надеемся, что и последующие конференции завершаться подготовкой и изданием сборников студенческих статей.

Организационный комитет конференции и редакционная коллегия сборника выражают благодарность тем людям, которые любезно согласились стать рецензентами статей для настоящего издания: К. Н. Степановой, И. И. Верняеву, О. В. Кулишовой, А. Д. Пантелееву, М. И. Дмитриевой, А. А. Вовину, Д. А. Сосницкому, Л. В. Сидоренко, Ю. Клею, В. В. Калиновскому, М. С. Назаровой, Я. Е. Беспальчиковой, Т. Н. Жуковской, И. В. Петрову. Благодарим директора Института истории А. Х. Даудова за моральную поддержку в нашем начинании; Профсоюзный комитет студентов и аспирантов СПбГУ за финансовую поддержку настоящего издания; Управление по работе с молодёжью СПбГУ и лично заместителя начальника Управления по направлению «История» В. В. Федорова за помощь в получении финансирования для издания настоящего сборника; Т. Н. Жуковскую и И. В. Петрова — за постоянную готовность откликнуться на возникавшие вопросы и затруднения, помочь и словом, и делом; Т. Е. Сохор — за бесценные консультации и советы по технической стороне издания. Мы благодарим наших уважаемых модераторов секций конференции, чьи советы помогли участникам сделать свои исследования лучше и качественнее. И отдельное спасибо участникам конференции и авторам статей — тем, без кого ни мероприятие, ни настоящее издание не удалось бы — за их терпение и понимание.

Редколлегия

---

¹ Ноябрьские чтения-2019: Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); А. Д. Муратбакиева (зам. отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2021; Ноябрьские чтения-2020: Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2020 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); Д. А. Малюченко; А. Д. Муратбакиева; М. К. Пилосян. СПб.: Скифия-принт, 2021.

I. СТАТЬИ ПО ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ»

Шинкарук Любовь Владимировна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Борисёнок Юрий Аркадьевич, канд. ист. наук, доц.¹

Повседневность польской гимназии во второй половине XIX века

Everyday life of the polish gymnasium in the second half of the XIX century

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни польских гимназий во второй половине XIX века. На материале мемуаров учителей и учеников, а также публицистических очерков лиц, связанных с образовательной политикой в крае, показано, как русификация влияла на хозяйственное обеспечение учебных заведений, уровень преподавания и польско-русские отношения в гимназическом сообществе.

Ключевые слова: русификация; среднее образование; Варшавский учебный округ.

Abstract. The article examines some aspects of the daily life of polish gymnasiums in the second half of the XIX century. Based on the memoirs of teachers and students, as well as publicistic essays of persons associated with educational policy in the region, it is shown how russification affected the economic provision of educational institutions, the level of teaching and polish-russian relations in the gymnasium community.

Key words: Russification; secondary education; Warsaw School District.

После Январского восстания 1863 г. стратегия взаимодействия правительства с Царством Польским (с 1874 г. Привислинский край) претерпела существенные изменения. Началась новая волна русификации, во время которой сфера образования стала одной из ключевых. О том, насколько важную роль играла образовательная политика в «польском вопросе» этого периода, свидетельствуют статистические данные – на среднее образование в крае казна тратила значительно бóльшие суммы, чем в центральных губерниях [12, с. 12], соответственно, и роль властей в этом деле была существеннее: по данным 1880 г. среди всех средних образовательных учреждений Привислинского края доля государственных составляла 80 %, тогда как в остальной европейской части

¹ В дальнейшем при совпадении аффилиации автора статьи и научного руководителя аффилиация последнего опускается.

России — 57 % [3, с. 301]. Новая образовательная ситуация влияла не только на содержание уроков и язык преподавания, но и на повседневную жизнь учеников и преподавателей.

До восстановления Варшавского учебного округа в 1867 г. гимназии финансировались недостаточно: отпускаемых правительством 2000 руб. в год едва хватало на хозяйственные расходы (отопление, освещение, наём прислуги и т. д.), траты сверх этого требовали обращения к вышестоящим лицам, вплоть до императора [9, с. 160], с прошениями, и потому серьезные ремонтные работы практически не велись [10, с. 470]. А между тем, многие школы находились в неудовлетворительном состоянии. Так как за учебное дело несколько столетий отвечали иезуиты и пиаристы, часть гимназий помещалась в бывших костёлах или пожертвованных монахам частных зданиях. Например, в костёлах размещалась Калишская женская, Петроковская и Радомская мужские гимназии. Классы располагались в кельях, плохо освещённых из-за узости окон. Мебель также досталась в наследство от монахов, и к 1860-м гг. она пришла в полную негодность: «скамейки в классах были старые, не только сбитые гвоздями и планками, но в некоторых местах связанные даже верёвками и притом доисторической конструкции» [9, с. 158]. Интересно, что в Радомской гимназии на уроки детей вместо звонка созывал колокол. Массивные каменные здания отапливать было проблематично, через узкие окна поступало мало света, существовали проблемы с вентиляцией.

С 1883 г. учебные заведения стали получать дополнительные средства [10, с. 471]. Одним из крупных финансовых вложений правительства в гимназии стало строительство общежитий. В. Г. Смородинов пишет, что при Радомской гимназии, где он занимал должность директора, был выстроен «обширный, помещавшийся в 46 комнатах, прекрасно обставленный, с электрическим освещением, отдельными зданиями для больниц, фруктовым садом, площадками для игр и проч. интернат для учащихся на 120 душ», открылась столовая и чайная [7, с. 81]. С одной стороны, общежития облегчали жизнь иногородним ученикам, так как съём квартиры обходился семье гимназиста дорого — если плата за обучение в 1860-е гг. составляла 15 руб. в год, то проживание в частной квартире стоило примерно 150 руб. в год [5, с. 133]. С другой стороны, уже в постановлении министерства народного просвещения указывалось, что при создании общежитий правительство руководствовалось и идеологическими целями: учеников стало легче контролировать, внушать им «здоровые понятия» во внеурочное время [4, с. 132].

Изменения наметились и в уровне преподавания. В середине XIX в. в Российской империи было мало заведений, готовящих гимназических учителей, и в большинстве случаев будущие педагоги не имели педагогической подготовки, кроме того, не хватало учебных пособий [3, с. 321], особенно в провинции. Учительское сообщество в

Царстве Польском было очень неоднородным. После Январского восстания в школах царил хаос. Многие учителя разбежались или были уволены в виду политической ненадежности [1], им торопились найти замену и назначали людей, не всегда соответствующих должности. Так, в Варшавском институте благородных девиц один пан получил место учителя математики взамен конфискованного за участие в восстании поместья [1]. В связи с усилением имперского контроля за школами и созданием Варшавского учебного округа у властей появилась возможность строже следить за подбором кадров, чему способствовали регулярные ревизии.

Вскоре гимназии столкнулись с новым вызовом. По уставу 1871 г. Варшавский учебный округ окончательно вошел в имперскую систему, и уставы образовательных учреждений, действовавших на территории центральной России, распространились и на польские земли. Отныне обучение должно было проходить исключительно на русском языке. Ещё до обнародования Устава поляков стали смещать с руководящих должностей (начальников, инспекторов гимназий), теперь последовали увольнения учителей, плохо владевших русским. В связи с кадровым голодом, на места, в первую очередь, набирали людей по критериям лояльности властям и владения русским языком, преподавательские навыки в этой ситуации были вторичны. Несмотря на то, что на протяжении второй половины XIX в. среди преподавателей подавляющее большинство всё же оставалось за поляками [4, с. 143], кадровые меры создавали напряжение между польскими и русскими служащими. Оно усугублялось тем, что учителям из внутренних губерний полагались льготы за службу в крае, они получали более высокую зарплату, чем местные учителя [2, с. 200] — таким образом, правительство стремилось решить проблему нехватки русскоговорящих преподавателей. У русских служащих, как правило, устанавливались более дружеские отношения с начальством школ, так как их сближало происхождение и общий досуг. Таким образом, в гимназиях обозначилась иерархия учителей в зависимости от их национальности.

Но считали ли преподаватели титульной нации, что они находятся в выигрышном положении? К 1863 г. чиновников из внутренних губерний в крае было немного, учителей, особенно в провинции — единицы. Поэтому одиночество — лейтмотив воспоминаний русских преподавателей этой поры. Их не принимали в польских домах, сослуживцы сходились неохотно, относились к русским коллегам с недоверием и даже с опаской: «поляки видели в каждом русском человеке, а особенно в русском чиновнике... крокодила, готового съест их» [8, с. 558].

В 1866 г. Смородинов был одним из двух русских людей в Коннике, не считая расквартированных в городе военных. Некоторые чиновники оказывались и вовсе в бедственном положении. Так, один преподаватель, будучи единственным русским в провинциальном городке, гово-

рил, что «если еще год пробует в Серадзе, то не ручается за свои умственные способности». Чувство одиночества, отчуждения и тоска по родине становились причиной пьянства: не так редки были случаи, когда русских учителей увольняли с работы «за дурное поведение» [13, с. 233].

В связи с русификацией в Царстве Польском росло число русских чиновников, чьи дети пополняли ряды гимназистов, из-за чего росло напряжение в ученическом коллективе. На отношениях одноклассников негативно сказывался фаворитизм. Генерал-губернатор Привислинского края И. В. Гурко, которого нельзя заподозрить в особой симпатии к полякам, писал в отчете за 1890 г., что «фаворитизм, которым пользуются в ней (школе) русские дети... неоспоримый факт, так как от польского ребенка требуется начальством лучшее знание русского языка и его грамматических правил, нежели от русского» [6, с. 212]. Причины возникновения фаворитизма крылись в том, что администрация школы и простые преподаватели предпочитали все узнавать от православных воспитанников, не доверяя польским и полагая, что «к отрицательным сторонам характера польских детей относится как бы врожденное нерасположение их ко всему русскому, отсутствие искренности, склонность к лицемерию и обману лиц учебного персонала, особенно если они русского происхождения...» [11, с. 511]. Также учителю было легче обратиться с вопросом к ребенку, хорошо умевшему изъясняться на языке. Вторая причина заключалась в том, что православные ученики лучше владели русским, отчего у них, как правило, была более хорошая успеваемость, ведь преподавание велось на русском, и они лучше понимали объяснения учителей, а также по той причине, что русский язык, наряду с древними языками и математикой, был основным предметом гимназического курса. Национальные противоречия осложнялись конфессиональными. Все это становилось основанием для частых конфликтов между учениками.

Таким образом, к началу XX в. в преподавании в Привислинском крае можно было наблюдать позитивные изменения: благодаря строгому контролю властей повысился профессионализм учителей, овладение русским языком давало выпускникам гимназий возможности карьерного роста на территории всей империи, в связи с повышением финансирования улучшилось хозяйственное обеспечение учебных заведений. Главная проблема образования во второй половине XIX в. заключалась не в его качестве, а в политизированности, которая влияла на отношения между учителями и учениками, приводила к снижению популярности гимназий в среде польской интеллигенции. Идеологизированность образовательного процесса была тяжела как для поляков-гимназистов, так и для служащих, верных правительственному курсу.

Список литературы

1. Авенариус Н. П. Варшавские воспоминания // Исторический вестник. 1904. № 5. URL: <http://knigiimperii.1bb.ru/viewtopic.php?id=134> (дата обращения: 27.02.21).
2. Вех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX и начале XX века // *Studia slavica et Balcanica Petropilitana*. 2013. № 2. С. 198–215.
3. Гурко В. И. Очерки Привислянъя. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1897. С. 295–332.
4. Лопатина Е. Б. «Русский вопрос» в Привислинском крае в 1880–1890-е годы. М.: Издатель Степаненко, 2018. 260 с.
5. Нигалатий М. Е. Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е – сер. 70-х гг. XIX в.: начальное и среднее образование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 235 с.
6. Очередные вопросы в Царстве Польском. Этюды и исследования / под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. СПб, 1902. С. 209–251.
7. Смородинов В. Г. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта // *Русская старина*. 1912. № 4.
8. Смородинов В. Г. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта // *Русская старина*. 1913. № 6.
9. Смородинов В. Г. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта // *Русская старина*. 1913. № 7.
10. Смородинов В. Г. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта // *Русская старина*. 1913. № 9.
11. Смородинов В. Г. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта // *Русская старина*. 1914. № 10.
12. Толстой Д. А. Речи и статьи Д. А. Толстого. СПб: Тип. В. С. Балашева, 1876. С. 12–15.
13. Шиллер-Валицка И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // *Вопросы образования*. 2014. № 3. С. 223–243.

Ивченко Юлия Олеговна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Рябова Людмила Константиновна, канд. ист. наук, доц.

Восприятие детства и эволюция взаимоотношений детей и родителей в дворянских семьях XIX в. (на материалах детских дневников А. В. Половцова и его дочери К. А. Половцовой)

Perception of childhood and the evolution of the relationship between children and parents in the noble families of the XIX century (based on materials from children's diaries of A. V. Polovtsov and his daughter K. A. Polovtsova)

Аннотация. В статье рассматривается изменение отношения к детям в дворянских семьях на протяжении XIX в. Взаимодействие членов семьи расширяется во всех сферах деятельности, детство осознается как автономное пространство, обособленное от взрослого мира.

Ключевые слова: история семьи; история детства; дневник; детская повседневность; дворянство; XIX век; Российская империя.

Abstract. The article examines the change in attitudes towards children in noble families during the XIX century. Family interaction is expanding in all spheres of activity, childhood is perceived as an autonomous space, isolated from the adult world.

Key words: Family studies; history of childhood; diary; nobility; XIX century; Russian Empire.

В настоящее время все больше исследователей обращаются к истории семьи. Взаимоотношения в семье являются своеобразным индикатором изменений, происходивших в обществе, и характеризуют общественно-социальные процессы, этапы модернизации и демократизации. Для реконструкции семейного взаимодействия в дворянских семьях в статье были использованы неопубликованные детские дневники Анатолия Викторовича Половцова, впоследствии состоявшего на службе Канцелярии Его Императорского Величества, и его дочери Ксении [6–10]. Такие эго-документы, написанные в раннем возрасте, позволяют избежать идеализации детства, присущей воспоминаниям. Во многих дворянских семьях еще с XVIII в. сложилась система занятий родителей с детьми, однако неформальное взаимодействие членов семьи в XIX в. претерпело значительные изменения.

Открытие самооценности периода детства началось с последней трети XVIII в. В XIX в. ребенок предстает уже не как «уменьшенная копия» взрослого, а постепенно становится самостоятельным субъектом деятельности. В иконографии 1820–30-х гг. ребенок часто изображен

отдельно от взрослых. С этого же времени возрастает общность между членами семьи: старшие интересуются занятиями, играми, обучением детей. В периодике стали иначе смотреть на детский возраст, осознавая его специфику, также с 1820–30-х гг. создается специализированная литература и периодика для чтения детьми [2, с. 104], дочь в семье начали воспринимать как «утешение на старости лет» и как «товарища в жизни», что свидетельствует о некой смене модели отношения родителей к дочери (с иерархизированной на партнерскую) [2, с. 174–177].

Затрагивая вопрос о роли материнства, отметим, что для начала XIX в. были характерны достаточно формальные отношения детей с матерью (навестить матушку, поздороваться с ней утром, поцеловать ручку), «мама» была «эпизодическим персонажем». Материнство имело «функциональный и вынужденный характер» и лишь с середины XIX в. оно стало осознанным [2, с. 157, 191]. С пореформенного времени женщины-матери больше интересуются жизнью детей, вмешиваются в воспитание и содействуют развитию ребенка. Также частым явлением стали семейные вечера, так как взрослые находили удовольствие бывать рядом с детьми, и для родителей совместное времяпровождение приобрело большую ценность (безусловно, позитивная динамика прослеживалась на протяжении всего XIX в.) [2, с. 181–182]. Развитие практик семейного досуга привело к концу XIX в. к возросшей привязанности всех членов семьи [9, 10].

По мнению А. В. Беловой, до середины XIX в. образ дворянина-отца не был развит, воспитание считалось больше женским занятием, заботу о детях осуществляли матери [2, с. 183; 4, с. 26]. Необходимо уточнить, что в большинстве случаев уход за детьми поручался няням, все-таки в меньшинстве находились те дворянки, которые самостоятельно занимались уходом. В свою очередь, Кэтрин Пикеринг Антонова продемонстрировала возросшую роль отца в жизни, воспитании и образовании детей во второй четверти XIX в., однако такое участие не было распространено повсеместно. Явление «новых отцов» (неравнодушных к потребностям детей) наиболее активно выразилось в пореформенное время — отцы стали больше интересоваться жизнью детей, расширяя повседневное взаимодействие [2, с. 191].

Устоялось мнение, что до середины XIX в. «у ребенка не спрашивали его мнения относительно того, что будет с ним происходить, не интересовались его желаниями, ощущениями» [2, с. 121], а для девочки первостепенной целью ставился достойный брак [1, с. 334]. С одной стороны, родители занимались обучением детей, старались обеспечить получение образования, которое должно было стать инструментом для дальнейшей успешной карьеры, с другой стороны, старшее поколение не всегда определяло наклонности детей, хотя в некоторых семьях пытались дать разностороннее образование. Родитель в 1830–50-е гг. был как «учитель нравственности» [1, с. 295], а ребенок становился объек-

том этого просвещения. Например, Алексей Чихачев озаглавил свой дневник как «Дневник воспитанника» [1, с. 299], так как отец Алексея «отводил в своей образовательной программе важное место дисциплине и даже физическому наказанию» [1, с. 323], «уделял образованию детей необычно много внимания, держал его под пристальным наблюдением и полностью контролировал» [1, с. 336]. Таким образом, детей и родителей разделяла дистанция. Как Алексей Чихачев, растущий в провинции в 1830–40-е гг., так и столичный мальчик Анатолий Половцов (в дневниках 1850-х гг.) писали «Папилька» и «Маминька» с большой буквы, к родителям обращались на «Вы» [1, с. 289, 300; 6, л. 6]. Анатолий Викторович, будучи ребенком, сделал запись (авторская орфография сохранена), что «Папильку» — «более боимся. Это кажется уже врожденное чувство; редко редко когда мать больше боишься чем отца» [8, л. 22]. Гнев отца мотивировал мальчика рефлексировать и размышлять над своим поведением, которое не заставляло бы отца сердиться: «Хорошенько, прилежно учиться дома и в дороге. И не противоречить» [7, л. 6]. Детей ругали за шалости и могли наказывать за игры [6, л. 10]. А. В. Белова указывала характерные для XVIII – середины XIX вв. запреты: «Особую роль среди воспитательных практик играло ограничение физической активности и подвижности девочек, начиная с тугого пеленания младенцев (“мучительного пеленанья”), и, вплоть до запретов гулять, бегать, прыгать, особенно лазить по деревьям» [2, с. 186].

К концу века дети Анатолия Викторовича звали его «папой» или ласково «милый пулинька» и могли обратиться на «ты», наказаний за «резвость» в семье Половцовых не было, наоборот, даже позволялись детские шалости, которые развивали активность и подвижность [9, 10]. Таким образом, участие родителей в 1830–50-е гг. было в большей степени сосредоточено на обучении, чем на развитии естественных способностей детей. Старшее поколение ответственно относились к образованию, и основными принципами были осуществление надзора, соблюдение строгой дисциплины и ограничение свободы действий в виде запретов. Неформальное взаимодействие распространялось только на досуг (совместное чтение и музицирование). В течение XIX в. наблюдается позитивная динамика отношений между родителями и детьми, особенно со второй половины XIX в.

Анатолий Викторович в конце XIX в. придерживался мнения, что детям нужно предоставить свободу, которая не должна ограничивать детское развитие. Для него было важно установить здоровое мироощущение, понять влечения, желания и наклонности детей, у которых складывался собственный внутренний мир. Подчеркнем, что зачатки такой модели воспитания уже были в XVIII в., а в пореформенное время, интегрировав в систему семейных взаимоотношений, эта модель

была развита и воспринята, в связи с чем к концу века закрепилось иное отношение к детству и методам воспитания.

В конце XIX – начале XX в. было сформировано автономное и обособленное от взрослого мира детское пространство, в котором обозначалась значимость ребенка сама по себе. В конце XIX в. постепенно утверждается то, что наиболее точно подметил И. С. Кон: «Ребенок – это не просто объект воспитания, социализации и иных внешних воздействий, а самосознательный, активный объект жизнедеятельности» [5, с. 62]. Родители старались развивать способности, чтобы дети самореализовались. Хотя не будем отрицать того факта, что до этого времени ребенок был частью эмоционального мира взрослых, поэтому было бы неправильно утверждать об одномоментной смене парадигмы.

Анатолий Викторович представлял отца в «новых идейных» семьях [3, с. 111–112]. Он постоянно занимался с детьми, сопровождал на прогулках, отводил на уроки, выезжал с детьми на выставки, проводил экскурсии, организовывал поездки и в целом досуг детей. Анатолий Викторович принимал деятельное участие в детских играх, таким образом, он представлял компаньона (вид агента воспитания), так как участвовал в совместной с ребенком деятельности на равных правах, совмещал методы систематического обучения и элементы неформальных занятий [5, с. 33; 9, 10].

Роль матери также возросла. Мама, Екатерина Николаевна, стала неотъемлемой частью семейной жизни, она заботилась о детях (особенно во время болезней), *разделяла* ответственность с мужем за воспитание детей (некоторые функции, которые Екатерина Николаевна могла бы поручить прислуге, выполняла самостоятельно, так, например, отвозила детей на занятия) [9, 10]. Также Екатерина Николаевна любила проводить время с семьей. Для нас важна запись, которая подчеркивает привязанность детей и матери: «Мама хотела ехать в театр, но осталась для нас (подчеркивание мое – Ю. И.), и послала билеты Струковым, но те не могли так, что мама и Адель уехали в театр, а я была так уверена, что мама никуда не уедет, что заплакала» [10, л. 65–65 об]. Такие близкие отношения складывались благодаря тому, что дети и родители делились друг с другом своими впечатлениями, вместе путешествовали, часто разговаривали и много смеялись [9, 10].

Таким образом, частная жизнь все больше отделялась от публичной (их взаимопроникновение было типично для XVIII в.). Семья Анатолия Половцова демонстрирует партнерскую модель отношения взрослых к детям, характерную для конца XIX в. Отец и мать принимали равное участие в жизни детей, в приоритете родителей стояли, во-первых, самореализация детей, во-вторых, гармоничное развитие способностей. Безусловно, многое зависело от ценностных и психологических установок родителей, не во всех семьях придерживались такой моде-

ли, однако стоит признать, что взаимоотношения в семьях конца XIX – начала XX вв. демократизировались и укрепляли взаимопонимание.

Список литературы

1. Антонова К. П. Господа Чихачёвы: мир поместного дворянства в николаевской России / [пер. с англ. М. Семиколенных]. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 454 с.

2. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с.

3. Веретенко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX–начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 204 с.

4. Ковалевская С. В. Воспоминания: Повести: К 125-летию со дня рождения. М.: Наука, 1974. 559 с.

5. Кон И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 336 с.

6. ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 44. Половцов Анатолий Викторович. Дневник. 27 сент. – 9 нояб. 1857 г. 15 л.

7. ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 45. Половцов Анатолий Викторович. Дневник. 12 мая – 29 июня 1858 г. 21 л.

8. ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 47. Половцов Анатолий Викторович и Вайе Карл. Гимназический дневник. 1 мая – 14 июня 1862 г. 34 л.

9. РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2037. Детский дневник (альбом) К. А. Половцовой. 265 л.

10. РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2038. Детские дневники (тетради) К. А. Половцовой. 337 л.

Мединская Дарья Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ростовцев Евгений Анатольевич, д-р ист. наук, проф.

**Детство и юность последнего императора (по страницам
дневника цесаревича Николая Александровича)**

**Childhood and youth of the last emperor (based on the pages of the
heir Nicholas Alexandrovich's diary)**

Аннотация. В данной статье рассматриваются детские и юношеские дневники цесаревича Николая Александровича как основной исторический источник для реконструкции процессов воспитания, образования и формирования личности и взглядов будущего императора. Кроме того, объектом исследования является повседневность юного наследника, его основные увлечения, распорядок дня.

Ключевые слова: дневник; цесаревич Николай Александрович; детство; воспитание; образование.

Abstract. This article examines the children's and youth diaries of the heir Nicholas Alexandrovich as the main historical source for the reconstruction of the processes of upbringing, education and formation of the personality and views of the future emperor. In addition, the object of the study is the daily life of the young heir, his main hobbies, daily routine.

Key words: diary; heir Nicholas Alexandrovich; childhood; upbringing; education.

Биография того или иного исторического деятеля невозможна без рассмотрения его детских и юношеских лет. Именно на данном этапе жизни происходит формирование ценностных ориентиров, жизненных взглядов, и, наконец, характера человека. Хотя фигура Николая II является популярным объектом исследования в литературе, этот период жизни будущего императора изучен недостаточно и фрагментарно. Несмотря на то, что он затрагивается в рамках общих исследований, связанных с биографией последнего русского самодержца, в историографии отсутствуют отдельные работы, посвященные детству и юности Николая. Дополнительную актуальность и проблемность заявленной теме придает то обстоятельство, что она относится к жанру микроистории и направлена на изучение структур повседневности юного наследника, что является достаточно востребованной сферой современных научных штудий.

Детские и юношеские дневники Николая II являются одним из основных источников по изучению процессов его воспитания и образования.

Цесаревич Николай Александрович начал писать свой дневник в тринадцать с половиной лет. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в его личном фонде № 601 сохранились 50 памятных книжек и линованных тетрадей. Первая из них датируется 1882 г., ведение дневника начинается с 1 января. Ежедневно с этого момента Николай Александрович заносил туда сведения о своих прогулках, встречах, обедах и т. д. Даже несмотря на тот факт, что детские и юношеские дневники последнего русского самодержца были устроены так, что каждому дню недели соответствовала примерно одна страница, из данного источника мы можем почерпнуть информацию о повседневности будущего императора. Из дневников за 1882–1889 гг. опубликованы лишь отдельные записи за первый год ведения дневника — 1882 г. Опубликованы также вырезки из дневников цесаревича Николая Александровича за 1890–1891 гг.

Дневник наследника демонстрирует его распорядок дня: цесаревич встает рано, около 7–8 часов утра, практически каждый день он начинает с обращения к литературе, а в течение дня занимается с преподавателями. Содержание дневника показывает, что домашнее обучение цесаревича складывалось в лучших традициях российско-европейской педагогики. Для наследника был подобран сильный состав преподавателей (Н. Н. Бекетов, Н. Х. Бунге, К. П. Победоносцев, Е. Е. Замысловский, Ц. А. Кюи и др.), учебе уделялось много времени. Программу цесаревича составил его официальный воспитатель, следуя указаниями и пожеланиям Александра III. Образование наследника цесаревича Николая Александровича было рассчитано на 13 лет. Первые 8 лет этого обучения составляла гимназическая программа, где особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, английского, немецкого и французского языков. Следующие пять лет будущий император обучался по программе, соединявшей курс государственного и экономического отделений юридического факультета университета с курсом Академии Генерального штаба [8, с. 37]. О высоком уровне образования Николая II также свидетельствуют многие современники, в частности, его друг и двоюродный дядя великий князь Александр Михайлович, писавший: «Накануне окончания образования <...> будущий Император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его по знанию английского языка за настоящего англичанина. Точно так же Николай Александрович знал французский и немецкий языки» [2, с. 138].

При анализе дневника мы можем отследить основные увлечения Николая Александровича. Большой акцент делался на активном времяпрепровождении, например, на работах в саду: «...спилили огромное дерево, которое висело; затем развели большой костер и окончили два дерева...» [5, с. 36]. Спорту уделялось особенное внимание, так как Александр III стремился воспитать своих детей закаленными. Помимо

отмеченного выше чтения, в дневнике мы можем увидеть увлечение цесаревича церемониями, военными смотрами, театром, рисованием. В дневнике за 1890–1891 гг., помимо сохранившихся из детства хобби, прослеживается увлечение цесаревича военным делом. Лето 1890 г. отмечено пребыванием на учениях и смотрах, подготовкой к большим маневрам, переездом в лагерь. Осенью 1890 г. в дневнике подробно описана еще одна страсть цесаревича Николая Александровича — охота. В сентябре – начале октября венценосная семья находилась в своей охотничьей резиденции Спале. В сознании XXI в. это увлечение кажется довольно жестоким, но не стоит забывать, что охота была довольно популярным времяпрепровождением высшей аристократии и членов августейшей фамилии. Охотой занималась даже императрица Мария Федоровна. Запись от 11 сентября 1890 г.: «В 7½ Мама поехала на собственную охоту» [4, с. 34].

Исходя из дневниковых записей цесаревича, мы можем опровергнуть существующее в литературе мнение (И. М. Василевский) о том, что в императорской семье царил холодное и равнодушное отношение друг к другу. Например, это доказывает запись от 26 февраля 1882 г. (день рождения Александра III): «... подарил Папа собственные картинки и зверей...» [5, с. 38]. Видно и личное участие родителей в воспитании, так как, исходя из дневниковых записей, они проводили достаточно много времени с цесаревичем: «... ездили кататься с Папа и Мама в семейном шарабане по Петергофу; гуляли с Папа по Знаменской пешком» [5, с. 41]. Дневник позволяет отметить и тесное взаимодействие с братьями и сестрами: «...брат поймал двух огромных щук, и я двух порядочных; из-за дождя мы воротились домой; Ксении прислали сибирские дамы юрту; мы все четверо играли в ней...» [5, с. 43].

В рамках изучения дневника цесаревича Николая Александровича крайне важно обратиться к анализу степени вовлеченности наследника в государственные дела. Из детского дневника мы узнаем об участии цесаревича в некоторых приемах депутатий. В дневнике за 1890–1891 гг. часто появляются и записи о посещениях заседаний Комитета министров или Государственного Совета. Запись от 16 января 1890 г.: «Поехали в штаб округа на сообщение о стратегическом значении нашей Китайской границы» [4, с. 14], или, например, запись от 20 февраля 1890 г.: «В час поехал в Комитет Министров. Спорили по поводу вопроса о нефтепроводе на Кавказе. Затянулось до 4 часов» [4, с. 19]. Однако это может показаться недостаточным. В дневнике мы не видим описания более глубокого и детального погружения наследника, уже достаточно взрослого, в дела государственной важности. Недостаточная вовлеченность наследника в политику подтверждается обращением к другим источникам. Так, младшая сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна писала, что их отец, Александр III, не любил, когда государственные дела мешали делам семейным, из-за чего принци-

пиально практически не посвящал не то, что семью, но даже своего сына-наследника в вопросы политики [7].

23 октября 1890 г. цесаревич отправляется в заграничное путешествие на Восток, завершавшее общее образование наследника. Описание путешествия представляет собой все ту же привычную Николаю Александровичу отчетность. Политической подтекст, определяющий симпатии юного наследника, имеет лишь одна запись: «Несносно быть снова окруженным англичанами» [4, с. 40]. Дневник также не дает материала для подробного анализа случая в Оцу — покушения на жизнь наследника в Японии. Однако точно так же, как и во многих других источниках, в дневнике от 1 мая 1891 г. записано: «Все японское мне так же нравится теперь, как и раньше 29-го, и я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика, их соотечественника» [6]. Эта фраза противоречит мнению некоторых современников (С. Ю. Витте) и исследователей (К. Ф. Шацилло), о том, что покушение в Оцу повлияло на отношение императора к японцам и косвенно стало причиной русско-японской войны 1904–1905 гг.

Одной из проблем, которые стоят перед исследователями, обращающимися к дневникам Николая II, является лапидарный характер записей. Советский и российский историк К. Ф. Шацилло на основании анализа дневников Николая Александровича делает вывод об эмоциональной ограниченности наследника, а затем и императора. Однако в данном случае не стоит забывать, что в детстве ведение дневника было скорее формой отчетности произошедших за день событий. Постепенно подобная форма кратких и сжатых дневниковых записей вошла у Николая Александровича в привычку на всю жизнь. Поэтому, на наш взгляд, отсутствие описания эмоциональных переживаний и глубоких рассуждений на страницах данного источника не является доказательством «эмоциональной тупости» [9, с. 74] Николая Александровича, а лишь показывает, что для наследника престола, а затем для его обладателя, ведение дневника было сухой формальностью.

Тем не менее, на основании анализа детских и юношеских дневников цесаревича Николая Александровича нам удалось реконструировать процессы воспитания и образования будущего императора, условия, в которых происходило формирование его личности. Так, нами был выявлен распорядок дня императора и его основные хобби (чтение, театр, охота, военное дело). В ходе анализа выяснилось, что учебе уделялось достаточно много времени, а родители цесаревича непосредственно участвовали в жизни их ребенка. Также мы можем проследить включение Николая Александровича в дела государственного управления, но, тем не менее, недостаточное для будущего императора, что, на наш взгляд, и стало ключевым недостатком образования цесаревича. В этом контексте наблюдения за структурами повседневности на-

следника позволяют объяснить многие аспекты поведения императора Николая II – личности, определившей ход российской истории.

Список литературы

1. Василевский И. М. Николай II // Николай II: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, аннотир. указатель имен С. Л. Фирсова. СПб.: РХГА, 2019. С. 482–598.
2. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.
3. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. Л.: Гос. изд-во, 1924. 416 с.
4. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Берлин: Слово, 1923. 272 с.
5. Дневник цесаревича Николая // Отечественные архивы. 1995. № 5. С. 33–55.
6. Дневник Цесаревича, письмо Императору Александру III и заключение врачей о покушении в Оцу // Имперский архив. Сайт Андрея Хвалина. URL: <http://archive-khvalin.ru/dnevnik-cesarevicha-pismo-imperatoru-aleksandru-iii-i-zaklyuchenie-vrachej-o-pokushenii-v-ocuu/> (дата обращения: 17.10.2021).
7. Мемуары Великой Княгини Ольги Александровны. URL: <http://lastromanovs.blogspot.com/2014/08/Memuary-Velikoj-Knjagini-Olgi-Aleksandrovny.html> (дата обращения: 15.10.2021).
8. Фирсов С. Л. Николай II: Пленник самодержавия. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017. 526 с.
9. Шацилло К. Ф. Предисловие // Дневники императора Николая II / сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. С. 3–34.

II. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Кондрашова Елизавета Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Бутягин Александр Михайлович, ассист.

**Раскопки и разведки в районе Феодосии в 1924–1925 гг.
(по материалам архива Феодосийского музея древностей)**

**Excavations and exploration in the Feodosiya area in 1924–1925
(based on the materials of the archive of the Feodosiya Museum of
Antiquities)**

Аннотация. В данной статье будет рассмотрена информация о раскопках и разведках в районе Феодосии в 1924–1925 гг., основанная на материалах научного архива Феодосийского музея древностей. Материал мало исследован, и может быть полезен для выявления места расположения городища Феодосия, а также для дальнейшей научной работы над этим вопросом.

Ключевые слова: Феодосия; научный архив Феодосийского музея древностей; археология; 1924–1925 гг.; археологические работы в Феодосии.

Abstract. This article will consider information about excavations and exploration in the Feodosiya area in 1924–1925. Based on the materials of the scientific archive of the Feodosiya Museum of Antiquities. The material is published for the first time, and may be useful for identifying the location of the settlement of Feodosiya, as well as for further scientific work on this issue.

Key words: Feodosiya; scientific archive of the Feodosiya Museum of Antiquities; archeology; 1924–1925; archaeological work in Feodosiya.

Город Феодосия имеет богатую историю исследований. Множество публикаций посвящено античной истории города. Летом 2021 г. автору удалось посетить архив Феодосийского музея древностей и ознакомиться с документами.

Материалы, представленные в крупных трудах, в основном посвящены изучению античного городища. Рассматриваемая в данной статье информация освещает тот период исследований, о которых написано не так много. Приводимые в этой статье документы не удалось обнаружить ни в одном известном крупном труде по истории и археологии Феодосии.

Исследования Феодосии производятся с перерывами с 1851 г. до наших дней. В перечень исследований можно внести работы И. К. Айвазовского, князя А. А. Сибирского, Е. Ф. де Вильнёва перио-

да 1851–1853 гг. при участии некоторых заинтересованных лиц. Также исследования директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко, гидрологические исследования Н. Я. Данилевского и сотрудников Ленинградского университета 1934–1935 гг. Позднее Г. Б. Петерса, И. Б. Зеест, Е. А. Катюшина и др. Обширен список исследователей средневекового периода существования города. Это основные периоды изучения Феодосии, сведения о которых можно получить в опубликованных самими же исследователями статьях.

В архивных материалах за 1924–1941 гг. научного архива Феодосийского музея древностей были обнаружены отчёты разведок и раскопок локального характера, которые представляют интерес, и могут помочь в составлении полной картины изучения города, не только в XIX в., но и в те периоды, о которых известно намного меньше.

В 1924 г. была произведена разведочные работы, или как написано в рукописном отчёте «разведка» на Северо-Восточном берегу Феодосии 20 июля 1924 г. В результате прогулок гимназиста Германа Вениаминовича Гауфлера (1908–1980)¹, состоящего в феодосийском археологическом кружке, было обнаружено захоронение: «на берегу Карантина на откосе видны человеческие кости и каменная кладка». Отчёт, составленный ответственным за разведки при археологическом кружке А. Новосельцевым (информации о котором найти не удалось) был направлен в Феодосийский музей древностей.

Группа разведки состояла из трёх человек: Г. В. Гауфлер, А. Новосельцев и К. Маранда. Все они состояли в археологическом кружке, удалось найти информацию только о Г. В. Гауфлере, два других остаются неизвестными. Заявление было подано Г. В. Гауфлером 19 июля, и на следующий день, в 10 часов утра группа вышла на место. В отчёте значится «План № 1», которого в архивной папке найти не удалось. Но по описанию в тексте отчёта, можно предположить, что эта «разведка» была произведена чуть дальше современного Рабочего городка. Сейчас берег выровнен, частично скрыт работами по устройению общества водномоторного спорта рыболовов — любителей «Прибой», и точного местоположения найти уже невозможно. Вероятно, в результате погодных условий и деятельности человека рельеф начал активно изменяться, и склон подвергся оползневым эрозиям, которые и обнажили упомянутое захоронение.

К какому именно времени принадлежат эти захоронения сказать точно нельзя. Известно, что найдено было два склепа с различным набором костей. В одном, часть кладки которого была упомянута в отчёте А. Новосельцева, в беспорядке обнаружены кости посткраниального скелета и три черепа. Вторая камера, никак не описанная, содержала шесть черепов. Поскольку основу земли горы Тепе-Оба и мыса Ильи представляют глинистые почвы, сложно сказать, что имелось в виду

¹ Позднее, заслуженный педагог музыки в Ханты-Мансийске, и педагог по фортепиано в Ленинградской консерватории. [2, с. 192–184].

под словами А. Новосельцева: «дойдя до глины». Возможно, здесь имеется в виду верхний слой чернозёмной почвы более позднего времени, который они в составе экспедиционной группы из трёх человек сняли, и тогда глина — это дневная поверхность генуэзского или более позднего времени. Лежащие на слое глины, или в самой глине находки представлены двумя бронзовыми пуговицами круглой формы с ушками. Не имея возможности более точно определить, к какому именно времени принадлежат эти пуговицы, по описанной форме и ушку можно предположить, что они могли относиться как к XIX в., так и ко времени скифов или сарматов. На этом работы завершились.

Кроме этого, группой в воде была обнаружена колонна. Хочется отметить, что в документе также есть неточность. Возможно, это произошло из-за сложности в разборе почерка, но А. Новосельцев написал топографическую привязку: «от мыса Бурун до мыса Ильи...». Стоит отметить либо отсутствие данных, либо плохое знакомство с топографическими и филологическими особенностями татарского языка. «Бурун» с крымско-татарского языка переводится как «Мыс». Поэтому, если принять во внимание, что ближайший мыс к мысу Ильи — это Чауда, находящийся в восточном направлении от Феодосии, то А. Новосельцев имеет в виду всю Феодосийскую бухту. Но также, с другой стороны мыса Ильи и горы есть Двужорная бухта, которая в южном направлении ограничивается мысом Киик-Атлама, значит, это может быть и Двужорная бухта. Стоит вспомнить также и о том, что в 1905 г. Л. П. Колли уже проводил подводные работы по извлечению амфор из-под воды и обнаружил основные сваи в районе Карантинной горки, у самой оконечности современного порта, почти под Рабочим городком. Кроме этого в названии отчёта указан северо-восточный берег, поэтому можно сказать, что А. Новосельцев говорит именно о Феодосийской бухте. Им было приложено описание того, что группа нашла под водой. «На глубине 1 аршина¹ обнаружена колонна из серого дикаря (плотный известняк) покрытый морским мхом (водорослями), которая находилась в иле. Имеет 2 ½ аршина длиной и полторы четверти [аршина — Е.К.] шириной. Один угол обтёсан. Колонна с большим трудом была вытащена на берег. Весь берег на этом протяжении т. е. от мыса Бурун до мыса Ильи в воде видим куски свай и плиты из дикаря встречаются куски глиняных амфор и другой посуды более умных находок пока нет».

Про сваи, как уже говорилось ранее, упоминал ещё Л. П. Колли, по указанию на место А. Л. Бертъе-Делагарда. Но про плиты впервые упоминается в приводимом выше документе. Также по наличию фрагментов амфорной тары, как указано в отчёте, упомянутые конструкции можно датировать примерно греческим временем. В отчёте также сказано о продолжении разведок, но других документов, указывающих на это, не обнаружено [3, л. 6, 8].

¹ 1 аршин = 0,71 м.

Второй документ, связанный с археологическими исследованиями в Феодосии, датируется 1 июня 1925 г. Указана именно «археологическая раскопка» по адресу Карантинная улица дом № 28. Хозяин дома при производстве строительных работ на участке вследствие рытья ямы обнаружил глиняные предметы странной формы. В тексте отчёта имеется рисунок, и предположение — глиняная трёхногая подставка под керамику. Под руководством уполномоченного КрымОХРИСа Н. С. Барсамова и археолога Е. Е. Пирлик-Маявской, силами членов археологического кружка была произведена разведка местности. Был заложен шурф площадью 17,07 м² на глубину 3,46 м. На глубине 0,71 м в земле попадаются треугольной формы подставки под керамику, кости животных, фрагменты черепицы. 2 слой, на глубине 1,45 м «с восточной стороны почва — глина, в середине глина окрашена в ярко-красный цвет, на севере — зола. Из находок попадались куски пережжённой глины красного цвета, черепки посуды с разноцветной поливой, геометрическим орнаментом, очень много упомянутых подставок, особенно в южной части. После очистки земли представилась такая картина: на востоке — обыкновенная серая глина, а в центре ярко-красный круг диаметром 17,7 м, толщиной 0,22 м». Раскоп опускался вниз вокруг этого круга, и глубина всего шурфа составила 9,96 м, высота красной пережжённой глины 0,71 м. При разборке пережжённой глины обнаружены черепки с поливой и орнаментом, глина с натёками поливы, треугольные подставки, некоторые с натёками поливы, дно сосудов и несколько разбитых форм. К одному из почти целых сосудов с внешней стороны пристала треугольная подставка после обжига. Именно на основании этого было решено, что треугольные глиняные изделия являются подставками под керамику для обжига. Почва полностью перемешана. После окончательной зачистки оказалось, что всё дно выложено кирпичом. Из этого последовал вывод, что это была татарская печь для обжига посуды [3, л. 27–28].

В отчёте присутствуют рисунки наиболее сохранившихся сосудов. Представлены они без масштаба и без описания. По форме один из них напоминает античный канфар. Два других сосуда аналогий в посуде крымских татар и караимов не имеют. Но они напоминают некоторые формы византийских сосудов — кубок и пиалу или чашу по М. Г. Крамаровскому [1, с. 240]. Не исключено, что один из сосудов по форме напоминает керамическую чашку без ручки или с ручкой, отбитой впоследствии. С учётом мощности снятого слоя и упоминанием о его перемешивании, вероятно, фрагменты сосудов из нижележащих слоёв могли переместиться выше и смешаться с фрагментами сосудов более позднего времени.

Представленный выше материал показывает, что, несмотря на сложности в работе музеев и других учреждений, в переломные годы для всей страны, археологи и заинтересованные люди продолжали

свою работу, и делали важные открытия. Поскольку предметы не могли увозиться в крупные научные центры, такие как Санкт-Петербург и Симферополь, они поступали в коллекции краеведческих музеев.

Пласт материала обширен, и его необходимо изучить более подробно, для обнаружения новых данных. Наличие вероятно античного материала в слое, на территории городской застройки, может быть подтверждением теории о месте расположения античного городища, а также городов более позднего и более раннего времени¹.

Список литературы

1. Крамаровский М. Г. Византийская и сельджукская керамика сграффито с темой вина и веселья кон. XII–первой пол. XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 31. С. 234–250.

2. Лосев Д. А. Записи, удержавшие время. О Германе Гауфлере и его дневнике // Крымский альбом 1999. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах (выпуск 4) / сост. Д. А. Лосева. Феодосия: Издательский дом Коктебель, 2000. 336 с.

3. Научный архив Феодосийского музея древностей (НА ФМД) 1924–1941 АД 166 НА 289 – 292, 63 л.

---

¹ Благодарю за помощь в ознакомлении с материалом заместителя директора по научной работе и развитию Феодосийского музея древностей Кокина Юрия Владимировича.

Петровичева Таисия Олеговна

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)

Научный руководитель:

Суханов Евгений Владимирович, канд. ист. наук.

Институт Археологии РАН, отдел теории и методики

К вопросу об интерпретации погребений с «посмертной женой» у донских алан

To the question of the interpretation of burials with a «postmortem wife» in the Don Alans

Аннотация. В статье дано обоснование существования обряда, рассмотрена преемственность между обрядом самоубийства жены на похоронах мужа у скифов через алан к обрезанию косы у осетинских вдов. На материалах Дмитриевского могильника проанализированы археологические признаки обряда: угольная подсыпка, одновременность погребения и половозрастной состав.

Ключевые слова: аланы; салтово-маяцкая культура; осетины; погребально-поминальная обрядность; донские аланы; Хазарский Каганат.

Abstract. The article substantiates the existence of the rite, examines the continuity between the rite of suicide of the wife at the funeral of her husband among the Scythians through Alan to the circumcision of the scythe among Ossetian widows. Based on the materials of the Dmitrievsky burial ground, the archaeological signs of the rite are analyzed: coal filling, one-time burial and sex and age composition.

Key words: Alans; Saltovo-Mayaki culture; Ossetians; funeral and memorial rites; Don Alans; Khazar Khaganate.

В середине VIII в. три аланских племени мигрировали с Северного Кавказа на территорию междуречья Дона и Северского Донца [2, с. 60]. Аланы принесли в этот регион катакомбный обряд погребения и стали одним из этносов, участвовавших в формировании салтово-маяцкой культуры (далее — СМК).

Погребения с «посмертной женой» (далее — ППЖ) широко распространены на памятниках с катакомбными погребениями СМК. Они обнаружены, например, на Верхнесалтовском и Дмитровском могильниках, где составляют около 25 % от всех погребений [9, с. 89], Старосалтовском могильнике [1, с. 138], на Маяцком селище [9, с. 90] и поселении [5, с. 34, 138]. Признаки, присущие обряду, выделила С. А. Плетнева:

1. Одновременность погребения мужчины и женщины;
2. Возраст умершего мужчины 20–35 лет (в могилах мужчин более молодой категории «посмертных жен» не обнаружено, а мужчинам старше полагались жены с детьми);

3. Угольная подсыпка под погребенными [9, с. 79, 84].

По мнению ученой, убитые женщины являлись рабынями, поскольку имели статус равный сопровождающему инвентарю. Ей же была предпринята последняя попытка интерпретация обряда, когда было неизвестно, что культура алан восходит к ираноязычным скифо-сарматским кочевникам и в дальнейшем стала одним из компонентов этногенеза осетин. Учитывая это, представляется возможным провести новые аналогии.

Опираясь на опыт В. С. Флерова, изучавшего обряд обезвреживания покойников — другой погребальный обычай СМК [12, с. 7], мной был выбран метод ретроспекции. Как отметил исследователь, путь «от известного к неизвестному» оптимален для обрядов, появление которых произошло в далеком прошлом. Многие исследователи отмечали архаичность осетинских обрядов, наличие пережитков аланской и даже скифско-сарматской эпох [13, с. 25; 4, с. 59; и др.]. Как отметил А. А. Цуциев «корректное использование заимствований из осетинской культуры открывает перспективы для реконструкции идеологических воззрений сармат» [13, с. 27]. Думаю, это вполне справедливо и для изучения аланской погребальной обрядности.

Обратимся к истории изучения обряда. В первой половине прошлого века В. А. Бабенко — первый исследователь Верхнесалтовского могильника отметил, что есть ряд катакомб с единовременным погребением мужчин и женщин [9, с. 82]. А. Захаров интерпретировал обряд как жертвоприношение женщины во время похорон мужчины [9, с. 82]. Н. Я. Мерперт и ряд других исследователей не поддержали эту версию [9, с. 82]. С. А. Плетнева провела несколько этнографических параллелей к связанным с огнем и браком обрядам тюркских народов (монголы и татары) [9, с. 79, 84]. Она дала название обряду, интерпретировав его как посмертный брак, скрепленный силой огня (угольная подсыпка). Последующие исследователи приняли концепцию С. А. Плетневой, не внося своих корректив [3; 5, с. 138].

Начнем с обоснования существования ППЖ на примере погребений Дмитровского могильника. Всего на могильнике из 152 катакомб известно 20 парных и 16 групповых (М+Ж+ребенок), в восьми и десяти случаях соответственно зафиксирована угольная подсыпка [10, с. 202, 215]. Так же присутствует ряд многоактных семейных катакомб (3 и более человека) с парами М+Ж и подсыпкой. Стоит отметить, что угольная подсыпка присутствует и в других погребениях, таких как Ж+Р, Ж+Ж и т. д., всего в 51, 5 % погребений.

В настоящее время известно, что дромосы катакомб засыпали не сразу, а заполняли по мере ухода из жизни одного поколения [3]. Так, в двух из восьми парных катакомб Дмитровского могильника (№ 172 и 165) с ППЖ отмечены перемешанные скелеты, что, вероятно, свидетельствует о разновременности погребений (отодвигали внутрь).

Однако среди 37 одиночных катакомб Дмитровского могильника нет обряда перемешивания костей. Как минимум пять катакомб содержат жертвы коня в дромосе, которые, как известно, совершали во время похорон (хотя, в катакомбе ямы 18 Маяцкого селища присутствует как перемещение костей, так и жертвенный конь [5, с. 46]). Так что нельзя исключать, что часть катакомб являются одноактными. Учитывая существование в СМК большого количества постпогребальных обрядов, обряд могил отправлять и спустя некоторое время.

Предыдущие исследователи считали вопрос о одновременности погребений краеугольным для обоснования факта существования обряда, но, разница в обращении с телом – не менее важный аспект. В дромосах трех катакомб Дмитровского могильника обнаружены человеческие жертвы: девочка в к. 169, ребенок 3–5 лет в к. 164 и женщина с конем в кенотафе. Погребальная камера не содержала костяка, женщина была небрежно сброшена в дромос, при засыпке кенотафа. К такому выводу приводит неестественная поза женщины. Положение в дромосе, где обычно располагается заупокойная пища и жертвенные животные, наделяет этих людей пониженным социальным статусом и позволяет интерпретировать как жертвоприношение.

В осетинском погребально-поминальном цикле, как и у многих индоиранских народов [4, с. 59], можно обнаружить множество обрядов, связанных с огнем. Почитание огня аланами подтверждают письменные источники [11, с. 59].

Предназначенные для усопшего вещи проходили у осетин обряд посвящения огнем «посвящение и дом вечной жизни» (предметов касались пламенем) [4, с. 21, 27]. Еще в XX в. исполняли обряд поджигания пороха на груди у покойного [4, с. 61], в котором возжигание исполняло очистительную функцию. У иранских народов Памира, известен обряд розжига костра в погребальной яме [4, с. 60]. Подобные обряды были призваны обезопасить усопшего и его живых родственников от злых духов. В течение трех дней после погребения осетины жгли костер над могилой (обряд «доля огня покойника»). Так люди «согревали» души своих предков, оставшихся без огня в мире мертвых [4, с. 63].

Угольная подсыпка в погребениях характерна для Северного Кавказа начиная с сарматского времени и является устойчивым признаком аланских погребений. Она обнаружена в 71, 5 % катакомб Змейского могильника [8, с. 24]. По одной из версий использование подсыпки связано с праиндоиранскими воззрениями зороастрийского круга о необходимости изолировать «нечистого» покойника от стихии земли и очистительной силы огня [8, с. 17].

На похоронах вдова отрезала косу и оставляла ее покойному мужу, при этом произносили традиционный приговор: «Пусть будет с тобой жена твоя, живите дружно и на том свете» [6, с. 133]. Этот осетинский обряд является отголоском жертвоприношения жены или налож-

ницы на похоронах мужа [6, с. 133], широко известный среди арийских народов. Например, у германцев и славян [7, с. 48]. Обычно женщины добровольно соглашались на самоубийство, стремясь продемонстрировать свою преданность или желая получить общественное одобрение. В ходе естественной эволюции этот ритуал прошел несколько ступеней: праритуал — самоубийство не до конца отделено от жертвоприношения, ритуал — жертва становится обязательной, и, наконец, профанация — имитация, когда исчезало содержание ритуала [7, с. 48]. Обряды скифского и аланского периодов можно отнести ко второй ступени, осетинского — к третьей.

Подведем итоги. По отдельности археологические признаки: угольная подсыпка, парность погребений являются общепринятыми на данных памятниках, но в комплексе они становятся отличительными признаками ППЖ. Подсыпка могла выполнять защитно-очистительную функцию. Существуют факты, свидетельствующие о возможности засыпки катакомб сразу. Обнаружение человеческих жертвоприношений в дромосах подтверждает возможность наличия таких жертв и в катакомбах. Преемственность между обрядом самоубийства жены на похоронах мужа у скифов и обрезанием косы у осетинских вдов предполагает существование промежуточного звена у алан. Убитые женщины могли быть не только рабынями, но и добровольно покончившими с собой женами.

Список литературы

1. Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. Киев: Есе, 1999. Вып. № 2. С. 137–149.
2. Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Коробов Д. С., Решетова И. К. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. Вып. 237. М., 2015. С. 64–79.
3. Афанасьев Г. Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-асо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
4. Битиев Б. А. Культ огня в погребальных обрядах иранских народов // *Вестник Национального музея РСО-А*. Вып. №1. Владикавказ: Веста, 2020. С. 59–64.
5. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 193 с.
6. Ковтун Г. С. Истоки и священный смысл ритуала сати: социологическая интерпретация // *Вестник ДВО РАН*. Вып. № 2. Владивосток: ПСП95, 2008. С. 43–54.
7. Кузнецов В. А. Змейские аланы. Погребальный обряд и религия. Владикавказ: Изд.-полигр. предпр. Им. В. А. Гассиева, 2019. 97 с.
8. Нальчикова Е. А., Текуева М. А., Мусукаев А. И., Кагазев Б. С. Борода и волосы как культурные маркеры в традициях кавказских народов // *Вестн. Адыг. гос. ун-та*. № 4 (209). СПб: Лань, 2017. С. 127–137.

9. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

10. Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА № 142. М.: ИА РАН, 1967. 200 с.

11. Туаллагов А. А. О дохристианской религии алан // Известия СО-ИГСИ. Вып. 35 (74). Владикавказ: Владикавказский науч. центр РАН, 2020. С. 20–34.

12. Флёров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребённых // Труды Клин-Ярской экспедиции. Т. I. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

13. Цуциев А. А. Некоторые параллели в поминально-погребальной обрядности североиранских народов (от скифов до осетин) // Известия СО-ИГСИ. № 21 (60). Владикавказ: Владикавказский науч. центр РАН, 2016. С. 24–31.

**Птицы с личиной на груди с поселенческих памятников
Приуралья и Западной Сибири**

**Birds with a face on its chest from the settlement sites of the Urals
and Western Siberia**

Аннотация. Данная статья представляет собой собрание сведений о находках орнитоморфных изображений на поселенческих памятниках Европейского северо-востока и Сургутского Приобья.

Ключевые слова: культовое литье; птица с личиной на груди; Европейский северо-восток; городище.

Abstract. This article is a collection of information about the finds of ornithomorphic images at the settlement sites of the European North-East and the Surgut Ob region.

Key words: cult metal casting; bird with a face on its chest; European North-East; settlement.

«Обнаружение культовых поделок на городищах
и поселениях — довольно редкое явление».

Яковлев Я. А.

Урало-сибирское культовое литье — это плоское металлическое литье в односторонней форме, основными сюжетами которого являются единичные или многофигурные композиции с людьми, животными или птицами. Композиции чаще всего стилизованы и изображают фантастических существ [13, с. 88–89]. Примером этому служит образ птицы с личиной на груди, который встречается в предметах пермского, печорского и западносибирского стилей. Изображения птицы с личиной на груди широко распространены на территории Северной Евразии; находки подобных изображений в святилищах и погребениях с богатым инвентарем позволяют предположить их статусный характер.

Территориальные рамки исследования охватывают Верхнее Прикамье (Пермское Предуралье), Северное Приуралье (Европейский Северо-восток), Сургутское Приобье. Хронологические рамки охватывают период с VII в. до н. э. по XII в. н. э. Нижняя граница — VII в. до н. э. — дата, приписываемая орнитоморфной фигуре с человеческой головой, найденной на Пижемском городище. XII в. н. э. датируются самые поздние изделия, относящиеся к родановской культуре Верхнего Прикамья (XI–XV вв. н. э.) и чепецкой культуре Северной Удмуртии (кон. IX–XIII вв. н. э.). Было рассмотрено 144 орнитоантропоморфных изображения. Из них всего 13 экземпляров происходят с поселенческих памятников, поэтому видится необходимым собрать информа-

цию о контексте данных находок. Несмотря на более чем столетнюю историю изучения предметов культовой пластики работы, посвященные контексту находок, практически отсутствуют, что делает данную статью актуальной для будущих исследователей. Памятники будут рассматриваться по территориальному признаку.

Под поселенческим памятником традиционно понимаются остатки продолжительной жизни людей на одной месте. По устройству их можно разделить на неукрепленные и укрепленные. К первым относятся стоянки и селища; к укрепленным — городища [10].

На городище Барсов городок I/20 (VI–IV вв. до н. э.) в 7 км от Сургута было обнаружено два орнитоморфных изделия [8, с. 6]. В 1986 г. экспедицией Г. В. Бельтиковой в ходе раскопок жилища № 2 было найдено погребение кулайской культуры, а у входа в жилище, в небольшой ямке — украшения костюма. Из клада происходит фигурка совы с процарапанными на теле личинами (Рис.1:1). По предположению Г. В. Бельтиковой, жилище и погребение принадлежали шаману, а клад с украшениями являлись частью могильного инвентаря [2]. Во II–III вв. н. э. кулайское городище уже было разрушено, и на его руинах были оставлены клад и погребение. Примерно в это же время на месте северо-западного входа в жилище лицевой стороной вниз была уложена орнитоморфная подвеска [8, с. 12] (Рис. 1:2). Почти полная копия данной фигурки была найдена в Барсовском III могильнике в богатом погребении 6-летнего мальчика [3, с. 108, 111].

Обратимся к материалам Европейского Северо-востока (далее — ЕСВ). Самые ранние предметы бронзовой пластики на данной территории были обнаружены на поселении Борганьель I–II и датированы ананьинским временем — VIII–VI вв. до н. э. [1, с. 7–8]. В последующий, гledenовский период (II в. до н. э.–V в. н. э.), появляются укрепленные поселения: Пожегдин II, Угдым III, Мылва и Вис I.

Поселение Пожегдин II находится на левом берегу реки Вычегды, на мысу второй надпойменной террасы. В 1989 г. внутри сооружения № 1 был найден очаг овальной в плане формы. В пределах сооружения найдены фрагменты керамики, костяного наконечника стрелы, бронзовая бусина и железный нож [5, с. 6]. В очаге и непосредственной близости от него были обнаружены культовые бронзовые предметы: фигурки хищных зверьков, изображение всадника на лосе, птица с личиной на груди. Последняя по аналогии с прикамскими материалами датируется II–IV вв. н. э. (Рис. 1:3). Концентрация такого количества бронзовых предметов может свидетельствовать о культовом назначении сооружения [5, с. 6]. На поселении Мылва также в очаге было найдено бронзовое литое изображение птицы с распростертыми крыльями и петельками для подвешивания [12, с. 83] (Рис. 1:5).

Поселение Угдым III на средней Вычегде было открыто в 1986 г. Работы проводились в 1986, 1988, 1991–93 и 1995 гг. За время раскопок

было выявлено 14 кострищ, в которых или рядом с которыми располагались находки. Имеются находки, свидетельствующие о местном металлургическом производстве: льячки, тигли, шлаки, литейные формы. В том числе близ кострищ найдены культовые бронзовые предметы, датированные III–V вв. н. э. [9] (Рис. 1:4).

На многослойном поселении Вис I было обнаружено скопление (4 шт.) бронзовых предметов звериного стиля, один из которых – орнитоморфное изображение (Рис. 1:6). Вещи найдены на островке в северной части раскопа I, на глубине 0,05–0,3 м от поверхности. Расстояние между самыми отдаленными находками достигало 7 метров [4, с. 147]. Из-за близкого расположения и общей стилистики изображений найденные предметы можно считать единым комплексом. По мнению Г. М. Бурова, бронзовые фигурки могли использоваться в ритуалах или быть частью распаханного клада [4, с. 149]. Кроме того, на поселении были обнаружены бронзолитейные тигли, что свидетельствует о местном производстве [4, с. 151].

Обратимся к фигуре птицы с головой человека, найденной на Пижемском городище в современной Кировской области (Рис. 1:7). А. В. Збруева упоминала эту находку, как «бронзовое изображение птицы с двумя человеческими головами» [7, с. 287]. А. В. Шмидт сравнивал ее с мотивом сирены, заимствованным из эллинского искусства, и полагал, что сама фигура является греческим импортом, а личина добавлена местным мастером [15, с. 151]. Находка данной фигурки позволила В. А. Оборину датировать появление образа птицы с личиной на груди VII в. до н. э.

На территории Пермского Предуралья в ломоватовский период (V–IX вв. н. э.) распространены городища и селища, которые по находкам бронзолитейных инструментов могут быть отнесены к металлургическим центрам; например, Рождественское городище, селища Запоселье и Володин камень. На поселениях и вблизи них обильно встречаются находки предметов культовой металлопластики [16, с. 51]. Городище Гарамиха в Верхнем Прикамье (V–VIII вв. н. э.) относится к агафоновской стадии ломоватовской культуры (V–IX вв. н. э.). Среди находок встречены стеклянные бусы, импортные янтарные бусы, бронзовые пронизки, обломок ювелирных щипчиков, антропоморфные металлические бляхи и изображение птицы с личиной на груди [6, с. 76]. Птицевидная фигура выполнена в двухчастной литейной форме, о чем свидетельствует вертикальное отверстие для крепления на внутренней стороне (Рис. 1:8). А. А. Спицын упоминал её как «редкое по грубости изображение. Коллекция гр. Строгановых» [13, с. 39].

В материалах чепецкой культуры (IX–XV вв. н. э.) Северной Удмуртии также известны птицевидные находки. В 2012 г. в средней части Кушманского городища (Учкакар), расположенного на правом берегу р. Чепцы, была обнаружена орнитоморфная подвеска из рога. В этой

части городища находки датируются в диапазоне X–XIII вв. [11, с. 133]. Голова подвески плоская, без выраженных деталей, крылья полуопущены, присутствуют отверстия для подвешивания, тело плавно переходит в широкий хвост (Рис. 1:9). В слое также найдены многочисленные косяные копоушки с тонким резным орнаментом, гребни, ложки.

В рассмотренных нами памятниках орнитоморфные изображения часто обнаруживаются вблизи очага. Скопление нескольких бронзовых предметов может указывать на культовый характер помещения, где они были найдены. Г. М. Буров связывал наличие культовых изображений на территории Европейского северо-востока с тем, что данный регион был перевалочным пунктом между Верхним Прикамьем и Западной Сибирью, и металлические подвески частично оседали там или специально привозились для религиозных целей [4, с. 188].

Без более точного контекста находки на городищах также можно считать вотивами или случайно потерянными амулетами. В случае с находкой из клада на городище Барсов городок I/20 есть свидетельства, что в Западной Сибири заброшенные поселения использовались как культовые места, отчего в историографии принято название «городища-святилища» [17, с. 11]. Тем не менее, находку мы рассматриваем именно как материал поселенческого памятника. Захоронение фигурки птицы лицевой стороной вниз в погребении шамана отсылает к погребениям по обряду кремации, где останки были собраны в чашу, а перед ней «спиной» вертикально поставлена орнитоморфная фигура. Возможно, орнитоморфное изображение, положенное лицевой стороной вниз, защищало погребение шамана от непрошенных гостей.

Список литературы

1. Ашихмина Л. И. Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железного века. Сыктывкар: б. и., 1992. 32 с.
2. Бельтикова Г. В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов Городок I/20 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 24–27.
3. Буров Г. М. Вычегодский край: очерки древней истории. М.: «Наука», 1965. 195 с.
4. Васкул И. О. Исследования памятников эпохи железа на территории Коми АССР и Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 5–8.
5. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.
6. Збруева А. В. Пижемское городище // Известия ГАИМК. Вып. 106. М.: ОГИЗ, 1935. С. 265–297.

7. Клад Кулайской культуры на Барсовой горе: каталог (из Собрания Сургутского краеведческого музея) / А. Б. Агаркова, В. А. Борзунов, А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: издательская группа «Караван», 2016. 128 с.

8. Королев К. С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде (эпоха железа). Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2002. 112 с.

9. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 1989.

10. Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уч-какар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа / И. В. Журбин (отв. ред.). М.: ТАУС, 2018. 248 с.

11. Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: «Наука», 1992. 182 с.

12. Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 29–145.

13. Чижова Л. В. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья) // СА. 1982. № 3. С. 81–96.

14. Шмидт А. В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. 1927. Вып. 6. С. 125–164.

15. Ювелирное дело на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья / А. В. Вострокнутов, Н. Б. Крыласова, Ю. А. Подосёнова, И. А. Юрков. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2013.

16. Яковлев Я. А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья / ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 9–31.

Приложения

Рис. 1. Орнитоморфные изображения, найденные на поселенческих памятниках.

1 — клад с городища Барсов городок I/20; 2 — погребение с городища Барсов городок I/20 (По: Клад Кулайской культуры, 2016); 3 — Пожегдин II (НМРК, колл. №10244/4); 4 — Угдым III (МА ЕСВ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, колл. № 1148/916, 917); 5 — Мылва (По: Мурыгин, 1992. С.80. Рис.34:3); 6 — Вис I (МА ЕСВ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, колл. №69/100); 7 — Пижемское городище (По: Шмидт, 1927. С. 165. Табл. I. Рис. 1); 8 — городище Гарамиха (ГЭ № 563/63); 9 — Кушманское городище (По: Межд. исслед. Кушман. гор., 2018. С. 133).

Конюхов Николай Александрович

Мирошник Даниил Павлович

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Научный руководитель:

*Белицкая Анастасия Леонидовна, мл. науч. сотр. отдела археологии Института
языка, литературы и истории Коми НЦ УрО ФИЦ РАН*

Археологическая карта ванвиздинской культуры

Archaeological map of the vanvzdina culture

Аннотация. Данная статья посвящена анализу археологической карты ванвиздинской культуры позднего железного века на северо-востоке европейской части России. В рамках представленного исследования был проведен анализ топографии ванвиздинских памятников, распределение их по группам.

Ключевые слова: ванвиздинская археологическая культура; археология европейского северо-востока; археологическая карта.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the archaeological map of the Vanvzdino culture of the late Iron Age in the European Northeast, within the framework of this study, the topography of the Vanvzdino sites was analyzed, by their distribution into groups.

Key words: vanvzdina archaeological culture; archeology of the European Northeast; archaeological map.

Ванвиздинская культура была распространена на территории европейского северо-востока (далее в тексте — ЕСВ) во второй половине I тыс. н. э. Археологические древности, относящиеся к этой культуре, были обнаружены на берегах таких рек, как Вычегда, Мезень и Вашка. Помимо этого, на территории Припечорья были найдены следы пребывания ванвиздинских племён в долинах таких рек, как Печора, Нерица, Ухта и Ижма. Эта культура относится к периоду позднего железного века. Её хронологические рамки V–X вв. н. э.

Ванвиздинская культура изучается уже более 100 лет, за это время археологами было открыто 137 памятников (рис. 1). Безусловно, и ранее также предпринимались попытки создания археологической карты, однако при этом не было сделано ни одного исследования, посвящённого картографированию всех объектов ванвиздинской культуры. Стоит отметить, что картографирование — это одна из первостепенных задач археологического исследования. Целью данной работы является создание полной археологической карты ванвиздинской культуры.

Представленная карта является анализом работы археологов за 100 лет исследования и изучения памятников ванвиздинской культуры. При создании карты мы обратили внимание на дискуссионные вопросы, касающиеся археологии европейского северо-востока второй

половины I тыс. н. э., а именно: генезис ванвиздинской культуры, специфика адаптационных возможностей населения ЕСВ и особенности его расселения, а также его этнокультурные связи с другими культурами.

При анализе археологической карты можно выделить несколько локальных групп ванвиздинских памятников, распространённых в бассейнах трёх рек: Печоры, Вычегды и Мезени.

Наиболее распространены ванвиздинские памятники в Повыхегодье, всего их насчитывается 81 (59,12 %). Из них пять курганных и два грунтовых могильника, 15 случайных находок, 12 стоянок и 39 поселений [2, с. 102]. 74 ванвиздинских объекта бассейна реки Вычегды расположены на I надпойменной боровой террасе, 4 — в пойме. Выделяются поселения Усть-Кулом I, Усть-Кулом II, Усть-Кулом III, которые расположены на равнине, но при этом также в отдалении от крупной реки.

Что касается вопроса датировки, то ванвиздинские памятники на Вычегде представляют все четыре этапа этой культуры, выделенных Г. М. Буровым [3, с. 431]. К раннему (висскому) этапу относятся 14 памятников, которые датируются V–VI вв. н. э. К среднему (кузьвомынскому) этапу относится 6 памятников, они датируются VI–VII вв. н. э., 12 памятников датируются VII–VIII вв. н. э. и принадлежат к позднему (тохтинскому) этапу. Финальный (лозымский) этап представлен 5 памятниками на территории Вычегды, они датируются IX–X вв. н. э. [1, с. 132].

В бассейне реки Мезени расположено 23 памятника (16,5 %). Все они находятся на I надпойменной песчаной боровой террасе. При этом 22 памятника расположены в долинах рек, а поселение Чойновты V вблизи одноимённого озера. Присутствуют два типа памятников: поселения и местонахождения. Самым многочисленным типом памятников на Мезени являются поселения. Всего в бассейне Мезени насчитывается 17 поселений и 6 местонахождений.

Что касается вопроса датировки, то для Мезени А. М. Мурыгиным разработана своя хронология. Он выделяет два этапа ванвиздинской культуры: ранний, который подразделяется на стадию А (ошочойскую) и стадию Б (кужимскую), и поздний этап (усогорский). К раннему периоду стадии А относится поселение Ошочой 14/12 и датируется V–VI вв. н. э. Стадия Б этого же периода представлена 14 памятниками, из которых 8 поселений и 6 местонахождений. Данная группа памятников датируется VI–VII вв. н. э. Наиболее поздними являются комплексы поселений Чойновты V, Усогорск III/Б и Усогорск III/В, они относятся к усогорскому этапу, который датируется VII–VIII вв. н. э. [12, с. 78]. Особенностью ванвиздинских памятников на Мезени является отсутствие археологических объектов, относящихся к финальному этапу ванвиздинской культуры, которые датируются IX–X вв. н. э.

К печорскому комплексу относятся 33 (24,38 %) ванвиздинских памятника из которых 20 поселений, 5 стоянок, 2 святилища в пещерах, 2 местонахождения, 1 клад и 1 могильник. Для печорского ареала наиболее характерно то, что на многих памятниках были найдены комплексы ванвиздинской культуры вместе с комплексами бичевницкого культурного типа. Основная масса ванвиздинских памятников расположена также на I боровой надпойменной террасе, их число равно 28, и 5 памятников расположены в пойме. Из 33 памятников в Припечорье датированы только 7. Из этого количества одно поселение и две пещеры датируются второй половиной I тыс. н.э. Четыре поселения относятся к V–VI вв. н. э. [10, с. 90]. Два памятника датируются VII–VIII вв. н. э.

Общностью мезенского, печорского и вычегодского комплексов ванвиздинской культуры является то, что основной тип памятников — это поселение. Оно составляет 75 (54,7 %) от общего числа памятников, второй по численности тип памятников — это местонахождения, они составляют 21 (15,3 %). Третьим по численности типом являются стоянки, которые составляют 17 (12,5 %) от общего числа. Могильники занимают 11 (8 %), случайные находки — 8 (5,8%), клады — 3 (2,2 %) и святилища — 2 (1,5 %).

Рассмотренный в этой статье материал, касающийся ванвиздинской археологической культуры, позволяет сделать важные выводы. Стоит отметить, что ареал распространения ванвиздинских памятников достаточно обширен, но при этом прослеживаются общие черты, например, практически все памятники расположены в долинах рек. Этот факт можно объяснить тем, что реки на тот момент служили транспортными магистралями, благодаря которым происходил товарообмен и продвижение населения, помимо этого водоёмы играли важную роль в ванивиздинском хозяйстве, одним из ключевых отраслей которого было рыболовство. Фактически бассейн реки Вычегды является ядром ванвиздинской культуры, так как в бассейне реки достаточно много разнообразных памятников, и это даже несмотря на то, что в бассейнах Печоры и Мезени проводились разведочные работы и раскопки, причём неоднократно. Более того, количество курганных могильников на Вычегде больше, чем где-либо. Преобладающим типом памятников являются поселения. Данная особенность связана со спецификой образа жизни ванвиздинского населения: поселения в основном имели временный характер, обусловленный сезонностью обитания и постоянным продвижением населения по рекам.

Святилища встречались только в Печорском Приуралье, что может быть связано с традициями населения и их представлением о мире. Важно обратиться к вопросу сохранности памятников ванвиздинской культуры, некоторые из которых были повреждены при строительстве Усть-Войского, Усть-Куломского водохранилищ и трассы ВЛ–220 кВ Ухта–Микунь. Некоторые памятники, например, Подты VII и

Подты VIII требуют доработки. Помимо этого, стоит упомянуть, что существуют определённые трудности в поисках поселений и стоянок, так как они находятся в борových террасах, что затрудняет их поиск.

Если рассматривать вопрос датировки, то вывод Н. Н. Чесноковой о том, что основной период существования ванвиздинской культуры относится к VII–IX вв. подтверждается, так как из 58 датированных памятников к данному периоду относятся 39 объектов [2, с. 406]. При этом стоит заметить, что большая часть ванвиздинских памятников датируется рамками существования всей ванвиздинской культуры. Вышеуказанный факт может быть связан с малым количеством датируемых предметов на них или недостаточным уровнем исследованности памятников: слабоизученностью ряда уже известных памятников, редкостью проведения разведочных работ, плохой сохранностью в почве археологических источников.

Список литературы

1. Археология Республики Коми / отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 758 с.
2. Белицкая А. Л. К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-востока // Российская археология. 2015. № 2. С. 101–109.
3. Буров Г. М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1967. 96 с.
4. Буров Г. М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Материалы по археологии Европейского Северо-востока. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1965. № 3. С. 139–159.
5. Канивец В. И. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчёт о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища // Материалы по археологии Европейского Северо-востока. 1963. № 2. С. 5–83.
6. Королёв К. С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 196 с.
7. Королёв К. С. Поселение Угдым IV на средней Вычегде // Материалы по археологии Европейского Северо-востока. 1998. № 15. С. 92–99.
8. Королёв К. С. Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на средней Вычегде // Материалы по археологии Европейского Северо-востока. 1985. № 9. С. 98–113.
9. Мурыгин А. М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 143 с.
10. Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
11. Мурыгин А. М. Поселение Чойновты V на Мезени // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 1978. № 7. С. 88–96.

12. Сыктывкарский государственный университет музей археологии и этнографии. URL: <http://komi.com/eam/fonds/arch/monum/pechora.asp> (дата обращения 10.05.2021).

Приложения

Рис. 1. Археологическая карта

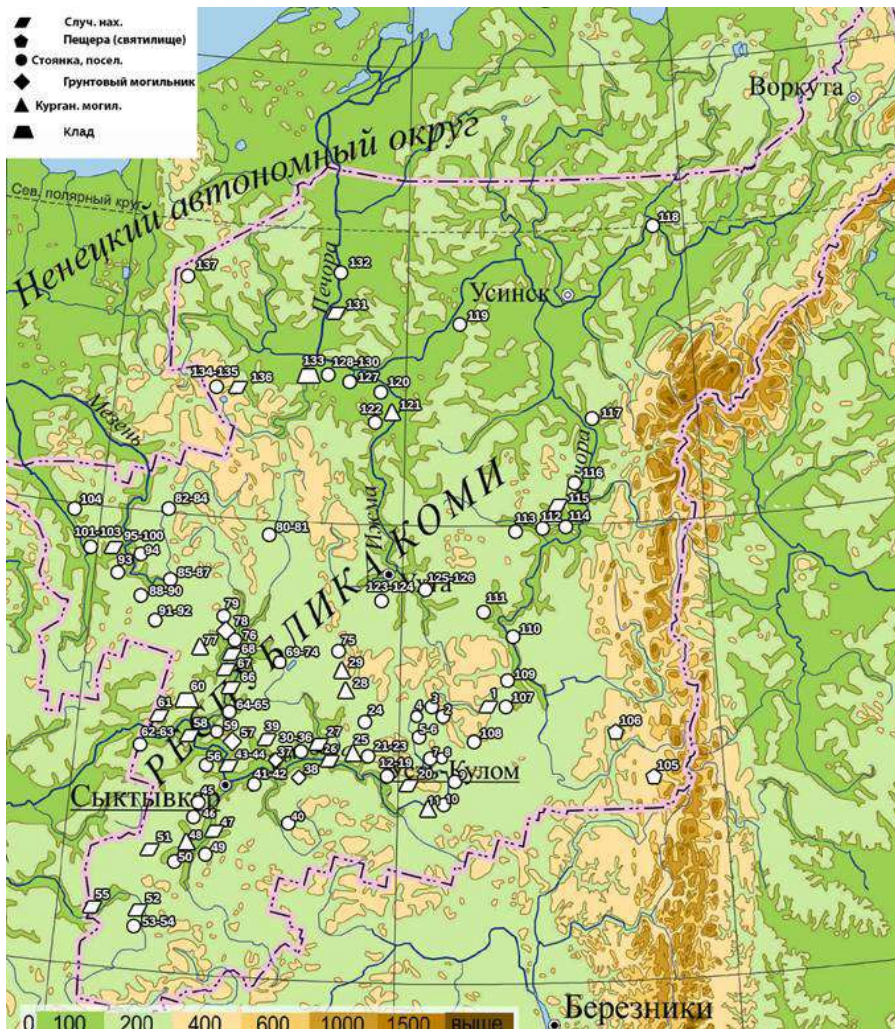

Рис. 2. Список ванвиздинских памятников с 1 по 72

Номер	Название	Река	Координаты	Номер	Название	Река	Координаты
1	Ягтыдин	Вычегда	[62.466, 55.309]	37	Удым II (грунт. могил.)	Вычегда	[61.878, 51.766]
2	Кузьямын	Вычегда	[62.352, 54.853]	38	Шойнаты I	Вычегда	[61.763, 52.087]
3	Чудинты II	Вычегда	[62.415, 54.688]	39	Урель	Вычегда	[62.186, 51.640]
4	Ягтожты	Вычегда	[62.369, 54.304]	40	Вэрью	Вычегда	[61.262, 52.019]
5	Ягтож I	Вычегда	[62.248, 54.322]	41	Красная гора	Вычегда	[61.700, 51.252]
6	Ягтож II	Вычегда	[62.248, 54.322]	42	Зеленец	Вычегда	[61.700, 51.252]
7	Валона II	Вычегда	[61.890, 54.670]	43	Озел	Вычегда	[61.836, 50.854]
8	Варламовка	Вычегда	[61.898, 54.796]	44	Койты	Вычегда	[61.836, 50.854]
9	Лопьовад I	Вычегда	[61.734, 54.983]	45	Лозым	Вычегда	[61.602, 50.599]
10	Кольдыг I	Вычегда	[61.590, 54.895]	46	Лэзымское	Вычегда	[61.528, 50.546]
11	Вомынья	Вычегда	[61.506, 54.549]	47	Жешартское	Вычегда	[61.448, 50.744]
12	Себьяг I	Вычегда	[61.796, 53.752]	48	Шойнягский курган. могил.	Вычегда	[61.402, 50.486]
13	Усть-Кулом III	Вычегда	[61.796, 53.752]	49	Вотча	Вычегда	[61.345, 50.730]
14	Усть-Кулом II	Вычегда	[61.796, 53.752]	50	Ыбское	Вычегда	[61.285, 50.502]
15	Усть-Кулом I	Вычегда	[61.796, 53.752]	51	Вылты	Вычегда	[61.285, 50.502]
16	Дон	Вычегда	[61.796, 53.752]	52	Чигаево	Вычегда	[60.381, 49.418]
17	Озыг II	Вычегда	[61.796, 53.752]	53	Режшор I	Вычегда	[60.298, 49.446]
18	Озыг III	Вычегда	[61.796, 53.752]	54	Вежшор II	Вычегда	[60.298, 49.446]
19	Озыг V	Вычегда	[61.796, 53.752]	55	Вотинское II	Вычегда	[60.411, 48.644]
20	Донъягская нак. бронз. изв.	Вычегда	[61.729, 54.142]	56	Нидзьяг	Вычегда	[61.838, 50.431]
21	Подты VI	Вычегда	[61.926, 53.390]	57	Чикишьяг	Вычегда	[62.035, 50.884]
22	Подты VII	Вычегда	[61.926, 53.390]	58	Ижоты	Вычегда	[62.075, 50.076]
23	Подты VIII	Вычегда	[61.926, 53.390]	59	Ванвайдино	Вычегда	[62.148, 50.634]
24	Ульяново II	Вычегда	[62.348, 53.511]	60	Усть-Вымский клад	Вычегда	[62.365, 49.854]
25	Экольягский курган. могил.	Вычегда	[61.966, 53.222]	61	Жешарты II	Вычегда	[62.193, 49.464]
26	Шойнатыгское местонах. предм.	Вычегда	[61.944, 52.698]	62	Ревью IV	Вычегда	[61.978, 49.192]
27	Экольягское местонах. бронз. изв.	Вычегда	[62.073, 52.346]	63	Кунес	Вычегда	[61.978, 49.192]
28	Юваньяг	Вычегда	[62.503, 53.255]	64	Япу-япу	Вычегда	[62.348, 50.818]
29	Борганьель	Вычегда	[62.762, 53.145]	65	Ниремка I	Вычегда	[62.348, 50.818]
30	Джуджыдыг	Вычегда	[61.975, 52.085]	66	Ванвайдинское местонах. бронз. предм.	Вычегда	[62.533, 50.885]
31	Шойнаты II	Вычегда	[61.975, 52.085]	67	Княжплогост I	Вычегда	[62.599, 50.726]
32	Шойнаты III	Вычегда	[61.975, 52.085]	68	Онежская нак. бронз. пронайки	Вычегда	[62.749, 50.808]
33	Шойнаты VI	Вычегда	[61.975, 52.085]	69	Вис I	Вычегда	[62.685, 51.717]
34	Удым II	Вычегда	[61.975, 52.085]	70	Вис II	Вычегда	[62.685, 51.717]
35	Удым III	Вычегда	[61.975, 52.085]	71	Вис III	Вычегда	[62.685, 51.717]
36	Удым IV	Вычегда	[61.975, 52.085]	72	Симава I	Вычегда	[62.685, 51.717]

Рис. 3. Список ванвиздинских памятников с 73 по 137

Номер	Название	Река	Координаты	Номер	Название	Река	Координаты
73	Симава II	Вычегда	[62.685, 51.717]	109	Мылга	Печора	[62.634, 55.962]
74	Синдорское озеро IV	Вычегда	[62.685, 51.717]	110	Пидж X	Печора	[63.033, 56.253]
75	Лоптыг I	Вычегда	[62.850, 52.366]	111	Усть-Нибель II	Печора	[63.312, 55.537]
76	Жиганское	Вычегда	[62.936, 50.880]	112	Атаманюр I	Печора	[63.978, 56.773]
77	Веслянский I	Вычегда	[62.904, 50.578]	113	Кутыге I	Печора	[63.920, 56.048]
78	Евдинский	Вычегда	[63.050, 50.742]	114	Якс III	Печора	[64.034, 57.421]
79	Весляное I	Вычегда	[63.145, 50.740]	115	Усть-Шугор I	Печора	[64.189, 57.011]
80	Усть-Ворынка (кордон)	Вычегда	[63.376, 51.270]	116	Бичевник II	Печора	[64.413, 57.937]
81	Усть-Ворынка II	Вычегда	[63.376, 51.270]	117	Медвежье IV	Печора	[64.952, 57.915]
82	Кужим I	Мезень	[64.050, 49.204]	118	Давва V	Печора	[66.519, 59.268]
83	Кужим II	Мезень	[64.050, 49.204]	119	Пито-Яг II	Печора	[66.829, 55.374]
84	Кужим III	Мезень	[64.050, 49.204]	120	Черноборская II	Печора	[65.137, 52.984]
85	Мичалой II	Мезень	[63.452, 49.355]	121	Сэбылский	Печора	[64.847, 53.500]
86	Мичалой III	Мезень	[63.452, 49.355]	122	Сэбысь V	Печора	[64.767, 52.764]
87	Мичалой IV	Мезень	[63.452, 49.355]	123	Ухта III	Печора	[63.407, 53.583]
88	Усоторок III/А	Мезень	[63.244, 48.971]	124	Усть-Утарка I	Печора	[63.407, 53.583]
89	Усоторок III/Б	Мезень	[63.244, 48.971]	125	Одесдино I	Печора	[63.499, 54.294]
90	Усоторок III/В	Мезень	[63.244, 48.971]	126	Одесдино II	Печора	[63.499, 54.294]
91	Ямвас I	Мезень	[63.021, 49.336]	127	Нерига X	Печора	[65.232, 52.564]
92	Ямвас II	Мезень	[63.021, 49.336]	128	Шиховское I	Печора	[65.331, 52.207]
93	Чойновты V	Мезень	[63.441, 48.419]	129	Шиховское III	Печора	[65.331, 52.207]
94	Шешты	Мезень	[63.582, 48.867]	130	Шиховское IV	Печора	[65.331, 52.207]
95	Вендинга	Мезень	[63.658, 48.306]	131	Хабариха	Печора	[65.788, 52.667]
96	Ошочей I (поздн. комплекс местонах. ванвизд. керам.)	Мезень	[63.658, 48.306]	132	Оуегв Нос	Печора	[66.491, 52.602]
97	Ошочей I / пункт А	Мезень	[63.658, 48.306]	133	Красноборский клад	Печора	[65.335, 51.811]
98	Ошочей I / жил 4	Мезень	[63.658, 48.306]	134	Пижма I	Печора	[65.133, 50.009]
99	Ошочей I / пункт 6/4	Мезень	[63.658, 48.306]	135	Пижма II	Печора	[65.133, 50.009]
100	Ошочей I / пункт 12	Мезень	[63.658, 48.306]	136	Пижма IV	Печора	[65.098, 50.685]
101	Ошочей I / жил 5	Мезень	[63.622, 47.834]	137	Кюско	Печора	[66.054, 49.361]
102	Ошочей I / пункт 14/12	Мезень	[63.622, 47.834]				
103	Ошочей I	Мезень	[63.622, 47.834]				
104	Смолокуньей I	Мезень	[63.966, 47.471]				
105	Учинская пещера	Печора	[61.775, 59.070]				
106	Канинская пещера	Печора	[61.868, 58.565]				
107	Ягвиздинское	Печора	[62.415, 56.132]				
108	Воркерос	Печора	[62.080, 55.286]				

Бобровская Арина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Никонова Антонина Александровна, канд. филос. наук, доц.

Материалы экспедиций А. П. Окладникова как источники по истории археологии

Materials of A. Okladnikov's expeditions as sources on the history of archeology

Аннотация. В статье рассмотрены материалы разведок и раскопок академика А. П. Окладникова, хранящиеся в сибирских архивах и музеях, и их особенности как источников по истории археологии.

Ключевые слова: А. П. Окладников; полевой дневник; экспедиционный отчет; петроглиф.

Abstract. The article covers the materials of the exploration and excavations of Academician A. Okladnikov, stored in Siberian archives and museums, and their features as sources on the history of archeology.

Key words: A. Okladnikov; field diary; expeditionary report; petroglyph.

Актуальность темы обусловлена тем, что огромное рукописное наследие А. П. Окладникова, хранящееся в различных архивах и музеях, до сих пор мало изучено, «большая часть его не разобрана» [9, с. 43].

Отчеты экспедиций, полевые дневники, чертежи, описания и рисунки находок, копии и прорисовки петроглифов, выполненные на кальке, миллиметровой, мелованной и оберточной бумаге, таблицы, схемы – вот далеко не полный перечень видов рукописных документов из фондов А. П. Окладникова в архивах Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН в Новосибирске и музея-заповедника «Томская Писаница». Только в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» насчитывается более 4000 единиц хранения, которые относятся к наследию А. П. Окладникова [4, с. 26].

В Архиве ИАЭТ СО РАН хранятся 28 отчетов А. П. Окладникова (Фонд № 1 Научные документы о проведении экспедиционных исследований, Описание № 1. Дело № 224) и еще 7 его же с соавторами (И. В. Асеев, А. П. Деревянко, Д. Дордж, В. Е. Ларичев, В. И. Молодин). Экспедиционные отчеты нередко становятся основой для глубоких, монографических исследований и научных публикаций. Сам А. П. Окладников в своих работах использует отчеты предыдущих экспедиций. Так, в статье «Грот Проскурякова – новая палеолитическая стоянка в Хакасии» [6, с. 111–116] он ссылается на отчет П. С. Проскурякова [8].

Ведение полевого дневника также является важной частью экспедиционной деятельности. Полевые дневники экспедиций

А. П. Окладникова содержатся в неразобранной части архива. В настоящее время из всех материалов Архива ИАЭТ, связанных с экспедиционной деятельностью А. П. Окладникова, доступными для изучения оказались лишь Дневник «Алтай – МНР (Монгольские дневники)» за 1966 г. [1] и Дневник № 1 Алтай – Монголия [7] (поскольку эта часть архива не разобрана, то документы еще не сведены в дела).

А. П. Окладников в течение ряда лет проводил раскопки на р. Улалинке. В 1961 г. на берегу реки, в черте города Горно-Алтайска, он нашел грубо оббитые гальки. Через несколько лет ученый возвращается в Улалу (Горно-Алтайск). «В начале июня 1966 года наш небольшой отряд советско-монгольской экспедиции под руководством Окладникова по пути в Монголию остановился на один день в Горно-Алтайске – административном центре Горно-Алтайской автономной области, чтобы еще раз осмотреть палеолитическое местонахождение на Улалинке», – вспоминает А. П. Деревянко [2, с. 31]. В полевом дневнике сведения более конкретные: «Провели зачистку обнажения: в верхней части (нижнего) валунного слоя – около 6 м. над уровнем воды – в нем Толя Д. и Слава Ж. извлекли несколько сомнительных камней и среди них бесспорные!» [1, с. 2]. Затем перечисляются и описываются извлеченные камни, кости и угли, и еще раз отмечено с восклицательным знаком: «Это – в/палеолит!» [1, с. 3]. И тут же автор резюмирует, подчеркивая снизу жирной линией: «Т. о. – 2 горизонта палеолита, верхний в лессовидных супесях, нижний – в красно-бурых глинах с валунами!» [1, с. 3]. И снова восклицательный знак. Делая эту запись, ученый уже начинает спор со скептиками, который продлится десятилетия.

В Дневнике № 1 за 1969 г. [7] А. П. Окладников неоднократно упоминает местные музеи, в которые надо попасть, что еще раз подчеркивает заинтересованность ученого не только в изучении, но и популяризации археологических объектов.

Таким образом, полевой дневник не только конкретно перечисляет события на раскопках, но и рассказывает о самом авторе, о его взглядах, убежденности в своей правоте. Чтобы понять, какие еще возможности для исследователя дает такой источник, как полевой дневник, сопоставим записи в полевом дневнике А. П. Окладникова об изображениях в пещере Хойг Цэнкер – Агуй [1] с анализом этих же изображений в его книге [5].

В дневнике отмечены «реалистичные изящные козлы» [1, с. 13]. Здесь же чуть ниже: «...этот рисунок контрастно противостоит по реализму – условным знакам, изображенным выше» [1, с. 13]. И еще раз: «...марал с рогами в скифской манере, но архаичнее – реалистичнее» [1, с. 16]. В книге же делается вывод о «реализме художественного стиля изображений» в целом [5, с. 32]. В дневнике упоминаются «изолированная фигура козла», «изолированная фигура «страуса» [1, с. 14]. Эти краткие дневниковые упоминания в книге развернуты в подробную

характеристику: «Образ зверя остается замкнутым в себе самом, резко ограниченным и изолированным от окружающего пространства, он обособлен и от всех других соседних изображений» [5, с. 32].

В книге археолог отмечает, что изображения имеют анималистический характер [5, с. 31]. самого этого термина — анимализм — мы в дневнике не находим, там названы конкретные животные: «козлы», «лань», «мамонт», «страус», «пеликан». В дневнике читаем о композиции изображений: «В этой композиции — сплошное переплетение фигур животных и знаков» [1, с. 14]. В книге А. П. Окладников пишет, что для композиции характерна «специфическая транспаренция, т. е. переслаивание рисунков, налегающих друг на друга в хаотическом беспорядке» [5, с. 36]. Т. е. в дневнике кратко, нередко в разговорном стиле, намечены основные контуры будущего текста, в книге же дается яркое и развернутое описание в научном стиле, с использованием терминов и обобщений. Таким образом, сопоставляя полевые дневники и созданные на их основе научные работы, мы видим, как зарождаются и формируются выводы ученого, на чем они основаны.

Помимо отчетов и полевых дневников интересны такие материалы экспедиций, как прорисовки петроглифов и эстампажи. В отрядах А. П. Окладникова применяли различные способы копирования рисунков: прорисовывали изображения на промасленной кальке тушью или простым карандашом (рисунки, нанесенные охрой, на прорисовках переданы в цвете посредством использования цветных карандашей) [4, с. 26]. Кроме прорисовок делали эстампажи, техника изготовления которых была широко распространена во второй половине XIX — начале XX вв. Заключается она в накладывании нескольких смоченных водой листов мягкой бумаги друг на друга и тщательном прибивании каждого последующего бумажного слоя щеткой к камню. В итоге после высыхания всех слоев получается негативная копия [3, с. 8].

В фондах музея-заповедника «Томская писаница» находятся несколько эстампажей (НВФ 4677–4681), в том числе со знаменитого оленного камня, изготовленных во время одной из экспедиций под руководством А. П. Окладникова. Прорисовки и эстампажи хранились в Институте истории, филологии и философии СО АН и были переданы в фонды музея в начале 1990-х гг. Эти виды экспедиционных материалов представляют интерес для изучения процесса документирования наскальных изображений. Кроме того, значительное число исследованных А. П. Окладниковым памятников наскального искусства ныне навсегда потеряно для науки. Вследствие строительства в 1960-е гг. гидроэлектростанций на р. Ангаре ушли под воду многие местонахождения петроглифов, в том числе такие важные для истории и культуры России, как Каменные острова, писаницы у деревни Баля и другие. Эти петроглифы сохранились лишь в виде иллюстраций к монографии А. П. Окладникова и нескольких сотен прорисовок в натуральную

величину на кальке и миллиметровой бумаге, в настоящее время также хранящихся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница». В конце 1990-х гг. в Музее петроглифов Азии по материалам А. П. Окладникова проводилась выставка «Лики древнего Амура», где были представлены прорисовки и эстампажи. Выставка пользовалась большой популярностью у посетителей.

Итак, можно сделать выводы о том, что полевые дневники, экспедиционные отчеты, прорисовки и эстампажи — это уникальные материалы, которые позволяют нам глубже изучить формирование взглядов исследователя, понять, как из деталей и конкретики рождается обобщение. Материалы экспедиций дают возможность представить особенности процесса документирования археологических объектов, сохраняют для нас облик тех из них, которые не сохранились или недоступны.

Список литературы

1. Алтай – МНР. Монгольские дневники. 1966 год. Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Л. 1–16.
2. Дервянко А. П. Ожившие древности. М., 1986. 240 с.
3. Миклашевич Е. А. Эстампажи амурских петроглифов из экспедиции А. П. Окладникова 1935 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4. С. 5–25.
4. Мухарева А. Н., Русакова И. Д. Наследие А. П. Окладникова в фондах музея – заповедника «Томская писаница» // «Homo Eurasicus» у врат искусства: Сборник научных трудов / Е. А. Окладникова (отв. ред). СПб.: Астерион, 2009. 570 с.
5. Окладников А. П. Центральнo-азиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойг-Цэнкер Агуй (Сэнгрих Агуй), Западная Монголия). Новосибирск, 1972. 570 с.
6. Окладников А. П., Оводов Н. Д., Рыбаков С. А. Грот Проскурякова — новая палеолитическая стоянка в Хакасии // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1975. № 44. С. 111–116.
7. Окладников А. П. Дневник № 1. Алтай. Монголия. 1969 г. Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Л. 1–34.
8. Проскуряков П. С. Отчет о предварительных исследованиях Июских пещер. Изв. Вост.- Сиб. Отдела Русского Геогр. О-ва, т. 21, № 4, 1890.
9. Яншина О. В. Хранить вечно. Первая публикация из личного архива академика А. П. Окладникова // Наука из первых рук. 2006. № 5. С. 42–47.

Дрёмова Полина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Цыпкин Денис Олегович, канд. ист. наук, доц.

Влияние археологии на творческую биографию русского художника В. Г. Шварца

The influence of archaeology on the creative biography of the Russian artist V. G. Schwartz

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния археологической науки сер. XIX в. на творческую биографию В. Г. Шварца. На основе анализа фактов, связанных с археологией и личных связей художника в археологическом сообществе, делается вывод о важном месте этой науки в судьбе и творческой деятельности В. Г. Шварца.

Ключевые слова: «исторический жанр»; археология; В. Г. Шварц.

Abstract. The article deals with the issue of the influence of archaeological science mid-19th century on the creative biography of V. G. Schwartz. Based on the analysis of facts related to archaeology and the artist's personal connections in the archaeological community, the conclusion is made about the important place of this science in the fate and creative activity of V. G. Schwartz.

Key words: «genre historique»; archeology; V. G. Schwartz.

Современный искусствовед А. Г. Верещагина пишет: «первые шаги реалистической исторической живописи в шестидесятые годы связаны с именем В. Г. Шварца» [4, с. 51]. Подчеркну, что В. Г. Шварц был первым, кто осознал важность введения в художественный контекст образов реальных материальных свидетельств отечественного прошлого. «Археологическая» составляющая художественного метода В. Г. Шварца отмечена исследователями¹ [15]. Однако вопрос влияния археологической науки того времени на творческую биографию художника до сих пор не являлся предметом специального изучения².

Автор статьи рассматривает творческую биографию В. Г. Шварца в хронологическом развитии, акцентируя внимание на сведениях, связанных археологией, а также личных и общественных связях художника в научном сообществе.

Своеобразное увлечение стариной наблюдалось у Вячеслава Шварца с юношеских лет. Так, в возрасте 16-ти лет он настаивательно писал младшему брату Евгению: «Собирай различные редкости и древние и редкие монеты. Когда мы (вместе с братом Юлием – П.Д.) приедем, то мы сделаем кабинет редкостей» [5, с. 57]. На момент написания это-

¹ Об оценках творчества Шварца см. историографический обзор: [13].

² Творческой биографии Шварца посвящены обширная статья В. В. Стасова [10; 11], труд А. Г. Верещагиной [2] и др.

го письма археологическая наука находилась в зачаточном состоянии: хотя археологические собрания создавались уже в начале XIX в., институционального оформления науки пока не существовало [13, с. 572]. Внимание собирателей было сосредоточено на так называемых «редкостях»: антиках, предметах греческого и римского искусства, древних монетах. Так, стремление Шварца с братьями организовать своеобразный Минц-кабинет шло в ногу со временем. К сожалению, ни переписка художника и его родственников, ни исследования не позволяют уточнить дальнейшую судьбу юношеской идеи¹.

В 1860 г. В. Г. Шварц поступил в Академию Художеств (далее — ИАХ). При этом интерес его к древности не только не угас, но и разгорелся: в том же году художник стал вольнослушателем историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Там он посещал лекции профессора Н. И. Костомарова [5, с. 67, 158–159]. Исследователь эпистолярного наследия художника С. А. Таранушенко отмечал, что именно под влиянием этих лекций у В. Г. Шварца сформировался устойчивый интерес к русской бытовой истории [5, с. 21].

Отмечу, что изучение древнего быта «по всем памятникам, какому бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа» соответствовало широкому пониманию археологической науки того времени. Последняя включала в себя различные вспомогательные дисциплины, такие как геральдика, искусствоведение, нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, этнография и т. д. [10, с. 91–93]. Граф А. С. Уваров — один из основоположников российской науки — под термином «археология»² объединял три группы памятников: вещественные, языка и письма, устные [7, с. 98].

Следуя пониманию науки своего времени, Шварц опирался на исторические сочинения и коллекционные предметы быта при художественной реконструкции эпохи XVI–XVII вв. В Оружейной палате художник срисовывал с подлинников древние вещи и орнаменты. Он изучал исторические сочинения и источники, связанные с эпохой русского средневековья: «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей» архимандрита Саввы, «Сказания иностранцев о России», сочинения Снегирёва, «Древности Российского государства», «Описания старинных царских одежд, утвари и проч.» Савваитова и т. д.» [12, с. 116].

Важно отметить, что в 1865 г. художник был избран в действительные члены Императорского Русского Археологического Общества (далее — ИРАО) с правом «получать безвозмездно все издания Общества по части русской и славянской археологии» [5, с. 107]. В

¹ Впоследствии брат художника Е. Г. Шварц (1843–1932) стал известным собирателем живописи и предметов искусства, унаследовав богатую коллекцию А. Р. Томилова в усадьбе «Успенское» Новоладожского уезда [См. подробнее.: 8, с. 12, 27–29].

² Такое широкое определение науки позволило современному исследователю Г. С. Лебедеву ввести новое понятие «бытописательской парадигмы» [6, с. 111].

Государственном Архиве Курской области (далее — ГАКО) представлен диплом действительного члена ИРАО В. Г. Шварца, датированный 24 января 1865 г. [6, л. 5]. В фондах Научного архива Института истории материальной культуры удалось выявить дело, напрямую связанное с этим событием. На мой взгляд, ценны два факта: во-первых, инициаторами избрания «классного художника В. Г. Шварца» в «действительные члены» ИРАО являлись Г. Г. Гагарин¹ и В. В. Вельяминов-Зернов² [8, л. 163] — что подтверждается письмом от 6 февраля 1865 г. Во-вторых, заседание, на котором было принято данное решение, состоялось 15 января 1865 г. [8, л. 160]. Последнее замечание позволяет скорректировать устоявшееся в литературе мнение об избрании художника в действительные члены ИРАО 24 января [5, с. 14; 9, с. 11].

Избрание в действительные члены ИРАО подтолкнуло художника на тщательную проработку сюжетов в археологическом отношении. В письме отцу читаем: «При выполнении этой картины («Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на осляти» — П. Д.) более всего можно разработать характерную и археологическую сторону» [5, с. 109–110]. «Археологичность» полотен Шварц была не раз отмечена художественными критиками и журналистами [11, с. 58; 12, с. 115–116, 119].

Осенью 1865 г. состоялась Академическая выставка, участие в которой принимал Шварц. Обсуждение его картин попало на страницы столичных газет. Отмечу, что в поле зрения критиков находилась именно археологическая составляющая полотен. Критик N** в газете «Весть» подчёркивает: «серьёзное изучение археологии видно в большой картине г. Шварца «Празднование вербного воскресения», а не в картине «Из быта русских царей». Тем самым фельетонист «Вести» вступает в полемику с журналистом «Санкт-Петербургских Ведомостей», который, напротив, считал последнюю картину наиболее «археологической». Далее господин N** пишет: «скорее можно предположить, что критик не был на выставке, нежели он не понимает значение слова: археология» [1]. Вероятно, в общественном сознании обывателей сложилось своё представление о смысловом наполнении понятия «археология». В научном сообществе этот вопрос долгое время обсуждался: свидетельство тому — бурная дискуссия о предмете изучения археологии на I–III Археологических Съездах [10, с. 91–93].

Предполагая критику картины «Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче», художник плачется в письме к отцу: «будут ругаться также и археологи за выпушки и петлички; но уже от них ничем не отделаешься: такой ужасный народ» [5, с. 113]. Такая характеристика археологов, данная В. Г. Шварцем, показательна в двух

¹ Г. Г. Гагарин — князь, помощник председателя ИРАО, по совместительству вице-президент ИАХ.

² В. В. Вельяминов-Зернов — секретарь ИРАО.

отношениях. С одной стороны, художник подчёркивает вспомогательный характер археологии для своих работ. С другой — таким образом, он описывает самих археологов, скрупулёзных и придиричивых по отношению к деталям. Мне кажется, замечание В. Г. Шварца представляет собой любопытный взгляд на научное сообщество извне.

Важно отметить личные связи В. Г. Шварца с историками и археологами. Так, в 1862 г. состоялось его личное знакомство с Н. И. Костомаровым [5, с. 67]. Кроме упомянутых знакомств в ИРАО, очевидно предположить и другие: например, с А. С. Уваровым, в коллекции которого находилась картина «Посольский приказ в Можайском уезде»¹ [12, с. 130]. О полотне из собрания А. С. Уварова упоминает и М. П. Боткин в письме к Евгению Шварцу уже после смерти художника [5, с. 166]².

Подводя итог, обозначу важное место археологии в творческой биографии В. Г. Шварца. Художник с юности увлекался стариной; его стихийный интерес к древностям перерос в серьёзное изучение отечественного прошлого, в первую очередь, эпохи XVI–XVII вв. Художник читал исторические сочинения и современные ему научные труды, осмыслял материальность изучаемого периода, работая в Оружейной палате. Точкой пересечения творческой судьбы В. Г. Шварца с археологической наукой стало избрание художника в действительные члены ИРАО, которого он удостоился благодаря особому художественному методу работы с древностями. Стоя у истоков историко-бытового жанра, Шварц на примере своего творчества показал важность обращения художников к реальным предметам старины при реконструкции прошлого. Работа с подлинниками: будь то письменные памятники или вещи, их типы и формы — помогла художнику приблизиться к воссозданию эпохи XVI–XVII вв. По намеченному пути изучения материальных древностей и внедрения их в художественный контекст двинулось следующее поколение живописцев. Причём, стремление художников к материализации прошлого зависело от развития археологической науки в определённый период времени.

Список литературы

1. Академическая выставка и наши критики // «Весть» № 18. СПб, 4 нояб. 1865 г.
2. Булгаков Ф. И. Наши художники. Т. 2. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1890.
3. Верещагина А. Г. Вячеслав Григорьевич Шварц. 1838–1869. Л.; М.: Искусство, 1960. 172 с.

---

¹ Картина «Посольский приказ в Можайском уезде: представление голштинских послов Крузия и Бругмана» указана в каталоге посмертной выставки В. Г. Шварца в 1888 г. Согласно автору, находилась она в собрании графини П. С. Уваровой [2, с. 253]. В издании про Шварца см. [2, с. 249–254].

² В письме картина фигурирует под названием «Посольство времен А.М.».

4. Верещагина А. Г. Художник. Время. История: очерки русской исторической живописи XVIII – начала XX века. Л.: Искусство, 1973. 130 с.
5. Вячеслав Григорьевич Шварц: переписка, 1838–1869: к 175-летию со дня рождения. Курск: ПОЛСТАР, 2013. 180 с.
6. ГАКО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 2.
7. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. 464 с.
8. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 160-163.
9. Наследие семьи Шварц / сост. М. С. Тарасова. Курск: ПОЛСТАР, 2008. 138 с.
10. Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
11. Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Вестник изящных искусств Акад. художеств. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1884. С. 25–64.
12. Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Вестник изящных искусств Акад. художеств. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1884. С. 112–142.
13. Тихонов И. Л. Археологические собрания Санкт-Петербургского университета в XIX– начале XX вв. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 8. СПб., 2013. С. 572–588.
14. Чернышева М. А. Образы отечественной истории в русском искусстве XIX в. Проблемы и перспективы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение: Т. 8. Вып. 3. СПб., 2018. С.460–479.
15. Чукчеева М. А. Образ допетровской Руси в творчестве В. Г. Шварца и историко-бытовая концепция в русской исторической науке 1860-х гг. // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 2: Гуманитарные науки, Т. 21. № 4 (193). Екатеринбург, 2019. С. 76–91.

Чернышова Полина Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Верняев Игорь Иванович, канд. ист. наук, доц.

К вопросу о линейности воршудов The issue of the linearity of Vorshud

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям удмуртской родовой структуры. Архаика воршудов — родовых групп удмуртов — делает дискуссионным вопрос об их начале. Ряд исследователей придерживались мнения о патрилинейном характере воршудов, но многие отстаивали их матрилинейность. В данной работе анализируется историография воршудов с целью выделения наиболее объективной концепции.

Ключевые слова: традиционная культура удмуртов; родовые группы; Воршуд.

Abstract. This article is devoted to the specificity of the Udmurt generic structure. The archaic of the Vorshud - their tribal groups - makes the question of their origin debatable. Some researchers were of the opinion about the patrilineal nature of Vorshud, but many defended their matrilineality. In this paper, the historiography of the Vorshud is analyzed in order to highlight the most objective concept.

Key words: traditional culture of the Udmurts; tribal groups; Vorshud.

Институт воршуда — это оригинальное явление традиционной культуры удмуртов, отличающее их от других финно-угорских народов. Воршуды тесно связаны с религиозной сферой и с родовыми структурами, поэтому дать им однозначное определение нельзя. Традиционная культура удмуртов интересна и самобытна, поэтому к ее изучению нередко обращаются, но особенно много вопросов и дискуссий возникает вокруг воршудов.

Впервые о материнском начале удмуртских родов заговорил Н. Г. Первухин, несколько позднее эту теорию начал разрабатывать И. Н. Смирнов. Первухин сообщает о том, что в каждом удмуртском дворе была куала — святилище, в которой хранился воршудный короб, посвященный воршудному божеству самой старшей женщины в доме, основательнице дома как отдельного хозяйства. Вследствие глубокой архаичности этого обычая, короб мог быть посвящен божеству, к которому уже никто в семье не принадлежал [6, с. 36]. Воршудные имена, как правило, совпадали с женскими банными именами, которые повитухи давали новорожденным. Этот акт имянаречения был очень важным шагом на пути включения ребенка в социум, банное имя считалось скрытым и «оставлялось» после крещения младенца [1, с. 24], когда тот (вернее та, ведь речь о девочке) получал уже собственное

имя [6, с. 37]. Купание в бане символически отделяло ребенка от постороннего мира, откуда он пришел, очищало его от всего «нечеловеческого» [2, с. 43]. Основываясь на совпадении женского банного и воршудного имен, некоторые удмуртские мыслители предполагали, что последние принадлежали древним вотским богиням, которые были богаты, сильны и передали свое могущество своим потомкам [7, с. 139; 6, с. 40]. Но в удмуртском языке нет слова «богиня», поэтому возможно, что речь идет о древних героинях наполовину реального, наполовину мифического характера. Банное имя «оставлялось» после крещения, и, выйдя замуж, удмуртские женщины в семье мужа назывались не иначе, как воршудным именем новой семьи, в то время как родные начинали обращаться к ней старым воршудным именем, т. е. банным [6, с. 37]. Христианское имя удмуртки носили с момента крещения и до замужества. В вопросе наречения имени Б. Г. Гаврилов приводит другое мнение: девочка получает имя воршуда своего родителя, т.е. отца [5, с. 169]. Согласно выводам Смирнова, у удмуртов существовали как женские, так и мужские воршудные имена, т. е. были имена, передававшиеся по материнской линии, были и те, что наследовались по отцовской. Имена, происходившие от родоначальниц, позднее стали консолидирующей силой, которая позволяла удмуртским семьям чувствовать родственные узы и сознавать себя как исторически сложившиеся группы. Таким образом, Смирнов видел в современной ему воршудной организации следы былого материнства [7, с. 140]. Еще одним доказательством в пользу этого предположения является обычай неравных браков в удмуртском обществе, когда невеста старше жениха на несколько лет. Если учесть, что в патриархальной традиции мы видим обыкновенно обратную картину, то этот довод звучит убедительно. Сегодня в научных кругах не принимаются всерьез теории об эпохе тотального матриархата, сменившейся властью мужчин, однако есть основания предполагать, что в прошлом положение и роль женщин, особенно – почтенных матрон, были иными, чем, например, в XIX в.

Но некоторые исследователи, в числе которых малоизвестный этнограф П. М. Сорокин и его весьма авторитетный последователь В. С. Чураков, отрицают существование матриархата в прошлом в удмуртской среде и женское начало воршудной организации. Хотя кровная связь с предками терялась через несколько поколений, имена воршудных божеств и родовые знаки собственности позволяли удмуртам сохранять свой род на протяжении веков. Сорокин отмечает, что воршудными именами вотяки-мужчины называют себя редко, а в некоторых случаях они переносятся на женщин рода. После замужества женщина порывает связь с семьей и переходит под покровительство воршудного божества мужа, и в новой семье к ней обращаются по воршудному имени [9, с. 79] ее родителя, а не родительницы. Ссылаясь на Гаврилова, он заключает, что имя женщины в чужой семье — это отцов-

ское воршудное имя. Банное же имя, по его мнению, нисколько не связано с воршудом и бытование оно имело давно [8].

Если так, то картина складывается следующая: хотя сам Воршуд (как домашнее божество) переходит от отца к сыну, воршудное имя наследуют женщины рода, так как именно они его носят до крещения и после замужества; мужчин же по воршудам не называют.

Сорокин оспаривает существование как матернитета, так и коммунального брака у вотяков в древности, потому что единственное основание этой теории – обычай называть воршудным именем только женщин [8]. Идея коммунального брака принадлежит Петру Михайловичу Богаевскому, который видел ее подтверждение в специфической системе терминов родства: каждый родственник со стороны матери имеет свое название, тогда как по отцовской линии родственников называют так же, как и чужих людей [3, с. 40]. Но этих аргументов явно недостаточно для смелого вывода о «первобытном гетеризме» или коммунальном браке, хотя, вероятно, взаимоотношения мужчин и женщин в старину были свободнее, чем после христианизации.

Между тем мы имеем интереснейшую легенду, записанную Верещагиным в Шарканском приходе Сосновского края (ныне Шарканский район Удмуртии) со слов крестьян. В этой истории повествуется о перипетиях некоего Ожмега из вотского племени сурьма, взявшего себе прозвище «Пупгья» (ободранное лыко, из которого он сделал себе плот); вместе с другим вотяком Бехтемиром они стали родоначальниками удмуртского народа в Шарканской стороне, а род их получил название Пупгья [4, с. 108]. На основании этой легенды Верещагин сформулировал представление о том, что члены воршудного рода ведут свое начало от древнего родоначальника, имя или прозвище которого служит для обозначения его потомков.

Более детально воршудную концепцию П. М. Сорокина разработал современный исследователь В. С. Чураков, который решительно критиковал ту систему взглядов, что установилась в отечественной науке касательно т.н. «воршудной теории». Недаром эпиграфом к своей статье [10] он выбрал изречение Монтескье о том, что ничто не тормозит так прогресс знаний, как плохая работа хорошо известного автора. Этот ученый пересмотрел и само понятие воршуд, сделав вывод, что Воршуд — это дух предка-покровителя патрилинейного рода выжы, а не сам материнский род, наличие которого в удмуртской культуре он вообще поставил под сомнение. Удмуртский род выжы он представил в крестообразном виде. Вертикальная ось — это ряд сменяющихся поколений, происходящих по отцовской линии от определенного выдающегося предка, чье имя носит весь род. Горизонтальная ось — это все одновременно живущие члены рода, признающие своим предком одного и того же человека. Постепенно связи между членами рода слабеют, так как они расселяются по разным территориям, заводят от-

дельные хозяйства, могут прекратить отношения по личным мотивам, но идеологическое единство тем не менее сохраняется. Члены одного рода поклоняются общему предку, чей дух может серьезно влиять на их судьбы. На протяжении времени род расширяется, в результате чего образуются новые ветви, именующиеся уже по своим основателям. Так формируется нечто подобное генеалогическому дереву, корни которого уже стерлись из памяти родичей, знающих лишь основателей ветвей [11, с. 51].

По свидетельствам Сорокина, члены удмуртских родов назывались «боляк» или «бече», и помимо кровного родства, они чувствовали духовную связь между собой. Боляки принимали непрерывное участие во всех обрядах жизненного цикла, советовались друг с другом в важнейших делах и помогали в беде. Духовному единству боляков способствовало и то, что они имели общий знак собственности, тамгу, которую наносили на вещи для обозначения их принадлежности. Если изначально тамгу имели только родоначальники, то в процессе обособления отдельных семей у них появлялись и свои знаки, чтобы выделить свое имущество [9, с. 78–79].

Дискуссионными остаются вопросы о линейности и происхождении воршудов и воршудных имен, так как есть доказательства и в пользу матрилинейного устройства, и патрилинейного. До сих пор не вышло ни одной по-настоящему масштабной обобщающей работы, которая бы свела воедино существующие трактовки, не упуская из виду те, что противоречат концепции автора.

Разногласия в научной среде и неразрешенность некоторых важных вопросов объясняется и тем, что многие исследователи придерживались эволюционистского подхода, больше внимания уделяли реконструкции внешней стороны воршудного культа, чем его функции в жизни удмуртского этноса. Пытаясь найти в воршудах подтверждение идей, доминирующих в антропологических кругах, ученые нередко упускали из вида важные, но не явные стороны культа и сосредотачивались на чем-то одном. Определенно, что в наше время воршуды уже не являются значимой частью трансформировавшейся удмуртской культуры, но на их основе некоторые люди и сегодня строят свою идентичность, поддерживают связь с предками и членами своего рода. Воршуды как одна из самых ярких черт традиционной культуры помогают удмуртам почувствовать свою этническую принадлежность и сохранить самобытность этого народа.

Список литературы

1. Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов: дис. ... д-ра филос. по фольклористике. Тарту, 2017. 386 с.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.

3. Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение, кн. V / под ред. Н. А. Янчука. Москва, 1890. С. 116–163.
4. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.
5. Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Тип. А. А. Коковиной, 1880. 190 с.
6. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1: Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка: Губ. тип., 1888. 104 с.
7. Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890. 358 с.
8. Сорокин П. М. О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков с изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей // SZTE Repository of Papers and Books. URL: http://acta.bibl.uszeged.hu/3851/1/etno_lingu_040_197-227.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
9. Сорокин П. М. О расселении удмуртских родов // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 1 (1). С. 78–100.
10. Чураков В. С. К критике воршудной теории // Удмуртский научно-культурный информационный портал Удмуртология. URL: <file:///C:/Users/Пользователь/Desktop/удмурты/К%20критике%20воршудной%20теории.html> (дата обращения: 02.02.21).
11. Чураков В. С. Происхождение названий удмуртских родов // *Linguistica Uralica*, XLI (1). Tallin, 2005. С. 43–57.

TikTok: опыт антропологического исследования

TikTok: anthropological research experience

Аннотация. В данной статье на примере социальной сети TikTok рассматривается новая форма социальных сетей, резко набирающая популярность в современном Интернете. Основой общения в такой сети становятся «бесмысленные» короткие видеоролики, при более детальном рассмотрении обнаруживающие интересные культурно-антропологические и семантические особенности. Автором ставится вопрос о необходимости разработки новой методологии, которая позволила бы работать с подобным материалом.

Ключевые слова: TikTok; социальные сети; киберэтнография.

Abstract. In this article, we explore the TikTok to look into a new form of social networks that is rapidly gaining popularity in the Internet. The basis of communication there are short videos. These videos, that are meaningless at first glance, upon closer examination reveal interesting cultural, anthropological and semantic features. The author raises the question of the need to develop a new methodology that will allow to work with this type of anthropological material.

Key words: TikTok; social networks; cyber-ethnography.

В современной отечественной науке предпринимается все больше попыток исследовать кибер-пространство. Показателен выпуск № 3 (9) от 2020 г. журнала «Этнография», полностью посвященный киберэтнографии. Все статьи сборника посвящены анализу интернет-сообществ. Так, статья А. В. Головнева «Киберскорость» практически определяет Сеть Интернет как «сжатое времяпространство» [2]. В работе О. А. Сулеймановой [7] рассматривается вопрос презентации культуры кольских саамов в социальной сети ВКонтакте, в статье Т. С. Киссер — проявление религиозности в кибер-пространстве у российских немцев [3]. Все эти работы методически объединяет подход к изучению Сети: исследование строится на анализе репрезентации в ней какого-либо феномена или явления из «реального» мира. Однако многие разделы Интернета, в частности, социальные сети, уже давно представляют собой практически параллельное реальному миру пространство. Целью данного исследования было произвести опыт полноценного этнографического исследование в пространстве приложения TikTok.

Материалы для этого исследования были собраны методом включенного наблюдения в виртуальном пространстве. Автором было просмотрено более тысячи «тиктоков» и исследовано около ста аккаунтов пользователей в рассматриваемой социальной сети.

TikTok — это видеохостинг, разработанный и запущенный корпорацией ByteDance. Изначально TikTok был глобальной версией приложения «Доуинь» (Douyin), ориентированного на внутренний медиарынок КНР. Сегодня это самостоятельная социальная сеть, обеспеченная веб-сайтом и рядом приложений для мобильных устройств. Платформа позволяет записывать и выкладывать короткие видео продолжительностью от нескольких секунд до трех минут [9]. Также существует возможность ведения прямого эфира в реальном времени. На сегодняшний день количество активных пользователей в месяц достигло цифры в миллиард человек [6].

Принципиально интересным с антропологической точки зрения является формат общения приложения с пользователем. Устанавливая приложение, пользователь мгновенно попадает в бесконечную «ленту», или «реки» (от слова «рекомендации»). Таким образом, он сразу же погружается в поток контента, не обремененный необходимостью заполнять личную информацию и подписываться на кого-то, как это происходит в других социальных сетях. Оказавшись безумно популярным из-за эффекта «мгновенного присутствия», такой формат предоставления контента пользователю был мгновенно подхвачен другими медиаресурсами [5]. TikTok уникален тем, что для полноценного потребления контента в нем не нужна регистрация. Пока что это единственная социальная сеть подобного рода. Для сравнения, ближайший «по духу» конкурент TikTok — Instagram — не позволяет полноценно просматривать даже содержимое личных аккаунтов без выполненного входа.

Все «видеопространство» TikTok состоит из коротких видеороликов, которые можно разделить на пять основных категорий. Первая категория — это так называемые «перезаливы», то есть публикация контента, изначально размещенного на других платформах или сервисах. Вторая категория контента — содержательный контент с определенной нарративной составляющей. Третья категория — «видеомемы», то есть короткие и располагающие к копированию в различных контекстах юмористические видео. Четвертая категория — это ролики, фиксирующие повседневность. Последняя, наиболее интересная для нас, категория роликов получила название по имени самой социальной сети — «тиктоки». Особенностью данных роликов является их видимая бессодержательность.

«Тиктоки» имеют ряд признаков, позволяющих четко отличать их от других типов. Во-первых, основным содержанием этого видео является фоновая музыка, или «Звук». Как правило, это отрывок какой-то композиции или звуковой дорожки из другого видео. Сама платформа уже обладает базой Звуков, под которые можно снимать видео — музыкальные композиции «подгружаются» в эту базу так же, как и на другие стриминговые сервисы. Второй признак таких роликов вытекает из первого: действия, изображенные в ролике, имеют второстепенное

значение. Обычно это какие-то танцевальные движения в такт играющей музыке. Если же Звук представляет собой аудиодорожку из вирусного «видеомема», человек на видео может с помощью пантомимы изображать смысловое или фактическое его содержание. Встречается огромное количество роликов, в которых люди просто смотрят в камеру под музыку и двигают головой в такт. Третий признак «тиктоков» — их лубочность. В какой-то момент появляется вирусный «тикток», снятый на определенный Звук, и после этого все остальные «тиктоки» начинают быть похожими на него. Так рождается совершенно уникальный жанр «кривляния на камеру», который с первого взгляда кажется совершенно бессодержательным. Тем не менее, данный формат видео является чрезвычайно популярным на просторах TikTok. Например, на аккаунте @i_am_doshik1, на котором большую часть контента составляют именно «тиктоки», более 16 миллионов подписчиков и почти 920 миллионов «лайков», а на аккаунте ставшего уже известным Дани Милохина — 15,4 млн подписчиков и почти 814 млн лайков.

На первый взгляд феномен «тиктоков» представляется чем-то не имеющим ни культурной, ни социальной ценности. И здесь мы сталкиваемся с серьезной методологической проблемой. Имеющимися методами киберэтнографии, направленными на анализ репрезентации «реального» в «виртуальном», невозможно изучать тренд, имеющий к отображению реальности довольно опосредованное отношение. Проблема работы с такого рода материалом была уже обозначена И. В. Утехиным [8]. Представляется логичным обратиться к методам визуальной антропологии, уже имеющей сформированную базу терминов и методик.

Интересно в этой связи взглянуть на различия между «тиктока-ми» и фотографией. Фотография, являясь, практически, аналогом реальности [1], выступает антиподом «тиктока». Анализируя газетную фотографию, Ролан Барт называет ее «сообщением без кода» и отмечает доминанцию денотативного сообщения в фотографии над коннотативным [1]. В случае же с «тиктока-ми» мы видим прямо противоположную картину. Обладая всеми шестью приемами коннотации (монтаж, поза, объекты, фотогения, эстетизм, синтаксис), эти ролики не несут никакого денотативного сообщения. Единственное сообщение, которое можно понять, не находясь в контексте платформы, принимает форму «я танцую» или «я кривляюсь». Итак, если газетную фотографию мы можем назвать сообщением без кода, то «тиктоки» можно смело назвать кодом без сообщения, ведь вся ценность этих роликов не в их содержании, но исключительно в контексте: музыке, позе, освещении, наборе движений. По отдельности все эти элементы не несут никакого смысла, вместе же создают определенное сообщение, которое может быть прочитано только человеком, которому оно предназначается. При этом адресат сообщения не получает никакой новой информации.

Важно, что правила, по которым формируется код, соблюдаются чрезвычайно строго. Но если в фотографии существует определенный набор поз, ассоциированных с определенными смыслами [1], то в «тиктоках» такого набора, фактически, не существует, а на первый план выходит Звук, чаще всего служащий маркером узнавания и основным элементом кода.

Способность «тиктока» нести коннотативное сообщение при фактическом отсутствии сообщения денотативного заставляет нас предполагать, что перед нами сложный феномен, возникший в процессе развития информационных технологий. Возможно, похожими свойствами обладает сообщение, передаваемое дурачащимся человеком, когда неважно, что этот человек делает — главное, чтобы было понятно, что все это делается не всерьез и ради шутки. Однако выглядит сомнительным, чтобы миллионы людей бессмысленно просматривали и воспроизводили ролики, единственным содержанием которых является дурашливое поведение других. Несомненно, что феномен «тиктоков» имеет под собой глубокую социокультурную основу, непосредственно связанную с развитием цифровых технологий и проникновением киберпространства в повседневную жизнь человека. Возможно, основой возникновения этой «культуры тиктоков» является «эстетика тождества», и главное предназначение этих роликов — дарить зрителю радость узнавания [4, с. 16–22]. Я предполагаю, что суть «тиктоков» может быть более глубоко объяснена особенностями современной культуры «родины» TikTok — Китая.

Попытка антропологического анализа социальной сети TikTok, предпринятая в рамках изложенного исследования, вскрыла чрезвычайно интересный пласт современной культуры. На наших глазах формируется новый формат общения в Сети, порожденный доступностью высоких технологий для рядового человека и проникновением Сети Интернет в повседневную жизнь каждого из нас. Этот экзотический «язык тиктоков», описанный выше, требует всестороннего изучения с антропологических, культурологических и лингвистических позиций. На фоне этой необходимости встает вопрос о разработке методологической базы, которая позволит произвести такое исследование.

Список литературы

1. Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392.
2. Головнев А. В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6–32.
3. Киссер Т. С. Российские немцы: религиозность онлайн // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 103–123.

4. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сборник статей / И. Ф. Муриан (отв. ред). М.: Наука, 1973. 254 с.

5. «Мы больше не приложение для фото»: глава Instagram рассказал о планах сменить стратегию // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/433753-my-bolshe-ne-prilozhenie-dlya-foto-glava-instagram-rasskazal-o-planah> (дата обращения: 03.11.2021).

6. Сервис TikTok сообщил, что число его активных пользователей в месяц достигло миллиарда // ixbt.com. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/09/28/servis-tiktok-soobshil-chto-chislo-aktivnyh-polzovatelej-v-mesjac-dostiglo-milliarda-.html> (дата обращения: 03.11.2021).

7. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199.

8. Утехин И. В. Что такое визуальная антропология. Путеводитель по классике этнографического кино. СПб.: Порядок слов, 2018. 346 с.

9. TikTok увеличит максимальную продолжительность видео // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/433775-tiktok-velichit-maksimalnuyu-prodolzhitelnost-video> (дата обращения: 30.08.2021).

III. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Бочаров Всеволод Витальевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель:

Орлов Василий Павлович, канд. ист. наук, ассист.

«Третье сословие» в Сиракузах: к вопросу о политической неудаче Диона

The «Third Estate» in Syracuse: on the Question of Dion's Political Failure

Аннотация. В статье рассматривается влияние политической философии Платона и его труда «Государство» на политику Диона Сиракузского. Основное внимание уделено идее о трех сословиях и тому, как они были представлены в Сиракузах в первой половине IV в. до н. э. Автор приходит к выводу, что первые два сословия (философов и стражей) развивались по пути, описанному Платоном. Третье сословие (крестьян и ремесленников) выбивалось из этой схемы и активно участвовало в политической жизни, чего по Платону оно не должно было делать. По мнению автора, именно это привело к неудаче Диона.

Ключевые слова: Платон; Дион; третье сословие; античные Сиракузы; «Государство».

Abstract. The article examines the influence of Plato's political philosophy and his work «The State» on the policy of Dion of Syracuse. The main attention is paid to the idea of the three estates and how they were represented in Syracuse in the first half of the IV century BC. The author comes to the conclusion that the first two estates (philosophers and guardians) developed along the path described by Plato. The third estate (peasants and artisans) got out of this scheme and actively participated in political life, which according to Plato it should not have done. According to the author, this is what led to Dion's failure.

Key words: Plato; Dion; the third estate; ancient Syracuse; «Republic».

Платон известен не только как выдающийся мыслитель, но и как один из идеологов свержения Дионисия Младшего в 357/356 гг. до н. э. Согласившись на просьбу Дионисия Старшего посетить Сиракузы, афинский мудрец стал важной частью истории сицилийского полуса. Самое главное, что принес он в Великую Грецию — его философия, которую из первых уст воспринял будущий тираноборец Дион Сиракузский.

Основные интересующие нас идеи Платон изложил в диалоге «Государство». По мнению Д. Нейлз большая часть текстов II–V книг «Государства» созданы до 391 г. до н. э. [12, р. 6], что дает повод предполагать, что с их содержанием с юности был знаком Дион, который встречался с философом в 385 г. до н. э., а в период изгнания даже обу-

чался в его академии. Какие же воззрения Платона об устройстве полиса оказали наибольшее влияние на Диона?

В государстве Платон выделял три сословия: философов, стражей и дельцов (т. е. крестьян и ремесленников) (Resp., 434c). Это трехчастное деление общества — общеиндоевропейская традиция, о которой писал Э. Бенвенист: к примеру, древнеиндийский термин для обозначения третьего сословия *vaiśya*, в одной из его трактовок означает «человек из народа» [2, с. 187]. Р. Ю. Виппер в рамках марксистской концепции третье сословие называл рабочим классом [4, с. 512.]. В свою очередь, А. А. Рождественский считал, что представители третьего сословия являются такими же полноправными гражданами, как и представители первых двух сословий [8, с. 44]. Эти три характеристики исследователей, по нашему мнению, наиболее полно отражают суть платоновского третьего сословия. Получается, что термин «третье сословие» практически синонимичен древнегреческому понятию *δημος*, однако, в отличие от него, особенно подчеркивает именно профессиональную принадлежность граждан полиса.

Более того, Платон писал, что большую пользу приносят люди, занимающиеся делом, к которому наиболее способны (Resp., 433a). Таким образом, возделывать землю и заниматься ремеслом должны дельцы (третье сословие). Охранять полис — стражи. Управлять государством — философы или властители, которые смогут стать философами (Resp., 473d). По поводу основной части диалога, Р. Ю. Виппер отмечал, что это больше трактат о воспитании, чем о построении государства [4, с. 511.], в связи с чем очевиден акцент Платона на первых двух сословиях и обозначение наилучшими формами правления царской власти и аристократии (*βασιλεία* и *ἀριστοκρατία*) (Resp., 445d), которую и пытался построить в Сиракузах Дион.

Его деятельности предшествовало укрепление монархической власти Дионисия Старшего и объединение полисов в единую державу, что было одновременно и продолжением долгой тиранической традиции в Сиракузах, и ответом на сиюминутные запросы объединения в целях защиты независимости. Появление такой необычной формы правления при сохранении основ демократического полиса [9, с. 467] и наложении на него тиранической власти приводит к обострению противоречий после смерти харизматичного лидера и постепенного прекращения экспансии Сиракуз, что, в нашем случае, вылилось в выступление Диона.

Но почему же выступление Диона, которое должно было решить проблему кризиса власти, только усугубляет ее, и как с этим связан Платон? Для ответа на этот вопрос рассмотрим положение трех сословий в Сиракузах в первой половине IV в. до н. э.

Держава Дионисия перешла его сыну Дионисию Младшему, который оставил государственное устройство почти без изменений.

Власть при них обоих сосредотачивалась в руках ближнего круга тирана с сохранением гражданского представительства в лице народных собраний, о чем свидетельствовал Диодор Сицилийский, говоря о проведении собрания сиракузян для объявления войны Карфагену при Дионисии Старшем (XIV, 45). Соответственно, доступ к власти у граждан был, но влияние на политику оказывали, в большей степени, тиран и его окружение, что особенно видно на фоне активизации созыва собраний в течение нескольких лет после свержения Дионисия Младшего и до падения Диона (Plut., Dion, 33, 34, 38, 48).

Объединить множество свободных полисов в одно государство в условиях Карфагенской угрозы было легче, однако немногие из них подчинялись тирану добровольно, из-за чего держава нуждалась в новой военной силе. Этой силой стало наемное войско профессионалов, которое стало также и личной опорой государя. К тому же, боязнь собственных граждан привела к их разоружению и включению в армию слоя бывших рабов, которым Дионисий даровал гражданство (*νεοπολίται*) (Diod., XIV, 7). По итогу, именно войско наемников и, в меньшей степени, бывших рабов составило основу армии, в то время как гражданское ополчение, созывавшееся во время войн, согласно Э. Д. Фролову, формировало лишь половину войск флота и больше половины войск сухопутных [9, с. 404].

В этих условиях доступ к власти и становлению сословия философов-правителей был открыт лишь узкому кругу приближенных тирана, а сословие стражей все больше формировалось из наемников (профессионалов военного дела) [9, с. 421–422]. В свою очередь, не относящихся к этим двум сословиям граждан можно отнести к третьему, самому многочисленному сословию.

Вернувшись в Сиракузы, Дион, несмотря на мечту об установлении аристократии, на первых порах активно прислушивался к народу. Например, он отказался от личных переговоров с Дионисием Младшим, отправив того упрашивать мира напрямую у демоса (Plut., Dion, 30). И хотя Плутарх писал, что после ложных обвинений некоего Сосида (Dion, 34) народ встал на сторону Диона, с усилением роли приехавшего вслед за ним Гераклида, который явно импонировал народу больше, тот теряет свои позиции. Своего апогея конфликт двух бывших соратников достигает при попытке разрешить давно назревший земельный вопрос.

Напомним, что еще в V в. до н. э. демос и рабы выгнали гаморов из Сиракуз, когда одним не хватало земли, а другие устали от их гнета. Гелон же вернул их в город (Hdt., VII, 155), получив в их лице поддержку для утверждения тирании. Таким образом, земельная проблема в Сиракузах нередко становилась камнем преткновения. Так было и после свержения Дионисия Младшего. На фоне демократического подъема этот вопрос, поддерживаемый противниками Диона, вновь

был поднят. Плутарх писал, что Гераклид, начальник флота и главный предводитель демоса, освободил Гиппона, а тот выступил с заявлением о переделе земли (Dion, 37), которое народ однозначно одобрил.

Заявление подобного рода показывает, с одной стороны, недовольство народа началом закрепления земельной собственности за определенным гражданином, чаще всего знатным или приближенным к тирану, а с другой — желание вернуться к общинной традиции передела земли между равными членами общины. Это желание народа по отношению к более ранним эпохам отмечал и Ю. В. Андреев [1, с. 81]. Однако, на приведенном нами примере, мы видим, что это справедливо и для событий V–IV вв. до н. э. в Сиракузах. При анализе этих событий мы также видим, что третье сословие не оставалось политически пассивным и отстаивало свои права, вопреки концепции Платона.

Актуализация вопроса о переделе земли в древних обществах обычно обозначала своим появлением серьезную кризисную ситуацию. Но Дион вместо решения проблемы просто отверг этот проект. Появившееся вместе с ним предложение о лишении наемников жалования и избрании новых полководцев, поддержанное народом, заставило его уйти с наемниками в Леонтины (Plut., Dion, 39; Diod., XVI, 17), оставив Сиракузы Гераклиду, который добился своего избрания одним из 25 полководцев (Plut., Dion, 38). При этом, несмотря на замечание И. Р. Блохиной о том, что Гераклид использовал земельный вопрос как орудие борьбы за власть [3, с. 38], за ним шли реальные народные силы — моряки и ремесленники (ὁ ναυτικὸς ὄχλος καὶ βάναισος) (Plut., Dion, 48), благодаря которым, на наш взгляд, он и смог удержаться у власти.

В конечном счете, Сиракузы без Диона и наемников не смогли противостоять Нипсию (Plut., Dion, 41), и вновь призвали его (Plut., Dion, 43). Дионисий Младший был побежден, однако Дион не учел те ошибки, которые привели его к вынужденному изгнанию. Для решения проблемы взаимного недопонимания между властью и народом, Дион через посредников убил Гераклида (Plut., Dion, 53) и создал союз с Каллиппом для предотвращения новых заговоров против себя (Plut., Dion, 54), что только усилило волнения в демосе.

Именно вопрос третьего сословия, который и Платон, и Дион упустили, один в теории, другой в практике, в конечном итоге, привел к убийству последнего. Вдохновленный своим учителем Дион видел преграду к построению справедливого государства лишь в демагогах, мешающих ему проводить свои преобразования, совсем не учитывая, что они, хоть и жаждут власти, все же декламируют народные чаяния.

Список литературы

1. Андреев. Ю.В. Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. В 3 кн. Кн. 2. Расцвет древних обществ / И.С. Свенцицкая (отв. ред.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1989. С. 69–93.

2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
3. Блохина И. Р. Выступление демократов в Сиракузах в IV в. до н. э. // Античный мир и археология. 1990. Вып. 7. С. 35–40.
4. Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху (IX–IV вв. до Р. Х.). М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1916. 575 с.
5. Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
6. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 2 / пер. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь-Пассек, С. И. Соболевского. М.: Наука, 1994. 672 с.
8. Рождественский А. А. Положение третьего сословия в государстве Платона // Сборник Ярославского государственного университета. 1918–1919. Вып. 1. С. 35–59.
9. Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. 602 с.
10. Diodorus Siculus. Library of History, Vol. VI: Books 14–15.19. / Transl. by C. H. Oldfather. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954. 400 p.
11. Diodorus Siculus. Library of History, Vol. VII: Books 15.20–16.65 / Transl. by Charles L. Sherman. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. 448 p.
12. Nails D. The Life of Plato of Athens // A Companion to Plato / ed. Hugh Benson. Oxford: Blackwell, 2006. P. 1–12.

Жданова Наталья Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Печатнова Лариса Гавришиловна, д-р ист. наук, доц.

**Изменения в политике Спарты на втором этапе
Пелопоннесской войны**

**Changes in Sparta's policy during the second stage of the
Peloponnesian War**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, имевшие место в политике Спарты на втором этапе Пелопоннесской войны. Изучаются причины, главным образом экономические, которые привели Спарту к необходимости заключить союз с Персией. Рассматривается вопрос о возможности участия или, по крайней мере, имплицитного влияния наварха Лисандра на заключение спартано-персидских договоров.

Ключевые слова: Спарта; Древняя Греция; Пелопоннесская война; Лисандр.

Abstract. This article examines the changes that took place in Sparta's policy during the second phase of the Peloponnesian War. The reasons, mainly economic, which led Sparta to conclude an alliance with Persia are examined. The question of the possible participation or at least implicit influence of Lysander the Navarch on the conclusion of the Sparto-Persian treaties is considered.

Key words: Sparta; Ancient Greece; Peloponnesian war; Lysander.

Как известно, для победы в войне требуется не только сила, но и достаточно гибкий ум. Как лидеру Пелопоннесской лиги, Спарте требовалось проявить свою хитрость, чтобы одержать победу над противником, а это, в свою очередь, подразумевало использование нестандартных методов, которые могли противоречить морали спартанцев. Одним из таких стала серия спартано – персидских договоров, заключенных между 413 и 411 гг. до н. э. И хотя эти договоры, скорее всего, были тайными, их не удалось скрыть от внешнего мира. Сам факт подобного вступления Спарты в союзнические отношения с бывшим врагом привел в изумление весь эллинский мир.

Что могло подтолкнуть к такому ужасающему шагу? На этот счет существует множество различных мнений, однако основная причина, скорее всего, кроется в нехватке финансов. Изначально не владеющая огромными средствами, Спарта с трудом находила деньги на военные нужды, обращаясь за помощью главным образом к своим союзникам. Положение усугублялось и тем, что войну, как это понимали спартанцы, нельзя было выиграть без флота. А создание флота требовало значительных средств, которыми Спарта не обладала. Но теперь, после заключения спартано – персидских договоров, ситуация резко

изменилась: она превратилась в финансовое соревнование между неограниченными денежными ресурсами Персидской империи, за счет которых осуществлялась поддержка Спарты, и уже куда более скромными возможностями Афин, которые лишились почти всех источников дохода [5, р. 272].

Тем не менее, можно ли утверждать, что Лакедемон обратился за помощью только из-за массивного денежного запаса Персии? Намного логичнее с их стороны было бы попросить помощи у союзников, тем более среди них имелся такой богатый торговый полис как Коринф. Однако на такое решение повлияли и иные причины, которые будут рассмотрены ниже.

Первая и главная причина кроется в сложных отношениях внутри Пелопоннесского союза. Спарте приходилось сдерживать некоторые полисы, входившие в Лигу. Самые значительные из них, даже подчинившись гегемонии Спарты, не утратили своих амбиций и не забыли старых обид. Из-за этого в союзе нередко возникали конфликты, в итоге приводившие к выходу из объединения. Так стоит упомянуть, что после заключения Никиева мира некоторые союзники высказали недовольство условиями и слишком авторитарным поведением Спарты как лидера Пелопоннесской лиги. В результате Коринф, Мантиней и Элида вышли из лиги и создали коалицию с давним врагом Спарты Аргосом, таким образом вынуждая Спарту пересмотреть собственную внешнюю политику. Это сильно пошатнуло доверие Лакедемона: стало ясно, что Спарта более не могла доверять своим союзникам, равно как и активно пользоваться их помощью. Надо учитывать и то, что союзники были слишком истощены длительной войной и не имели лишних средств.

Сказывалась и достаточно мягкая политика Спарты по отношению к союзникам (в сравнении с Афинской державой): отсутствие финансового давления, поддержание автономии каждого из участников (в том числе и имеющих наибольшее влияние в политике — по сути, конкурентов за власть), невмешательство во внутренние дела. Все это создавало условия, с одной стороны, для известной прочности Пелопоннесского союза, который просуществовал в целом около 200 лет (то есть дольше, чем какое-либо другое военно-политическое объединение в Греции), а с другой — для конфликтов, самым ярким из которых и стало коллективное отделение от Спарты во главе с Коринфом.

Вторая причина кроется в возможном усилении проперсидской партии в Спарте. «Возможном», потому что в источниках отсутствуют подобные сведения, однако на такую гипотезу толкает соперничество с Афинами за денежные субсидии Персии. Обращение за помощью к бывшему противнику было рискованным шагом [5, с. 80], но этот факт свидетельствует о появлении группы людей, готовой воспользоваться персидской помощью, и одним из них, судя по всему, стал такой известный полководец как Лисандр. Аргументом в пользу этой гипоте-

зы служит то, что именно он был назначен навархом в 407 г. до н. э., именно он отправлен командовать морскими войсками, и именно он вел общение с Киром Младшим. К сожалению, источники не рассказывают, кем был Лисандр до вступления в должность наварха, но ясно одно: вряд ли бы на таком ответственном месте оказался случайный человек. Предположение, что это стало следствием его политики, как минимум не лишено смысла: в таком случае он, как лидер движения (официальный или нет, сложно сказать, но как минимум хорошо разбирающийся во всех взаимосвязях с Персией) и был отправлен на эту важную должность.

Третья причина кроется в неудачной политике Афин. Сицилийская экспедиция, поддержка восстания карийского династа Аморга против Персии в 414 г. (Thuc., VIII, 5, 5) — эти события сильно сказались на благосклонности персидской стороны и вместе с тем открыли благоприятные военно-политические условия для Спарты, которыми та поспешила воспользоваться и перехватить инициативу [5, с. 12]. Лакедемон знал, что Дарий II не сможет простить афинянам помощи восставшему Аморгу и предпочтет сблизиться со Спартой в качестве мести [1, с. 260–263]. По иному же предположению, все действия персидской стороны сопровождалось лишь холодным расчетом с целью вмешательства во внутренние дела Эллады. Тем не менее, обе точки зрения не противоречат друг другу: гнев и обида необязательно приводят к порывистым решениям и вполне могли спровоцировать на скорейшее исполнение тщательно продуманного плана.

Между тем, встает вопрос, по какой причине поворот в сторону Спарты мог быть выгоден Персии. Во-первых, это установление полного контроля над ситуацией. Спартиаты были менее опытными в дипломатическом мире, чем афиняне, отчего казалось, что их легче подвергнуть манипуляциям. Кроме того, в силу своего консервативного мышления они выглядели достаточно стабильными и предсказуемыми, и, как следствие, менее опасным противником. Во-вторых, ставки на Афинскую державу вряд ли бы оправдали себя: непредсказуемые, умные, коварные, граждане этого полиса могли проявить себя самым неожиданным образом. И хоть Афины и выглядели под конец войны немощными и слабыми, они оставались способными восстановиться после длительного кризиса: трудные времена рано или поздно закончатся, а новое возрастание афинской мощи могло обернуться для Персии трагедией.

Таким образом, получив поддержку от персов, Лакедемон начал оказывать поддержку антидемократическим и антиафинским восстаниям в различных городах, а также начал налаживать дипломатические связи с Персией, что особенно заметно по имеющимся в нашем распоряжении текстам трех спартано – персидских договоров. Известно, что Персия старалась не вмешиваться напрямую в войну, ее целью было

удерживать обоих противников в ослабленном положении, и победа одной из сторон не принесла бы ей существенной выгоды [8, р. 231]. По этой причине ее правителям требовалось решить две задачи: 1) затянуть войну на как можно более долгий срок; 2) решить, какая из сторон будет представлять наименьшую угрозу ее владычеству и, как следствие, получит поддержку. Однако досконально продумать стратегию поведения было достаточно трудно ввиду нестабильной политической обстановки внутри Персии из-за переворотов [5, с. 384]. Это играло на руку грекам: сделав верную ставку и избрав для себя покровителем определенного лидера, они могли надеяться на его помощь.

При рассмотрении каждого из трех документов стоит отметить спорное отношение к ним исследователей. Существует гипотеза, по которой первые два являлись скорее проектами, в то время как ратифицирован был лишь последний; другая же точка зрения утверждает, что каждый из договоров имел свой вес и сыграл определенную роль в происходящих событиях, а их количество указывает лишь на стремление адаптировать договоры к действующим условиям.

От договора к договору неизменными оставались лишь несколько пунктов: 1) Персия обеспечивает Спарте военную и финансовую помощь; 2) обе стороны обязуются вести войну против Делосского союза и в частности против Афин; 3) взамен на указанные услуги Спарта признает, что все греческие полисы в Малой Азии находятся под властью Персидского царя.

Определенно, условия вызывали сомнения в Спарте. Основная причина крылась в последнем довольно тяжелом пункте о греческих полисах Малой Азии. Это как минимум ставило под удар репутацию Спарты как «освободительницы эллинов», а как максимум — шло в разрез с политикой и национальным долгом, превращая спартанцев в предателей. Еще одна причина крылась в том, с кем именно они заключали договор: Тиссаферн, персидский сатрап, был не слишком надежен, так как нередко оказывал поддержку афинской дипломатии.

Несмотря на содержание договоров, нет причин полагать, что Спартанская сторона действительно намеревалась исполнять озвученные условия. Принимая во внимание гипотезу об участии Лисандра в налаживании спартано – персидских отношений, представляется сомнительным решение причинить огромный урон собственной родине: вряд ли его опытная в дипломатии фигура допустила бы такой промах и наверняка придумала способ избежать исполнения данного пункта. Косвенным доказательством служит будущая деятельность наварха, ведь тот, по словам Плутарха, под конец своей жизни написал проект реформ, который «был составлен столь искусно, что мог посеять сомнения в людях» (Plut., Lys., 30, пер. М. Е. Сергеевко).

Из данного факта можно выдвинуть догадку, что к подобному решению Лисандр прибегает не впервые, а значит до проекта реформ имелись еще случаи, и договоры могли стать ими, тем более благодаря этому решению он занял должность наварха. Так он мог убедить спартиатов пойти на жертвы «на бумаге», имея в виду на самом деле стремление обмануть персов. Таким образом, курс политики Спарты накануне Декелейской войны был изменен в направлении союза с Персией.

Список литературы

1. Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб.: «Гуманитарная Академия», 2020. 640 с.
2. Плутарх. Избранные жизнеописания. Лисандр / пер. М. Е. Сергеевко. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/plutarch/index-sgo.htm> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Рунг Э. В. Греко – персидские отношения: Политика, идеология, пропаганда. Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. 224 с.
4. Русских В.И. Греко-персидские договоры в период Пелопоннеской войны (431–404 гг. до н. э.) // Молодой ученый (Международный научный журнал). Казань, 2019. № 20. С. 384–387.
5. Самойло А. Р. Спартанско – персидские договоры (412–411 гг. до н. э.) — предательство малоазиатских эллинов? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. № 1. С. 12–16.
6. Фукидид. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. СПб.: «Азбука», 2018. 800 с.
7. Hanson V. D. A war like no other: How the Athenians and Spartans fought the Peloponnesian War. London: Random House, 2005. 416 p.
8. Lewis D. Persian gold in Greek international relations // Revue des Études Anciennes. 1989. Vol. 91. P. 227–234.

Харина Дарья Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Жестоканов Сергей Михайлович, канд. ист. наук, доц.

**Экономическое и политическое развитие Самоса
до прихода к власти Поликрата**

**Economic and political development of Samos before
Polycratus's assumption of power**

Аннотация. В данной статье рассматривается и характеризуется внутривосточное устройство на о. Самос в архаический период до правления Поликрата. Отдельное внимание уделяется экономическому развитию острова. Также делается попытка детального анализа сведений источников по этой теме. В статье даётся характеристика основных внешнеполитических и экономических мероприятий, которые проводились на о. Самос.

Ключевые слова: Древняя Греция; о. Самос; тирания.

Abstract. This article examines and characterizes the internal political structure on the island of Samos in the archaic period before the reign of Polykrates. Special attention is paid to the economic development of the island. An attempt is also made to analyze in detail the information of sources on this topic. The article describes the main foreign policy and economic events that were held on the island of Samos.

Key words: Ancient Greece; Samos Island; tyranny.

Литературная античная традиция легендарной истории Самоса весьма скудна. Так, в Илиаде Гомер несколько раз упоминал и называл его Самофракией (XXIV, 72, 75). Страбон предположил, что название острова происходит от финикийского корня, который означает «высокий» (XIV, 3.10). Во время ионийского переселения народов здесь появились выходцы из материковой Греции, предки которых населяли Эпидавр в Арголиде (Hdt., I, 142). Также Самос был одним из 12 членов Ионийского союза [14, p. 10]. Согласно античной традиции считается, что самосцы были первыми греками, которые достигли Гибралтарского пролива [14, p. 10]. Известно, что среди самосцев было много известных людей Эллады, так, например, здесь жил знаменитый баснописец Эзоп (Hdt., II, 134).

Уже к VII в. до н. э. Самос стал одним из успешных торговых центров Греции. Как пишет Дж. Бэррон: «Раннее процветание Самоса скорее всего было связано с удачным географическим расположением острова вблизи торговых путей, что облегчало импорт из Малой Азии» [10, p. 10]. Г. Берве считает, что отсутствие каких-либо географических препятствий давало большие возможности самосцам отправлять торговые суда на все четыре стороны света [11, s. 123]. Из этого

мы можем сделать вывод о том, что территориальное положение острова помогало контролировать значительную часть малоазийского побережья, тем самым Самос стал крупным центром торговли в Эгеиде. Самосцы активно торговали с населением Причерноморья, а также с Египтом, Киреной и Халкидой. Нам кажется, что это сделало Самос непримиримым врагом Милета, впоследствии они воевали друг с другом в Лелантской войне (ок. 710–650 гг. до н. э.). Следует отметить, что самосцы в этой войне впервые применили триеры на море (Hdt., V, 99). В результате Лелантской войны было на время подтверждено превосходство на море Милета, но уже позже он не раз подвергался атакам анатолийских государств. Это сыграло на руку Самосу, который был островным государством и был защищен морем.

Самое раннее упоминание самосского флота приводил Геродот: «Лакедемоняне снарядили [войско] и выступили в поход на Самос из чувства признательности, так как самосцы прежде послали им корабли на помощь против мессенцев» (III, 47, пер. Г. А. Стратановского). Описанный древним историком эпизод мы можем отнести либо к Первой (VIII в. до н. э.) или же ко Второй Мессенской войне (VII в. до н. э.). Фукидид писал: «Коринфский строитель Аминокл, который прибыл лет за триста до окончания этой войны [Пелопоннесской войны], построил им 4 корабля» (I, 13.3, пер. Г. А. Стратановского). Так как речь в тексте идёт о Пелопоннесской войне, можно предположить, что уже в VII в. до н. э. Самос располагал приемлемой величиной флота. О развитии мореплавания на Самосе в архаический период свидетельствует рассказ Геродота о некоем Колее, который плыл в Египет, но был отнесен восточным ветром на запад и прошел Геракловы Столпы, прибыл в Тартес (IV, 152).

Несмотря на процветающую экономику в середине VI в. до н. э. Самос был охвачен социальными смутами (Hdt., III, 39). Дата убийства последнего царя острова неизвестна, это событие точно произошло после смерти царя Амфикрата в начале VII в. до н. э. Э. Карти утверждает, что так называемые «геоморы» были низшей частью аристократии, и на основании археологических данных она делает предположение, что убийство Демотела произошло около 590-х гг. до н. э. [13, p. 31–33]. Согласно Плутарху геоморы убили последнего царя Самоса, Демотела, и установили олигархию (Quaest. Gr., 57). Мы вполне можем доверять историку уже римского времени, так как он был знаком и ссылался на сочинения историка Дуриса Самосского, труды которого не сохранились. Немецкий историк Г. Берве считает, что после свержения последнего царя на Самосе на непродолжительное время утвердилась демократия [1, с. 137].

В начале VI в. до н. э. Мегары напали на самосскую колонию Перинф. Тогда геоморы назначили 9 военачальников и отправили отряд из 30 кораблей на помощь Перинфу. Эти полководцы доби-

лись успеха и взяли в плен 600 человек. Геоморы отдали приказ, чтобы пленников привели к ним в цепях, но военачальники тайно заключили сделку с мегарцами и сняли с них кандалы. Позднее приведённые пленники убили геоморов в доме совета. После того как 9 военачальников взяли город под свой контроль, они предоставили мегарским пленным гражданство (Plut. Quaest. Gr., 57). Мегарцы скорее всего спроектировали и начали строить знаменитый акведук, который затем достроил Поликрат.

Ряд антиковедов считает, что на Самосе продолжилось демократическое правление этих полководцев [9, р. 210]. Однако Э. Карти считает, что на острове установилась олигархия. Мы склоняемся к её точке зрения, так как учёный приводит убедительный аргумент на основании данных археологии.

Автор замечает, что на Западном кладбище Самоса стал практиковаться более пышный погребальный обряд [13, р. 59]. Из источников неизвестно существовало ли правительство этих 9 военачальников, однако Г. Берве считает, что примерно в 560 г. до н. э. Силосонт, сын Калитела, сверг эту олигархию на Самосе. Он предположил, что по инициативе этого тирана был воздвигнут II храм Геры [1, с. 138]. Ряд историков полагает, что в середине VI в. до н. э. на Самосе был период гражданских смут. В частности, это подтверждал Геродот, указывая на то, что именно эти волнения стали причиной прихода к власти Поликрата (III, 39).

Так ли это было на самом деле? Дж. Боурдмэн на основании данных археологических раскопок, сообщает о том, что на Самосе того времени были серьезные разрушения памятников материальной культуры, что может свидетельствовать о гражданских беспорядках. Около 550 г. до н. э. погребальные стелы были разрушены, а аристократические захоронения на Западном кладбище прекратились [9, р. 170]. II храм Геры, известный как Храм Ройка, был разрушен всего через 10 лет после его постройки. Напротив, Э. Карти считает, что гражданских беспорядков не было, а причиной захвата власти стали лишь личные амбиции Поликрата и его братьев. Исследователь пишет о том, что разрушение храма Ройка было связано с ошибками при постройке здания, по ее мнению, из-за неправильно заложенного фундамента, святилище стало быстро разрушаться. Что же касается Западного кладбища на Самосе, то учёный полагает, что оно постепенно вышло из употребления [13, р. 100].

Разумеется, логика в суждения Э. Карти есть, но автор в своей работе не упоминает о новых местах захоронениях богатых лиц, поэтому мы думаем, что более достоверной является первая версия.

При изучении генеалогии Поликрата нужно заметить, что большинство учёных уверены в том, что Поликрат не первый тиран на Самосе, а лишь продолжал политику своих предшественников. Однако

некоторые антиковеды, не разделяют эту точку зрения. Например, М. Ю. Лаптева возражает предположению о том, что на Самосе существовала династия тиранов, аргументируя это тем, что «нельзя предпочитать позднеантичную традицию отвергая раннюю, например, Геродота» [4, с. 184]. Мы согласимся с этим суждением.

Некоторые исследователи именуют Поликрата внуком одного из самых ранних самосских тиранов Силосонта, сына Каллитела, который правил примерно в 560-х гг. до н. э. на Самосе [13, р. 215]. Однако мы не можем согласиться с этим, так как скорее всего ближайшие родственники Поликрата не были тиранами. Такой вывод можно сделать на основании источников о том, как Поликрат пришел к власти, о чём будет указано ниже. Также много вопросов вызывает фигура Силосонта, сына Каллитела. Этот «легендарный» тиран Самоса известен нам лишь кратким упоминанием у Полиэна, который писал, что тот захватил власть во время религиозного праздника (VI, 45). Можно заметить, что рассказ историка очень похож на повествование Геродота о захвате власти Поликратом. «Отец истории» сообщал, что Поликрат пришел к власти вместе со своими родными братьями во главе небольшого отряда (III, 39). Это произошло скорее всего около 540 г. до н. э. во время летнего праздника Геры. Геродот описывал эти события так. Согласно традициям в этот день жители с оружием в руках торжественно отправились к святилищу богини, которое располагалось недалеко от города. Перед храмом мужчины оставили оружие. Этим воспользовался Поликрат со своими братьями, они, захватив оружие, напали на безоружных людей, и заняли наиболее важные пункты в городе, в том числе крепость Астипалая (Hdt., III, 39). Антиковед Дж. Бэррон предположил, что Полиэн ошибся в имени отца, таким образом античный историк имел в виду брата, Силосонта, сына Эака [9, р. 50]. Из этого можно сделать вывод, что у Поликрата не было ближайших родственников правителей. Г. Шипли сообщает о том, что Силосонт захватил власть во второй половине VI в. до н. э., а Поликрат пришел к власти во второй четверти V в. до н. э. [14, р. 40]. Нам кажется это нереальным, так как временной промежуток между правлениями деда и внука была незначительным.

После смерти Силосонта последовала новая смута, для улаживания которой был приглашен эсимнет Фиобий, который пользовался помощью персов. На основании данных Геродота известно, что после этих событий, самосцы и хиосцы признали верховную власть Кира II (II, 135).

Таким образом, накануне захвата власти Поликратом Самос был богатым торговым полисом, который активно участвовал в общеэллинской жизни, особенно поддерживал связи с малоазийскими государствами. Несмотря на политическую нестабильность на острове, предшественники Поликрата подготовили почву для будущих его великих свершений.

Список литературы

1. Берве Г. Тираны Греции / пер. с нем. О. Е. Рывкиной. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.
2. Геродот. История в девяти книгах / пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 547 с.
3. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. М.: Наука, 2008. 576 с.
4. Лаптева М. Ю. Ионийские города-государства в VIII–VI веках до н. э.: Формирование полисного строя: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 218 с.
5. Плутарх. Застольные беседы / пер. М. Л. Гаспарова. Л., 1990. 590 с.
6. Полиэн. Стратегмы / пер. Д. И. Паппадопуло. СПб., 1842. 575 с.
7. Страбон. География / пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 790 с.
8. Фукидид. История / пер. Г. А. Стратановского. СПб.: Азбука СПб, 2018. 800 с.
9. Barron J. P. The Sixth-century Tyranny at Samos // *Classical Quarterly*. 1964. № 58. P. 210–230.
10. Barron J. P. The Tyranny of Duris of Samos // *CIR*. 1962. Vol. 12. № 3. P.10–19.
11. Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Munchen: Beck, 1967. 796 s.
12. Boardman J. Chian and Early Ionic architecture // *The Antiquaries Journal*. 1959. № 39. P. 170–218.
13. Carty A. *Polycrates, Tyrant of Samos: New Light on Archaic Greece*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. 260 p.
14. Shipley G. *A History of Samos, 800-188 BC*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 352 p.

Чернова Анна Юрьевна

Российский государственный гуманитарный университет

Научный руководитель:

Ершова Елена Сергеевна, канд. ист. наук, доц.

Гробница Тигран и синкретические мистерии греко-римской Александрии

The Tigrane Tomb and the syncretic cults of Greco-roman Alexandria

Аннотация. Гробницы Александрии представляют собой основной источник знаний о религиозных представлениях эллинистической эпохи и их художественном выражении. Декор гробницы Тигран — одно из самых подробных отражений синкретических мистерий Александрии, позволяющее выявить особенности иконографии мистерияльных сцен и продемонстрировать специфику культурного взаимодействия в эллинистическом Египте.

Ключевые слова: Египет; Книга Мёртвых; Александрия; эллинизм; культ Исиды.

Abstract. Tombs of ancient Alexandria are the main source of information on Hellenistic religion. Tigrane tomb reflects Alexandrian cults the most detailed way, demonstrating the specific iconography of mysteries and cultural syncretism of Hellenistic Egypt.

Key words: Egypt; Book of the Dead; Alexandria; Hellenism; Isis cult.

Египтизирующий стиль, то есть стремящийся к традиционной египетской изобразительной манере, в греко-римский период приобретает самостоятельное значение, независимое от объекта изображения: образы приобретают смысл больше через египетский стиль, чем через египетские символы или сюжеты. Гробница Тигран декорирована росписями, занимающими особое место среди александрийских погребальных монументов. Декоративная программа гробницы определяется культом Исиды [6, р. 730]. Фрески сочетают египетский и греко-римский стиль, изображая церемонию поклонения синкретической богине, что создаёт в декоре гробницы уникальный двойственный стиль.

Погребальная камера гробницы построена в виде типичного для римского периода триклиния, в ней расположены три саркофага в наосах.

Первая сцена, которую видит входящий, в центральном наосе — это мумия, лежащая на ложе, окружённая двумя женскими фигурами, несомненно, Исидой и Нефтидой [7, р. 140] (рис. 1.1). Хотя сюжет одинаков с бесчисленным множеством других, сцена заметно отличается от иных примеров: ложе не в виде льва, как должно быть согласно еги-

петской иконографии, оно показано в перспективе, изображены тени, отбрасываемые ножками кровати, ткань иллюзионистически драпирована, т. е. применяется эллинистический живописный стиль. На мумии нет маски, чего не встречается в египетской иконографии сцены. Анубис перемещён на пилястры как апотропей и не представлен в ритуале бальзамирования, каноп тоже нет. Фигуры богинь изображены более традиционным для Египта образом. Однако и они имеют черты именно эллинистического культа Исиды: орнамент на их платьях напоминает перья, юбки оканчиваются бахромой. В руках они держат пальмовые ветви. Из всех повествовательных сцен гробницы центральная проще всего поддаётся интерпретации, так как мумия, лежащая на ложе, фланкированном богинями — частый мотив в погребальной иконографии греко-римского Египта, происходящий из более ранних египетских иллюстраций в папирусах Книги Мертвых. Однако образ из этой гробницы отличается от остальных изображений этого сюжета столькими деталями, что можно сказать, сохраняется только общий мотив.

В отличие от центральной сцены, композиции в двух других наосах уникальны. Они изображают мистерии и инициацию в культ Исиды. В центре левого наоса изображена мужская фигура, стоящая фронтально, держа перед собой две пальмовые ветви (рис. 1.2). Он окружён крылатыми фигурами в длинных одеждах, покрытых узором в виде перьев, и сидящими шакалами. Подобная иконография фронтально стоящей фигуры между двумя шакалами встречается в римский период для изображения умершего на погребальных стелах [7, р. 143]. Таким же образом может изображаться Осирис, с которым отождествляется умерший. Тем не менее, целиком композиция, представленная в этой сцене, не имеет параллелей. Она интерпретируется как церемония инициации в мистерии Исиды, в которой посвящаемый забинтовывался, как мумия, чтобы затем освободиться от бинтов и достичь духовного перерождения [8, р. 152]. Орнамент на одеянии центрального персонажа, возможно, обозначает бинты мумии, которые часто изображаются именно так в эллинистическом и римском Египте [4, р. 78]. С культом Исиды его связывают и два пера на головном уборе, что является характерным отличием жреца-птерофора, одеяния которого на некоторых изображениях тоже оставляют торс открытым. Всё сказанное позволяет интерпретировать сцену как изображение церемонии, символизирующей восстание из мёртвых, подобно Осирису.

В правом наосе изображён персонаж, держащий в руках пальмовые ветви и склоняющийся на одно колено перед Исидой; ее обозначают атрибуты — диадема с уреем и бахромы на платье (Apul. Metam., XI, 3, 2, пер. М. А. Кузьминой) (рис. 1.3). Она держит в руках колосья, которые указывают на связь эллинистического культа Исиды с Деметрой. Слева изображена ещё одна мужская фигура, держащая в руках курильницу

и изогнутый посох. Подобный жезл применялся в действительности в погребальном ритуале, как это видно на виньетке к главе Ib (рис. 2), где в сцене перед усыпальницей изображены предметы, связанные с обрядом Отверзания уст и очей, среди которых жезл изогнутой формы [2, с. 391–396]. Это дополняет предположение об интерпретации сцен как воскресения из мертвых, поскольку именно в этом смысл египетского обряда. Кроме того, фронтальная фигура в левом наосе и коленапреклоненная в правом объединены пальмовыми ветвями, которые они держат. Пальмовые ветви в осирическом цикле обозначают обновлённую жизнь [7, р. 156]. С образом Осириса связан также узор на одеяниях персонажей — подобным орнаментом часто покрыты погребальные пелены Осириса (рис. 3). В папирусах Книги Мертвых Исида обычно не изображается в одеянии с таким узором, однако в эллинистическом культе именно она становится вместо Осириса главным действующим лицом, к которому обращены мистерии, и на неё переносятся многие его черты [3, с. 112–116].

Таким образом, декоративная программа гробницы посвящена синкретическим мистериям Исида и инициации в них, которая представляла собой обряд символической смерти и последующего возвращения к жизни и обретения бессмертия души, получаемого посвящёнными от богини. Отсюда видно, как в греко-римских мистериях Исида ее образ отделяется от образа Осириса и приобретает черты универсальности, она предстаёт как владычица неба, земли и Дуата и отождествляется не только с Деметрой, но и со всеми другими богинями. Сцены в наосах изображают каждая отдельный момент инициации. Возможно, что их следует интерпретировать как смерть, воскресение и апофеоз Осириса, с которым ассоциируется сам участник таинства. Отождествление каждого умершего с Осирисом известно в Египте, начиная с эпохи Древнего царства, и продолжается также и в эллинистическую эпоху [5, р. 58].

В Александрии, как и во всём эллинистическом мире, поклонение Осирису принимало форму синкретизма с Дионисом, что здесь выражается в дионисийских мотивах в росписи потолка, декорированного в центре горгонеёном, вокруг которого помещены тирсы, леопарды и козы (рис. 4).

Гробница Тигран содержит сложную систему отсылок к религии Египта, в то же время, сохраняя греко-римское наследие. Потолок погребальной камеры расписан в эллинистическом стиле, в то время как настенные росписи берут за основу египетский стиль, включая сцены символического возрождения, иницируемого в боковых наосах, чрезвычайно важные для эллинистического культа Исида, но отсутствующие в древнеегипетском контексте и созданные без египетского образца. Единственное отступление от египетского стиля в декоре наосов — это ложе в центральной сцене. Можно предположить, что сце-

ны, имеющие место в материальном мире, как лежащая на ложе мумия, изображаются с большим реализмом, тогда как потусторонние события и персонажи — символическое воскрешение и обращение к богине — в более условном египетском стиле. Египет предстает как метафора, обозначающая связь с древностью этой страны и её богов.

Именно отсюда видно, что стиль здесь обретает самостоятельное значение и применяется независимо от объекта изображения, образы приобретают гораздо больший эффект через египетский стиль, чем через египетские символы и сюжеты. Именно стиль здесь передаёт эсхатологическое значение.

Список литературы

1. Апулей. *Метаморфозы* / пер. М. А. Кузьминой. М.: Издательство «Э», 2018. 605 с.
2. Бадж У. Папирус Ани Британского музея. Перевод, введение и комментарии Э. А. Уоллеса Баджа / пер. с англ. С. В. Архиповой. М.: Алетейа, 2003. 414 с.
3. Чегодаев М. А. Папирусная графика Древнего Египта. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
4. Adriani A. Ipogeo dipinto della via Tigrane Pascia // *Bulletin de la societe d'archeologique d'Alexandrie*. 1956. № 41. P. 62–86.
5. Budge W. *Osiris and the Egyptian Resurrection, Illustrated after Drawings from Egyptian Papyri and Monuments*. London: Dover Publications, 2011. 464 p.
6. Venit M. S. The tomb from Tigrane Pasha Street and the iconography of death in Roman Egypt // *American Journal of Archeology*. 1997. № 101. P. 729–772.
7. Venit M. S. *Monumental tombs of ancient Alexandria: theater of the dead*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 267 p.
8. Venit M. S. *Visualizing the Afterlife in the Tombs of Greco-Roman Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 296 p.
9. [The British Museum's collection items of `Egypt]. URL: <https://www.britishmuseum.org/collection/egypt> (дата обращения: 03.11.2021).

Приложения

Рис. 1.1 – 1.3. Фрески погребальной камеры Гробницы Тигран [7, с. 112–113, рис. 8–10]

Рис. 2. Папирус Ани, глава Ib.
Лондон, Британский музей. *Фрагмент.* [9]

Рис. 3. Папирус Ани, глава СХХV.
Лондон, Британский музей. *Фрагмент.* [9]

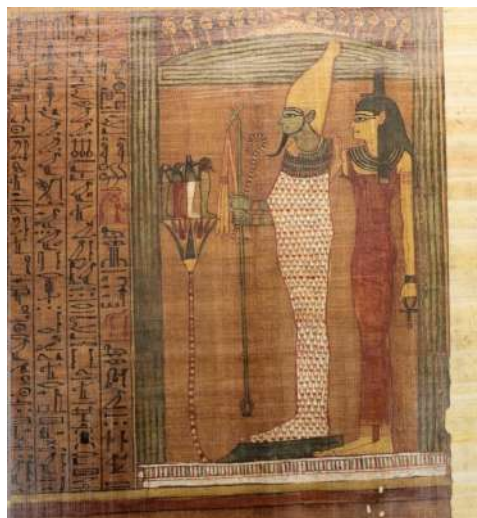

Рис. 4. Роспись потолка в Гробнице Тигран [8, рис. 2.29].

Глебов Владимир Сергеевич
Государственный социально-гуманитарный университет г. Коломна
Научный руководитель:
Шаблин Андрей Александрович, канд. ист. наук, доц.

Особенности защитного снаряжения римских трубачей и знаменосцев I–II вв. н. э.

Peculiarities of the protective equipment of Roman trumpeters and standard-bearers of the I–II centuries A. D.

Аннотация. В данной статье предлагается версия отличия снаряжения знаменной и сигнальной группы легиона от солдат. Статья описывает снаряжение знаменосцев и трубачей шлемами со снятыми или отсутствующими нашечниками, защиту корпуса выполнял доспех типа Lorika Hamata и Lorika Skvamata. В ходе исследования делается вывод, что это необходимо для эффективного выполнения функций, без потери защищенности воина и является закономерным развитием военного дела Римской армии.

Ключевые слова: легион; букцинатор; сигнифер; Римская армия.

Abstract. This article offers a version of the difference between the equipment of the banner and signal group of the legion and that of the soldier. The article shows that standard-bearers and trumpeters were equipped with helmets with removed or absent pads, the protection of the body was performed by armor type Lorika Hamata and Lorika Skvamata. The study concludes that this is necessary for the effective performance of functions, without losing the protection of the warrior and is a natural development of military affairs of the Roman army.

Key words: legion; buccinator; signifer; Roman army.

Древний Рим был сильной военно-политической державой, захватившей большую часть цивилизованного мира. Это государство оказало большое влияние на весь дальнейший процесс развития цивилизации, а совершенство некоторых структур и организаций не удалось превзойти до сих пор. Это в полной мере относится к древнеримской армии. Защитное вооружение Древнего Рима имеет ряд своих особенностей. Для защиты от ударов противника, легионеры использовали разные виды и типы доспехов.

Интересным аспектом военного дела являются защитные средства римских трубачей (букциариев, корнистов) и знаменосцев (аквилиферов, имагниферов, сигниферов). Для изучения данного вопроса был выбран хронологический период I–II в. н. э. Более ранняя эпоха не имеет достаточного комплекса источников как описательных, так археологических и иконографических. Для более поздней эпохи характерно серьезное изменение военного дела, смены ролей и функций, исполняемых солдатами и младшими офицерами обязанностей, бо-

лее скудное отображение в источниках выбранного для исследования вопроса.

Данная тема является дискуссионной. В настоящее время обозначенная проблема слабо освещалась в историографии. Вопрос отличия защитных средств знаменной и сигнальной групп не обозначался и не рассматривался подробно.

При изучении данной темы были использованы исследования как отечественных, так и зарубежных историков. Среди них А. В. Банников, А. В. Махлаюк, А. Е. Негин, С. М. Рубцов, Стивен Дандо-Коллинз, Раффаэле Д'Амато, Росси Кован, а также Питер Коннолли. Все они уделяют внимание устройству римской армии и войска, типологии доспеха, его примерной датировке и тактико-техническим характеристикам. Изучение источников и литературы позволило прийти к следующим заключениям.

Данный период римской военной истории характерен взлетом могущества римской армии, высокой технологической культуры снаряжения и высоким заработком военнослужащих [3, с. 47–59; 8, с. 25]. В римской армии сигниферов, аквилиферов, вексилариев, корнисинов и букциариев относили к младшему офицерскому составу [1, с. 254–274; 8, с. 40; 10, с. 112–123]. Мы не имеем точных данных по идентификации вооружения и снаряжения солдат к офицерскому или солдатскому составу. До нас не дошло воинских уставов или каких-либо документов, упоминающих разницу между младшими офицерами и солдатами римской армии в вопросе вооружения. На данный момент, одним из используемых критерием идентификации вооружения по принадлежности к составу армии является иконографическое изображение — рельефы с триумфальных колонн и надгробные памятники. Они несут в себе целый комплекс данных: от изображения легионера в полный рост в военной экипировке до имени, звания и занимаемой должности. Однако здесь есть своя специфика. Воля заказчика в лице государства в создании пропагандистского материала, которым является триумфальная колонна, конкретного человека, заказывающего памятник, в изображении снаряжения, были субъективны. Иконографическая традиция или банальная ошибка каменщика могут исказить представление об истинном внешнем облике солдат и офицеров римской армии. Но при этом именно иконографические изображения дают понять комплекс вооружения эпохи и его соответствия занимаемой должности в армии. На изображениях сигнальная и знаменная группа легиона отличается от простых солдат и других офицеров изображением звериной шкуры, накинутой поверх шлема [3, с. 177, 195–199; 6, с. 144] (рис. 1; 2). Однако у них отсутствует типичные для римских железных оголовий нащечники. Версия того, что младший офицер шел в бой без шлема, несостоятельна. На основе этого выдвигается гипотеза об использовании в сигнальных и знаменных группах римской армии модификации

римского шлема без нащечников. Данный конструктивный элемент мог как отсутствовать, так и сниматься ввиду особенностей его сборки. Данное предположение объяснимо ролью знаменосцев и трубачей в войске [9, с. 58–60]. Они находятся в отдалении от непосредственного боя и приставлены к центуриону, где прямой и непосредственной угрозы им нет, при этом важно не терять командира из поля зрения, не только четко слышать команды, но и вовремя на них реагировать, а также в случае столкновения с врагом иметь доспешную защиту [2, с. 92–98; 8, с. 40; 10, с. 220–223]. Букциариям необходимо подавать сигналы посредством трубы, и нащечники могут затруднять это. Сигнеферам и вексиллиферам нащечники могут перекрывать обзор. Имеющиеся археологические находки римских шлемов без нащечников подтверждают данную гипотезу. Такие шлемы как Колус I, Колус H, Колус G, Колус F, Колус B не имели при обнаружении нащечников и могли принадлежать знаменной или сигнальной группе [3, с. 358–361; 11, с. 26–41]. Подобные шлемы так же присутствовали в армии и раньше, примером может послужить Колус A [11, с. 26–29]. Его датировка, III–I вв. до н. э., совпадающая с периодом реформы армии Республиканского Рима, когда легион значительно укрупнялся и для управления им потребовался трубач, позволяет предположить о преемственности данного технологического решения [7, с. 161].

Одним из элементов отличия защитного вооружения знаменной и сигнальной группы, является корпусный доспех. На рельефах колонны Траяна (рис. 1) и колонны Аврелия (рис. 2), а также надгробных памятников сигнифера Квинта Лукция Фавста из Майнца [4, с. 80; 9, с. 55], Квинта Сертония Феста из Вероны [3, с. 135], надгробия Гая Валерия Секунда из Майнца [5, с. 33]. Данные солдаты изображены в доспехах типа Лорика Хамата¹, и Лорика Сквамата². Обладающие большей гибкостью в сравнении с Лорикой Сегментатой³, они не стесняют движения, хорошо защищают от рубящего удара и метательных снарядов, позволяют беспрепятственно исполнять задачи без потери защищенности и подвижности.

Таким образом, мы предполагаем, что снаряжение знаменной и сигнальной группы легиона отличалось от солдатского. Сигниферы, аквилиферы, имагниферы, букцинаторы и корнисины снаряжались шлемами со снятыми или отсутствующими нащечниками, а защиту корпуса выполнял доспех типа *Lorika Hamata* и *Lorika Skvamata*. Это было необходимо для более эффективного выполнения своих функций, без

¹ Доспех типа Лорика Хамата — кольчуга, состоявшая из сплетенных кованых железных колец.

² Доспех типа Лорика Сквамата — чешуйчатый доспех с бронзовыми или железными пластинками в форме рыбьих чешуек, нашитых поверх тканевой основы, либо кольчуги.

³ Доспех типа Лорика Сегментата — сегментированный доспех из кованых стальных пластин.

потери общей защищенности воина. Этот элемент защиты является закономерным развитием военного дела Римской армии.

Список литературы

1. Банников А. В. Быть легионером. М.: Евразия, 2019. 160 с.
2. Банников А. В. Римская армия эпохи принципата. Организация, вооружение, тактика. М.: Евразия, 2020. 416 с.
3. Д'Амато Р. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. – 192 г. н. э. / пер. с итал. М.: Эксмо, 2012. 344 с.
4. Дандо-Коллинз С. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи / пер. с англ. Н.Ю. Живлова. М.: Центрполиграф, 2017. 639 с.
5. Кован Р. Римские легионеры. 58 г. до н. э. – 69 г. н. э. / пер. с англ. Н. А. Феногенова. М.: АСТ; Астрель, 2005. 70 с.
6. Коннолли П. Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков / пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2009. 320 с.
7. Махлаюк А. В. Римские легионы: Самая полная иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, Яуза, 2018. 416 с.
8. Негин А. Е. Римский декорированный доспех эпохи принципата. М.: Фонд «Русские витязи», 2020. 424 с.
9. Негин А. Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. М.: Нестор-История, 2010. 235 с.
10. Рубцов С. М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II века нашей эры). М.: Евразия, 2018. 288 с.
11. Шапковский В. А. Ещё одна колонна. Ещё один источник. URL: <https://topwar.ru/138238-esche-odna-kolonnaesche-odin-istochnik.html> (дата обращения: 04.11.2021).
12. Robinson H. R. Armour of Imperial Rome. London: Arms and Armour Press, 1975. 200 p.
13. Trajans Column Scenes I-XXI (1-21) Trajans Column in Rome. URL: <http://www.trajans-column.org/?flagallery=trajans-column-scenes-xxi-1-21> (дата обращения: 04.11.2021).

Приложения

Рис.1. Колонна Траяна [13].

Рис.2. Колонна Аврелия [11].

**Справедливость и милосердие Октавиана Августа:
биография и автобиография
(по «Жизнеописанию» Светония и «Деяниям божественного
Августа»)**

**Political career and moral qualities of Augustus in his
biography and autobiography
(a study of Suetonius' «Life of Augustus» and «The Deeds of the
Divine Augustus»)**

Аннотация. Настоящая статья представляет собой сравнение биографии и автобиографии Октавиана Августа — одного из самых известных деятелей римской истории рубежа эр и истории в целом. В качестве критериев сравнения были выбраны две близкие категории — справедливость и милосердие — одни из составляющих образа «идеального римлянина». Основная цель работы — сформировать два образа Октавиана: один он создал сам в своей автобиографии «Деяния божественного Августа», второй — творение Гая Светония Транквилла, автора «Жизни двенадцати цезарей».

Ключевые слова: справедливость; милосердие; образ; сравнение.

Abstract. The aim of the article is to compare two close historical sources: the biography and autobiography of Octavian Augustus to see the difference between the emperor's self-image (self-awareness) and how historians perceived him later through years. As criteria for comparison, two closely related categories were chosen — justice and mercy — one of the components of the image of the «ideal Roman». The work's main goal is to form two images of Octavian: one he created himself in his autobiography «The Deeds of the Divine Augustus», the second — the creation of Caius Suetonius Tranquillus, author of «Life of Augustus».

Key words: justice; mercy; image; comparison.

Слишком много в истории Рима связано с именем Октавиана Августа, чтобы недооценить его роль в ней. Самое главное — он продолжил двигаться к перестройке республиканской модели в имперскую. Его принципат стал переходным периодом от Римской республики к Римской империи [3, с. 3], но уже не был республикой. Республика пала после победы Октавиана в битве при Акции в 27 г. до н. э. [6, с. 245].

Личность Октавиана Августа привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей, причем не только современных, но и античных. Отдельную главу в своем труде «Жизнь двенадцати цезарей» Октавиану посвятил и Гай Светой Транквилл, составив довольно полное описание жизни этого государственного деятеля. Кроме того, сам Август оставил потомкам собственное сочинение о себе — «Деяния бо-

жественного Августа», которое легло в основу или, по крайней мере, использовалось в каждом историческом сочинении о нем.

Iustitia et clementia

С латинского «iustitia» переводится как «справедливость». Цицерон определяет справедливость следующим образом: «Первое требование справедливости в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя не вызвали на это несправедливостью» (Off., 1, 20, пер. В. О. Горенштейна). При этом несправедливо поступает не только тот, кто причиняет несправедливость, но и тот, кто не оказывает помощь пострадавшему от несправедливости [5, с. 170]. Существовала и более простая трактовка этой добродетели: справедливо то, что написано в законе. В Древнем Риме почитали богиню справедливости Эквита и Юстицию — богиню правосудия.

Римляне чтили также и богиню милосердия и снисходительности Клеменцию [7, р. 56–57]. В связи с изучением соблюдения справедливости, можно обратить внимание и на использование «clementia» — милосердия. Утверждая это, хотим использовать то противоречие, которое иногда образуется между справедливостью и милосердием. Самым простым примером такого противоречия может выступить христианская идея о милосердии Бога: с одной стороны, люди постоянно грешат, т. е. нарушают установленные Богом правила и должны быть наказаны, с другой — Бог всегда милостив к людям и снова и снова принимает их покаяние. Соблюсти этот баланс довольно сложно: часто судья оказывается перед непростым выбором — помиловать или наказать. Оказывался перед ним и Октавиан Август.

Справедливость и милосердие в «Деяниях божественного Августа»

Интересующая нас информация в тексте встречается всего несколько раз. Справедливость и милосердие служат общим фоном действий Августа, поэтому о них ему достаточно лишь упомянуть. Октавиан отмечает, что в политической борьбе использовал только законные средства. По его словам, он никогда не начинал войны первым, а только защищался, и в случае нападения такое поведение подходит под цicerоновское определение справедливости. Это подтверждается его словами о том, что он вел внешнюю политику, «ни с одним народом не ведя войны беззаконно» (Rgd, A., 26, 3, пер. И. Ш. Шифмана).

Август отправил убийц своего отца в изгнание «в соответствии с законными приговорами суда совершив над ними месть» (Rgd, A., 2, пер. И. Ш. Шифмана). Получается, что к своему pietas — благочестию (отмщению за убийство отца) он добавляет еще справедливые методы борьбы [4, с. 315].

Касательно милосердия Октавиан пишет, что во время гражданских войн гражданам, просившим его о милости, он даровал по-

щаду. А «чужеземные народы, которых безопасно можно было простить» (Rgd, A., 3, 2, пер. И. Ш. Шифмана) он не уничтожал, а сохранял.

Своей справедливостью и милосердием Октавиан формирует создаваемый им образ правителя-идеала. Справедливость его действий и умение миловать показывают в нем человека властного, но помнящего, что милосердие — право именно властителя.

Справедливость и милосердие Августа в сочинении Светония: сравнение

Начнем с того, что Октавиану приписываются Светонием не только справедливые методы борьбы со своими противниками как внутренними, так и внешними. Желая отомстить за убийство Цезаря, он хотел «напасть врасплох на Брута и Кассия с оружием в руках» (Suet., Aug., 10, пер. М. Л. Гаспарова), и только после того, как они скрылись, он решил прибегнуть к силе закона и обвинил их в убийстве. Во время противостояния с Антонием Август подослал к нему наемных убийц. Молва приписывала Октавиану убийство консулов Гирция и Пансы: сделав это, он мог выдвинуть свою кандидатуру на консульство. Трудно назвать честным его поведение во время гражданских войн, когда он, чтобы доказать свою верность одной партии, обрушивался на представителей другой, к которой сам еще вчера принадлежал.

Нечестным путем Октавиан приобретал свою власть, по сообщению Светония. Своего товарища по триумvirату Марка Лепида Август вызвал в Рим из Африки якобы для помощи, но, когда тот приехал, отнял у него войска и полномочия. Пожалуй, самым важным доказательством будет эпизод, в котором Октавиан захватывает консульскую власть на двадцатом году жизни. Сам Август об этом писал: «Народ также в том же году избрал меня консулом, когда оба консула на войне погибли» (Rgd, A., 1, 4, пер. И. Ш. Шифмана). Светоний же приводит совершенно другие сведения. Октавиан подступил к Риму со своими легионами как завоеватель и потребовал от имени войска, чтобы сенат предоставил ему консульское звание. Когда же сенаторы засомневались, посол Октавиана центурион Корнелий указал им на свой меч и произнес: «Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!» (Suet., Aug., 26, пер. М. Л. Гаспарова). Речь идет о прямом захвате власти путем военного переворота.

Светоний подтверждает справедливость Октавиана в вопросах внешней политики: «Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных» (Suet., Aug., 20, 2, пер. М. Л. Гаспарова). Тут нас больше будет интересовать милосердие Августа. И здесь текст Светония противоречит тексту самого Октавиана.

Становясь победителем в гражданскую войну и побеждая врага внешнего, Август иногда не знал милосердия и пощады. Голову Брута он отправил в Рим, намереваясь выставить ее на обозрение у статуи убитого Брутом Цезаря. На пленниках он вымещал свою ярость, иногда отка-

зывая им даже в надлежащем погребении, говоря, что «об этом позаботятся птицы» (Suet., Aug., 13, 2, пер. М. Л. Гаспарова). Светонию известен эпизод, когда после взятия войсками Августа Перузия, многие пленники были казнены, несмотря на то, что они униженно просили пощады: Октавиан обрывал их словами «Ты должен умереть!» (Suet., Aug., 15, пер. М. Л. Гаспарова). Не дал он пощады и другому своему политическому противнику Марку Антонию: когда тот предлагал Октавиану условия мира, последний все их отклонил, вынудив Антония покончить жизнь самоубийством.

Итоги

Итак, два текста противоречат друг другу. Октавиан умалчивает о несправедливых действиях, выставляя себя справедливым и честным политиком, который к тому же милосерден. Этим он формирует свой идеальный образ правителя.

Светоний же рисует совершенно другую картину. Октавиан приобретает в его рассказе черты реального политика, который просто не может обойтись без несправедливых действий. Другим вопросом является немилосердность Августа: при всей своей «политичности» политик может оставаться милосердным к проигравшему врагу, ведь милосердие — это право сильного. Однако сам Октавиан оказывается жестоким и беспощадным к своим противникам, о чем сам предпочитает умалчивать, поскольку это не добавляет ему черт для положительного восприятия.

Список литературы

1. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. 364 с.
2. Деяния божественного Августа / пер. И. Ш. Шифмана // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. С. 189–199.
3. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1985. 223 с.
4. Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 607 с.
5. Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. С. 159–174.
6. Штаерман Е. М. Светоний и его время // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. С. 245–257.
7. Jones J. M. A dictionary of ancient Roman coins. London: SPINK, 2004. 330 p.

Статус Октавиана в пропаганде принципата

Octavian's status in the propaganda of the Principate

Аннотация. В данной статье дается общая характеристика образа власти Августа в идеологии «Восстановленной республики». Автор приходит к выводу, что формально при Октавиане сохраняются прежние республиканские должности. Однако де-факто Август становится единоличным правителем, использующим республиканские институты для укрепления своей власти. Для строительства новой политической системы Октавиан прибегает к использованию старых символов и идеалов.

Ключевые слова: принципат; Август; политика; Древний Рим.

Abstract. In this article, you can find a general characteristic of the image of Augustus' power in the ideology of the «*Republica restituta*». The author comes to the conclusion that formally, under Octavian, the former republican positions remain. However, de facto Augustus becomes the sole ruler, using republican institutions to strengthen his power. To build a new political system that answered the questions of the time, Octavian resorted to the use of old symbols and ideals.

Key words: Principatus; August; politics; Ancient Rome.

С началом единоличного правления Октавиан Август должен был обозначить свой исключительный статус в обществе определенными понятиями, которые могли бы отвечать представлениям сограждан о власти. Конкретного титула, обозначающего всю полноту власти Августа, не было, а поэтому приходилось прибегать к оперированию разными терминами [9, с. 93]. Впоследствии некоторые обозначения принимали дополнительный смысл или утрачивали старое значение.

Следует сказать, что не все титулы являются равноценными и имеют одинаковое значение. Т. Моммзен различает имя императора и его титулатуру, которые указывали на отличительные черты императорской власти. Однако Я. Ю. Межеричкий полагает, что провести чёткую границу между именем и титулом Августа невозможно, так как содержание старых наименований постоянно изменялось [7, с. 507–508]. По этой причине следует рассмотреть каждое понятие отношения власти Августа и выяснить его значение.

При рождении Август обладал именем Гай Октавий Фурин. После усыновления Юлием Цезарем он получил имя Гай Юлий Цезарь Октавиан (Suet., Aug., 1–7). Суффикс «-ан» в имени указывает на переход человека в другой род при усыновлении [11, с. 74]. И такая степень родства была особенно важна, ведь принадлежность к роду Юлиев, как к одному из знатных патрицианских родов Рима, была довольно престижной. Когномен (прозвище ответвления рода) Цезарь превратил-

ся в номен (имя рода), что возвещало о создании правящей династии Цезарей [12, с. 98]. В 42 г. до н. э. Цезарь был обожествлен, а Октавиан был провозглашен «сыном божественного Юлия» [7, с. 509].

Императорский титул действительно занимал особое место в титулатуре Цезаря. И. Ш. Шифман считает, что это понятие вовсе не было нововведением. Издревле императорами провозглашались удачливые полководцы, одержавшие решительные победы над врагом. При этом сам титул находился вне системы магистратур и не наделял человека реальной властью. Однако уже в I в. до н. э. императора стали рассматривать как носителя империя — высшей военно-административной власти. Цезарь сделал его своим личным именем и стал называться Император Гай Юлий Цезарь [12, с. 26]. После усыновления кроме звания «сына божественного» (с момента обожествления Цезаря в 44 г. до н. э.) к личному имени Октавиана еще добавлялся и преномен Император, который был своего рода универсальным притязанием на власть в форме наследуемого имени [7, с. 511]. По сути, вместе с именем Гаю Октавию переходила военная слава Цезаря и отношения патрона-та-клиентелы между домом Юлиев и армией. Преданные легионы становились надежной опорой власти императора [7, с. 510]. При этом сам Октавиан писал о том, что он провозглашался императором 21 раз, очевидно подразумевая под этим словом именно титул (RGDA, IV). Можно утверждать, что личность Октавиана соединяла в себе имя и титул, которые должны были подкреплять свой статус реальными победами. Наименование «император» теперь трансформировалось с использованием республиканских смыслов в официальное обозначение правителя, олицетворением которого являлся сам Август.

Особое значение имело имя «Август», дарованное Октавиану за возвращение Республики Римскому народу (RGDA, XXXIV). Augustus имело двойственное значение: оно означало «выдающийся», а вместе с тем и «священный». Как писал Дион Кассий: «Цезарь принял имя Августа как указывающее на что-то сверхчеловеческое...» (Dio Cass., LIII, 16, пер. А. В. Махлаюка). Указывая на сверхъестественный элемент, оно не вступало в конфликт с римским предубеждением касательно обожествления живых людей. Полное имя Октавиана — Император Цезарь Август, сын божественного Юлия — в каждой из четырех его составных частей содержало в себе сакральный смысл, недоступный простому смертному римлянину, но исходящий из республиканских традиций [7, с. 515–516].

На 76-ом году жизни Август был провозглашен Отцом Отечества (RGDA, XXXV). Звание *pater patriae* имело традиционно республиканское происхождение и присуждалось за исключительные заслуги перед Римской Республикой.

Ещё одним элементом установленного Августом порядка являлось положение принцепса. Однако согласно старинным римским

обычаем, звание принцепса находилось вне магистратских структур [6, с. 309]. При этом положение первого человека в сенаторском списке давало огромный престиж. Уже в поздней Республике звание *princeps senatus* превращалось в особую должность с функцией председателя сената [4, с. 120]. *Statio princeps* Октавиана же обеспечивался его заслугами по спасению Отечества. В соответствии с республиканскими идеалами, *princeps* Август был «первым среди равных» [7, с. 300]. Так он превосходил всех своим *auctoritas*, но по власти был равен коллегам по каждой магистратуре (RGDA, XXXIV).

Что такое *auctoritas*? По К. В. Дрязгунову, это морально-политическое реальное влияние личности, дарованное за особые заслуги и опиравшееся на поддержку граждан. Именно *auctoritas* следует рассматривать как основу исключительного политического положения Августа [3, с. 1]. Ещё в эпоху ранней Республики магистраты, судьи и советники прибегали к консультациям опытных доверенных лиц, составлявших совет (*consilium principis*). Совет не был наделен формальной властью, но к нему прислушивались как к собранию достойнейших граждан [7, с. 500]. Апеллируя к республиканским понятиям, Октавиан стремился обосновать свое положение традиционными способами. Август прекрасно понимал, что добровольное следование за человеком, обладающим *auctoritas*, не наносило ущерб «ощущению» свободы [7, с. 501]. Так как Октавиан обладал «высшим авторитетом» принцепса, то согласно древнему обычаю любое ответственное решение сенат должен принимать, только спросив мнение Августа («официальное право рекомендации»). Полагаем, что для поддержания своего авторитета для Императора создавался имидж «друга народа». Именно поэтому Октавиан прибегает к «показной скромности», когда «лоббирует» нужные решения от лица сената и народа (RGDA, I, V, VI, VIII, X, XIII, XXII), публично отказывается от почестей, которые не имеют никакой практической необходимости (RGDA, XX, XXI), и даже делится властью со своим «коллегой» (RGDA, VI).

Предположем, что титулы принцепса и императора ещё и подкрепляли *auctoritas* Октавиана. Номинально в эпоху республики они не имели юридической значимости, но в «Августов век» эти традиционные понятия как морально-этические категории подменяются государственно-правовыми реалиями. Так можно говорить о немагистратских полностью римских источниках власти римских императоров [6, с. 393].

Далее следует что Октавиан занимал одновременно многие государственные посты. Все должности и полномочия Августа можно подразделить на три группы по степени соответствия республиканской конституционной традиции [2, с. 2]. В первую группу входят ординарные магистратуры, к которым можно отнести, с некоторыми оговорками, должности консула (RGDA, I; Suet., Aug., 26) и верховного

понтифика (RGDA, X; Suet., Aug., 31). Во вторую — правомочия, вполне республиканские, но предоставленные ненадлежащему лицу: трибунская власть (Октавиан принадлежал к патрицианскому роду, а на должность трибуном мог избираться только плебей), право на проведение ценза (это была прерогатива специально избираемых должностных лиц — цензоров) и знаки консульской власти, полученные во время консулата других лиц. К третьей группе относятся экстраординарные магистратуры и полномочия, республиканской традиции неизвестные: должность триумвира, полномочия по надзору за делами, нуждающимися в попечении (Dio Cass., LIII, 12), по снабжению Рима продовольствием (RGDA, V), а также право принимать решения, приравняемые к постановлениям сената. Магистратские должности Октавиана имели большее значение как оформление власти, с помощью которой Август «обеспечил верховную власть с одобрения сената и народа» (Dio Cass., LIII, 12, пер. А. В. Махлаюка). Также стоит отметить специфическое наделение Августа пожизненной трибунской властью *tribunicia potestas* в 23 г. до н. э. (Suet., Aug., 27), которое имело не только конкретно-политические, но и идеологические задачи [8, с. 261]. Мотивацией для этого должно было быть, во-первых, сакральный характер трибунской власти, дарующий его владельцу неприкосновенность, а также право на законодательную инициативу [6, с. 398]. Во-вторых, трибун считался у простых масс как заступником народа [8, с. 263]. Для обозначения высшей власти Октавиан также использовал должность консула.

Таким образом в «восстановленной Республике» Императора Августа сохраняются старые республиканские государственные институты, но наиболее важные должности он занимает сам. Именно при нем происходит необычное совмещение обычных магистратур в одних руках. В совокупности генерируемое в римском обществе представление о личности Императора Цезаря вполне соответствовало республиканским идеалам. Оно сочетало в себе некую сакральность, авторитет мудрейшего (*auctoritas*), знатность рода и образ защитника Отечества. Нужно сказать, что Октавиана сумел построить «новое здание» принципата из республиканских «кирпичиков» на сочетании традиционно и харизматичного типов легитимности власти.

Список литературы

1. Деяния божественного Августа / пер. И. Ш. Шифмана. // Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. С. 189–199.
2. Дрязгунов К. В. Правовой статус и полномочия императора в эпоху раннего принципата: Октавиан Август // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 10. С. 1–8.
3. Дрязгунов К. В. *Auctoritas* и титулатура как основа власти Октавиана Августа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11. С. 1–3.

4. Егоров А. Б. Римское государство и право (царский период и эпоха республики). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 172 с.
5. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII. / пер. под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.
6. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 718 с.
7. Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
8. Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга: Изд-во Калуж. гос. пед. ун-та, 1994. 442 с.
9. Моммзен Т. История римских императоров: По конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882–1886 гг. / пер. с нем. Т. А. Орестовой. СПб.: Ювента, 2002. 632 с.
10. Светоний Транквилл Гай. О жизни Цезарей. О знаменитых людях (фрагменты) / пер. М. Л. Гаспарова. СПб.: Алетейя, 1998. 480 с.
11. Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. 352 с.
12. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 200 с.

Кулыгин Леонид Андреевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Бугаева Наталья Владимировна, канд. ист. наук, доц.

Камулодун к 61 г. н. э.: пределы традиции и инновации

Camulodunum by 61 AD: the limits of tradition and innovation

Аннотация. В статье на основании сообщений Тацита и данных археологических раскопок рассматривается структура Камулодуна в первый период его существования во взаимосвязи с освоением римлянами пространства Британии. Автор приходит к выводу, что структура общественных зданий Камулодуна схожа с описанной Витрувием. Также автор статьи подчеркивает, что в потенциально враждебной среде римляне предпочли создать город привычного для них облика.

Ключевые слова: Камулодун; восстание Боудикки; Тацит; Витрувий.

Abstract. This article considers the structure of Camulodunum in the first period of its being on Tacitus reports and archeological evidences in connection with the exploration of space in Britannia provided by the Romans. The author sums up that the structure of public buildings in Camulodunum looked similar to ones described by Vitruvius. Also the author of the article stresses that the Romans preferred to create settlement with appearance common for them in potentially hostile space.

Key words: Camulodunum; Boudica's uprising; Tacitus; Vitruvius.

Объектом исследования в данной статье являются градостроительные особенности колонии Камулодун в римской провинции Британия в 49–61 г. н. э., т.е. в первый период существования колонии [1, с. 14].

В 43 г. полководец императора Клавдия Авл Плавтий завоевал значительную часть Британии. На тот момент остров был населен кельтскими племенами; юго-восточная его часть была под властью катувеллавнов [6, с. 54–56]. Остров также имел определенные контакты с Римской империей (о чем свидетельствуют импортированные предметы роскоши [6, с. 59, 60]. В 40/41 г. вождь катувелавнов Кунобелин умирает. Разгорается конфликт между его сыновьями Каратаком и Тогодумном с одной стороны и Админием, который укрылся в Риме при императоре Калигуле, с другой. В противостоянии Рим принял сторону последнего, что дало императору Клавдию формальный повод для вторжения в 43 г. [6, с. 56, 62, 66–67].

Но что из себя представляла Британия с точки зрения римлян? П. К. Стюарт отмечает, что в римской литературе сложился определенный набор «топосов», ассоциировавшихся с данным регионом [11, р. 1], среди которых можно выделить крайнюю удаленность места житель-

ства британцев [11, р. 4–5]. Остров виделся пределом мира, где живут люди с культурой, отличной от римской [11, р. 6–7]. Автор данного исследования не утверждает, что все перечисленные коннотации возникли в голове всякого, пересекавшего Ла-Манш. Однако общий настрой произведений позволяет уловить «дух места», которым римляне наделили Британию; Клавдий посылал войска в страну недружелюбную и недостаточно знакомую.

Для освоения и контроля завоеванной местности римляне в 49 г. основывают на месте лагеря XX легиона (посреди старого племенного центра) *Colonia Victricensis*, состоявшую из ветеранов легиона. Её также делают административным центром провинции [1, с. 18–19].

Одним из наиболее перспективных направлений в изучении римской Британии по наблюдению А. Е. Барышникова является изучение пространственной истории острова, которая понимается как процесс взаимодействия римлян с местным населением, преобразования ими ландшафта, как природного, так и культурного [2, с. 108, 111–115]. Автор данной статьи полагает, что последнее из перечисленных направлений позволяет понять, как представление об освоении территории, далекой и враждебной, влияло на градостроительную практику римлян в колонии Камулодун, и как она соотносилась с реальностью.

Краткое сообщение, помещенное в XIV книге «Анналов» Тацита (*Tac., Ann., XIV, 31–32*) — одно из немногих письменных сообщений о первом этапе жизни поселения. Родившийся в 50-х гг. I в. н. э., Тацит проделал путь вплоть до проконсула провинции Азия [4, с. 54]. «Анналы», написанные им в 20-х гг. II в. н. э. сразу после «Истории», отражают перемены в сознании Тацита [4, с. 184–185]. Этот источник по истории Британии обладает рядом преимуществ: он создан человеком, чей зять значительную часть своей жизни связал с этим островом и играл в его истории большую роль. Кроме того, из всех сохранившихся хронологически близких трактатов «Анналы» содержат наиболее подробное описание мятежа. Произведение, написанное римлянином (пусть и способным, по замечанию Э. Адлера, создать образ восстания Боудикки более глубокий, чем просто написать историю подавления враждебной Риму силы [7, р. 183–184]), дает необходимый взгляд на римское присутствие и предпринятые меры по освоению пространства. С другой стороны, нельзя не отметить и то, что между восстанием Боудикки и написанием «Анналов» лежит значительный временной промежуток.

Также в данной статье используется трактат Витрувия «Десять книг по архитектуре». О его авторе известно, что он жил в середине I в. до н. э. и, вероятнее всего, служил в армии Цезаря, будучи скорее инженером, чем архитектором [3, с. 5–6]. Во введении к изданию исследователи по ряду косвенных признаков датируют создание источника 40–20-х гг. до н. э. [3, с. 8]. Для данного исследования особый интерес

представляют книги I, III–IV, V. Ценность состоит не только в том, что их автор обобщает римский инженерно-градостроительный опыт на момент середины – конца I в. до н. э., но и в том, что Витрувий стремится создать «типовой» проект, который можно было бы легко модифицировать в зависимости от конкретных потребностей. Вопрос об актуальности трактата для сер. I в. н. э. должен быть решен положительно: он был известен, например, Плинию Старшему, который отзываясь о нем доброжелательно [3, с. 6]. Впрочем, ряд явлений, технологических и культурных новшеств I в. н. э. (императорский культ, гладиаторские бои в амфитеатрах) [3, с. 6] Витрувию не знакомы, что, однако, не влияет на ценность трактата.

Говоря о ходе восстания Боудикки, Тацит упоминает (помимо частных домов, в силу своей общераспространенности не требовавших упоминания), строения, имевшие общественное значение: храм божественного Клавдия, курия, театр (Тас., Ann., XIV, 31–32). Учитывая то, что город был основан на месте военного лагеря и на его основе [9, р. 230], можно предположить, что в своей римской части (параллельно продолжала свое существование и нерегулярная бриттская часть города [6, с. 278]) он наследовал его планировочную структуру: площадь в центре поселения на пересечении двух главных улиц, регулярная планировка. Эта гипотеза подтверждается и археологическими исследованиями, согласно которым первое время жители колонии продолжали обитать в казармах и лишь затем город был постепенно перестроен [9, р. 230]. Впрочем, важным отличием от военного лагеря было отсутствие укреплений (Тас., Ann., XIV, 32).

Данные археологических раскопок, изложенные в книге Ш. Фрера [9, р. 230] и описание, сделанное Тацитом, позволяют сравнить Камулодун с описанием римского города, сделанным Витрувием (см. табл. 1 в прил.), особенностью которого является функциональное разделение города на общественную и «частную» половины (из которых центром первой является форум), что выражается, например, в разнесении зданий двух этих типов по разным главам (Vitr., V, VI).

В целом можно отметить, что структура римского города (во всяком случае, Камулодуна, для которого имеются точные данные) в провинции Британия представляет собою дихотомию общественных и частных зданий, при этом большая часть зданий общественных сосредоточена вокруг форума. Этот план совпадает с общими рекомендациями Витрувия. Таким образом, можно предположить, что «забота более о красивом, нежели о полезном» (Тас., Ann., XIV, 3, пер. А. С. Бобовича) выражалась и в придании колонии традиционного для римских поселений вида и структуры.

Интересно, что если при организации культа в храме божественного Клавдия ориентировались на галльскую провинциальную традицию, как в религиозном [9, р. 71], так и в архитектурном [8, р. 168] от-

ношениях, то город в целом (форум более простой формы, структура улиц, техника строительства) испытали влияние менее сложной структуры римского военного лагеря [9, р. 232], чем влияние градостроительной практики близкой провинции. Это соответствует истории сложения поселения, а также показывает роль армии в провинции и процессе ее освоения. Ш. Фрер указывает, что армия везла с собой и каменщиков, и архитекторов [9, р. 232] и, в целом, обладала частичной хозяйственной автономией [9, р. 217] (впрочем, Д. Маттингли настаивает, что точка зрения на армию как на движитель романизации ошибочна [10, р. 15]). Актуальность произведения Витрувия, долгое время служившего в армии и вероятно отразившего свой опыт в трактате, таким образом, возрастает.

Важно, однако, отметить, что общее структурное соответствие Камулодуна городу, описанному Витрувием, не означает полного визуального совпадения: большая часть зданий (во всяком случае, до 61 г.) была полудеревянной и напоминала скорее армейские казармы [9, р. 229–230]; колонию же окружали традиционные дома тринобантов [1, с. 18–19]. Только для храма Клавдия материалы были привезены с континента [8, р. 165]. Это еще раз подчеркивает идеологическую важность этой постройки: строительство храма, посвященного богине Роме и императору, было частью стратегии Юлиев-Клавдиев по удержанию недавно покоренных территорий в повиновении центру империи [8, р. 168]. Это, если верить Тациту, осознавали и местные племена (Тас., *Ann.*, XIV, 31).

Таким образом, колонию Камулодун можно соотнести с образом римского города, созданного Витрувием. Сначала укрепленный лагерь, потом неукрепленная колония, поселение выделялось в окружавшем его культурном ландшафте. В этом смысле «теоретический римский город» Витрувия, с которым колония может быть соотнесена во многом, выполнял, по замечанию Ш. Фрера, в том числе функцию «школы римского образа жизни» [9, р. 65].

Представление о степени, в которой римляне учитывали местные особенности при строительстве, дает то обстоятельство, что лишь в середине II в. они стали организовывать бани более приемлемым для условий Британии образом [9, р. 232]. Строя город на враждебной Риму земле, римляне, развивая Камулодун, выбрали символ (и привычку), а не практичность (и адаптацию), как минимум для общественных зданий. Можно осторожно предположить, что это негативно повлияло на скорость развития римских городов и отчасти обусловило сравнительно медленные темпы освоения Британии.

Список литературы

1. Барышников А. Е. Города юго-востока римской Британии I–II вв. как центры культурного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. 25 с.

2. Барышников А. Е. Имперская угроза и трансформация ландшафта: Пространственная история римской Британии // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 107–117.

3. Витрувий Марк Поллион. Десять книг об архитектуре. Т. I. Текст трактата / пер. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1936. 331 с.

4. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М.: Наука, 1981. 208 с.

5. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения / пер. А. С. Бобович. Л.: Наука, 1969. 443 с.

6. Широкова Н. С. Римская Британия: очерки истории и культуры. СПб.: Гум. академия, 2016. 380 с.

7. Adler E. Boudica's Speeches in Tacitus and Dio // The Classical World. 2008. № 2. Vol. 101. P. 173–195.

8. Fishwick D. Templum Divo Claudio Constitutum // Britannia. 1972. Vol. 3. P. 164–181.

9. Frere Sh. Britannia. A history of Roman Britain. 3rd ed. London.: Routledge & Kegan Paul, 1987. 423 p.

10. Mattingly D. Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting // Journal of Roman Archaeology. 2004. Vol. 17. P. 5–25.

11. Stewart P.C.N. Inventing Britain: the Roman Creation and Adaptation of an Image // Britannia. 1995. Vol. 26. P. 1–10.

Приложения

Табл. 1. Сравнение наименования и местоположения зданий у Витрувия и в Камулодуне

	Тип здания	Витрувий		Камулодун (по данным археологических раскопок)	
		Описание	Местоположение	Описание	Местоположение
1	Форум	Прямоугольное в плане пространство, окруженное колоннадой с местами для торговли под ней (Vitruv., V, 1).	Для неприморского города – в центре поселения (Vitruv., I, 7.1).	Спланирован по типу, близкому к распространенному в лагерях римской армии (квадратная площадь) [9, p. 232].	В центре поселения [6, с. 278–279].
2	Базилика	-	На форуме, в самом его теплом месте (Vitruv., V, 1).	-	-

3	Тюрьма	-	Присоединены к форуму (Vitruv., V, 2).	-	-
4	Курия	Прямоугольное здание, которое Витрувий отделяет от базилики (Vitruv., V, 2).		-	В центре поселения [6, с. 278-279].
5	Казначейство	-		-	-
6	Театр	-	Зависит от конкретных условий местности (Vitruv., V, 3).	-	В центре поселения [6, с. 278-279].
7	Портики	-	-	-	-
8	Бани	-	Должны быть расположены так, чтобы они были наилучшим образом освещены вечером (Vitruv., V, 10).	-	-
9	Храмы	Зависит от культа (Vitruv., IV).	Зависит от культа (Vitruv., IV).	Подобен «Квадратному дому» в Ниме [6, с. 278-279].	На границе колонии [6, с. 278-279].
10	Дом наместника	-	-	-	В центре поселения [6, с. 278-279].

Мамедова Майя Низамиевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Бугаева Наталья Владимировна, канд. ист. наук, доц.

Римское военное присутствие в провинции Британия (по сочинениям Тацита)

The Roman military presence in the province of Britain (according to Tacitus)

Аннотация. В данной статье рассматривается система управления провинции Британия в 43–85 гг., оценивается степень и эффективность применения военной силы для романизации острова.

Ключевые слова: Римская империя; Тацит; провинция Британия.

Abstract. This article studies the management system of the province of Britain. Author seeks to evaluate extent and effectiveness of military for the romanisation of the island.

Key words: Roman Empire; Tacitus; province of Britain.

Включение территорий в состав Римской державы в качестве провинций предполагало обеспечение военного контроля над ними, более или менее ощутимого. Как известно, Британия к моменту завоевания не являлась централизованным государством, а представляла собой конгломерат кельтских племён и союзов. Большая часть насилия в процессе установления римской власти на острове была обусловлена природной воинственностью кельтов [7, с. 90], делающей необходимым обеспечение должного надзора за провинцией. Таким образом, рассмотрение римского военного присутствия в Британии необходимо для понимания полной картины контроля над островом. В рамках исследования нас будет интересовать следующий исторический промежуток: 43–85 гг. н. э., то есть от возобновления завоевания Британии императором Клавдием до отзыва из провинции легата Гнея Юлия Агриколы.

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу оценить, насколько провинция Британия удерживалась военной силой, и в какой степени римское военное присутствие было эффективно.

Рассмотрим систему управления провинцией. Как известно, римская армия эпохи Империи не только выполняла функцию ведения внешних войн (наступательных и оборонительных), на неё возлагались обязанности поддержания внутреннего порядка. Обладавший верховной властью наместник мог использовать армию для осуществления административных мероприятий.

Применительно к императорской провинции Британии в рассматриваемое время наместником был легат (Тас., Ann., XIV, 38, 39;

Агр., 15, 22, 25). О Светонии Паулине Тацит приводит мало информации, но пишет, что тому «было приказано сдать войско закончившему срок своего консульства Петронию Турпилиану» (Тас., Ann., XIV, 39, пер. А. С. Бобовича). Сразу после консульства получил наместничество Агрикола (Тас., Agr., 9), а первым наместником «был назначен бывший консул Авл Плавтий» (Тас., Agr., 14). Лучше всего известно о правлении Агриколы, где сочетались энергичная военная политика и внимание к административной деятельности. Можно согласиться с Я. Ле Боэком, что основной задачей наместника являлось «обеспечение общественного порядка» [2, с. 52].

Другим представителем римской администрации являлся прокуратор, ведавший финансами (Тас., Agr., 15), управлявший императорской собственностью [8, с. 95]. Тацит называет его вторым властителем Британии (Тас., Agr., 15) и говорит об иногда противоречащих действиям легата шагах прокуратора, вплоть до интриг против него (Тас., Ann., XIV, 38). Однако насколько был прав Т. Моммзен, охарактеризовавший прокуратора Дециана Ката как «второго по рангу военачальника (здесь и далее курсив мой — М. М.), временно замещавшего наместника» [3, с. 128]? Судя по словам Тацита (Тас., Ann., XIV, 15), легат и прокуратор делили сферы деятельности; хотя прокуратор располагал военной силой. Показателен эпизод с осадой Камулодуна, когда просьбу горожан Дециан Кат «прислал человек 200 с плохим вооружением» (Тас., Ann., XIV, 32, пер. А. С. Бобовича). Можно предположить, что у прокуратора имелся личный отряд, необходимый для осуществления фискальных функций, но не сколько-нибудь масштабных военных действий. Также поведение этого должностного лица подтверждает, что всё военное было ему чуждо (во всяком случае Дециану Кату): «Прокуратор, считая дело Рима погибшим, бежал на материк» [3, с. 128].

Основной опорой римской власти в провинции Британия были военные лагеря. Вот, что нам известно о главных римских лагерях на момент восстания Боудикки: в Деве находился XX легион, в Глевуме — II легион Августа, в Линдуме — IX легион [7, с. 126]. Позднее, при наместнике Фронтине был основан лагерь в Иске, куда перешел II легион, а в Глевуме квартировался XIV легион [3, с. 126]. С завоеванием племени бригантов лагерь IX легиона сместился дальше на север в бывший племенной центр Эборак [4, с. 288], где и размещался до своего расформирования.

К службе привлекались и вспомогательные отряды, Т. Моммзен даже делает вывод об их численном превосходстве над легионами [4, с. 287].

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос об этнической принадлежности солдат. Тацит пишет о галлах, германцах (Тас., Agr., 28) и о британцах, активно участвующих в походе Агриколы (Тас., Agr., 32). IX Испанский легион был набран в Африке [5, с. 69]. О происхожде-

нии II и XIV легионов можно сказать только, что они были дислоцированы с Рейна [3, с. 124]. XX легион был «интернациональным»: один центурион (Фавоний) происходил из Италии, другой (Лонгин) — из Фракии [1, с. 153–154]. Можно предположить, что страх римских воинов (Тас., Ann., XIV, 30) перед бриттами во время восстаний обуславливался тем, что изначально легионы в Британии состояли из жителей южных территорий; затем войска доукомплектовывались жителями северных провинций. Тацит пишет об усилении девятого легиона легионерами из Германии (Тас., Ann., XIV, 38; Тас., Agr., 28).

Теперь перейдем к вопросу о численности войск. Следует сразу сделать оговорку, что полученные нами цифры весьма приближительны, ибо источники в этом отношении не стремятся к точности. За стандартную численность одного легиона возьмем данные, приведенные Я. Ле Бозком: «каждый легион насчитывал около пяти тысяч человек, в основном пехотинцев ... к ним с начала Принципата добавлялись отряд ветеранов и на постоянной основе отряд конницы (120 человек)» [2, с. 31], — вспомогательные войска насчитывали от 500 до 1000 чел. [2, с. 33–34]. Получается, что изначально Британию защищали примерно 20 тыс. легионеров, чье количество с отъездом XIV легиона [4, с. 287] уменьшилось до 15 тыс. Тацит пишет о 11 тыс. вспомогательных войск, участвующих в походе Агриколы (Тас., Agr., 35). Это число близко к данным, приведенным Я. Ле Бозком [2, с. 34] и Т. Моммзеном [3, с. 294], в результате подсчетов которых получается цифра в 15 тыс. солдат вспомогательного войска.

Таким образом, римские военные силы в Британии были представлены сначала четырьмя, затем тремя легионами и вспомогательными отрядами; они рекрутировались из разных территорий империи. Приблизительная численность постоянно присутствующих в Британии войск составляет около 25 тыс. солдат.

Однако мы не должны забывать о существовании такой категории населения, как ветераны. Они составляли «большую часть населения колонии Камулудун» [1, с. 153] и оказали отчаянное сопротивление восставшим под предводительством Боудики. В рамках данной статьи мы лишены возможности рассмотреть их правовой статус и этнический состав; скажем лишь, что Тацит изображает ветеранов и населенные ими колонии важной опорой Империи (Тас., Agr., 5; ср. Ann., XIV, 31).

Интересно, что поселение Камулудон, основанное Клавдием, обладало римским устройством и римским гражданским правом, однако не совсем походило на римский город, поэтому: «... чтобы придать этой новой колонии видимость римского города, сюда была направлена группа ветеранов римской армии» [7, с. 121]. Тацит пишет: «Тринобанты считали, что имеют достаточно сил для уничтожения *ничем не укрепленной* колонии» (Тас., Ann., XIV, 31, пер. А. С. Бобовича),

следовательно, римляне планировали использовать Камулудон как гражданский центр провинции, видимо, желая использовать романизацию (очагом которой были колонии) как мягкую силу для удержания провинции. Об этом свидетельствует и то, что римские военачальники сознательно никак не укрепили Камулудон, что осуждает Тацит (Тас., Ann., XIV, 31).

В заключение, можно сделать вывод о том, что Британия практически полностью контролировалась военными силами Римской империи, о чем свидетельствует то, что управление провинцией велось наместником и прокуратором, население колонии Камулудон также составляли бывшие военные — ветераны. Вероятно, такая ситуация сложилась в Британии, потому что племена бриттов по тем или иным причинам не стремились становиться частью римского мира, поэтому наместникам (например, Агриколе) было необходимо как оказывать военное давление на британцев, так и проводить политику романизации.

Благодаря римскому военному присутствию восстания племён (такие как восстание Боудикки) успешно подавлялись, но при малейшем кризисе в армии или не слишком удачливом наместнике подчиненные бритты выходили из-под римского контроля.

Список литературы

1. Барышников А. Е. Camulodunum Colonia Vitricensis: рождение и гибель провинциального центра // Античный мир и археология / С. Ю. Монахов (отв. ред.). Саратов: Научная книга, 2011. № 15. С. 148–161.
2. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / пер. с фр. М. Н. Челинцевой. М.: РОССПЭН, 2001. 442 с.
3. Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 5 / пер. с нем. В. Н. Неведомского. СПб.: Наука, 1995. 558 с.
4. Моммзен Т. История римских императоров / пер. с нем. Т. А. Орестовой. СПб.: Ювента, 2002. 628 с.
5. Садовская М. С. IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Вып. 2 / Н. П. Соколов (отв. ред.). Горький: Издательство ГГУ, 1979. С. 65–85.
6. Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т. Том I. Анналы. Малые произведения / пер. С. А. Бобовича. М.: Ладомир, 1993. 443 с.
7. Тинибекова М. Н. Восстание бриттов под руководством Боудикки в Римской Британии (60 год н. э.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Серия: Всеобщая история. 1967. Т. 189. № 9. С. 117–137.
8. Циркин Ю. Б. Западноевропейские провинции Римской империи // История древнего мира. В 3 т. Т. 3. Упадок древних обществ. 3-е изд. М.: Наука, 1989. С.88–111.

Лапкин Иван Дмитриевич
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Трухина Наталья Николаевна, канд. ист. наук, доц.

**Античные и средневековые источники
о готской войне 378–382 гг.: к постановке проблемы**

**Ancient and medieval sources on the Gothic war
of 378–382 AD: identifying the problem**

Аннотация. В статье рассмотрены античные и средневековые источники о готской войне после битвы при Адрианополе. Дана их краткая характеристика. Автор приходит к выводу о слабой обеспеченности темы источниками и невозможности целиком полагаться на «Новую историю» Зосима при ее раскрытии.

Ключевые слова: готы; римляне; Поздняя Античность; битва при Адрианополе; Феодосий I; Зосим.

Abstract. The article considers ancient and medieval sources on the Gothic war after Adrianople with their brief description. The author comes to the conclusion of the theme's poor source endowment and impossibility to rely completely on Zosime while trying to make the events clear.

Key words: Goths; romans; Late Antiquity; the battle of Adrianople; Theodosius I; Zosime.

Битва при Адрианополе уже в Античности считалась одной из самых трагичных страниц римской истории со времен Ганнибала. Руфин Аквилейский назвал это сражение «началом всех тогдашних и последующих несчастий Римского государства» (Ruf., HE, 2.13, пер. наш — И. Л.). Исследователи Нового времени развили такую оценку дальше, определив Адрианополь как поворотный момент европейской истории, начало Средневековья [5, р. 217]. Подобный тезис разделялся и отечественной историографией [2, с. 547].

В то же время, боевые действия против орд вестготов и их союзников не закончились поражением Валента и неудачной попыткой варваров взять штурмом Константинополь. Война завершилась лишь с подписанием в октябре 382 г. мирного договора между варварскими вождями и генералами нового восточного императора Феодосия I. Вооруженное противостояние на Балканах, таким образом, длилось еще четыре полных года. Однако этот временной отрезок, в отличие от предшествующих и последующих событий, плохо освещен источниками. Такая необеспеченность конкретной информацией отразилась и на историографии. В ней традиционно события 378–382 гг. описываются кратко и лишь в развитие трагической картины Адрианополя [3, р. 147–156; 4, р. 149–152]. В качестве источника при этом используется почти

исключительно «Новая история» Зосима. В предлагаемой статье сделана попытка представить имеющиеся в нашем распоряжении источники о войне 378–382 гг. и определить их характерные особенности.

Дошедшие до нас сведения можно подразделить на три группы. Это, во-первых, сочинения, написанные современниками императора Феодосия I, чья роль в решении готской проблемы после Адрианополя представляется решающей. Во-вторых, готская война затрагивается латинской традицией V–VI вв. Наконец, интересующие нас события представлены в греческой традиции V–XII вв.

В первую группу включены восемь латинских и греческих свидетельств. На латыни были составлены панегирик в адрес Феодосия, произнесенный ритором Дрепанием Пакатом в 389 г., хвалебные поэмы, преподнесенные Гонорию его придворным поэтом Клавдианом, церковная история Руфина и «История против язычников» Павла Орозия, трактат Вегеция «Эпитама военного дела», а также список консулов до 468 г. На греческом были написаны три речи, посвященные Феодосию ритором Фемистием, а также сочинение языческого писателя Евнапия. Ни один из этих трудов не представляет собой собственно исторического сочинения и не посвящен специально военной карьере императора. Ни один не содержит развернутого рассказа о готской войне. Краткая заметка об окончании противостояния с готами помещена у Орозия (Oros., VII, 34.5–7). Причины такого умолчания следует искать в жанре указанных сочинений: панегирики, созданные столичными интеллектуалами, церковная история, фасты и трактат об обучении войска, а в случае Евнапия — в плохой сохранности сочинения. Упомянутые авторы чрезвычайно пристрастно относятся к ключевой для нашей проблемы фигуре Феодосия. Панегиристы Пакат, Фемистий и Клавдиан, каждый из которых занимал высокую должность в имперской администрации, воспевают его как добродетельного принцепса. Церковные писатели Руфин и Орозий расположены к императору из-за его прохристианской политики. Наконец, Евнапий, плохо осведомленный о войне на Балканах, говорит об августе-христианине с нескрываемой ненавистью, часто перемежая свой рассказ отступлениями общего характера об упадке государства при нем. Менее ангажированы краткие сведения официальных консульских фаст, составлявшихся в Константинополе, и сугубо специального трактата Вегеция. Последний в своих ранних рукописях имеет неясно обозначенного адресата — одного из императоров конца IV – первой половины V вв. Однако имеющиеся в рукописях X и XV вв. посвящения «*ad Theodosium imperatorem*», как и ряд косвенных указаний в тексте, на наш взгляд, позволяют внести это сочинение в рассматриваемый комплекс источников.

Повествуя о правлении Феодосия I, готской войны касаются латинские сочинения V–VI вв. Это составленная после смерти императора «Эпитама о цезарях», которая ранее приписывалась Аврелию

Виктору, хроника Проспера Аквитанского, Пасхальная хроника и хроника комита Марцеллина, также два труда Иордана — знаменитая «Гетика» и «Сокращение хроник». Псевдо-Аврелий Виктор, Проспер, авторы Пасхальной хроники и хроники Марцеллина говорят о событиях 378–382 гг. коротко, их сведения по нашей проблеме ограничиваются несколькими строчками текста. Иордан в «Гетике», написанной одновременно с завоеваниями Юстиниана и служившей к пропаганде сотрудничества римлян с готами, описывает завершение войны более подробно. Противостояние императора с готами и их примирение важны для Иордана как прецедент взаимовыгодного взаимодействия варваров с римскими властями, который он хочет донести до своих современников. Все обозначенные авторы относились к Феодосию I положительно. Иордан восхвалял его как мудрого правителя, «друга рода готов» (Jord., Get., 146, пер. наш — И. Л.).

Наиболее протяженной оказывается греческая традиция о Феодосии Великом. Интересуясь событиями 378–382 гг., в нее стоит включить четыре церковные истории, написанные в V в. Сократом Схоластиком, Созоменом Саламинским, Феодоритом Кирским — никейцы, и склонным к арианству Филосторгием. К ней также относится «Новая история» придворного-язычника Зосима конца V — начала VI в., «Хронография» Феофана VIII в., два сочинения XII в. — «Сокращение истории» Иоанна Зонары и «Обзорение истории» Георгия Кедрина. Наиболее богатая на подробности, греческая традиция о Феодосии I и готской войне в миниатюре отражает весь путь, проделанный античной историографией с конца IV в. до эпохи Комнинов. Отдельно от остальных в ней стоят церковные истории V в. — особенный жанр, разработанный в начале IV в. Евсевием Кесарийским. Предметом этих сочинений была судьба христианской общины с прибавлением политической истории постольку, поскольку она могла быть увязана с важными для христианства деятелями. К числу последних, безусловно, относится Феодосий I, положивший начало превращению христианства в действительно официальную религию Империи. Описывая императора как благочестивого светского правителя, способствовавшего победе Христовой веры, авторы церковных историй кратко касаются военных деяний правителя. Готская война, тесно связанная с приходом Феодосия к власти, становится поэтому существенным сюжетом, открывающим описание его эпохи. В схожем тоне выдержана «Хронография» Феофана, написанная спустя три с лишним века после смерти императора и, возможно, поэтому отмеченная значительными хронологическими неточностями. Сочинения Георгия Кедрина и Иоанна Зонары были составлены в XI–XII вв. как расширенные компендиумы римской истории, выполненные на основе ранних источников (например, Диона Кассия), часть из которых до нас не дошла. У Зонары заметно использование для описания готской войны сочинения Феодорита Кирского или его источника более раннего времени (Theod., HE., V, 5–6; Zon., XIII, 17). Несмотря на

большой временной отрезок, отделяющих этих авторов от событий на Балканах, их сведения не стоит полностью относить на счет средневековых легенд о великом христианском правителе.

Наконец, подробнее всех о событиях 378–382 гг. говорит имперский комит рубежа V–VI вв. Зосим. Его «Новая история» представляет собой попытку создать полноценное историческое сочинение от эпохи Августа до захвата Рима Аларихом. В своей работе автор стремился подражать Полибию и имел целью, подобно его описанию стремительного роста державы римлян, описать ее скоротечный упадок и разрушение. Однако, несмотря на высокую заданную планку, труд Зосима страдает двумя серьезнейшими недостатками. Во-первых, историк, очевидно, пользовался некоторым количеством источников, причем очевидных, разнонаправленных идеологически. Уже патриарху Фотию в IX в. было известно [1, с. 17], что большая часть труда Зосима основана на «Истории» Евнапия, чья главная направленность — антихристианская. Зосим в этом смысле целиком следует Евнапию, называя отступление от древних богов главной причиной упадка Рима (Zos., IV, 59.2–3). Тем не менее, в рассказе Зосима о готской войне заметно сочетание сведений языческого историка сразу с несколькими другими источниками (Zos., IV, 24–39). Этот неназванный труд или труды, очевидно, расходились с Евнапием в оценке личности Феодосия, наоборот, подчеркивая его военные заслуги и личную доблесть. Автор же «Новой истории», составляя свое произведение спустя примерно век после произошедших событий, явно уделил мало внимания согласованию имевшихся сведений. Отсюда в тексте присутствуют частые немотивированные повторы, рассказ о военных действиях резко перемежается замечаниями об административной или финансовой политике, а затем вновь возвращает нас на поля Фракии. Особенная контрастность наблюдается в описании личности Феодосия, который у Зосима одновременно предстает опытным и отважным полководцем, мудрым правителем и сибаритствующим любителем роскоши, ленивым трусом и флегматиком. Не пытаясь доискаться истинных качеств своего героя, Зосим лишь замечает: «Я поражаюсь метаниям этого человека между двумя образами жизни» (Zos., IV, 50, 1, пер. Н. Н. Болгова). Вторым существенным недостатком сочинения комита является его крайняя идеологизированность. Зосим критикует Феодосия на протяжении всего своего повествования, не пытаясь дать в конце сумму его деяний, а лишь замечая, что небрежение старыми богами привело Римскую державу к гибели (Zos., IV, 59.2–3). Описывая военные действия на Балканах, историк последовательно исключает августа из повествования о тех случаях, когда римляне сумели одержать верх (Zos., IV, 24–39). Император фигурирует лишь в короткой ремарке, завершающей 34 главу IV книги (Zos., IV, 34, 5–6). Вместе с тем передаваемый самим Зосимом рассказ об уничтожении банды варваров во время возвращения правителя из Италии (Zos., IV, 48–49) дает основания полагать, что Феодосий не раз

лично участвовал в бою во главе своих легионов. Учитывая сделанные наблюдения, можно утверждать, что сведениям Зосима не стоит доверять буквально. Его рассказ о готской войне — самый подробный в античной и византийской историографии — представляет из себя местами механическую, плохо согласованную и тенденциозную компиляцию различных сведений, имевшихся в распоряжении историка начала VI в. Не отвергая приводимые Зосимом факты вовсе, мы в то же время считаем необходимым подвергать их тщательной сверке со сведениями других имеющихся источников.

Прояснить ход и итоги войны 378–382 гг., таким образом, возможно лишь путем тщательного учета, критики и согласования всех трех групп имеющихся источников.

Список литературы

1. Болгов Н. Н. Зосим — последний античный историк // Зосим. Новая история / пер. Н. Н. Болгова. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2010. С. 4–46.
2. Машкин Н. А. История Древнего Рима. М.: Госполитиздат, 1956. 612 с.
3. Heather P. J. *Goths and Romans (332–489)*. Oxford: Clarendon Press, 1991. 378 p.
4. Kulikowski M. *Rome's Gothic wars. From the third century to Alaric*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 225 p.
5. *The Cambridge Medieval History: in 8 vol. Vol. I: The Christian Roman empire and the foundation of the Teutonic kingdoms* / ed. by J. B. Bury. New York: Macmillan Company, 1911. 754 p.

Социально-психологические аспекты жизни римского ветерана после отставки (по сочинениям Тацита)

Socio-psychological aspects of the life of a Roman veteran after retirement (a study of works by Tacitus)

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты психологии и взаимоотношений с социумом вышедшего в отставку легионера. Годы службы в римской армии не могли не изменить ментальность воина, который после отставки попадал в совершенно иную среду, с иным восприятием окружающего мира. На основе сообщений Тацита и привлекаемых историографических работ, сопутствующих теме, в статье освещаются основные аспекты ветеранской ментальности, непосредственно влиявшие на обретение отставными легионерами своего места в новых реалиях мирной жизни.

Ключевые слова: ветеран; ментальность; корпоративная солидарность.

Abstract. This article studies some aspects of psychology and social interactions of a retired legionnaire. Years of service in the Roman army could not fail to change the mentality of the soldier, who upon his retirement found himself in a completely different environment, with a different perception of the world around him. Based on Tacitus' remarks and the historiographical works, related to the topic, the article highlights the main aspects of the veteran mentality that directly influenced the retired legionnaires to find their place in the new realities of civilian life.

Key words: veteran; mentality; corporate solidarity.

Римская армия — это игравший важную роль как во внешней, так и во внутренней политике особый социальный организм, в котором не последнее место было отведено ветеранам [4, с. 4]. Ветераны обладали огромным боевым опытом (Тас., Hist., I, 68, 1), который, в сочетании с доблестью, позволял говорить о них как о лучших воинах римской армии (Тас. Hist., II., 28, 2). Однако отдавшие службе лучшие годы жизни ветераны после отставки попадали в совершенно новые для них условия «гражданской» жизни. Римский солдат выделялся особым «воинским этосом», обуславливавшим его привычки и стратегии поведения [6, с. 6]. Этот «воинский этос» четко контрастирует при сравнении с гражданским населением римской державы. Таким образом, ветераны после отставки представляли из себя особую категорию населения римской державы, имевшую отличительные аспекты как в психологии, так и в положении в обществе.

Искать социально-психологические аспекты жизни ветерана после отставки предстоит в произведениях Тацита, сочинения которого в основном повествуют о I в. н. э. Произведения римского историка опираются на широкий корпус источников, которые, в свою очередь, имеют под собой основу в виде литературной традиции [1]. Такое сочетание исследовательского и литературного компонентов предоставляет широкие возможности для выявления социально-психологических аспектов жизни римского ветерана. При этом стоит отметить некоторую предвзятость Тацита при описании простого народа [2, с. 126], что заставляет осторожнее относиться к сведениям, предоставляемым римским автором относительно ветеранов римской армии.

Согласно реформам Августа, которые заложили существовавший в римской армии вплоть до II в. н. э. уклад [4, с. 37–38], римский ветеран после отставки получал деньги или земельный надел. В первой половине I в. н. э. наделение землей возобладало над денежным обеспечением. Ветераны могли быть отправлены на поселение на Апеннинский полуостров, что, в свою очередь, вызывало негативную реакцию общества из-за нехватки свободных земель [4, с. 37–38]. Однако эта практика, имевшая своей целью создание новых мелких и средних хозяйств, по частоте применения уступала распространившемуся в I в. н. э. наделению ветеранов землей в провинциях, будь то выведение ветеранов в специальные колонии, находившиеся неподалеку от военных лагерей, или их поселение индивидуально или мелкими группами в приграничных муниципиях [4].

После выхода в отставку многим ветеранам предстояло столкнуться с римским городом, который представлялся отставным солдатам своеобразным «параллельным миром» в сравнении с военным лагерем, в котором последние провели большую часть своей жизни. Ветераны терялись в новой обстановке, из-за чего не могли сориентироваться в толпе, а также агрессивно реагировали на внешние раздражители, будь то насмешка со стороны прохожего или неловкое столкновение с кем-либо на улице (Тас., Hist., II, 88, 2). Такое агрессивное поведение отставных солдат, не раз сталкивавшихся с опасностями во время несения службы, подпадает под определение посттравматического стрессового расстройства, не позволяющего бывшим военным полностью адаптироваться к мирной жизни. Непонимание между бывшими военными и гражданскими словно лакмусовая бумажка выявляло отличия ветеранов от остальной части населения, что, в свою очередь, наводит на мысли об особой ментальности ветеранов, которая сохраняется и после выхода в отставку. Ветеранской ментальности, отличавшейся от мировосприятия остальных «гражданских», способствовал и жаргон, выработавшийся за годы, проведенные в условиях тяжелой службы, сопряженной с постоянной опасностью для жизни (Тас., Ann., I, 17, 7). Язык легионеров, вольный и грубый [6, с. 46], также мог

служить маркером, особенно четко проявлявшимся при попадании легионера в новую для себя «гражданскую» языковую среду, лишенную жаргонизмов, присущих прошедшим военную службу людям. В плане религиозного аспекта мироощущения легионеры обособлялись от мира «гражданского» за счет выдвигания на первый план богов, являвшихся покровителями солдат, а также за счет воздвижения в культ военных знамен и доблести [6, с. 51]. Не стоит также забывать и особую суверенность солдат (Тас., Ann., I, 28, 3), остававшуюся с ними до их кончины.

Особая милитаризированная ментальность отставных легионеров также проявлялась и при создании быта на выделенных землях. При расселении индивидуально или небольшими группами ветераны продолжали сохранять корпоративную солидарность, что выражалось в создании ветеранских коллегий. Не сумевшие адаптироваться в гражданской среде ветераны в стремлении создать особую зону комфорта замыкались в этих коллегиях [5], при этом зачастую не принимая участия в жизни близлежащих городов [4, с. 40]. Лишь единицы, накопившие определенную сумму во время службы и приумножившие её после отставки, получали возможность занять значимое место в местном обществе и получить должности в местном управлении [3].

В ветеранских колониях же отставные легионеры сохраняли крепкие товарищеские узы, так как на поселение выводились легионами в полном составе (Тас., Ann., XIV, 27, 4), и воссоздавали условия и порядки, близкие к лагерным. Такие колонии представляли для государства двойную выгоду. Во-первых, данная практика не только позволяла удовлетворить земельные запросы ветеранов, но и способствовала процессу колонизации провинций за счет создания новых или укрепления уже существовавших колоний (Тас., Ann., XIII, 31, 2). Во-вторых, воспитание детей отставных легионеров в условиях, близких к лагерным, располагало юношей к поступлению на службу в римскую армию, что обеспечивало приток так или иначе подготовленных к будущей службе новых кадров [7]. Для ветерана жизнь в такой колонии могла быть сопряжена со смертельной угрозой, так как поселения не редко помещались на землях, соседствовавших с территориями местных недоброжелательных племен (Тас., Agr., 5). Такое положение дел приводило к тому, что и после отставки ветеран продолжал считаться воином [6].

Несмотря на существовавшую практику создания семей еще во время службы [4, с. 40], возможно предположить, что у части ветеранов были не столь редкими и проблемы с созданием семей. На такую мысль наталкивает сообщение Тацита о ветеранах городов Тарента и Ация, которые не сумели обзавестись семьями после отставки. Причину такого положения вещей Тацит видит в непривычности брачных союзов для отставных легионеров (Тас., Ann., XIV, 27, 3).

Таким образом, резюмируя все вышеперечисленное, можно говорить о наличии у римских ветеранов социально-психологических

аспектов, которые являлись проявлением особого мироощущения, отличающегося от восприятия мира обычного «гражданского» обывателя. Во время службы между легионерами возникали теснейшие узы товарищества (Тас., Hist., IV, 46, 3), которые заменяли семейные узы и приводили к возникновению армейской семьи, частью которой ветераны продолжали себя ощущать и после отставки [5]. Ветеран сохранял корпоративную солидарность [4, с. 40] и пытался воссоздать привычные для себя условия и окружение в колониях или в римских населенных пунктах за счет создания коллегий. Конфликты с «гражданскими» и неспособность полностью ассимилироваться в мирной среде приводили к тому, что ветеран словно оставался на перепутье двух миров: «военного» и «гражданского». Не только ветераны, остававшиеся носителями усвоенной ими ранее военной традиции, продолжали считать себя солдатами, но и окружающие «гражданские» редко могли увидеть в ветеранах «своих».

Список литературы

1. Вержбицкий К. В. Тацит как историк принципата // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. № 3. С. 60–70.
2. Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1993. 141 с.
3. Кадеев В. И., Мартемьянов А. П. О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Античный мир и археология. 1990. № 7. С. 77–86.
4. Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учебн. пособие по спецкурсу / И. Л. Маяк (науч. ред.). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. 132 с.
5. Колосовская Ю. К. Ветеранское землевладение в Паннонии // Вестник древней истории. 1963. № 4. С. 96–115.
6. Махлаюк А. В. Армия Римской империи: очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2000. 235 с.
7. Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб.: Алетейя, 2001. 278 с.
8. Тацит Корнелий. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения / подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев / С. Л. Утченко (отв. ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 442 с.
9. Тацит Корнелий. Сочинения: в 2 т. Т. 2: История / подгот. Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тронский, А. С. Бобович / С. Л. Утченко (отв. ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 369 с.

Генишпринг Дан Михайлович
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Евдокимов Павел Андреевич, канд. ист. наук., преподаватель

**Варвары в Северном Причерноморье по данным
Аммиана Марцеллина**

**Barbarians in the Northern Black Sea Region according
to Ammianus Marcellinus**

Аннотация. В данной статье представлена попытка выяснить, что именно повлияло на описание некоторых племен Северного Причерноморья в трудах Аммиана Марцеллина, и как его данные сопоставляются с реальностью.

Ключевые слова: варвары; Аммиан Марцеллин; Римская империя.

Abstract. This article presents an attempt to find out what exactly influenced the description of some tribes of the Northern Black Sea region in the works of Ammianus Marcellinus, and how his data are compared with reality.

Key words: barbarians; Ammianus Marcellinus; Roman Empire.

В период Поздней Римской империи на исторической арене и в трудах историков появляются новые народы. Многим племенам (например, готам) было суждено сыграть большую роль в дальнейшей истории Рима и Раннего Средневековья. Важным регионом для процессов в варварской среде того времени является Северное Причерноморье. Именно там в IV в. появилось варварское государство — «королевство» остготов Эрменриха. Однако кроме готов, регион населяли и другие варвары, которые угрожали границам Империи.

Об ранних шагах таких племён мы можем узнать у позднеантичных авторов. Одним из таких позднеримских интеллектуалов был Аммиан Марцеллин — сирийский грек, служивший в имперской армии и создавший описание тяжелых дней некогда великой державы. В своём труде «Res Gestae» он затрагивал данный регион в ряде экскурсов, посвященных различным народам. Но насколько его данные соответствуют действительности? Ведь варвары своими нападениями усиливали царивший внутри империи кризис и вызывали страх среди населения, и в историографии имеется суждение о негативном отношении Аммиана Марцеллина к варварам [4, с. 16–17]. Поэтому проблема определения того, как римский гражданин видел окружение Империи, представляет интерес. Задача данной работы — исследовать описание автором Северного Причерноморья, выявить отличия в описании от реально существовавшей картины, восстанавливаемой по археологическим данным, и объяснить, чем эти различия объяснялись.

В историографии данный вопрос отдельно не ставился. Зато теме заимствований Аммиана Марцеллина посвящено довольно много работ, например, И. Е. Ермоловой [5], однако в них акцент делался на заимствования автора из античной исторической традиции, что, возможно, преуменьшает его роль в качестве творца и нивелирует его авторский взгляд. Не рассматривается подробно вопрос о заимствованиях Аммиана Марцеллина в крупных работах о мировоззрении самого автора [9]. В попытке объединить две тенденции и соотнести «*Res Gestae*» с реальностью, ограничимся лишь небольшим кругом работ, преимущественно по археологии, которые нужны для сопоставления археологических источников с письменными.

В рамках настоящего исследования были выбраны не все упоминания варваров, а только обширные географические описания. Во-первых, они отличаются от простых заметок гораздо большим разнообразием. Во-вторых, упоминания множества деталей позволяют определить объём заимствований.

Очевидно, что множество описаний собраны из заметок авторов прошлого, слухов и опыта самого Аммиана Марцеллина, который, будучи военным, контактировал с варварами как в качестве противников, так и в качестве сослуживцев. Известно, что Аммиан Марцелин бывал в Италии и Галлии, участвовал в Персидском походе, но зону Причерноморья не помещал. Можно предположить, что основой описаний служили описания других авторов, слухи и рассказы сослуживцев.

Важно отметить, что сами названия племён, упомянутые в дальнейшем, опираются на предшествующую литературную традицию, что нужно учитывать при сравнении текста Марцеллина с другими данными.

Важным географическим описанием, посвященным народам данного региона, является описание аланов, связанное с гуннами, которое расположено в книге XXXI. Рассказ об аланском быте в книге XXII непонятен для нас, и даже в тексте относится к скифам и другим племенам около Рифейских гор (Урала) (где автор не был) вследствие чего не вызывает доверия. В этой части аланы описаны весьма диким народом: «они питаются по-звериному; свои семейства, жилища и скудный домашний скарб они укладывают на кибитки, покрытые корой, и когда появится желание, беспрепятственно передвигаются, направляя свои телеги, куда вздумают» (Амм. Марс., XXII, 8, 42, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

По свидетельствам XXXI книги «*Res Gestae*», аланы занимали территорию «скифских пустынь» за Танаисом, «который отделяет Азию от Европы», причём их западными соседями автор называет савроматов. С другой стороны, античный историк отмечает, что амазонкам «смежны с востока аланы» (Амм. Марс., XXXI, 2, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Зона их набегов определена автором так: «в разбоях и охо-

тах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой» (Amm. Marc., XXXI, 2, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Следовательно, аланы по Аммиану Марцеллину являлись «азиатскими» кочевниками. Ничем не оправдано упоминание савроматов, которые тому времени давно исчезли с исторической арены. Но, с другой стороны, аланы не приравнены автором к азиатским сарматам. Так, повествуя о населяющих Персию скифах, Аммиан Марцеллин пишет про их соседей: «скифы, которые граничат с **азиатскими сарматами** и соприкасаются с крайними пределами **земли аланов**» (Amm. Marc., XXIII, 6, 61, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Интересный пассаж об аланах находится в речи императора Юлиана. Выступая перед солдатами и рассказывая про предыдущие конфликты с Персией, он упоминает «массагетов (которых мы называем теперь аланами)» (Amm. Marc., XXIII, 6, 16, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Это очень интересное замечание, ведь согласно речи императора, их разбил Помпей. Скорее всего, эти события относятся ко времени конфликта Рима с Митридатом VI Евпатором, то есть к I в. до н. э. Сам Аммиан Марцеллин в описании аланов в XXXI книге тоже связывает аланов с массагетами: «Этот подвижный и неукротимый народ [гунны] дошел до земли аланов, древних массагетов» (Amm. Marc., XXXI, 2, 12, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Таким образом, можно сделать вывод об отождествлении автором аланов с массагетами.

Теперь нужно узнать, как такое их описание соотносится с реальными данными. Археолог С. И. Безуглов отождествляет памятники Нижнего Дона с аланами-танаитами, «бывшими массагетами» [2, с. 81]. Богатые захоронения этих племён в II–III вв. н. э. сменяются бедными по катакомбному обряду погребениями. Это может быть связано с нашествием новых племён с востока — как раз «потомков массагетов». Однако другой российский археолог А. С. Скрипкин с ним не согласен. Он отмечает, что повествование в «Res Gestae» противоречиво, что вызвано использованием источников разного времени. Например, гелоны, мелахлеги, агафрисы и андрофаги (племена из того же самого описания) упоминались ещё в литературе классической Греции [6, с. 242]. Однако А. С. Скрипкин согласен с трактовкой территории алан, указанной Аммианом Марцеллином [6, с. 242].

В книге XXII находится ещё одна интересная авторская теория. Аммиан Марцеллин упоминает арифмеев, и «по соседству с этим народом **обитают массагеты, аланы** и саргеты, а также многие неизвестные народы; но нам неизвестны даже названия их, не то что обычно» (Amm. Marc., XXII, 8, 38, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Упоминание массагетов и аланов в одном предложении более чем странно, ибо это значит, что тут они представлены не как один народ,

а как два разных. Таким образом, в самом описании появляются противоречия, что еще раз доказывает разнородность использованных источников.

Описывая хозяйство аланов, Аммиан Марцеллин отмечает, что они не имели жилищ и кочевали в кибитках, останавливаясь на местах, где растёт трава. Это заставляет их постоянно сидеть на конях, из-за чего ими больше предпочтителен конный бой, а пешие были окружены позором (Amm. Marc., XXXI, 2). Такое описание можно сравнить с данными других античных историков. Например, Страбон писал, что сарматы «проводили жизнь в оббитых войлоком повозках, в которые запрягали волов, и держали большие стада, дававшие им мясо и молоко, которыми они питались» (Strabonis, IV, 3, 4, 17, 18, пер. Г.А. Стратановского).

Автором также был описан их внешний вид: «почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен» (Amm. Marc., XXXI, 21, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Эти сведения можно проверить, используя археологические данные. Так, польский археолог Тадеуш Сулимирский отмечал, что изначально среди сарматов был распространен брахицефальный «андроновский» расовый тип, представители которого были европеоидами. Однако в I в. увеличилось количество гуннских (монголоидных) черепов [8, с. 14]. Из этого может следовать то, что для описания внешнего вида аланов Аммиан Марцеллин пользовался устаревшей на тот момент информацией.

В книге XXII по ходу повествования идёт большое описание восточных народов. Оно приводится в контексте рассказа про амазонок, которых автор считает предками многих племён. Этот фрагмент «Res Gestae» было бы интересно сравнить с описанием появления савроматов Геродота. У Геродота воительницы попали в плен грекам: «После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми» (Herodotus, I, 110, пер. Г. А. Стратановского). У Аммиана Марцеллина же амазонки сами ушли от нападений афинян и «перешли на более спокойное местожительство на Термодонте. Там их потомство очень увеличилось и с мощной ратью они вернулись в родные места, став впоследствии грозой для народов не одного с ними племени» (Amm. Marc., XXII, 8, 21, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Геродот считал потомками амазонок одних лишь савроматов, однако Аммиан Марцеллин идет дальше и объявляет потомками воительниц множество племен. Народы «арихи, синхи и напей» показаны свирепыми («добывали милости богов человеческими жертвами и, закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибывали головы убитых на стенах храм») (Amm. Marc., XXII, 8, 34, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни), причём отмечается их близкое расположение к Евксинскому морю, то

есть к римским владениям. Отдаленный же народ аримфеев, проживавший около Рифейских гор, назван Аммианом Марцеллином «праведным» и «миролюбивым». Возможно, это было связано с тем, что «потомки амазонок» проживали близко к римским владениям и нападали на территории Причерноморья, и поэтому представляли большую опасность, и про их нападения поэтому должно было доходить больше информации, чем о происходящем около Уральских гор.

Таким образом, Аммиан Марцеллин не создаёт «образ врага» в описаниях варваров Северного Причерноморья. Его описание не совсем точное, содержит множество заимствований из других работ античных историков, однако это объясняется самим форматом историко-географических описаний.

Список литературы

1. Аммиан Марцеллин. История / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1906–1908. 324 с.
2. Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / В. Е. Максименко (отв. ред.). Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. С.80–87.
3. Геродот. История. / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
4. Ермолова И. Е. Историко-этнографические экскурсии в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Молодая наука на рубеже веков. Сборник статей молодых ученых РГТУ. М.: Изд-во РГТУ, 1997. С. 12–18.
5. Ермолова И. Е. Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков нашей эры (по данным Аммиана Марцеллина): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. 305 с.
6. Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 193 с.
7. Страбон. География / пер., ст. и комм. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Наука, 1964. 944 с.
8. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ Юга России / пер. с англ. Т. В. Китаиной. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 191 с.
9. Удальцова З. В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Вып. 28. С. 38–59.

**Скифская царская власть и ее символика в античных
литературных источниках и в археологическом материале¹**

**Scythian royal power and its symbolism in ancient literary sources
and in archaeological material**

Аннотация. Работа посвящена исследованию свидетельств о том, как визуализировалась власть скифских правителей, какие атрибуты использовались скифскими царями для презентации и укрепления своей власти. В работе анализируются свидетельства Геродота о скифах, а также археологические источники, которые соотносятся со сведениями античного историка. На основе изученного материала авторы работы выделяют военную атрибутику, которая ассоциировалась с мифами о происхождении скифов, а также религиозную символику, которая демонстрирует связь религиозной и политической сфер.

Ключевые слова: скифы; царская власть; Геродот; религия; визуализация власти.

Abstract. The work is devoted to the study of evidence of how the power of the Scythian rulers was visualized, what attributes were used by the Scythian kings to present and strengthen their power. The paper analyzes the evidence of Herodotus about the Scythians, as well as archaeological sources. On the basis of the ancient sources, the authors of the work single out military attributes that were associated with myths about the origin of the Scythians, religious objects in which a connection between the religious and political spheres is seen.

Key words: Scythians; royal power; Herodotus; religion; visualization of power.

В «Истории» Геродота содержится большое количество свидетельств о политической структуре скифского общества и скифских царях. Мы бы хотели обратиться к сведениям античного историка об особенностях царской власти у скифов и ее атрибутике, об обрядах и обычаях, связанных со скифскими правителями, сравним письменные свидетельства с археологическим материалом.

Геродот передает несколько легенд о происхождении скифов и их царей. Античный историк замечает, что, по рассказам скифов, они ведут свой род от сына Зевса Таргитая, первого царя скифов, имевшего троих сыновей, от которых и произошли три разных скифских племени. При этом Геродот упоминает об атрибутах царской власти, которые были почитаемы скифами: плуг, чаша, секира, ярмо (Hdt., IV, 6). Отметим, что эти предметы встречаются и в другой легенде, согласно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00455.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00455.

которой скифы ведут свой род от сына Геракла Скифа и которую Геродот передает со слов понтийских эллинов (Hdt., IV, 10). Еще одна версия связана с рассказом историка о том, как скифы появились на территории Северного Причерноморья и как проходили свой путь из азиатских земель, вытесняя киммерийцев (Hdt., IV, 11). По словам Геродота, эту третью легенду передают как сами скифы, так и понтийские эллины. И хотя некоторые исследователи полагают, что сам античный историк мог отдавать предпочтение именно третьему преданию о появлении скифов, так как оно кажется более объективным [14, р. 37], две первые версии, излагаемые Геродотом, представляются нам информативными и важными, так как именно в них говорится о возникновении царской власти у скифов. При анализе данных легенд складывается впечатление, что вторая из них, которая была распространена именно среди греческого населения, относится к более позднему времени [13, р. 103], что подтверждается и археологическими находками в скифских погребениях. Исследователи отмечают, что на скифских сосудах, чашах, изваяниях, датируемых, как правило, VI–V вв. до н. э., можно встретить мифологические изображения, которые отсылают к исконно скифским мифам. Историки сходятся во мнении, что данные иллюстрации связаны с упоминаемым Геродотом мифом о Таргитае [5, с. 12], в то время как легенда о Геракле засвидетельствована в более позднем историческом материале, который относится к IV в. до н. э. [1, с. 14].

Кроме того, в настоящее время известно более 120 антропоморфных изваяний скифов [9, с. 15], обнаруженных в Северном Причерноморье и, возможно, содержащих информацию о том, какое визуальное выражение могли иметь символы власти у скифов. В отечественной науке имеется множество мнений и гипотез о том, кого изображают данные статуи. Так, ряд исследователей полагает, что данные скульптуры были возведены в честь скифских воинов и полубогатых героев [4, с. 167]. Некоторые ученые интерпретируют данные изображения как изваяния скифских царей [6; 14]. Другие исследователи считают, что каменные изваяния являются посвящениями богам [8]. Отметим, что данные антропоморфные изображения и представленная на них атрибутика имеют важные соответствия с сообщениями Геродота о символах власти у скифов.

Среди предметов вооружения на скифских изваяниях встречаются секира, лук или меч, упоминаемые и Геродотом. В легенде о происхождении скифов, которую античный историк передает со слов понтийских эллинов, говорится о Геракле, обучавшем своих сыновей натягиванию лука и опоясыванию. По словам Геродота, Скиф стал единственным сыном Геракла, который смог повторить данные обряды, именно поэтому к нему перешла власть, и он стал первым скифским царем (Hdt., IV, 9–10). Справедливым суждением нам представляется идея Б. Н. Гракова о том, что лук являлся не просто неким воплощением модели мира, но, скорее, мифологическим символом скифского

общества, который олицетворял собой патриархальную социальную структуру и переход власти и имущества к наследнику по мужской линии [5, с. 12]. Более подробно данную идею развивает Д. С. Раевский, исследуя изображение мифа о Таргитае, выполненное на воронежском сосуде, на котором присутствует сцена передачи лука от одного скифа к другому [12]. Еще одним подтверждением данного мнения служит электровый сосуд из Куль-Обы, где изображен воин с двумя луками сразу, в котором исследователь также усматривает легенду о Таргитае [12].

Кроме того, Д. С. Раевский соотносит визуализацию мифа о Таргитае с усложнением политической обстановки для скифского государства в IV в. до н. э. и попытками скифского царя Атея укрепить царскую власть. По его мнению, фигура Таргитая оказывается тесно связанной с мифом о Геракле и его сыне Скифе, и данный синтез скифского и греческого мифов помогал Атею выглядеть в глазах причерноморских греков легитимным правителем скифов. Подтверждением тому служит своего рода политический шаг Атея, который выразился в особенностях чеканки скифской монеты: на аверсе монет представлен конный скиф, стреляющий из лука, а на реверсе мы видим типичную для греческих монет голову Геракла в львиноголовом шлеме [1, с. 14]. Таким образом, как более ранняя версия, рассказывающая нам о появлении скифов от Таргитая, так и более поздняя легенда, распространенная среди причерноморских эллинов, указывают на то, что военная атрибутика (и прежде всего, лук) на протяжении долгого времени оставалась символом власти скифских царей, а также свидетельством весьма консервативных социальных структур и патриархальности скифской власти.

Еще одним атрибутом скифской власти служила секира — боевой топор, который подвешивался к поясу под правой рукой, рукоятью вниз. Особенно часто изображения секиры встречаются на скифских скульптурах VI–V вв. до н. э. [9, с. 18]. Можно вспомнить также ритуальную секиру, обнаруженную в царском погребении Келермесского кургана [9, с. 18]. Боевое оружие — лук и секира, отмеченные Геродотом и постоянно встречающиеся среди археологического материала — должно было символизировать царскую власть, а также визуально подчеркивать принадлежность к царскому роду.

Помимо военной атрибутики, Геродот выделяет чашу как еще один символ царской власти скифов. При этом античный историк упоминает данный предмет в обеих легендах. В рассказе о сыне Геракла Скифе Геродот пишет, что тот сохранил память о золотой чаше отца, поэтому у скифов появилась традиция носить чашу на поясе (Hdt., IV, 10). Подобные атрибуты власти также встречаются на каменных скифских изваяниях и в царских погребениях. По-видимому, они предназначались для культовых возлияний и являлись сакральными предметами [9, с. 17].

Отметим также в этой связи и другие важные особенности царского захоронения. Геродот сообщает о том, что после смерти правителя сооружалась погребальная камера, куда также помещались слуги, прижизненные атрибуты и царская символика. Повозка с телом царя совершала объезд различных скифских областей, при этом их жители выражали свое горе плачем, криками и другой жестикуляцией (Hdt., IV, 71). Подобное аффективное поведение должно было символизировать некую глобальную утрату, нарушение мирового порядка для скифов, так как правитель ассоциировался для скифского общества со связующим началом, олицетворяющим единство скифов.

Таким образом, рассказ Геродота и археологические источники свидетельствуют о существовании весьма древних и устойчивых традиций в скифском обществе, которые нашли отражение и в атрибутике царской власти, связанной, прежде всего, с военной и религиозной символикой, которая играла важнейшую роль в презентации власти и подчеркивании ее легитимности. Все же, несмотря на консервативность устоев, в свидетельствах Геродота заметна и другая важная тенденция — взаимодействие греческой и скифской культур, которое находит свое воплощение как в сохранившихся в литературной традиции мифологических сюжетах о происхождении скифов и их царей, так и в археологических данных.

Список литературы

1. Анохин В. А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. 1965. № 2. С. 3–15.
2. Власова Е. В. Античные источники о скифских сосудах // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2012. Т. 2. С. 49–65.
3. Геродот. История / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
4. Граков Б. Н. Скифы: Научно-популярный очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 202 с.
5. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 39–93.
6. Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // Советская археология. 1959. № 2. С. 190–198.
7. Кузнецова Т. М. Скифские курганы и исторические персонажи V–VI вв. до н. э. // Российская археология. 2015. № 2. С. 72–85.
8. Мелюкова А. И. Каменная фигура скифа-воина // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLVIII. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 125–129.

9. Молев Е. А., Молева Н. В. Скифские антропоморфные изваяния Северного Причерноморья: эмблемы власти и войны // История древнего мира. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 15–21.

10. Попова Е. А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // Советская археология. 1976. № 1. С. 115–121.

11. Раевский Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 81–86.

12. Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // Советская археология. 1970. № 3. С. 90–101.

13. Bichler R. Herodots Welt. Berlin: De Gruyter, 2000. 425 p.

14. Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin; New York: De Gruyter, 1971. 198 p.

IV. ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Потапов Александр Павлович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Паламарчук Анастасия Андреевна, д-р ист. наук, проф.

Святой и заяц в агиографии на примере «Vita Sancti Anselmi» Эадмера

The saint and the hare in hagiography on the example of Eadmer's «Vita Sancti Anselmi»

Аннотация. В данной статье рассматриваются примеры защиты зайца святым в агиографии и делается вывод, что в «Vita Sancti Anselmi» Эадмера данный топос служит раскрытию психологического состояния святого.

Ключевые слова: заяц; топос; святой; агиография; «Vita Sancti Anselmi».

Abstract. This article examines examples of hare protection by a saint in hagiography and concludes that in Eadmer's «Vita Sancti Anselmi» this topos serves to reveal the psychological state of the saint.

Key words: hare; topos; saint; hagiography; «Vita Sancti Anselmi».

Описание помощи святых животным нередки в агиографии. В числе наиболее известных примеров можно вспомнить то, как Герасим Иорданский вытащил занозу из лапы льва (впоследствии этот сюжет приписывался Иерониму Стридонскому, возможно из-за сходства позднелатинской формы имён Geronimus и Gerasimus) [9, p. 12], или как Франциск Ассизский укротил волка и обеспечил его пищей, заключив договор между животным и жителями города Губбио [11, p. 88–90].

Среди животных, взаимодействующих со святыми, также можно назвать и зайца, образ которого в средневековой христианской культуре неоднозначен. С античных времён олицетворявший трусость и половую невоздержанность, заяц пронёс с собой эту семантику и в средние века, что к тому же усугублялось статусом зайца как нечистого животного согласно Ветхому завету (Лев. 1:6; Втор. 14:7) [3]. Тем не менее участь зайца отчасти сглаживалась упоминанием в псалме 103 и в книге Притчей Соломоновых, явившимся результатом неправильно-го перевода еврейского названия shafan sela. В псалме 103 shafan sela в тексте Вульгаты был переведён как ericius — ёж, убежище которому каменные утёсы (Псал. 103:18) [3], но в Притчах уже как lepusculus, т. е. зайчик — одно из четырёх мудрейших малых животных — который относится к «слабому народу» и живёт на скале (Прит. 30:24,26) [3]. Отцы церкви знали об этой ошибке, но всё же продолжали использовать образ

зайца теперь как символ богобоязненного христианина, и заячья трусость стала боязнью греха и бегством от сетей дьявола. В трудах отцов церкви и на иллюстрациях бестиариев появляется положительно окрашенный заяц, т.н. *Lepusculus Domini*, «Зайчик Господень» [4, р. 82–84].

Заяц — жертва для хищника по природе своей — присутствует в житиях и легендах как существо, ищущее защиты у святого и получающее её, словно грешник, прибегающий ко Господу [8, р. 203]. Такова, например, семантика спасения зайца в стихотворной «*Vita Sancti Martini*» Венанция Фортуната, где есть эпизод с зайцем, взятый из «Диалогов» Сульпиция Севера, дополняющих первоисточник — «*Vita Sancti Martini*» этого же автора (D. II, 9,6) [2]. В стихах ярко рассказывается, как заяц, преследуемый охотниками и их собаками, подбежал к святому Мартину, ища у него защиты, и по одному жесту Мартина собаки перестали преследовать зайца и убрались восвояси [6, р. 312–314].

Также следует отметить похожий эпизод в легенде о святой Мелангелле (Монакелле), записанной валлийским естествоиспытателем и антикварием Томасом Пеннантом. Мелангелла — дочь короля, ушедшая в отшельничество в земли королевства Поуис. Принц Поуиса Игситрог, преследуя зайца в своих владениях, выходит к Мелангелле и видит зайца, нашедшего убежище у её ног [7, р. 173]. Заяц может намекать как на брачный подтекст, так и на (как ни парадоксально) чистоту девушки: точно так же белый заяц или кролик, между которыми практически не делали различия, изображался в ногах девы Марии как знак девственной чистоты.

Топос «спасения зайца» присутствует и в «*Vita Sancti Anselmi*» Эадмера, что удивительно в достаточно достоверном биографически житии. Можно предположить, что топос взят из «*Vita Sancti Martini*», тем более что многие наиболее употребимые топосы — смиренный отказ святого от епископского сана, чудеса тушения пожара и т. д. впервые появились в «*Vita S. Martini*» Сульпиция Севера, послужившего основой не только для появившегося двумя веками позже «*Vita S. Martini*» Венанция Фортуната, но и для всей западной агиографии вообще [1, с. 87]. Тем не менее, у нас нет оснований не доверять Эадмеру, так как эпизод передан правдоподобно и с множеством оригинальных подробностей. В главе XVIII второй части «*Vita Sancti Anselmi*» во время поездки Ансельма в его имение слуги архиепископа травят попавшего на дороге зайца, и заяц пристраивается в ногах лошади Ансельма, где собаки не могут его достать. Святой останавливает лошадь, «не желая отказывать ему [животному] в помощи, в которой оно нуждалось», а смех спутников над происходящим вызывает у него рыдания: «Вы смеетесь? Но для этого несчастного зверя нет смеха и веселья. Его враги стоят вокруг него, и в страхе за свою жизнь он бежит к нам с просьбой о помощи» [5, р. 89]. Ансельм сравнивает в своём дидактическом

стиле зайца с душой, собак с демонами и даёт животному возможность убежать.

Первое и сразу бросающееся в глаза отличие эпизода спасения зайца Ансельмом от других приведённых выше эпизодов — бурная реакция святого. Он рыдает, стыдит свиту, что нетипично как для сюжета спасения животного в общем, так и для смиренного поведения Ансельма, в частности. Второе отличие, а точнее своеобразие данного эпизода, заключается в его смысловом наполнении. Помимо уже привычного значения «святой показывает доброту через помощь беззащитному животному», Эадмер вложил в эту главу аллегорию, сравнивая Ансельма с тем самым зайцем [10, р. 11]. Для доказательства рассмотрим положение этой и следующей глав житии.

За главой с защитой зайца следует глава, в которой Ансельм с учениками наблюдает за мальчиком, привязавшим к лапке птицы ниточку и играющим с ней, отпуская и притягивая обратно. Ансельм снова даёт толкование в ключе «мальчик — дьявол, птица — душа, ниточка — грехи», и радуется, когда птица рвёт нитку и улетает [5, р. 90]. Эти две главы, не связанные по времени и месту действия, помещены между драматически напряжёнными главами XVII, в которой Вильгельм II отвечает отказом на просьбу Ансельма поехать в Рим, и главой XX, в которой происходит окончательная размолвка короля и архиепископа и последняя их личная встреча [5, р. 88–89, 92–93].

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что Эадмер специально помещает в «*Vita Sancti Anselmi*» две главы с примерами животных, попавших в беду и вырвавшихся в итоге на волю, между главами, освещающими пиковые моменты конфликта Вильгельма II и Ансельма, таким образом, сравнивая положение Ансельма в Англии с находящимися в стрессовой ситуации зайцем и птицей и показывая душевное состояние примааса, возможно осознававшего это сходство. Своёобразие топоса защиты зайца святым в данном житии заключается в его психологическом наполнении, раскрывающем внутренний мир героя жития — святого — и придающем дополнительную глубину и реалистичность агиографическому персонажу.

Список литературы

1. Федотов Г. П. Святой Мартин Турский — подвижник аскезы // Собрание сочинений в 12 т. Т. 2: Статьи 1920-30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». М.: Мартис, 1998. 380 с.
2. A Select Library of the Christian Church: Nicene and Post-Nicene Fathers; Second Series, Vol. 11: Sulpitius Severus. Vincent of Lerins. John Cassian / ed. by Schaff P. / Cosimo Classics, 2007. 652 p.
3. Biblia Sacra Vulgata (Vulgate): Holy Bible in Latin. Illinois, Tyndale House Publishers, 2007. 2032 p.
4. Dines I. The Hare and its Alter Ego in the Middle Ages // Reinardus. Yearbook of the International Reynard Society. 2004. Vol. 17. № 1. P. 73–84.

5. Eadmer. *The Life of St Anselm, archbishop of Canterbury* / Ed. and trans. by R. W. Southern. Edinburgh: Thomas Nelson and Sons Ltd, 1962. 386 p.
6. Paulin de Perigueux, Ven. Hon. Clem. Fortunat. *Oeuvres, La Vie de Saint Martin* / Par. E. Corpet. Paris, Panckoucke, 1849. 368 p.
7. Pennant T. *Tours in Whales*. Vol. 3. London, 1810. 484 p.
8. Pollmann K. *The Baptized Muse: Early Christian Poetry as Cultural Authority*. Oxford University Press, 2017. 304 p.
9. Salter D. *Holy and noble beasts: encounters with animals in medieval literature*. Woodbridge, Suffolk, 2001. 168 p.
10. Staunton M. *Eadmer's Vita Anselmi: A Reinterpretation* // *Journal of Medieval History* 1997. Vol. 23. N° 1. P. 1–14.
11. *The Little Flowers of St. Francis* / Trans. by R. Brown. New York: Doubleday, 1991. 357 p.

**Эволюция персонифицированного образа Британии:
от девы Британии до Джона Булля**

**The evolution of the personified image of Britain:
from Minerva to John Bull**

Аннотация. В данной статье представлена попытка проследить эволюцию аллегорического образа Британии как воплощения нации и (или) самой территории Британских островов. Появившись впервые на римских монетах, Британия постоянно трансформировалась, пройдя путь от богини Минервы, одетой в «национальные одежды», до Джона Булля, воплощавшего в себе стереотипные черты британского национального характера.

Ключевые слова: персонификация; Британия; Джон Буль; национальный символ.

Abstract. This article presents an attempt to trace the evolution of the allegorical image of Britain as the embodiment of the very territory of the British Isles. Appearing on Roman coins, Britain has transformed, constantly going from the goddess Minerva, dressed in «national dress», to John Bull, who for the first time embodied the stereotypical features of the British national character.

Key words: personification; Britain; John Bull; national symbol.

Поиск истоков идеи персонификации можно начать с античной Греции, когда божества становятся не просто покровителями городов, но и их символическими воплощениями. Однако, речь в данном случае скорее идет не о «национальном», а о специфических проявлениях регионализма, который получает развитие в эпоху Римской империи. Там персонифицированные образы провинций появляются на реверсах монет, среди которых можно обнаружить и изображение Британии [9, p. 800]. Данные визуализации создаются в контексте присваивающего имперского дискурса. Британия оказывается полностью унифицирована и включена в общую систему римских имперских ценностей, что проявляется в образе покорной девы, лишенной каких-либо специфических региональных особенностей. Такая «страдальческая» Британия полностью не исчезает в последствие, она трансформируется и в средние века находит воплощение в культе Девы Марии [6, p. 60].

Вернакулярные изображения Британии как персонифицированного олицетворения территории впервые появляются в раннемодерных английских нарративах, сопровождающихся различными визуальными медиумами (гравюры, гербы и т. д.) До этого момента в британском визуальном дискурсе территория сливалась с символической фигурой монарха, создавая симбиотический образ, выраженный в метафориче-

ском единстве «территории» и ее правителя [6, р. 62]. Обусловленный как правило «феминной» интерпретацией самой фигуры земли, данный концепт актуализировался в эпоху правления Елизаветы I, выразившись в создании символической фигуры Глорианы.

В целом, обозначение принадлежности территории, выраженное в обязательном присутствии королевских инсигний, имело первостепенное значение по отношению к той дискриптивной функции, которую традиционно несли изображения местности [6, р. 64]. Однако, в елизаветинскую эпоху в Англии происходит постепенная смена историописательной парадигмы [11, р. 3]. В рамках своеобразного «топографического поворота» получает распространение новый жанр историописания — хорография, который трансформирует традиционную линейную темпоральность, выводя, таким образом, на первый план само «место» [7, р. 80]. В подобных хорографических сочинениях и (ре) актуализируется полноценный персонифицированный образ территории [5, р. 59].

Один из наиболее показательных мифологизированных образов Британии появляется на фронтисписе знаменитого сочинения Уильяма Кемдена «Британия» в издании 1607 г. [3]. Сам трактат Кемдена — уникальное произведение, в котором территория Британии впервые предстает в качестве единого полиэтнического организма, что стало важной вехой в процессе складывания британской нации. Персонифицированная «Британия» в нем полностью соответствует античным канонам. Она сидит в той же позе, что и на римских монетах, и носит римские одежды и оружие.

Несмотря на то, что образ Британии, отделившись от фигуры монарха, возвращается к античным канонам, он, тем не менее, проходит определенные трансформации. Так, «Британия» здесь уже не просто римская провинция, а полноправная наследница Римской империи, претендующая на роль ее воплощения в контексте идеи о трансляции единой Империи. В подобном образе наиболее явно проявляются имперские амбиции Британии, т. к. само сочинение Кемдена стало следствием из общеевропейской гуманистической традиции, апеллирующей к античному наследию. По замыслу автора Британия должна была быть включена в общее европейское пространство, и использование подобного античного образа как бы легитимировало данные притязания.

Более заметные трансформации образ «Британии» претерпевает на фронтисписе сочинения Майкла Дрейтона «Поли-Альбион» [5]. Сам трактат также имеет большое значение в контексте формирования новой территориальной общности — «британской нации». В тексте явно прослеживаются попытки найти и обозначить эту общую пронациональную идентичность, а также зафиксировать легитимирующий миф для только что созданной раннестюартовской композитарной монархии [6, с. 7].

«Британия» Дрейтона все еще олицетворяет собой территорию. Однако несмотря на то, что она все еще воплощает традиционный феминный образ, это уже не просто римская Минерва, одетая в региональные одежды. Она становится богиней Изобилия [5, р. 65]. Она одета в самую «землю» — карту, а в руках держит рог изобилия как символ земельного плодородия. Военные облачения сменяются украшениями, а сама «Британия» из воинственной Империи превращается в Землю, неотделимую от контекста собственной истории.

Она у Дрейтона традиционно представлена маскулинными образами, прежде всего, образами четырех главных завоевателей Британии — Брута, Цезаря, Хенгиста и Вильгельма. «Британия» для них — объект желаний, которому они служат и который неизменно пытаются завоевать. Таким образом, она, будучи символом того вечного, что, несмотря на сменяемость монархов, остается неизменным, встраивается в легитимирующей мир композитарной монархии. Кроме того, несмотря на многие специфические черты, в «Британии» Дрейтона все еще четко прослеживается ее античное прошлое, а за ее спиной появляются корабли, которые, очевидно, символизируют морское господство Британии и сохраняющиеся имперские амбиции.

Наиболее ярко зарождающее господство на морях в качестве одного из маркеров формирующейся национальной идентичности проявляется у «Британии» Генри Пичема, изображенной в книге эмблем «Минерва Британна» [8, р. 108]. Его «Британия» также является наследницей римской имперской идеи. Она изображена в железном нагруднике на фоне крепости — очевидно, Лондона. Часть изображения занимает море и непосредственно корабль, к которому она направляется. «Британия» Пичема значительно отличается от «Британии» Дрейтона, так как от образа богини плодородия она возвращается к образу воинствующей Минервы и скорее оказывается схожа с «Британией» Кемдена.

В целом, благодаря усилиям данных авторов, а также их многочисленных последователей, тиражировавших тем или иным способом образ «Британии», она становится частью коллективного сознания островного королевства. Так называемый «печатный капитализм» обеспечил выживаемость образа, который полноценно существовал вплоть до XVIII столетия [1, с. 42].

В этот период персонифицированный образ Британии на время исчезает, и воплощением территории и ее народа снова становится монарх. Это не было сугубо инсультным явлением, тенденция носила преимущественно общеевропейский характер. Фигура короля вновь становилась олицетворением нации и государства и оставалась ей вплоть до конца XVIII в., когда в ходе Французской революции было уничтожено политическое тело короля и рожден новый символ — Свобода [9, р. 809].

«Британия» находилась в упадке достаточно продолжительный период времени, что вывело на первый план нового персонажа — Джона Булля, который в большей степени отвечал на запросы модернизирующегося общества, чем «имперская Дева» [9, р. 809]. Несмотря на то, что оба символа играли в целом схожие роли, их происхождение было диаметрально противоположным. Британия представляла собой классическое античное наследие и была связана с правящими классами, высокими идеалами и традиционными рыцарскими добродетелями. Она стояла как бы выше «простых смертных», которым также был необходим свой символ.

Джон Булль стал первым народным образом, который, по мнению англичан, олицетворял многие стереотипные черты их коллективного характера. Он был воплощением тех качеств, которые люди хотели видеть в новом мире — не отстраненное величие, а жажда жизни, честность и щедрое сердце. Именно за счет своей универсальной привлекательности он стал постоянным орудием политической пропаганды, что привело к созданию многочисленных карикатур с его изображением.

Противоборствующие партии использовали образ Булля в собственных целях, формируя тем самым британское единство, выраженное в унифицированном образе. Если Британия олицетворяла традиции, то Джон Булль стал символом среднестатистического современного британца, сформировав тем самым у каждого из них чувство причастности к глобальным событиям [9, р. 811]. Листовки и карикатуры были способом развлечения, но они же были и мощным политическим рычагом и способствовали национальной идентификации.

В XIX в. образ Британии постепенно реабилитируется. В эпоху многочисленных войн вновь появляется необходимость в традиционных добродетелях. Поэтому сначала Британия появляется на монетах и медалях, а затем в памятниках архитектуры и живописи. Викторианская эпоха стала периодом расцвета индустриального мира, затронувшего все слои общества и культуры, включая издательский мир и, в частности, его визуальные формы выражения. Развитие инфраструктуры позволило идеям циркулировать более свободно, что привело к трансформации национальных образов. В то время, как Джон Булль превратился в мелкого дворянина, Британия поднялась на более высокие моральные уровни. Она стала абстрактным символом, изображающим добродетели среднего класса и, в конце концов, вернулась к отождествлению с монархом, слившись с образом королевы Виктории.

Таким образом, к началу XX столетия Британия и Джон Булль все еще представляли собой две стороны британской идентичности: имперский идеализм и приземленную практичность. «Британия» отвечала за процесс формализации и ритуализации исторического прошлого, апелляция к которому указывала на разрыв с этим прошлым. Путем

его продления за пределы его действительной исторической протяженности изобреталась преемственность, служащая новым целям. «Британия» как символ имперских амбиций и традиционных добродетелей продолжала реактуализироваться на протяжении многих столетий, став полноценной «изобретенной» традицией и сыграв свою роль в формировании британской нации [10, p. 3].

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 416 с.
2. Левин Ф. Е. Полиальбион М. Дрейтона и британская идентичность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. № 10. URL: https://www.academia.edu/31596552/Поли_Альбион_М_Дрэйтона_и_британская_идентичность_pdf (дата обращения: 18.10.2021).
3. Arbutnot J. The history of John Bull. London; New York: Cassell, 1889. 192 p.
4. Camden W. Britannia. London: Printed by Mary Matthews, 1722. 696 p.
5. Drayton M. The complete works of Michael Drayton. Vol 1. London, 1876. 286 p.
6. Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 50–85.
7. Levy F. Tudor Historical Thought. San Marino: University of Toronto Press, 1967. 390 p.
8. Peacham H. Minerva Britanna, or A Garden of Heroical Devises, Furnished and Adorned with Emblemes and Impresses of Sundry Natures. London, 1612. 212 p.
9. Roy T. M. Britannia and John Bull: From Birth to Maturity // The Historian. 2000. Vol. 62. № 4. P. 799–820.
10. The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 324 p.
11. Fussner F. S. The historical revolution: English historical writing and thought, 1580–1640. New York: Columbia University Press, 1962. 372 p.

Бузлуков Илья Олегович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Федоров Сергей Егорович, д-р ист. наук, проф.

Валлийский антикварий Хамфри Ллуид в дебатах о британской истории

Welsh antiquarian Humphrey Llwyd in the debate on British history

Аннотация. Статья посвящена участию Хамфри Ллуида, знаменитого валлийского антиквара и картографа XVI в., в спорах о древней истории британских островов. На примере двух трудов Ллуида — «Бревиарий Британии» и «Хроника Уэльса» — проанализирован способ защиты валлийской историографической традиции, восходящей к Гальфриду Монмутскому, от скептицизма итальянского антиквара Полидора Вергилия.

Ключевые слова: история Уэльса; Гальфрид Монмутский; валлийская идентичность.

Abstract. The article focuses on the involvement of Humphrey Llwyd, the famous XVIth-century Welsh antiquarian and cartographer, in the debate over the ancient history of the British Isles. Using the example of Llwyd's two works, «Breviary of Britain» and «Cronica Walliae», it analyses the way in which the Welsh historiographical tradition, which has its origins in Geoffrey of Monmouth, is defended against the scepticism of the Italian antiquarian Polydore Vergil.

Key words: history of Wales; Geoffrey of Monmouth; Welsh identity.

«История королей Британии» (1136) Гальфрида Монмутского оказала значительное влияние на валлийское историописание. В Средние века сюжеты этого произведения легли в основу артуровского цикла, а к началу раннемодерного периода утвердились в качестве неотъемлемых элементов мифологии о древней Британии [3, р. 96]. С началом Ренессанса гуманизм и антикварианизм разбавили в работах валлийских историков средневекистское наследие, однако приверженность легендам и мифам сохранилась, и, по выражению Кассандры Конли, стала сочетаться (порой вступая в противоречие) со стремлением «участвовать в современных исторических дебатах» [3, р. 95]. «История Англии» (1534) Полидора Вергилия в корне изменила ситуацию, открыв новую страницу в жизни гальфридианской традиции. Критическое отношение Вергилия к «Истории королей Британии» подорвало достоверность сложившейся версии истории древних бриттов, потомками которых считались валлийцы.

Нельзя сказать, что скептицизм итальянского антиквара к Гальфриду Монмутскому был беспрецедентным. Еще в Средние века находились авторы, сомневавшиеся в правдивости его труда. Более

того, буквально за пять лет до появления первого издания «Истории Англии» английский антикварий Джон Растелл отверг легенды о британской античности как далекие от истины и назвал их предметами насмешек среди других народов [10, р. 34]. Помимо этого, критический настрой Полидора Вергилия имел свои границы и несколько компенсировался понимающей оценкой стремления Гальфрида возвеличить происхождение и историю своего народа. Для Полидора это естественное человеческое желание, «так как многие народы осмелились проследить свое происхождение даже от богов, как это делали римские авторы, чтобы таким образом начало их нации и ее городов было бы более достойным и благословенным» [цит. по: 3, р. 116]. Однако очевидно, что после начала Реформации критика итальянским католиком британской истории начала восприниматься по-другому, и Полидор, как выразился Филип Швайзер, стал «удобной мишенью для патриотической протестантской ярости» [9, р. 34]. Естественно, это восприятие дискуссии в духе «протестанты против католика» являлось по своей сути скорее английским, и в случае Уэльса причина непринятия Полидора Вергилия лежала в другой плоскости. Полулегендарные сюжеты об истории Уэльса сформировали для валлийцев чувство их собственной исключительности. Для представителей валлийской культуры дискредитация гальфридианской традиции означала подрыв идентичности. Труды валлийских историков, таким образом, были направлены в первую очередь на реабилитацию «Истории королей Британии».

Особую роль в этой апологии валлийского исторического сознания сыграл антикварий и картограф Хамфри Ллуид. Его наиболее известным трудом стала «Хроника Уэльса» (1559) — работа, освещающая историю страны с середины VII по конец XIII вв. и являющаяся в основном переводом нескольких версий «Хроники Принцев» — средневековой хроники, написанной на валлийском языке. «Хроника принцев» считается продолжением труда Гальфрида — это может быть подтверждено тем фактом, что «История королей Британии» заканчивается на 682 г., а «Хроника принцев» с него начинается [5, р. 188]. В силу этого возникает логичный вопрос — можно ли считать перевод Ллуида «Хроники принцев» актом защиты гальфридианской традиции?

Чтобы ответить на него, следует подробнее остановиться на связи «Хроники принцев» с трудом Гальфрида. Во-первых, нет указаний на то, что латиноязычный оригинал «Хроники» представлялся автору как часть непрерывного повествования, берущего свое начало от «Истории королей Британии» [5, р. 189]. Гальфридианское измерение, по утверждению Оуайна Вин Джонса, было придано валлийскому тексту самим переводом, нацеленным на включение в сборник вместе с «Историей» [5, р. 88]. Во-вторых, пересмотреть преемственность «Хроники принцев» от «Истории королей Британии» заставляет их содержательная непохожесть друг на друга. Как было показано Беверли

Смитом, автор «Хроники» стремился дистанцироваться от всестороннего влияния Гальфрида Монмутского: он опирался на анналистическую традицию и строго придерживался фактов. «Хроника принцев», таким образом, оказалась более достоверна и является не мифом, как «История королей Британии», а исторической записью [8, p. 9].

Тем не менее сам факт того, что «Хроника принцев» не впитала в себя влияние Гальфрида, не позволяет утверждать, что Ллуид своим переводом не пытается его реабилитировать. Стоит обратиться к судьбе «Хроники» в средневековом и раннемодерном Уэльсе. С XIV в. этот текст фигурировал как часть единого цикла, включавшего также валлийские переводы «Истории королей Британии» и «Повести о разрушительной Трои» [8, p. 8]. В совокупности эти сочинения создавали последовательный рассказ, и «Хроника», несмотря на то что по своей природе не являлась гальфридианским текстом, воспринималась как часть общего цикла, полного легендарными и мифическими нарративами — именно поэтому в XVI в. в Уэльсе сопротивление росту гуманистического скептицизма к валлийской истории выразилось, помимо всего прочего, в значительном увеличении числа рукописных переводов «Истории королей Британии», объединенных с той же «Хроникой» и «Историей троянской войны». Вместе эти тексты стали для валлийцев столпом видения собственной истории, и в рамках раннемодерного восприятия публикация перевода одного из них, пусть даже такого, как «Хроника», может действительно считаться актом защиты всей псевдоистории в целом, лежащей в основе «народной памяти» [3, p. 11].

Однако приверженность Ллуида средневековому взгляду на историю Уэльса выражается не только самим актом перевода. Именно в «Хронике Уэльса», точнее в предварявшем ее «Описании Камбрии», впервые прозвучали тезисы о важности привлечения валлийской литературы при изучении античной Британии и об авторитете валлийских источников в этом вопросе. В начале «Описания» Ллуид с резкой критикой обрушивается на Полидора Вергилия, обвиняя в том, что тот не читал «древних историй этого королевства» и посвятил свою книгу «только восхвалению и чествованию римлян» [6, p. 65]. Ллуид обвиняет Вергилия в невежестве: в незнакомстве с «древними писателями британской истории» и в незнании «британского» языка.

В подобных рассуждениях Ллуида прослеживается влияние сэра Джона Прайса, чью «Защиту британской истории» он рекомендует к прочтению. В этом труде Прайсу в отличие от всех своих современников удалось наиболее аргументированно, и в то же время менее жестко, защитить Гальфрида Монмутского от скептицизма Полидора Вергилия [9, p. 86]. Его критика Полидора основывается на некомпетентности итальянца в местных «британских» источниках, и Ллуид вслед за Прайсом говорит о превосходстве валлийцев в вопросе о британской истории, так как они знают язык, на котором говорили бритты и

способны читать местные истории. Однако вопреки атаке на Полидора Вергилия, главную «жертву» его критики — Гальфрида Монмутского — Ллуид обходит стороной. Он утверждает, что комментарии Цезаря, Тацита и других ничего не значат, так как Полидор «никогда не видел» труды Гильды, Понтия Верунния, Матвея Парижского [6, р. 65]. Ллуид ни слова не говорит в поддержку самого Гальфрида, и в этом смысле он также следует за Прайсом, который в первой главе своей «Защиты британской истории» стремится убедить читателя в том, что на фоне богатства валлийской исторической памяти латинский оригинал «Истории королей Британии» (отсутствие которого говорило о том, труд Гальфрида — произведение собственного сочинения, а не перевод, как он сам заявлял) вовсе не нужен [9, р. 87–89; 1, с. 202]. Ллуид идет по аналогичному пути и защищает гальфридианскую традицию опосредованно.

Эта линия аргументации была продолжена Ллуидом в «Бревиарии Британии» (1568), посвященном описанию острова. Во введении он объясняет значение букв и некоторые особенности произношения в валлийском языке, так как только подобным образом «истинное имя как всего Острова, так и многих мест на нем, может быть ясно» [7, р. 1]. Рассказывая о значении названия острова, Ллуид полемизирует с Полидором Вергилием и Гектором Боэцием, отвергавшими легендарную версию происхождения названия «Британия» от имени Брута Троянского, и заявляет, что нужно опираться не только на источники иностранных писателей, но и на «наиболее древние фрагменты наших Поэтов, <...> называемых сегодня Бардами, вместе с историями на британском языке» [7, р. 6–7]. Ллуид, таким образом, объявляет о собственном превосходстве в дискуссии о британской истории, поскольку он знает язык древних бриттов, и, по выражению Грейс Джонс, устанавливает, «что знание валлийского дает доступ к исторической “правде”» [4, р. 27].

Конечно, стоит согласиться с точкой зрения, что Ллуид не был слепым последователем традиции, так как его образ древних бриттов не соответствовал канонам Гальфрида Монмутского [1, с. 206]. Однако в его участии в дебатах о валлийской псевдоистории прослеживается свойственная историографии Ренессанса черта — поощряемый Реформацией взаимный скепсис протестантов и католиков в отношении друг друга воплотился в более искусном подрыве аргументов оппонента, нежели чем в поддержке своих собственных [2, р. 264]. Поэтому можно согласиться со словами Смита Беверли, что ллуидовская защита гальфридианской традиции не стала выдающимся наследием [8, р. 9]. Тем не менее аргументы, которые антикварий приводил в защиту традиционной валлийской истории, служат маркерами и характеристикой тех идентитарных процессов, которые наблюдались в тюдоровском Уэльсе.

Список литературы

1. Шестакова Н. Ф. Образ Уэльса и валлийского народа в британской интеллектуальной культуре эпохи Тюдоров (конец XV — начало XVII века) // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 195–209.
2. Burke P. History, Myth, and Fiction: Doubts and Debates // The Oxford History of Historical Writing. 2012. P. 261–281.
3. Conley K. L. Ph. D. Looking towards India: Nativism and Orientalism in the Literature of Wales, 1300–1600. Cambridge, Massachusetts, 2014. 325 p.
4. Jones G. Early modern Welsh nationalism and the British history // Writing Wales, from the Renaissance to Romanticism. 2012. P. 21–38.
5. Jones O. W. Ph. D. Historical Writing in Medieval Wales. Bangor, 2013. 490 p.
6. Llwyd H. Cronica Walliae (1559) / Ed. I. M. Williams. Cardiff: University of Wales Press, 2002. 302 p.
7. Llwyd H. The Breviary of Britaine. Trans. Thomas Twyne. London, 1573. 228 p.
8. Smith B. J. The sense of history in Medieval Wales. Aberystwyth, 1989. 25 p.
9. Schwyzer P. Literature, Nationalism and Memory in Early Modern England and Wales. New York: Cambridge University Press, 2004. 205 p.
10. Trimble W. R. Early Tudor Historiography, 1485–1548 // Journal of the History of Ideas. 1950. Vol. 11. № 1. P. 30–41.

Заикина Елизавета Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Кулешова Елена Владимировна, канд. ист. наук., доц.

Роль аббата Сугерия в развитии городов Иль-де-Франс в первой половине XII века

Abbot Suger's roll in the development of the cities of Ile-de-France in the first part of XIIth century

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов деятельности аббата Сугерия, а именно освоению земель Иль-де-Франса, образованию здесь городов и регулированию их деятельности. Особое внимание в статье уделено правовым документам, которые способствовали процветанию поселений и улучшению условий жизни горожан. Работа опирается на французские источники, а также на исследования зарубежных авторов.

Ключевые слова: Франция; аббат Сугерий; хартии; устав де Лориса.

Abstract. The article is devoted to one aspect of the Abbot of Suger, specifically the development of the lands of the Ile-de-France, the formation of towns there, and the regulation of their activities. The article focuses on the law documents that contributed to the prosperity of the villages and to the improvement of the living conditions of the citizens. The work is based on French sources, as well as on the research of foreign authors.

Key words: France; Abbot Suger; charters; statute de Loris.

Во Франции XII в. хватало земель, пришедших в запустение из-за набегов разбойников и по причине войн. Разумеется такие земли были и совсем близко к Сен-Дени¹. Самая западная область Иль-де-Франса — земля Вокрессона опустела из-за разбойнической деятельности и воровства. Осмотрев данную местность, Сугерий² издает указ, согласно которому живущие там люди должны были следить за благосостоянием поселения и вести активную борьбу с воровством и разбоем. В течение года в Вокрессоне поселились 60 семей. Метод восстановления запустевших земель сработал, как и многие другие начинания аббата

¹ Аббатство Сен-Дени (Basilique Cathédrale de Saint-Denis). Город Сен-Дени находится на месте погребения Дионисия Парижского, французского святого и покровителя города, точная дата основания базилики в этом месте неизвестна. Церковные историки колебались между I–II вв. и даже IV в. На сегодняшний день принято считать, что монастырь был основан на месте часовни, построенной покровительницей города Парижа святой Женеьевой во второй половине V века над могилой святого Дионисия — первого парижского епископа [5].

² Сугерий — (родился в 1088 г.; Аббат Сен-Дени с 1122 г. до своей смерти в 1151 г.), ему также довелось быть главой и преобразователем аббатства Сен-Дени; регентом Франции во время Второго Крестового похода; верным советником и другом двух французских королей Людовика VI и его сына Людовика VII [1, с. 80].

Сугерия. «Зелень камыша и тростника», — говорит Сугерий, заимствуя слова из Библии, «вновь появились в этом месте, где когда-то обитал разъяренный дракон» [4, р. 30]. Кстати, и в наши дни Вокрессон считается «зеленым» городом, а в XII в. он становится образцом для многих других городов, основанных в королевском домене, которые приютили трудолюбивых крестьян, странствующих рабочих и мелких торговцев.

В новых городах создавались условия для роста материального благосостояния людей, утверждались определенные моральные принципы, которые воодушевляли людей, заставляли их чувствовать себя общностью, а не просто скоплением зависимых людей, на которых нельзя было положиться. Нравы в городе смягчились, привычки приобрели рациональный, разумный характер, что в лучшую сторону сказалось и на взаимоотношениях с сеньором, на земле которого вырастали города [4, р. 33].

Весомую роль в Средние века играли издаваемые хартии, являвшиеся источниками права. Так, при Сугерии вступило в действие немало таких хартий. Согласно собранию сочинений аббата, около тринадцати принадлежало руке самого Сугерия [6, р. 351]. Еще в должности прево при Тури он издает хартию об иерархии в административном органе, согласно которой должна осуществляться строгая подчиненность управленцев между собой [2]. То, что Сугерий издает хартии, распространяющиеся лишь на определенную территорию, лишней раз подтверждает, что система законов была крайне не урегулирована, поскольку нельзя было применить общий закон ко всем территориям королевства.

Особое внимание стоит обратить на хартию города Лорриса, о чем будет сказано позднее, и еще на одну, выданную в месте, именуемом Мура, на территории Нотр-Дам-де-Шамп [2]. Она содержит привилегии, подобные тем, которые сам аббат Сугерий предоставлял при определенных обстоятельствах вассалам Сен-Дени. Жители этих мест были объявлены свободными от военной службы и всех обычных выплат. В 1123 г. те же привилегии предоставляются на десять лет семьям, которые приедут на рынок. Статья этого устава показывает, что Людовик VI тщательно охраняет по бывшим законам свободу торговли и безопасность от воров. Также поступал и аббат Сугерий в Сен-Дени [5, р. 114], и тот же указ свидетельствовал в том числе о безопасности путешествий [4, р. 35]. По воле аббата, в 1125 г. в Сен-Дени отменяется право мертвой руки, что значительно облегчает жизнь крестьянам, а доходы, полученные от сумм выкупа, он тратит на восстановление прихода монастыря [6, р. 351]. Сугерий — очень грамотен в финансовом вопросе и выроченные деньги он направляет на улучшение и процветание городов, как новых, так и вверенного ему Сен-Дени, где при аббате строятся и восстанавливаются административные и монастырские здания, а также дома для горожан.

В качестве другой значимой хартии более подробно рассмотрим устав Лорриса, самого маленького городка в Иль-де-Франс. Между теми, кто проживал в сельской местности и теми, кто жил в городах было смешанное население, состоявшее из крестьян и ремесленников, которые расселились на землях провинции Гатине. Земли этого региона славились своим плодородием и жившими там трудолюбивыми людьми. Сугерию, благодаря умелому руководству, удалось вновь приумножить здесь население и привести его к процветанию. Из хартии, дарованной Лоррису, мы узнаем, что король больше не будет иметь прав на прокурации над жителями этого города [4, р. 37]. Законодательство было обеспокоено и тем, что ранее не допускалось разбирательств между жителями и, если это возможно, прибегали сразу к рассмотрению дел в судебном порядке. Те, кто опрометчиво потребует личного разбирательства и покается в этом, смогут мирно разрешить недопонимания, но свою неосторожность они искупят штрафом [5, р. 115]. Стороны, которые захотят договориться до судебного разбирательства, не будут выплачивать компенсацию прево. Те, у кого будет боевой зарок и кто потом раскается в содеянном, могут свести все к мирному сосуществованию с соседями; но они заплатят за свое безрассудство штрафом в размере двух с половиной центов каждый. Если стороны упорствуют в своем решении, и происходит бой, заложники проигравшего должны заплатить штраф в размере 112 су заложникам побежденного. Намерение здесь явно состоит в том, чтобы к испытанию боем прибегали как можно реже [4, р. 36].

Также, согласно рассматриваемому уставу, умный и трудолюбивый человек не должен больше бояться строить дом, чтобы обработать несколько участков земли. Таким образом, обычай, в первую очередь, заявляет, что каждый житель Лорриса должен заплатить за свой акр земли только ценз в шесть денежных знаков. Это правило установлено для самой нижней части участка, и отныне поселенец обладает правом собственности над плодами своего труда. «Никто, — говорит обычай, — не должен платить пошлины за провизию от урожая, который он добыл своим трудом; никто не будет обязан платить за бурение скважин для вина, которое он получил от своих виноградников» [4, р. 38].

Важно отметить и следующий ряд положений устава: «Житель, приходящий в Лоррис не будет призываться в суд за пределами пригорода; тот, кто будет потребован для прохождения военной службы в честь короля, сможет вернуться вечером того же дня в свой дом; никто не может быть задержан и взят пленником, если он не сможет обеспечить безопасность суда над ним» [5, р. 115]. К тому же изменилось и положение о штрафах: их размеры значительно снижались.

Обычай Лорриса вводился как своего рода эксперимент, который стал показателем того, как будут реализовываться привилегии на практике. Маленькие города королевского домена ощутили на себе влияние

административных мер Сугерия. А большие города и вовсе не могли оставаться вне его влияния, конечно, они не получали таких уставов, как обычай Лорриса, но, по мнению исследователей, основополагающая идея этой хартии [4, р. 38], действительно была предметом амбиций более 300 городов или деревень, которые ее добивались.

Популярность правил Лорриса только росла и расширялась. Благодаря своему исключительно гражданскому характеру, который позволил ей перейти от городского закона к территориальному обычаю, она взяла на себя роль административной трансформации, которая, как правило, приводит к тому, что гражданское и преступное правосудие переходит к власти короля через судебного пристава или прево, которым подчинялись главы городов [5, р. 116–117].

Таким образом, издаваемые на местах хартии иллюстрируют деятельность Сугерия, как реформатора и законника, чем он занимался еще с юных лет под покровительством своего учителя, аббата Адама и при помощи Людовика VI, еще до того, как последний стал королем Франции, а Сугерий занял место его наставника. Все это, без каких-либо сомнений, можно считать существенным вкладом в освоение и развитие земель и ресурсов Иль-де-Франс, а также и в эффективное использование человеческой рабочей силы, но именно рабочей, а не принудительной/рабской. Сугерий делал так, что человек хотел работать на благо города, в котором он живет, хотел стремиться улучшить свое жилище, свой доход и благодаря настоятелю аббатства и его законам мог не бояться остаться ни с чем. Стремление людей под началом Сугерия быть более самостоятельными, например, в отношении охраны своего жилища, возделывании земли, образовании общности и т.д., также говорит о том, что степень доверия между властью настоятеля и народом достаточно высока, что целиком и полностью заслуга аббата, так как именно его действия и отношение к простому народу, позволило добиться такого единения, по крайней мере в пределах отдельно взятого города, что доказано на примере городков Лоррис и Вокрессон [3, р. 85].

Список литературы

1. Панофский Э. Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. 386 с.
2. Сугерий Аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции // Восточная литература: Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Suger_2/frameved.htm (дата обращения: 24.09.2021).
3. Bernardi M. Essai historique sur l'abbé Suger, régent du royaume sous le règne de Louis-le-Jeune. 1807. 122 p.
4. Huguenin, Anatole Étude sur l'abbé Suger, thèse présentée à la Faculté des lettres de Paris. 1855. 164 p.
5. Menault, Ernest Suger: agriculteur, abbé de Saint-Denis: ministre, régent de France. 1884. 210 p.

6. Suger Oeuvres complètes de Suger: recueillies, annotées et publiées d'après les manuscrits pour la Société de l'Histoire de France par A. Lecoy de La Marche. 1867. 522 p.

Кирсанов Даниил Юрьевич
Российский государственный гуманитарный университет
Научный руководитель:
Чпанов Ахмед Курейшевич, канд. полит. наук, доц.

Франсуа де Ла Ну: от рождения до «Железной Руки»

François de La Noue: from birth to the « Bras-de-Fer»

Аннотация. Статья посвящена основным вехам жизни гугенотского дворянина из Бретани Франсуа де Ла Ну с 1531 по 1570 гг., от его рождения до ранения при Фонтене-ле-Конта. Биография персонажа, также как и его труды, мало изучены в российской историографии, в то время как и его жизнь и его мысли крайне важны для понимания религиозно-политической истории периода Религиозных войн.

Ключевые слова: Франсуа де Ла Ну; Гугенотские войны; биография; Франция.

Abstract. The article is devoted to the main milestones in the life of the Huguenot nobleman from Brittany François de La Noue from 1531 to 1570, from his birth to his injury at Fontenay-le-Comte. The biography of the character, as well as his works, are little studied in Russian historiography, while both his life and his thoughts are extremely important for the religious and political history of the period of Religious wars.

Key words: François de La Noue; The Huguenot Wars; biography; France.

Жизнь и мировоззрение Франсуа де Ла Ну, бретонского дворянина-гугенота, активно принимавшего участие в гражданской войне во Франции XVI в., судя по его собственным сочинениям, занимательны, красочны и интересны. Во Франции, что не удивительно, первая биография Ла Ну уже была составлена в XVII в. [4, р. 1]. Известный историк Анри Озе также написал монументальный труд о нем [5, р. 1], и можно с уверенностью сказать, что ученый испытывал к нему значительную симпатию. В историографии присутствовала даже полемика вокруг Ла Ну, в частности, известен спор между А. Озе и Д. Досси о подлинности его «Речей» [6, р. 301]. Особую роль в сохранении памяти о «Железной Руке» сыграли французские кальвинисты и голландские протестанты, в частности, «Общество истории французского протестантизма» в Париже, где хранятся оригиналы его писем, а также Виртуальный музей протестантизма и Музей истории протестантизма в Ла Рошели. Во французской историографии он стал одним из героев, ярких символов Религиозных войн, наравне с Блезом де Монлюком и бароном дез Адре. Молодые годы и деятельность в первые три гугенотские войны позволяют проанализировать становление его взглядов, его приверженность протестантским идеалам, яркий характер и раскрывшиеся таланты.

Франсуа де Ла Ну (на бретонском языке был известен как Нуэ [Nouë]), родившийся в 1531 г., принадлежал к старинной бретонской дворянской семье, корни которой уходят к XI в., сын Франсуа I де Ла Ну, господина Шавани и Буасьера-дю-Доре, и Бонавентуры Л'Эпервье, госпожи ла Бувардьер [4, р. 1]. Его отец, Франсуа, имел большие связи с разными аристократическими домами в Анжу и Бретани и, как кажется, принадлежал к числу дворян старого закала [2, с. 169].

Он не послал сына в коллеж, как было принято среди дворян эпохи Возрождения, а воспитывал его сам, в своем замке, в духе старых традиций. Ла Ну учили читать и писать, однако на физические упражнения и обращению с оружием было обращено особое внимание. При таком воспитании, при той обстановке, в которой он находился, мог выработаться тип «медного лба» [2, с. 169], любящего старину и ненавидящего придворные интриги. В своем доме он слушал рассказы о старых временах, независимости Бретани, о подвигах своих предков, решавших споры битвами, находивших в них высшее наслаждение. Понятно, что здесь, в уединении от всего мира, среди такой обстановки в нем выработался тот дух вольности, любви к славе праотцов, их нравам, презрение ко двору.

Воспитание и самодисциплина побудили его заняться науками, в особенности историей. Наряду со священными текстами и теологическими произведениями, молодой дворянин читал сочинения античных и современных светских авторов — Фукидида, Тита Ливия, Плутарха, Коммина, Макиавелли, Гвиччардини, Отмана, Бодена и многих других [3, с. 168].

Юношей Ла Ну был отправлен к королевскому двору, как того требовали сословные обязательства, где стал пажом Генриха II [1, с. 189]. Храбростью на армейском поприще бретонец смог отличиться во время последней Итальянской войны 1552–1559 гг. на втором десятке лет. Под командованием коннетабля Монморанси он отважно сражался с испанцами в Пьемонте [1, с. 189; 3, с. 168]. В 1557 г. он покрыл себя славой в битве при Сен-Кантене [7, р. 2].

После Като-Камбрезийского мира вернувшись в Бретань, подальше от нелюбимого ему королевского двора, он подружился с Франсуа де Колиньи-Шатийоном д'Андело, младшим братом адмирала Гаспара II де Колиньи и одним из самых ревностных сторонников партии протестантов-гугенотов. Пример этого сеньора, ставшего в Бретани главным адептом Реформации, в сочетании с настойчивыми увещаниями протестантского министра Гаспара Кормеля побудил Ла Ну с пылом принять протестантизм кальвинистского толка [7, р. 2].

В 1560 г. после смерти Франциска II герцоги Гизы поручили ему вместе с другими дворянами сопроводить их племянницу Марию Стюарт в Шотландию. В тот же год от брака с сестрой Шарля де Телиньи,

родственника Колиньи, — Маргаритой Телиньи, родился его сын — Оде де Ла Ну [7, р. 3].

В последующие годы Ла Ну будет воевать в грядущих Религиозных войнах на двух ее кровавых театрах — во Франции и в Нидерландах. В частности, он непосредственно знал о резне в Васси. Бретонский дворянин положительно утверждал, что у гугенотской знати не было в то время никакого плана, нацеленного на захват власти и установление протестантизма. «Большинство дворян, — писал он, — узнав об убийстве в Васси, решилось явиться в Париж, частью из-за страха, а частью по доброй воле» [2, с. 85].

После этого события Ла Ну стал одним из самых решительных сторонников гугенотской партии, которой он последовательно подчинил несколько влиятельных городов, в том числе Орлеан, захваченный капитаном 28 сентября 1567 г. под предводительством принца де Конде во главе пятидесяти кавалеристов [7, р. 2]. Впоследствии Орлеан станет одним из главных протестантских оплотов во всей Франции.

За выдающиеся заслуги Луи де Конде назначил сеньора де Ла Ну губернатором Ла-Рошели и провинций Пуату, Онис и Сентонж. Два года капитану сопутствовали успехи, до попадания в плен в битве при Жарнаке, где бретонский дворянин командовал арьергардом протестантской армии. Вскоре он обрел свободу и потерял ее вновь спустя несколько месяцев в кровавой битве при Монконтуре [7, р. 2].

Эти два поражения и взятие одного из главных гугенотских капитанов в плен негативно сказывались на положении кальвинистов, прилагавшим серьезные усилия, чтобы получить освобождение Ла Ну. Только после долгих и трудных переговоров им удалось обменять его у католиков на Филиппо Строцци, родственника королевы-матери Екатерины Медичи.

И католики, и протестанты считали Франсуа де Ла Ну одним из самых даровитых военных капитанов. В его отряде господствовал полный порядок, дисциплина поддерживалась строго, и ни разу жители тех областей, через которые проходил его личный отряд, не были ограблены; за все довольствие, получаемое от жителей, Ла Ну платил наличными деньгами [2, с. 179].

Его нравственная позиция снискала ему в глазах современников репутацию бескомпромиссного защитника старых рыцарских ценностей, идей человечности и умеренности в религиозных и политических столкновениях [3, с. 168]. Так в нем сочетались стремление к возвращению старого порядка и приверженность к современному кальвинизму.

Военная фортуна благоволила Ла Ну до жестокого ранения в левую руку, полученного им в 1570 году при осаде Фонтене-ле-Конта [7, р. 3] накануне заключения Сен-Жерменского мира между католиками и гугенотами. Вынужденный покинуть театр военных действий, он отдал управление войском лейтенанту Субизу, и его перевезли в Ла Рошель,

где хирурги, во избежание заражения и из-за сильной раздробленности, ампутировали ему руку, после чего равнодушный механик сделал ему достопамятный железный протез с крюком для удержания поводов. Вскоре, и друзья и враги нарекут его «Bras-de-Fer» (Железная Рука) [7, р. 4].

Таким образом, биография Франсуа де Ла Ну является наглядным срезом целой эпохи гражданских распри во Франции. И неудивительно, юность Франсуа де Ла Ну, навеянная духом рыцарства и старины, многочисленные античные, теологические и современные ему исторические и политические труды, последняя Итальянская война, рьяное участие в Религиозных войнах не только во Франции, но и в Нидерландах, приключения в Ла Рошели, взятие Брюгге, пленение в Лимбурге и многое другое сформировали уникального человека, с железной логикой и непоколебимыми принципами, убежденного кальвиниста, при этом преданного к концу жизни королю Генриху IV, блестящего военного и даровитого дипломата. «Железная Рука» являет собой пример удивительного служилого дворянина, который был заинтересован в стабильности и развитии абсолютизма, веривший в идеалы рыцарства и лелеявший мечту вернуться к порядкам прошлого. Будучи романтиком, он принял кальвинизм не из-за отстаивания собственных интересов и не ради декларации какой-либо политической программы, как делали многие, а следуя искреннему порыву сердца — на него так или иначе повлияли ужасы войны, Возрождение и стремление к переменам в церковной жизни.

В своем монументальном труде «Политические и военные речи» «протестантский Баярд» обличает и роскошь двора, и распутство, и ужасный гнет над простыми людьми, и колдовство, и падение дисциплины и порядка в армии, и религиозных фанатиков, задумываясь о значении дружбы и литературы. Позже, в 1591 г., король Генрих IV удостоил эпитафией этого гугенотского дворянина: «Он был великим воином, но также и невероятно добрым человеком, и невозможно не сожалеть, что маленький замок уничтожил капитана, который стоил больше, чем целая провинция» [7, р. 35]. В России не переведен названный труд Ла Ну, к которому лишь обрывочно обращались разные исследователи, из 26 глав на русском языке есть лишь две. Уникальный характер, сформированный окружением, историческими событиями, культурными веяниями и невероятная судьба заслуживают, по нашему мнению, специального научного внимания в российской историографии.

Список литературы

1. Кривушин И. В. Франсуа де Ла Ну. Политические и военные речи // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2003. № 4. С. 189–217.
2. Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. СПб.: Гуманитарная академия, 2011. 605 с.

3. Чечулин П. В. О той легкости, с которой многие ненавидят, обвиняют и презирают своих ближних по причине различия в религии // Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. 2008. С. 168–177.

4. Amirault M. La vie de François, seigneur de La Noue, dit Bras-de-Fer. Leyde: Elsevier, 1661. 368 p.

5. Hauser H. François de la Noue (1531–1591). Paris: Librairie Hachette et Cie, 1892. 336 p.

6. Hauser H. Sur l'authenticité des "Discours" de La Noue // Revue Historique. 1893. № 53. P. 301–311.

7. Volkaersbeke P. K. de. Correspondance de François de la Noue, surnommé Bras de fer, accompagnée de notes historiques et précédée de la vie de ce grand capitaine. Ghent et Paris, 1854. 275 p.

Глухова Анастасия Сергеевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель:
Шадринa Наталья Анатольевна, канд. ист. наук, доц.

Рецепция рыцарской культуры в современном кинематографе

Reception of knightly culture in modern cinema

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблема конструирования образа средневекового рыцаря в кинематографе XXI в., а также проблема использования кинематографа как источника для изучения образов Средневековья в современной массовой культуре.

Ключевые слова: рыцарство; конструирование образов; современная массовая культура; кинематограф.

Abstract. This article examines the problem of constructing the image of a medieval knight in the cinema of the XXI century, the relationship between the cinematic interpretation of knightly culture and the historiographical one, as well as the problem of using cinema as a source for studying images of the Middle Ages in modern mass culture.

Key words: chivalry; construction of images; modern mass culture; cinema.

Поиск отдельными людьми и целыми нациями собственной идентичности, вызванный процессами глобализации, вызывает нарастание интереса к историческому материалу в публичном пространстве. При этом средневековье — это одна из ключевых исторических эпох, повлиявшая на формирование западноевропейской цивилизации, и один из излюбленных кинематографом периодов. Средневековье вбирает в себя различные феномены, в массовой культуре, отчасти благодаря кинематографу, наиболее известные из них: рыцарство и Крестовые походы, инквизиция с ее охотой на ведьм, паломничество и ряд других. Доступность кинематографа говорит о его потенциале как источника формирования знаний об истории у массового зрителя, в том числе и знаний о средневековье.

Рыцарство — это комплексный феномен, который на пути своего развития прошел через разнообразные трансформации. Динамика его трансформаций, неоднозначность определения, многогранность бытования породили в Средневековье явление рыцарской культуры. Восприятие этого явления в современной массовой культуре носит масштабный характер — рыцари встречаются практически в каждом сюжете о Средних веках. Поскольку нет четкого определения рыцарства — данный феномен всегда находился в развитии, — кинематограф неоднозначно изображает его, зачастую в модернизированном виде, который оказывается ближе современному зрителю. В связи с этим

особый интерес вызывает проблема конструирования образа рыцаря в кинематографе XXI в.

Формирование представлений об эпохе через образ конкретно-персонажа — наиболее распространенный в кинематографе прием, который позволяет в упрощенной форме передать характерные черты периода. Однако, ввиду многогранности и комплексности феномена рыцарства в средневековье, режиссерам фильмов, зачастую, приходится значительно его упрощать. Причем, те характеристики рыцарства, которые остаются, в кино в большинстве случаев гиперболизируются, что приводит к формированию устойчивых и не вполне соответствующих историческим реалиям стереотипов в массовом сознании.

Фильмы, в которых фигурируют рыцари, можно разделить на несколько категорий:

фильмы с централизацией внимания на рыцарстве [1];

фильмы, где рыцари имеют второстепенное значение [6];

фильмы, использующие рыцарство как контекст средневековой эпохи [5].

В фильмах первой категории феномен рыцарства раскрывается с разных сторон, создатели этих фильмов стремятся показать неоднозначность рыцарства, что обуславливается центральным его местом в сюжете и попыткой сделать образ более многогранным. В подобных фильмах часто встречается прием кинематографической саморефлексии персонажей, о котором пишет М. Соловьева [11, с. 191], который позволяет создателям фильма раскрыть персонажа, его внутренние переживания, связанные с социальными отношениями, жизненным опытом и, тем самым, показать жизнь главного героя (в данном случае рыцаря) в его естественной среде. Вторая и третья категории фильмов близки друг другу, различие состоит лишь в том, что в фильмах второй категории рыцари, хотя и отодвигаются на второй план, но помогают главным героям и влияют на ход развития повествования, что позволяет существенно шире раскрыть их образ, чем в фильмах третьей категории, где рыцарство становится лишь общим фоном развития событий.

Рыцарство, как сложно структурированный феномен, не может трактоваться однозначно в силу ограниченности экранного времени, поэтому важным представляется выяснить с каких сторон рыцарство преимущественно раскрывается в кино. Так, в большинстве фильмов рыцари показаны как военно-аристократическое сословие, они являются вспомогательными персонажами, позволяющие главным героям достичь своих сюжетных целей. Примерно в четверти фильмов представлены рыцари представители военных орденов, крестоносцы и рыцари мира фэнтези. Часть фильмов показывают рыцарей как легендарных или полуполулегендарных персонажей, часть раскрывает куртуазную ипостась феномена рыцарства, а часть фильмов высмеивает пороки и

достоинства рыцарства. Разделение фильмов при этом весьма условное в силу взаимопроникновения сюжетных линий.

Подобное положение дел вполне объяснимо, поскольку, как уже отмечалось выше, рыцарство — сложный и многогранный феномен, что позволяет сконцентрировать внимание зрителя на более важных для развития сюжета сторонах.

Рыцарские ордена, тематика крестоносного движения — едва ли не самая распространенная тема в кинематографе XXI в. По мнению Д. М. Хейз востребованность темы Крестовых походов и принадлежности к рыцарским орденам отражает современные религиозные и политические проблемы [12, р. 349]. В этом случае косвенно, через историю поднимаются проблемы современного общества.

Другим, не менее популярным жанром, формирующим представление о рыцарстве, является жанр фэнтези. В фильмах этого жанра выстраиваются альтернативные Средние века на основе базовых феноменов средневековья: инквизиции, рыцарства и т. д. Этот жанр позволяет зрителю погрузиться в вымышленную реальность, отстраненную от обыденных забот, но для того, чтобы сюжет был более близок и понятен зрителю, в него добавляют проблемы современности. Тем самым, по мнению И. Д. Винтерле [4, с. 93], происходит перенос альтернативной реальности на обычную жизнь.

Причины востребованности легендарных персонажей, включая рыцарей, отчасти схожи с причинами высокого спроса жанра фэнтези: они связаны с внешней отдаленностью персонажей, в силу их мифологизации, и внутренней близостью, подкрепленной решением насущных проблем. Помимо этого, в фильмы с легендарными персонажами нередко добавляют элементы фэнтези. Подобные картины возникают часто как результат экранизации средневековых произведений или более поздних романов. Примерами могут служить следующие фильмы: «Беовульф» 2007 г. [3], «Король Артур» 2004 г. [6], «Асгард: сага о викингах» 2007 г. [2], «Легенда о Дердriu и Нойси» 2009 г. [8].

Изображение рыцарей в куртуазном контексте — явление вполне традиционное. На основании модели поведения средневекового рыцаря (которая сформировалась уже в период позднего средневековья, когда рыцарство, отчасти, утратило свое значение как военное сословие), в современной массовой культуре складывается образ «идеального мужчины». Он основан во многом на рыцарском этосе, который сложился в пространстве куртуазного романа и во многом отличается от представления о том, каким должен быть рыцарь в классическом средневековье. От прежней куртуазной традиции [9, с. 115] в массовой культуре номинально остаются любовные линии и представления о рыцарской морали с позиций современности.

Последний тип фильмов, раскрывающих феномен рыцарства — фильмы юмористического жанра. В подобных фильмах использу-

ются приемы, которые, с одной стороны, высмеивают как в целом Средневековье, так и средневековых рыцарей, в частности, а с другой — высмеивают ошибки других фильмов и стилизацию Средневековья в них. Подобные фильмы своей сатирой вызывают большой резонанс в массовой культуре, поднимая некоторые вопросы историчности образов прошлого в кино, но и рождают и новые стереотипы, которые остаются в коллективной памяти.

Установление достоверности информации, полученной посредством кинематографа — довольно дискуссионный вопрос. С какой бы точностью не стремились воспроизвести авторы фильмов реалии жизни средневекового рыцаря, полной достоверности в его изображении, безусловно, быть не может, поскольку на сюжет всегда будут накладываться современные проблемы. Достоверность передачи исторического материала может устанавливаться лишь по отношению к достижениям современной научной мысли, которая, безусловно, также подвластна веяниям своей эпохи. В любом случае, невозможно переложить на кинополотно историческое событие максимально полно в силу ограниченности хронометража фильма и других специфических черт киноязыка, а отход от историчности и будет платой за создание исторического кино. В этот момент и рождается конфликт нарративов: исторического и медийного [10, с. 44].

Подводя итоги, следует отметить, что киноиндустрия конструирует образ средневековья, и, в частности, образ рыцаря, исходя из личных и общесоциальных причин, в контексте которых феномен рыцарства не может быть воспроизведен во всей его исторической полноте и достоверности, а, в определенной степени, будет транслироваться с актуальной для современности позиции. Создание альтернативной исторической реальности снимает с авторов ответственность за неисторичную реконструкцию событий и явлений или их одностороннюю демонстрацию, однако формирует целый ряд стереотипных представлений об истории у зрителей. Подобные стереотипы имеют поверхностный характер, но включаются в коллективную историческую память.

Далеко не все фильмы способны совместить специфику кинематографической интерпретации образа рыцаря с исторической. И здесь степень соответствия зависит от специфики жанра фильма, целей режиссера, бюджета и ряда других факторов. При этом, нельзя рассматривать кинематограф как полный и достоверный источник знания о прошлом, даже если отдельные фильмы не содержат значительных видимых ошибок в его интерпретации. Всегда образ прошлого — это лишь его отголосок. Кинематограф может, пожалуй, вдохновить на изучение рассматриваемого аспекта, а также визуализировать его.

Список литературы

1. «Арн: Рыцарь-Тамплиер» // «Arn: Tempelriddaren» / Реж. Петер Флинт, 2007. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/266758/>

2. «Асгард: сага о викинггах» // «Amsgård: en vikingasaga» / Реж. Эндрю Словински, 2007. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/1400316/>
3. «Беовульф» // «Beowulf» / Реж. Роберт Земекис, 2007. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/102232/>
4. Винтерле И. Д. Современное фэнтези как мультижанровое культурное явление // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 93–96.
5. «В ловушке времени» // «Timeline» / Реж. Ричард Доннер, 2003. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/4582/>
6. «Иоанна – женщина на папском престоле» // «Die Päpstin» / Реж. Зёнке Вортманн, 2009. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/220326/>
7. «Король Артур» // «King Arthur» / Реж. Антуан Фактуан, 2004. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/22138/>
8. «Легенда о Дердриу и Нойси» // «Die Legende von Derdriu und Noisi» / Реж. Инго Хилленбранд, 2009. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/441420/>
9. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
10. Романовская А., Смирнов Г. По ту сторону исторического кино // Пространство документации: режимы существования кинематографических свидетельств: Материалы международной научной конференции / Л. М. Немченко (отв. ред.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 40–51.
11. Соловьева М. Кинематографическая саморефлексия персонажей (на примерах фильмов режиссера И. Бергмана) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2017. №4. С. 183–194.
12. Hayes D. M. Harnessing the Potential in Historiography and Popular Culture When Teaching the Crusades // The History Teacher. 2007. Vol. 40. № 3. P. 349–361.

V. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Рудаков Владимир Владимирович

Кемеровский государственный университет

Научный руководитель:

Терехова Оксана Николаевна, канд. ист. наук, доцент

Философия войны и военное дело ацтеков в описании Берналя Диаса дель Кастильо (1492–1584)

The philosophy of war and military affairs of the Aztecs as described by Bernal Diaz del Castillo (1492–1584)

Аннотация. В данной статье рассмотрены философия войны и военное дело ацтеков, включающее вооружение, принципы организации войск, иерархию, стратегию и тактику на основании хроники «Правдивая история завоевания Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо, непосредственного участника экспедиции Кортеса.

Ключевые слова: ацтеки; конкистадоры; конкиста; военное дело; Кортес; индейцы; Берналь Диас дель Кастильо.

Abstract. This article discusses the philosophy of war and military affairs of the Aztecs, including weapons, principles of organization of troops and hierarchy, strategy and tactics based on the chronicle «The True History of the Conquest of New Spain» by Bernal Diaz del Castillo, a direct participant in the expedition of Cortes.

Key words: Aztecs, Conquistadors, Conquista, Military, Cortez, Indians, Bernal Diaz del Castillo.

Военное дело любого социума тесно связано с религиозно-философскими представлениями о войне. Война (яойотль) являлась важным элементом функционирования ацтекского государства. Помимо расширения политической сферы влияния Теночтитлана, приобретения новых данников и наращивания ресурсной базы, перед ней стояла очень важная религиозная задача — добыча людей для жертвоприношений. Согласно исследованиям В. И. Гуляева, в основе данной практики лежал миф о восхождении пятого Солнца, когда бог Нанауацин пожертвовал собой и стал новым светилом, но для дальнейшего путешествия по небосводу нужны были жертвы [5, с. 343–344]. Другую легенду приводит французский антрополог Ж. Сустель. Согласно ей, Четыреста заоблачных змея (Сенцион Мимицкоа), придавшись праздной жизни, перестали приносить пищу Солнцу. Чтобы выжить, Солнце обратилось к людям за помощью, для них же это было великой честью, поэтому они согласились служить светилу и приносить ему жертвы [8, с. 238].

Фанатизм в стремлении к жертвоприношениям был отчётливо виден в бою. Берналь Диас дель Кастильо описывает, что при осаде Теночтитлана войсками Кортеса, ацтеки уносили союзных конкистадорам индейцев (тлашкальнцев) с поля боя, тратя на это время и силы. Он отмечает, что в кульминационный момент битвы им удалось прорваться к самому Кортесу, но вместо того, чтобы убить лидера, осаждающего их столицу отряда, они старались захватить его в плен [2, с. 255]. Существовали в культуре ацтеков и так называемые «Цветочные войны», которые представляли собой договорённость представителей знати нескольких городов о проведении боя в ритуальных и тренировочных целях [4, с. 54–55].

Таким образом, война была не только основой материального существования ацтекского общества, но и занимала центральное место в космогонии и представлялась смыслом жизни ацтеков, способом их служения богам.

Известно, что армия ацтеков была одной из крупнейших в регионе. Так, по словам тлашкальского старейшины Шикотенкатля, её численность составляла 150 тыс. солдат [2, с. 105]. Это связано с особой системой комплектования войска: каждый мужчина считался потенциальным воином и мог быть мобилизован в армию. Юношей с 15 лет отправляли в специальные военные училища — тельпучкалли, в которых они приобретали все необходимые для войны навыки [1, с. 154].

Была у армии и своя военная организация. Со слов Берналя Диаса, во время осады столицы они не раз встречали десятитысячные отряды противника [2, с. 105]. По оценке исследователя В. И. Гуляева, подобные отряды состояли из восьми тысяч солдат [5, с. 343–344]. Существовало и более мелкое деление. Согласно Дж. Вайяну, мельчайшей частью войска была группа из 20 человек, в случае надобности они объединялись в более крупные военные единицы до 400 человек. Существовали и отряды до 6 человек, занимавшиеся разведкой [1, с. 154].

Во главе крупных отрядов стояли вожди, отличавшиеся более дорогой и выделяющийся экипировкой и плюмажем [2, с. 211]. Исследователь Ж. Сустель отмечает, что из руководителей четырёх районов столицы выбирались два сановника — тлакатекатль, и тлакочкалькатль. Первый являлся высшим военным лицом после монарха и ведал всеми военными делами, а второй отвечал за снабжением оружием и арсеналы (тлакочкалли) [8, с. 70].

Армия была одним из самых эффективных социальных лифтов, в котором критерием социальной динамики выступало количество военнопленных, доставленных воинами. Подобный механизм описан в Кодексе Мендоса, который гласил, что от числа захваченных пленных зависел статус полученного одеяния. Одежда являлась отличительным знаком и определяла военное звание [6, с. 277–278].

Особую роль играли знаменитые воины–ягуара и воина–орла. Состояли они преимущественно из знати, которая была не обременена работами в поле или ремеслом, что давало больше времени на военную подготовку. Это были элитные отряды, способные вести в бой небольшие военные отряды [1, с. 154]. Другой их функцией была подготовка высококвалифицированных кадров [5, с. 340].

Таким образом, мы можем говорить о формировании у ацтеков чёткой военной иерархии со своими званиями, комплектацией, способами карьерного роста и элитными подразделениями. Однако они не были профессиональной армией и формировались по принципу пополнения.

В своём опасном путешествии солдатам Кортеса пришлось столкнуться с «военным гением» индейских народов. Одной из излюбленных тактик индейцев было использование засад. Берналь Диас описывает как тласкальцы, в попытке застать испанцев врасплох, атаковали их в ночное время сразу с трёх сторон [2, с. 95]. Другой случай, зафиксированный Берналем Диасом, произошёл по приезду в подконтрольный ацтекам город Чолула. Ацтеки в согласии с местными касиками заманили Кортеса в город с целью окружить его отряд. При этом балконы были снабжены особыми укреплениями, для конницы были вырыты рвы, а улицы перекрыты [2, с. 110–111]. Такая тактика позволяет сделать вывод не только о том, что у ацтеков были выработаны навыки по ведению боя в городе и его обороне, но и о том, что они овладевали методами борьбы с новым для них, ранее не виданным родом войск – кавалерией.

При наступлении ацтеки для устрашения противники использовали и психологический фактор. Берналь Диас говорил, что в столкновении с испанцами и их союзникам тотонаками у Наутля они атаковали врага с громкими криками. На индейцев это производило желаемое действие, однако на конкистадоров подобный приём не оказывал воздействия [2, с. 143].

Ещё одним методом ведения войны является изнурение врага преследованием. Это ярко было продемонстрировано при отступлении сил Кортеса из Теночтитлана (так называемая «Ночь Печали»), которое продолжалась вплоть до сражения у места под названием Отумба. [2, с. 206–213].

Практиковалось провоцирование камнепада на головы врагов [2, с. 234], устраивались поджоги зданий [2, с. 200]. Берналь Диас писал и о использовании ложного отступления ацтеками, когда их воины, делая вид, что убегают, загоняли врага в нужное место [2, с. 200]. Для координации действий, использовали сигнальные костры [2, с. 224] и большие барабаны [2, с. 256].

Но у ацтекского ведения боя были серьёзные недостатки. Испанцев удивляла полная деморализация армии после смерти коман-

дующего. Это объясняется тем, что главной целью в любой битве индейцы видели в убийстве или пленении вождя. Так, при битве у поселения Чампотон индейцы кричали о необходимости убить вождя в адрес конкистадоров [2, с. 25], а в битве при Отумбе, после смерти главнокомандующего, ацтеки начали стремительно разбегаться, не предпринимая попыток перегруппироваться [2, с. 212].

Осадное дело у ацтеков было развито плохо, ввиду того, что в Мезоамерике не возводили оборонных крепостей, как в Европе, предпочитая строить город на труднодоступной для противника местности, от того и осадного оружия у них практически не было. Не были способны ацтеки и на походы на большие расстояния, ввиду отсутствия выючных и тягловых животных могли идти лишь пешком, перетаскивая всё необходимое людскими силами. Для снабжения армии ацтеки старались вести длительные переговоры с врагом, чтобы выиграть время до его подхода [1, с. 155–156].

Итак, тактика ацтеков была тесно связана с традициями и укладом жизни общества, именно это сделало их армию одной из сильнейших в регионе. Однако проблемы с организацией и транспортировкой снабжения, отсутствием военных инноваций и низкий уровень развития металлургии затрудняли дальнейшее развитие введения войны.

Не обделён был ацтекский народ и широким арсеналом вооружения. Берналь Диас указывает на то, что оружие индейцев было сделано из кремня [2, с. 185], но это не соответствовало действительности. Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о том, что основными материалами изготовления оружия были дерево и обсидиан. Особенностью последнего является структура, которая легко поддаётся обработке и при сколе даёт очень острые края [1, с. 116].

Во время битвы при Отумбе испанцы столкнулись с полным набором вооружения ацтеков. Визитной карточкой мезоамериканских индейцев был Макуауитль — то, что Берналь Диас дель Кастильо назвал «Двуручным мечом» [2, с. 211]. Но в действительности, как отмечает исследователь В. Головкин, оружие выполняло отличные от меча функции, являясь дубиной с обсидиановыми вкладышами. Было две вариации этого оружия — одноручное до метра в длину и двуручное до полутора метра. Основным материалом служило железное дерево, которое не прорубалось испанским металлическим оружием [3, с. 30].

Было и дальнобойное оружие: копьё (тлакочтли) и дротики (митль), которые отправлялись в полёт с помощью копьеметалки (атльатль) длиной от 30–60 см, брошенный таким образом снаряд развивал скорость до 35 м/с, а дистанция достигала 150 м, [3, с. 29]. Кроме этого был лук тлауитолли и праща. Для защиты ацтеки использовали щит круглой формы чималли, который делался из дерева и мог украшаться перьями или различными украшениями, и хлопчатобумажные доспехи ичкауипили [8, с. 245]. Такая экипировка не обладала хорошими защитными

качествами, но была проста в изготовлении, не сковывала движений, была лёгкой и хорошо вентилируемой, что было немаловажным для жаркого климата данной области.

Примечателен случай, когда во время похода, конкистадоры обнаружили медные топоры в поселении Тонала [2, с. 40], что может свидетельствовать о развитии металлургии у мезоамериканских индейцев. Таким образом, мы видим достаточно широкий арсенал ацтекской армии, который отвечал всем требованиям ведения войны в представленном регионе. Однако проблемы с освоением металла и применением его в оружейном деле мешали дальнейшему развитию оружия.

Вывод: К моменту начала Конкисты ацтеки имели хорошо развитое военное дело, что позволило им стать лидирующей силой в регионе и взять под свою власть многие другие народы. Но ввиду ряда факторов, о которых говорилось выше, и особенностям религиозно-философских взглядов военное дело ацтеков развивалось медленно и самобытно.

Список литературы

1. Вайян Дж. История ацтеков / Пер. с англ. М. И. Баранович. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. 243 с.
2. Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании / Пер. с исп. А. Р. Захарьян. М.: Форум, 2000. 680 с.
3. Головкин В. Макуауитль (Макуауитль) // Наука и техника. 2018. № 6. С. 29–30.
4. Гролиш М. Монтесума / Пер. с фр. Н. М. Кукиева. Ростов на Дону: Феникс, 1998. 480 с.
5. Гуляев В. И. Древние цивилизации Америки. М.: Вече, 2008. 448 с.
6. Кодекс Мендоса / Ред. А. Скрамницкого, В. Талаха. К.: Blok.NOT, 2011. 308 с.
7. Кузьмин Я. В., Гребенников А. В., Попов В. К. Геология и археология обсидиана // Наука из первых рук. 2011. № 4. С. 116–123.
8. Сустель Ж. Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы / Пер. с англ. Л. А. Карповой. М.: Центрполиграф, 2020. 386 с.

Емельянов Владислав Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Алимов Денис Евгеньевич канд. ист. наук, доц.

**Сопоставление идей Ю.Крижанича с идеями
Н. Макиавелли и С. Полоцкого**

**Collation of the ideas of Yuri Krizhanich with the ideas
of Niccolo Machiavelli and Simeon Polotsky**

Аннотация. В данной статье производится сопоставление идей хорватского ученого Юрия Крижанича с идеями Николо Макиавелли и Симеона Полоцкого, с трудами которых он, возможно, был знаком. Поднимается важный вопрос о новаторстве в творчестве Юрия Крижанича по сравнению с трудами Симеона Полоцкого и Николо Макиавелли.

Ключевые слова: Юрий Крижанич; абсолютизм; системы государственного устройства.

Abstract. This article compares the ideas of the Croatian scientist Yuri Krizhanich with the ideas of Niccolo Machiavelli and Simeon Polotsky, with whose works he may have been familiar. An important question is raised about the innovation in the work of Yuri Krizhanich in comparison with the works of Simeon Polotsky and Nicolo Machiavelli.

Key words: Yuri Krizhanich; absolutism; systems of government.

Юрий Крижанич — хорватский ученый, живший в XVII в. О Крижаниче обычно вспоминают как о человеке, который первый высказал идею о славянском единстве. Однако помимо этого Крижанич в своем трактате «Политика» [4, с. 510] высказал идею создания идеального, по его мнению, государства. Идеи эти достаточно интересны, но во многом схожи с воззрениями более известных ученых, живших примерно в то же время. В таком случае возникает вопрос: насколько новы были идеи Крижанича? Для этого требуется сравнить труды хорватского мыслителя с работами ученых, идеи которых были аналогичны и актуальны в XVII в. Для сопоставления можно выбрать двух деятелей, которые жили примерно в одно время с Крижаничем — Н. Макиавелли и С. Полоцкий. Макиавелли и Полоцкий не были знакомы и скорее всего не знали произведения друг друга. В таком случае, при совпадении некоторых идей можно будет говорить о независимом взгляде мыслителей на одну и ту же проблематику, т. е. сравнение позволит выявить общее для мыслителей раннего нового времени и их личностное мировосприятие.

Никколо Макиавелли был одним из самых ярких политических мыслителей своего времени. Он не был современником Крижанича, но все же сходства между ними существуют. Близкие идеи между двумя

политическими мыслителями достаточно легко объяснить: Крижанич некоторое время обучался в Болонском университете, который находится на территории Италии. Влияние трактата «Государь» можно проследить в трудах Крижанича. Можно критиковать взгляды Макиавелли, но рассуждения о природе власти заставляют задуматься о схожести трактатов «Политика» и «Государь».

Если мы обратимся к истории написания двух работ, то можно констатировать, что оба трактата были написаны с одной целью — заслужить благосклонность (у Крижанича — Алексея Михайловича, у Макиавелли — Медичи). Истинные представления Макиавелли о государственном устройстве можно увидеть в «Рассуждении на первую декаду Тита Ливия», но, тем не менее, «Государь» написан и во многом похож по концепции на рассуждения Юрия Крижанича.

Макиавелли противопоставлял разные формы правления, как это делал и Крижанич. Притом, что каждый мыслитель выделял свои собственные формы правления, наблюдается немало аналогий. Скорее всего, это объясняется опорой обоих политических мыслителей на труды античных авторов — Полибия и Аристотеля. Полибий говорил о цикличности политической организации общества. И Крижанич, и Макиавелли, опираясь на эту теорию, говорили о возможных последствиях той или иной формы правления [2, с. 13–14]. Но Макиавелли рассуждал о постоянной смене форм государственного устройства, а Крижанич — только о власти монарха.

Интерес вызывают и идеи, связанные с объединением народа. Для Макиавелли, который жил в период раздробленности Италии, идея объединения стояла очень остро. Как и Крижанич он считал, что одним из главных факторов объединения народа является — язык [5, с. 150]. В случае с Макиавелли разработка единого языка для итальянских государств не требовалась, но для славянских народов, говорящих на похожих, но разных языках, это было необходимостью.

Различными оказываются позиции мыслителей по отношению к римскому прошлому. Для Макиавелли Римская республика — это идеальная форма правления. Организация общества, которую он предлагал в своих трудах, очень похожа на римскую систему [1, с. 175–178]. Крижанич критически оценивает вопрос о преемственности и копировании политической системы. Главная схожесть — это вопрос о построении сильного государства. Оба мыслителя выступали за организацию могущественного государства для построения в нем общества всеобщего процветания. Конечно же, способы достижения этой цели у мыслителей разные. Сопоставление взглядов двух ученых на религию, тоже вызывает интерес. Крижанич выступал в роли яростного защитника существующей тогда католической церкви. Во взглядах Макиавелли, наоборот, прослеживаются первые ростки протестантизма.

Как можно видеть, у двух ученых идеи во многом аналогичны. Даже истории и цели создания этих двух фундаментальных трудов — одинаковы. Но если обратиться к реальным воззрениям мыслителей, то ярый монархист Макиавелли окажется республиканцем с идеей построить гражданское общество по образцу Римской республики. Схожесть двух трудов можно было бы объяснить, возможно, опорой Крижанича на текст Макиавелли, но все же она объясняется общей опорой на Полибия и Аристотеля, так как способы достижения идеального государства у каждого автора свои собственные. Если взять общую для них идею освобождения и объединения народов, то она актуальна для всего Нового времени.

Симеон Полоцкий [7, с. 68] — один из самых видных мыслителей своего времени. Человек, который был наставником для царских детей и одним из первых поэтов в России. Ученого помнят, как выдающегося педагога, но Симеон Полоцкий стал одним из первых теоретиков, которые обосновывали правомерность абсолютной монархии в России [6, с. 120]. Помимо этого, Полоцкий был современником Юрия Крижанича, а так же был знаком с ним лично. Сопоставление двух мыслителей, которые в определенный момент времени входили в круг общения царской семьи, представляется полезным в контексте интересующей нас темы.

Как и Крижанич, Симеон Полоцкий в обосновании царской власти ссылался на ее божественную природу. Кроме того, для Симеона Полоцкого важно, что государство — это инструмент установления всеобщего блага, и в установлении этом должен участвовать царь, который своей мудростью будет нести ответственность за судьбу народа [8, с. 262]. Симеон Полоцкий не говорил о других формах правления, он рассуждает только о природе самодержавия, уподобляя царя солнцу [3, с. 291]. Мыслитель руководствовался идеей всеобщей справедливости. Он говорил о справедливых судах. Даже для обозначения закона он использовал старинное слово «правда». Закон в его трудах — это один из путей всеобщего блага, а абсолютный монарх, по мнению Симеона Полоцкого, может своим мудрым правлением привести народ к этому всеобщему благу.

Принципиальными различиями между двумя мыслителями стали вопросы о религии и о преемственности с Римской империей. Хорват Юрий Крижанич, который окончил униатскую школу и долгое время был католическим миссионером, стоял на позициях унии двух церквей под главенством Папы Римского. Симеон Полоцкий — полная противоположность Крижаничу. Полоцкий был православным монахом и, наоборот, стоял на позиции православного русского царя. Полоцкий не критиковал концепцию «Москва — Третий Рим», потому что эта концепция целиком и полностью вписывалась в идею о превосходстве православной церкви над западно-христианскими учениями.

Из этого вытекали и взгляды на построение международной политики. Оба мыслителя стояли на позиции необходимости освобождения христианских народов от османского ига. Оба мыслителя выступали в роли идеологов объединения народов под знаменем русского царя. Но принципиальная разница заключается в подходе к объединению. Крижанич, выступал за создание некой общеславянской идентичности, строящейся на общих элементах культуры и языке, который он создал. Симеон Полоцкий выступал за освобождение народов и объединение их по принципу веры, то есть принадлежности к православии. Но на этом различия в области международной политики заканчиваются, так как оба мыслителя говорят о важности выхода России к Черному и Балтийскому морям [6, с. 121]. Россия должна получить побережье обоих морей, чтобы вести активную торговлю с Европой. Что интересно, в трудах Симеона Полоцкого не встречается мысли о вреде иностранцев. Крижанич же говорит, что иноземцы не нужны для системы Русского государства.

Точный вывод по идеям двух мыслителей можно сделать один — они похожи. В связи с этим встает вопрос: труды Крижанича — это планомерное продолжение работ Полоцкого или абсолютно независимое произведение? Сложно говорить об этом. Скорее всего, Юрий Крижанич знал о взглядах своего «коллеги», а так как его труды во многом были написаны для привлечения внимания русского государя, то возможен и факт заимствования и развития вопросов, над которыми начал размышлять Симеон Полоцкий. Одно сказать можно точно: оба мыслителя — и Юрий Крижанич, и Симеон Полоцкий — стали зачинателями очень важного этапа развития в русской истории. Несмотря на то, что просвещенный абсолютизм пришел в Россию из Европы во времена императрицы Екатерины II, заложили первые идейные основы русского просвещенного абсолютизма заложили именно они. Ученые независимо от западных мыслителей выступили с мнением о мудром и справедливом монархе, который не станет действовать против своего народа и выберет только правильный и гуманный подход в управлении государством. В этом кроется главная разница между взглядами Макиавелли («цель оправдывает средства») и Симеона Полоцкого с Юрием Крижаничем.

На основании проведенного сравнения можно сделать вывод, что идеи Юрия Крижанича все-таки оригинальны. В них присутствует опора на труды прошлого, но эта опора, лишь дополняет оригинальную модель государственного устройства Юрия Крижанича. Оригинальность модели государственного устройства доказывает и тот факт, что для XVI–XVII вв. идеи абсолютистской монархии были актуальны по всей Европе и многие мыслители высказывали схожие с Крижаничем идеи, например, Томас Гоббс. Крижанич описал ту модель, которая, по его мнению, стала бы идеальной в условиях, которых он жил, но в силу

объективных причин этому не суждено было сбыться. Несмотря на невыполнимость этих идей, некоторые элементы, которые предлагал Крижанич, были выполнены (к примеру, меркантилизм в экономике), но после смерти ученого и, скорее всего, пришли из воззрений западных мыслителей, а идеи Крижанича были забыты вплоть до XIX в.

Список литературы

1. Бутов А. В. Концепция государственного управления Н. Макиавелли // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2016. Вып. 6. С. 174–182.
2. Гринин Л. Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.
3. История политических и правовых учений/ Под ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М.: Норма, 2004. 934 с.
4. Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. 736 с.
5. Макиавелли Н. Государь / Пер. с ит. М. Юсима. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 512 с.
6. Сидорин В. Ю. Идеи «Просвещенного абсолютизма» в трудах С. Полоцкого и Ю. Крижанича // Интеллигенция и мир. 2004. № 1–2. С. 119–124.
7. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Издательство АН СССР. 1953. 296 с.
8. Цыганов В. И. Формирование абсолютистской идеологии в трудах С. Полоцкого и Ордина-Нащёкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №3(2) С. 261–265.

Лейдерман Ася Леонидовна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Борисёнок Юрий Аркадьевич, канд. ист. наук, доц.

**Польское государство и шляхта в изображении
еврейских хроник XVII века эпохи Хмельнитчины**
**The Polish state and the szlachta in the Jewish chronicles
of the 17th century**

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа польской стороны в еврейских хрониках XVII в., повествующих о восстании Богдана Хмельницкого и о той участи, которая постигла евреев в его ходе. В статье показывается, как именно представители Польского государства (короли, полководцы и шляхта) воспринимались еврейскими авторами. Также статья затрагивает вопрос польско–еврейских отношений в ходе Хмельнитчины.

Ключевые слова: история Польши; восстание Богдана Хмельницкого; евреи в Речи Посполитой; еврейские хроники.

Abstract. This article is devoted to the image of the Polish side in the Jewish chronicles of the XVIIth century, that narrate about the uprising of Bohdan Khmelnytsky and the fate of Jews during it. The article shows how in Jewish chronicles was represented the Polish state (kings, generals and szlachta). The article is also connected with the issue of Polish–Jewish relations during the uprising.

Key words: history of Poland; the uprising of Bohdan Khmelnytsky; Jews in the Polish–Lithuanian Commonwealth; Jewish chronicles.

В XVII в. Речь Посполитая была вторым после Османской империи государством в Европе по числу проживавших в нём евреев. Их численность к 1648 г. оценивается примерно в полмиллиона человек. Евреи в Речи Посполитой составляли отдельное сословие с собственным правовым статусом и судебной системой, управлявшееся во внутренней жизни своими выборными представителями, светскими и духовными. Делами еврейских общин заведовали кагалы, т. е. общинные советы. Деятельность евреев в польско–литовском государстве проявлялась в разных сферах социально–экономической жизни и не была привязана только к ростовщичеству, мелкой домашней торговле и ремеслам. Напротив, евреи участвовали во всех отраслях польской экономики, не исключая сельского хозяйства, где они занимались арендой земли и возделывали землю. Еврейские предприниматели занимались также откупом королевских пограничных сборов и часто становились финансовыми агентами у королей и магнатов.

Польша того времени называлась раем для евреев («Paradisus Judaeorum»), но золотой век польского еврейства закончился вместе с восстанием Богдана Хмельницкого, в ходе которого по приблизительным оценкам 150 тыс. евреев были убиты или угнаны в рабство [3, с. 36]. Катастрофа польского еврейства нашла быстрый отклик в работах современников: первая еврейская хроника, посвящённая событиям восстания Хмельницкого, выходит уже спустя 2 года после его начала, в 1650 г. Именно еврейские хроники XVII в., возникшие вскоре после завершения восстания, и стали основными источниками данного исследования. Исследование опирается на еврейские хроники XVII в., собранные прокомментированные и переведённые с иврита на русский язык С. Я. Боровым: хроника Натана Ганновера «Пучина бездонная» («Jawen Mezulah») [4], хроника Мейера из Щебржешина «Тяготы времён» («Zojk haitim») [2] и «Послание» («Megilah») Саббатая Гакогена [6].

Следует подчеркнуть, что все авторы являлись современниками восстания Хмельницкого и имели возможность пообщаться с его свидетелями. Целью создания хроник стало увековечение бедствий, пережитых евреями во время Хмельнитчины. Еврейские хроники, однако, не следует рассматривать как абсолютно достоверный источник относительно точных цифр и иных фактических деталей: каждый автор приводит свою численную оценку жертв погромов. И даже Натан Ганновер, пожалуй, самый образованный из всех еврейских хронистов, который был более всего включён в общеевропейский контекст, не знал математики [7, р. 14]. Основная ценность хроник состоит не в том фактографическом материале, который они транслируют, а в восприятии образов произошедших событий их современниками.

Важной особенностью еврейских хроник как исторического источника является их язык. Несмотря на то, что все хроники были написаны на иврите, родным языком их авторов являлся, безусловно, идиш. В иврите, языке священных текстов, которым подавляющее большинство еврейских мужчин владело хотя бы на минимальном уровне, порой просто отсутствовали лингвистические конструкции и слова, позволяющие описать события наиболее точно. То есть авторы не писали на живом языке, а переводили свои мысли на более литературный и высокий. С этим американский историк Бернارد Вайнриб связывает такое понятие как «комплекс перевода» («translation complex»): хронисту было не столь важно точно передать происходящее, сколько использовать при описании те знакомые ему литературные метафоры и клише, которые, как ему казалось, лучше всего соответствуют указанному контексту [7, р. 14].

Еврейские хронисты относятся с большим пиететом к институту польской королевской власти. Короли в их трудах предстают исключительно в положительном свете, им приписывается ряд характеристик, призванных вызвать у читателей симпатию. Деятельность

и личные качества всех упоминаемых в еврейских хрониках правителей (Сигизмунд III (1587–1632), Владислав IV (1632–1648), Ян II Казимир (1648–1668) получили весьма высокие оценки. Даже король Сигизмунд III, известный своей ярко выраженной прокатолической позицией, связанной с ограничением свобод иноверцев, в период правления которого процветала антисемитская литература, а антиеврейские погромы стали распространённым явлением, называется Натаном Ганновером «королём милостивым, справедливым, правосудным», а также «благожелательно» относившимся к евреям [4, с. 85].

Однако вряд ли эти хвалебные отзывы являлись чем-то большим, чем выражением отношения подданого к правителю [5, с. 262]. Одной из наиболее важных характеристик, которыми еврейские хронисты наделяют того или иного политического деятеля, является его отношение к евреям. Выстраивается подобная концепция: если король/полководец хорошо относился к евреям, то в еврейских хрониках он будет описан как мудрый и талантливый политический деятель; если же человек, напротив, участвовал в убийствах и грабежах евреев, то все его поступки будут описаны в самых тёмных красках. Часто оценку того или иного деятеля еврейским хронистом можно определить по благословениям, указываемых после его имени («да будет стёрто имя его»/ «да увеличится его слава»).

Еврейские хронисты в целом не скрывают своих симпатий или антипатий к тому или иному военному деятелю. Особое положение в хрониках занимает фигура князя Иеремии Вишневецкого, героя среди героев, как его называет Мейер из Щебржешина. Он описывается как бесстрашный и мудрый полководец, ожесточённо борющийся с восстанием и отвергающий всякие компромиссы с казаками. Но, что ещё более важно для еврейских авторов, Вишневецкий — защитник еврейского населения и мститель за него: его искренне «опечалила» участь убитых в ходе казацких погромов евреев Немирова, и он выступил на город в поход, «чтобы отомстить за евреев» [4, с. 103].

Все остальные полководцы описываются либо весьма нейтрально (князь Радзивилл, который также помогал еврейскому населению в ходе восстания и имел бы все шансы привлечь симпатию авторов, поскольку в его позиции было так много схожего с позицией Вишневецкого), либо испепеляюще отрицательно, как князь Владислав Доминик Заславский–Острожский (в еврейских хрониках — князь Доминик), основной политический соперник Вишневецкого и главнокомандующий польскими войсками. Натан Ганновер наделяет его следующей характеристикой: «Этот князь ещё более увеличил несчастья евреев и всего королевства Польского: он был знаменит своим богатством и никогда в жизни не принимал участия в войнах; он был труслив и мягкосердечен. Кардинал (имеется в виду король Казимир — прим. автора) назначил его военачальником из-за его богатства» [4, с. 98].

Чем же была вызвана такая большая неприязнь хрониста к князю Доминику? Во-первых, стремлением ещё более возвысить князя Вишневецкого за счёт очернения образов его соперников, пожалуй, главным из которых являлся главнокомандующий князь Доминик. На его фоне все положительные качества князя Вишневецкого выглядели «ещё рельефнее» [1, с. 55]. А во-вторых, еврейскому хронисту кажется абсолютно не оправданным желание князя договориться с Хмельницким, так как поражения польского войска означали разорение всё новых еврейских общин. То есть непопулярность князя Доминика объясняется не столько его полководческими неудачами, сколько его принадлежностью к той группировке польских политиков, которые считали возможным достижение соглашения с Хмельницким.

Что касается изображения польского шляхетского войска (называемого хронистами просто панами), то оно получило в еврейских хрониках весьма хлётскую оценку. Авторы подмечают и их трусость, и излишнюю самоуверенность, и ту медлительность, с которой они обычно собирались в поход. Даже королю Яну II Казимиру пришлось однажды столкнуться с безграничной трусостью своего войска: «Войско оторопело, и у поляков так замер дух, что ни один не обнажил своего меча. Король оглянулся во все стороны и увидел, что его окружают трусы, и он очень рассердился и воспылил гневом» [4, с. 124]. Всё это в конечном итоге приводило к поражениям польского войска на поле боя, несмотря на то, что шляхта была намного лучше обучена военному делу и имела лучшее вооружение, чем восставшие.

Участь и евреев, и поляков, попадавших в руки восставших, была одинаково незавидна: казаки ненавидели всех и безжалостно расправлялись с ними. В еврейских хрониках подчёркивается общность польских и еврейских судеб, вызванная внешней опасностью: «<...> паны очень сблизилась с евреями, и они — паны и евреи — стали словно один союз, одна душа» [4, с. 97]. Евреи и поляки порой даже объединялись для совместной обороны (в частности, Натан Ганновер и Мейер из Щебржешина описывают вполне успешную оборону Збаража). Но это был вынужденный союз, союз по расчёту, который зачастую нарушался поляками, когда исчезала угроза их жизни. Упомянутая выше оборона Збаража закончилась предательством поляков и выдачей еврейского населения крепости разъярённым казакам. Всё это не укрывается от внимания еврейских хронистов, однако они печально констатируют, что иных союзников, кроме ненадёжных поляков, у евреев не было.

Таким образом, анализ хроник позволяет сделать определённые выводы относительно того, как авторы и их информаторы воспринимали польскую королевскую власть, полководцев и шляхетское войско, и какую характеристику получили в них польско-еврейские отношения во время восстания. Польское государство и шляхта выступает в еврейских хрониках XVII в. в качестве вынужденного соседа: к нему

относятся лояльно, понимая, что иного выбора нет, однако без особой теплоты, замечая все промахи и ошибки. Не случайно ни один поляк не описан положительно, кроме князя Вишневецкого, действительно способствовавшего спасению многих евреев во время Хмельнитчины, и королей, к которым было принято относиться уважительно.

Список литературы

1. Боровой С. Я. Классовая борьба на Украине XVII века в свете современных еврейских хроник // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М.: Гешарим, 1997. С. 11–81.
2. Мейер из Щебржешина. Тяготы времён / пер. с иврита С. Я. Борового // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М.: Гешарим, 1997. С. 153–180.
3. Михаловска-Мычельска А. Правовое положение евреев в Речи Посполитой в XVI–XVIII веках // *Judaic-Slavic journal*. 2020. № 1 (3). С. 19–50.
4. Натан Ганновер. Пучина Бездонная / пер. с иврита С. Я. Борового // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М.: Гешарим, 1997. С. 81–138.
5. Раба Й. Поколение, видевшее бездну / пер. с иврита С. Я. Борового // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М.: Гешарим, 1997. С. 251–279.
6. Саббат Гакоген. Послание / пер. с иврита С. Я. Борового // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М.: Гешарим, 1997. С. 183–191.
7. Bernard B. D. The Hebrew Chronicles on Bogdan Khmel'nyts'kyj and the Cossack-Polish War // *Harvard Ukrainian Studies*. 1977. № 2. P. 153–177.

Бобылева Ирина Дмитриевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Миньяр-Белоручев Константин Валерьевич, канд. ист. наук, доц.

Образ идеального посла в сочинениях французских дипломатов конца XVII–первой половины XVIII в.

The image of the ideal ambassador in the works of French diplomats of the late XVIIth–first half of the XVIIIth century

Аннотация. В статье рассматриваются французские дипломатические трактаты конца XVII–первой половины XVIII в. Показано, что в данный период у ряда авторов складывается сходный образ идеального посла, включающий в себя представления о подобающем общественном положении, личных качествах, приобретённых знаниях, а также необходимости специальной практической подготовки к занятиям дипломатией.

Ключевые слова: идеальный посол; дипломатические трактаты; Франция.

Abstract. The article examines French diplomatic treatises of the late XVIIth–first half of the XVIIIth century. During this period, a number of authors have created a similar image of the ideal ambassador, which includes representations of the proper social position, personal characteristics, acquired knowledge, and the necessity of the special practical training for diplomatic career.

Key words: ideal ambassador; diplomatic treatises; France.

В системе международных отношений XVII–XVIII вв. Франция занимала одну из ключевых позиций: она противостояла Габсбургам и позднее Англии, а после Тридцатилетней войны её короли стремились играть роль арбитра в международных делах [6, с. 40–50, 67–74]. Внешнеполитические притязания Франции опирались в том числе на активную дипломатию, успехи которой во многом зависели от наличия многочисленных профессиональных кадров [2, с. 249]. Практическое осуществление дипломатической деятельности вело к попыткам теоретически осмыслить различные её стороны: от статуса и личных качеств послов до особенностей переговорного процесса и церемониала. В конце XVII–первой половине XVIII в. появляется ряд посвящённых этим вопросам трактатов, создатели которых были связаны с внешнеполитическим ведомством Франции.

Таковы сочинения Луи Руссо де Шамау «Представление об идеальном посланце» (1697) [7], Франсуа де Кальера «О способах ведения переговоров с государями» (1716) [3] и Антуана Пеке «Рассуждение об искусстве переговоров» (1737) [4]¹. Взгляды этих авторов, несмотря на обилие научных работ по

¹ Л. Руссо де Шамау (1645–1711) — французский дипломат, более 15 лет представлял короля на разных должностях в Швеции и немецких землях. Ф. де Кальер (1645–1717) — один

международным отношениям и внешней политике Франции XVII–XVIII вв., редко рассматривались специально (можно назвать монографию Дж. Блэка [9, р. 111–112], статьи М. И. Шиколо [8], М. А. Петровой [5] и Н. Е. Домрачева [1]). В настоящей работе делается попытка отчасти заполнить данный пробел путём анализа представлений об идеальном дипломате. Для этого будут выделены и сопоставлены подходы авторов трактатов к следующим характеристикам: происхождению и положению в обществе; врождённым физическим и душевным качествам; приобретённым знаниям и навыкам.

Вначале отметим расположение разделов, где описываются необходимые для дипломата свойства. Руссо посвящает данному вопросу главу «О подборе послов и их качествах», выделяя в ней разделы, касающиеся отдельных черт (например, «О красноречии», «Об опытности», «О богатстве»). Кальер более многословен: характеризуя личность посла в гл. III, IV и V, он возвращается к ней в гл. XVII (практические советы по поведению за границей) и XXI–XXII (правильный выбор дипломатических представителей). Его рекомендации тем самым адресованы как самим потенциальным дипломатам, так и правителям, подбирающим людей для выполнения своих внешнеполитических планов. Наиболее обстоятелен Пеке, который чётко разделяет собственно качества и приобретаемые знания, помещая их перечни в разных местах трактата — первые в начале основного текста, вторые в предисловии.

Рассмотрим теперь отношение авторов к происхождению дипломатов, их общественному и финансовому положению. Для Руссо предпочтительны богатство, хорошая родословная и высокая должность, которые, однако, ценны лишь с точки зрения даваемых ими преимуществ: «из двух одинаково достойных претендентов правильнее выбрать более знатного» [7, с. 43–45]. Помогут в делах приятная наружность, умение хорошо себя подать, благородная осанка и величаявая манера держаться, хотя сам автор отдаёт предпочтение «здоровому уму и необыкновенным достоинствам» независимо от внешности [7, с. 51]. Кальер тоже считает желательными богатство, знатное происхождение, «благородную наружность и приятное лицо»: первое позволит нести связанные с дипломатической должностью расходы, второе пригодится в придворном обществе, а третье поможет произвести благоприятное впечатление. Однако если выбирать между указанными признаками и личными способностями, то автор трактата предпочитает второе [3, с. 53–54]. Интересно, что наиболее подходящим возрастом Кальер считает средний — такие люди ещё энергичны, но уже рассудительны [3, с. 133]. Для Пеке, который на социально-экономических критериях специально не останавливается, знатность и богатство являются само собой разумеющимися: дипломату необходимо обладать «всеми навыками, полагающимися человеку из общества» [4, с. 30, 32],

---

из наиболее видных французских дипломатов своего времени, участвовал в подписании Рисвикского мира (1697), завершившего войну Аугсбургской лиги. А. Пеке (1704–1762) — дипломат, литератор и переводчик, в 1725–1740 гг. заместитель государственного секретаря по иностранным делам.

что сложно для лица незнатного и не располагающего материальными средствами. Существенным достоинством оказывается привлекательная наружность, по которой составляется первое впечатление, так что «при равных достоинствах необходимо отдавать предпочтение тем, кого природа одарила внешними преимуществами» [4, с. 96–98].

Разнообразен перечень личных качеств, которыми, по мнению авторов трактатов, должны обладать кандидаты на дипломатическую должность. Руссо наиболее краток и называет лишь преданность, опытность, красноречие и честность [7, с. 40, 42–43, 45–48]. Последней он уделяет особенное внимание, полемизируя с «мнением некоторых современных политиков», требующих от дипломата коварного поведения: «быть и слыть порядочным человеком» настоятельно необходимо, но не из моральных соображений, а из-за предоставляемых этим преимуществ [7, с. 45–48]. Весьма желательны для Руссо умение вести себя и строгое соблюдение религиозных обрядов [7, с. 50]. Кальер более многословен и приводит длинный перечень нужных качеств, разделяя их на умственные (такие как сообразительность, проницательность, самообладание, обходительность) и сердечные (умение достойно держаться, твёрдость характера, бескорыстие, щедрость) [3, с. 40–47, 134–135]. Вскользь говорится о необходимости быть и выказывать себя «добродетельными христианином» [3, с. 108]. Подробнее всего Кальер останавливается на честности, тоже отвергая мнение, будто искусный посол должен быть «мастером в искусстве лицемерия»: это вредит репутации и даже исключает преданность своему правителю [3, с. 47–49]. Пеке называет личные качества «моральными» и делит их на «душевные качества» (например, правдивость, бескорыстие, щедрость) и «качества ума» (проницательность, мужество, гибкость, «лёгкость выражения») [4, с. 58–96]. Каждому свойству в трактате посвящён один или несколько разделов, однако мы обратим внимание на честность. В отличие от других авторов, Пеке считает, что современные ему государи уже не гордятся умением искусно обманывать. Впрочем, «правдивость не подразумевает необходимости рассказывать обо всём, что известно», и «тонкое искусство притворства», в отличие от прямой лжи, вполне допустимо [4, с. 59–62].

Что касается знаний, то для Руссо главным является владение иностранными языками — прежде всего латинским, но также языком страны пребывания. Важны знакомство с историей и правом, умение избавиться от предрассудков и пороков собственной нации [7, с. 49–50]. Кроме того, подчёркивается необходимость специальной подготовки перед назначением на дипломатические должности: службы в качестве «министра второго разряда», работы в канцеляриях государственных секретарей, помощи послам [7, с. 36–38]. У Кальера перечень нужных дипломату знаний значительно расширяется. Это знакомство с политическим и экономическим положением дел в Европе, международны-

ми договорами и современной историей, формами правления, законами и обычаями, особенностями политической культуры, а также «общее представление о науках» [3, с. 54, 57–60]. Из иностранных языков наиболее полезны современные: немецкий, испанский, итальянский, хотя назван и латинский [3, с. 61]. Интересен совет читать «воспоминания, указания и донесения... искусных дипломатов» — в трактате даже приводится перечень этих трудов [3, с. 55, 109, 134]. Дополнительная практическая подготовка должна включать поездки по иностранным государствам, общение со «знающими людьми», пребывание при чужих дворах и, главное, сопровождение «королевских послов и посланников» [3, с. 59–60]. В трактате Пеке с сожалением указано, что французы к дипломатической службе специально не готовятся [4, с. 33–34]. У других же народов принято изучение живых языков (о латыни речь не идёт), выборочное и практически ориентированное изучение исторических сочинений, чтение «сборников документов по ведению переговоров» и политических сочинений [4, с. 40–48]. Завершают образование заграничные путешествия «из любопытства» и в составе свиты послов своего государства [4, с. 48–50, 36].

Помимо общих рекомендаций, в каждом трактате проводится мысль о необходимости учитывать требования момента при назначении человека на дипломатическую должность. Руссо различает церемониальные посольства и трудные переговоры, объявление войны и заключение мира, обращает внимание на характер и предпочтения принимающей стороны [7, с. 40–42]. Кальер отмечает, что правители редко располагают людьми, которым можно поручить любое дело, поэтому выбор зависит от конкретной миссии, устройства государства и личности иностранного правителя [3, с. 125–129]. Пеке, в свою очередь, говорит о роде занятий и характере нации, правительственных принципах и нравах государей и министров [4, с. 98–99].

Таким образом, при рассмотрении качеств, которыми авторы трактатов наделяют идеального посла, за разнообразием формулировок обнаруживается достаточно однородный образ. Такой человек знатен по происхождению, состоятелен и привлекателен внешне, он знает иностранные языки и историю, международное право и политическое устройство европейских государств. Среди его личных качеств одним из главнейших является честность, которая из практических соображений противопоставляется позвольительной ранее двуличности. Необходима и специальная практическая подготовка в дипломатическом ведомстве. В целом же выбор конкретного дипломатического представителя зависит от характера миссии и особенностей того государства, куда посол отправляется.

Список литературы

1. Домрачев Н. Е. Образ идеального дипломата в представлении русского резидента В. М. Тяпкина // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. / Д. В. Пузанов (отв. ред.). Ижевск; Ижевский институт компьютерных исследований, 2018. С. 146 – 152.
2. История Франции / Под ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. 607 с.
3. Кальер Ф. О способах ведения переговоров с государями / Пер. с фр. Л. А. Сифуровой. М.: Гендальф, 2000. 208 с.
4. Пеке А. Рассуждение об искусстве переговоров / Пер. с фр. Л. А. Сифуровой. М.: Научная книга, 2004. 190 с.
5. Петрова М. А. Трактат Франсуа де Кальера «О способах ведения переговоров с государями» и его переводы на русский язык // Россия и западноевропейское Просвещение: сборник научных трудов / В. Р. Фирсов (отв. ред). СПб. РНБ, 2016. С. 72 – 81.
6. Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.). М. Изд-во ИМО, 1958. 368 с.
7. Руссо де Шамуа Л. Представление об идеальном после / Пер. с фр. Л. А. Сифуровой. М.: Научная книга, 2007. 187 с.
8. Шиколо М. И. Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 139 – 147.
9. Black J. A history of diplomacy. London: Reaktion Books, 2010. 312 p.

Саакова Кристина Армановна

НИУ «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Исэров Андрей Александрович, канд. ист. наук, доц.

Зарождение республиканизма в мексиканском государстве в первой половине 1820-х годов

The emergence of Republicanism in the Mexican state in the first half of the 1820s

Аннотация. Мексиканский республиканизм отсчитывает свою историю с войны за независимость (1810–1821), сохраняя эту форму правления по сегодняшний день. Конституционно установив республику в 1824 г., мексиканские политики стали рассуждать о значении понятия еще в 1821 г., после установления единоличной власти Агустина де Итурбиде. Этот период заслуживает отдельного изучения в рамках интеллектуальной истории.

Ключевые слова: война за независимость; Мексика; республиканская идеология; конституционализм.

Abstract. Mexican republicanism dates back to the War of Independence (1810–1821), maintaining this form of government to this day. The republic was constitutionally established in 1824, but Mexican politicians began to discuss the meaning of the concept in 1821, after the establishment of the sole power of Agustin de Iturbide, what deserves a separate study within the framework of intellectual history.

Key words: the War for Independence; Mexico; republican ideology; constitutionalism.

Зарождение мексиканского республиканизма в первой трети XIX в. стало частью масштабной трансформации континента, вызванной французским вторжением в Испанию в 1807–1808 гг., приведшим к последующему колониальному распаду. Испанский историк Хавьер Фернандес Себастьян предлагает называть этот переломный период «гигантской лабораторией, открытой для политических экспериментов», принимая во внимание множество конституционных испытаний по всему региону и сложность установления границ между государствами [3, p. 41].

В современной исторической науке, обратившейся к интеллектуальной истории в 1970-х гг., интерес к республиканизму стал возрастать. Этому, в частности, способствовала публикация трудов теоретиков Кембриджской школы, разделивших республиканскую и либеральную традиции: свобода как отсутствие господства (произвольного вмешательства) для республиканца и свобода как невмешательство (отсутствие вмешательства *per se*) для либерала [1, с. 41–46]. Современная латиноамериканская историография активно занимается вопросами

концептуальной истории, но все еще рассматривает республиканизм как производное от либерализма [3]. На основе источников личного происхождения и конституционных проектов мы попробуем пересмотреть становление и развитие мексиканской республиканской традиции в первой половине 1820-х гг. как идеологии и формы правления.

Первый этап мексиканской войны за независимость, как и во всей Латинской Америке, пришелся на 1810–1815 гг., начавшись с имперского кризиса 1808 г.: в Байонне королевская семья отреклась от престола в пользу Наполеона Бонапарта. После возвращения к власти императора Фердинанда VII в 1814 г. повстанцы были разгромлены, а их лидер Хосе Мария Морелос заключен в тюрьму. После 1815 г. мексиканское движение за независимость, хотя оно стало рассредоточенным и дезинтегрированным, не перестало существовать. Согласно исследованию Хавьера Фернандеса Себастьяна, примерно половина документов, содержащая понятия «республика» и «республиканский», относится к неудавшейся экспедиции испанского генерала Франсиско Хавьера Мины в Новую Испанию в 1817 г., а также к политику и священнику, принимавшему участие в экспедиции, — Хосе Сервандо Тересе де Мьеру. В 1817 г., после участия в движении Мины, Мьер был арестован и заключен в крепость Сан-Хуан-де-Улуа, где находился до 1821 г. Там священник написал ряд работ, защищающих право на независимость.

Во время своего заключения Мьер часто обращался к модели США. В «Апологетическом манифесте» (1820) священник пишет: «Свобода и процветание США — это маяк, который не может быть скрыт от нас, тем более, когда сами испанцы поставили его в наших глазах» [6, р. XLI]. В приложении к манифесту Мьер рассуждает о взаимосвязи суверенитета нации и короля. Обращаясь к Божественному Промыслу, священник доказывает, что воля народа стоит выше воли королей, поскольку последние должны выполнять законы, установленные народом. Народ, в свою очередь, может наказать королей за их нарушение и даже лишиться полномочий, если они станут ими злоупотреблять. В записке «Нам обещали конституцию» Мьер заверяет: свобода и король несовместимы в течение длительного времени [6, р. XL].

С момента разгрома экспедиции Мины революция превратилась в партизанскую войну до 1820 г. — тогда она была возобновлена бывшим вождем роялистов Агустином де Итурбиде. 24 февраля 1821 г. Итурбиде создал «План Игуаль» — временную, переходную систему государственного устройства [2, р. 151]. Он устанавливал конституционную монархию во главе с императором Фердинандом VII; создавал армию «трех гарантій» (религия, независимость, союз); сохранял все ветви государственной власти и нынешнее положение государственных служащих. «План» был ратифицирован испанским наместником Хуаном О’Доноху 24 августа.

После переворота Итурбиде стремление определить идеальную форму правления государства стало одной из главных политических проблем. В «Катехизисе революционера», опубликованном священником Луисом де Мендисабалем в сентябре 1821 г., одним из главных аргументов в пользу поворота к монархии было следующее: «... они были рабами в течение трех веков, и они не могут без насилия перейти от крайностей рабства к крайностям республики» [5, р. 31]. В документе Мендисабаль обращается к теории Монтескье о малых республиках: Мексика как государство, состоящее из разных этнических групп, языков и обычаев, не может управляться иначе, как королем или императором, который установит патриархальное государство и будет заботиться о своих гражданах как о собственных детях. Он поддерживает установление конституционной монархии, которое могло перейти в республиканское, когда граждане приобретут «истинную патриотическую любовь» и просвещение.

Важным трудом, защищающим республиканскую идеологию после переворота Итурбиде, стала «Политико-назидательная памятка» Мьера. В документе впервые встречается четкое разграничение республиканской и монархической систем. Мьер отрицает возможность установления «умеренной» монархии, поскольку она сразу погибнет под абсолютной властью [6, р. 190–236]. Что интересно, Мьер считает установление конституционной монархии мерой, навязанной извне: Европа не смогла избежать независимости Америки, поэтому она способствует принятию в ней монархической системы, которая приведет Америку к разорению [6, р. 220].

Другим ярким идеологом республиканизма был революционер Висенте Рокафуэрте. Находясь в 1821 г. вместе с Мьером и колумбийским революционером Мануэлем Торресом (1762–1822) в Филадельфии, он опубликовал эссе «Идеи, необходимые каждому американскому народу, который хочет быть свободным» с целью убедить сторонников независимости в Новой Испании создать представительное конституционное правительство без монарха [7, р. 13]. В эссе Рокафуэрте доказывает, что только отказ от монархии способен сохранить стабильность представительства и конституции. При этом интересно, что он не употребляет термин «республика» для обозначенного правительства, вместо чего называет его «либеральным», «американским», «народным» и «репрезентативным» [9, р. 193–198].

В июле 1822 г. Итурбиде принимает радикальное решение: он вступает на престол под именем императора Агустина I, а 31 октября распускает не лояльный ему конгресс. Прямой переворот повлек за собой рост числа республиканцев, перешедших к открытому восстанию. 29 марта 1823 г. Итурбиде был вынужден восстановить распущенный конгресс, отречься от престола и по требованию конгресса покинуть страну. 16 мая был разработан план политической конституции мекси-

канской нации. В этом документе впервые прямо устанавливалось республиканское, представительное и федеральное правительство.

5 ноября был созван новый национальный конгресс, начавший работу над конституцией, опубликованной 31 января 1824 г. «Учредительный акт Мексиканской федерации» состоял из 36 статей, которые излагали основные политические принципы молодой нации.

Конституция провозглашала полную независимость и национальный суверенитет Новой Испании [2, р. 205]. В первых статьях устанавливалась официальная религия — католицизм, что отразило особую религиозность испаноамериканского движения. Мексика принимала форму представительной, народной и федеративной республики. Сохранялся федеральный союз штатов, как в системе США, но окончательные границы еще предстояло установить. Высшие полномочия были разделены на законодательные, исполнительные и судебные. Законодательная власть передавалась конгрессу, состоящему из двух палат — палаты депутатов и сената. Члены обеих палат назначались при помощи выборов. Отказавшись от идеи триумvirата, исполнительная власть вверялась президенту; вводилась фигура вице-президента. Судебная власть передавалась в руки Верховного суда, предстояло создание судов в каждом штате. Интересно, что в конституции не прописывалась отмена рабства, провозглашенная еще в декабре 1810 г. — указ об ее отмене будет подписан уже в 1829 г. Висенте Герреро [8, р. 56]. Конституция Мексиканской федерации была ратифицирована 4 октября 1824 г. и действовала до 23 октября 1835 г.

Второй этап революции продемонстрировал трансформацию политической мысли, сформировав основные представления о республиканизме. В риторике Мендисабалья, Мьера и Рокафуэрте представлены разные подходы к республиканизму, но, главное, что все они, будучи в разных «лагерях» по отношению к Агустину де Итурбиде, признавали необходимость установления республики. Рассматривая античные и современные республики, политики стали глубже анализировать эту идеологию, дискутируя по вопросу совместимости «мексиканской нации» с республиканскими добродетелями. Публикации политических «планов» и рост числа противников империи Итурбиде привели к его свержению, за которым последовало скорое установление республики. Ее основы были закреплены конституцией 1824 г. Основными чертами мексиканского республиканизма стали: суверенитет, католицизм, институт представительства, избирательное право, разделение властей, верховенство закона, права и свободы.

Список литературы

1. Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 448 с.

2. Davis T. *The political plans of Mexico*. Lanham: University press of America, 1987. 687 p.
3. Fernández Sebastián J. *Diccionario político y social del mundo iberoamericano*. 2 vol. Vol. I: *La era de las revoluciones, 1750–1850*. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2009. 1422 p.
4. Freeden M. *In Search of European Liberalisms: Concepts, Languages, Ideologies* / Ed. by M. Freeden, J. F. Sebastián, J. Leonhard. New York, Oxford: Berghahn Books, 2019. 346 p.
5. Lato Monte L. (seudónimo de Luis de Mendizábal). *Catecismo de la Independencia*. México: Imprenta de Mariano Ontiveros, 1821. 71 p.
6. Mier J. *Ideario político*. T. 43. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1978. 443 p.
7. Rocafuerte V. *Ideas necesarias a todo pueblo americano independiente, que quiera ser libre*. Philadelphia: D. Huntington, 1821. 180 p.
8. Rodríguez O., J. E. «We Are Now True Spaniards»: *Sovereignty, Revolution, Independence, and the Emergence of the Federal Republic of Mexico, 1808–1824*. Stanford, California: Stanford University Press, 2012. 520 p.
9. Rojas R. *El republicanismo en Hispanoamérica: ensayos de historia intelectual y política*. México: Fondo de cultura económicas, 2002. 446 p.

Дайнеко Илья Владиславович

Южный федеральный университет

Научный руководитель:

Егоров Александр Александрович, д-р ист. наук, проф.

Чарльз Джеймс Фокс и дискуссии в парламенте Великобритании по вопросу отмены работорговли

Charles James Fox and the discussions in the British Parliament on the abolition of the slave trade

Аннотация. В 1770-е гг. в Великобритании возникает активное движение за отмену рабства, определившее на десятилетия основное направление борьбы гуманистически настроенной части общества. Начиная с 80-х гг. XVIII в., аболиционисты инициировали обсуждение ограничений работорговли в парламенте. Одним из наиболее ярких борцов за отмену рабства был известный политик, глава партии вигов Чарльз Джеймс Фокс, сыгравший ключевую роль в принятии акта 1807 г.

Ключевые слова: Чарльз Джеймс Фокс; Акт об отмене работорговли 1807 г.; аболиционистское движение в Великобритании.

Abstract. In the 1770s, an active movement for the abolition of slavery emerged in Great Britain, which determined the main for decades direction of the struggle of the humanistic-minded part of society. Beginning in the 80s of the XVIII century, abolitionists initiated a discussion of restrictions on the slave trade in Parliament. One of the most prominent fighters for the abolition of slavery was a well-known politician, the head of the Whig Party Charles James Fox, who played a key role in the adoption of the act of 1807.

Key words: Charles James Fox; Slave Trade Act 1807; the abolitionist movement in Great Britain.

К началу XIX в. Британская империя добилась значительного могущества в мировом экономическом пространстве. Определенную роль в данном достижении сыграл и рабский труд, распространенный на тот момент в государстве. По оценкам английского историка Уильяма Бергхардта Британия в 1806 г. имела в колониях «Нового света» около 800 тыс. рабов [5, p. 91]. Однако в 70-е гг. XVIII в. возникло движение за освобождение рабов, членами которого были крупнейшие государственные деятели Великобритании. Один из наиболее ярких аболиционистов — Чарльз Джеймс Фокс, глава партии вигов, сыгравший существенную роль в отмене работорговли на территории Британской империи.

Рассмотрим место Чарльза Джеймса Фокса в процессе подготовки Акта 1807 г., сфокусировавшись на публичном проявлении позиции политика. Предполагается выявить значение «аболиционистской мысли» в жизни лидера партии вигов, проанализировав роль отмены рабо-

торговли в контексте личных отношений с политическими акторами Великобритании конца XVIII–начала XIX вв.

Историография вопроса роли Фокса в отмене работорговли весьма ограничена. В основном, авторы исследований затрагивали вопрос движения за отмену работорговли в контексте биографии Фокса, либо частично указывали роль лидера вигов, в трудах, касающихся аболиционизма в конце XVIII–начале XIX вв. К первым можно отнести работы Л. Рид [12], Л. Митчелл [11], Дж. Л. Хаммонд [6]. Авторы, написавшие общие работы по аболиционистскому движению в Британской империи исследуемого периода: П. С. Атанасов [2], У. Бергхардт [5], Г. Льюис [7]. Российская историография ограничена трудами С. Ю. Абрамовой [1] и Т. П. Кальяновой [4].

Иследуя проблему отмены работорговли сквозь призму личности Чарльза Джеймса Фокса, представляется необходимым рассмотреть путь, который преодолели аболиционисты для принятия Акта 1807 г. С 70-х гг. XVIII в. встал вопрос о запрете рабства. Существование работорговли не отвечало моральным и этическим нормам британского общества, для Фокса же было прекрасным подспорьем для формирования политического образа борца за свободу. Ключевую роль в становлении аболиционистского движения сыграл сын крупных землевладельцев Уильям Уилберфорс, друг Уильяма Питта-мл., главы кабинета министров Великобритании с 1784 по 1801 гг. и 1804 по 1806 гг. Как известно, лидер оппозиции Фокс был противником Питта и довольно часто в политических дебатах у них возникали противоречия, но в вопросе борьбы с рабством, отмечает Лорен Рид: «Они были единодушны и поддерживали начинания Уилберфорса» [12, р. 257]. Начиная с 1788 г., в парламенте стал активно обсуждаться вопрос о запрете работорговли на территории Британской империи. Уильям Питт на очередной сессии, ввиду болезни Уилберфорса, самостоятельно предложил рассмотреть некоторые обстоятельства работорговли. В ответ на заявление главы кабинета министров Фокс выразил свое мнение: «Работорговлю следует не регулировать, а уничтожить. Рассматривать этот вопрос на каких-либо иных принципах, кроме принципов гуманности и справедливости, было бы праздно и абсурдно» [8, р. 311]. Но в конце 80-х гг. XVIII в. такое мнение не получило поддержки, поскольку сильно ударило бы по коммерческим и военным интересам Британии в Новом свете, хотя по итогам сессии и был принят билль, незначительно регламентирующий работорговлю. Однако стоит отметить, что речь Фокса не осталась незамеченной даже за океаном. Сэр Джеймс Джонстон, сторонник отмены рабства, отмечал, что в Гренаде рабы столь обрадовались ситуации в парламенте, что восклицали: «Мистер Уилберфорс за негра! Мистер Фокс за негра! Бог Всемогущий за негра!» [11, р. 196]. А один из аболиционистов писал, что его малолетний сын отказывается есть сахар с тех пор как узнал о речи Фокса [3].

В 1792 г. при активной поддержке главы вигов Уилберфорсом была предпринята вторая попытка отменить работорговлю на территории Британской империи. Она также закончилась неудачно из-за экономических и политических мотивов в высших слоях общества. По итогам сессии в парламенте 230 членов проголосовали против законопроекта и только 85 за. Но, как считает Дж. Хаммонд работорговцы именно в 1792 г. получили первое должное предупреждение от Фокса и Уилберфорса [6, p. 174].

Последующие попытки внести законопроект затруднялись сложной внешнеполитической обстановкой. Революция во Франции оказала значительное влияние на английское высшее общество. Боявшиеся подобных перемен аристократы делали все возможное, дабы не допустить изменения действующих порядков. Аргументы аболиционистов постепенно стали все менее слышимы в обществе. Когда в 1799 г. шло ежегодное обсуждение законопроекта об отмене работорговли, Фокс отметил, что «бесполезно присутствовать в парламенте на подобных заседаниях, поскольку все сейчас слишком отвлечены от этой проблемы» [9, p. 156].

Кардинально все начало меняться в начале XIX в. К власти во Франции пришел Наполеон Бонапарт. Отношения между странами значительно ухудшились, что повлияло и на мнение общественности. Французский император своим указом от 1802 г. разрешил в государстве работорговлю, это стало во многом отправной точкой для членов английского парламента в вопросе ее отмены. Аристократия не желала иметь что-либо общее с вражеской державой, и работорговля стала порицаема, как дело крайне неблагочестивое для истинного джентльмена.

В начале 1806 г. после смерти Уильяма Питта-мл. новым главой кабинета министров стал Уильям Гренвиль, к этому времени сблизившийся с Фоксом. Его администрация получила название «Правительство всех талантов», а лидер вигов стал министром иностранных дел, получив возможность в значительной мере влиять на принятие законов. Помня о своих прежних обещаниях обществу, он в первые же дни после прихода к власти обратил внимание на отмену работорговли. И законопроект, внесенный одним из его сторонников для предотвращения ввоза рабов, получил самую энергичную поддержку Фокса. Как он отмечал: «Я никогда не менял своего мнения относительно этой отвратительной торговли и ее отмена, есть дело, затрагивающее самые сокровенные интересы человечества» [10, p. 161].

В марте была предпринята попытка наладить отношения с Францией. В ходе переговоров Фокс предложил рассмотреть отмену работорговли, как один из пунктов мирного договора. Он это мотивировал так: «Англичане почти единственные выигрывают от самой

гнушной и противоестественной торговли; другие, однако, разделяют ее позор. Мы желаем отмены торговли. Пусть император скажет, кто первым спасет свою честь — Франция или Англия?» [10, р. 170]. С таким письмом Фокс обратился к французскому императору Наполеону. Таким образом, министр иностранных дел хотел отмены работорговли и за пределами Великобритании.

В середине 1806 г. Фокс достаточно серьезно заболел водяной и допускал возможность завершения политической карьеры. Но все равно достаточно активно участвовал в заседаниях парламента, несмотря на болезнь. Как позже писал его племянник Генри Ричард Вассалл-Фокс, 3-й барон Холланд, на вопрос об уходе с поста министра ответ был такой: «Не считай меня эгоистом, юноша. Работорговля и Мир — две такие славные вещи, что я не могу отказаться от них даже для тебя. Если я сумею справиться с ними, то уйду в отставку» [10, р. 254].

10 июня 1806 г. Фокс в парламенте выдвинул резолюцию об отмене работорговли. По его словам, после сорока лет политической карьеры он может спокойно уйти в отставку, если выполнит свой долг. Королевское согласие на Законопроект об отмене работорговли было дано 25 марта 1806 г. Речь Фокса была недолгой. Он повторил доводы Уилберфорса, покойного Берка и покойного Питта, высказанные против торговли на протяжении многих лет, и напомнил своим слушателям, что даже те, кто, подобно Сидмуту и Мелвиллу, выступал за постепенную, а не немедленную отмену торговли, поддерживали суждение, что сама торговля бесчеловечна и несправедлива. В итоге резолюция была принята 114 голосами против 15 [12, р. 440].

Но Фокс не дожил до официального принятия Акта 25 марта 1807 г., умерев 13 сентября 1806 г. В газете «The Times» написали по этому поводу следующее: «Скорбь по умершему государственному деятелю выражает и негр-раб, сидящий на ступеньках перед пьедесталом и поднявший глаза в знак благодарности мистеру Фоксу за выдающуюся роль, которую он сыграл в отмене позорной работорговли» [13].

Анализ источников позволяет сделать вывод: Чарльз Джеймс Фокс был непреклонным сторонником отмены работорговли. Лидер вигов поддерживал аболиционистское движение, вступая в союз даже с политическими оппонентами (Уильям Питт-мл.). При этом стремление отменить работорговлю было неизменным, и сохранялось на протяжении всей деятельности в парламенте Великобритании.

Список литературы

1. Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 293 с.

2. Атанасов П. С. Аболиционизм — первое массовое движение за гражданские права в Великобритании // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 22. С. 62 – 79.

3. Жуковская Д. Отмена рабства в Великобритании // *Historicus*. Историк — общественно – политический журнал. URL: <https://historicus.ru/otmena-rabstva-v-velikobritanii/> (дата обращения: 19.10.2021).

4. Кальянова Т. П. Дискуссии о рабстве и работорговле в колониях Британии: слова и смыслы по публикациям в английских журналах первой трети XIX века // *Цивилизация и варварство*. 2016. № 5. С. 308 – 327.

5. Du Bois W. E. B. (William Edward Burghardt). The suppression of the African slave-trade to the United States of America, 1638–1870. New York: Longmans, 1904. 360 p.

6. Hammond J. L. Le B. Charles James Fox: a political study. London: Methuen & Company, New York: James Pott & Company, 1903. 394 p.

7. Lewis G. K. Slavery, imperialism, and freedom: studies in English radical thought. New York: Monthly Review Press. 1978. 354 p.

8. Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 2. London: R. Bentley, 1853. 424 p.

9. Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 3. London: R. Bentley, 1854. 478 p.

10. Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. By J.R. Russel. Vol. 4. London: R. Bentley, 1853. 506 p.

11. Mitchell L. G. Charles James Fox. New York: Oxford University Press, 1992. 364 p.

12. Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missouri Press, 1969. 504 p.

13. The Times archive. September 1806. URL: <https://www.thetimes.co.uk/ARCHIVE> (дата обращения: 28.10.2021).

Зайцев Андрей Алексеевич

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Научный руководитель:

Струкова Марина Игоревна, канд. ист. наук, доц.

**Правление Раджива Ганди как переходный этап от эпохи семьи
Неру-Ганди к эпохе либерализации в постколониальной
истории Индии**

**The reign of Rajiv Gandhi as a transitional stage from the era of the
Nehru-Gandhi family to the era of liberalization in the postcolonial
history of India**

Аннотация. В данной статье исследованы основные элементы политики шестого премьер-министра Индии Раджива Ганди. Его политическая деятельность рассматривается прежде всего как новый этап модернизации Индии, переход от социалистических экспериментов Неру-Ганди к масштабной либерализации. На основании материалов исследования выделяются главные мероприятия, оценки и характеристики реформ в обозначенный период.

Ключевые слова: Раджив Ганди; либерализация; Индия.

Abstract. This article will explore the main elements of the policy of the sixth Prime Minister of India Rajiv Gandhi. His political activities are viewed primarily as a new stage in India's modernization, the transition from the socialist experiments of Nehru-Gandhi to widescale liberalization. Based on the research materials, the main activities, assessments and characteristics of reforms in the designated period are highlighted.

Key words: Rajiv Gandhi; liberalization; India.

В 2021 г. исполнилось 30 лет со дня гибели Раджива Ганди, шестого премьер-министра Индии и представителя известной индийской династии Неру-Ганди, правившей в стране с момента обретения независимости в 1947 г. Его гибель во время митинга в штате Тамилнад стала переломным моментом в истории Индии, так как с того момента началась эпоха либерализации, которая продолжается до сих пор. Закончилась и эпоха правления Неру-Ганди, так как вдова Раджива Ганди Соня из-за своего иностранного происхождения (она — итальянка) отказалась занимать важнейшие государственные посты, и партия Индийский Национальный Конгресс (далее — ИНК), которой руководила семья Неру-Ганди, прекратила выдвигать представителей данной семьи на пост премьер-министра Индии. Учитывая проведенные Радживом Ганди реформы и мероприятия, можно сказать, что его правление стало переходным этапом в истории постколониальной Индии.

Раджив Ганди вступил в должность премьер-министра Индии 31 октября 1984 г. сразу после убийства её матери Индиры Ганди телохранителем–сикхом. Он пришел к власти в чрезвычайно сложной внутренней обстановке. Ситуация в стране была напряжённой из-за экономических проблем, связанных с социалистическими экспериментами его предшественников, высокого уровня коррупции в структурах власти, и конфликтов внутри страны, которые сопровождали его на протяжении всего периода нахождения на посту премьер-министра Индии. Эти конфликты имели и экономическую почву (массовое недовольство крестьян в 1987 г. на фоне неурожая и засухи), и этнополитическую (усмирение бунтующих штатов Пенджаб и Ассам), и религиозную (дело Шах Бано).

Во внутренней политике Раджив Ганди проявил невероятную твёрдость, пытался любыми способами обеспечить внутренний порядок в Индии. Он привёл в парламент и правительство политиков нового поколения, примет в 1985 г. закон о борьбе с дезертирством, согласно которому избранный член парламента или законодательного собрания не мог присоединиться к оппозиции до следующих выборов, с целью борьбы с коррупцией [8, р. 82], сумел нормализовать обстановку в бунтующих регионах. Раджив Ганди был человеком дела, старался делать свою работу эффективно: «Наконец-то власть в стране перешла в руки людей, ориентированных прежде всего на эффективность государственного управления. Являясь, подобно своей матери, убежденным сторонником активных действий, Раджив вместе с тем всячески избегает «работы ради работы», стремясь к тому, чтобы каждое действие с максимальной эффективностью приводило к поставленной цели» [1, с. 19]. Однако коррупцию он усмирить не смог: её уровень резко вырос, ярким доказательством этого станет дело Бофорс (громкий скандал с поставками шведского оружия), которое нанесло серьёзный ущерб его репутации [8, р. 233].

Помимо обеспечения внутреннего порядка в Индии, Раджив Ганди в течение всего премьерского срока занимался преобразованиями в экономике. Его экономические реформы заметно отличались от политики матери Индиры Ганди и деда Джавахарлала Неру. Несмотря на провозглашённую в начале 1985 г. приверженность социализму, который активно строили и внедряли в Индии с момента обретения ею независимости, Раджив Ганди начал в Индии процесс либерализации экономики, который был прерван в конце 1980-х гг. из-за внутренней нестабильности и возобновлён после смерти самого Раджива Ганди его преемниками, в частности П. В. Нарасимха Рао. Целью данных реформ было построить «Индию XXI века», для достижения которой нужны были сокращение государственного контроля, упрощение режима международной торговли, ослабление ограничений на импорт и снижение импортных пошлин [2, с. 338]. Раджив Ганди не считал экономическое

планирование эффективным и способствовавшим экономическому развитию страны. При этом он не отказался полностью от строительства социалистической модели экономики в стране: была провозглашена задача обеспечить экономическое развитие на основе социальной справедливости при «ограничении игры рыночных сил и свободы частного корыстолюбия и жадности» через войну с нищетой, сокращение разрыва в доходах богатых и бедных и устранение социального и экономического неравенства [3, с. 393]. Политикой либерализации была оживлена индийская экономика, промышленное производство показывало постоянный ежегодный прирост в среднем на 8,5%, а экономический рост в целом составлял в среднем около 6% в год, активизировался импорт в Индию иностранной продукции. Быстрыми темпами рос средний класс, численность которого, по некоторым оценкам, достигла 100 млн человек [3, с. 394].

Однако начавшаяся либерализация привела к ускорению инфляции, увеличению дефицита бюджета, для стабилизации которого пришлось вновь вводить экспортные пошлины и ограничивать импорт. Кроме того, открытие индийского рынка и рост импорта привели к крупным убыткам индийских производителей, росту долгов, а также к увеличению дефицита индийского бюджета. Причинами считаются большие заимствования извне: «Скорость увеличения государственных заимствований был больше, чем рост ВВП, что ведёт к росту соотношения доходов от долгов. Бюджетный дефицит, увеличивающийся несмотря на показатели роста заимствований — важное отражение исполнения правительством своих финансовых обязанностей» [5, р. 302]. Тем не менее, Раджив Ганди стал первым премьер-министром Индии, который открыто выказывал своё предпочтение рынку в ущерб планированию, которое было характерно для правления Джавахарлала Неру и Индиры Ганди, и пытался извлечь из этого всё самое лучшее.

Кроме того, с целью построить «Индию XXI века» Раджив Ганди занялся внедрением достижений научно-технического прогресса в Индии. Он поддерживал производство компьютеров в стране, сократил налоги на импорт комплектующих, поддерживал внедрение новой техники в офисах, банках, на железной дороге и других учреждениях, задумывался над производством собственного программного обеспечения. Также Раджив Ганди активно поддерживал космические и атомные исследования. Эти реформы впоследствии способствовали превращению Индии в одну из ведущих стран по производству компьютерного оборудования и программного обеспечения, развитию IT-сектора в экономике.

Раджив Ганди также активно вёл социальную политику: он пытался сделать питьевую воду доступной всем индийским деревням, быстро повысить уровень грамотности и использовать новые технологии в образовании, для чего учредил Открытый университет Индиры

Ганди, который сегодня является крупнейшим в мире по числу студентов. Были запущены программы повсеместной иммунизации для детей и беременных женщин, план «белой революции» по аналогии с «зелёной революцией» Индиры Ганди для снабжения населения молоком и молочными продуктами посредством увеличения поголовья молочных коров и ликвидации болезней домашнего скота. Р. Ганди занимался проблемами окружающей среды, в частности, очищением Ганга, открыл семь региональных культурных центров в стране для содействия творческой деятельности населения [2, с. 329].

Проведённая технологическая революция оказала положительный эффект на развитие Индии: «Государственные предприятия, сельское хозяйство, программы развития сельских районов, усиление национальной безопасности, борьба с бедностью, планирование семьи, земельные реформы, специальные программы для женщин, детей и молодёжи, жильё для всех, решительны шаги для благополучия отдельных каст и племён, защита окружающей среды и т. д. были областями, в которых Раджив Ганди работал во время своего премьерства и придал актуальности многим формам национального развития» [4, р. 82]. Однако специалисты считают, что Раджив Ганди чересчур увлёкся внедрением технологий в страну, упрекали его в одностороннем взгляде на прогресс, поскольку без развития образования и науки успешное внедрение технологий невозможно [7, р. 430].

Внешняя политика Раджива Ганди оказалась менее успешной, чем внутренняя при всех её недостатках. С одной стороны, Индия продолжала лавировать между США и СССР в международных отношениях в условиях завершения «холодной войны», пыталась нормализовать отношения с Китаем, несмотря на пограничные проблемы, которые актуальны и в настоящее время, выступала за массовое разоружение. С другой, отношения с Пакистаном продолжали оставаться напряжёнными, проблема Пенджаба и Кашмира никак не была решена, а вмешательство в межэтнический конфликт в Шри-Ланке, в том числе и военное, станет главной политической ошибкой Раджива Ганди на посту премьер-министра. Его решение ввести индийские войска на остров обоснованы попыткой сохранить свою должность президентом Шри-Ланки Д. Джаявардене, и оно отвечало миротворческой внешней политике Индии в 1980-е гг. [6, р. 102]. Данным решением, по мнению исследователей, были недовольны все. С. Джилл пишет: «Индия невольно взяла на себя обязанности армии Шри-Ланки в борьбе с тамильскими «тиграми», ради которых и было подписано соглашение о защите и реабилитации. Жители Шри-Ланки рассматривали это как нападение на национальный суверенитет, а индийские войска считались армией оккупантов» [2, с. 366]. Итогом этой авантюры станет убийство Раджива Ганди 21 мая 1991 г. тамильскими сепаратистами.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что правление Раджива Ганди в Индии было переломным в её постколониальной истории. Индия отказалась от идей социализма и государственного регулирования экономики и перешла к эпохе либерализации, которая идёт вплоть до настоящих дней. Индия становилась одной из ведущих технологических держав мира. Но при этом остались очаги нестабильности как внутри Индии, так и в соседних с ней странах, которые остаются актуальными до сих пор. Тем самым, благодаря Радживу Ганди Индия перешла к новому этапу своей истории, который продолжается уже 30 лет.

Список литературы

1. Верма Ш. Портрет Раджива Ганди / пер. с англ. С. В. Кибирского. М.: Прогресс, 1988. 132 с.
2. Джилл С. С. Династия Ганди / пер. с англ. Г. В. Зряниной. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 416 с.
3. Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 920 с.
4. Agarwal M. Rajiv Gandhi. L.: Diamond Pocket Books, 2004. 177 p.
5. Balakrishnan P. Economic Consequences of Rajiv Gandhi // Economic and Political Weekly. 1990. Vol. 25, №. 6. P. 301–304.
6. Gopal N. The assassination of Rajiv Gandhi. Delhi: Penguin Books, 2016. 273 p.
7. Nalapat M. D. The last Nehru: A retrospective — A decade after Rajiv's fall. // Economic and Political Weekly. 2000. Vol. 35, №. 6. P. 427–431.
8. Shourie A. These lethal, inexorable laws: Rajiv, his men and his regime. Delhi: South Asia Books, 1992. 422 p.

Урядников Илья Андреевич
Петрозаводский государственный университет
Научный руководитель:
Соломещ Илья Мотелевич, канд. ист. наук, доц.

Особенности исторических публикаций Лаури Летонмяки

Features of Lauri Letonmäki's historical publications

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее значимые исторические публикации Лаури Летонмяки — известного деятеля финской социал-демократии, революционера, писателя, переводчика и марксистского историка. Основная цель — анализ особенностей исторических публикаций. В статье выделяются и анализируются отличительные черты публикаций как одних из первых марксистских исследований истории Финляндии и Карелии, а также как трудов, написанных в уникальных условиях и в уникальное время 1920–1930 гг. Особое внимание уделяется исторической роли публикаций.

Ключевые слова: красные финны; историография Финляндии; историография Карелии; марксистская историография.

Abstract. The article examines the most significant historical publications of Lauri Letonmäki, a well-known figure of the Finnish social democracy, revolutionary, writer, translator and Marxist historian. The main goal is to analyze the characteristics of historical publications. The article highlights and analyzes the distinctive features of publications as one of the first Marxist studies of the history of Finland and Karelia, as well as works written in unique conditions and in a unique time of the 1920–1930s. Particular attention is paid to the historical role of publications.

Key words: red Finns; historiography of Finland; historiography of Karelia; Marxist historiography.

Лаури Летонмяки (1886–1935) — известный деятель финской социал-демократии, революционер, деятель просвещения, писатель, переводчик и, что немаловажно, марксистский историк. После поражения красных в Гражданской войне в Финляндии, переехал в Советскую Россию, затем много лет плодотворно работал в Карелии. Рассмотрению особенностей исторического наследия Летонмяки главным образом посвящена работа.

Основными рассматриваемыми источниками являются три наиболее значимые исторические публикации Лаури Летонмяки [1; 2; 3].

Публикации во многом схожи: все они являются описаниями истории Финляндии и Карелии с древнейших времён и до современного автору времени. Цель настоящей статьи — разобрать отличительные черты публикаций, методы, которыми пользуется автор, его личные взгляды.

«Для правильного и успешного социалистического строительства нашей автономной республики необходимо знать марксистское понимание развития ее жизни до настоящего момента» [1, с. 21], — эта часть введения к статье «О древней истории Карелии» ёмко характеризует основную цель исторических трудов Л. Летонмяки.

Автор отмечает, что рабочим и детям рабочих Финляндии была доступна только буржуазно–патриотическая историческая литература. Буржуазные сочинения, особенно школьные учебники, оцениваются негативно. Отмечается, что они полны искажений фактов и патриотического «бахвальства». «Они — прямо-таки буржуазный яд для чувствительного и восприимчивого ума бедных детей» [3, с. 3]. Даже «самые «объективные» исследования буржуазии построены не на историко–материалистическом, а на буржуазно–идеалистическом фундаменте» [1, с. 21].

Во введении к «Истории Карелии» автор отмечает, что наиболее полная история будет сформулирована позже. Но уже сейчас необходимо первое издание: автономная республика и её жители должны знать своё прошлое. «Эта книга стремится внести свой вклад в продвижение марксистского просвещения о прошлом» [2, с. 3].

Автор также преследует и другие цели: внести свой вклад в изучение экономической истории Карелии, описанием истории Карелии привлечь работающего читателя к социалистическому строительству на основе национальной политики партии. Летонмяки стремится создать научно–просветительские произведения, рассчитанные на широкий круг читателей. Закономерно, что публикации, как издания марксистские, также имеют идеологическую составляющую, подробнее о которой упоминается ниже.

Автор главным образом опирается на русскую и финскую буржуазную литературу, использует современную советскую литературу, прессу и справочники. Летонмяки отмечает, что он имел возможность подготовить лишь несколько отрывков «Истории Карелии» на основе исследования документальных источников [2, с. 3].

Таким образом, Л. Летонмяки выполняет в большей степени компилятивную работу, используя материал преимущественно немарксистских исследований и применяя марксистские методы.

Можно выделить четыре основных особенности изложения в публикациях:

1. Используется формационный подход и другие марксистские методы;
2. Огромное внимание к классовой борьбе на всём протяжении истории;
3. Акцент на революционной борьбе начала XX в;
4. Публикации обладают особенностями повествования, характерными для учебного пособия.

1) Автором используется формационный подход. Больше внимания уделено экономическим вопросам. Рука об руку идут вопросы технологические: описываются новые методы ведения хозяйства, внедрённые изобретения, и т.д. Автора интересуют развитие промышленности: «В 1868 году в Петрозаводске существовали всего 1 кожевенная мастерская, 1 свечная и 3 кирпичных заводика, с общей численностью 70 рабочих. В городе было еще 198 ремесленников, у которых было 214 рабочих и 65 подмастерьев. Торговля была ещё мало развита, например, к 1858 г. в городе было всего 2 крупных торговца» [2, с. 58].

Не забывает автор и о культуре и религии на разных этапах истории Карелии и Финляндии, прослеживает их изменение со временем. В публикациях им уделено достаточно значительное внимание. «Таким образом, мы все еще видим племенную идеологию и обычаи в полной силе в XVI в. Феодализм не произвёл революцию основ сельскохозяйственного производства, а довольствовался сбором налогов, выполнением принудительных работ и т. д.» [2, с. 21].

2) Классовая борьба пронизывает все периоды истории. Практически в каждом из них автор посвящает отдельный раздел социально-экономическому состоянию крестьян и рабочих, положению феодалов или буржуазии. Присутствуют разделы, полностью посвященные крестьянским и рабочим выступлениям, бунтам.

Летонмяки даёт негативную оценку аристократии, да и в целом относится к классу эксплуататоров довольно презрительно. «Они были маленькими королями в своих областях. Они угнетали простой народ налогами и поденным трудом из своих поместий и замков» [3, с. 20].

На обличении светских аристократов Летонмяки не останавливается: «Более 200 лет Соловецкий монастырь наживал себе богатства со спины закрепощенных крестьян. В его церквях блестело золото, серебро и сверкали драгоценные камни... Духовенство монастыря вело такую распутную жизнь...» [1, с. 32].

Л. Летонмяки в деталях описывает тяжёлый быт эксплуатируемого класса, относится сочувственно. Так, к примеру, он характеризует условия труда рабочих лесопильных заводов на рубеже XIX–XX вв.: «Условия труда на них были очень тяжелые: низкая заработная плата, а, кроме того, царское правительство не разрешало им улучшать своих производственных условия и создавать профессиональные организации для улучшения своего быта...» [1, с. 39].

Говорит и о влиянии капитализма: «Капитализм принес с собой ночную работу... и чрезвычайно длинные рабочие дни. В начале 1890-х годов минимальный рабочий день финских рабочих составлял 12 часов... Не говоря уже о сельской местности, где регулярно бывали практически неограниченные по продолжительности рабочие дни» [3, с. 72].

3) Большое внимание автор уделяет революционной борьбе и рабочему движению. Развитие этого движения рассматривается очень

подробно. «В 1906-м году стачечная волна дошла до Карелии. Тогда происходили забастовки на Онежском заводе и на некоторых лесопильных заводах. Требования бастующих носили не только экономический, но и политический характер. На упомянутых заводах была оформившаяся местная организация русской социал-демократической рабочей партии, которая усердно работала по вовлечению рабочих масс в борьбу против предпринимателей и царизма» [1, с. 43].

«Революционные рабочие чувствовали глубокое негодование в конце забастовки. Им было очень трудно уступить из своих рук силу, которую они получили благодаря забастовке. Они с беспокойством чувствовали, что путь революционной борьбы в этот момент был единственно правильным и выгодным и что отсрочка сражения только пойдет на пользу ее классовому врагу» [3, с. 98], — так Летонмяки характеризует настроения рабочих из-за окончания ноябрьской забастовки 1917 г. в Финляндии. Он анализирует ситуацию, говорит читателю, что тогда революционеры допустили ошибку, что это было поражением, что путь революционной борьбы — истинно верный.

4) Обратимся к структуре и особенностям повествования. Приведенные публикации позиционируются как учебные пособия. Автор планомерно повествует о каждом из этапов истории Финляндии и Карелии. Характер повествования в основном нарративный.

Летонмяки обращается сначала к общему, а затем к частому. То есть, сперва описывает ситуацию и события в стране (России или Швеции), частью которой является рассматриваемый регион.

Важной особенностью публикаций является огромное внимание к новейшему для автора этапу истории, к событиям, в которых он сам был участником или свидетелем. Если предыдущие этапы представляют собой вполне обыкновенное описание истории, последний этап напоминает уже политическое высказывание. Автор досконально разбирает все действия, ошибки или успехи революционного движения, анализирует их, даёт оценку.

Так, например, автором даётся оценка правильных, по его мнению, действий партии большевиков: «Только крайне левые в разных странах оставались всегда лояльными революционному марксизму. Большевистская партия... развязала войну против войны и активизировала свою агитацию для социалистической революции» [3, с. 91].

Публикации Летонмяки не только об истории, но и о революционной борьбе и патриотизме. Они не ограничиваются просветительской целью, хотя, пожалуй, именно она является основной. Эти учебные пособия предназначены для гражданина советской страны, чтобы сагитировать его участвовать в социалистическом строительстве. Другой целевой аудиторией являются финские рабочие и крестьяне. Не зря автор столько внимания уделяет разборам ошибок революционеров, а при описании нового реакционного режима в Финляндии указывает, что он

по своей натуре довольно слаб. Вероятно, автор искренне надеется на успех революции в Финляндии. На наш взгляд, публикации Летонмяки — это ещё и учебники для революционеров, своего рода агитационные материалы.

Проведённое исследование — лишь малая часть работы, которую требует историческое наследие Л. Летонмяки. Его публикации во многом уникальны из-за незаурядной судьбы автора, из-за условий, в которых работы создавались: в своеобразной атмосфере советскофинляндских отношений, во время, когда сильны были ещё надежды красных финнов на успех революции в Финляндии.

Исторические работы Летонмяки — в первую очередь, хороший источник для изучения эпохи 1920–1930-х гг. в Карелии, для изучения сознания карельских «красных финнов», в конце концов, для изучения взглядов самого автора.

Список литературы

1. Летонмяки Л. О древней истории Карелии // Десять лет Советской Карелии. 1920–1930. Петрозаводск: Центр. исполн. ком. Автономной Карел. ССР, 1930. С. 21–51.
2. Letonmäki L. Karjalan historia. L.: Kirja, 1931. 284 с.
3. Letonmäki L. Piirteitä Suomen ja Karjalan historiasta. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. 124 с.

Репрезентация японской монархии в британской кинохронике 1920-х гг.

Representation of the Japanese monarchy in the British newsreels of the 1920s.

Аннотация. В статье представлена попытка раскрыть проблему репрезентации японской монархии в британской кинохронике 1920-х гг. На основе документальных лент, созданных британскими кинокомпаниями Pathe News и Gaumont Graphic в данный период времени, проведён анализ языка описания японской монархии и выявлено его значение в контексте политического дискурса Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания; Япония; англо-японские отношения; кинохроника.

Abstract. This article analyzes the representation of the Japanese monarchy in the British newsreel of the 1920s. Based on documentary films created by the British film companies Pathe News and Gaumont Graphic, the analysis of the language of the description of the Japanese monarchy and its significance in the context of the political discourse of Great Britain is revealed.

Key words: Great Britain; Japan; Anglo-Japanese relations; newsreels.

В британской кинохронике демонстрация японской монархии происходила в контексте англо-японских отношений 1920-х гг. В 1921 г. прекратил действие союзный договор между Великобританией и Японией. Если в политической сфере отношение Лондона к Японии было весьма холодным вследствие её нестабильного союзнического статуса во время Первой мировой войны и в целом соперничества за сферы влияния в Восточной Азии, то в британском обществе отношение к бывшему союзнику было более благожелательным. Публика туманного Альбиона мыслила Японию прежде всего в категориях дружественной державы и британского партнёра, и поэтому была разочарована в решении не продлевать действие союзного договора.

Такое в целом позитивное восприятие бывшего союзника зафиксировала и переживающая расцвет немого кино британская кинохроника. Она была ориентирована на массового зрителя, и поэтому стремилась порадовать его действующим партнёром Британии в отдалённом уголке мира (Британии, сильно ослабленной после войны; Британии, которая стремительно теряла свои имперские позиции на фоне других мировых держав). Связь двух островных империй представлялась в основном через репрезентацию монархий, помещённых как в собственное пространство (японцы в Британии), так и в чужое (британцы в Японии). В этом отношении кинохроника также удовлет-

воряла интерес аудитории к медиа-звездам своего времени — политическим лидерам и представителям королевских семей [2, р. 199].

Появление сюжетов, связанных с двумя монархиями, в британской кинохронике было обусловлено не только их новостной актуализацией в разных временных точках 1920-х гг., но и консервативными взглядами владельцев кинокомпаний — производителей кинохроники. Они нередко были аффилированы с Консервативной партией Великобритании [5, р. 45], и это отразилось на идеологическом наполнении сюжетов. Именно поэтому взгляд кинохроник на Японию можно рассматривать в качестве взгляда консерваторов, удививших внимание зрителя от социальных проблем и сконцентрировавший на более позитивных аспектах современности. Показывать следовало то, что соответствовало вкусу массового зрителя, то, что позволяло отвлекаться от забот реального мира [6, р. 84]. Поэтому кинохроника стремилась показывать суперзвезд, а не, например, тяжелые условия жизни беднейших слоёв населения.

Интерес кинокамер к японской монархии в третьем десятилетии XX в. не был постоянным и равномерным. Для первой половины 1920-х гг. изображение представителей императорской семьи связывалось, главным образом, с посещением Великобритании наследником престола Хирохито в 1921 г. Это единственное событие, которое заставило кинохронику обратить внимание на японскую монархию в начале десятилетия.

Кинохроника данного времени ярко освещала путешествие принца по Соединенному Королевству. Изображены визитации Лондона, Манчестера и Эдинбурга. Однако основное внимание, очевидно, уделено сердцу империи. Именно в нём Хирохито был принят британской монархией, там же разворачивались их отношения. Множество кинолент демонстрируют процессию Хирохито и его взаимодействие с высокопоставленными лицами британского правительства и представителями британского королевского дома. Они, как правило, длятся не более одной-полутора минут, что было стандартным для отдельных сюжетов кинохроник того времени. На их примере четко прослеживается то, как британской публике представляли наследника японского престола.

Многие киноленты, посвященные пребыванию Хирохито в Лондоне [11], по своей композиции повторяют другие. Они изображают его посещающим различные достопримечательности британской столицы: Британский музей, Букингемский дворец, Лондонский Тауэр и др. Его встречали британские сановники, толпы с флажками Англии и Японии, королевская стража. Хроники передают чувство официальности, камера, как правило, отдалена, словно держит монархию на расстоянии от зрителя. При всем этом сам будущий император ничем не отличается от обычного британского джентльмена: черный костюм,

трость, цилиндр. Не отличается он и по манере поведения: походка, жесты, вроде рукопожатия — всё это не позволяло отличить японского принца от любого другого европейского наследника. Только фенотипические черты отличали японцев от их сопровождения, но даже они в некоторой степени нивелировались кинокамерой, подбиравшей такие ракурсы, которые почти уравнивали главных персон в росте. Этот же принцип подобия воспроизводился тогда, когда он изображался не как светское лицо, а как представитель военных сил Японии [3].

Не могла не запечатлеть кинохроника и взаимодействие японской и британской монархий [1]. Она изображает прибытие японской делегации, во главе с Хирохито к королю. После приветствия монарха Хирохито садится в карету с другими представителями британской королевской семьи. Сцена сменяется изображением того, как японская делегация осматривает британский флот. При этом акценты вновь сделаны на взаимодействии и схожести членов монархий. Король Георг V, принц Эдуард (будущий король Эдуард VIII) и Хирохито представлены в военных формах, пожимают друг другу руки и вместе участвуют в параде. Затем наследный принц Японии посещает мемориал жертвам Первой мировой войны, после чего вновь показывается парад, и кинолента завершается. Кинохроника, кажется, стремилась продемонстрировать не только крепкую связь двух островных империй, несмотря на прекращение союза, но и подобие двух современных монархий.

Британская кинохроника представляла англо-японские контакты в первой половине 1920-х гг. не только посредством помещения наследника японского престола в британское пространство, но и наоборот. Дети короля Британии: Георг VI, Эдуард VIII и принц Генри — все тем или иным образом оказывались в Японии, что в свою очередь запечатлела кинокамера [4; 7; 9]. Последняя также по шаблону, продемонстрированному на примере прибытия Хирохито, изображала визитацию этих персон: с официальностью, парадами, приветствиями толпы и торжественными приемами монархов. Только в этот раз бывшие хозяева стали гостями. Кинохроника, таким образом, одинаково изображает британскую и японскую монархии, будто бы уравнивая их.

После посещения Хирохито Великобритании представители японской монархии на некоторое время перестали появляться в британской кинохронике. Реактуализация этой темы происходит только во второй половине 1920-х гг. и была связана с восхождением Хирохито на императорский престол, а также обучением его брата — второго ребенка почившего императора Ёсихито — принца Титибу в Англии (1925–1927 гг.). Изображение бывшего гостя британцев после его восхождения на императорский престол начинает связываться только с его ролью главнокомандующего японских военных сил. Он больше не демонстрируется как светская фигура, а показывается исключительно в качестве первого представителя своей империи.

Совершенно иное положение занимал принц Титибу. Внимание к этой персоне возросло в связи с его пребыванием и обучением в Англии. Подобно своему брату, он также изображался носителем внешних модернистских черт и паттернов поведения. Говорилось даже о некоторой социальной прогрессивности молодой монархии. Так, выбрав жену из простолюдинок, этим действием, как говорилось в предисловии к киноленте, он пошел против устаревшей традиции [1]. Примечательно также, что в некоторых кинолентах его именовали «японским принцем Уэльским» [8], вновь проводя аналогии между двумя инсулярными монархиями. Подобные параллели прослеживаются с британской прессой. Так, например, в 1925 г. в консервативной газете *The Illustrated News* говорилось о том, что наследный принц Хирохито был сторонником демократической формы правления и в этом походил больше на наследника британского престола Эдуарда, чем на собственного отца [12, p. 35].

Подобные аналогии не представляются случайными. То, как молодые представители японской монархии изображались в британской кинохронике, продолжает тенденцию, характерную для определенной оптики, через которую консерваторы смотрели на Японию этого времени. Рассматривая японскую монархию, как подобную британской, Хирохито и Титибу позиционировались, прежде всего, в качестве носителей прогрессивных настроений, способных в дальнейшем сделать Японию более демократичной и модернизированной (в этом смысле и более вестернизированной) страной, такой как сама Британия.

Казалось, что приближенность к цивилизации Запада позволит Японии оставаться всё тем же добрым партнёром Великобритании, каким она якобы была в период действия англо-японского союза. Страна восходящего солнца должна была быть оплотом цивилизации в Восточной Азии в противовес большевистской России и революционному Китаю. Всё это должно было делать её гарантом сохранения британского влияния в этом регионе. Именно такой Японию хотела видеть британская публика, и именно поэтому такой она и показывалась. Специфика британской кинохроники 1920-х гг. заключалась в том, что обо всем этом она свидетельствовала имплицитно, говоря на языке немого кино.

Список литературы

1. A Prince's Bride (Pathe News, 1928). URL: <https://www.britishpathe.com/video/a-princes-bridе> (Дата обращения: 20.09.2021).
2. Althaus S. L. The Forgotten Role of the Global Newsreel Industry in the Long Transition from Text to Television // *International Journal of Press-Politics*. 2010. Vol. 15. № 2. P. 193 – 218.

3. Funeral Service For Emperor Taisho Of Japan (Gaumont Graphic, 1927). URL: <https://www.britishpathe.com/video/VLVA7DC73XJF8UEM8XJ9GR3X5QMZ-FUNERAL-SERVICE-FOR-EMPEROR-TAISHO-OF-JAPAN> (Дата обращения: 23.11.2021).

4. George The VI Visits Japan (Pathe News, 1922). URL: <https://www.britishpathe.com/video/VLVA3TVBKY8APZ7AXD3AULY7FP11A-GEORGE-THE-VI-VISITS-JAPAN/> (Дата обращения: 20.09.2021).

5. Harrison R. Inside the Cinema Train: Britain, Empire, and Modernity in the Twentieth Century // Film History. 2014. Vol. 26. №. 4. P. 32 – 57.

6. Huggins M. Projecting the Visual: British Newsreels, Soccer and Popular Culture 1918-39 // The International Journal of the History of Sport. 2007. Vol. 24. №. 1. P. 80 – 102.

7. Japan: Prince Henry Meets Prince Chichibu (Gaumont Graphic, 1929). URL: <https://www.britishpathe.com/video/VLVA7CMNXUGBT1UR7YTWX5QOP1W6M-JAPAN-PRINCE-HENRY-MEETS-PRINCE-CHICHIBU> (Дата обращения: 20.09.2021).

8. Japan's P.O.W. (Pathe News, 1928). URL: <https://www.britishpathe.com/video/japans-p-o-w-pow> (Дата обращения: 20.09.2021).

9. Prince Of Wales Aka Banzai! (Pathe News, 1922). URL: <https://www.britishpathe.com/video/prince-of-wales-aka-banzai> (Дата обращения: 20.09.2021).

10. Royal Procession And Various Hirohito Material (Pathe News, 1921). URL: <https://www.britishpathe.com/video/royal-procession-and-various-hirohito-material/query/japan> (Дата обращения: 20.09.2021).

11. Royal: Crown Prince Of Japan Visits London (Gaumont Graphic, 1921). URL: <https://www.britishpathe.com/video/VLVA50DER8IA09KCWLJ5R1FBYDEWN-ROYAL-CROWN-PRINCE-OF-JAPAN-VISITS-LONDON> (Дата обращения: 20.09.2021).

12. The Illustrated London News, 25 April 1925.

Мартин Михаил Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Борисенко Виктор Николаевич, канд. ист. наук, доц.

**Многослойный Commonwealth:
специфика термина в истории Австралии**

**The Layered Commonwealth:
The Term Specifics in Australian History**

Аннотация. В статье исследуется специфика термина «Commonwealth» в истории Австралии. Раскрывается неоднозначность понятия в рамках австралийского государственного и национального строительства. Делается вывод о многослойном содержании термина.

Ключевые слова: Австралийский Союз; история понятий; интеллектуальная история.

Abstract. The article explores the specifics of the term «Commonwealth» in Australian history. The ambiguity of the concept within the framework of the Australian state and nation-building is revealed. The conclusion is reached regarding the term's layered meaning.

Key words: the Commonwealth of Australia; conceptual history; intellectual history.

Термин «Commonwealth» отражает одно из важнейших понятий в истории Великобритании и её колоний. Особенно показателен пример Австралии, поскольку слово входит в официальное название государства: the Commonwealth of Australia — Австралийский Союз. На наш взгляд, основательное понимание «Commonwealth» в австралийском контексте не может быть выведено из русского перевода, поэтому необходим комплексный анализ термина с опорой на методологию истории понятий и интеллектуальной истории.

Принципиально одновременное привлечение синхронии и диахронии, причём с максимально широкими временными рамками. Синхрония позволит точно определить значение слова в строго определённый момент и строго определённым автором, тогда как диахрония позволит — выстроить связи между проанализированными точечными случаями и выявить закономерности эволюции понятия. Здесь и далее мы руководствуемся методологией Begriffsgeschichte (немецкой школы истории понятий) [7, р. 16–22] и Кембриджской школы интеллектуальной истории, в частности истории изучения политических языков [12, р. 396–407].

Итак, интеллектуальная база, послужившая основой для возникновения «Commonwealth», уходит корнями в XV в. [1, р. 663]. На то время

приходится новый рост популярности античной классики. От Цицерона англичане и узнают словосочетание «RES PVBLICA». Политический трактат римского оратора «О государстве» («DE RE PVBLICA») опосредованно доходил до Британских островов, несмотря на утерю оригинальных рукописей работы [1, р. 664]. Примечательно, что уже у Цицерона прослеживаются разные ипостаси оригинального латинского термина, причём цицероновскую республику мы можем отождествлять и с государством как политической структурой, и с устоявшейся системой, созданной для общего блага, и с общим для всех граждан предприятием (Сis. г.р. I, 1). Историки Глен Бёрджесс и Марк Найтс крайне радикально, на наш взгляд, делят понимание термина на «государство» и «общее благо» [1, р. 664]. С одной стороны, речь действительно идёт об «общем благе», что можно было бы перевести на английский как «common good», однако имеет место и семантически отличное «общее дело», которое точнее переводится как «public affair». «Государство» же, в свою очередь, можно разложить на форму правления, политическое объединение как таковое и так далее. Проще говоря, исследователи, с нашей точки зрения, чрезмерно генерализируют, сливая множество смысловых слоёв в две крупные категории.

Похожая проблема видится и в самом рождении слова «Commonwealth». Этот процесс можно охарактеризовать как калькирование, поскольку происходит буквальный перевод римского термина по частям. Рождение кальки, в свою очередь, свидетельствует об осмыслении англичанами нового понятия, стремительно ставшего политическим. Уже в XVI в. (например, у У. Шекспира) мы можем найти восприятие «Commonwealth» как политического объединения для общего блага [14]. Республиканское же содержание исследуемой языковой единицы в полной мере раскрылось в XVII в.: в 1649 г. Оливер Кромвель провозгласил, что отныне Англия есть «Commonwealth» [9]. Примечательно, что в XVII в. исследуемый термин распространяется вместе с пуританством и на Северную Америку. В понимании Уильяма Пенна, отвергавшего радикализм времён Кромвеля, «Commonwealth» близок к «общему делу» и подразумевает широкое гражданское вовлечение в управление общиной или государством [11, р. 408]. Такое понятие прочно укоренится в американском политическом языке и ляжет в основу конституций и названий ряда штатов: Пенсильвании, Массачусетса, Вирджинии и Кентукки. Заметим, что в каждом из перечисленных пониманий (Шекспир, Кромвель, Пенн) рассматриваемый термин может трактоваться и как «государство». Всеохватность такой трактовки хорошо прослеживается в языке Дэвида Юма [5].

Рассмотрев основные смысловые наполнения, перейдём к австралийскому опыту. Как отмечает один из авторов и историков Конституции Австралии Роберт Гарран, термин был изначально предложен как выражение «общего блага», ради которого будет создано

единое национальное государство [3, p. 55]. Далее произошло отождествление «Commonwealth» с австралийской нацией как таковой [3, p. 56]. Таким образом, изучаемое слово стало знаком коллективной идентичности. Это семантическое расширение крайне важно с точки зрения национально-государственного строительства. На наш взгляд, отождествление «Commonwealth» с Австралией как таковой можно рассматривать, во-первых, как укоренение понятия в локальном дискурсе; во-вторых, как его смысловое наполнение национальной идеей; в-третьих, как расширение значения за пределы легальной терминологии в сферу культуры и самовосприятия, что позволяет назвать «Commonwealth» одним из центральных понятий австралийской идентичности. Недоверие к термину вызывала его республиканская коннотация. Федералисты, однако, умело обыграли значение «Commonwealth» как отсутствия тирании и наличие демократического устройства государства при сохранении королевы Виктории и её наследников в качестве глав Австралийского Союза [3, p. 55–57].

Отметим, что дихотомия форм правления была далеко не новой проблемой термина. Ещё в 1796 г. английский публицист под псевдонимом J. A. писал о несвязанности термина с выборностью главы государства [6, p. 180]. Уже в эпоху романтизма появляется работа ещё одного англичанина Уильяма Годвина «History of the Commonwealth of England», в которой романтизируется Протекторат Кромвеля [10, p. 648–649]. В данном случае «Commonwealth» как республика противопоставляется монархии Стюартов [4, p. 17]. Как видим, республиканское содержание или его отсутствие обуславливались идеологически-конъюнктурными соображениями.

Новым смысловым слоем явилось рождение хорошо известного сегодня Содружества наций. В таком контексте «Commonwealth» означал имперскую федерацию, что, таким образом, подтверждало субъектность доминионов [15, p. 257]. Если брать во внимание, что представление об имперской федерации появилось как раз во второй половине XIX в., особенно после объединения Канады в 1867 г. и проведения Колониальной конференции 1887 г., то австралийские федералисты, безусловно, не могли быть вне данного дискурса [2, p. 411]. Этим, на наш взгляд, можно объяснить преимущественное наполнение именно федералистским посылом названия будущего государства. Во-первых, австралийцы были в курсе о переходе Британской империи к поддержке субъектности своих колоний. Во-вторых, коль скоро такой процесс мог быть потенциально одобрен даже Лондоном, а также положительно перекрывал негативную коннотацию «Commonwealth», то федералисты могли публично настаивать именно на такой трактовке. В итоге изучаемый термин стал часто употребляем в разделах Конституции Австралии, посвящённых разграничиванию полномочий федерального центра и штатов: например, в разделах 51, 106–108 и др. [13].

Преимущество такой риторики заключалось и в потенциальном росте поддержки федералистов при условии, что они пообещают будущим штатам широкую автономию, что также закрепилось в Конституции [13].

Таким образом, исследовав семантику термина «Commonwealth» и выделив особенность понятия в австралийском контексте, мы можем сделать вывод о наличии сразу нескольких смысловых слоёв в рассматриваемой языковой единице. Во-первых, Commonwealth of Australia — это федеративное государство, первое слово в названии которого подчёркивает разделение полномочий между центральной властью и штатами. Это самое новое и уникальное для британской колониальной истории содержание термина. Во-вторых, «Commonwealth» — это государство как таковое, политическая форма организации австралийского общества с публичной властью. В-третьих, «Commonwealth» — это ещё и демократическая Австралия, в которой власть исходит от народа и принадлежит ему, а от тирании предостерегает закон, в особенности Конституция: строго говоря, этот смысловой слой определяет политический режим. В-четвёртых, исследуемым термином австралийцы могут обозначить и причину создания своей федерации: во имя общего блага. «Commonwealth», и это в-пятых, является также ключевым знаком австралийской национальной и культурной идентичности. Вне риторики австралийских федералистов остался республиканский смысл, что объясняется объединением колоний в рамках Британской империи. Коротко говоря, дискурсу государственного и национально-строительства в Австралии удалось вобрать в себя разнообразный и многослойный семантический спектр «Commonwealth»: от римского до викторианского.

Список литературы

1. Burgess G., Knights M. Commonwealth: The Social, Cultural, and Conceptual Contexts of an Early Modern Keyword // *The Historical Journal*. 2011. Vol. 54. № 3. P. 659–687.
2. Dodwell H. H. *The Cambridge History of the British Empire*. Vol. 3. *The Empire-Commonwealth, 1870–1919*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 683 p.
3. Garran R. R. *Commentaries on the Constitution of the Commonwealth of Australia*. Sydney: Angus and Robertson, 1901. 1137 p.
4. Godwin W. *History of the Commonwealth of England From Its Commencement, to the Restoration of Charles the Second*. Vol. 3. *From the Death of Charles the First to the Protectorate*. London: Henry Colburn, 1827. 599 p.
5. Hume D. *Idea of a Perfect Commonwealth*. 1754 // ISN ETH Zurich. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/125484/5009_Hume_Perfect_Commonwealth.pdf (дата обращения: 30.09.2021).
6. J. A. On the Words Republic and Commonwealth // *The Monthly Magazine, or British Register*. 1796. №. 3. P. 179–181.

7. Koselleck R. Introduction and Prefaces to the *Geschichtliche Grundbegriffe*. Contributions to the History of Concepts. 2011. Vol. 6. № 1. P. 1–37.

8. M. TVLLI CICERONIS DE RE PVBLICA LIBER PRIMVS // The Latin Library. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/repub1.shtml> (дата обращения: 30.09.2021).

9. May 1649: An Act Declaring and Constituting the People of England to be a Commonwealth and Free-State // British History Online. URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/acts-ordinances-interregnum/p122> (дата обращения: 30.09.2021).

10. Morrow J. Republicanism and Public Virtue: William Godwin's History of the Commonwealth of England // *The Historical Journal*. 1991. Vol. 34. №. 3. P. 645–664.

11. Ryerson R. A. William Penn's Gentry Commonwealth: An Interpretation of the Constitutional History of Early Pennsylvania, 1681-1701 // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. 1991. Vol. 61. №. 4. P. 393–428

12. Skinner Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // *New Literary History*. 1972. Vol. 3. №. 2. P. 393–408.

13. The Australian Constitution // Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Senate/Powers_practice_n_procedures/Constitution (дата обращения: 30.09.2021).

14. The First Part of King Henry the Sixth. Act 3, Scene 1 // *The Complete Works of William Shakespeare*. URL: <http://shakespeare.mit.edu/1henryvi/1henryvi.3.1.html> (дата обращения: 30.09.2021).

15. Turner A. C. The Commonwealth: Evolution or Dissolution? // *Current History*. 1964. Vol. 46. No. 273. P. 257–262.

Завизион Денис Дмитриевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Пленков Олег Юрьевич, д-р ист. наук, проф.

**Несостоявшаяся театральная революция:
расцвет и закат Тинг-движения в Третьем Рейхе**

**Frustrated theatrical revolution:
the rise and fall of the Thing-movement in the Third Reich**

Аннотация. В статье впервые в российской историографии предлагается обзор одного из главных культурных экспериментов нацистской Германии по формированию коллективной идентичности. В работе рассматриваются вопросы происхождения Тинг-движения, его деятельности и исчезновения.

Ключевые слова: Третий Рейх; Театр; Тинг.

Abstract. For the first time in Russian historiography, the article offers the overview of one of the main cultural experiments of Nazi Germany in the creation of collective identity. The work deals with the issues of the origin of the Thing-movement, its activity and disappearance.

Key words: Third Reich; Theatre; Thing.

Следуя красноречивым идеологическим клише национал-социалистов, 30 января 1933 г. в истории Германии произошла «национальная революция», которая знаменовала собой не только переход политической власти в руки НСДАП, но и начало масштабной культурной реконструкции немецкого общества. Для ее проведения национал-социалисты нуждались в оформлении и закреплении объединяющей национальной доктрины, частью которой стал миф о «Народном сообществе» (нем. Volksgemeinschaft), т. е. национально, социально и политически едином обществе, преодолевшем классовые противоречия. В представлении нацистов его достижение должно было стимулироваться формированием культурных практик совершенно нового типа, в том числе и созданием «новой национальной драмы» — уникального театрального жанра, создание и апробация которого были поручены Тинг-движению.

Для начала нам необходимо вернуться на несколько десятилетий назад: критика современного театра со стороны НСДАП появилась уже в партийной программе 1920 г., где прозвучали обвинения в «разложении театра» и его содействии в «развращении национальной жизни» [1, с. 15–17]. Альфред Розенберг в своем «Мифе XX века» указывал на засилье еврейских руководителей [11, с. 27] в немецком театре, редактирующих работы с целью пропаганды «левых идей» [11, с. 29] и пред-

сказывал, что «немецкий поэт» изгонит евреев из театра [11, s. 315]. Гитлер, в свою очередь, критиковал театр более конкретно: он писал, что евреи в театре развращали естественные чувства немцев и опровергали все представления о красоте и морали [8, s. 63]. По Гитлеру это выражалось в сексуальном разврате [8, s. 278] и измене национальным идеям [8, s. 284]. Единственный выход он видел в очищении немецкого театра от вырождающейся культуры, поставив его на службу «нравственному государству и культурной идее» [8, s. 270].

Идейно близким к национал-социалистам было преимущественно бесформенное «движение театров под открытым небом», вдохновленное работами любимого композитора Гитлера — Рихарда Вагнера, грезившего о создании истинно «народного театра». Самым известным воплощением этой идеи стал Эрнст Вахлер, основавший театр в горах Харца на [15, p. 4]. Он полагал, что, строя театр в древнегреческом стиле, он возвращает театру искренность и чистоту, присущие ранним театрам античности и так необходимые современной Германии [6, p. 106]. Начиная с 1903 г. в его театре ставились исключительно немецкие пьесы, основанные на народных мифах и исторических событиях, способных продемонстрировать народный героизм. Пример Вахлера оказался настолько заразительным, что в период с 1903 по 1933 гг. было построено более 60 театров под открытым небом с Вахлеровским репертуаром [16, p. 50].

Единственной заметной фигурой среди последователей Вахлера является Карл Герст, один из авторов и воплощений тинг-идеи, осуществлявший попытки возрождения традиции театров под открытым небом совместно с автором термина «Тинг» — Карлом Ниссеном [3, s. 18]. Итогом его деятельности стало создание им «Имперского союза за продвижение театра под открытым небом», на основе которого и будет основано Тинг-движение.

Глава палаты культуры Отто Лаубингер в ходе своих июльских речей 1933 г. сформулировал исходные тезисы для формирования будущего движения. Он призвал драматургов к драматическому изображению борьбы за власть, охватывавшую период с 1923 по 1933 гг. Для достижения этой цели он предложил начать поиск новых средств «культовой» репрезентации, которые отчетливо бы выражали коллективные чувства «недавней победы». Так как «только создавая и решая социальные проблемы [на сцене – прим. автора] можно достичь истинного народного сообщества» [5, s. 104], для чего авторам пьес надлежало интерпретировать борьбу немцев в своих драмах в «зеркало настоящего» [9, p. 171].

В конце июля в театральной среде с подачи профессора-германиста Карла Ниссена появилось понятие «Тинг» [15, p. 55]. Под «Тингами» Ниссен подразумевал места собрания языческих германских племен, именующихся ранее «Дингами» [15, p. 58]. По его убеждению, на теа-

тральной сцене было необходимо возродить как общую форму, так и «народный дух» подобных «тевтонских» собраний, тем самым дать аудитории не только чувство коллективного принятия решений, но и тем самым стереть грань между прошлым и настоящим, обратившись к вечному «народному духу» (нем. Volksgeist) немцев [4, p. 22]. По этой причине наиболее точным переводом немецкого «Thingspiel» является «пьеса народного суда (собрания)».

Согласно Шлоссеру, «новая драма» должна вернуть искусству функцию службы нации, утверждая «расово-определенные базовые духовные ценности народа [12, s. 41]. Это означало, что все драматургические проблемы и стандарты должны извлекаться из коллективного опыта [12, s. 52] немецкого народа, заточенного в его «крове и почве» [12, s. 46].

Для реализации этого эксперимента Карлом Герстом была разработана масштабная строительная программа. Один из архитекторов Тинг-площадей Людвиг Мозхамер сформулировал в 1934–1935 гг. шесть отправных пунктов [10, s. 5]. Хотя Тинг-плацы и могут показаться похожими на античные театры, у них имелись принципиальные различия. В греческой традиции театр имеет четкую двухуровневую структуру, где зрительский зал и сцена разделены как углом наклона или вертикальными террасами, так и малыми архитектурными объектами. В новых амфитеатрах сценическая зона не ограничивалась орхестрой: с одной стороны, как и в эллинистической традиции, она распространялась на проскену, с другой, она распространялась и на зоны, разделяющие зрительские ряды. Таким образом возникали три открытые сценические террасы между зрительскими рядами, которые уничтожали дистанцию между публикой и актерами.

Несмотря на то, что Геббельс в 1933 г. объявил о строительстве театров, способных вместить от 10 до 50 тыс. зрителей, их строительство началось только в 1934 г. [17, p. 159–160]. Строительство постоянно тормозилось, поэтому к 1935 г. было построено только 16 театров. Всего достроены оказались 40 амфитеатров [6, p. 105].

Тем временем, из тысяч предложенных работ только около десяти получили статус тинг-пьес. Во всех них аллегорически или прямо изображались социальные проблемы Веймарской республики и их героическое преодоление народом с помощью хриstopодобной фигуры фюрера. Только «Франкенбургская игра в кости» отошла от этой формулы и изобразила судебное разбирательство над виновниками одноименного кровавого инцидента XVII в., где главными судьями являлись сами зрители, приобретшие власть не только над настоящим, но и над прошлым.

Драматурги откликнулись на призыв Лаубингера к изображению борьбы за власть в 1919–1933 гг. слишком буквально. Драматурги опасались выходить за установленные границы. В конечном счете, герои

нацистских пьес преодолевали беды Веймарской республики и создавали народный Рейх. Проблема этого революционного пафоса заключалась в том, что к 1934, а тем более к 1935 г. он потерял актуальность и, соответственно, интерес, став привычкой [15, p. 76]. Поэтому в 1935 г. общее количество зрителей упало в несколько раз [13. s. 65].

По сути, тинг-движение оказалось замкнуто созданной нацистами тоталитарной системой управления театром, в которой никто из драматургов, за исключением Мёллера, не стал развивать предложенные идеи, сосредоточившись на бесконечном повторении однообразных сюжетов и методов репрезентации, что, в конечном счете, повлекло за собой кризис движения.

В результате, в 1935 г. политика государственной поддержки движения сменилась политикой репрессий. В начале октября 1935 г. скончался главный покровитель движения Отто Лаубингер, а уже 23 октября 1935 г. было запрещено использование терминов «Тинг» и «Культ». Исходя из дневниковых записей в дни смерти [7, s. 903] и похорон [7, s. 904] Лаубингера, между Геббельсом и покойным были довольно уважительные отношения, что может указывать на то, что движение продолжало существовать в первую очередь благодаря авторитету самого Лаубингера, который и убедил Геббельса поддержать движение. В том же 1935 г. государственное субсидирование движения было прекращено, а все тинг-плацы были переименованы в «Праздничные места» [2, s. 33]. Официально движение было полностью распущено Геббельсом в 1937 г. [17, p. 162], но с 1935 г. не было произведено ни одной сколько-нибудь масштабной и заметной тинг-пьесы за исключением «Франкенбургской игры в кости».

В целом, уверенно можно выделить некоторые из причин запрета движения. К ним можно отнести экономические убытки, перенасыщенную масштабность строительной программы, низкое качество пьес, избыточный масштаб постановок, и т.д. Так или иначе, к 1935 г. тинг-движение уже являлось пережитком прошлого. Их боевой дух, направленный на поддержание и закрепление «революции», был неуместен уже в 1934 г. после «ночи длинных ножей», когда Гитлер на партийном съезде в сентябре заявил о завершении «революции» [13, s. 67]. Тем не менее, стремительный взлет и не менее стремительное падение Тинг-движения стали еще и следствием резкой смены приоритетов государственной власти, чей «революционный» характер сменился резко консервативным.

Список литературы

1. Федер Г. Программа и мировоззрение НСДАП / Пер. с нем. К. Сметанникова. Витебск: «Сябры», 2007. 72 с.
2. Brockerhoff H. Ideologische Instrumentalisierung von Theater am Beispiel Kleist: Ph.D. Düsseldorf, 2014. 287 s.

3. Bosse K. Thingstätten. Von der Bedeutung der Vergangenheit für die Gegenwart. Berlin: Kerber Verlag, 2020. 252 s.

4. Chalmers D. L. The influence of Theatre and ParaTheatre on the Holocaust: Masters thesis. Montreal, 2008. 210 s.

5. Dussel K. Provinztheater in der NS-Zeit // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1990. Vol. 38. №1. S. 75–111.

6. Gadberry G. The Thingspiel und Das Frankenberger Würfelspiel // The Drama Review. 1980. Vol. 24. №1. P. 103–114.

7. Goebbels J. Tagebücher 1925-1945. Band 1-5. Bd. 3: 1935-1939. München: Piper, 1999. 520 s.

8. Hitler A. Mein Kampf. München: Zentralverlag der N.S.D.A.P. Frz. Eher Nachs., 1936. 828 s.

9. Kemmler R. S. The National Socialist Ideology in Drama: A Comprehensive Study of Theater and Drama during the Third Reich: Ph.D. New-York, 1973. 298 p.

10. Moshamer L. Die Thingstätte und ihre Bedeutung für das kommende deutsche Theater // Bauwelt. Heft 26. Berlin, 1935. S. 1–8.

11. Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München: Hoheneichen-Verlag, 1934. 703 s.

12. Schlösser R. Das Volk und seine Bühne: Bemerkungen zum Aufbau des deutschen Theaters. Theaterverlag Albert Langen/Georg Müller. Berlin, 1935. 84 s.

13. Schmitz T. Das Volksstück. Stuttgart: Springer-Verlag, 1990. 93 s.

14. Theatre in the Third Reich, the prewar years: essays on the theatre in Nazi Germany / Ed. By G. Gadberry. London: Greenwood Press, 1995. 187 p.

15. Theatre under the Nazis / Ed. By J. London. Manchester: Manchester University Press, 2000. 356 p.

16. Zortman B. Hitler's Theater Art as Propaganda. Laguna Woods: Emet Publications, 2014. 174 p.

17. Zortman B. H. The theater of ideology in Nazi Germany // Quarterly Journal of Speech. 1971. Vol. 57. №2. P. 153–162.

Приложения

Таблица 1. Список тинг-пьес в 1934 г. [15, p. 92].

Автор	Произведение
Макс Бартель (нем. Max Barthel)	Пьеса от немецкого рабочего (нем. Spiel vom deutschen Arbeitsmann) – была удалена в 1935 году
Юлий Мария Беккер (нем. Julius Maria Becker)	Немецкий необходимый поворот (нем. Deutsche Notwende)
Курт Эггерс (нем. Kurt Eggers)	Великий поход (нем. Das Große Wandern)
Рихард Ойрингер (нем. Richard Euringer)	Немецкие страсти 1933 (нем. Deutsche Passion 1933)
Курт Хейнике (нем. Kurt Heynicke)	Нойроде (нем. Neurode)

Ганс Юрген Ниренц (нем. Hans Jürgen Nierentz)	Благословение крестьянства (нем. Segen der Bauernschaft);
Ганс Юрген Ниренц (нем. Hans Jürgen Nierentz)	Симфония труда (нем. Symphonie der Arbeit) – была удалена в 1935 году
Вайт Росскопф (нем. Veit Roßkopf)	Фестиваль у моря 1934 (нем. Das Fest am Meer 1934) – была удалена в 1935 году

Таблица 2. Добавленные пьесы в 1935 г. [15, р. 92].

Автор	Произведение
Рихард Ойрингер (нем. Richard Euringer)	Танец смерти (нем. Totentanz)
Курт Хейнике (нем. Kurt Heynicke)	Дорога к Рейху (нем. Der Weg ins Reich)
Генрих Церкаулен (нем. Heinrich Zerkaulen)	Чсть работать (нем. Der Arbeit die Ehr);
Эрих Мюллер-Шник (нем. Erich Müller-Schnick)	Солдаты почвы (нем. Soldaten der Scholle)
Йоханнес Шлоссер (нем. Johannes Schlosser)	Я позвал народ (нем. Ich rief das Volk)
Йоханнес Шлоссер (нем. Johannes Schlosser)	Немецкий праздник (нем. Deutsche Feier)

Тарасенкова Василиса Романовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Барышников Владимир Николаевич, д-р. ист. наук, проф.

**Внешнеполитическая ситуация в Швеции в июне 1941 г.:
пик прогерманского пособничества**

**The foreign policy situation in Sweden in June 1941:
the peak of pro-Greman complicity**

Аннотация. В данной статье рассматривается ситуация, сложившаяся в Швеции после событий «летнего кризиса», который традиционно в историографии считается кульминацией нарушения шведского нейтралитета во Второй мировой войне. В статье анализируются причины и мотивы шведского руководства сознательного отхода от установленной политики невмешательства, а также оценивается реакция главных стран-участников войны на действия правительства Пера Альбина Ханссона.

Ключевые слова: Швеция; нейтралитет; уступки; Вторая мировая война.

Abstract. This article examines the situation in Sweden after the events of the «summer crisis», which is traditionally considered in historiography to be the culmination of the violation of Swedish neutrality in World War II. The article analyzes the reasons and motives of the Swedish leadership of deliberate departure from the established policy of non-interference and also assesses the reaction of the main countries participating in the war to the actions of the government of Per Albin Hansson.

Key words: Sweden; neutrality; concessions; The Second World War.

Дипломатическое положение Швеции в Европе в июне 1941 г. можно охарактеризовать как изоляционное. Предвестником этого стали события 9 апреля 1940 г., когда Германия совершила оккупацию Дании и Норвегии, тем самым полностью замкнув контакты Швеции с западными державами [4, с. 250]. Что касается советско-шведского фона накануне событий июня 1941 г., то СССР всецело одобрял и поддерживал стремление Швеции в политике нейтралитета. В апреле советское руководство осуществило обмен мнениями по вопросу шведского нейтралитета с германскими представителями. Результатом этой встречи стало утверждение, что «оба государства считают себя заинтересованными в сохранении нейтралитета Швеции» [1, с. 503].

События 25 июня 1941 г., получившие в историографии название «летний кризис», ознаменовались для Швеции наступлением новой вехи нейтралитета, когда правительством шведского премьер-министра Пера Альбина Ханссона было принято решение о транзите 163-й пехотной дивизии генерала Энгельбрехта из Норвегии в Финляндию

через шведскую территорию и заключении транзитного соглашения [5, с. 91–92]. Фактически это означало прямое и грубейшее нарушение шведского внешнеполитического курса, кульминацию краха нейтралитета.

Чтобы понять, что заставило Швецию закончить «третью» или пособническую [9, р. 326] фазу нейтралитета и перейти на новую, обратимся к анализу главных событий середины лета–осени 1941 г.

Итак, что же произошло после заключения транзитного договора и переброски германской дивизии? Прежде всего, шведское правительство предприняло попытки оправдать своё недружественное нейтралитету решение в глазах не просто отечественной, но общеевропейской общественности. 25 июня с речью перед корреспондентами иностранных изданий выступил Кристиан Гюнтер, который назвал допущенный транзит «средством сохранения свободы и нейтралитета страны» [3, с. 243], однако здесь примечательна другая деталь. В своём выступлении Гюнтер мимолетно намекнул, что в начавшейся войне Швеция будет более нейтральной к Финляндии, нежели это было в дни советско-финляндской войны [3, с. 243–244].

Этот пассаж можно трактовать следующим образом. Если вспомнить события 1939 г., то тогда Швеция довольно активно помогала Финляндии боеприпасами, оружием и медикаментами. Кроме того, шведскими активистами был организован пункт записи в добровольческий корпус, что в то время также вызвало ожесточенные споры и протесты по поводу соблюдения нейтралитета [2, с. 489]. Теперь же от лица правительства мы слышим о большей нейтральности к финнам, причем имеется здесь в виду не отход к полному невмешательству, т. е. прекращению поставок с помощью, а наоборот, развитие оных до новых пределов. Ключевой разницей между позициями государственных кругов в 1939 г. и 1941 г. является тот факт, что теперь правительство готово открыто выступить за содействие Финляндии в войне, в то время как в прошлом эта поддержка оказывалась не так охотно, дабы сохранить нейтралитет. Тем самым правительство Швеции стремилось сместить акценты с грубого нарушения нейтралитета на освещение вопроса о помощи Финляндии в начавшейся войне, однако фактически это было завуалированное проявление прогерманского курса, потому что к лету 1941 г. не оставалось никаких сомнений о том, какую сторону предпочтут финны в борьбе против СССР.

29 июня с речью выступил сам премьер-министр, заверивший, что сделанная уступка не являлась актом капитуляции, и Швеция продолжит свою борьбу в защите свободы [3, с. 243]. И уже не в первый раз шведы упоминают свободу. Скорее всего министры под ней подразумевали освобождение от германского давления на шведскую политику и экономику, но в таком случае речь идет отнюдь не о нейтралитете, а о защите самостоятельности принимаемых Швецией решений.

Таким образом, политическая верхушка не смогла объяснить принятие решения о транзите или хотя бы оправдать его, так как названные ими причины просто не сопоставляются с причинами нарушения нейтралитета.

Тем не менее, германо–шведские переговоры активно продолжались. Главные их вехи представлены «тремя столпами» углубления прогерманского курса шведского нейтралитета — телеграммами из Берлина от 29 июня.

Первая телеграмма касалась установления новой фазы шведско–финских отношений. В ней указано, что Швеция готова предоставить войска, амуницию и продовольственные запасы, а характер помощи определен как «более благоприятный, чем в прошлый раз» (имеется в виду советско–финляндская война 1939–1940 гг.) [7, р. 44]. Слова из речи Гюнтера, произнесенной за несколько дней до сообщения, были документально подтверждены.

Далее в Стокгольм пришла телеграмма с расширенными требованиями об уступках [7, р. 45–48] после дивизии Энгельбрехта. Этот список, переданный через германского дипломата Карла Шнурре, был в значительной степени удовлетворен в ходе последующих переговоров, проведенных отдельно Эриком Бохеманом в начале июля. Они включали разрешение немецким и финским самолетам пролетать над Швецией в аварийной ситуации без риска быть сбитыми, использовать три шведских аэродрома, предназначенных для аварийной посадки, и регулярные перелеты «курьерских самолетов» между Норвегией, Германией и Финляндией [8, р. 75]. Характерен тон таких отчетов летом 1941 г. — немцы не стремятся добиться уступок, они прямо диктуют и ставят шведов перед фактом, причем звучат даже такие пассажи, как пункт 1D: «Никакого интернирования. Никакого генерального соглашения по этому вопросу заключено не было. Его решение (вопроса об интернировании — прим. автора) будет от случая к случаю принято в нашу пользу» [7, р. 45]. Это значит, что в экстренных ситуациях или по мере надобности Германия предпримет необходимые ей меры неукоснительно, даже если они противоречат шведским установкам.

Предметом следующей, третьей телеграммы, посланной в тот же день в Стокгольм, стали пожелания германского военно–морского флота в сторону Швеции, которые также были удовлетворены [7, р. 48–50]. Главным из них стало закладывание шведского минного поля, блокировавшего проход к западу от Аландских островов, в соответствии с «пожеланием» Военно–морского штаба Германии. Оставленная в данном районе брешь была закрыта для военных кораблей всех стран, в том числе и для СССР, что решало одну из первостепенных задач Германии — не дать шведам возможности оказывать помощь главному врагу Берлина. Следующим пунктом стал вопрос о внутренних и внешних территориальных водах Швеции. Германия настояла на том, чтобы

для негерманских и нефинляндских и подводных, и надводных морских сил воды Швеции были заблокированы.

Примечательно здесь, что немцы пытались сохранить вуаль шведского нейтралитета абсолютно ко всем странам, кроме Германии и Финляндии. Отмечено, что вопросы о превышении сроков нахождения германских судов должны решать не по дипломатическим или политическим каналам, а на месте командирами военно-морских сил или комендантами обеих сторон. Из этих сведений видно, что Германии было выгодно сохранять видимость шведского нейтралитета на международной арене, поэтому частные вопросы правительство Германии стремилось решать локально.

Существует и другая причина, почему шведы так легко соглашались на уступки Германии. Корень уступчивости лежит в международной плоскости. Дело в том, что шведы немалое значение придавали отголоскам мировых держав на свою политику, поэтому в случае рассматриваемых нами событий необходимо проследить реакцию главных европейских стран на действия Швеции в конце июня.

Британское правительство, главным образом, беспокоило не нарушение статуса нейтралитета, а угроза расширения германской политики в Швеции до таких пределов, когда страна никак не сможет повлиять на дальнейший ход событий. Гюнтер получил лишь предупреждение о высокой степени риска для Швеции, однако никаких формальных протестов по поводу нейтралитета или контрмер предпринято со стороны Лондона не было. Что касается американского правительства, то оно приняло шведскую точку зрения, которая гласит, что Швеция будет силой оружия противостоять любой военной угрозе, посягающей на нарушение суверенитета и независимости страны. И снова мы не видим никаких возражений о нейтралитете. На первое место опять же ставится свобода государства в целом, а не его невмешательство в военный конфликт. Наконец, высказался и СССР, но тоже в мягкой форме. Это обусловлено страхом Союза вступления Швеции в войну на стороне Германии и Финляндии при оказании давления и критики. Тем не менее, протестная нота все-таки была отправлена 24 июля, где уступки были названы недружественной акцией, которая представляла из себя нарушение нейтралитета [10, р. 60]. Впервые мы видим акцентуацию именно на нейтральную политику, однако нота была смягчена, а советское правительство расшифровало её позже как формальность, которая никак не скажется на советско-шведских отношениях [6, р. 119].

Исходя из вышеперечисленных реакций великих держав, наглядно видно, что несомещение уступок с формальными правилами нейтралитета было для ведущих государств Европы второстепенным вопросом, на первое же место ставилась задача не спровоцировать Швецию включиться в войну на стороне «оси». Именно поэтому швед-

ское правительство в достаточной мере спокойно принимало германский диктат, соглашаясь даже на самые прямые и грубые нарушения.

Период лета 1941 г. для шведского нейтралитета стал испытанием на прочность установленного политического курса, который фактически провалился из-за пестроты взглядов правительства, изоляционизма и игнорирования крупнейших держав ситуации со все новыми уступками Германии.

Список литературы

1. Внешняя политика СССР. Сборник документов. В VI т. Том IV: 1935–июнь 1941 года. / С. А. Лозовский (отв. ред.). М.: Типография издательства «Правда», 1946. 647 с.
2. История Швеции / А. С. Кан (отв. ред.). М.: Наука, 1974. 719 с.
3. Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М.: Наука, 1967. 456 с.
4. Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденборг С. История Швеции / Пер. со швед. Н. С. Плевако. М.: Весь Мир, 2002. 400 с.
5. Чернышева О. В. Швеция в годы Второй мировой войны. Экономика, политика, рабочее движение М.: Наука, 1980. 382 с.
6. Carlgren W. M. Swedish foreign policy during the Second World War. London; Tonbridge: Benn, 1977. 257 p.
7. Documents on German Foreign Policy 1918-1945. XIV vol. Ser. D, vol. XIII. The war years: 1939-1941. Washington, D.C.: U.S. Govt. Print. Off., 1954. 1035 p.
8. Gilmour J. Sweden, the Swastika and Stalin: The Swedish Experience in the Second World War. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 322 p.
9. Joesten J. Phases in Swedish Neutrality // Foreign Affairs. 1945. Vol. 23, No. 2. P. 324–329.
10. Wahlbäck K. The roots of Swedish neutrality. Stockholm: The Swedish Institute, 1986. 80 p.

Титов Денис Николаевич
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
Научный руководитель:
Некрылова Ольга Геннадиевна, канд. ист. наук, доц.

Система высшего образования в советской военной администрации Германии (1945–1949)

The higher education system in soviet military administration of Germany (1945–1949)

Аннотация. После окончания Второй мировой войны территория Германии оказалась в кризисе. Экономика и социальная сфера подверглись разрушению. Важную функцию восстановления Восточной Германии должна была выполнять Советская военная администрация Германии. В данной статье рассмотрен один из аспектов деятельности СВАГ — реформирование системы высшего образования. Делается вывод, что в стране были проведены реформы по образцу СССР.

Ключевые слова: СВАГ; образование; немецкие вузы.

Abstract. After the end of the Second World War, the territory of Germany was in crisis. The economy and the social sphere have been destroyed. An important function of the restoration of East Germany was to be performed by the Soviet Military Administration of Germany. This article discusses one of the aspects of the activities of the SVAG—the reform of the higher education system in East Germany. It is concluded that reforms were carried out in the country on the model of the USSR.

Key words: SVAG; education; German universities.

Окончание Второй мировой войны выдвинуло на первый план проблемы мирного переустройства во всей Европе и прежде всего в Германии. В послевоенные годы многие страны Восточной Европы оказались под контролем со стороны Советского Союза и вошли в сферу его влияния.

6 июня 1945 г. по решению Совета народных комиссаров СССР № 1326/301сс [4, с. 315] в Германии из состава советских оккупационных войск была создана Советская военная администрация (далее — СВАГ) [1, с. 54–63]. Это был высший легитимный законодательный орган оккупационной власти, который действовал в рамках решений Ялтинской конференции и Европейской консультативной комиссии [8, с. 21]. Ее резиденцией была вилла в местечке Карлсхорст на востоке Берлина.

К задачам аппарата СВАГ относилось обеспечение контроля за соблюдением безоговорочной капитуляции Германии, управление советской оккупационной зоной и выполнение решений союзного контрольного совета (далее — СКС) [9, с. 80]. В это время в Германии нахо-

дилось уже около 1 млн. советских солдат [7, с. 33]. Целью СВАГ являлось «осуществление контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции, управление советской зоной оккупации в Германии и проведение в жизнь согласованных решений Контрольного совета по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для Германии» [6, с. 972].

Отдельным и важным аспектом деятельности СВАГ являлась политика в советской зоне в области образования. Стратегически, она теперь должна была выстраиваться по новому образцу. В августе 1945 г. Г. К. Жуков прибыл в Берлин для изучения послевоенной обстановки в побежденной стране. Положение Германии на тот момент было весьма плачевным: многие культурные, образовательные, религиозные учреждения оказались разрушенными. В своих воспоминаниях Жуков писал: «В годы войны мы победили фашизм. Теперь мы должны выиграть борьбу за души немцев» [2, с. 150].

18 октября 1945 г. был принят новый закон об образовании в Германии. Он гласил: «Немецкая демократическая культура должна воспитывать из молодежи самостоятельно мыслящих и обладающих чувством ответственности за свои действия людей, которые способны и готовы целиком поставить себя на службу всего народа. Ее задача, как проводника культуры, состоит в том, чтобы воспитывать молодежь свободной от нацистских и милитаристских взглядов, в духе миролюбивого и дружественного сосуществования народов и подлинной демократии, в духе истинного гуманизма. Культурное воспитание и образование — это принципиальное дело государства» [1, с. 54–63].

Фактически перед органами СВАГ стояла задача: обновление с нуля системы образования в Восточной Германии. Для этого необходимы были новые педагогические кадры и внимание к изучению общественных наук.

Приказ № 50 Главноначальствующего Советской военной администрации маршала Советского Союза Г. К. Жукова от 4 сентября 1945 г. определил порядок возобновления деятельности высших учебных заведений и установил формы контроля Советской военной администрации за их работой. В соответствии с приказом надлежало полностью устранить нацистские доктрины в обучении и воспитании студентов, а также гарантировать подготовку таких кадров, которые были бы способны в будущем внедрять демократические принципы в учебный процесс. Начальнику отдела народного образования СВАГ генерал-майору П. В. Золотухину вменялось в обязанность утверждать руководящий состав, учебные планы и программы вузов, а также контролировать контингент студентов.

15 сентября 1945 г. СВАГ издала приказ № 50 о возобновлении занятий в университетах. При этом все меры обсуждались с немецкими

антифашистскими силами и состоящими в их блоках партиями, соглашались с ними и объявлялись в формах приказов [5, с. 42].

Демократическая общественность Восточной Германии и СВАГ последовательно проводили денацификацию в университетах. Все профессора, ранее состоявшие в нацистской партии, были уволены и лишены права преподавать в университетах [5, с. 44].

Всего с 1946 по 1949 гг. к преподавательской работе в университетах были привлечены более 680 профессоров, которым при нацизме запрещалось преподавать в вузах, а также наиболее талантливые преподаватели средних школ. Однако качественный состав преподавателей еще требовал серьезного улучшения. В. Ульбрихт отмечал, что «к сожалению, состав преподавателей не гарантирует пока прогрессивно-го научного преподавания» [9, с. 252].

Не менее важным вопросом, чем денацификация, являлось положение самих студентов. Их зачислением занимались в советской оккупационной зоне специальные комиссии, действовавшие на основании соответствующего распоряжения начальника управления народного образования от 30 сентября 1945 г. В основном тексте документа отмечалось, что обладатели аттестатов зрелости принимались в вузы без экзаменов. Запрещалось учиться только лицам, отличившимся активной деятельностью в НСДАП или ее подразделениях. Впервые в немецкой истории допускался прием в вузы молодых людей без аттестата зрелости. Перед началом занятий всем студентам предлагалось прослушать двенадцатичасовой «Курс демократического воспитания».

СВАГ располагала значительным количеством фактов, свидетельствующих о настроениях студентов Восточной Германии. Активные антигосударственные и антиоккупационные настроения молодых людей в значительной степени определяли атмосферу высшей школы Восточной Германии. Улучшать социальный состав студенчества путем приема в вузы рабочих с производства было трудно, потому что рабочих с законченным средним образованием было мало, и они были материально обеспечены. Еще труднее было привлечь в вузы крестьян, так как те не направляли детей в университеты и видели в них чуждые, даже враждебные учреждения. По этой причине ближайшим из необходимых мероприятий для формирования нового студенчества было создание благоприятных условий для рабочих и крестьян.

Осенью 1946 г. открылись годовые и двухгодичные курсы. Обучение было бесплатным, учащиеся получали стипендии. Только с 1946 по 1948 гг. на курсах было подготовлено 3500 человек [5, с. 45].

В связи с острой нехваткой учителей истории, математики, химии, физики, русского и немецких языков СВАГ потребовала от НУНО разработать в течение августа 1946 г. план подготовки учителей-предметников. Разработанный план был положен в основу приказа № 48 СВАГ «О мерах по образованию учителей начальной, средней и профессиональ-

ной школ, по переподготовке учителей народных школ и школьных советников». В соответствии с приказом в Восточной Германии открылось еще 88 учительских курсов с более чем 9000 слушателей [6, с. 365].

Демократическая высшая школа по-прежнему формировалась в борьбе с пережитками враждебных элементов. Такие настроения часто были у студентов старших семестров, над которыми еще довели пережитки гитлеровской школы. Реакция боролась против вмешательства органов управления вузов. Она выступала против преподавания марксизма–ленинизма.

В 1948 г. во всех университетах были созданы марксистские семинары для профессоров и преподавателей. Задачей этих семинаров была консолидация всех прогрессивных преподавательских сил вузов. С 1948 г. линия реформ по демократизации системы высшего образования меняет свой вектор и приобретает новые черты. Наблюдается значительный рост коммунистических сил, которые способствуют дальнейшей демократизации народного образования. В документе «План работы Отдела народного образования СВАГ на 1948 г.» говорилось: «Отдел народного образования ставит на 1948 г. следующие основные задачи в области высшего образования: в целях дальнейшей демократизации студенческого состава: а) обеспечить в составе студентов приема 1948 г. не менее 50% лиц из рабочих и крестьян; б) провести чистку студенческого состава вузов от реакционной части на основе данных перерегистрации и проверки выполнения студентами учебного плана; в) с летнего семестра текущего года ввести в университетах обязательный курс «Основы научного социализма»; г) разработать единые для всех университетов программы по педагогике, истории СССР, современной советской литературе, современной немецкой литературе, преподавание указанных курсов по единым программам вести с зимнего семестра 1948/1949 учебного года...» [6, с. 408].

В 1948 г. в вузах советской зоны обучалось около 38 тыс. студентов. Расходы на каждого составляли 4000 марок в год. Несмотря на все трудности учителя продолжали работать в советской зоне, так как их зарплата равнялась около 4100 марок в год [7, с. 233].

Подведем некоторые итоги, касающиеся реформы системы высшего образования в СВАГ. Немецкая экономическая комиссия отметила следующие данные в отчете от 31 марта 1949 г.: «В Советской зоне уже сейчас работают 19 высших учебных заведений против 13 в 1939 г. Более четверти всех учащихся наших вузов — дети рабочих и крестьян. В 1948 г. было выдано стипендий на сумму, в 100 раз превышающую расходы на стипендии в Веймарской республике» [3, с. 143].

Таким образом, необходимо отметить, что итогами деятельности СВАГ в сфере высшего образования можно назвать изменение правовой основы университетов, смену профессорско–преподавательского состава, очищение вузов от нацизма, открытие новых факульте-

тов, введение бесплатного обучения студентов, разработку новых демократических планов и программ и, как следствие, приток в 1949 г. студентов и вузовской интеллигенции в советскую зону оккупации. Проанализировав политику СВАГ в области среднего и высшего образования, можно говорить о том, что в Восточной Германии постепенно вводилась такая же модель образования, как и в СССР, основанная на марксистско-ленинских позициях. Советская военная администрация хотела воспитать немецкую молодежь в духе демократических и социалистических традиций, а образование являлось одним из эффективных способов реализации этой цели.

Список литературы

1. Болдырев Р. Ю. Ситуация в послевоенной Германии в оценках СВАГ / Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28—30 октября 2005 г.): Сборник статей / Под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2007, С. 54–63.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. М: Изд-во агентства печати «Новости», 1983. 327 с.
3. За антифашистскую демократическую Германию: сборник документов 1945-1949 гг. / Г. А. Белов (отв. ред.). М: Политиздат, 1969. 704 с.
4. История Второй мировой войны. 1939-1945: в 12 т. Т. 10: Завершение разгрома фашистской Германии / Н. И. Шеховцев (отв. ред.). М.: Воениздат, 1979. 543 с.
5. Лебедев Л. К. Политика СЕПГ в области культуры (1945-1961): Курс лекций. Л. 1974. 172 с.
6. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты 1945–1949: Сборник документов / под общ. ред. Х. Мёллера, А. О. Чубарьяна. М: РОССПЭН, 2006. 975 с.
7. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М: Рос. полит. энцикл, 1995. 349 с.
8. Советская военная администрация в Германии, 1945-1949. Справочник / Отв. ред.: Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина. М: РОССПЭН, 2009. 1031 с.
9. Ульбрихт В. Избранные статьи и речи / Пер. с нем. М: Госполитиздат, 1961. 747 с.

Зайцева Анастасия Витальевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Сетов Роман Александрович, канд. ист. наук, доц.

**Организация «Молодые американцы за свободу»
в политических баталиях 1964 года в США**
**Organization «Young Americans for Freedom»
in the 1964 presidential election in the USA**

Аннотация. В данной статье автор освящает роль студенческой организации «Молодые американцы за свободу» в президентской кампании республиканца Б. Голдуотера 1964 г., взгляды сенатора на вопросы внутренней и внешней политики, а также его видение места молодого поколения в будущем США. Объединение было создано в 1960 г. на базе идей «нового консерватизма» и стало одной из самых влиятельных консервативных групп во второй половине XX в.

Ключевые слова: студенческая организация; новый консерватизм; Б. Голдуотер, президентские выборы 1964 г.

Abstract. The work deals with the role of the student organization Young Americans for Freedom in the 1964 Republican B. Goldwater's presidential campaign, the senator's views on issues of domestic and foreign policy, and his vision of the young generation's place in the future of the United States. The association was formed in September 1960 on the basis of the ideas of the «new conservatism» and became one of the most influential conservative groups in the second half of the 20th century.

Key words: student organization; new conservatism; B. Goldwater, 1964 presidential election.

В отечественной историографии проблема консервативного движения в 1960-е гг. почти не разрабатывалась. Долгое время в исторической науке существовала тенденция к отождествлению протестов 1960-х гг. исключительно с антивоенными, феминистскими, студенческими выступлениями «новых левых» и движениями в защиту гражданских прав. Существуют труды общего характера, в которых в первую очередь говорится о самой идеологии «нового консерватизма» [1; 2; 3]. Иначе обстоят дела в американской науке. Работы, непосредственно анализирующие деятельность «Молодых американцев за свободу», начали появляться уже на исходе XX в. [5; 10; 13; 14]. Однако повествование в этих исследованиях шло преимущественно в хронологическом ключе: от зарождения в 1960-х гг. до кульминационного момента начала 1980-х гг. к затуханию в начале 1990-х гг.

В 1945 г. в США не существовало четко выраженной и скоординированной интеллектуальной консервативной силы. Постепенно в тече-

ние первого послевоенного десятилетия интеллектуальное движение стало активно генерироваться, ученые приобретали аудиторию, возникали первые дискуссии. В движении выделялись три течения, каждое из которых привнесло что-то свое в общий ход развития идеологии. Первое направление — представители традиционализма, призывавшие к возвращению к традиционным религиозным и этическим абсолютам [7, р. 6]. Второе течение — либертарианцы, которые сопротивлялись угрозе постоянно расширяющегося влияния государства [6, р. 7]. Не менее важным направлением был антикоммунизм [6, р. 6].

После того как был заложен фундамент идеологии «нового консерватизма», на основе этих принципов в 1960 г. при участии молодого поколения была образована организация «Молодые американцы за свободу», избравшая своей целью воплощение этих идей в жизнь. Особенно это важно в контексте того, что существовавшие молодежные организации (в том числе и Молодые Республиканцы) не в полной мере отвечали интересам консервативной молодежи. Молодым консерваторам был необходим политический лидер, который помог бы им превратить их убеждения в конкретные политические действия.

На тот момент Б. Голдуотер был одним из самых известных консервативных деятелей. Действительно, за время своей политической карьеры он прославился как ярый сторонник жесткого консерватизма. Б. Голдуотер считал стремление сохранить и расширить свободу главной задачей республиканской партии [4, р. 13; 5, р. 17]. Так как сенатор был активным политическим деятелем, идеологические установки находили конкретное выражение в его политической программе. Относительно вопроса ограничения власти он говорил о стремлении не принимать законы, а способствовать их отмене [1, с. 23]. Он также выступал против федеральных программ помощи штатам [1, с. 27].

Рассуждая о налоговой политике и экономике, он предложил следующую логическую цепочку: свобода и частная собственность неделимы, поэтому нападение на права собственности можно считать нападением на свободу. В качестве альтернативной политики Б. Голдуотер предлагал сокращение государственных расходов путем отказа от социальных программ [1, с. 68].

Основной задачей внешней политики он считал достижение максимально возможной меры свободы для каждого человека путем уничтожения коммунизма. Б. Голдуотер также писал, что был согласен со справедливостью интеграции афроамериканских детей в общую систему образования, которая предотвратила бы формирование комплекса неполноценности [6, р. 38; 7, р. 42]. Но навязывание общей политической установки нарушало бы 10 поправку Конституции, вело к признанию верховенства людей, а не законов.

Сенатор уделял большое значение вопросу образования. Он признавал решающую роль молодого поколения в вопросах будущего, по-

тому цель образования он видел в качественном воспитании осознанных граждан и будущих лидеров страны [1, с. 87]. Б. Голдуотер считал, что только молодым под силу создать импульс, необходимый для демонстрации консервативного мышления в свете растущего влияния студенческих выступлений [4, р. 15].

Большая популярность и привлекательность личности Б. Голдуотера для «Молодых американцев за свободу» была обусловлена его прямоотой и независимостью. В своих высказываниях он нападал не только на демократов и действующую администрацию, но и на политику умеренных республиканцев [10, р. 19].

В конце 1962 г. в центр внимания политических действий «Молодых американцев за свободу» были помещены усилия по продвижению республиканца в качестве кандидата в президенты на следующих выборах. Отделения распространяли бюллетени с призывами поддержать сенатора, в «Нью Гард» (журнал организации) постоянно печатались статьи, пропагандирующие кандидатуру Б. Голдуотера. На страницах журнала также можно было встретить информацию о предстоящих митингах [11, 06.1963, р. 6.; 11, 10.1963, р. 3, 9, 17, 20; 11, 04.1964, р. 16–17, 19]. Митинги стали распространенной практикой, взятой на вооружение организацией. Главной целью организации была попытка убедить сенатора в необходимости его выступления на выборах [11, 10.1963, р. 9].

В мае 1963 г. был организован комитет «Молодежь за Голдуотера». 23-летний член «Молодых американцев за свободу» Д. Харфф из Северо-Западного университета был назначен национальным председателем организации. Комитет выпускал ежемесячный бюллетень с целью распространения информации о важных событиях компании [11, 10.1963, р. 9]. Несмотря на то, что сенатор все еще воздерживался от принятия официального решения, неофициальная кампания «Молодых американцев за свободу» набирала обороты.

Однако ноябрь 1963 г. нарушил все ожидания. 22 ноября Дж. Кеннеди был застрелен в Далласе Ли Харви Освальдом [12, 22.11.1963, р. 1]. После убийства Дж. Кеннеди прошло время прежде чем Б. Голдуотера убедили выступить против Л. Джонсона. В этот раз национальный председатель «Молодых американцев за свободу» Р. Бауман выступил с обращением к членам организации с призывом писать письма сенатору из Аризоны, чтобы показать, насколько его кандидатура важна молодым консерваторам [11, 12.1963, р. 1–3]. Понимая всю степень ответственности перед молодым поколением, Б. Голдуотер согласился принять участие в выборах и 3 января 1964 г. он официально объявил о своей кандидатуре на пост президента США [11, 12.1963, р. 9].

Поддержка со стороны организации повлияла на фактор интенсивности кампании. Оппонентом Б. Голдуотеру в республикан-

ской партии являлся бизнесмен Н. Рокфеллер, который вложил большое количество средств в свое продвижение. Республиканский съезд в Сан-Франциско летом 1964 г. стал кульминацией кампании «Молодых американцев за свободу» по продвижению Б. Голдуотера. Члены организации приехали со всех концов страны. Консерваторы отвоёвывали должность президента партии у умеренного крыла не без помощи молодого поколения. Став главой Республиканской партии, Б. Голдуотер мог оказывать открытое влияние на тенденции американской политики в двухпартийной системе. Воодушевленные успехом, консервативные студенты чувствовали близость полного триумфа. Следующей задачей должна была стать победа Б. Голдуотера в президентской гонке. Но их планам не суждено было сбыться.

Все внимание было сосредоточено на выборах в республиканской партии, поэтому для участия на всеобщих выборах практически не осуществлялось планирования. Разработанной программы действий на осеннюю кампанию не существовало, но члены «Молодых американцев за свободу» на низовом уровне полностью посвящали себя ежедневной активности по продвижению кандидатуры Б. Голдуотера. Оптимизм и энтузиазм молодежи затмевал реальность.

После ежегодного собрания организации в Нью-Йорке 11 сентября, на котором одной из обсуждаемых тем была поддержка республиканца, «Молодых американцев за свободу» запустили масштабную кампанию по привлечению последователей. Кампания Б. Голдуотера обеспечила приток большого количества новых членов в организацию, которые, в свою очередь, сыграли решающую роль в демонстрации растущей поддержки сенатора из Аризоны. Однако этого было недостаточно для победы. За кандидата от республиканской партии проголосовали лишь 38 % избирателей, что обеспечило ему победу лишь в 6 штатах. Кампания провалилась, а оптимизм молодежи был охлажден реальностью поражения. Однако несмотря на это работа продолжилась. Полученный опыт заложил основу для будущих усилий.

Список литературы

1. Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии, 50–70-е годы. М.: Наука, 1982. 333 с.
2. Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону: из истории Республиканской партии США. М.: Изд-во МГУ, 1984. 287 с.
3. Плеханов С. М. Правый экстремизм и внешняя политика США. М.: Международные отношения, 1986. 261 с.
4. American conservative thought in the twentieth century/ Ed. by W. F. Buckley. Indianapolis: Bobbs-Merril Company, 1970. 554 p.
5. Andrew J. The Other Side of the Sixties: Young Americans for Freedom and the Rise of Conservative Politics. New Brunswick: Rutgers University Press, 1997. 287 p.

6. Goldwater B. The conscience of a conservative. New York: Victor Publishing company, 1960. 127 p.
7. Goldwater B. Where I stand. New York: McGraw-Hill Book company, 1964, 126 p.
8. Goldwater B. Why not victory? A fresh look at American foreign policy. New York: McGraw-Hill Book company, 1962. 201 p.
9. Keeping the Tablets: Modern American conservative thought/ Ed. by W. F. Buckley and C. R. Kesler. New York: Perennial library, 1988. 469 p.
10. Klatch R. A generation divided: the new left, the new right, and the 1960s. Berkeley: University of California Press, 1999. 386 p.
11. New Guard. URL: <https://issuu.com/young.americas.foundation> (дата обращения: 20.10.2021).
12. New York Times. [Official site]. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 20.10.2021).
13. Schneider G. Cadres for conservatism: Young Americans for Freedom and the rise of the contemporary right. New York: New York University Press, 1999. 263 p.
14. Torburn W. Young Americans for freedom: igniting a movement. Reston: Young America's Foundation, 2017. 386 p.

Кривяков Василий Сергеевич
Кемеровский государственный университет
Научный руководитель:
Жаронкина Елена Алексеевна, канд. ист. наук, доц.

Латиноамериканизм или Панамериканизм? Концепции региональной интеграции в Латинской Америке

Latin Americanism or Pan-Americanism? Concepts of regional integration in Latin America.

Аннотация. В данной статье рассматриваются две концепции региональной интеграции на территории Латинской Америки — латиноамериканизм и панамериканизм. Особое внимание уделяется истории их становления, развития и взаимодействия. Рассматривается проблема неравноправного взаимодействия стран региона с США. В статье делается вывод, что, несмотря на конфликтность двух концепций, они способны к сосуществованию и сотрудничеству.

Ключевые слова: панамериканизм; латиноамериканизм; интеграция.

Abstract. The article studies two concepts of regional integration in Latin America – Latin Americanism and Pan Americanism. Particular attention is paid to the history of their formation, development and interaction. The problem of unequal interaction of the countries of the region with the USA is considered. The article concludes that despite the conflicting nature of two concepts, they are capable of coexistence and cooperation.

Key words: Pan Americanism; Latin Americanism; integration.

С момента образования независимых государств в Латинской Америке возник вопрос региональной интеграции. Еще с XIX в. в этом регионе существовало две концепции интеграции — панамериканизм и латиноамериканизм, которые, несмотря на кажущиеся противоречия, всегда взаимодействовали друг с другом. Эти концепции были обусловлены географическим положением стран региона, а главное — близостью одного государства-гегемона в лице США. Во многом именно взаимодействие с США для стран Латинской Америки является определяющим и интеграционные процессы позволяют как углубить взаимодействие с ними, так и дают возможность объединившись строить отношения с США на более равных условиях. Ещё одной немаловажной причиной является популярность в регионе идей Симона Боливара, по проекту которого планировалось создание единого государства на территории бывших испанских колоний в Южной Америке. Вопрос взаимодействия панамериканизма и латиноамериканизма как тенденций региональной интеграции по-прежнему сохраняет актуальность, что наглядно демонстрирует ситуация с созданным Венесуэлой

Боливарианским альянсом для Америк (АЛБА), а также конфликт США и Контадорской группы.

Обе концепции во многом определяют политику стран региона, поэтому представляется важным ответить на вопрос: почему они, несмотря на имеющиеся противоречия, все-таки не просто сосуществуют друг с другом, но и определенным образом взаимодействуют?

Они берут своё начало в XIX в.: латиноамериканизм являлся идейным знаменем национально-освободительного движения в Испанских колониях. В его основе лежит историческая, культурная и языковая общность стран образовавшихся на территории бывших испанских колоний. Данной идеи придерживались лидеры национально-освободительных движений: Симон Боливар, Франсиско де Миранда и многие другие. Особенно смелым был проект, выдвинутый Ф. де Мирандой в 1790 г. о создании единого государства от Миссисипи до мыса Горн [15, р. 18–19]. Однако первые идеи интеграции показали свою несостоятельность: на прошедшем в 1826 г. Панамском конгрессе не удалось договориться ни о создании конфедерации бывших испанских колоний, ни о совместной обороне. Несмотря на то, что отдельные договоры были подписаны, ратифицировала их только Великая Колумбия под руководством Симона Боливара. Но и она по причине внутренних противоречий просуществовала всего несколько лет [5, с. 190–191].

Следующим витком в попытке интеграции стран Латинской Америки является концепция «большой родины» как испаноговорящих стран Латинской Америки. Она не отрицала «малой родины», но призывала государства объединиться для защиты от влияния извне. Главным идеологом этой концепции стал аргентинский писатель и дипломат Мануэль Угартэ [7, с. 131]. Данный проект уже в XXI в. попытался реализовать посредством создания Боливарианского альянса для Америк (исп. *Alianza Bolivariana para las Américas, ALBA*), инициатором создания которого стал президент Венесуэлы Уго Чавес. Главное отличие данного проекта интеграции от прочих — это открытое противостояние влиянию США и попытка снизить зависимость стран альянса от них. В этом видится главная причина неприятия конкретно данного проекта со стороны США, в то время как с прочими альянсами они либо вполне продуктивно сотрудничают, либо нейтрально сосуществуют [11, с. 57].

Свою роль в глобальном латиноамериканизме как линии на обретение латиноамериканскими государствами большей самостоятельности в региональной и мировой политике играет Группа Рио — объединение всех стран Латинской Америки. Она представляет собой консультативный совет по выработке международных и региональных политических позиций государств-членов [14].

Определенную роль играют и различного рода союзы, направленные на экономическую интеграцию: Центральноамериканский

Общий рынок [12], Андское сообщество наций, в рамках которого действует Андский парламент, суд, и с 2005 г. действует безвизовый режим [1], примерно таких же целей придерживается и Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) [2].

Концепция панамериканизма также берёт своё начало в XIX в. с обретением независимости странами Латинской Америки. Первым шагом к её оформлению является т. н. «доктрина Монро» 1823 г. Она включала в себя принцип невмешательства США в дела европейских стран, и объявляла независимые страны, образованные на территории бывших испанских колоний, зоной своих интересов [3]. Тем самым США брали молодые латиноамериканские государства под свою протекцию. Кроме того, большинство борцов за независимость Латинской Америки видели в США идеал для подражания, конституция США была положена в основу конституций вновь образованных государств, что создавало благоприятную почву для дальнейшего развития интеграционных процессов. Идеологи панамериканизма декларировали различие старого европейского монархического пути и нового американского республиканского пути. США также стали гарантом нераспространения колониальной гегемонии стран Старого Света на территорию Америк [6, с. 8–10].

По инициативе США в результате работы первых межамериканских конференций был образован координационный региональный орган: Международное бюро американских республик в Вашингтоне во главе с государственным секретарём США. Его целью являлось усиление экономического взаимодействия стран Латинской Америки с Соединёнными штатами. В 1910 г. на IV Пан-американской конференции Бюро американских республик было преобразовано в Панамериканский союз. Таким образом выразилось стремление США и стран Латинской Америки институционально оформить экономическое и политическое сотрудничество [4, с. 10–12].

Однако вместе с усилением процессов интеграции, США начинают вмешиваться в дела стран Латинской Америки. Так, именно по их инициативе от Колумбии была отделена Панама, США поставили под свой контроль Никарагуа и т. д. Латиноамериканские страны все более скептически начинали относиться к своему покровителю [8, с. 9–10].

В 1947 г. на конференции в Рио-Де-Жанейро был подписан договор об обороне Западного полушария. Таким образом была оформлена региональная система безопасности при определяющей роли США. Главным инструментом контроля США над странами Латинской Америки стала Организация американских государств, чьей целью являлось поддержание мира, совместный ответ на внешнюю агрессию и урегулирование споров между странами-участниками [9]. В первые годы существования отношения внутри организации между странами Латинской Америки и США строились на неравноправной основе, но со

временем ОАГ превратилась в политический форум многостороннего диалога в целях налаживания интеграционных связей и принятия совместных решений в рамках континента [10, с. 94–95].

Соединённые Штаты участвуют и в экономических интеграционных проектах, одним из ярких примеров которых является Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), образованная в 1994 г. и включающая в себя Канаду, США и Мексику [13].

В заключение отметим, что рассмотренные концепции не являются по сути своей взаимоисключающими, так как латиноамериканизм предполагает под собой интеграционные процессы на основе культурной общности и экономической целесообразности. Несмотря на мнение отдельных представителей латиноамериканизма о необходимости противостояния всякому влиянию извне, в большинстве своём латиноамериканские государства готовы к диалогу и сотрудничеству с США. Панамериканизм же в свою очередь ставит главной целью политическое единство в согласии с Вашингтоном: Соединённым Штатам важнее всего иметь безопасный «задний двор», чем соперничать с латиноамериканскими интеграционными проектами. По сути США всегда будут в центре обеих концепций как сильнейшая страна в регионе.

Список литературы

1. Андское сообщество (АС). Аналитический доклад. Сводный департамент зоны свободной торговли (торговой, таможенной, финансовой политики). Исполнительный комитет СНГ URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=662> (дата обращения 02.02.2022).
2. Асуньонский договор. URL: https://studopedia.su/16_6505_soglashenie-o-sozdanii-obshchego-rinka-mezhdu.html (дата обращения 02.02.2022).
3. Доктрина Монро 1823. URL: <https://america-xix.ru/library/monroe-doctrine/> (дата обращения 04.02.2022).
4. Жирнов О. Э. Панамериканская зона свободной торговли: реальность или иллюзия? М.: ИНИОН РАН, 2000. 58 с.
5. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / Н. М. Лавров (отв. ред.). М.: Наука, 1991. 518 с.
6. Мартынов Б. Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI в.): Учебник. М.: Аспект Пресс, 2019. 320 с.
7. Прохоренко И. Л. Латинская Америка: опыт структурирования транснациональных политических пространств // Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 124–154.
8. Рохас С. М. Влияние США на политику Латинской Америки // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2021. № 6–7 (75). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/12058> (дата обращения 06.02.2022).

9. Устав ОАГ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902051> (дата обращения 05.02.2022).

10. Хадорич Л. В., Хейфец В. Л. Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 4 С. 90–100.

11. Чеботарев Ю. А. Динамический баланс региональных подсистем Западного полушария: панамериканизм и латиноамериканизм // *Международные отношения*. 2018. № 2. С. 50–59.

12. General treaty on Central American economic integration between Guatemala, El Salvador, Honduras and Nicaragua signed at Managua, on 13 December 1960. URL: <http://www.sice.oas.org/trade/camertoc.asp#foot> (дата обращения 02.02.2022).

13. North American Free Trade Agreement, 1992 Oct. 7 Table of Contents. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/89/pg89.html> (дата обращения 28.10.2021).

14. Objetivos del Grupo de Rio. URL: <http://s017.sela.org/celac/quienes-somos/antecedentes/grupo-de-rio/objetivos/> (дата обращения 25.10.2021).

15. Pensamiento Politico de la emancipacion 1790-1825. URL: <https://archive.org/details/LatinoamericaPensamientoPoliticoDeLaEmancipacion1790-1825/page/n1/mode/2up> (дата обращения 02.02.2022).

VI. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

Смирнов Сержук Николаевич

Белорусский государственный университет

Научный руководитель:

Малюгин Олег Иванович, канд. ист. наук, доц.

Римские историки о религиозной политике Септимия Севера

Roman historians on the religious policy of Septimius Severus

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей и характера религиозной политики Септимия Севера в освещении римских историков Диона Кассия, Геродиана, а также сборника биографий римских императоров. Данные свидетельства позволяют выявить взаимосвязь синкретизма и традиций в религиозной политике основателя династии Северов.

Ключевые слова: Римская империя; религиозная политика; Септимий Север; римские историки.

Abstract. This article examines the features and nature of the religious policy of Septimius Severus in the coverage of the Roman historians Dion Cassius, Herodian, as well as a collection of biographies of the Roman emperors. These evidences make it possible to reveal the relationship between syncretism and traditions in the religious policy of the founder of the Severan dynasty.

Key words: Roman Empire; Religious Politics; Septimius Severus; Roman Historians.

В мировой исторической науке давно утвердился подход, который рассматривал историю религиозной жизни Римской империи рубежа II–III вв., как период широкого распространения религиозного синкретизма и ориентализации римской религии. Данный подход получил обоснование в работе Ф. Кюмона, который характеризовал эпоху династии Северов как время упадка римской религии и роста популярности мистических культов [4, с. 251–252; 13, р. 203]. Классический подход объективно не отражает сложную картину религиозной ситуации в Римской империи III в. н. э., которая представляла собой сочетание и взаимосвязь религиозного синкретизма и традиционализма.

Данная статья посвящена рассмотрению религиозной политики Септимия Севера через призму свидетельств римских историков Диона Кассия [3], Геродиана [2], а также сборника биографии римских императоров (SHA — *Scriptores Historiae Augustae*) [1]. Эти свидетельства позволяют определить особенности политики Септимия Севера в сфере религии и охарактеризовать ответную реакцию политической элиты Древнего Рима на действия римского императора. Также имеется воз-

возможность судить о сущности взаимодействия синкретизма и традиции в религиозной пропаганде основателя династии Северов.

Римский историк Дион Кассий дает описание нескольких моментов, которые позволяют выяснить характер религиозной политики римского императора. В начале своего правления Септимий Север воздвигнул храм в честь умершего императора Пертинкса (Cass. Dio LXXV 4. 1, пер. А. В. Махлаюка). Новый император Рима организовал торжественное погребение и обожествление Пертинакса, в честь которого также учредил жреческую коллегию (Cass. Dio LXXV 4–5, SHA Pert., XV 1–5., Sev., VII 8–9, пер. С. Н. Кондратьева). Историк Геродиан упоминает, что вскоре после своего вступления в Рим Септимий Север совершил жертвоприношение Юпитеру Капитолийскому, а также принял имя Пертинакса от римского сената (Herod., II 14. 2–4, пер. А. И. Доватура). Данные свидетельства римских историков отражают значимость традиций римской религии в политике Септимия Севера, а также позитивную реакцию римской элиты на действия императора. Но последующие события указывают на неоднозначность отношений между сенатом и римским императором. Дион Кассий описывает удивление римских сенаторов, когда Септимий Север объявил себя сыном Марка Аврелия и братом Коммода, который затем получил божественный статус (Cass. Dio LXXVI 7. 4). Е. М. Штаерман верно указывает, что обожествление Пертинакса и Коммода отражает политические маневры Септимия Севера. Император искал поддержки у римского сената в борьбе против Песцения Нигера и Клодия Альбина, а после своей победы в гражданской войне продолжил политическую линию Коммода в отношении сената [5, с. 333]. Обожествление умерших императоров Пертинакса и Коммода было целенаправленным шагом Септимия Севера по укреплению престижа и священности императорской власти. Религиозная политика императора формировала пропагандистский образ новой династии, которая после гражданской войны восстанавливает порядок и мир, а также имеет политическую преемственность с династией Антонинов.

Согласно Геродиану, Септимий Север провел вековые или секулярные игры (*ludi saeculares*), во время которых совершались различные священнодействия и ночные мистерии (Herod., III 8. 9). Дион Кассий не упоминает данное событие, а дает лишь описание празднеств в честь десятилетия правления Септимия в 202 г. (Cass. Dio LXXVII 1. 1–5). Современные исследователи Э. Скот и С. Даннинг объясняют это тем, что Дион Кассий специально рассматривает события 202 г. и секулярные игры как одно целое в политической пропаганде Септимия Севера [8, р. 104–105; 15]. Римский историк хотел продемонстрировать мнимость политических успехов римского императора и его расточительство [15].

Acta Severiana — эпитафический памятник, в котором описывается подготовка и проведение секулярных игр в 204 г., позволяет судить о важности данного религиозного и политического мероприятия для династии Северов [7, р. 287–338]. Согласно Acta severiana, император и его сыновья, а также Юлия Домна участвовали в организации и проведении секулярных игр [14, р. 41–63]. Геродиан упоминает о глашатаях, которые приглашали принять участие в праздновании игр жителей Рима и Италии (Herod., III 8. 9). Возможно, что секулярные игры 204 г. н. э. могли носить общеимперский характер. Хотя участие жителей других провинций в *Ludi saeculares* требует подтверждения данными эпитафики. Секулярные игры преследовали цель демонстрации политического и религиозного единства империи под руководством божественной семьи императора (*domus divina*). Они играли важную роль в утверждении культа императора и его семьи.

Торжество секулярных игр происходило в конце мая и в начале июня, согласно Acta Severiana [14, р. 63–89]. Первые ритуалы проводились на Марсовом поле в ночь 31 мая на 1 июня, во время которых император, его сыновья, коллегия квиндецемвиров (*quindecemviri sacris*) и весталки приняли участие в вступительной молитве за благополучие Рима (Acta Severiana 121–122) [7, р. 305]. После этого были совершены жертвоприношения в честь греческих Мойр (Acta Severiana 138). Потом последовали театральные представления и ритуальная трапеза 110 римских матрон, которых возглавила Юлия Домна, в честь богинь Дианы и Юноны (Acta Severiana 178–179) [7, р. 311]. Ритуалы первой ночи торжества были направлены на обеспечения безопасности Рима. Они демонстрировали, что император и его семья возглавляют римскую общину перед богами. Следующие ритуалы первого дня празднества были посвящены верховному богу Рима — Юпитеру Капитолийскому, которому Септимий Север совершил жертвоприношение (Acta Severiana 157–163) [7, р. 309]. Главным божеством второго дня секулярных игр являлась богиня Юнона. Септимий Север, его сыновья и коллегия квиденцемвиров совершили жертвоприношения Юноне и Юпитеру (Acta Severiana 180–181) [7, р. 311]. Затем в Капитолийском храме Юлия Домна, римские матроны и весталки молились богине за благополучие Рима (Acta Severiana 184) [7, р. 313]. Третий день секулярных игр был посвящен римской богине земли Теллус, Аполлону и Диане (Acta Severiana 225, 231–233) [7, р. 321–323]. Завершали торжество секулярных игр ритуальная песня (*Carmen saeculare*) и троянские игры [14, р. 140–165]. Acta Severiana указывает на значительную роль Либерал и Геракла в секулярных играх 204 г. Культ этих богов в римской Африке сближался с почитанием местных пунических божеств [6, р. 146–155]. Дион Кассий также упоминает о строительстве большого храма Либерал и Геракла (Cass. Dio LXXVII 16. 3).

Сочетание религиозного синкретизма и римских традиций заметно в религиозной и политической пропаганде Септимия Севера. На монетах этого императора присутствуют изображения не только традиционных римских богов, но встречаются изображения египетской Исиды, а также *Dea Caelestis*, римской адаптации пунической Танит (RIC. IV. I. Septimius Severus. № 25, 27a, 33–35, 49, 193, 272, 570, 577) [12, p. 319–366; 16]. Римские историки описывают симпатии Септимия Севера к богам из восточных провинций империи. Г. Хальсберг отмечает, что во время правления основателя династии Северов в Риме была учреждена жреческая коллегия солярного бога Эмессы, которая затем приняла участие в религиозной реформе императора Элагабала [10, p. 77]. Эпиграфический материал упоминает жреца данной коллегии Юлия Бальбила (CIL VI, 1027; 2270) [9]. Вероятно, данная жреческая коллегия могла возникнуть из-за влияния Юлии Домны, которая происходила из семьи верховных жрецов Эмессы [11, p. 6–23]. Дион Кассий упоминает уважение и внимание Септимия Севера культу апамейского Баала или Бела (Cass. Dio LXXIX 6. 5). Также император почитал египетского Сераписа (SHA Sev., XVII 4).

Религиозная политика Септимия Севера в освещении римских историков предстает перед нами как комплекс мер, который был направлен на укрепление престижа новой династии после гражданской войны, на подчеркивание преемственности Северов с династией Антонинов. Данная политика демонстрировала, что император и его семья уважают традиции римской религии. Римские традиции консолидировали жителей империи под властью императорской семьи. Семья императора являлась посредником между богами и Римом и через ритуалы секулярных игр стремилась гарантировать безопасность и порядок в империи. Римские историки замечали благосклонность династии Северов к восточным божествам, но данные предпочтения не вызывали у них негативной реакции, которую получила религиозная реформа императора Элагабала. Главная особенность религиозной политики Септимия Севера – это прагматический баланс между религиозным традиционализмом и синкретизмом в Римской империи. Император демонстрировал почитание традиционных богов Рима, уделял внимание восточным культам, а также поддерживал культ обоженных императоров. Он не мог игнорировать расширение религиозного синкретизма в духовной культуре империи, но также замечал консервативные настроения римской политической элиты. Поэтому сочетание традиции и синкретизма в религиозной политике позволяло укрепить престиж династии Северов.

Список литературы

1. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. с лат. С. П. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура. СПб.: Алетейя, 384 с.

2. Геродиан. История императорской власти после Марка / пер. с древнегреч. А. И. Доватура. СПб.: Алетейя, 1995. 289 с.
3. Кассий Дион. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюк. СПб: Филфак СПбГУ, 2011. 456 с.
4. Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. с франц. А. П. Савиной. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.
5. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: АН СССР, 1957. 511 с.
6. Birley A. R. Septimius Severus. The African Emperor. London: Routledge, 2002. 321 p.
7. Die Inschriften zu den Ludi saeculares. Acta ludorum saecularium / under mitarbeit B. Schnegg, W. Schneider-Lastin, F. Chausson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. 537 p.
8. Dunnig S. Roman Ludi saeculares from the Republic to Empire. Toronto: University of Toronto, 2016. 209 p.
9. Epigraphik-Datebank [risorsa elettronica] — Modalità d'accesso: <http://www.manfredclaus.de/gb/index.html> (Data d'accesso: 01.11.2021).
10. Halsberge G. H. The cult of Sol Invictus. Leiden: Brill, 1972. 192 p.
11. Levick B. Julia Domna. Syrian Empress. New York: Routledge, 2007. 285 p.
12. Lichtenberger A. Severus Pius Augustus. Leiden, Boston: Brill, 2011. 593 p.
13. Momigliano A. Manuale di storia romana / a cura di A. Mastrocinque. Torina: UTET, 2011. 286 p.
14. Rantala J. The Ludi saeculares of Septimius Severus. The ideologies of a new Roman Empire. New York: Routledge, 2017. 220 p.
15. Scott A. G. Cassius Dio on Septimius Severus' decennalia and Ludi saeculares // *Histos*. 2017. № 11. P. 154 – 161.
16. The Roman Imperial Coinage (RIC): in 10 v. / ed. H Mattingly. London: Spink&Son, 1936. Vol. IV. Part 1. 428 p.

Леонтьев Егор Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Пантелеев Алексей Дмитриевич, канд. ист. наук, доц.

Образ «Другого» и определение христианской идентичности в работах Юстина и Татиана

The image of the «Other» and the definition of Christian identity in the works of Justin Martyr and Tatian the Syrian

Аннотация. II–III вв. стали периодом, когда христиане активно определяли и перестраивали собственную идентичность. Работы Юстина Философа и Татиана Сирийца сыграли большую роль в складывании собственного христианского дискурса и определения христианской идентичности. На основе конструктивистской методологии мы рассмотрим, как христианские авторы встраивали в христианский дискурс достижения греко-римской философии и исключали из него элементы иудейской религиозности.

Ключевые слова: Христианство; христианская идентичность; Юстин; Татиан.

Abstract. The II–III centuries became a period when Christians actively defined and rebuilt their own identity. This was facilitated by: 1) periodic persecution by the authorities and the masses; 2) the lack of a clear canon; 3) intensive interaction with the Greco-Roman education; 4) the final separation of Christianity from Judaism. The works of Justin the Philosopher and Tatiana the Syrian played a major role in shaping their own Christian discourse and defining Christian identity. Based on the constructivist methodology, we will consider how Christian authors embedded the achievements of Greco-Roman philosophy into Christian discourse and excluded elements of Jewish religiosity from it.

Key words: Christianity; Christian identity; Justin; Tatian.

Важным механизмом формирования идентичности является актуализация оппозиции между «своими» и «чужими». Осознание своего единства («мы») сразу же ставит вопрос, чем отличаются другие («они») и почему они исключены из нашей общности. И наоборот, использование образа «другого» служит для определения себя. Также конструированию коллективной идентичности служит апелляция к «общему прошлому». «Родство» и «происхождение» часто демонстрируются в качестве символов постоянства и долговечности, что подразумевает уходящее в древность устойчивое единство. Это позволяет сконструировать новую общность, переформатировать ее или же обеспечить стабильность уже существующему коллективу. Для рассмотрения этого феномена более конкретно мы обратимся к произведениям Юстина («Диалог с Трифоном иудеем», «Первая Апология») и Татиана («Речь против эллинов»).

Так, Юстин родился около 100 г. в Сирии Палестинской, в г. Флавия Неаполь. Его родители были язычники, вероятно из греческих или римских колонистов, а сам он был необрезанным (Just. Dial. 28). О себе Юстин пишет, что он прошел через школу стоиков, перипатетиков, пифагорейцев, платоников (Just. Dial. 2), и только затем он обратился в христианство. Реальным или скорее мнимым собеседником Юстиана «Диалоге с Трифоном иудеем» является эллинизированный иудей. Потому Юстин для опровержения его взглядов обращается только к греческой философии и иудейскому закону. Хотя Юстин явно заимствует аргументацию других христианских авторов (например, Павла), он нигде не цитирует их, всегда ссылаясь на ветхозаветное наследие [2, с. 32–36].

На первый взгляд в «Диалоге» мы обнаруживаем яркое противопоставление: «мы» (христиане-язычники) и «они» (иудеи) (Just. Dial. 41). И действительно, Юстин определяет христиан как народ отличный от евреев и как народ, который лучше понимает Писание. Однако случай Юстина несколько отличен от простого противопоставления «мы» / «они». Он использует и видоизменяет элементы иудейской идентичности для формирования христианской идентичности. Через фигуру Трифона Юстин демонстрирует, что от христиан требуют иудеи — обрезания и соблюдения субботы (Just. Dial. 8). В ответ Юстин пишет, что физическое обрезание было дано иудеям «... как знак, которым вы [евреи] были бы отделены от других народов и от нас [христиан]» (Just. Dial. 16). Более того, Юстин пишет, что обрезание и суббота были даны иудеям в связи с массовым идолопоклонничеством (Just. Dial. 19, 46). Таким образом, Юстин утверждает, что суббота и обрезание являются свидетельством религиозной слабости иудеев.

Затем Юстин пересаживает иудейскую концепцию обрезания на христианскую почву. Он пишет, что «уже нужно второе [духовное] обрезание, а вы много думаете о своем обрезании по плоти» (Just. Dial. 12). Апеллируя к духовному обрезанию в противовес плотскому, Юстин отсылается к тому, Авраам «будучи еще в необрезании, был оправдан и получил благословение за веру, которую имел к Богу» (Just. Dial. 23). Так и христиане, приняв Иисуса (как залог от идолопоклонничества и свидетельство «духовного обрезания» или «обрезания сердца»), не обязаны соблюдать физическое обрезание и субботу (Just. Dial. 43, 113). Таким образом, Юстин превращает Авраама прежде всего в предка христиан из язычников. Перерабатывая ветхозаветное писание, Юстин обозначает дистанцию между христианами и иудеями, говорит о большей набожности и праведности христиан, что позволяет ему заявить, что «мы [христиане] — истинный духовный Израиль и род Иуды, Иакова, Исаака и Авраама» (Just. Dial. 69).

Теперь мы рассмотрим, как Юстин обращается к эллинистической традиции. По его мнению, закон Моисея более древний, чем греческая мифология, а последняя по сути представляет из себя искаже-

ние иудейского закона (Just. Dial. 69). В Первой апологии он утверждает, что Христос есть Слово «коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами — Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров — Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие» (Just. 1 Apol. 46). Таким образом, Юстин не разделяет иудейскую и греческую культуры — для него они обе произошли от откровения Моисея.

Далее мы обратимся к личности Татиана. Он родился около 120 г. в языческой семье и был уроженцем «Ассирийской земли» (Tatian. Or. 42). Татиана можно причислить к представителям Второй Софистики. На его эллинскую образованность указывает Евсевий: «Татиан, который в молодости был софистом, занимался греческими науками, приобрел тут немалую славу» (Euseb. Hist. Eccl. 4. 16. 7). По его собственному заявлению, он «весьма славился» в языческой мудрости и «сам занимался в качестве софиста вашими науками, изучал искусства и различные изобретения» (Tatian. Or. 35). Также Татиан сообщает, что он был посвящен в греческие мистерии (Tatian. Or. 29). В Риме он знакомится с Юстином Философом и становится его учеником.

Определяя жанр «Речи против эллинов», мы остановимся на точке зрения Майкла Макги. Он пишет, что такие признаки, как бранная речь, едкий сарказм над другими философами, ссылки на неизвестные публике идеи и предложение ответить на образовавшиеся вопросы характерно только для протептика [6, p. 152]. В «Речи» отсутствуют такие характерные для христианских текстов понятия, как «Иисус», «Церковь», «Спаситель» и т. д., также отсутствуют любые упоминания о чудесах. Эти термины могли отпугивать потенциальных учеников, и потому Татиан их сознательно не использует. Вполне вероятно, что Татиан, возвращенный на греческой культуре и привыкший к философским школам, рассматривал христианство в первую очередь как философию.

От Юстина Татиан перенял многое — оба автора скрыто от читателя переосмысливают в своих работах Послание Павла к Римлянам, где язычники предпочитают более, чем иудеи. Вполне вероятно, что именно от Юстина Татиан унаследовал установку о том, что откровение Моисея является более древним, чем греческая философия и мифология (Tatian. Or. 31). Оба автора демонстрируют колоссальные знания греческой философии и мифологии, однако они по-разному актуализируют их в своих работах.

Татиан деконструирует греческую идентичность, обращаясь к греческому языку, эллинской риторике, философии, мифологии и искусству. Он пишет, что греческого языка, как такого вовсе и нет, есть только смешение различных наречий, и уже один этот факт не позволяет сказать, кто же является эллином (Tatian. Or. 1, 26). Риторов Татиан

сравнивает с воронами, а их искусство с «карканьем» с целью заработать золотые монеты (Tatian. Or. 1) (что примечательно, «карканьем» обычно именно греческие авторы называли варварские наречия). Он обвиняет греческих философов в раболепстве и корыстолюбии, тщеславии и избалованности (Tatian. Or. 1, 3, 19, 25). Помимо того, греческие философы погрязли в собственных противоречиях и распрях между собою (Tatian. Or. 3). Почетные греческие женщины распутны, а их статуи увековечивают распутство в истории (Tatian. Or. 31). Для того чтобы получить почетный венец, атлеты побуждаются распорядителями игр «не к прекрасному подвигу, но к тому, чтобы затеять спор и ссору», а гладиаторы под пристальным вниманием зрителей до смерти сражаются без всякой на то причины (Tatian. Or. 23). Греческие же боги, по Татиану, представляют из себя безумных «демонов» (Tatian. Or. 9), они «любят дары и сердятся, если не получают их» (Tatian. Or. 10). Они своевольно распоряжаются судьбой (Tatian. Or. 11), проводят время в любовных похождениях (Tatian. Or. 1) и наслаждаются «человеческою кровию и человекоубийцами» (Tatian. Or. 29). Потому они недостойны поклонения и уважения (Tatian. Or. 10).

В ответ Татиан противопоставляет варварскую (христианскую) идею единого и общего для всех образа жизни (Tatian. Or. 28). «Варварские книги» (писание Моисея) превосходят эллинистические учения в «простоте их речи, безыскусственности писателей, удобопонятности объяснения всего творения, предвидению будущего, превосходству правил и, наконец, по учению о едином Властителе над всем» (Tatian. Or. 29). Таким образом, форма изложения предполагает внешне (!) четкое разделение на своих («мы») и отличных от нас («других»).

Однако фактически разделения между «нами» (христианами, варварами, хорошими) и «ими» (эллинами, плохими) нет. Подобно Юстину Татиан пишет, что именно благодаря варварам греки обрели мудрость и владение искусствами (Tatian. Or. 1). В то же время греческое общество создавало фигуры достойные уважения — Сократ, Геркулес (Tatian. Or. 3). Так как фигура Моисея является более древней, чем Гомер или же его предшественники, то эллины заимствовали и переделывали писание Моисея (Tatian. Or. 31, 36, 40). Это утверждение позволяет Татиану включить в христианский дискурс отдельные достижения греческой мысли под условным знаком «варварства» (христианства). Сам Татиан превозносит «варварство» (христианство), находясь в матрице греческой пайдеи. Татиан не отрицает греческое общество как таковое. Он готов платить налоги, служить и повиноваться правителю (Tatian. Or. 4). Татиан отвергает, на его взгляд, большую часть общества и предлагает грекам лекарство от этой болезни — христианство. Таким образом, Татиан, отличаясь от Юстина методом изложения и по-

вестования, приходит к похожему результату — переформатированию христианской идентичности и включению в нее греческих элементов.

Таким образом, мы видим, как Юстин и Татиан, выстраивая образ «Другого», внешне акцентируя внимание на оппозиции «мы» / «они», обращаясь к «общему прошлому», изменяют христианскую идентичность.

Список литературы

1. Евсевий Кесарийский. Церковная история. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/ (дата обращения: 04.11.2021).
2. Зуева Е. В. Ветхозаветные цитаты в структуре «Диалога с Трифоном иудеем» св. Юстина Философа // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия, 2008. Вып. 2 (22). С. 28–44.
3. Татиан. Речь против эллинов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tatian/protiv_ellinov/ (дата обращения: 04.11.2021).
4. Юстин Филосов. Разговор с Трифоном иудеем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/s_trifonom/ (дата обращения: 04.11.2021).
5. Юстин Философ. Первая Апология. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/apologia/#0_1 (дата обращения: 04.11.2021).
6. McGehee M. Why Tatian Never «Apologized» To The Greeks // Journal of Early Christian Studies. 1993. Vol. 1. № 2. P. 143–158.

Непряхин Иван Юрьевич
НИУ «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Дмитриев Михаил Владимирович, д-р ист. наук, проф.

**Два рассказа об Инквизиции в русской книжности:
о методах борьбы с еретиками в православной культуре**

**Two stories about the Inquisition in Russian literacy:
about methods of struggle against heretics in Orthodox culture**

Аннотация. В статье анализируются два рассказа об Инквизиции в русской книжности. Автор обращает внимание, что в православной культуре выражались симпатии по отношению к инквизиционным практикам, но выработки института подобного католическому не произошло. На основе двух рассказов и дополнительных источников делается вывод о стремлении православных церковников скорее вернуть отступников в лоно церкви, нежели их уничтожить.

Ключевые слова: ереси; Инквизиция; православие.

Abstract. The article analyzes two stories about the Inquisition in Russian literacy. The author draws attention to the fact that in the Orthodox culture sympathy was expressed in relation to the inquisitional practices, but the development of an institution similar to the Catholic did not happen. On the basis of two stories and additional sources, it is concluded that the Orthodox clergy are striving to return the apostates to the bosom of the church rather than destroy them.

Key words: heresies; Inquisition; Orthodoxy.

Вехой в истории средневековой религиозности являются ереси, проявлявшиеся в разных уголках Европы. Они, став протестом против церкви, всегда вызывали реакцию ортодоксов, стремившихся подавить подобные восстания. Как известно, еретические движения возникали и на Руси, но в православном мире не сложилось института, аналогичного Инквизиции. В связи с этим возникает вопрос — с чем связано такое различие, что противопоставляли русские церковнослужители еретикам? Помочь ответить на вопрос может сравнение двух «рассказов» об Инквизиции в русской книжности, которые показывают отношение православия к практикам дознания, обличения в ереси и вынесения приговора. Мы не будем обращаться к сущностям ересей, но обратим внимание на то, как с ними боролись на Руси.

Во-первых, это «Речи посла цесарева» 1490 г., впервые опубликованные А. Д. Седельниковым [14, с. 49–50]. Они представляют собой пересказ слов Георгия Делятора [14, с. 51]. В «Речах» говорится о «шпанском короле», который «с папными бискоуп[ы] того лиха обыскивати ... да их [еретиков] казнили многыми казнми и многыми ранами да и

сожгли» [14, с. 49]. Рассказ описывает процесс поиска и дознания еретиков, говорит о непоколебимости короля в этом деле, автор отмечает: «а слава деи и хвала того шпанского короля пошла по всѣм землям по латиньской вѣрѣ, что на лихих крѣпко стоит» [14, с. 50]. К сообщению примыкает послание архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме, в котором он говорит: «Ано фрязовее по своей вере какову крепость держат! Сказывал ми посол цесарев про шпанского короля, как он свою очистил землю! И аз с теѣ речей и список к тебе послал» [2, с. 378]. В этих источниках видна положительная характеристика деятельности инквизиторов — Геннадий пишет: «И ты бы, господине, великому князю о том пристойно говорил» [2, с. 378]. На основании приведенных источников видно отношение Геннадия к практикам сыска и дознания еретиков — он допускает инквизиционные методы, но что-то мешает ему прямо приступить к ним.

Обратимся же теперь к другому известию об Инквизиции. Вторым примером станет сообщение анонимного книжника XVI в. из Киевской митрополии о процессе против Яна Гуса. Это известие содержится в 2-х сборниках: первый — рукопись № 840 1550–1560-х гг. из Погодинского собрания РНБ, второй — рукопись № 228 1580-х гг. из собрания Зональной научной библиотеки СГУ. В них содержится полемика на «ересь гусов». Рассказывая о борьбе с гуситами католиками, автор пишет: «И яко оуслыша о них [еретиках] крал Жигимонтъ, събра воиски, поиде на них ... съ великою нждею разбѣи их. Да Ёоныша ... добжде и съжеже его. И прочѣи, елици быша началници томоу ересѣ, и съмиришася, и обратишася ... и побѣждаеми соут за свои ересь, и от страха прочѣим латином да их не съжжют огнем, понеже латини, нигдѣ обрящѣт боуди коего гѣса, не истязают его Писанѣем, въ что вѣржет, якоже мы, христьяне, съ Святым Писанѣем хощем их побѣдити и обратити ко полезному и не блазномуу поути, ну тоу их предадят огню, и огнем их стязают и иссѣшают, а не Ветхим и Новым Писанѣем, якоже мы. И поистеннѣ добре творят латини, и что потребуует бльшаа истязанѣа и прѣ съ таковыми прелщеными человеци, подобно же якоже бѣсному псоу» [11, л. 119 об.–121; 12, л. 208 об.–209]. В сообщении читается положительное отношение к Инквизиции, но отмечается, что православные в борьбе с еретиками применяют другие методы — они «поучают» вольнодумцев, но не преследуют и уничтожают их.

Итак, мы на двух примерах можем увидеть отношение книжников к методам борьбы с ересью — они видят в католическом примере хороший образец, но не могут применить его. Чтобы лучше понять причины такой ситуации, обратим внимание на «традиции» борьбы с еретиками на Руси.

Одним из примеров борьбы с еретиками стала расправа над стригильниками в 1375 г., когда новгородцы сбросили их в Волхов [13, с. 24]. Кажется, перед нами первый пример «устранения» еретиков церко-

вью. Но как показала О. В. Кузьмина, казнь стригольников имеет светский характер: решение о сбрасывании в Волхов принималось на вече или становилось итогом стихийного восстания. Кроме того, расправа не была результатом санкции архиепископа [5, с. 174]. Действительно, характер казни, а также отсутствие указаний на проведение следствия против еретиков показывают, что расправа не результат «православной Инквизиции». Кроме того, обратим внимание на слова противников ереси: митрополит Фотий писал во Псков: «удаляйте себе от тех в ястии и питии, и казньми (толико не смертными, но внешними казньми и заточении)» [2, с. 254]; а Стефан Пермский указывал: «А кто по стригольнической ереси начнет священников осужати, не токмо неподобно их послушати, но и от града згоже отгнати их» [2, с. 243]. На примере со стригольниками мы видим, что обличители не стремились уничтожить вольнодумцев, но пытались осудить их.

Иной пример — дело в Твери епископа Евфимия Висленя, обвиненного в 1390 г. в инакомыслии. Как говорит летопись, после жалоб на Висленя, тверским князем Михаилом Александровичем и митрополитом Киприаном был созван собор, на котором епископ был низложен и отвезен в Чудов монастырь [13, с. 125]. Как отметил А. И. Клибанов, собор в Твери был необычным — на нем были греческие митрополиты, что было сделано для усиления собора [4, с. 245–246]. Но при этом, несмотря на обвинения, епископ не был подвержен физическим наказаниям, лишь вывезен в монастырь.

Более серьезные обвинения в 1390-х гг. были выдвинуты против Маркиана, призывавшего бороться с иконопочитанием. С ним в прения вступил епископ Иаков Ростовский, который низложил и изгнал еретика [10, с. 6–7]. А. И. Клибанов, характеризуя Маркиана, отметил, что его идеи были враждебны церкви. Тем не менее, карой против еретика стало изгнание [3, с. 164–166].

На ряде примеров мы видим, что до XV–XVI вв. на Руси не сложилось практики, а тем более традиции, «инквизиционных процессов», сами противники еретиков призывали к не-смертной «казни» вольнодумцев. Кроме того, церковь на Руси не могла заимствовать какой-либо практики из византийского мира, поскольку там не сложилось системы борьбы с ересью [15, р. 154].

Но мы имеем важный для нашей темы сюжет — собор 1504 г. против «жидовствующих», по итогам которого были сожжены члены движения (одному из них даже вырвали язык) [7, с. 43–45]. Хотя в 1490 г. также проводился собор против «жидовствующих», но осужденных отлучили из сана и сослали в монастыри [6, с. 132–133]. Что могло стать причиной перемен по отношению к еретикам? В этом вопросе вновь обратимся к рассказу об Инквизиции в Испании и посланию Геннадия. Как мы могли увидеть, Геннадий настаивал на знакомстве Ивана III с практиками «шпанского» короля. Действительно, в его гла-

зах пример следует черпать не из византийских или балканских образцов, а именно из католических. Выходит, что применение смертной казни к еретикам является трансляцией западноевропейского инквизиционного опыта, а не попыткой выработать собственные «институты», отчего собор 1504 г. скорее представляется казусом, нежели проявлением традиции. Как отметила Г. Зеленина, испанский пример был удобен для церкви, нуждавшейся в поддержке светской власти в лице Ивана III [1, с. 124]. Кроме того, как писал Ч. де Микелис, «инквизиторская культура «импортируется» на Русь (посредством Юрия Делятора) вместе с «инструкцией по применению» [9, с. 156].

В подтверждение того, что «инквизиционная культура» никак не возникла самостоятельно в русской православной среде, мы хотели бы обратить внимание на особенности православия. Во-первых, это наблюдение Я. С. Лурье о целях создания «Геннадиевской Библии» — комплекс мероприятий был проведен в целях борьбы с еретиками, которые имели переводы отдельных книг Ветхого Завета, не содержащихся в корпусе официальной церкви [8, с. 271–283]. Во-вторых, при полемике с еретиками, Иосиф Волоцкий опирался на Ветхий Завет, чтобы противопоставить им их же авторитет.

Вновь вспомним слова анонимного рассказчика о преследовании «гусов»: он приветствует инквизиционные процессы, но сам делает акцент, что православные поучают и обличают их. Важно отметить, что, в отличие от архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого, аноним находился в тесном контакте с католическим миром — даже историю про «гусов» он передает не с чьих-то слов. Но, несмотря на положительное отношение автора к католическим практикам, он не призывает перенять их.

Итак, православная культура подвергалась критике со стороны еретиков не меньше, чем католическая. Несмотря на то, что в двух рассказах проявляется желание провести «инквизиционные процессы» на православных землях, они встречают препятствие в виде культурных особенностей христианства на Руси. И только благодаря «транзиту» католических идей и давлению церковников на светскую власть в Москве был проведен «инквизиционный» суд над еретиками.

Список литературы

1. Зеленина Г. Сефарадские мудрствующие, фантомная ересь и слава шпанского короля // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 97–130.
2. Источники по истории еретических движений XIV–XVI вв. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV – начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 227–520.
3. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 412 с.

4. Клибанов А. И. Свободомыслие в Твери в XIV–XV вв. // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 6 / Н. А. Смирнов (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 231–260.

5. Кузьмина О. В. Церковь и политическая борьба в Новгороде в XIV–XV веках: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2007. 407 с.

6. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 17. 1483–1502. М.: Актеон, 2014. 506 с.

7. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 18. 1503–1527. М.: Актеон, 2014. 514 с.

8. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 535 с.

9. Микелис Ч. Дж. Жидовствующие. Новгородско-московская ересь XV века и ранняя Реформация. Великий Новгород: НовГУ, 2021. 210 с.

10. Описание Ростовского Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря. СПб.: Тип. Я. Трия, 1849. 102 с.

11. ОР РНБ. Ф. 588. № 840. 144 л.

12. Отдел редкой книги и рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета. Инв. № 228. 351 л.

13. Полное собрание русских летописей. Т. XI. СПб.: Тип. Скороходова, 1897. 264 с.

14. Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об Инквизиции // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 1 / под ред. Н. К. Никольского. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 33–57.

15. Roach A. P., Angelovska-Panova M. Punishment of heretics: comparisons and contrasts between Western and Eastern Christianity in the Middle Ages // Journal of history (Macedonia). 2012. № 47 (1). P. 145–171.

Пузырева Ксения Анатольевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель:
Шадрина Наталия Анатольевна, канд. ист. наук, доц.

Представления о религиозном искусстве в трудах Мартина Лютера и Жана Кальвина

The Idea of Religious Art in the Works of Martin Luther and Jean Calvin

Аннотация. В данной статье анализируется то общее и особенное, что присуще отношению к изобразительному искусству в целом и религиозному искусству в частности в трудах главных идеологов первой и второй волны Реформации — Мартина Лютера и Жана Кальвина.

Ключевые слова: религиозное искусство; Реформация; изображения; церковь.

Abstract. This article reveals similar trends in the development of ideas about the role of religious art during the first and second waves of the Reformation, as well as differences between Lutheran and Calvinist ideas about images.

Key words: religious art; Reformation; images; church.

Протестантизм формирует иное, нежели в католичестве, отношение к роли искусства в религиозной жизни, к месту искусства в пространстве храма. Историки культуры отмечают переход от визуальной доминанты в культуре к доминанте акустической [1, с. 278]. Подобная тенденция базируется на сочинениях идеологов протестантизма: Мартина Лютера — основателя первой волны Реформации — и Жана Кальвина — родоначальника второй ее волны. Причем, можно проследить преемственность двух волн протестантской Реформации, т. е. близость идей Лютера и Кальвина.

С именем Мартина Лютера связывают возникновение Реформаторского движения, начавшегося в Германии и распространившегося впоследствии по всей Европе. Реформация во всем, что касалось христианской веры, стремилась вернуться к раннему «старому» христианству, к его истокам. Характерной чертой Реформации стало обращение к слову. «Не смотрите на Христа своими глазами, но смотрите ушами. Царство Божие — это царство слышания, а не видения», — писал Мартин Лютер [4, р. 4].

Необходимо отметить, что в основополагающем труде Мартина Лютера, его «95 тезисах против индульгенции», нет упоминания о религиозном искусстве, иконах, идолах или о каких-либо других художественных работах. Ключевой работой Мартина Лютера, в которой он рассуждает об изобразительном искусстве, становится труд

«Против Небесных пророков в деле образов и таинств», написанный в 1525 г.¹ Можно заметить, что в начале деятельности Лютера образы не являлись ключевой проблемой. Но постепенно, в процессе выстраивания новой церкви, вопрос об образах неизбежно возникал, и отношение к ним все более ужесточалось. Женевский же реформатор, Жан Кальвин, посвятил вопросу искусства в церквях целую главу своего основного труда «Наставление в христианской вере».

Познание Бога через Слово и Писание стало главной идеей лютеранства, особо ярко выраженной в трудах Лютера. Так, мы видим смену акцента с визуального понимания Бога, что было характерно для римско-католической церкви, к словесному.

Такое же отношение к слову и изображениям прослеживается и у Жана Кальвина в «Наставлении в христианской вере». По его мнению, телесные изображения святых вводят людей в заблуждение, ведь неживое существо напоминает их же человеческое тело, что уравнивает самих святых с простыми людьми, а это недопустимо, ибо Бог и Святые выше человека [2, с. 96]. Так мы видим, что идеологи Реформации стремились уйти от «иллюстрирования» текста Священного Писания через образы размещенные в церквях, к чистой «религии Библии», религии Слова [3, р. 7].

«Наставлением» Кальвин пытается предупредить христиан о скорой Божьей каре за идолопоклонство: «вторая заповедь Закона дополнена требованием не почитать никаких изображений» [2, с. 102]. И здесь мы видим различие во взглядах немецкого и женевского реформаторов. Лютер, в целом, не столь категоричен в оценке религиозных изображений, как Кальвин: «Если не грех, но благо иметь образ Христа в моем сердце — почему должно быть грехом иметь его в моих глазах? Это особенно верно, так как сердце важнее, чем глаза, и должно быть менее запятнано грехом, потому что это истинная обитель и жилище Бога» [4, р. 5].

Изображать Бога и библейские мотивы Кальвин запрещает. По мнению Кальвина, телесные изображения Святых вводят людей в заблуждение, ведь неживое существо напоминает их же человеческое тело, что уравнивает самих святых с простыми людьми, что недопустимо, ибо Бог и Святые выше человека [2, т. I, гл. XI]. Так, женевский реформатор категорически против использования различных изображений в храмах, поскольку они подталкивают людей поклоняться идолам, а церковь дает «официальное разрешение» идолопоклонству [2, р. 104].

Для Мартина Лютера живопись, напротив, может стать элементом пропаганды его идей. Он активно использует гравюры в переведенной на немецкий язык Библии, а также сотрудничает с некоторыми художниками, например, Кранахом Страшим [3, р. 9]. О дружбе или сотрудничестве Кальвина с художниками достоверной информации не

¹ Работа не переведена на русский язык, использовался оригинал на немецком языке [4].

имеется. Идеолог второй волны Реформации более строг в своем иконоборчестве, для него наставления должны передаваться только через слово.

Женевский реформатор довольно резко обвиняет старую церковь в том, что она пошла по ложному пути и разошлась с первоначальными идеями христианства. В своих рассуждениях реформатор ссылается на период становления христианства, когда еще не было никаких изображений, и отмечает, что деградация христианства началась тогда, когда Папы принялись включать в церковное пространство изображения: «достоинство тех, кто утвердил присутствие образов в храмах, во многом уступало достоинству тех, у кого не было образов».

Сочинение Лютера же — это не только и не столько нападки на Римско-католическую церковь, это реакция на проходящие в Германии действия его сторонников. Сподвижник Лютера — Андреас Карлштадт — решил применить более крайние меры в развитии лютеранской церкви: он начал уничтожать изображения в церквях. А 4 января 1522 г. Карлштадт и иные лютеране убедили Виттенбергский городской совет издать указ об удалении изображений и лишних алтарей из местной приходской церкви. На протяжении нескольких недель февраля жители города разрушали былую роскошь приходских церквей: они уничтожили статуи, картины и некоторые надгробия.

Позиции Мартина Лютера и Жана Кальвина близки в вопросе о функциях искусства. Оба выделяют просветительскую функцию художественных образов. Но, если в период становления лютеранства религиозное искусство прошло путь трансформации от элемента идолопоклонства при Римско-католической церкви к пропаганде служения Богу и его прославлению, то, по мнению Кальвина, изображения должны иллюстрировать то, что уже имеется, либо исторические события, которые предостерегают людей от ошибок. По мнению Кальвина, Бог даровал человеку возможность творить, поэтому искусство священно. Искусство может служить либо для прославления Бога, либо для блага людей [2, р. 101].

Лютер определял религиозное искусство как просветительское, которое, при правильном понимании, сможет наставить верующего на путь истинный. Так, лютеранское учение поощряет образы, а Лютер становится единственным реформатором, который разрешает изображения в храмах. Свою позицию он обосновывает так: «...до тех пор, пока я не поклоняюсь им, а только имею их в качестве мемориалов» [2, р. 15]. Он не считает наличие изображений в церкви элементом идолопоклонства. В иллюстрированном молитвеннике Лютер во введении указывает, что никакого греха в наличии религиозных изображений нет: «И какой был бы вред, если бы кто-то проиллюстрировал важные истории всей Библии в их правильном порядке для небольшой книги, которая может стать известна как Библия мирян? Действительно, нель-

зя слишком часто доводить слово и дела Бога до сведения простого человека» [2, р. 17].

Как уже отмечалось выше, Кальвин делает акцент на таинствах как на единственном запечатлении Бога и Его слов. Так, никакие изображения не нужны для подтверждения существования Бога, поскольку изображения, в отличие от таинств, созданы не самим Богом и «не подобают святости».

В целом, можно сказать, что отношение к роли искусства у Мартина Лютера и Жана Кальвина имеет схожие черты, поскольку они оба запрещают изображения Бога, реформаторы против идолопоклонства, и для них роль искусства — просвещение. Однако Жан Кальвин более радикален в данном вопросе и запрещает любые изображения в религиозном пространстве. Мартин Лютер высказывает негативное отношение к иконоборческому движению. Он также, используя для аргументации своих идей Священное Писание, запрещает лишь те изображения, которым поклоняются, но поощряет их использование в качестве пропаганды Божьего Слова.

Список литературы

1. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: Историографический очерк и проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа — от первобытности к Возрождению. СПб.: Петрополис, 2003. 368 с.
2. Кальвин Ж. Наставления в христианской вере / пер. с фр. А. Д. Бакулова, Г. В. Вдовиной. М.: Аслан, 1997.
3. Christensen C. C. Art and the Reformation in Germany. Athens, OH: Ohio University Press : Wayne State University Press, 1979.
4. Luther M. D. Martin Luthers Werke. Bd. Weimar, 1908. S. 62–83, 134–214.

**Деятельности архимандрита Виталия (Максименко)
в оценках современников**

**The work of Archimandrite Vitaly (Maximenko) as assessed
by his contemporaries**

Аннотация. В данной статье показаны различные аспекты политической и общественной деятельности архиепископа Виталия (Максименко) в начале XX в. (в рассматриваемый период архимандрита) и их оценка современниками. Утверждается, что мероприятия, проводимые о. Виталием в Волынской губернии, находили не только положительные отклики, но и критику, в том числе и со стороны правительства.

Ключевые слова: Виталий (Максименко); духовенство; правые; консерватизм.

Abstract. This article shows various aspects of the political and social activities of Archbishop Vitaly (Maximenko) at the beginning of the 20th century (during the period under consideration of the archimandrite) and their assessment by contemporaries. It is stated that the activities carried out by Fr. Vitaly in the Volyn province found not only positive feedback but also criticism including from the government.

Key words: Vitaly (Maximenko); clergy; right-wing; conservatism.

Личность архиепископа Виталия (в миру Василий Иванович Максименко) предстает одной из самых интересных и неоднозначных в истории Русской православной церкви. Его деятельность – это не только служение Церкви, но и руководство Почаевским отделом Союза русского народа, распространение консервативных ценностей среди населения, издательское дело в Почаевской типографии, организация Почаевского банка для облегчения земельного вопроса в Волынской губернии. Необходимо отметить, что существует историографическая проблема в изучении биографии о. Виталия. Имеющиеся работы написаны либо к юбилейным датам, либо в память об архиепископе: Н. Д. Тальберг [16], М. И. Помазанский [11], Никон (Рклицкий) [8], Константин (Зайцев) [6]. Есть отдельные упоминания о Виталии в монографиях, посвященных черносотенным организациям [4; 5; 9], и энциклопедических статьях [7;15]. В рамках тематики данной статьи можно упомянуть только работу А. В. Псарева [12], в которой представлена краткая биография и собраны некоторые воспоминания об архиепископе (в 1934 г. Виталий возведен в сан архиепископа Североамериканского и Канадского). Стоит сказать, что она была написана в память о владыке по случаю 50-летия со дня его кончины, поэтому собранные там высказывания современников в большинстве сво-

ем не содержат критических замечаний. В данной статье для нас важно показать не только положительные отзывы о деятельности о. Виталия, но и те оппонирующие мнения, с которыми ему приходилось сталкиваться во время претворения своих идей в жизнь.

В. И. Максименко родился 8 августа 1873 г. в с. Глафировка Екатеринославской губернии в семье диакона И. В. Максименко. Детство будущего владыки было тяжелым. Помимо Василия Ивановича в семье было шестеро детей. Выживали с трудом, поскольку не хватало средств, отец был вынужден «подрабатывать хозяйством на церковной даче и рыбной ловлей» [2, с. 167]. Последнее занятие, как писал уже много лет спустя в своих воспоминаниях владыка, и привело И. В. Максименко к серьезной болезни. Он умер от легочного плеврита в 42 года. Через год скончалась и мать. Дети остались на попечении старшей сестры Маши, но прежнее место жительства пришлось сменить, поскольку там «нечем было кормиться» [2, с. 168].

С этого времени начались их «сиротские мыканья» [2, с. 168], пока Василий Иванович не поступил в Мариупольское духовное училище. Учеба давалась ему достаточно легко, он с успехом закончил училище и в 1893 г. поступил в Екатеринославскую духовную семинарию. В 1895 г. В. И. Максименко стал студентом Киевской духовной академии, однако через год был отчислен «с волчьим билетом» (без права восстановления и поступления в другие учебные заведения). Причиной стало участие Василия Ивановича в местном студенческом беспорядке. Обучающиеся были недовольны администрацией и действиями эконома, утаивавшего от них продукты питания. В знак протеста они не посетили чин прощения, возглавляемый ректором КДА. Как позже отмечал в своих воспоминаниях о. Виталий, «студенты мы были слабые... в общей среде жил всегда какой-то дух недовольства якобы стеснениями. На этом иногда разыгрывались трагедии» [2, с. 171]. Можно сказать, что одной из причин волнения был отчасти юношеский максимализм, но основной повод был все же чисто экономического характера. Однако анализ «Устава православных духовных академий» [17] и воспоминаний студентов (например, дневник будущего митрополита Ташкентского и Туркестанского Арсения (Стадницкого) [3]) показывает, что возмущения студентов были далеко не беспочвенными. Есть основания также говорить о распространении революционных идей среди учащихся КДА, но к В. И. Максименко это не относится.

В данном событии проявилась одна из характеристик его личности — стремление к правдивости. Студентам было предложено составить объяснительные. В своей записке Василий Иванович изложил все прямолинейно, за что ему и еще одному ученику «как самым якобы нетерпимым разлагателям общечития» [2, с. 171] и было вынесено столь строгое наказание. Архимандрит Константин (Зайцев) вспоминал, что его поражала цельность личности владыки «до конца честной

и всегда — и с Богом, и с людьми» [12, с. 14]. Эту же черту характера будущего архиепископа выделял протопресвитер Валерий Лукьянов, указывавший, что во время службы его отличала «исключительная простота» [12, с. 17], он был всегда прямолинеен и даже строг к себе и к другим, «если говорил правду, то прямо в глаза» [12, с. 17].

После отчисления В.И. Максименко отправляется в с. Прядивка Екатеринославской губернии и работает в местной светской школе. Василий Иванович сумел не только привести в нормальный вид запустевшее здание, но и добиться того, чтобы на экзаменах его «школа, не имевшая несколько лет выпусков и считавшаяся последней, вышла первой» [2, с. 172]. Здесь можно выделить две важные характеристики его личности.

Во-первых, Василий Иванович достаточно легко приспосабливался к трудностям и переносил лишения. Эта черта будет проявляться и в его будущем образе жизни. В одном из своих писем по случаю наложения на Виталия штрафа (500 рублей) за размещение в «Почаевских известиях» прощальной речи Илиодора (Труфанова) архиепископ Антоний (Храповицкий) отмечал, что эта сумма является для архимандрита непосильной, поскольку он проводит «свою еще молодую [35 лет] жизнь в нищете и сверхчеловеческом труде» [14, л. 4].

Не изменились его привычки и после эмиграции. Архиепископ Аверкий (Таушев) так описывал убранство келии о. Виталия: «Вместо постели стояли грубо-сколоченные козлы, поперек которых были положены три доски. Сверху была постелена овчинка, а для прикрытия во время сна одеялом служила другая овчинка. Никакой печки, никакого отопления, хотя зимой здесь бывает 30-градусный, по Цельсию, мороз» [12, с. 12]. Протоирей Алексей Охотин, бывший поваром в 1953–1954 гг. при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, отмечал, что Виталий никогда не отделял себя от монахов, трудился вместе с ними на огороде (на тот момент ему было уже 79).

Во-вторых, это способность В. И. Максименко своими силами возрождать то, что находится долгое время в запустении. Так было со школой, так будет с Почаевской типографией и братством при ней. Во все дела, за которые ему доводилось браться, он вдыхал сильную жизненную энергию.

Старания Василия Ивановича не остались незамеченными. О нем узнал ректор Казанской духовной академии Антоний (Храповицкий). Его стараниями Василий Иванович был зачислен на второй курс Казанской академии. Антоний произвел большое впечатление на В. И. Максименко. В своих воспоминаниях он описывал его как открытого человека, приглашавшего к себе по вечерам на чай студентов для бесед. Не без его влияния Василий Иванович принимает постриг с именем Виталий, и в будущем они будут поддерживать теплые отношения.

В 1903 г. Виталий был возведен в сан архимандрита и направлен в Волынскую епархию заботиться о восстановлении Почаевской типографии. Здесь он занимается изданием и редакторской деятельностью журналов («Почаевский листок», «Волынские епархиальные ведомости», «Русский инок», «Почаевская Лавра») и газет («Почаевские известия», «Волынская земля»). В статьях вышеперечисленных изданий материал излагался иногда в достаточно резкой, эмоциональной, простой форме, поскольку ориентировался на малограмотное крестьянское население Волынской губернии. Правительство одну за другой отправляло жалобы обер-прокурору Святейшего Синода. Так, в одной из них отмечалось, что в выпусках № 29–30 «Почаевских известий» «содержатся выражения, возбуждающие в читателях враждебное отношение к правительству, и дается ложное освещение деятельности высшей местной администрации» [14, л. 5]. Указывалось, что ранее применяемы на архимандрита Виталия меры воздействия практического результата не имели, поэтому П. А. Столыпин просил «поставить издание “Почаевских Известий” под особо бдительный контроль Архиепископа» [14, л. 6]. Передавая все эти замечания Антонию (Храповицкому) в своем письме, П. П. Извольский называет деятельность Виталия «вредной в политическом отношении» [14, л. 7].

С 1906 г. Виталий возглавлял Почаевский отдел СРН. Не трудно догадаться, что данное направление деятельности встречало много идейных оппонентов и не только. Официальные замечания чаще всего приходили со стороны правительства. Так, П. А. Столыпин в письме П. П. Извольскому указывал, что «состоящий под председательством Архимандрита Почаевской Лавры Виталия Почаевский Отдел Союза Русского Народа стал проявлять в последнее время некоторые уклонения от своего устава, посвящая свою деятельность осуществлению задач, не соответствующих существующим законам и порождающих среди местного населения весьма нежелательные в интересах охранения государственного порядка и спокойствия толки» [14, л. 5].

Председатель Совета министров П. А. Столыпин, несмотря на свои монархические взгляды и высокую оценку роли СРН в тяжелые дни 1905 г., по многим вопросам расходился с правыми [10]. В частности, это выражалось в идеях проведения в Думу октябристов, постепенного расширения прав евреев, разрушения сельской общины в ходе аграрной реформы. Издания Почаевской лавры, безусловно, не могли обойти стороной обсуждение земельного вопроса. В Волынской губернии он имел ряд особенностей — быстрый рост цен на земельные участки и конкурирование за обладание ими с инородцами. Хотя внешне архимандрит Виталий, например, через «Почаевские известия» поддерживал переселенческую политику, проводимую во время аграрной реформы, но тем не менее не забывал указать, что виноваты

в оставлении «коренных русских земель» «руководители и заботники народа» [1, с. 2].

С идеей облегчения положения крестьянства в этом деле было связано другое детище о. Виталия — Почаевский банк, который выдавал им ссуды под достаточно низкий процент для покупки земель у переселенцев и расселяющихся хуторян. В отчете ревизии, приехавшей для проверки в 1913 г., отмечалось, что учреждение функционирует успешно, «наличные капиталы и ценности общества вполне соответствуют его книгам» [13, л. 54], но имеются существенные недостатки в ведение бухгалтерских книг. Отдельная часть отчета посвящена характеристике архимандрита Виталия: «Архимандрит Виталий занимает в Почаево-Успенской Лавре совершенно особенное положение. Аскет в личной жизни, человек поставивший себе монашеским обетом — служение народу...» [13, л. 59]. В другом месте также отмечается, что содействие, которое оказывает духовенство банку, связано не столько с фигурой самого Виталия, а с тем, что ему покровительствует архиепископ Антоний. Поэтому в случае смены Волынского епископа или изменения характера отношений между Виталием и Антонием, можно было ожидать, что местное духовенство отречется «от доброжелательного отношения к Банку» [13, л. 59].

Во время Первой мировой войны архимандрит Виталий читал проповеди солдатам, поднимая их моральный дух. В 1919 г. был арестован и находился в заключении в униатском монастыре в Бучаче, затем в католическом монастыре в м. Беляны. После освобождения эмигрировал в Югославию, а в 1923 г. в Чехословакию.

В заключении отметим, что деятельность архимандрита Виталия была многогранной. Каждому делу, за которое брался владыка, он отдавал всю свою энергию. Как верно отметил в своей статье А. В. Псарев, сегодня мы можем по достоинству оценить его наследие — это сеть почаевских типографских братств в разных странах и Свято-Троицкая духовная семинария в Джорданвилле. Однако тогда далеко не все современники положительно смотрели на начинания архимандрита, особенно если это касалось политической сферы.

Список литературы

1. В Сибирь на вольные земли // Почаевские известия. 1909. 24 апреля. № 743. С. 2.
2. Виталий (Максименко). Мотивы моей жизни. Jordanville, N. Y.: Holy Trinity Monastery, 1955. 207 с.
3. Дневник / Митрополит Арсений (Стадницкий); [подгот. и ред. О. Н. Ефремова]. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского ун-та, 2006. Т. 1: 1880–1901. 737 с.
4. Карпухин Д. В. Черная сотня: вехи осмысления в России. М., 2009. 387 с.

5. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. 464 с.
6. Константин (Зайцев). Авва Виталий // Православная Русь. 1960. № 6. С. 5–6.
7. Косик В. И. Виталий (Максименко) // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2004. Т. 8. С. 561–563.
8. Никон (Рклицкий). Архиепископ Виталий: К 100-летию со дня рождения // Православная жизнь. 1973. № 8. С. 11–28.
9. Омелянчук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000. 168 с.
10. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
11. Помазанский М. И. Жизнь-подвиг: (К 25-летию архиерейского служения вл. Виталия) // Православная Русь. № 8. 1959. С. 5–7.
12. Псарев А. В. Архиепископ Виталий (Максименко): Исторический портрет к 50-летию со дня кончины // Троицкое наследие. 2010. № 1 (20). 27 с.
13. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1411. «О выдаче ссуды Соединенному собранию Совета правления общества взаимного кредита “Почаево-Волынский народный кредит”».
14. РГИА. Ф. 797. Оп. 78. Раздел: Отделение III\ стол 5. Д. 98. «О газете “Почаевские известия”, “Почаевские вести”, “Почаевский листок”».
15. Степанов А. Д. Виталий (Максименко) // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 99–101.
16. Тальберг Н. Д. Жизненный путь архиеп. Виталия (Максименко) // Православная Русь. 1959. № 3. С. 4–7.
17. Устав православных духовных академий. Б. м.: б.и., 1884. 40 с.

**Церковная философия С. Л. Франка:
эволюция отрицания государственной сущности Церкви**

**Frank's Church philosophy:
the evolution of denial of the state principle in the Church.**

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция взглядов русского философа С. Л. Франка относительно организации Церкви. Прослеживаются ступени развития восприятия церковного организма от конкретного имманентного «исторического» государственного института до идеи о вневременном и богочеловеческом характере церковной организации. Новизной данного исследования является поиск истоков идеи церковного всеединства в раннем творчестве Франка, включая эмигрантский период.

Ключевые слова: Церковь; трансцендентное; вневременность; духовная связь; свобода; религиозное бытие.

Abstract. The article examines the evolution of the views of the Russian philosopher S. L. Frank regarding the organization of the Church. The stages of development of the perception of the Church institution as a specific immanent state institution are traced to the idea of the timeless and divine-human nature of the church organization. The novelty of this research is the search for the origins of the idea of church in the early work of Frank and his emigration and the opposition of this idea to the concept of the Slavophiles about the City of God.

Key words: The Church; transcendental; timeless; spiritual connection; freedom; religion being.

«Самый выдающийся русский философ» — так однажды окрестил С. Л. Франка Зеньковский. Действительно, Франка очень часто сравнивают с В. Соловьевым в отношении уровня вклада в наследие русской философии.

Идеалистический поворот в творчестве Франка датируется 1900 г.: философ стал интересоваться Спинозой, Кантом, Виндебаальдом, в особенности — Шуппе [3, с. 12].

Спустя определенное время, как отмечают некоторые историки [2, с. 82], Франк впервые сделал заметки об организации Церкви в «Философских предпосылках деспотизма» (1907). Здесь он отмечает концепцию непогрешимости субъекта, ставя в один ряд государство и Церковь. По его мнению, всякая общественная институция имеет идеал, требующий практической реализации. На этапе практики очень часто идеалы становятся догматами и требуют от людей абсолютно подчинения. Церковь, как и все прочие институты, следовательно, ограничивает свободу человека.

Истоки такого критического отношения к бытию Церкви и неприятие ее инаковой, трансцендентной сущности можно найти в еще более ранних работах. Зачитываясь неокантианцами, Франк выпустил еще в 1902 г. работу «О критическом идеализме». Стоит отметить, что любовь к неокантианству, Гете и Ницше было вовсе не новинкой. Более того, Струве — ближайший друг Франка — вдохновил философа на изучение работ Гете. Бердяев, Булгаков, Мережковские — фактически весь тогдашний философский круг исследовал вопросы онтологии Канта [3, с. 74].

В упомянутой неокантианской работе Франка нет более точных записей об искомом объекте — Церкви, однако именно эта работа предвосхитила последующее критическое отношение в целом к абсолютным объектам [5, с. 258]. В работе он рассуждает относительно природы первоначал, утверждая, что такие метафизические категории в целом не могут существовать по своей структуре из-за внутренней противоречивости — они существуют вне сознания, но при этом могут быть познаваемы только этим самым сознанием. Следовательно, ни о какой вневременной, трансцендентной сущности говорить невозможно в отношении любых абстрактностей. Следовательно, для него и Церковь не является чем-то уникальным по своей природе, а лишь — объединением верующих, как и любой другой институт с конкретными правилами регламентации внутренней дисциплины.

Возвращаясь к «Философским предпосылкам деспотизма», Франк наполняет свою идею принципиальной непознаваемости трансцендентного бытия ранней концепцией «я» и «ты». Здесь он говорит о совершенно другой плоскости — о религиозном сознании, отмечая неравные отношения между «я» и «ты» (т. е. ближним) и «я» и «Бог». В очередной раз доказывая властный характер объединения людей (в данном случае, объединения церковного), Франк фактически приходит к выводу о несвободном характере Церкви [6, с. 11]. Фактически, крещение здесь — акт приобщения к конкретной идейной организации — Церкви. Здесь полностью происходит снятие абсолютного начала. С другой стороны, с этого момента идет конструирование и восприятие Франком объектов как целостных систем без внутренней расчлененности.

В начале 1910-х гг. Франк все глубже погружается в философию Гете и Спинозы, обсуждая ее со Струве. В «Очерке об эпистемологии Гете», как пишет Буббаер [3, с. 110], он отмечает, каким образом Гете исследует вещи: не расчленяя их, а исследует их природу в целостности как конкретный объект.

Франк увлекался работами Спинозы. Он утверждал единую субстанциональную природу тела и духа. Тем не менее, у Франка не выстраивается взаимоподчиняющая связь между двумя природами бытия, а как раз связь через противоречие и взаимное отрицание друг друга — тела и духа, множества и единства. Эта диалектичность целого

и множества, тела и духа, найдет свое отражение в концепции о всеединной Церкви [1, с. 46].

К этому времени Бог у Франка заключен в природной рукотворной сущности — Церкви, суть которой является выражением Его воли. Здесь он не выступает автономно, его бытие не трансцендируется, а является частью мира, причем в ограниченном его понимании — мира Церкви, но не мира как такового.

Более точные заметки об организации Церкви Франк фиксирует, будучи эмигрантом, в работе «Крушение кумиров» 1923 г. [8, с. 172]. Здесь Франк впервые отрицает кантовский разумный идеализм. У него в целом меняется риторика повествования: он критикует свободу — основную ценность любого общества. Свобода как «общественный идеал» представляется Франку подобием настоящей религиозной свободы, причем осмыслить эту свободу можно через «преодоление замкнутости души», а точнее — через приобщение души к «сверхвременному всеединству людей, живущих, как и мы, в Боге и с Богом, — к сверхиндивидуальной душе церкви как единству святости и религиозной жизни, как вечной хранительнице священных истин и преданий».

Здесь можно заметить характерную эволюцию церковной идеи относительно ее природы: если ранее Церковь можно было сравнить разве что с государственным устройством, то теперь, в более зрелых работах, Франк отходит от этой идеи, присваивая Церкви уникальную абсолютную сущность, причем обладающую истинной свободой. Следовательно, Франк полностью перечеркивает свое раннее творчество, рассуждая на тему существования трансцендентных объектов.

Как уже было сказано, сущность Церкви, о которой говорит Франк, не совпадает с государственным устройством, организацией. Государство — это всегда временная организация людей. В то время как природа вневременной Церкви существует всегда: время здесь действительно является ключевым фактором, скорее — условием существования равенства. Неверие в бессмертность души принуждает человека накопить как можно больше богатства, причем осязаемого, материального. Ощущение скоротечности времени и завершенности любых вещей подталкивает человека на достижения счастья в материальном мире.

Переходим к более конкретным работам. «Духовные основы общества» (1930) — диссертация Франка и одна из главных его работ. Именно здесь появляются мысли о том, что все «мы» есть единство «я» и «ты», и личность познает свою самость не через противопоставления «я» с «они», а конкретно с общностью, в которой эта личность начала оформляться [7, с. 341]. Также он вводит понятия «видимой и невидимой» Церквей. Однако, и та, и другая Церкви есть суть одной вневременной сущности, через которую индивид, становясь личностью, становится и частью этой «богочеловечности», первичного духа

всего мироздания. При этом, Франк разграничивает духовное объединение (Церковь) и объединение общественное (следовательно, быденное, мирское), в котором «я» и «мы» уже не представляют собой равный союз, а противопоставляются друг другу. Однако обе эти категории находят точки соприкосновения только через «утвержденность в третьем — в служении Богу». Самое главное, что «мир» пересекается с «благодатью» только тогда, когда становится частью этой самой «благодати» (Церкви), обретая духовную связь в виде служения и любви к Богу [7, с. 356].

Франк также пишет о взаимодействии Церкви с государством. В работе Франк противопоставляет конституцию Церкви и государства: в рамках Церкви господствуют равные отношения единства «я» и «мы», в то время как в миру эти две категории скорее противоречат другу.

Суммируя часть работ Франка, можно сделать определенный вывод. Ранний этап творчества Франка характеризуется критикой в отношении любых объектов, обладающих метафизической природой. В духе кантианцев, Франк разоблачает противоречивость сущности трансцендентных вещей, заявляя о невозможности их существования вне разума. Однако через определенное время, после ключевых событий в стране и в жизни Франка, он пришел к отрицанию своего раннего творчества относительно природы Церкви, видя в ней ту самую сверхиндивидуальную сущность, которую ранее критиковал. Также государственно-насильственная природа Церкви в его раннем творчестве, обладающая идеями «я», «ты» и «Бог», модернизировалась, приобретая новые характеристики, связанные с признанием равенства «я» и превращением ближнего в совокупность верующего коллектива «мы», приобрела равную и добровольную природу, причем это равенство может быть достигнуто только в любви к Богу.

С другой стороны, отрицанию подверглись далеко не все его идеи, заложенные в начале его творчества. К примеру, идея о целостности объектов не была отвергнута, а органично вплетена в идею всеединой Церкви.

Характерная для Франка сравнительная характеристика Церкви и государства не отходит на второй план. Однако в последней рассмотренной нами работе Франк перестает сравнивать Церковь и государство: теперь он сравнивает государство и «мир», относясь к последнему коллективу очень категорично.

Список литературы

1. Антонов К. М. Феномен религиозного обращения в творчестве С. Л. Франка // Религиоведение. 2002. № 4. С. 39–51.

2. Аляев Г. Е., Резвых Т. Н. Религиозный путь философа: С. Л. Франк и православие // Русско-Византийский вестник 2018. № 1. С. 82–112.

3. Буббайер Ф. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа, 1877—1950 / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 328 с.
4. Редлих Р. Социальная философия С. Л. Франка. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. 59 с.
5. Франк С. Л. О критическом идеализме // Мир Божий. 1904. № 12. С. 224–264.
6. Франк С. Л. Философские предпосылки деспотизма // Франк С. Л. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 129–130.
7. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
8. Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 111–180.
9. Штаммер Д. Церковь как основание и сущность общества: к понятию «церковь» в социальной философии Семена Л. Франка // Соловьевские исследования. 2018. № 1 (57).

Галин Николай Алексеевич

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Шимбирёва Ольга Александровна, канд. ист. наук, доц.

Государственно-церковные отношения накануне Великой Отечественной войны

State-Church relations on the eve of Great Patriotic War

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты государственно-церковных отношений накануне Великой Отечественной войны. Рассматривается законодательная основа, на которой происходило взаимодействие государства и Церкви. Рассматриваются проводимая в СССР антирелигиозная пропаганда, как государственная политика, и ее эффективность. Производится анализ мнений государственных деятелей о качестве религиозной политики в СССР накануне войны.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Великая Отечественная война; СССР.

Abstract. The article examines various aspects of state-church relations on the eve of the Great Patriotic War. The legislative basis on which the interaction between the state and the Church took place is considered. The article examines the anti-religious propaganda conducted in the USSR as a state policy and its effectiveness. The article analyzes the opinions of statesmen on the quality of religious policy in the USSR on the eve of the war.

Key words: Russian Orthodox Church; Great Patriotic War; USSR.

Затрагивая тему Государственно-церковных отношений накануне Великой Отечественной войны, прежде всего стоит упомянуть, что в это время место патриарха РПЦ было вакантным. В 1918 г. патриарх Тихон анафематствовал советскую власть. В 1923 г., патриарх, в письме в Верховный суд СССР, заявил о своей лояльности Советской власти [10, с. 189]. Декларация заместителя местоблюстителя патриарха 1927 г. также была написана в духе лояльности Советской власти [7, с. 75 – 76].

Двадцатого января 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Этот декрет лишал религиозные организации прав собственности и прав юридического лица. Отделение Церкви от государства было закреплено в конституции РСФСР 1918 г. [6, с. 244]. В конституции СССР 1936 г., однако, свобода религиозной пропаганды отсутствует [6, с. 309].

В. А. Алексеев указывает на существование периода «религиозного нэпа». В 1924 г. в резолюции XIII съезда РКП(б) было указано, что «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административ-

ными, вроде закрытия церквей» [1, с. 266]. Эта резолюция пересекается с более поздними настроениями А. В. Луначарского, А. И. Рыкова и П. А. Красикова, о которых речь пойдет далее. Деятели государства предлагали заменить административные методы антирелигиозной борьбы антирелигиозной пропагандой, так как при увеличении интенсивности борьбы с Церковью административными методами увеличивалась активность сектантов, более нежелательная, чем деятельность Церкви, для советских деятелей [1, с. 276].

Восьмого апреля 1929 г. было опубликовано постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях». Этот документ устанавливал, что религиозные объединения не могут заниматься никакой деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей верующих в пределах молитвенного здания [3, с. 12].

М. И. Одинцов и А. С. Кочетова замечают, что с 1917 по 1928 гг. Советское государство было внеконфессиональным, с 1928 г. Советский Союз стал на путь построения атеистического государства [8, с. 11]. Так, в 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Важным сторонником превращения Советского Союза в атеистическое государство был нарком юстиции П. И. Стучка, который считал, что отделение Церкви от государства и отсутствие запрета на религиозную пропаганду юридически несовместимо [8, с. 12]. Для Стучки свобода совести означает свободу отсутствия веры, но не свободу веры. Он считал свое определение свободы совести истинно марксистским, считая, что пункт 13 главы пятой раздела 2 конституции 1918 г. [6, с. 244] находится под влиянием социал-демократов.

Если «молодые» деятели Коммунистической партии, такие как представитель делегации от Владимирской губернии на XIV Всероссийском съезде Советов Никитин, призывали закрывать церкви силой, то представители «старой гвардии», высокопоставленные А. В. Луначарский, М. И. Калинин, А. И. Рыков и П. А. Красиков призывали не спешить с закрытием церквей, так как, по их мнению, прежде чем их закрывать, нужно было провести качественную антирелигиозную пропаганду. Луначарский писал: «Я присутствовал на собраниях в Москве, где предложения о закрытии церквей большинством голосов рабочих и работниц не только отвергали, но вызывали даже возмущение» [8, с. 47], — таким образом Луначарский признавал, что даже в таких крупных городах, как Москва, все еще живет множество верующих людей, и закрытие храмов вызовет только большее недовольство Советской властью. Рыков писал, что среди верующих людей много представителей «средняцких и бедняцких» групп населения, хотя религию поддерживают также и «нэпманы и кулаки» [8, с. 48]. С ним был не согласен Луначарский, который считал, что религиозны, в основном, рабочие и крестьяне, а не нэпманы [1, с. 300]. Калинин считал, что в религиозной борьбе нужно проявлять гибкость, так как ве-

рующими являются «массы трудящихся» [1, с. 300–301]. П. А. Красиков с 1935 по 1938 гг. возглавлял Постоянную комиссию по рассмотрению культовых вопросов при Президиуме ЦИК СССР, целью которой была разработка общесоюзного закона о религиозных организациях и приведение к единообразию осуществления органами власти вероисповедной политики в центре и на местах. Петр Ананьич писал множество обращений, в которых он указывал на незаконность ликвидации ряда религиозных организаций, закрытия ряда храмов и необоснованность штрафов духовенства [8, с. 53]. Красиков даже пытался убедить общественность в необходимости смягчения религиозного законодательства [8, с. 56]. Красиков указывает, что в 1936 г. насчитывалось 30 862 культовых здания разных конфессий, состоявших на регистрации, однако лишь 20 908 зданий из этого числа были действующими [8, с. 53]. Данная статистика говорит о различиях зарегистрированного и действующего храма, как будет показано далее, противодействие местных властей могло привести к тому, что даже после регистрации культового здания службы в нем могут не осуществляться. Таким образом, руководители на местах, нарушая законодательство СССР, согласно которому храм был зарегистрирован, препятствовали в реализации верующими их религиозных порывов. Стоит отметить, что Красиков известен своими антирелигиозными статьями в «Правде» и «Известиях», а также организацией компании по вскрытию мощей. Красиков был членом Антирелигиозной комиссии в 1922–1929 гг. Находясь во главе Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов в 1930-х гг., Красиков, оставаясь атеистом, под воздействием полученных комиссией данных о количестве и политическом настрое верующих, пересмотрел свое отношение к антирелигиозной борьбе и стал бороться против ущемлений прав верующих [5].

Есть признаки того, что в 1936 г. И. В. Сталин поддерживал Луначарского, Калинина, Рыкова и Красикова в их мнении по вопросу организации антирелигиозной борьбы [1, с. 294]: на VIII Всесоюзном съезде Советов в 1936 г. Сталин отверг поправки 124 и 135 к Конституции СССР, в которых предлагалось запретить отправление религиозных обрядов и лишить духовенство избирательных прав [1, с. 132–133].

Важный вклад в попытку превращения Советского Союза в атеистическое государство внес Емельян Ярославский, председатель Антирелигиозной комиссии и Союза воинствующих безбожников. Он выступал за расширение мер антирелигиозной работы, которое было объявлено 24 января 1924 г. [9, с. 14] и привело к усилению массовости закрытия церквей. Церковь и христиане объявлялись «враждебным капиталистическим элементом». Однако массовое закрытие церквей вызывало многочисленные волнения в деревнях¹, и Молотову пришлось

¹ Судя по протоколам собраний колхозников [6, с. 28], количество верующих среди колхозников было крайне велико и превышало количество верующих, выявленное в переписи 1937 г. (56,7 %) [2, с. 118–119].

5 июня 1929 г. написать письмо Ярославскому, озаглавленное «О тактичном подходе в деле закрытия церквей», в котором он старался остудить антирелигиозный пыл Ярославского [8, с. 16]. На закрытом заседании Союза воинствующих безбожников в декабре 1936 г. Ярославский признал ряд перегибов «относительно ликвидации церковных помещений» [8, с. 21]. Ясно видно, что уже в 1936 г. власть, хоть и старалась всячески маргинализировать Церковь, все же, одновременно с этим, старалась не допустить слишком больших волнений верующих. Однако жестокое преследование религиозных организаций Советским государством продолжилось. В 1936 г. прекращены деятельность Синода и выпуск «Журнала Московской патриархии». К 1939 г. закрыты все православные монастыри [8, с. 26]. «Изживание» белого духовенства проводилось, в основном, с помощью усиления в отношении него налогового гнета [8, с. 22].

Накануне Великой Отечественной войны Союз воинствующих безбожников старался проводить антирелигиозную пропаганду на вновь присоединенных территориях, а НКГБ следило за тем, чтобы все присоединенные территории вошли в Московский патриархат [8, с. 33].

Несмотря на противостояние Луначарского, Рыкова и Красикова, на протяжении 1920-х и 1930-х гг., церкви массово закрывались, а священники и монахи арестовывались, часто по сфабрикованным делам [1, с. 298–299]. Верующих увольняли с предприятий [1, с. 309]. 1 сентября 1939 г. в стране оставалось примерно 100 храмов. В середине 1940 г., после присоединения новых территорий, количество храмов в СССР достигло 4000 [4, с. 49]. Однако к 1941 г. их количество сократилось до 3021. Таким образом, менее чем за год количество храмов в СССР сократилось почти на 1000 [8, с. 35].

На момент начала Великой Отечественной войны во власти существовали три группы, предлагавшие различные варианты изменения государственно-церковных отношений. Первая группа, возглавлявшаяся А. В. Луначарским, М. И. Калининым и А. И. Рыковым, ратовала за проведение интенсивной антирелигиозной пропаганды прежде закрытия храмов. Вторая группа, которая была представлена «ответственными районными работниками», «руководителями колхозов», Г. М. Маленковым и П. И. Стучкой, считала, что антирелигиозная политика должна заключаться в немедленном закрытии всех храмов и отмене любого религиозного законодательства. Третья группа, считавшая недопустимым незаконный отъем храмов у верующих, была представлена П. А. Красиковым.

Список литературы

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. Взаимоотношения советского государства и религии. М.: Политиздат, 1991. 398 с.

2. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

3. Гиюева И. А. Церковь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Вестник Владикавказского НЦ РАН. 2005. № 2. С. 12–15.

4. Горянов К. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // Христианское чтение. 2005. № 24. С. 49–66.

5. Д. Н. Н. КРАСИКОВ // Православная энциклопедия. Т. 38. М., 2015. С. 397–403.

6. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987. 364 с.

7. Никитин Д. Н. СЕРГИЙ // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 75–76.

8. Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 316 с.

9. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцева, Л. А. Лыкова. М., 2009. 746 с.

10. Шкаровский М. В. ТИХОН // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 189.

VII. ИСТОРИЯ РОССИИ ДО XX В.

Васильев Арсений Николаевич

Российский государственный гуманитарный университет

Научный руководитель:

Беляев Дмитрий Дмитриевич, канд. ист. наук, доц.

Княжеские воеводы как функционеры раннего государства Руси (вторая половина X в.)

Princely warlords as functionaries of the Rus early state (second half of X century)

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть воевод киевских князей X в. как функционеров формирующегося раннего государства. Рассмотрены управленческие возможности, засвидетельствованные источниками. Определено соответствие данных о воеводах критериям функционеров раннего государства. Предложен критерий определения хронологической границы возникновения управленческого аппарата Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь; воевода раннее государство; политогенез.

Abstract. The article attempts to consider the warlords of the Kiev princes of the X century as functionaries of emerging early state. There are considered evidences of warlord's management capabilities. The correspondence of the data on the warlords to the criteria of the functionaries of the early state is determined. There is proposed a criterion for determining the chronological boundary of the emergence of the management apparatus of Kievan Rus.

Key words: Kievan Rus; warlord, early state; state formation

За последние десятилетия исследования древнерусской государственности формирование на Руси государства относительно определённо локализуется между серединой X в. и серединой XI в. [2, с. 43–47; 7, с. 520–521; 8, с. 91–94; 9, с. 553–556; 12, с. 27]. Значительную популярность при этом среди ряда учёных получила политантропологическая концепция раннего государства [2, с. 24–47; 13, с. 72–78], заставившая обратить внимание на частные теоретические аспекты политогенеза на материале Руси.

Одним из них является управленческий аппарат. На основе кросс-культурного исследования Х. Дж. М. Классеном и П. Скальником был выделен ряд черт, претендующих на универсальность для раннего государства. Среди характеристик управленческого слоя это делегирование обязанностей и полномочий от правителя к аппарату, трёхуровневая (государственный, региональный, местный) структура аппарата,

два класса функционеров — общие (ряд функций; действуют главным образом на региональном, реже — на остальных уровнях) и специальные (выполнение одной конкретной функции, обычно на высшем уровне управления) [1, с. 64–77; 13, р. 575–585].

В историографии Древней Руси термин «функционер» (без разделения на общих и специальных) был впервые использован А. С. Щавелёвым при рассмотрении «карьеры» воеводы Свенельда и хёвдинга Торольва Квельдильвссона. Историк интерпретировал территориальные завоевания и сбор с них дани этими «функционерами» как путь к частичной экономической независимости от своих «сеньоров», способствовавший сосредоточению в руках «функционеров» значительных богатств и влияния — никогда, впрочем, не позволявшего претендовать им на статус правителя [10, с. 76–78].

Не касаясь выводов А. С. Щавелёва о характере системы сбора дани (к которой историк применяет термин «феодальный»), стоит подробнее рассмотреть социальную категорию, к которой относились Свенельд и Торольв — наличие у военной элиты IX–X вв. черт управленческого аппарата раннего государства может играть большую роль в проблеме древнерусского политогенеза и времени возникновения государственности на Руси.

Со второй половины X в. в летописной традиции отмечается существование особой категории людей, связанных с военной деятельностью, но не относящихся непосредственно к княжеской знати: воевод.

В Повести временных лет за середину X–начало XI вв. упомянуты пятеро человек, которых можно отнести к этой группе: Свенельд, прямо называемый «воеводой», Асмуд — «кормилец» малолетнего Святослава, Претич, защищавший Киев от печенегов при Ольге, Блуд, предавший Ярополка, Волчий Хвост, служивший Владимиру и Святополку [6, с. 39, 41, 47, 54–55, 59]. В Новгородской первой летописи «воеводой» назван также Олег, «муж мудрь и храборъ» [5, с. 107]. Лев Диакон приводит имена ещё двух близких по статусу военачальников русов: Икмор — «второй среди росов», и Сфенкел, «котрый был третьим по достоинству после Сфендослава» (отождествляем со Свенельдом) [4, с. 76, 78].

Из летописного рассказа о смерти Игоря следует, что воеводы наряду с князем участвовали в сборе дани с подчинённых славянских племён: фраза «втроци Свѣньльжи изодѣли сѧ суть в ружьмѣ и порты а мы нази» [6, с. 39] говорит даже об определённой автономности Свенельда от княжеских действий. Степень институционализации такого перераспределения ресурсов была невелика и по сути представляла собой санкционированный военный набег, вероятно, с правом военачальника на часть добычи — поход воеводы Владимира Волчьего Хвоста на радимичей [6, с. 59] свидетельствует, что аналогичная действиям Игоря практика всё ещё продолжала существовать и позднее, в 980-е гг., по крайней мере в отношении части славянских племён.

Насколько, однако, можно расценивать эти случаи сбора дани как вариант осуществления административного контроля? Ни Свенельд, ни Волчий Хвост не возвращались, согласно летописному повествованию, к своим «фьефам, состоящим только из дани» [10, с. 76] — впрочем, отсутствие таких упоминаний не означает невозможность такой трактовки. Смутным намёком на некоторую «укоренённость» княжеских военачальников может быть дважды повторённая характеристика воеводы Претича и его войска во время осады Киева печенегами: «людие оная страны Днѣпра» [6, с. 41], возможно, указывающая на определённую принадлежность войска к землям Левобережья Днепра.

Очевидно, что некоторые из воевод обладали большим личным влиянием на правителя — как «кормилец» Святослава Асмуд, в месте со Свенельдом возглавлявший войско малолетнего князя [6, с. 47] или Блуд, оказывавший влияние на решения Ярополка [6, с. 224]. Особо примечателен в этой связи мирный договор Святослава с ромеями, подписанный лишь от имени «великого князя русского» Святослава и Свенельда [6, с. 86–87], в то время как два предшествующих договора содержали целые перечни имён русов, от имени которых они составлялись. Стоит, однако, заметить, что Лев Диакон упоминает нескольких послов русов, посланных к Иоанну Цимисхию для заключения мира после поражения войска Святослава, не называя конкретных имён: отождествляемый со Свенельдом Сфенкел и Икмор, согласно «Истории», погибли ранее в бою [4, с. 76, 78].

Факт отсутствия у Свенельда в договоре какого-либо формального титула даёт возможность предположить, что его исключительно высокий политический вес ещё не был как-либо оформлен в системе обычного права — и в то же время его положение сильно отличалось от многочисленных подписантов из числа «слов» и «всякая княжья и всѣхъ людей Русския земля» из договора Игоря [6, с. 24, 33–34]. Стоит заметить, что вероятно использовавшееся византийцами для обозначения русов из договоров 911 г. и 945 г. слово «архонт» (Ἀρχοντας), переводившееся в зависимости от контекста как «боярин» или «князь» [9, с. 434], в отношении Свенельда не употреблено ни в договоре 971 г. [6, с. 52], ни у Льва Дьякона и Иоанна Скилицы.

Также, согласно летописному рассказу, упомянутый воевода Претич после снятия с Киева осады печенегов заключил с их ханом мир, подтвердив его обменом подарками [5, с. 220] — однако уникальность сведений и довольно расплывчатый контекст вряд ли позволяют сделать на этой основе серьёзные выводы.

Насколько, однако, политическая структура русов, в которой действовал Свенельд и другие воеводы, соответствует уровню раннего государства? Возможность проверить это даёт современный событиями жизни Святослава Игоревича иностранный источник — «История» Льва Диакона, содержащая описание принятия русами решения об отсту-

плении из Доростола: «Сфендостав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент» (κομέντων)» [4, с. 79]. Описание этого совета не обнаруживает за войском Святослава развитой иерархии — его совещательный характер отражает скорее горизонтальные гетерархические связи внутри элиты [4, с. 224–225]. В этом ключе органично выглядит знаменитая сцена встречи Иоанна Цимисхия со Святославом: «князь грёб вместе с приближёнными, ничем не отличаясь от них» [4, с. 82].

Гетератрихические черты политического устройства политики русов, тем не менее, не означают отсутствия стратификации внутри слоя элиты: если Святослав, согласно Льву Диакону, имел в своём облике признак знатности рода — «клок волос» [4, с. 82], а Икмор, согласно Иоанну Скилице, был «второй в почете среди скифов после Сфенкела... высоко ценился ими не из-за его происхождения, а уважался за его храбрость» [14, р. 287]. Подобные свидетельства может содержать и летописная традиция: В. В. Пузанов считает конструкцию «лучшие мужи», встречающуюся в ПВЛ, обозначением не знатного происхождения, а личных заслуг людей высокого положения [7, с. 356]. Этой неоднородности источников статуса элиты способствовала и постепенная смена самосознания русов-скандинавов, составлявших основу высшего слоя общества, с этнического на «классовое», превращая их из этнической группы в высший социальный слой [11, с. 119–121]. Подобная степень социальной мобильности вкупе с гетерархической схемой принятия решений должна исключать возможность существования трёхуровневой структуры управления — неперемного условия раннего государства [1, с. 68; 13, р. 579].

Военная активность стала важным источником роста влияния для воевод — получая через военную добычу и сбор дани некоторую экономическую самостоятельность, они превращались в главных интересантов укрепления и расширения возможностей власти для дальнейшего обогащения и защиты уже имеющихся ресурсов. Однако военная элита X в. ещё не обладала яркой иерархией, имея «горизонтальную» схему принятия решений — формирование управленческой структуры раннего государства следует относить к более позднему времени — XI в., где в «Правде Ярослава» фиксируются признаки «младшего» слоя элиты.

Список литературы

1. Классен Х. Дж. М. Раннее государство: структурный подход // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и Средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. серии Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 8–90.

2. Котышев Д. М. Русская земля в среднем Поднепровье: от потестарных структур к раннему государству // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. № 2 (10). 2018. С. 24–47.
3. Крадин Н. Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021. 336 с.
4. Лев Диакон. История / Пер. с виз. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М.: Наука, 1988. 240 с.
5. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов / Ред. А. Н. Насонов. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 578 с.
6. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. И. Ф. Карский. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 379 с.
7. Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 752 с.
8. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой четверти XIII вв. СПб: Академический проект, 2003. 736 с.
9. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.
10. Щавелёв А. С. Две «карьеры» функционеров раннего государства: воевода Свенельд и хёвдинг Торольв Квельдульвссон // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3. С. 72–78.
11. Щавелёв А. С. Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 112–121.
12. Щавелёв А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М.: Аквилон, 2020. 560 с.
13. Claessen H. J. M., Skalník P. The early state. Hague: Mouton Publishers, 1978. 689 p.
14. Skylitzes J. A Synopsis of Byzantine History / Transl. by J. Worthley, with introd. by J.-Cl. Cheynet, B. Flusin. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 491 p.

Артамонов Ярослав Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Филиюшкин Александр Ильич, док. ист. наук, проф.

**К вопросу о взаимоотношениях между
русско–польско–литовским пограничьем, Прибалтикой
и Волынью в конце XII – начале XIII вв.**

**On the question of the relationship between
the Russian–Polish–Lithuanian borderland, Baltic lands
and Volhynia in the late XII – early XIII centuries.**

Аннотация. В статье рассматривается политическая ситуация в Западной и Юго–Западной Руси на рубеже XII–XIII вв. Особое внимание уделяется вопросу контактов пограничных князей с литовским и ятвяжским нобилитетом, прослеживается их трансформация.

Ключевые слова: Волынь; русское пограничье; литовцы; ятвяги.

Abstract. The article examines the political situation in Western and Southwestern Russia at the turn of the XII–XIII centuries. Special emphasis is given to the issue of contacts of the princes of the frontier with Lithuanian and Yatvyazhsky nobility, their transformation is traced.

Key words: Volyn'; Russian borderlands; Lithuanians; Yatvyags.

Русско-польско-литовское пограничье представляло собой довольно обширное пространство, включающее на севере Городенское княжество, а на юге — Берестейские земли. Существуют различные взгляды на форму зависимости оных от Волынского княжества, где на рубеже XII–XIII вв., во время княжения Романа Мстиславича, возрождается военно-политический потенциал, упрочивается тенденция к консолидации [10, с. 308]. Наиболее аргументированной представляется точка зрения А. В. Горovenko, согласно которому Берестье, а вместе с ним соседний Дорогичин, принадлежали Волыни и образовывали крайнюю северную ее оконечность, в то время как Городенское княжество выступало буфером между последней и языческими прибалтийскими племенами [4, с. 22–23, 43, 127–128].

В целом на сегодняшний день накоплен достаточно обширный материал по истории северной части пограничья в IX–XIII вв., непосредственно прилегающей к землям язычников. Результаты археологических раскопок советского времени [2; 6; 7] позволили определить время появления здесь славянского населения, проследить жизнь городов на незафиксированном летописцами раннем этапе. А. В. Назаренко рассмотрены версии происхождения городенских князей, предложена хронология их правления в XII в. [11, с. 124–161]. В работе А. С. Кибиня

были обобщены положения отечественной и зарубежной историографии, обозначена проблематика развития Понеманья в Средневековье [8]. Тем не менее, влияние фактора междункняжеских отношений на внешнеполитическую обстановку должным образом не освещалось.

Несмотря на достаточно результативное правление Романа, дошедшие источники не позволяют с уверенностью говорить о существовании особой, условно говоря, прибалтийской политики. Летопись единожды фиксирует карательный поход князя в ятвяжскую землю [12, с. 471]. Нельзя полагаться на «Слово о полку Игореве» и панегирик Роману из «Летописца Даниила Галицкого», где сообщается о победах князя над язычниками, в т. ч. над прибалтийскими племенами. Вставки об этом появились в данных литературных памятниках намного позже создания основного текста произведения и на завершающем этапе формирования соответственно [4, с. 41–43, 227, 230–231], при этом обладают как генетической, так и идейно-стилистической связями [13, с. 392–393, 399–401].

Судьба Городенского княжества также напрямую не отображена в источниках. После пожара 1184/1185 гг. [12, с. 428] Городно отстраивается вновь; в частности, возводится Борисоглебская церковь — яркое свидетельство того, что в городе продолжилось развитие собственной архитектурной школы [2, с. 140].

В начале XIII в. наблюдается изменение характера связей между понеманскими и прибалтийскими князьями [8, с. 144–146], предпосылки чего стали формироваться еще в конце предшествующего столетия, возможно, на почве гипотетического стремления Романа распространить свою власть как на буфер, отделявший литовские и ятвяжские территории от Волыни, так и на сами земли язычников. К торговым сношениям, бытовавшим долгое время между двумя мирами, стали добавляться некие договоренности военно-политического характера, целью которых являлось противодействие Романовичам, стремившихся продолжить начинания отца в деле объединения Юго-Западной Руси.

Предполагать вышесказанное позволяют нам следующие известия. Около 1210 г. литовцы и ятвяги проникают в окрестности Владимира Волынского и разоряют Туриск, окрестности Комова, принадлежащего Всеволодовичу, достигают Червена, владельцем которого был Всеволод Всеволодович. Накануне Даниил и Василько получили Берестье и Белз соответственно [12, с. 482–483]. Такая расстановка сил позволяла одним набегом проникнуть и в Берестейскую волость, где находился малолетний Даниил с матерью, и нанести удар по городам Всеволодовичей, мстя им за устранение Игоревечей и Владимира Пинского, принадлежавшего к турово-пинской ветви, родоначальником которой являлся Юрий Ярославич, женатый на дочери первого известного городенского князя Всеволода [12, с. 226–227].

Современником рассматриваемой эпохи и непосредственным наблюдателем практики принятия князьями пограничья на свою службу дружин из Прибалтики являлся польский хронист Винцентий Кадлубек. Интересующая нас IV книга формировалась, видимо, по следам описываемых событий 1177–1202 гг. [14, с. 78–79] и завершена была к 1207/1208 г. [16, р. 4]. Несмотря на то, что хроника Винцентия обладает не столько крайней тенденциозностью, сколько искусственно сконструированными фактами, она выступает важным источником при реконструкции политической обстановки на рубеже XII–XIII вв.

В повествовании хрониста о походе Казимира II на Прибалтику, вызванного, по мнению Б. Влодарского, набегами язычников [1, с. 124], содержатся уникальные сведения об успешной осаде в рамках кампании Дорогичина, князь которого «обычно скрытно поддерживал» «этих разбойников» (полешан-ятвягов) [14, с. 108–109, 136]. Летописи не сообщают о том, кто сидел в это время на принадлежащем Волыни дорогичинском столе, к тому же известие никак не согласуется с дружественными взаимоотношениями Романа и Казимира [4, с. 64]. Однако никогда не существовавший дорогичинский князь мог являться собирательным образом неких русских князьков Понеманья, вступавших в военные сношения с прибалтийскими нобилиями. Причина, по которой Винцентий посадил вымышленного князя именно в Дорогичине, а не в другом пограничном городе, объясняется его близким расположением как к русско-польской границе, так и к центру Волыни — Владимиру. Русский дорогичинский князь, запятнавший свою христианскую честь политическими контактами с язычниками и вероятным нанесением вреда польским землям, серьезно подрывал авторитет Романа. Мстиславич должен был внимательно следить за ситуацией на границе во избежание казусов относительно Польши, «щедрый» князь которой (Казимир) «дает этому (Роману) за заслуги также Галицкое княжество» [14, с. 106]. Выставление волынского князя как неспособного справиться с этой задачей лишний раз служило на руку Винцентию, стремившемуся создать возвышенный образ Казимира II.

История с осадой Дорогичина приведена только у Кадлубека; создатель Великопольской хроники, пользовавшийся его работой, опустил эту деталь — вероятно, перепроверяя известия своего предшественника, он не нашел подтверждения ей. Сюжет отсутствует и у Яна Длугоша, а у Мацея Стрыйковского сообщение о походе на язычников и вовсе целиком пропущено. Договоренности, заключавшиеся на границе, не были письменными, если таковыми являлись более серьезные соглашения ятвягов с Романовичами в середине XIII в. [9, с. 128]. Это обусловило отсутствие прямых подтверждений таких контактов.

Событием, вызвавшим существенную трансформацию отношений между двумя мирами, стало заключение в 1219 г. договора литовских князей с Волынью [12, с. 491–492]. Новые политические условия

в более быстро развивающейся Литве, связанные с расслоением знати и подчинением младших нобилей старшим [5, с. 39] потребовали обращения последних уже непосредственно к самим Романовичам, а не к мелким пограничным князькам. Понеманье стало рассматриваться литовцами теперь не как партнер, а как удобный плацдарм для расширения своих владений. Даниил с Васильком, в свою очередь, устранив возможную литовскую угрозу с севера, смогли сконцентрироваться на освобождении и объединении отцовского наследства.

Значительная часть литовских князей была выведена из игры в Понеманье — пограничным князькам оставалось заключать договоренности лишь с ятвягами. Последние совершают независимый от Литвы набег на Владимир уже в 1228 г. [12, с. 501–502], вдохновленные, по мнению Д. Домбровского, пинскими князьями, опасавшимися роста могущества Романовичей [15, s. 136]. В 1229 г., когда Даниил и Василько оказывали помощь Конраду Мазовецкому в борьбе за власть, шедшие им на помощь литовцы были разбиты под Берестьем Владимиром Пинским, оставленным братьями стеречь землю от ятвягов [12, с. 503]. Сложно принять точку зрения Н. Ф. Котляра о том, что договор 1219 г., в соответствии с которым Литва действовала с Романовичами, оставался неизвестным пинскому князю, что послужило причиной инцидента [3, с. 221]. 1234 г. ознаменован еще одним и снова не зависящим от Литвы ятвяжским набегом на Вольты [12, с. 531]. Очевидно, и здесь зачинщиками экспедиции выступили пограничные князьки.

Как видно, на рубеже XII–XIII вв. взаимоотношения между Вольты, пограничьем, литовскими и ятвяжскими землями являлись весьма сложными и были связаны с соответствующей расстановкой сил на Вольты. За набегами язычников на Русь стояли понеманские князья и представители родственной им турово-пинской ветви, боровшиеся с Романом и его наследниками. Военные соглашения способствовали общественно-политическому развитию племен Прибалтики и возделывали почву для будущих процессов по включению древнерусских городов в состав Литвы.

Список литературы

1. Влодарский Б. Ятвяжская проблема в польско-русских связях в X–XIII вв. // Международные связи России до конца XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 116–130.
2. Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 241 с.
3. Галицко-Вольтынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. 424 с.
4. Горovenko A. B. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе, легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 480 с.
5. Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. / Пер. на рус. Г. И. Ефремовой. М.: VALTRUS, 2005. Том I. 683 с.

6. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 223 с.

7. Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск: «Навука і тэхніка», 1989. 208 с.

8. Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2019. 272 с.

9. Котляр Н. Ф. Дипломатия Галицко-Волынской Руси в XIII в. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 121–129.

10. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

11. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологическое исследование) / Ин-т всеобщей истории. М.: Русский фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 528 с.

12. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. 691 с.

13. Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 440 с.

14. Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М.: Наука, 1990. 210 с.

15. Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 – 1264). Biografia polityczna / Red. P. Szerzyński. Kraków: AVALON, 2012. 538 s.

16. Güttner-Sporzyński D. Bishop Vincentius of Cracow and his Chronica Polonorum // Writing History in Medieval Poland: Bishop Vincentius of Cracow and the Chronica Polonorum / Ed. by D. von Güttner-Sporzyński. Turnhout: BREPOL, 2017. P. 1–17.

Чекалдина Надежда Андреевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Шубаев Михаил Алексеевич, д-р ист. наук, проф.

**Строевский список Новгородской четвертой летописи и
новгородское летописание второй половины XV в.**

**Stroyevsky list of the Novgorod fourth chronicle and the Novgorod
chronicle of the second half of the 15th century**

Аннотация. В данной статье характеризуется Строевский список Новгородской IV летописи. Исследуя текст списка, мы выясняем соотношение его с Синодальным списком, возможное место написания его протографа, а также приходим к выводу о возможности существования в Новгороде второй половины XV в. различных центров летописания.

Ключевые слова: Новгородская четвертая летопись; Строевский список; новгородское летописание; летописные центры.

Abstract. This article describes the Stroyevsky list of the Novgorod IVth Chronicle. Looking into the list, we have found out its connection with the Synodal list and possible place of writing its protograph. We also came to the conclusion about the possibility of existing various chronicle writing centers in Novgorod in the second half of the 15th century.

Key words: Novgorod Fourth Chronicle; Stroyevsky List; Novgorod Chronicle; Chronicle Centers.

Строевский список (далее — Ст.) является одним из списков Новгородской четвертой летописи (далее — Н4). Данная летопись была создана во время владычества Евфимия II (1429–1458 гг.). В историографии главной проблемой относительно Н4 является вопрос о ее источниках. Так со времен А. А. Шахматова большая часть ученых склоняется к существованию Новгородско-Софийского свода — общего протографа Н4 и Софийской первой летописи [8, с. 151]. Однако почти нет работ, подробно рассматривающих списки Н4 и их соотношение.

Исследуемый список представляет собой текст младшей редакции Н4, продолженный до 6985 г. В издании ПСРЛ авторы относили филигрань списка к 1470, 1483 гг. по Н. П. Лихачеву [6, с. XXIV]. Но по альбому Пиккар-онлайн водяные знаки можно датировать более точно — 1481–1482 гг. (№108145 (1482), №108148 (1481), №108143 (1481)), следовательно, сам список создан в первой половине 1480-х гг.

При чтении списка в первую очередь становится заметно будто бы деление его текста на две части. До 1470 г. летописные статьи отличаются краткостью и сжатостью, после — они становятся более пространственными. Такую перемену возможно связать с поставлением после Ионы (1458–1470 гг.) архиепископом Феофила (1470–1480 гг.) и

с возможным началом оригинальных погодных записей автора протографа списка. Действительно заметно, что летописец с большей симпатией относится к Феофилу, чем к его предшественнику. Также стоит вспомнить о точке зрения А. Г. Боброва, считающего, что в Строевском и Синодальном списках (далее — С.) представлен памятник городского летописания [2, с. 238–239]. Летописец говорит об повседневных событиях города: строительстве церквей, начале посадки тополей, пожарах, городских слухах. В списке мало освещена деятельность архиепископов, рассказано лишь про малую часть построенных церквей, что было бы нехарактерно для владычного летописания. Автор будто бы аполитичен, его больше интересуют дела самого Новгорода, внутренние распри. О расколе на промосковскую и пролитовскую партии и их противостоянии он упоминает, делая акцент на волнении внутри самого Новгорода и не показывая своего отношения к какой-либо из сторон.

При анализе разночтений почти идентичных Ст. и С. (список XVI в.) можно прийти к выводу, что оба эти списка восходят к общему протографу, доведенному до 6985 г. Самым ярким доказательством этого является следующее известие. В статье 6979 г. мы читаем: «И увѣдав князь великии, больма разгнѣвася и посѣче 4 боярина: посадника Новгородцкаго Дмитриа Исаковича, [Василья Ивановича], Киприана Сергеевича, Еремиа владычня чашника, полонянымъ глаголюще, яко «вы за короля “задаватися хотѣсте”» (то, что в квадратных скобках, есть только в С.) [7, с. 447]. Можно предположить, что составитель Ст. случайно пропустил имя четвертого боярина, когда переписывал текст, ведь вряд ли возможно, чтобы автор сознательно написал «4 боярина», а указал только три. С. является более поздним списком, но при этом содержит иногда чуть более полные чтения (см. Приложение 1). Вряд ли летописец больше, чем через полвека, мог самостоятельно дополнить деталями (причем иногда совершенно бесполезными) известия за 1450–1470-е гг.

Ст. и С. сохранили текст, являющийся сокращением Летописи Авраамки (далее — ЛА). Это проявляется во многих известиях, например, статьи Ст.-С. о преставлении Евфимия, приезде Василия II в Новгород, чуде Варлаама Хутынского, стойтельстве церкви Семиона Богоприимца явно зависят от ЛА.

Еще одним подтверждением существования общего протографа С. и Ст., может служить известие 6963 г. (См. Приложение 2). Оно свидетельствует о том, что составитель С. не самовольно добавил уточнение про близость колокольни к Святой Софии, а взял его из своего источника, восходившего к ЛА.

Но протограф Ст.-С., вероятно, имел и другой источник, так как в этих списках есть известия, которых мы не находим в ЛА. Так, например, ЛА не упоминает о знамении (6970 г.) и о посадке тополей на Славковой улице (6977 г.). Отсутствие последнего из приведенных из-

вестий не удивительно из-за его малозначительности для владычного летописания. Также в сообщении о смерти Василия II Ст.-С. указывают дату, отличную от данной в ЛА.

В тексте списков не раз упоминаются названия улиц и церквей Новгорода. Из 28 топонимов к Людину концу относятся 2, к Загородскому — 1, к Плотницкому — 3, к Неревскому — 6, к Славенскому — 10. Мы замечаем особую осведомленность автора в событиях Славенского конца. Стоит обратить внимание на упоминание летописцем Славковой улицы. Под 6971 г. говорится о строительстве и освящении на этой улице церкви Святого Дмитрия Солунского [7, с. 446]. При этом указана точная дата освящения и праздник, на который она приходилась, и упомянут Иона, о котором летописец обычно умалчивал. В следующий раз о Славковой улице говорится под 6977 г. в несвойственном для летописей известии о начале посадки тополей («Начаша тополци садити на Славковѣ улицы» [7, с. 446]). Третий раз эта улица упоминается под 6978 г., но только в Синодальном списке: «Того же лѣта на Славковѣ улицы поставиша гридницу нову среднюю» [7, с. 446]. Ни одной улице в тексте больше не уделяется столько внимания. Но можно отметить, что дважды упоминается церковь Святого Семеона Богоприимца в Зверинцах. Интерес к ней объясняется тем, что она была построена горожанами «единого дни» горожанами как памятник погибшим от мора 1467 г. Аналогичные известия об этой церкви есть и в ЛА, поэтому они не представляют собой какую-то особенность текстов С.-Ст. А два из трех сообщений о Славковой улице уникальны.

На основании этого можно осмелиться предположить, что общий источник С. и Ст. создавался в Славенском конце, а возможно, и в церкви Дмитрия Солунского на Славковой улице.

Свидетельства уникальных уточнений (указание точной даты закладки церкви Св. Петра в 6945 г., слова «стояль на Городищи 5 недѣль» в 6968 г., известия о пожаре 6985 г., отличные от Ст.-С.) мы видим и в Краткой новгородской летописи, датированной О. Л. Новиковой 1500–1501 гг. [4, с. 30–31]. Она отражена в Новгородском летописце по списку Никольского (далее — Ник.) и связана с Ст.-С.

Можно и в целом заметить, что многие статьи Ник. похожи на сокращение ЛА, аналогичное представленному в Ст., за исключением известия 6971 г. и ряда других, которые были просто пропущены. После 1469 г. (6977 г.), на котором заканчивается ЛА, Ник. содержит еще три известия (за 6979 г., 6984 г., 6985 г.), первые два из которых еще ближе к Ст.

Как отмечала О. Л. Новикова, с присоединением Новгорода к Москве вместе со старым укладом изменились летописи, а важной их особенностью в XVI в. стало разнообразие [4, с. 216–217]. И, по-видимому, основы для такого разнообразия были заложены во второй половине XV в. с появлением новых летописных центров.

Существование летописных центров, отличных от владычного, давно предполагалось историками, но их появление датировалось по-разному. А. А. Шахматов говорил о зарождении частных летописцев во второй половине XII в., черпавших информацию из владычной и других доступных летописей [9, с. 188], то есть больше похожих на обычные компиляции. Большая часть современных историков предпочитает говорить о копиях официальных летописей Новгорода в столь ранний период. Неуклюже попытался возродить теорию А. А. Шахматова С. Н. Азбелев, говоривший уже о полноценных летописях при новгородских храмах с XII в. [1, с. 49], но не представивший конкретных текстологических аргументов. Т. В. Гимон же в своей диссертации обосновал, что, говоря о летописании Новгорода до XV в., не следует иметь в виду самостоятельное летописание каких-либо храмов и монастырей [3, с. 386].

Итак, данная работа позволяет прийти к выводу, что С., несмотря на близость к Ст., восходил не непосредственно к нему, а скорее к общему с ним протографу, который был доведен до 6985 г. и был составлен в Славенском конце, вероятно, в церкви Дмитрия Солунского. Также мы считаем возможным предполагать в Новгороде XV в. существование летописных центров, отличных от владычного.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода: Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 280 с.
2. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. М.: Дмитрий Буланин, 2001. 287 с.
3. Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление: Дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2014. 426 с.
4. Новикова О. Л. Новгородские летописи XVI века: Дис. ... канд. филологич. наук. СПб, 2000. 252 с.
5. ОР РНБ. Ф. 588. «Погодин М. П.». Оп. II. Ед. 2035.
6. ПСРЛ. 2-е издание. Пг., 1915. Т. 4, вып. 1.
7. ПСРЛ. 2-е издание. Л., 1925. Т. 4, вып. 2.
8. Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.: Издательство АН СССР, 1938. 372 с.
9. Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 11. С. 135–200.

Приложения

Приложение 1. Сравнение Синодального и Строевского списков.

Строевский	Синодальный
В лѣто 6963. Постави владыка Евфимии колокольницу каменну.	В лѣто 6963. Постави владыка Евфимии колокольницу каменну у святѣи софѣи.
6978. Того же лѣта мостиша мость новъ отъ Лубянкѣ во весь конецъ Плотницкой. Тои же осени преставися владыка Новгородцкии Иона.	6978. Того же лѣта мостиша мость новъ отъ Лубянкѣ во весь конецъ плотницкой. Того же лѣта на Славковѣ улици поставиша грядницу нову среднюю. Тои же осени преставися владыка новгородцкии Иона...
6984. Тои же зимы начаша пѣти Господи помилуи.	6984. Тои же зимы некоторыи философѣвъ начаша пѣти огосподи помилуи, а друзѣ осподи помилаи.
6984. Тои же весны, на святой недели, погорѣ в Полѣ на Пруской улици, и на Чюдинцовѣ улицѣ, и до Иоанна святого Богослова...	6984. Тои же веснѣ, на святой недели, погорѣ в Полѣ на Пруской улици, и на Чюдинцовѣ улици, и на Легощи улици, и до Иоанна святого Богослова...

Приложение 2. Сравнение Строевского, Синодального списков и Летописи Авраамки.

Ст.	С.	ЛА
6963. Постави владыка Евфимии колокольницу каменну.	6963. Постави владыка Евфимии колокольницу каменну у святѣи софѣи.	6963. Того же лѣта срубиша церковь древяну святого Алексѣя челоуѣка Божия, повѣлениемъ владыкы Еуфимиа, и колоколницу каменну поставиша у стѣни Софѣи.

Карпова Мария Владимировна
Тверской государственный университет
Научный руководитель:
Степанова Юлия Владимировна, канд. ист. наук, доц.

Перевары как административно-территориальные единицы Торопецкого уезда и Водской пятины Новгородской земли¹

Perevaras as administrative-territorial entities of Toropetsky uезд and Vodskaya Pyatina of Novgorod Land

Аннотация. Статья посвящена анализу уникальных единиц, переvar, фиксируемых писцовыми описаниями на территориях Торопецкого уезда и Водской пятины Новгородской земли и связанных с промысловым хозяйством. Автор приходит к выводу, что в XVI в. переvarы представляли собой остатки древнерусской податной системы и не имели промысловой направленности в качестве своей исключительной характеристики.

Ключевые слова: переvarы; бортничество; охота; Торопецкий уезд; Водская пятина.

Abstract. The article analyzes the unique entities — perevaras, that existed in Toropetsky yезд and Vodskaya pyatina of Novgorod Land and were connected with apiculture and hunting. The author suggests a conclusion that perevaras of the 16th century were remains of ancient Russian's tax system and were not connected only with apiculture and hunting.

Key words: perevaras; apiculture; hunting; Toropetsky yезд; Novgorod Land.

Русь славилась широким кругом занятий населения, которое стремилось использовать все возможности окружающей среды в своей жизнедеятельности. Значительное распространение лесных массивов, с одной стороны, требовало больших физических затрат для ведения сельского хозяйства, с другой, приводило к лесной «специализации», т. е. ориентации жителей определенных регионов государства исключительно на ведение промыслового хозяйства. Господство промыслов привело к формированию уникальных административно-территориальных единиц, переvar, население которых воспринимало лес как основную источник своего дохода, в Торопецком уезде и Водской пятине Новгородской земли.

Торопецкий уезд — территория, имевшая стратегическое пограничное положение на русско-литовской границе в XIII–XV вв.

---

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-01089 «Историческая география Торопецкого уезда в XVI–XVII вв. в GIS и базах данных» (руководитель — канд. ист. наук Ю. В. Степанова).

В конце XIII–первой трети XIV вв. наблюдается пик распространения бортничества на Руси. Есть основания полагать, что уже с раннего времени контроль за бортным промыслом находился в руках князей — в духовной грамоте Ивана Красного встречается упоминание «варей» (т. е. мест, где из меда изготавливался хмельной напиток) наряду со «станами» [6]. Таким образом, «вари» используется как синоним «перевар».

Перевары зафиксированы в Торопецкой, Данковской, Старцевой и Стрежинской волостях уезда. Торопецкая волость располагалась вокруг самого Торопца и включала в себя обширную территорию, включавшую шесть перевар: Порецкая, Збутцкая, Струская, Торопецкая, Жалинская и Любинская (См. Приложение 1.).

Крупнейшей по территории в Торопецкой волости была Збутцкая перевара. В ней насчитывалось 86 поселений и пустошей, дворов — 147, людей — 195 человек. Самая маленькая перевара — Зимецкая — включала всего 3 деревни.

Данковская волость включала 2 перевары — Данковскую и Серезскую; Старцева — 3 (Зимецкую, Всхонскую, Соловскую). Самой большой переварой Данковской волости являлась Серезская перевара, состоявшая из 72 населенных пунктов и пустошей, 69 дворов, 117 человек.

Особенностью структуры сельского расселения Торопецкого уезда является специфический характер размещения населенных пунктов — деревень, которые объединялись в своеобразные «гнезда». Образовавшие «гнезда» деревни не имели названий, в писцовом описании они обозначаются по именам крестьян (например, «дрв. Федька Максимова» и т. п.).

М. В. Витов определяет данное понятие так: гнездо поселений представляет собой мелкие деревни, разбросанные небольшими группами на значительном расстоянии друг от друга и осознающие свое родство [4, с. 159].

Доказательством может выступить Порецкая перевара: из 27 деревень перевары 13 основаны родственниками, из 102 человек населения 26 являются ближайшими родственниками.

В целом, обобщающие названия «гнезд» охватывают небольшое количество поселений, от 2 до 20. Наличие обобщенного названия для целого ряда поселений упрощало поступление средств в казну великого князя.

Первоначально перевары являлись неотъемлемым элементом великокняжеского хозяйства, но постепенно в результате расширения поместного фонда дворяне стали помещаться и на ранее находившихся в исключительной собственности верховной власти землях. Поместья зафиксированы на территории перевар — Желинской, Болобинской, Замошской, Данковской, Серезской. Поместные деревни

в перевах были несколько больше (3–6 дворов), чем на черносошных землях, где преобладали однодворки.

Количество топонимов, зафиксированных А. Д. Ульяниным и Т. С. Бибиковым, в перевах черных и владельческих земель приблизительно одинаково — 458 и 460 соответственно. Абсолютное большинство являлось малодворными поселениями в 1–2 двора, однако несмотря на явное преобладание в обоих случаях небольших деревень, на частновладельческих землях чаще встречались более крупные населенные пункты, например, деревни, состоящие минимум из 5 дворов, достигали 13% поселений, в то время как подобный показатель для черных территорий ниже и характерен для 7 % фонда. По численности население перевах в поместных и черных землях практически равно и составляло 1138 и 1190 человек соответственно.

В результате подсчетов было определено, что население черных земель в уезде составляло 51% или 2338 человек. Таким образом, черные земли к середине XVI в. составляли заметную часть территорий уезда, но постепенно процесс испомещения усиливается — как в количестве собственников, так и в объеме предоставляемых им земель.

Описание перевах в Торопецкой писцовой книге 1540 г. является наиболее полным в русских письменных источниках. Подробное описание перевах имеется только в писцовой книге Водской пятины 1499/1500 г.

На территории Водской пятины насчитывалось 22 перевахы в 4 (из 57) погостах — Сакульском, Кирьяжском, Иломанском и Никольском Сердовольском. Пять перевах располагались в границах нескольких погостов.

Половина всех перевах Водской пятины входили в состав чернокунских волостей. Чернокунство воспринимается в историографии как архаическая черта ранее бытовавшей служебной организации. Первоначально древнерусские поселения чернокунцев были ориентированы на княжеское хозяйство и непосредственно связаны с промысловой деятельностью [12].

О существовании служебных поселений в перевах свидетельствует писцовая книга Водской пятины, приводящая сведения об отбывании натуральной повинности сокольниками Ардендешской перевахы Никольского Сердовольского погоста: «деревня, что были сокольники, а давали намеснику сокол, а нынеча им сокол не давати, а тянути им в переваху» [8, с. 58]. Таким образом, на рубеже XV–XVI вв. служебное население уравнивается в обязанностях с остальными крестьянами, начинает «тянути в великокняжескую дань и в наместничьи пошлины во все» [8, с. 130].

Самой большой по количеству поселений в перевахы и проживающему в них населению являлся Никольский Сердовольский погост, включающий 11 перевах, состоящих из 175 деревень, в которых зафик-

сировано 943 глав семейств (52% и 47% от общего числа соответственно), за ним следует Кирьяжский погост, имеющий 9 перевар, в которых значились 117 деревень и 861 человек (34% и 42% соответственно), наименьшим являлся Сакульский погост, в который входила одна перевара – Свяцкая. Она охватывала 6 деревень (2%) и 13 человека (1%) (См. Приложение 2.).

Перевары Водской пятины образовывали деревни, составлявшие группы поселений, располагавшиеся на большом расстоянии друг от друга. Населенные пункты являлись малодворными: подавляющее большинство включало от 1 до 3 дворов (59%), в них суммарно проживало 1517 человек (99%), исключением являются поселения, размер которых варьируется от 10 до 46 дворов, что в совокупности составляет 11% общего числа деревень и 1% всех упомянутых писцовой книгой глав семейств перевар.

В советской и современной историографии перевары Водской пятины воспринимаются как синоним верви [3, с. 127], общины, объединяющей гнезда деревень [3, с. 127], имеющей податные функции [9, с. 29]. Авторы Аграрной истории Северо-Западной России определяют перевары как те чернокунские волости, что были предоставлены великим князем наместнику [1, с. 225]. В начале XX в. был высказан тезис, что перевары существовали в исключительно великокняжеских землях, «приданных» корельскому наместнику [5, с. 695]. Однако источники свидетельствуют об обратном. В Свяцкой переваре Сакульского погоста фиксируются поселения, записанные за Мартемьяном Фектистовым [8, с. 33].

Отдельные деревни перевар находились в совместном владении с духовными феодалами. В частности, в переварах Водской пятины отмечалось земли трех корельских монастырей — 9 деревень «вопчм с Воламским», 2 поселения с Коневским, 1 — с Ивановским монастырями.

Совместная собственность переварян отмечается и со своеземцами. Так, деревня Тогмоярва являлась «вопчим на чернокунском жеребье» с своеземцем Микитою Павловым сыном Рокульским поселением [8, с. 175].

Перевары Водской пятины характеризовались луковым налогом. На севере Новгородской земли в Средние века промыслы выступали основным занятием населения. В Задней Карелии они были более значимы, что вылилось в формирование луковой системы [11, с. 35], т. е. обложения, которое подразумевало уплату податей продукцией охоты. На рубеже XV–XVI вв. термин «лук» утратил первоначальный смысл и подразумевал денежные и натуральные выплаты в том числе и продуктами сельского хозяйства в связи с развитием земледелия.

Таким образом, уникальные территориальные единицы Торопецкого уезда и Новгородской земли носили промысловый ха-

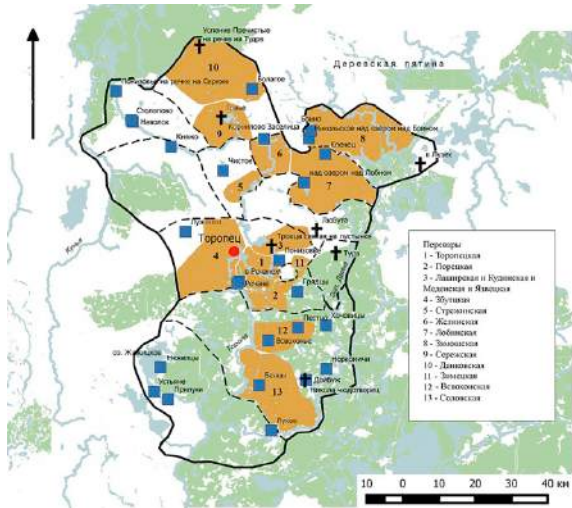
ракти: перевары Торопецкого уезда были связаны с бортничеством и созданием хмельного напитка из меда, перевары Водской пятины — с охотничьим хозяйством. Впоследствии в связи с сокращением лесных площадей, приведшим к упадку бортничества в Торопецком уезде, в связи с распространением в Карельских погостах земледелия понятие «перевара» лишается изначального смысла, превращается в реликтовые остатки древней повинностной системы.

Список литературы

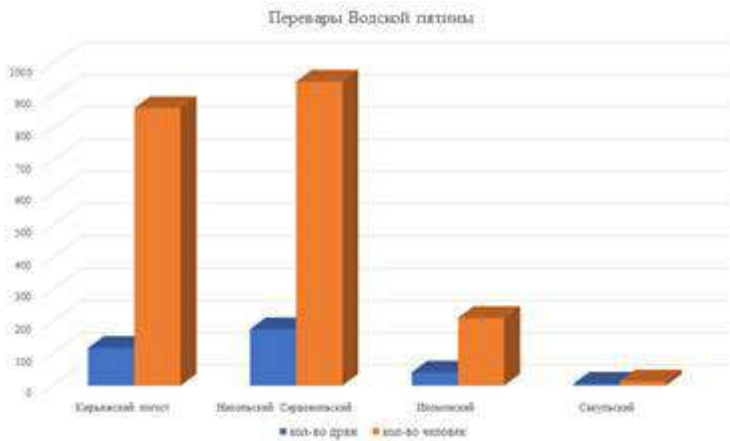
1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / Руковод. авт. коллектива и отв. ред. А. Л. Шапино. Л.: Наука, 1971. 402 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России во второй половине XV — начале XVI вв. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. / Руковод. авт. коллектива и отв. ред. А. Л. Шапино. Л.: Наука, 1978. 220 с.
3. Буров В. А. А погост Жабна пуст... М.: Институт археологии Российской академии наук, 1994. 137 с.
4. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1959. № 2. С. 27–40.
5. Епископ Сергей (Тихомиров). Новгородские погосты, волости и села к XV веку // Христианское чтение. 1907. № 12. С. 689–709.
6. Духовная грамота великого князя Ивана Ивановича // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовлено к печати Л. В. Черепниным. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. С. 15–19.
7. Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды Карельского научного центра Российской Академии Наук. 2011. № 6. С. 72–79.
8. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. 7008. Временник Московского Общества истории и древностей Российских. М.: Университетская типография Московского университета, 1851. Ч. 2. С. 1–188.
9. Петрова М. И. Монастыри Карелии в Кирияжском погосте к концу XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 26–45.
10. Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-х — 1540-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М.: Древлехранилище, 2004. С. 501–682.
11. Сакса А. И. Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в Средние века // Российская археология. 2006. № 3. С. 63–74.
12. Фролов А. А. Феномен «чернокунства» новгородско-литовских соглашений XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 143–144.
13. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 349 с.

Приложения

Приложение 1. Перевары Торопецкого уезда.

Приложение 2. Соотношение погостов Водской пятины по входящим в них переварам.

Киселев Дмитрий Алексеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Филюшкин Александр Ильич, д-р. ист. наук, проф.

**«Вотчинный» дискурс в русско-литовской дипломатии времен
Смоленской войны 1512–1522 гг.**

**«Votchinnyi» discourse in Russian-Lithuanian diplomacy during
Smolensk war 1512–1522-s.**

Аннотация. В статье рассматривается дипломатический процесс вокруг русско-литовской войны 1512–1522 гг., главные спорные вопросы, причины их возникновения, а также пути решения.

Ключевые слова: Смоленская война; вотчинный дискурс; русско-литовская дипломатия.

Abstract. The article examines the diplomatic process around the Russian-Lithuanian war of 1512–1522, the main controversial issues, the causes of their occurrence, as well as solutions.

Key words: the Smolensk war; «votchinnyi» discourse; Russian-Lithuanian diplomacy.

Смоленская война — самый масштабный русско-литовский конфликт первой трети XVI в. с не менее значительным дипломатическим фоном. В данной статье не ставится задача подробного описания самого дипломатического процесса, ввиду широкой историографической базы по этому сюжету. Здесь будут лишь кратко охарактеризованы основные территориальные споры, а также те механизмы, с помощью которых московская дипломатия решала эти споры, находясь в рамках вотчинного дискурса.

Во-первых, стоит объяснить, что мы понимаем под вотчинным дискурсом. По определению А. И. Филюшкина [9, с. 177–178] — это совокупность представлений о землях, захватываемых Московским княжеством, как о древних вотчинах князей Рюриковичей, что активно использовала московская дипломатия. Как указал А. И. Филюшкин данный дискурс особое развитие получил именно во времена Ивана IV. Таким образом, в данной статье под вотчинным дискурсом будет подразумеваться совокупность представлений о территориях Московского государства, которые выступают своего рода паттерном, задающим поведение московской дипломатии.

Применительно к нашему периоду этот дискурс хорошо проявляется в дипломатическом процессе вокруг Смоленской войны. Еще в до-революционной историографии было отмечено, что данная война, как и стычки 1507 и 1508 гг. велась исключительно ради Смоленска, при-

чем по мнению Кашпровского [5, с. 39–41] новые походы носили куда более системный характер, чем прежде. Хотя в данной работе мы не будем останавливаться на характеристике боевых действий, при этом заметим, что еще дореволюционным историком было подчеркнuto, что именно во время Смоленской компании решался вопрос «о законности притязаний Москвы на ту или другую волость настолько, насколько имя ея связано исторически с именем своего центра». То есть в данном случае можно сказать, что историк усмотрел проявление именно того вотчинного дискурса.

Однако если мы обратимся к материалам переговоров, то увидим, что подобные представления транслировались еще до военных столкновений. Если говорить применительно к межвоенному периоду 1509–1512 гг., то нельзя не заметить многочисленные споры по поводу принадлежности разных пограничных территорий. В частности, в 1510 г. в Москву прибыло посольство Богдана Догвирдова [2, с. 496], в котором Сигизмунд изложил Василию III свои претензии, главная из которых заключалась в том, что великокняжеский наместник Пуповский занял несколько сел в Полоцком повете: Могилно, Сутони, Неведрее, Свирбло, Вилейно, Аливо, Утог Великий, Утойце Малое, Свозное, Клейна, Замшу. Стоит обратить внимание, что король Сигизмунд получил ответ, который полностью укладывается в рамки вотчинного дискурса, ведь князь Василий заявил, что все эти земли «государевы к Пуповской волости по старине и писаны в докончалной в государеве стороне». То есть эти земли относятся к волости, которая является вотчиной Василия III.

Когда же начинается война и Василий III в 1512 г. направляет Сигизмунду складную грамоту, в которой он «писал свое имя с титлы, а королево без титлы» [2, с. 499], проявляется уже и вопрос о титулах. Хотя обычно титулярный спор является своего рода оспариванием притязаний правителя на те или иные земли, в данном случае, на мой взгляд, вряд ли возможно говорить о подобном замысле Василия III. Здесь же нельзя не отметить, что при первых попытках в 1513 г. заключить мир в грамоте панов рады к московскому боярству Василий III был лишен литовскими дипломатами титула «государь всея Руси» [1, с. 111], хотя стоит сказать, что наиболее ожесточенно титулярный спор проявит себя уже после десятилетней войны.

Отметим, что в официальном «casus belli» вотчинный дискурс не проявился, и ни на одну из литовских территорий Московское княжество не заявило свои права. Как это неоднократно отмечено в историографии [4, с. 152; 6, с. 33; 7, с. 7] наиболее удобным и удачным поводом стали притеснения Елены Ивановны — вдовы польского короля Александра и родной сестры Василия III, а также тот факт, что Сигизмунд начал переговоры с Менгли-Гиреем с целью натравить татар на Москву.

В результате разгоревшихся боевых действий московские войска взяли в 1514 г. Смоленск, и уже в 1517 г. начались переговоры о мире. По достаточно меткому замечанию А. А. Зимина переговоры провалились, поскольку разговор велся на совершенно разных языках [4, с. 185]. Это различие проявилось в преобладании вотчинного дискурса со стороны Москвы. Он просматривался в требовании таких «отчин от прародителей его (Василия III), как Киев, Полоцк и Витебск. Более того московский великий князь пытался под определение своих вотчин подвести даже земли, которые в качестве свадебного дара получила княгиня Елена, поскольку после смерти мужа Василий оставался единственным ее ближайшим наследником. Такое построение, на мой взгляд, может основываться на 60 статье Судебника Ивана III [3, с. 54–62]. Хотя этот вопрос нуждается как минимум в прояснении, поскольку вряд ли «Русская Правда» и «Судебник» решали вопросы княжеского земельного права. Поэтому, согласимся в данном случае с А. И. Филюшкиным, который усматривает в этих требованиях изменный вотчинный дискурс, когда Василий III требует обозначенные земли из-за того, что литовский князь его продал [9, с. 179–180]

Тем не менее литовцы, настаивая на своей правоте в более традиционном для них ключе апеллируют к прежним договорам, то есть прецедентам во внешнеполитическом устройстве и на этом основании называют Смоленск неправоммерно отнятой вотчиной короля Сигизмунда [2, с. 509]. При этом они явно пытаются перенять логику вотчинного дискурса Москвы и называют своей вотчиной еще половину земель Великого Новгорода, Пскова, Твери, Вязьмы, Дорогобужа и Путивля. И здесь стоит сказать о крайней сумбурности представлений литовцев об этом дискурсе и их крайне непрочном положении. Так, требуя Вязьму, Дорогобуж, Путивль и Северские города, называя их своими вотчинами, они тем самым отрицают условия договора 1508 г., к которому при этом хотят вернуться, а законность их требования Новгорода и Твери явно основана на ханском ярлыке 1507 г., который они получили на эти земли, при том что исходя из представлений той эпохи ярлык делает литовских князей формально лишь правителями этих земель, но не как не указывает на наследственный характер этих владений, как их вотчины. Иными словами, в глазах московской дипломатии литовцы данной конструкцией противоречат сами себе. По итогам переговоров литовцам удалось добиться от Василия III лишь уступок Полоцка и Витебска, и не понимая как Московский князь собирается отдавать им их же собственные земли, литовские представители покинули Москву [2, с. 538–546].

Но как бы не хотели Москва и Литва окончательно разрешить накопившиеся вопросы силой, война 1517–1518 гг. показала равновесие сил и невозможность для обеих сторон захватить интересующие земли [10, с. 129], поэтому в 1520 г. с подачи московских бояр, а скорее по пря-

мой просьбе Василия III (Василий сделал так чтобы не отправлять посольство первым, ведь так он бы признал себя проигравшим [5, с. 89]), король Сигизмунд снаряжает новое посольство [6, с. 44]. Эти переговоры шли в целом по тому же сценарию, что и предыдущие, с небольшим отличием, что наряду с Новгородом литовские послы вместо Твери и Дорогобужа требовали лишь Торопец [2, с. 580], но главное, что в этих переговорах проявилось некоторое творчество послов и они отошли от изначальных инструкций [1, с. 133], и совершенно забыли потребовать вернуть земли князей Воротынских, Одоевских и Бельских, явно боясь негативной реакции Великого князя Василия. Василий Иванович в свою очередь требует своих «государевых вотчин» [2, с. 589], которые московский князь не видит необходимым конкретизировать. За него это пытается сделать историк А. А. Зимин, определяя этими вотчинами Киев и Минск [4, с. 166], что, на мой взгляд, достаточно спорно, ведь вотчинный дискурс предполагал широкую, в основном конъюнктурную, вариативность.

Сошлись стороны лишь на том, что Смоленск все же останется за Василием III, однако при этом не идет речи о признании Смоленска вотчиной Московского князя [2, с. 584], да и московская сторона не ставила этот вопрос, переходя на язык литовской дипломатии, осознавая необходимость перемирия.

Перемирие было заключено и теперь стояла задача подтвердить его переговорами 1522 г. Для того, чтобы переговоры сдвинулись с мертвой точки литовцам пришлось в очередной раз утвердить за Москвой завоеванные Иваном III Чернигов, Путивль, Стародуб, Рыльск и Новгород-Северский, то есть отказаться от реванша [6, с. 46]. Литовцы уступили и Смоленск, при том, что вопрос о вотчинном характере этих земель Василием не поднимался вновь.

Помимо прочего, договор 1522 г. отличается и более детальным установлением границ двух государств. Ранние договоры носили скорее декларативный характер, в задачи которых входило определение абстрактных вотчин Московского и Литовского правителей. Но в данном же случае, стороны, осознавая опасность нерешенной пограничной проблемы, особенно, что касается поделенной Смоленской волости, выходят за рамки московского вотчинного дискурса и полностью разграничивают территории с точностью, достигающей до отдельных сел. Подробнее с этим переустройством можно познакомиться в работе В. Н. Темушева, здесь же обратим внимание на его справедливое высказывание о том, что именно по итогам Смоленской войны русско-литовские рубежи приобрели наиболее стабильное положение [8, с. 18].

Подводя итог, стоит отметить важность Смоленской войны, как закономерного этапа развития русско-литовского дипломатического процесса. Его характерной чертой для русской стороны становится вотчинный дискурс, как особый паттерн представлений о том, что является государевой вотчиной, и как исходя из этого необходимо вести

дипломатические дела. В данной статье мы продемонстрировали на примере посольской документации Московского государства как можно применять этот паттерн не только при изучении дипломатического процесса Ивана IV, но и относительно времени правления его отца, особенно в сюжетах, связанных со Смоленским противостоянием и дальнейшими событиями.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т. 1. 436 с.
2. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1886. Т. 35. 943 с.
3. Российское законодательство X–XX веков. М.: «Юридическая литература», 1985, Т. 2. С. 54–62.
4. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 450 с.
5. Кашпровский Е. А. Борьба Василия III с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском. Нежин.: Типо-лит. М. В. Глезера, 1899. 175 с.
6. Кузнецов А. Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века., Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2002. 256 с.
7. Лобин А. Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г., М.: Русские Витязи, 2015. 64 с.
8. Темушев В. Н. Формирование Московско-Литовской границы в XV – начале XVI в.// *Studia historica europaе orientalis*. исследования по истории Восточной Европы. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008. С. 56–76.
9. Филюшкин А. И. Титул русских государей. М.-СПб.: «Альянс-Архео». 2006. 256 с.
10. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. 489 с.

Хадиев Руслан Русланович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Корзинин Александр Леонидович, д-р ист. наук, проф.

К вопросу о Казанской ссылке 1565–1566 гг.

On the question of the Kazan exile of 1565–1566

Аннотация. В данной статье рассматривается проблемный вопрос, касающийся Казанской ссылки. В исторической науке данная тема исследовалась историками, Р. Г. Скрынниковым, В. Б. Кобриным, А. А. Зиминим. Они по-разному видели причины и результаты ссылки. Автор статьи ставит перед собой цель рассмотреть причины Казанской ссылки и проанализировать ее последствия.

Ключевые слова: XVI век; опричнина; Казанский край.

Abstract. This article discusses the problematic question regarding the Kazan exile. In historical science, this topic has been studied by several historians who saw the reasons and results of the exile differently. The author of the article aims to consider the reasons for the Kazan exile and analyze its consequences.

Key words: XVI century; oprichnina; Kazan region.

Казанский край в период опричнины стал местом ссылки дворян. Земли недавно вошедшие в состав Русского государства, стали инструментом для решения внутривосточных проблем в государстве.

Сразу после утверждения опричнины начались репрессии. Больше всего от этого пострадали князья Ростовские, Ярославские, Стародубские, то есть князья с территории Северо-Восточной Руси [1, с. 150]. С. Б. Веселовский был первым исследователем, кто пытался провести анализ информации о Казанской ссылке. В список опальных, составленный историком, вошло 58 имен [2, с. 150]. По мнению С. Б. Веселовского, большая часть сосланных дворян принадлежала к низшим слоям государева двора [2, с. 154]. В последствии Р. Г. Скрынников проанализировал источники и увеличил данный список до 150 имен [11, с. 123]. В своих работах Руслан Григорьевич больше уделял внимание земельной политике в период опричнины. Историк в своих трудах пытается доказать, что в период ссылки происходила конфискация земель [12, с. 244]. Источником для составления списка служили Писцовые книги Казанского уезда 1565–1566 гг.

По мнению Р. Г. Скрынникова, указ царя о ссылке в Казань нанес сильный удар могуществу князей Ростовских. Царь подверг опале и сослал на поселение в Свяжск боярина князя А. И. Катырева. К началу опричнины Катырев оставался единственным представителем Ростовского княжеского рода в Боярской думе. С его опалой Ростовские утратили свои позиции в думе [11, с. 125]. Историк утверждает, что

Казанская ссылка была важным этапом, который ускорил процесс конфискации земли. Р. Г. Скрынников придерживается точки зрения, что Казанская ссылка стала началом кровавого террора [12, с. 261]. Нужно учесть тот факт, что ссылка подразумевала под собой полное изъятие земельных владений.

Как можно заметить, сама по себе земельная политика и проводимые мероприятия помогли развитию опричнины. Земельная политика середины 60-х гг. и проводимые казни были два взаимосвязанных мероприятия. Если как-то суммировать элементы Казанской ссылки, то они заключались в изъятии земельных владений и опричных казнях.

Сам по себе раздел земли Казанского края произошел намного раньше после 1557 г. [12, с. 251]. Земли разделили между русскими дворянами и татарскими мурзами. Важным фактором остается то, что ссыльные дворяне получили намного меньше земли, чем имели ранее [12, с. 251].

Следует обратить внимание на то, что царь Иван Грозный после конфискации земель в центральной части страны разделил землю среди своих сыновей, это четко обозначено в завещании царя. Мы точно знаем, что Суздальские и Ярославские вотчины отошли младшему сыну — Федору. Но важно брать во внимание тот момент, что царь запретил изымать земли, у тех князей кому он их сохранил. Старшему сыну должны были по завещанию отойти стародубские вотчины [11, с. 134].

Обращая внимания на то, что ссыльные князья, которых лишили земельных владений в центральной части государства получили земельные владения в Казанском крае. Говорить о полной опале и уничтожении княжеских родов говорить сложно. Ссыльные князья руководили краем и находились в системе управления государством [12, с. 247].

Большинство ссыльных князей получили должности воевод. Обращаясь к списку воевод Казанского края второй половины XVI в. можно проанализировать сколько из них были сосланы в край в результате опричнины. Например, Федор Троекуров был воеводой, хотя был сослан. При всем процессе ссылки князья сохраняли свои административные полномочия [12, с. 255].

Мероприятия опричнины нашли свое отражение на страницах труда английского дипломата Джильса Флетчера [13]. Нужно отметить, что его труды свободны от государственной идеи. Возможно, эти сведения можно рассматривать как объективные. Репрессии против Ростово-Суздальских, Ярославских и Стародубских княжат, ссылка многих из них на поместья в Казанский край и конфискация значительной части их родового землевладения нанесли удар влиятельной боярской аристократии, многочисленным потомкам удельных династий Владимиро-Суздальской земли [11, с. 132].

Опричники Таубе и Крузе утверждали, что царь давно держал в голове идею опричнины. Он хотел истребить знатные княжеские роды. [11, с. 132].

Нужно взять во внимание религиозный фактор ссылки. Царь видел в себе вершителя божьей воли. Большинство ссыльных и убитых не были похоронены по правилам. Иван Грозный был убежден в том, изменники не должны быть похоронены на царской земле. Прежде всего изменники перед царем становились изменниками перед христианством, и они не могли рассчитывать на спасение души. За казненных не делали вкладов в церкви исключением был А. Горбатый за него был сделан вклад в 200 рублей [14, с. 201].

Об опричнине можно найти сведения в трудах А. Курбского в своем сочинении князь не поддерживает систему удельных княжеств, хотя сам он был представителем Ярославских князей [10]. Исходя из того, что он находился в эмиграции, Курбский мог поддержать эту систему, но лишь только желал, чтобы царь прислушивался к своим советникам.

Главным результатом опричных репрессий явилось отход в пользу казны весьма значительной части родового землевладения князей Ростово-Суздальских, Ярославских и Стародубских, возглавлявших княжеско-боярскую оппозицию и занимавших наиболее влиятельное положение в среде высшей титулованной знати. В известном смысле введение опричнины знаменовало собой крушение княжеско-боярско-го землевладения.

Р. Г. Скрынников говорит о катастрофе, вероятно данная оценка слишком критична. По нашему мнению, катастрофы как таковой не было был кризис, который сильно отразился на князьях и на политике в крае. Катастрофа можно было бы употребить, если бы ссылка проходила без выдачи земли и с лишением должности.

Историк А. А. Зимин в своих работах склоняется к тому, что целью ссылки было лишение опоры старицкого князя среди московской знати [4, с. 135].

Исследователь А. Л. Корзинин в своей диссертации четко обозначил последствия Казанской ссылки 1565 г. Ссылка способствовала конфискации родовых вотчин у членов Государева двора. И ослабила экономические позиции правящей элиты [6, с. 9].

Иной точки зрения придерживался историк В. Б. Кобрин, в своей работе исследователь категорически опровергает что политика, опричнины в большей степени была направлена против Суздальских князей. Свою позицию историк аргументирует тем, что в списке ссыльных нет суздальских князей [5].

В данном случае можно частично не согласится с позицией историка. А. Горбатый был одним из основных воевод при взятии Казани, был первым воеводой. Вероятно, казнь князя Горбатого пресеклась мужская линия рода, соответственно, род прекратил свое существова-

ние. Поэтому здесь ограничилось немногими жертвами. Непонятна позиция историка по воеводам Казанского края. В своих трудах Кобрин доказывает, что воеводы не были в списке ссыльных. В данном случае, более истинной точкой зрения является точка зрения Р. Г. Скрынникова [12, с. 246].

Важным является то, что ссыльными стали те, князья и приближенные царя, кто ранее был в системе управления в центре страны. Данными ссыльными мероприятиями Иван Грозный начал борьбу против своих же подданных, он хотел отослать неугодных лиц дальше от центра страны. Безусловно, важным является то, что из всей группы ссыльных князей есть те, кого амнистировали и вернули земельные владения в центре страны. Для получения более точной картины, нужно обозначить имена амнистированных: Засекин-Солнцев А. П., Засекин-Жирового В. Ф. Морткин Л. В., Гондуров И. В. и др. [12, с. 256].

Казанская ссылка, как политическое мероприятие стало отправной точкой к кровавым казням. Произошло обострение отношений между царем и знатью. Если брать во внимание то, что в последующие годы произошла амнистия, то можно в большей степени утверждать, что Казанская ссылка и земельная политика не дали желаемых результатов.

Надо сказать, что Казанский край стал местом ссылки для многих представителей знати. Как можно, заметить таким способом царь решил две проблемы одновременно: 1) Удалил от центра нежелательные боярские роды; 2) Увеличил количество русского населения на территории Казанского края.

С какой целью был выбран Казанский край для ссылки? Здесь существует очевидные причины; самая окраина страны. И скорее всего данной ссылкой царь хотел отдалить от центра знать, заставляя их, решать различные проблемы в крае, начиная от народных восстаний, заканчивая решением проблем с продовольствием. С большой вероятностью можно сказать, если бы Иван Грозный полностью не доверял опальным лицам, он бы не назначал их на руководящие должности, а конкретнее, воевод. Воевода обладал большим количеством полномочий, и назначать на эту должность недоваренное лицо было бы слишком опасно.

Подводя итог, следует отметить последствия ссылки, многие исследователи трактуют их по-разному. Р. Г. Скрынников говорит в своей работе о том, что даже амнистия 1566 г. не восстановила доопричинное положение знати [12, с. 261].

Иная точка зрения у В. Б. Кобрин, он всячески преуменьшает количество ссыльных и значимость Казанской ссылки. Исследователь утверждает, что мероприятия по изыманию вотчин начались намного раньше. И после амнистии знатные княжеские роды смогли вернуть свои землевладения и господствующие положение [5, с. 157].

С уверенностью точно можно сказать, что Казанская ссылка стала мероприятием борьбы против знатных родов. И положила начало дальнейшему развитию этого конфликта.

Список литературы

1. Альшиц Д. Н. Разрядная книга московских государей XVI в. // Проблемы источниковедения, 1958. Т. VI. С. 130–151.
2. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: АН СССР, 1963. 538 с.
3. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань.: Издательство Казанского университета 1982. 222 с.
4. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964 488 с.
5. Кобрин В. Б. Власть и ответственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 280 с.
6. Корзинин А. Л. Государев двор в дооприченный период (1550–1565): автореферат дисс. док. ист. наук. СПб.: 2016. 26 с.
7. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 гг. / Изд. подг. Д.А. Мустафиной. Казань: Фэн, 2006. 660 с.
8. ПСРЛ. Т.13. Никоновская летопись / Отв. Ред С. Ф. Платонов. СПб.: Типография И. Н. Скороходова 1906. 561 с.
9. Разрядная книга 1475–1598 гг. / М. Н. Тихомиров (отв. ред.) М.: Издательство АН СССР, 1966. 616 с.
10. Сказания князя Курбского /Под ред. Н. Г. Устрялова СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1868. 494 с.
11. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л.: Издательство ЛГУ, 1966. 418 с.
12. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 571 с.
13. Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. с англ. М.А. Оболенского. М: Захаровъ, 2002. 176 с.
14. Флоря Б. Н. Иван Грозный. Изд. 3-е. М.: Молодая гвардия, 2009. 482 с.

Медведев Кирилл Максимович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Филюшкин Александр Ильич, д-р ист. наук, проф.

«Смоленск де и Севершизна первые здрайцы...» — Смоленские земли в инкорпорационной политике правящих кругов Речи Посполитой в 1618–1654 гг.

«Smolensk and Severia are the first traitors...» — Smolensk lands in the incorporation policy of the ruling circles of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1618–1654

Аннотация. В данной статье рассматривается, каким образом польско-литовские правящие круги пытались инкорпорировать и удержать Смоленские земли в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. Констатируется, что, несмотря на все усилия королевской администрации, территория Смоленского воеводства так и не стала полноценной частью Польско-литовского государства, а рассматривалась королевским правительством как оккупированная и населенная чуждым населением, на которой не могут действовать законы Речи Посполитой и которой можно управлять только с помощью силы.

Ключевые слова: Смоленское воеводство; Смоленск; Великое княжество Литовское; Речь Посполитая.

Abstract. This article discusses how the Polish-Lithuanian ruling circles tried to incorporate and keep the Smolensk lands as a part of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1618–1654. It is stated that, despite all the efforts of the royal administration, the territory of the Smolensk Voivodeship did not become a full-fledged part of the Poland-Lithuania, but was considered by the royal government as occupied and inhabited by an alien population, in which the laws of the Commonwealth could not be valid and which could only be governed by force.

Keywords: Smolensk Voivodeship; Smolensk; Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth.

После подписания Деулинского перемирия в 1618 г. в составе Речи Посполитой оказались захваченные ранее Смоленские земли. Первое время, пока у него здесь не было прочной социальной базы, королевское правительство осуществляло свою власть над этими территориями, как это часто бывало во время Смуты, с помощью перешедших на ее сторону русских дворян, тем самым, судя по всему, способствуя более дружественному отношению к новой администрации со стороны местного населения. Так, на 1620 г. Невелем управлял Иван Юрьевич Мещерин [14, s. 226], а Стародубом — Иван Никитич Салтыков [5, л. 1]. Постановления Сейма 1620 г. в принципе продолжили данную

политику, так как на нём было вынесено решение о передаче земель Смоленского воеводства под управление королевича Владислава «для окончательного умиротворения местного народа» [15, s. 179]. Видимо, это также делалось для поддержания лояльности со стороны местного русского населения, ведь в Речи Посполитой Владислав считался законным «царём Московским». В 1621 г. бывший православный Смоленский епископ Сергей, который в 1611 г. попал в плен после взятия Смоленска поляками, указом Сигизмунда III был назначен униатским Смоленским архиепископом [11, с. XVI–XVIII]. Видимо, данный шаг, создававший видимость сохранения «старины», был направлен на то, чтобы сделать местное русское население более лояльным по отношению к новым властям, а также способствовать принятию им унии.

Однако, судя по всему, далеко не все представители местного населения были готовы признать Сигизмунда III своим «государем», и в 1620 г. в Стародубе был подавлен бунт людей «народа московского», которые изменили королю и хотели уйти в Россию [5, л. 1]. В таких условиях, дабы поспособствовать дальнейшей инкорпорации Смоленщины в состав Речи Посполитой и создать здесь класс лояльных ей землевладельцев, готовых защищать воеводство с оружием в руках, королевская администрация начала раздачу земельных владений польско-литовским шляхтичам на территории Смоленского воеводства. В большинстве своём это были солдаты и офицеры, проявившие себя в войнах с православной Россией, и поэтому у них были свои причины подозрительно относиться к местным «схизматикам». Очень большие земельные пожалования на территории воеводства получила и католическая церковь [12, р. 335]. Такие радикальные изменения, конечно, не могли не ударить по положению местного русского населения. Чтобы же еще больше укрепить власть Речи Посполитой над Смоленскими землями, Сигизмунд III в 1623 г. по просьбе местной шляхты запретил на территории воеводства деятельность любой церкви, кроме католической и униатской. Интересно, что король в данном случае подчеркивал, что в прошлом «из-за Руси схизматиков» Смоленщина и Северская земля были захвачены у Великого княжества Литовского Москвой, и принятые меры должны были предотвратить повторения подобных событий в будущем [12, р. 335–336]. Королевская администрация также старалась отстранить «нежелательных» лиц от властных структур, чтобы, таким образом, обеспечить доминирование в регионе польско-литовской католической шляхты, которая, как считалось, будет более лояльной Речи Посполитой, нежели представители русского населения. Так, в структурах городского самоуправления на территории Смоленского воеводства согласно королевским грамотам посты могли занимать только католики и униаты (в Смоленске — только католики) [10, с. 9].

Начавшееся наступление на права местного русского населения не способствовало сохранению лояльности по отношению к Речи Посполитой с его стороны. Так, уже в 1625 г. новый униатский Смоленский архиепископ Лев Кревза сообщал в Рим, что в Дорогобуже из-за отнятия церкви чуть было не взбунтовалось местное население, которое ему вместе с дорогобужским старостой с трудом удалось успокоить [13, с. 74]. В 1628 г. в Серпейске большая часть местных казаков русского происхождения взбунтовалась и ушла в Россию, а оставшиеся верными королю были переведены вглубь воеводства подальше от границы [6, с. 63–64]. Смоленская польско-литовская шляхта к 1628 г. также столкнулась с тем, что местные крестьяне ввиду начавшегося неурожая и постоянного усиления налогового гнёта из-за введения всё новых поборов во время войн Речи Посполитой со Швецией начали убегать в Россию [4, л. 1].

Перед началом Смоленской войны 1632–1634 гг. королевское правительство и местные власти, сомневаясь в лояльности рядового русского населения Смоленского воеводства в случае конфликта с Россией и желая как-то нейтрализовать его, конфисковали у «русских людей» в пограничных с Россией районах воеводства огнестрельное и холодное оружие [1, с. 339, 348]. Несмотря на это, в ходе самой войны в тылу у польско-литовских войск на территории Смоленского воеводства стали действовать «шиши», то есть отряды из местных крестьян, которые вели борьбу против Речи Посполитой на стороне России. Один из крупных отрядов возглавил местный крестьянин Иван Балаш, который еще до начала польско-литовской интервенции в 1609 г. был крестьянином Болдинского монастыря¹ в Дорогобужском уезде [3, с. 117]. На сторону русских войск также перешла часть местных землевладельцев русского происхождения [6, с. 74–75].

После окончания войны королевское правительство, дабы усилить свое господство в регионе и способствовать его сохранению в составе Речи Посполитой, в ответ на данные акты неповиновения начало проводить в жизнь политику по изменению этнокультурного состава населения Смоленского воеводства. Это делалось также и для того, чтобы на границе с Россией иметь более надежное и более лояльное население. Так, король Владислав до 1637 г. в большом количестве раздавал своим приближенным и их клиентам земельные владения на территории Смоленского воеводства [6, с. 72], и многие из них получили поместья, которыми до этого владели шляхтичи русского происхождения, перешедшие на сторону России во время войны [6, с. 87]. В 1635 г., отвечая на просьбу магистрата Дорогобужа подтвердить привилегий городу на Магдебургское право, утраченный в военные годы, Владислав IV отказал в этом, аргументируя это тем, что во время войны город якобы слишком быстро был сдан неприятелю. Однако король обещал сделать это в том случае, если в Дорогобуж переселится достаточное количество

¹ Интересно, что сам монастырь после 1618 года был передан иезуитам [12, р. 335].

людей из других областей Речи Посполитой [9, с. 86]. Позже король также издал ряд грамот, способствующих переселению в некоторые города и местечки Смоленского воеводства евреев [9, с. 87].

Несмотря на это, когда в 1648 г. началось восстание Хмельницкого, которое затронуло южные районы воеводства, местную шляхту, судя по всему, охватил страх перед возможностью массового крестьянского и мещанского выступления и на основной территории Смоленского воеводства. Так, в 1649 г. русский гонец сообщал в Москву из Дорогобужа, что «русские люди» на территории воеводства боятся «от Ляхов сечи; а хотят де Ляхи их сечь, чтобы они не достались ни им, ни козаком Запорожским» [2, с. 69]. Во время же очередного Сейма в конце 1649 г. в посольской избе разгорелся спор по поводу предложения снизить налоги с жителей Смоленского воеводства, и во время спора маршалок посольского кола Богуслав Лещинский заявил, что местному населению «нечего фольговать: давно де они наготове; лишеб Москва хоти мало наступила, и Смоленск де и Севершизна первые здрайцы и замки им отворят» [2, с. 406]. Для таких опасений польские шляхтичи и магнаты, судя по всему, имели определенные основания, так как в 1653 г. московские подьячие узнали у жителей Дорогобужа, что «у русских людей в городех и по деревням... всякое ружье и порох есть», и, если царь пойдет войной на Польшу, то они сами начнут убивать «поляков» [7, с. 125–126].

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на всю интеграционную политику правящих кругов Речи Посполитой, направленную на инкорпорацию Смоленских земель в состав страны в качестве одной из её областей, Смоленщина так и не стала полноценной частью Польско–литовского государства. Во многом это можно объяснить приграничным положением Смоленского воеводства, которое побуждало королевскую администрацию применять чрезвычайные меры для сохранения его в составе страны, а также господствовавшим представлением о том, что данная территория населена чуждыми во всех смыслах и нелояльными по отношению к Речи Посполитой людьми, которые всегда готовы поднять восстание или даже перейти на сторону врага. Смоленское воеводство представлялось как именно оккупированная земля, на которой не могут действовать принятые на остальной территории Речи Посполитой законы и которой можно управлять только с помощью силы и принуждения. Данное обстоятельство отлично можно проиллюстрировать тем фактом, что в 1650 г. во время переговоров о статусе православной церкви в Речи Посполитой, когда речь зашла о положении православия на территории Смоленского воеводства, литовский подканцлер Казимир Лев Сапега подчеркнул, что «король Жигимонт взял Смоленск мечем, волно ему было яко победителю, хотя не униятские церкви унитом отдати или на костелы обратити» [8, с. 1521–1522].

Список литературы

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. 802 с.

2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. 1638–1652 гг. СПб.: Тип. Э. Праца, 1861. 772 с.

3. Андреев И. Л. Движение балашовцев // Вопросы истории. № 6. 1977. С. 116–128.

4. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 35 (Коллекция Вонлярлярского). Оп. 1. № 2. Акт дворянства Смоленского воеводства о рассрочке поборов с жителей, пострадавших от войны. 1 л.

5. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 114 (Коллекция Археографической комиссии). Оп. 1. III а – 30. Письмо его же из Варшавы канцлеру Льву Сапеге с известием... 2 л.

6. Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики) // Смоленская шляхта. М.: Издательство МГУ, 2006. Т. 1. С. 54–98.

7. Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 374 с.

8. Релігійна дискусія варшавська 1650 року // Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 9. Кн. 2. Додатки. К.: Наукова думка, 1991. С. 1508–1523.

9. Рогачевский А. Л. К истории правового положения евреев в Смоленском воеводстве: привилегии 1639 г. евреям г. Красного (из Литовской метрики) // Евреи пограничья: Смоленщина. М.: СЭФЕР, 2018. С. 55–130.

10. Стренковский С. П. Влияние Речи Посполитой на развитие самоуправления в городах Смоленского воеводства в первой половине XVII в. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Сб. науч. ст. Краснодар: Парабеллум, 2009. С. 7–11.

11. Строганов П. Я. Патриарший Бизюков монастырь. Опыт церковно-исторического исследования. Могилев: Тип. И. Б. Клаза, 1914. 312 с.

12. Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой 20-е – 40-е гг. XVII в. // *Revue des études slaves*. Т. 80. Fasc. 2. 1998. P. 333–345.

13. Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном востоке в 1609–1654 годах. Прага: Орбис, 1928. 277 с.

14. *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*. Т. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Warszawa: DiG, 2003. 412 s.

15. Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. pijarów, w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg: Nakładem i drukiem J. Ohryzk, 1859. T. III. 488 s.

Шехиринна Мария Алексеевна
Государственный социально-гуманитарный университет
Научный руководитель:
Шаблин Андрей Александрович, канд. ист. наук, доц.

Переводы записок иностранных путешественников при Петре I

Translations of notes of foreign travelers under Peter I

Аннотация. Статья посвящена анализу переводов записок иностранного путешественника XVII в. Яна Янсена Стрейса, выполненных по личному заказу Петра I. В статье рассматриваются основные аспекты переводческой деятельности в период правления Петра I, фигуры переводчиков, возможные причины появления данных переводов и их роль в оценке российского прошлого.

Ключевые слова: Ян Янсен Стрейс; переводческая деятельность Петра I; записки иностранных путешественников; корабль «Орёл».

Abstract. The article is devoted to the analysis of translations of notes by a foreign traveler of the 17th century Jan Jansen Struys, made by the personal order of Peter I. The article examines the main aspects of translation activities during the reign of Peter I, the figures of translators, possible reasons for the appearance of these translations and their role in assessing the Russian past.

Key words: Jan Jansen Struys; translation activity of Peter I; notes of foreign travelers; ship «Oryol».

Сегодня, в преддверии юбилея со дня рождения Петра I, который будет отмечаться в 2022 г., возрос интерес к его деятельности. Как известно, Петр I вводил различного рода новшества. Знакомился он с ними и через переводы зарубежных авторов. Именно Петр I резко расширил переводческую деятельность в России. Русские переводы рубежа XVII–XVIII вв. составляют большую часть (до 90%) всех текстов, созданных в период правления Петра I. Им Петр I уделял особое внимание: сам намечал книги для перевода, вносил исправления и очень взыскательно относился к качеству. Первыми переводчиками были иностранцы, проживавшие в России, толмачи Посольского приказа, а также выходцы из Славяно-греко-латинской, Киевской академий: голландец А. Виниус, братья Лихуды, ректор Московской академии Феофилакт Лопатинский. Переводилась, в основном, светская литература, посвященная общеобразовательным наукам, военному, морскому, инженерному делу, праву, государственному устройству, истории, географии [4].

Так, по заказу Петра I был выполнен перевод «Введения в историю европейскую» С. фон Пуфендорфа, в эпоху его правления также существовал русский вариант «Описания путешествия в Московию» А. Олеария. Примером переводческой политики Петра I являются и «Три путешествия» Я. Я. Стрейса, которые до сих пор остаются одним из важ-

нейших источников по истории России второй половины XVII в. [5, р. 211–213].

Ян Стрейс приехал в Россию в 1668 г. для службы парусным мастером на корабле «Орёл». На нем в августе 1669 г. он прибыл в Астрахань, где разгоралось восстание казаков С. Разина. Вследствие взятия города бунтовщиками, Стрейс был вынужден бежать в Персию, где попал в плен, затем был продан в рабство. В Голландию он вернулся лишь в 1673 г., и в 1676 г. опубликовал подробное описание своего путешествия [8]. России Я. Я. Стрейс посвятил третью часть своих записок, в которой рассказал о быте и нравах русских людей, городской жизни, деталях восстания С. Разина.

Несмотря на обилие ценного для русской истории материала, полный перевод «Трех путешествий» Я. Я. Стрейса на русский язык был осуществлен Э. Г. Бородиной лишь в 1935 г. [7]. До этого момента в России существовали только фрагментарные переводы, сделанные в XVIII–XIX вв.

Первооткрывателем записок как исторического источника стал сам Петр I, купивший их в Голландии во время Великого посольства (1697–1698 гг.) и по прибытии в Россию заказавший их фрагментарный перевод. Для исследователей они представляют особый интерес, поскольку в них нашли отражение личные запросы Петра I: любопытство к первому русскому военному кораблю «Орёл», восстанию С. Разина, географии России.

Первый фрагментарный перевод был сделан служащим Посольского приказа пленным шведом Венедиктом Шиллингом (Шиленом) по заказу Петра I в 1701 г. [2]. Переведенные фрагменты повествуют о восстании С. Разина, захвате южных русских городов и о посольстве Разина к персидскому шаху. Особое внимание уделено жизни Астрахани в данный период и ее разорению. Интересной деталью рукописи 1701 г. является упоминание первого русского военного корабля «Орёл». Этот перевод предназначался для личного использования Петром I, поскольку переводчик не обозначил имени автора оригинала, он не был опубликован (остается неопубликованным и по сей день).

Каковы же были причины обращения Петра I к запискам Я. Я. Стрейса? Предполагается, что мотивом перевода стал интерес Петра I к судьбе корабля «Орёл». Он был знаком с иностранцами, которые некогда несли на «Орле» службу — лекарем Иоганном Термондом и матросом Кристианом Брантом (учитель Петра в кораблестроении). Они могли рассказать о корабле Петру I, а он, в свою очередь, как создатель российского военно-морского флота, не мог не заинтересоваться первым русским военным кораблем. В Голландии во время Великого посольства российскую делегацию принимал Николаас Витсен — человек, которому было посвящено первое голландское издание записок Стрейса. Кроме того, в составе посольства находился И. Термонд, его имя неод-

нократно упоминается в книге. Скорее всего, он прочел ее и сообщил о ней Петру, а тот посредством переводов пытался выяснить судьбу корабля. Именно такой точки зрения придерживаются Д. Ю. Гузевич и В. П. Леонов — авторы статьи «Что Петр I знал о судьбе корабля “Орёл”» [3, р. 133–139]. Этому мы находим ряд подтверждений, полученных в ходе анализа рукописи. Действительно, в переводе содержатся некоторые сведения о корабле: место строительства — Дединово на Оке, принадлежность судна царю Алексею Михайловичу (т. е. России), кроме того, указаны некоторые члены команды. Благодаря переводу можно проследить путь корабля от Дединова до Астрахани. Именно в Астрахани — в последнем известном на тот момент месте последнего пребывания «Орла» — разворачиваются основные действия сюжета. Однако сведения о корабле носят характер упоминаний, не являются полноценным рассказом.

Видимо, интерес Петра I к «Орлу» был не единственной причиной появления перевода. Об этом может говорить тот факт, что большую часть рукописи занимают сведения об астраханском периоде восстания С. Разина. Благодаря ей можно проследить сочувственное отношение горожан к повстанцам, действия властей относительно разинцев (отправка отрядов подавления, их численный состав, руководство). Кроме того, в рукописи отмечены некоторые моменты, которые вряд ли стоило бы указывать в том случае, если перевод посвящался только «Орлу», к примеру, полулегендарный эпизод с убийством персидской княжны или описание характера и внешности С. Разина, расселения запорожских и донских казаков в начале текста. Рукопись носит название «О разорении астраханском через Степана Разина». Это обстоятельство также заставляет думать, что одной из задач переводчика является именно описание восстания Степана Разина.

В связи с этим, возникает вопрос: что заставило Петра I обратиться к событиям 30-летней давности? Видимо, определенную роль здесь сыграл интерес царя ко всему европейскому, который нашел отражение в многочисленных, в том числе, и вышеупомянутых переводах. Критический взгляд иностранца Я. Я. Стрейса мог быть полезен для оценки событий, происходивших в России, в частности, восстания С. Разина.

Оба предположения не противоречат друг другу, поэтому вполне вероятно, что было несколько причин для появления данного перевода.

В 1720 г. Петр I издает «Устав морской». Его возросший интерес к русскому корабельному делу и к кораблю «Орёл» в частности стал поводом для появления в 1719 г. перевода еще нескольких глав из записок Я. Я. Стрейса [1]. Автор перевода неизвестен. Предположительно, им может быть либо Иван Зотов (сын первого учителя Петра), либо его брат Конон [5, р. 156–157; 6, р. 351]. Перевод стал своеобразным дополнением к работе 1701 г., поскольку содержал новые данные об «Орле».

Во-первых, указывается причина строительства корабля — «дабы оными (кораблями — прим. авт.) иметь купечество, чрез море Каспийское с Персидою...дабы учинить куплю, шелку персицкого, чрез посредство надежное, способное, и против прежнего лучшее, в котором купечество всегда разорялась от разбоев татарских», т.е. для организации торговли на Каспийском море. Кроме того, рукопись содержит список голландских корабельных мастеров с указанием их жалования. Однако вступление к переводу содержит ошибку — отмечено, что корабль плавал «по всему морю Каспийскому», в оригинале Я. Я. Стрейса таких данных не содержится, что подтверждает перевод 1935 г.

Рукопись озаглавлена как «Введение о строении первого в России корабля именуемого “Орёл”». Внимание Петра I к «Орлу» очевидно, хотя, оно не было единственным. В тексте достаточно подробно приведено описание плавания «Орла» от места постройки (с. Дединово, Московская область, Луховицкий район) до Казани, с указанием городов, дат прибытия и отправления. У Москвы, Нижнего Новгорода и Василь Города указаны координаты (градусы, минуты). Завершает рукопись фраза: «Аще ли же вашему царскому величеству угодно чтоб и морю описание иметь, то надлежит сыскать той книги второй том — здесь или о том отписать в Париж». В 1719 г. Иван Зотов перевел с французского языка карту, составленную Стрейсом. Видимо, Петра I наряду с кораблестроением интересовала география Волжского торгового пути, и с помощью перевода он собирался ее уточнить. Обозначение рукописи как «Введение» и просьба переводчика предоставить второй том явно указывают на обширность предстоящей на тот момент работы. Торговля России с Востоком была прибыльным делом, Петр I понимая это, пытался ее развивать, но для этого было необходимо детально изучить данный регион и прилегающие к нему русские территории, что он и намеревался сделать с помощью переводов. Кроме того, знание географии не могло не сыграть роль при строительстве Каспийской флотилии 4 ноября 1722 г. (Петру I было интересно, какими путями будут ходить военные суда на Каспийском море, как далеко они будут находиться от центральных регионов).

Таким образом, русские переводы записок Стрейса, выполненные в 1701, 1719 г., стали своеобразным «зеркалом», в котором нашли отражение запросы Петра I относительно кораблестроения, развития торговли, событий российского прошлого.

Расшифровка рукописей 1701, 1719 гг., не опубликованных и по сей день, выполнена автором настоящей статьи.

Список литературы

1. Библиотека РАН. П.И.Б. №27 (1.4.16). Стрюйс Ян. Отрывок из книги «Путешествие в Москву». Пер. с фр. 1719 г.

2. Библиотека РАН. П.И.Б. №.80 (32.4.16). Стрюйс Ян. О разорении Астраханском (отрывок из «Путешествия в Московию»). Пер. с гол. Венедикта Шиллинга 1701 г.

3. Гузевич Д. Ю., Леонов В. П. Что Петр I знал о судьбе корабля «Орел»? // Петровское время в лицах. Труды Гос. Эрмитажа. СПб: Издательство ГЭ, 2015. Т. 74. С. 133–139.

4. Накорякова К. М. Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX вв. Опыт и проблемы. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/29.htm> (дата обращения 03.11.2021).

5. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб, 1862. Т. 1. 694 с.

6. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб, 1862. Т. 2. 728 с.

7. Стрейс Я. Я. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. Ред. А. Морозова. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.

8. Struys J. J. Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige Reysen, Door Italien, Griekenlandt, Lijflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere Gewesten . Amsterdam. 1676.

Политика амнистий Анны Леопольдовны 1740–1741 гг. как прецедент в российской юстиции и политической традиции

Anna Leopoldovna's amnesty policy 1740–1741 as a precedent in Russian justice and political tradition

Аннотация. Настоящая статья представляет собой исследование проводимой регентом Анной Леопольдовной в 1740–1741 гг. политики массовых амнистий и реабилитаций осужденных по политическим делам эпохи правления Анны Иоанновны и Э.-И. Бирона.

Ключевые слова: эпоха дворцовых переворотов; Анна Леопольдовна; Тайная канцелярия; история российской юстиции; амнистии.

Abstract. This paper is a study of Regent Anna Leopoldovna's policy of mass amnesties and rehabilitation of those convicted of political crimes during the reign of Anna Ioannovna and E.-I. Biron in 1740–1741.

Key words: era of palace coups; Anna Leopoldovna; Secret Chancellery; history of Russian justice; amnesties.

В 1740 г. произошла резкая смена внутривластного курса Российского государства, обусловленная смертью Анны Иоанновны и падением Э.-И. Бирона. При новой правительнице — Анне Леопольдовне — деятельность тайной полиции практически сошла на нет, её работа подверглась резкой критике, наиболее громкие политические дела прежних лет стали пересматриваться, а осуждённые по ним реабилитироваться.

Частично данный сюжет рассматривался И. В. Курукиным в его общих работах по политической истории послепетровской России [5, с. 353], а также в отдельном труде, посвящённом Анне Леопольдовне [4, с. 147]. Тем не менее в качестве объекта самостоятельного исследования данная тема ранее не рассматривалась, а использованные в настоящей статье источники не привлекались.

Для начала следует указать на то, что «милости», в том числе прощение задолженностей, мелких взысканий по службе и даже определённых преступлений, при восшествии на престол нового правителя являлись устойчивой традицией в русской властной культуре. Особое распространение они получили в «эпоху дворцовых переворотов». Так, при восшествии Екатерины I из ссылки были возвращены опальные П. П. Шафиров и В. В. Долгоруков, а также фигуранты дела Монса [8, с. 534–535]. При Петре II были реабилитированы Евдокия Лопухина и её родственники [8, с. 729–730].

Тем не менее до прихода к власти Анны Леопольдовны в политической практике не использовалась столь массовая прямая отмена

наложенного судом наказания с последующей компенсацией в сторону реабилитируемых по политическим делам.

Причинами специфической манеры раздачи «милостей» в виде массового пересмотра правительницей судебных решений и дел Тайной канцелярии нам видятся сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, следует указать на характер самой Анны Леопольдовны [4, с. 30–47]. По мнению близкого ко двору полковника гвардии К.-Г. Манштейна, «Россия никогда не управлялась с большей кротостью, как в течение года правления великой княгини. Она любила оказывать милости и была, по-видимому, противником всякой строгости» [6, с. 460–461].

Во-вторых, возможно, помимо сострадания, Анной руководило желание закрепиться у власти. Через многочисленные милости, в том числе и реабилитации, она стремилась стать антиподом только что свергнутому деспотичному Бирону. Судя по всему, на начальном этапе правления княжны эта цель была достигнута: материалы Тайной канцелярии не располагают сведениями о выступлениях против регентши [9; 10; 11], отсутствует подобная информация и в многочисленных записках иностранных резидентов [6].

В-третьих, в отличие от большинства начинаний в сфере государственного управления, продиктованных А. И. Остерманом, политика амнистий, вероятно, была личной инициативой Анны Леопольдовны. В этой связи можно предположить, что специфика юридического оформления данной серии указов была обусловлена отсутствием у регентши подготовки к государственному управлению и законотворчеству.

В-четвертых, причиной серии пересмотров дел по линии Тайной канцелярии мог послужить кризис данного учреждения. Практически сразу после своего прихода к власти Анна Леопольдовна повелела доклады тайной полиции «подавать прямо нам, а не в Кабинет», что означало прямое подчинение структуры великой княжне [1, с. 21].

За год правления Анны Леопольдовны тайной полицией было реализовано всего 40 дел о ложном «слове и деле» среди петербургской черни [9, л. 29–34]. В остальном же структура занималась начатым регентшей процессом массового пересмотра судебных дел предыдущего правления, в ходе которого выяснилось, что среди осужденных по линии Тайной канцелярии имелись сосланные без соответствующих указов и судебных решений [9, л. 37–38]. Без сомнения, это было поставлено в вину органу сыска и стало поводом для разговоров о ликвидации учреждения.

Далее следует описать сам процесс амнистий.

В первую очередь были реабилитированы пострадавшие в три недели регентства Бирона. Участники неудавшегося октябрьского заговора против герцога и лица, замеченные в неподобающих речах о нём, уже в начале ноября были отпущены из застенков Тайной канцелярии,

реабилитированы и проведены через специальную церемонию «возвращения чести» по именному указу Анны Леопольдовны [13, л. 10–11].

Помимо восстановления «в чести и в службе», данные лица получили соответствующие компенсации: большей части были отпущены денежные суммы, а гвардейский сержант Ханыков получил землю в Пошехонском уезде и 284 души [2, с. 238].

Интересен и тот факт, что вчерашние арестанты секретарь Яковлев, майор Соковнин и капитан Чичерин были привлечены к работе следствия над Бироном, описи и разделу его имущества, части которого, вероятно, и послужили им компенсациями [8, с. 27; 10, л. 104].

Были восстановлены на службе с повышением в звании и просто уволенные со службы во время правления герцога рядовые гвардейцы [3, с. 47, 100, 119].

В декабре 1740 г. начался масштабный процесс реабилитации пострадавших на протяжении всей аннинской эпохи. 9 декабря Анна Леопольдовна потребовала от Тайной канцелярии дело казнённого Артемия Волынского, а 29 декабря политической полиции было предписано предоставить «экстракты» по делам всех сосланных при Анне Иоанновне. В течение всего следующего года правления великой княжны ведомство А. И. Ушакова собирало соответствующие сведения, из которых формировало справки.

Итоговый реестр приговорённых к ссылке, вероятно, был подан в Кабинет в ноябре 1741 г., но далее не использовался в виду дворцового переворота. Согласно данным материалам, 184 ссыльных были приписаны к Иркутской провинциальной канцелярии, 108 отправлены в Оренбург, 26 — в Архангельск, 49 содержались на заводах в разных регионах страны [12, л. 95–184].

Ещё до оформления итогового реестра Анна начала процесс реабилитаций пострадавших от политического сыска 1730-х гг. В первую очередь были помилованы вдова и дети А. Волынского, а также проходившие по его делу бывший секретарь Анны Иоанновны И. Эйхлер и архитектор И. Бланк. Были возвращены из ссылки князя Долгоруковы и Голицыны вместе с осуждёнными с ними бывшими вице-президентом Коммерц-коллегии Г. Фиком, адъютантом В. В. Долгорукова Н. Чернодуровым и канцеляристами Придворной конторы [9, л. 24–26].

Помимо этого, вдова и дети скончавшегося в ссылке И. В. Долгорукова после своей реабилитации были одарены 1113 душами и значительным земельным наделом в Вологодском уезде [13, л. 11].

Анна самостоятельно разбирала присланные ей дела, о чём свидетельствуют её резолюции о помиловании прямо на присланных из Тайной канцелярии бумагах. 7 января 1741 г. правительница повелела Сенату и А. И. Ушакову «облегчение учинить» сосланным «по первым двум пунктам», а родственникам умерших в застенках или в ссылке «не-

которое удовольствие пожаловать» [10, л. 113, 121]. По нашим расчётам всего Анной было реабилитировано порядка 78 человек [9, л. 24–29].

Однако, именно в замыкании процесса разбора дел по амнистиям на самой себе, по нашему мнению, вкупе со значительными объёмами текущих государственных дел неприспособленной к правлению Анны и иными обстоятельствами кроются причины дальнейшего свёртывания всей политики реабилитаций.

Если первые серии восстановлений предполагали возвращение из ссылок «невинно пострадавших» и «полезных новому правлению» людей, то с течением времени реабилитации стали иметь характер беззакония. Прощались и амнистировались осуждённые не только по политическим делам, но и явные уголовные преступники.

Самым показательным нам представляется случай с енисейским воеводой Полуэктовым, на которого к Анне десятками приходили челобитные и рескрипты Тайной канцелярии, обличавшие его во взяточничестве, присвоении государственной собственности, продаже пороха за границу и многом другом. Однако правительница очередным своим указом повелела «вину ему упустить» [11, л. 1–10].

В этой связи мы можем судить о следующей тенденции: с течением времени имевшееся в первые месяцы прихода к власти у Анны Леопольдовны стремление к участию в государственном управлении и проведению реабилитационной политики постепенно гасло. Это отразилось на снижении «качества», проводимых регентшей восстановлений и активности законотворческой деятельности вообще: в январе 1741 г. было выпущено 96 указов, в феврале — 62, в марте — 43 с сохранением такого уровня вплоть до осени [5, с. 372].

Таким образом, можно сделать следующие выводы в отношении проводимой Анной Леопольдовной серии амнистий и реабилитаций.

Во-первых, исходя из анализа источников различного происхождения мы можем сказать, что данная череда «милостей» являлась прецедентом в российской юстиции XVIII в. Никогда ранее правители не проводили столь массовых амнистий для государственных преступников, сопряжённых с пересмотром судебных решений, восстановлений осуждённых и выделения им компенсаций. Также, несмотря на последующий регресс курса, стоит отметить его высокую роль для развития политической культуры Российской империи — после Анны Леопольдовны массовые амнистии заключённых станут традицией при воцарении очередного представителя династии.

Основными результатами рассматриваемого процесса мы видим фактический пересмотр более 100 дел Тайной канцелярии и реабилитация по ним около 78 человек. Общее число «милостей», розданных великой княжной через именные указы и манифесты не поддаётся точному вычислению, по причине общности формулировок данных актов [7, с. 305–306, 309–310] и нехватки информации по судебным делам.

Во-вторых, проводимую Анной Леопольдовной политику нельзя назвать программой. Несмотря на массовый характер восстановлений, реабилитации и компенсации проводились выборочно и исходя исключительно из личных усмотрений великой княжны.

В-третьих, именно в замыкании работы по пересмотру дел ссыльных и осуждённых исключительно на самой Анне мы видим причину дальнейшей деградации изначально милосердного и успешного курса, проявившейся в амнистии и для уголовных преступников, чья вина была доказана. В этой связи можно судить о некоей форме халатности правительницы при рассмотрении данных дел и вынесении по ним помилования.

Список литературы

1. Веретинников В. И. Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберберг и с-вья, 1911. 120 с.

2. Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. 1. 477 с.

3. Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. 2. 515 с.

4. Курукин И. В. Анна Леопольдовна. Серия: «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2012. 304 с.

5. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. СПб.: Наука, 2019. 760 с.

6. Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. 576 с.

7. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 988 с.

8. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. СПб.: Типография Стасюлевича, 1889. Т. 69. 1040 с.

9. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Списки и известия о лицах, осуждённых в Тайной канцелярии с 1719 по 1762 годы. 1609 л.

10. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 269. Именные Высочайшие указы, объявленные по Тайной канцелярии с 1732 по 1762 годы. Кн. 10. 222 л.

11. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 747. О солдате Фёдоре Немцове, суждённом за толки о герцоге Антоне Ульрихе Брауншвейгском и цесаревне Елизавете Петровны. 16 л.

12. РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 672. Ед. 9. 1741 г. Дело по именному указу е.и.в. о затребовании из коллегий, канцелярий и др. учреждений именных реестров, ведомостей и экстрактов о сосланных пожизненно на каторгу, на горные заводы и на поселение в отдельные города и острожки для подачи на рассмотрение в Кабинет е.и.в. с целью облегчения их (ссыльных) участи и вознаграждения наследников умерших. Л. 56–186.

13. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 51926. «О процедуре восстановления в звании и чести». 21 л.

Агапова Анна Алексеевна
НИУ «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Польской Сергей Викторович, канд. ист. наук, доц.

Литературная деятельность В. Т. Золотницкого как стратегия служебной мобильности в 1760-е гг.: к постановке проблемы

V. T. Zolotnitsky's Writing as a Mobility Strategy at the State Service in 1760s: for a Problem Statement

Аннотация. В статье представлены первые результаты исследования служебной биографии В. Т. Золотницкого. Сопоставление архивного источника, а также посвящений ближайшему окружению Екатерины II, участвовавшему в дворцовом перевороте, с хронологией службы Золотницкого позволяет сделать вывод о том, что литературная деятельность способствовала карьерному росту писателя.

Ключевые слова: история понятий; биография; литература; Панины.

Abstract. The article presents the first results of the study devoted to the V.T. Zolotnitsky's state service biography. A comparison of the archival source, as well as dedications to the inner circle of Catherine II, who participated in the palace coup, with the chronology of Zolotnitsky's service allows us to conclude that literary activity contributed to the career growth of the writer.

Key words: history of concepts; biography; literature; Panins.

В XVIII в. с введением Табели о рангах как системы взаимодействия государства и подданных возникли новые практики вертикальной мобильности. Подготовка кадров для государственной службы стала предметом интереса правительства, выраженного в создании различных учебных заведений. Наличие образования являлось преимуществом при зачислении на гражданскую или военную службу, что повышало требования к представителям будущей администрации и армии [7, с. 320]. Знакомство со стратегиями мобильности на примере биографии Владимира Трофимовича Золотницкого (1743–после 1796 гг.) [10, л. 452, 465] свидетельствует о том, что, кроме образования, одним из инструментов карьерного и, как следствие, социального роста во второй половине столетия являлось литературное творчество. Данный аспект в истории литературы был затронут в историографии, но, увы, до сих пор не стал предметом отдельного изучения. Приходится заметить, что и в новейшей монографии Кирилла Осповата «Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века» (2020) литература представлена исключительно как атрибут дисциплинарной власти монарха, тогда как ее возможности для самих авторов и их личные интересы остались нераскрытыми.

Для подавляющего большинства авторов этого времени литературный труд еще не стал основным занятием, определяющим их социальное положение, и скорее был обусловлен служебными амбициями [9, с. 286; 16, р. 80]. Сопоставление публикаций автора с хронологией чиновничества позволяет сделать наблюдение о том, что активная писательская деятельность Золотницкого приходится на начало карьеры, когда он пробовал установить контакт с вышестоящими лицами, а также на период службы у П. И. Панина в 1765–1769 гг. Всего автор создал одиннадцать оригинальных и восемь переводных сочинений (опубликованы), девять из которых он посвятил вероятным покровителям и их родственникам, участвовавшим, что важно, в государственном переводе в пользу Екатерины II. Проблематикой публикаций Золотницкого является, с одной стороны, нравственное, с другой, политическое воспитание читателя, что, согласно Г. Маркеру и авторам монографии «Естественное право и добродетель», было доминирующей темой среди переводов и сочинений XVIII в. [3, с. 32; 16, р. 80]. Определению значения литературной деятельности для Золотницкого и его читателя может способствовать методология анализа текста, предложенная К. Скиннером [11, с. 124]. Скиннер фокусирует внимание на субъекте производства значений и способе их использования в интеллектуальном контексте (пространстве других текстов той же эпохи), понимая высказывание как действие, обусловленное мотивами и намерениями писателя в публичном пространстве. Мы предполагаем, что признание за литератором его адресатами владения «смыслами» используемых понятий должно было способствовать успешной коммуникации в придворном пространстве.

К настоящему моменту в историографии рассмотрены за редким исключением только два произведения Золотницкого: «Сокращение естественного права...», в контексте состояния российской юриспруденции XVIII в. [2, с. 239; 8, с. 290–291; 13, с. 96–98], и «Рассуждение о бессмертии человеческой души», как типичное для проблематики российского просвещения сочинение [1, с. 179]. Историки права дореволюционного периода в целом отрицательно охарактеризовали работу автора, но предположили ее вероятные источники, конкретные заимствования из которых приведены в современных исследованиях политической и философской мысли этого времени. Первой отдельной публикацией на тему творчества писателя стала статья И. С. Фрейдкиной «В. Т. Золотницкий как деятель русского просвещения» (1975), в которой была предпринята попытка анализа авторского вокабуляра. Значение фактора образования, а также патрон-клиентских отношений в творчестве писателя так и не было определено.

Интеллектуальная биография российского служащего XVIII в. остается мало разработанной темой исторического исследования. Реконструкция образовательного опыта чиновника этого времени

— необходимый этап в изучении административной деятельности, подготовки государственных реформ «на пользу общества». В 1753 г. Золотницкий поступил в Киево–Могиланскую академию, где окончил 7 из 8 классов и прослушал первую часть курса по философии, а в июне 1760 г. перевелся на философский факультет Московского университета [5, с. 328]. Одновременно с поступлением 17-летний Золотницкий, согласно формуляру, был записан в коллежские регистраторы XIV класса [10, л. 452], что давало право личного дворянства. Основанием для приобретения классного чина могла стать должность преподавателя немецкого и латинского языков в гимназии при университете [5, с. 258]. За время обучения Золотницкий овладел техникой перевода с латыни, французского и немецкого языков. В числе других студентов Золотницкий по распоряжению Сената в 1762 г. был определен преподавателем немецкого в Сухопутный шляхетский корпус [5, с. 258; 14, с. 108; 15, с. 105].

Одной из первых отдельных публикаций автора стал сборник 1763 г. «Новые нравоучительные басни...», посвященный Н. И. Панину, которому автор поручил себя в «особливое покровительство». Еще одно произведение того же года, «Состояние человеческой жизни...», Золотницкий адресовал графу А. К. Разумовскому (Разумовские также принимали участие в перевороте). В июне 1764 г. Золотницкий оставил корпус и поступил переводчиком в Камер-коллегию в Москве [5, с. 258], возглавляемую на тот момент сенатором Б. А. Куракиным (1733–1764 гг.). Возможно, назначению писателя посодействовали Панины, приходившиеся Куракину родственниками. В том же году автор посвятил князю компендиум «Сокращение естественного права», обозначив его как первое подобное произведение на русском языке.

В июне 1765 г. Золотницкий был зачислен секретарем в штаб генерал-аншефа П. И. Панина; ему посвящен сборник «Общество различных лиц...», где в предисловии автор отметил покровительство своего адресата [4, с. 2], а также две оды. Следующий перевод 1767–1768 гг. исторического сочинения Л. Хольберга «История разных героинь и других славных жен» (1745) писатель адресовал 13-летнему великому князю Павлу Петровичу. Учитывая, что наставником Павла с 1760 г. был Н. И. Панин, который комплектовал библиотеку великого князя [12, с. 75], можно предположить, что перевод выполнен по заказу графа.

В 1768 г. Золотницкий был избран депутатом в Уложенную комиссию от киевского шляхетства, будучи сыном священника и имея при этом лишь личное дворянство. Избрание автора могло произойти не без содействия Паниных, которые с помощью одного из клиентов рассчитывали на реализацию своих реформаторских замыслов: в Комиссии Золотницкий выступил с проектом системы просвещения и принял участие в обсуждении проекта «правам благородных». Прямое указание на наличие покровительства было приведено в письме 1769 г.

епископа С. Миславского «Его рука очень сильна. Он у Паниных имеет великую доверенность» [6, л. 2об.].

В 1796 г. Золотницкий вышел в отставку в чине статского советника V класса [10, л. 465]. Можно заметить, что занятие писательством сопровождает ранний период службы автора и, судя по всему, перестает играть для него прежнюю роль начиная уже с 1770-х гг., когда П. И. Панин отходит от дел и покидает двор, а сам Золотницкий строит успешную карьеру в Новороссийской губернии (за 1770–1790-е гг. издано всего два произведения).

Выбранная нами оптика позволяет отойти от генерализации политического актора (монарха) в литературном процессе и обратить внимание на варианты использования придворного покровительства выходцами из различных социальных групп, которые встраивались в новые институты мобильности в России XVIII в.

Список литературы

1. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 494 с.
2. Бугров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. 580 с.
3. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та: Унив. изд-во, 2016. 476 с.
4. Золотницкий В. Т. Общество разнородных лиц, или Рассуждение о действиях и нравах человеческих. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1766. 147 с.
5. Императорский Московский университет, 1755–1917: энциклопедический словарь / Сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с.
6. Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського (ІР НБУ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 6387.
7. Киселев М. А. Вопросы образования в Уложенной комиссии 1754–1766 годов (два проекта 4-й главы «О должности родительской» третьей части Уложения) // «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 316–344.
8. Коркунов Н. М. История философии права: Пособие к лекциям. 6-ое изд. (без перемен). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 502 с.
9. Кочеткова Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель. М.: Альянс-Архео, 2020. 582 с.
10. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 732. Книга дел о повышении в чине. 600 л.

11. Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов / пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 123–141.
12. Скоробогатов А. В. Никита Иванович Панин: личность и власть в политическом дискурсе России XVIII в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2006. Вып. 3. С. 65–85.
13. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: Тип. Губ. Правления, 1909. С. 96–98.
14. Феофанов А. М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: биобиблиографический словарь. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 478 с.
15. Штранге М. М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. 306 с.
16. Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton: Princeton University Press, 1985. 301 p.

Симинченко Олег Игоревич
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Научный руководитель:
Ткаченко Виктория Владимировна, канд. ист. наук, ст. препод.

Термин «революция» как инструмент автоапологии в мемуарах Л. Л. Беннигсена¹

The term «revolution» as a self-justification tool in L. Bennigsen's memoirs

Аннотация. В настоящей статье на основе воспоминаний генерала Л. Л. Беннигсена рассматривается вопрос использования термина «революция» участником дворцового переворота 12 марта 1801 г., что позволит выявить особенности использования этого термина в тексте, а также проследить аргументационную базу заговорщиков при объяснении причин свержения императора.

Ключевые слова: Л.Л. Беннигсен; Павел I; дворцовые перевороты; политическая история России; понятие революции; мемуары.

Abstract. The article draws on General L. Bennigsen's memoirs to explore how the term «revolution» is used by one of the conspirators in the Palace Coup of March 12, 1801. This will help to reveal the modalities of its contextual use through tracing the line of arguments the conspirators followed when offering reasons for the Emperor's overthrow.

Key words: L. Bennigsen; Paul I; palace coups; political history of Russia; concept of revolution; memoirs.

Убийство Павла I подвело итог длительному периоду дворцовых переворотов в российской истории. Конец XVIII в. пришёлся на время политического ревизионизма сына Екатерины II, который попытался в сжатые исторические сроки воплотить свои представления о правильном государственном устройстве России [9, с. 56–85]. Во многом эти представления были противоположны духу «золотого века» российского дворянства, апофеозом которого стало царствование Екатерины II. Ущемление прав благородного сословия стало основной причиной формирования заговора вокруг императорского престола [5, с. 15–29], в который были вовлечены как представители российской элиты, так и сыновья самого Павла I [2, с. 159–160].

Насильственная смерть правителя одной из крупнейших европейских стран открыла собой новое столетие, а также поставила перед заговорщиками необходимость объяснения произошедшего. Ярким примером такого объяснения являются мемуары Л. Л. Беннигсена, в ко-

¹ Работа выполнена по условиям предоставления гранта Президента Российской Федерации в 2021–2022 учебном году (по программам подготовки специалистов среднего звена (СПО), программам бакалавриата и программам специалитета).

торых он в открытой форме писал об участии в свержении законного монарха Российской империи, в частности, подробно описывая своё проникновение в Михайловский замок, а также в спальню Павла I.

Обратимся к характеристике источника. Мемуары Л. Л. Беннигсена были выбраны в качестве основного материала исследования по следующей причине — автор являлся единственным непосредственным участником заговора против императора Павла, который оставил собственные воспоминания, изданные под своим именем. Считается, что в основе известного нам текста лежит написанное сразу после гибели Павла I личное письмо генерала близкому другу А. Б. фон Фоку. Впоследствии, оно было включено в основной текст мемуаров Беннигсена, который он начал составлять в 1814 г. Таким образом, с момента убийства императора до составления мемуаров под названием «Записки Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года», в которые вошли воспоминания и об этом событии, прошло достаточно много времени — около 15 лет. Вероятно, адресат письма был выбран неслучайно. Отправленный в отставку Павлом I фон Фок мог понять посыл Беннигсена и разделить его мнение о свергнутом монархе.

Документ определённо прошёл несколько стадий редактирования. Из предисловия к изданию нам известно, что оригинал воспоминаний Беннигсена был изъят по требованию Николая I после смерти генерала в 1826 г. Внучка мемуариста успела сделать копию с наиболее интересных фрагментов текста, которая легла в основу окончательного варианта документа, изданного историком П. М. Майковым в русском переводе в 1896–1897 гг. [7, с. 138–140].

Однако зачем Беннигсен взялся описывать эту тёмную страницу своей биографии? Тем более, генерал писал воспоминания не только для себя. Так, П. М. Майков в предисловии к изданию пишет, что мемуарист давал многим ознакомиться со своими рукописями. Издатель также подчёркивает, что цель Беннигсена состояла в написании истории войны с Наполеоном для рассказа о силе русского оружия. Так как письмо Беннигсена входило в состав основных публикуемых мемуаров, которые должны были стать достоянием общественности, можно предположить, что для публикации предназначалась и история свержения Павла I. Историк Е. А. Шляпникова в статье, посвященной биографии Беннигсена, приходит к схожему выводу. Исследователь полагает, что генерал составил описание переворота, чтобы отвести от себя обвинения в цареубийстве [8, с. 38]. В публикации могло быть и стремление угодить Александру I. Концепция заговора Беннигсена в ключевых местах сходится с мировосприятием императора после Отечественной войны 1812 г.: борьба с распространяющимися революциями, отрицательное отношение к убийству Павла I, но не к его свержению.

А. Г. Тартаковский полагает, что в это время формируется тенденция написания воспоминаний «с прямым расчётом на обнаружения

ние» [6, с. 142]. К тому же Беннигсен, вероятно, желал причислить себя к важному историческому событию, ведь ему была свойственна определённая самоуверенность и стремление продемонстрировать свою значимость. Причисляя себя к историческому событию, мемуарист показывает, что не совершил главное преступление — цареубийство, которое составляло центральный эпизод заговора. Таким образом, у нас есть основания предполагать, что у Беннигсена была сложная мотивация к написанию рассматриваемого текста.

В этом смысле интересно проследить, каким образом выстраивается аргументация Беннигсена в необходимости применения радикальных мер по отношению к императору. Ключевым элементом этой аргументации является термин «революция», анализ использования которого лежит в основе настоящего исследования. Именно поэтому целесообразно уделить внимание истории семантической эволюции понятия [1, с. 165–168]. Термин «революция» произошёл от латинского слова «*revolutio*» и в XVII в. изначально использовался в сфере астрономии и биологии. На протяжении XVIII в. он приобретает фигуральное общественно-политическое значение крупного изменения в государственном устройстве страны. Важной вехой в истории понятия «революция» является издание «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, где политическое истолкование этого термина представлено в качестве основного. В России слово «революция» переводилось с французского буквально как переворот. Сам термин «революция», по мнению исследователя И. В. Курукина, так и не вошёл в русский язык XVIII в. и до 1789 г. не имел значения масштабного социально-политического потрясения [3, с. 9].

На основании его текста попытаемся определить, что мемуарист подразумевал под понятием «революция». В данном случае важно понимать, что Беннигсен, большая часть жизни которого пришлось на XVIII в., застал и первую четверть нового столетия. Эта особенность сказалась на использовании термина «революция» в тексте его воспоминаний.

Так, Беннигсен вслед за традицией XVIII в. использует данное понятие как синоним переворота. Описывая механизм «революции», мемуарист отмечает следующие: «...несчастный государь был лишен жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намерениям тех, кто составлял план этой революции» [7, с. 148]. Ещё один характерный пассаж присутствует в его рассказе о поведении Марии Фёдоровны после заговора: «До сих пор императрица не была осведомлена, в чью пользу совершена эта революция» [7, с. 150].

В том же тексте Беннигсен, выстраивая апологию заговора, использует термин «революция» в новом значении социально-политического катаклизма, к которому может привести именно политика Павла I: «Они ещё раз говорили об этом великому князю Александру и

убеждали его согласиться на переворот, ибо, революция, вызванная всеобщим недовольством, должна вспыхнуть не сегодня-завтра, и уже тогда будет трудно предвидеть её последствие» [7, с. 141]. В этом отрывке переворот противопоставляется революции как меньшее зло. Именно переворот призван предотвратить более опасное социально-политическое явление — революцию.

Однако действительно ли Беннигсен ожидал значительных потрясений? Скорее всего, нет. Генерал не предлагает читателям конкретного описания революции как масштабного изменения государственного устройства, а ограничивается лишь общими фразами о её возможности. Показательно, что Беннигсен вообще использует данное понятие, которое рассчитано на читателя XIX в., осведомлённого об ужасах Великой Французской революции и Наполеоновских войн. Ведь оно оправдано только тогда, когда общественное восприятие улавливает закономерное усложнение семантики слова «революция» в новом историческом контексте [4, с. 525]. Напротив, в записках его современников (майора фон Веделя [7, с. 162], А. Ф. Ланжерона [7, с. 179], Адама Чарторыйского [7, с. 254], Августа Коцебу [7, с. 369]), которые не были заинтересованы в выстраивании собственной апологии, термин «революция» употребляется только в первом значении как переворот. Данное наблюдение ещё раз указывает на исключительную заинтересованность Беннигсена в оправдании своего участия в заговоре.

Подведём итог всему вышесказанному. Л. Л. Беннигсен, являясь активным участником дворцового переворота, составляет его крайне интересное описание. Сложная мотивация создания этих воспоминаний могла включать в себя стремления мемуариста предложить легитимное обоснование заговора против Павла I и причислить себя к значимому событию. Центральным элементом автоапологии переворота является термин «революция», который используется и как аналог слова «переворот», что свойственно традиции XVIII в., и как понятие, обозначающее масштабное политическое потрясение. Акцент мемуариста падает на вторую трактовку этого понятия: связывая политику Павла I с надвигающейся угрозой «революции», генерал пытается доказать правомерность его свержения. Ход мысли Беннигсена представляется логичным, ведь иного пути объяснения своих действий, скорее всего, и не было — масштабное преступление (цареубийство) требовало не менее масштабных оправданий (спасения России от революции).

Список литературы

1. Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. М.: Добросвет-2000, 2002. 176 с.
2. Исаков Л. А. Бедный Павел... // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 169–170.

3. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. 570 с.

4. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 736 с.

5. Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 15–29.

6. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.

7. Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. 2-е изд. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1908. 458 с.

8. Шляпникова Е. А. Леонтий Беннигсен // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 38–43.

9. Эйдельман Н. Я. Грань веков. М.: Мысль, 1986. 368 с.

Пустовойт Иван Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Жуковская Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, вед. науч. сотр.
Санкт-Петербургский Институт истории РАН

Гимназическая реформа С. С. Уварова 1811 г. в истории среднего образования России

S. S. Uvarov's gymnasium reform of 1811 in the history of secondary education in Russia

Аннотация. С. С. Уваров, будучи в течение десяти лет попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, внёс большой вклад в дело развития российской системы просвещения. С. С. Уваров стал одним из первых деятелей в Министерстве народного просвещения, кто начал последовательно рассматривать выпускников гимназий как контингент для университетов, потребовав установить прочную связь между гимназией и университетом. В частности, особого внимания заслуживает гимназическая реформа С. С. Уварова, которая на протяжении долго времени не получала должной оценки у специалистов, как в принципе и само руководство учебным округом С. С. Уварова. С. С. Уваров предложил министру А. К. Разумовскому совершенно переработанную семилетнюю программу обучения в гимназиях, и эта программа после исключения из её курса «отвлекающих» учащихся университетских предметов стала более подходящей для следующей ступени образования. Таким образом, именно благодаря реформе С. С. Уварова учебные заведения разных уровней России наконец начали образовывать между собой прочную связь.

Ключевые слова: С. С. Уваров; гимназии; реформы образования; система просвещения.

Abstract. S. S. Uvarov, having been a curator of the St. Petersburg educational district for ten years, made a great contribution to the development of the Russian education system. S. S. Uvarov became one of the first figures in the Ministry of Public Education who began to consistently consider graduates of gymnasiums as a contingent for universities, demanding to establish a strong connection between the gymnasium and the university. In particular, the gymnasium reform of S. S. Uvarov deserves special attention. S. S. Uvarov, who for a long time did not receive proper assessment from specialists, as in principle, the leadership of the S. S. Uvarov educational district itself. S. S. Uvarov proposed to Minister A. K. Razumovsky a completely redesigned seven-year curriculum in gymnasiums, and this program, after the exclusion of «distracting» university subjects from its course, became more suitable for the next stage of education. Thus, it was thanks to the reform of S. S. Uvarov that educational institutions of different levels of Russia finally began to form a strong bond between themselves.

Key words: S. S. Uvarov; gymnasium; reforms; education system.

Известный государственный деятель С. С. Уваров занимал пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа на протяжении десяти лет — с 1811 по 1821 гг. Однако, этот период биографии С. С. Уварова оказался недооценённым. В глазах же самого попечителя низшие и средние учебные заведения играли ключевую роль в деле распространения просвещения в Российской империи. «Без учителей для нижних народных училищ — писал Уваров в донесении министру А. Н. Голицыну в 1817 г., — по неизбежной связи в народном образовании не смогут существовать и самые высшие училища» [10, стб. 1105].

История начального и среднего образования России вызывала интерес у исследователей как дореволюционных [1; 6], так и современных [3; 4; 5]. Между тем, несмотря на исследование проблем, стоявших перед гимназиями: «сословный вопрос», т. е. нежелание дворянства отдавать своих отпрысков в эти заведения, нехватка кадров учителей, слабое финансирование, непродуманное преподавание предметов, участие самого С. С. Уварова в деле решения этих трудностей остаётся второстепенным моментом в повествовании.

Мы же, основываясь на материалах из фонда 733 Российского государственного исторического архива, постараемся детально раскрыть активность столичного попечителя С. С. Уварова в деле полномасштабной реорганизации учебного плана гимназий в Российской империи. Кроме того, мы обладаем опубликованными источниками, которые также помогают пролить свет на изучаемый в работе вопрос [2; 10].

Крупные перемены в учебных планах гимназий связаны не с именем министра А. К. Разумовского, а с именем его зятя Санкт-Петербургского попечителя С. С. Уварова. «Несоразмерность» типа обучения в гимназиях и училищах не могла укрыться от внимания С. С. Уварова [2, с. 215] по тем причинам, что именно попечитель принимал непосредственное участие в деле «надзирания и управления» этими учебными заведениями [5, с. 25]. Так, в своём докладе от 31 октября 1811 г. министру Уваров начал с открытого заявления, что он «удостоверился, что курс Санкт-Петербургской губернской гимназии до сих пор отнюдь не соответствовал намерениям правительства» [8, л. 8]. Этим попечитель сразу выразил своё несогласие существовавшими в гимназиях порядками, когда программа преподавания в гимназии Санкт-Петербурга, а соответственно и во всех других гимназиях страны, содержала слишком много университетских предметов.

Кроме того, в своем докладе С. С. Уваров представил поимённый список учителей Санкт-Петербургской гимназии с обозначением преподаваемых ими предметов и количеством выделяемых на учебные предметы часов. Этот список мы приводим в Приложении А.1. Очевидно, что посредством такого объёмного списка С. С. Уваров хотел более наглядно продемонстрировать министру А. К. Разумовскому

существовавшую в Санкт-Петербургской гимназии перегруженность учебными дисциплинами и часами.

По мнению Уварова, «многопредметный» распорядок обучения был ошибкой [12, р. 481–482]. Напротив того, Уваров считал, что учебный план гимназий должен был быть прост и должен подчиняться не менее простой, практической и связанной с последующим обучением в университете цели. Уваров видел в гимназиях «ступеньки» на пути в университет: «Цель гимназий вообще есть приготовление учащихся к слушанию академических или университетских курсов наук. Пансион, учреждённый при здешней гимназии, так как и все заведения сего рода, равно не может иметь другой цели, почему в курс гимназический и не должны входить такие предметы, которые предоставляются одним университетам».

Такое «несоответствие» в плане обучения в Санкт-Петербургской гимназии и вправду имело весьма печальные последствия, когда, как говорил Уваров, преподавались «несовместные между собой дисциплины»: «Политическая экономия, коммерческие науки, финансы, эстетика и философская грамматика, требующие зрелого и подготовленного ума, и потому предоставленные для университетов, не только не были полезны воспитанникам гимназий, но даже и весьма вредны. Преподавание этих предметов, не развивая умственных сил в учащихся, обременяло только память и отвлекало от предметов, служащих первым основанием истинного просвещения во всех государствах и в каждом веке» [8, л. 9].

Согласуясь с этой мыслью, Уваров в этой же докладной записке министру предложил значительно упрощённую семилетнюю программу, сделавшую гимназию более эффективной подготовительной школой для университета [5, с. 82]. Этот учебный план получил одобрение министра А. К. Разумовского 7 ноября 1811 г. В соответствии с обновлённым планом С. С. Уварова теперь в Санкт-Петербургской гимназии было выделено 40 часов в неделю на изучение русского языка («чтение гражданское», «чтение церковное», «грамматика и диктант», «грамматика с упражнениями в слого», «риторика и упражнения в слого», «логика», «словесность и её история»), 42 часа на математические дисциплины (арифметика, алгебра, геометрия, математика, физика), 26 часов на историю (всемирная, новейшая, российская), 14 часов на Закон Божий (краткий катехизис и священная история), 12 часов на географию («всеобщая с начальными основаниями математики», российская география и статистика), также было выделено значительное количество часов на латинский, французский, немецкий и греческий языки, наконец уделено было внимание чистописанию, «древностям и мифологии» и «естественной истории и технологии» [1, с. 58].

Таким образом, преподавание в Санкт-Петербургской гимназии, судя по количеству предметов, часов и разнообразию преподавателей

было по-настоящему исчерпывающим. Ведь несмотря на то, что по реформе С. С. Уварова некоторые предметы были бесследно исключены из цикла, Уваров компенсировал это увеличением числа часов на латинский, греческий и Закон Божий. Центральное положение этих предметов становилось очевидным с первого взгляда. При этом преподавание этих «центральных» предметов не должно было быть «поверхностным» или только заучиванием, когда учителя «опираются только на память учащихся», не должно и «удивлять многочисленностью учебных предметов», но должно «заслуживать доверенность публики и благоволение начальства, так как учеников образуют с нравственной и учебной сторон» [7, с. 141].

Очевидно, что на выборе предметов отразились личные симпатии к классическому образованию со стороны Уварова, поэтому столичная гимназия явилась первой классической [1, с. 59]. Так, в заключение своего доклада Уваров обращал внимание министра на то, что в предлагаемом им расписании для гимназии «классические языки признаны одним из главных способов образования» [8, л. 10]. Одобрив гимназическую реформу С. С. Уварова, историк Е. К. Шмид замечал, что предложенный Уваровым гимназический учебный план имел «важное историческое значение», поскольку, во-первых, «это был первый опыт предоставления древним языкам подобающее им места в гимназическом курсе», во-вторых, Уваров обратил внимание на ценность знания именно отечественного языка, изучением которого впоследствии «начинали более чем когда-нибудь прежде заниматься в то время» [11, с. 89]. В любом случае, итогом реформы С. С. Уварова 1811 г. стало обновление преподавания и успех Санкт-Петербургской гимназии, на основании чего «виновник» этого состояния попечитель столичного учебного округа С. С. Уваров был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени [2, с. 216].

Список литературы

1. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Издание О. Богдановой, 1912. 346 с.
2. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / Сост. по поручению г. попечителя С. Петерб. учеб. окр. т. с. М. Н. Мусина-Пушкина. СПб.: Тип. Я. Трея, 1849. 293 с.
3. Жуковская Т. Н. Система управления и административная практика в Петербургском университете в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 3. 2015. С. 21–32.
4. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 2. 2014. С. 22–32.

5. Калинина Е. А. Школы Олонецкой губернии первой половины XIX в.: исторические очерки и документы / Е. А. Калинина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 502 с.

6. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: Часть 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. 365 с.

7. Православие. Самодержавие. Народность / Сергей Семёнович Уваров. М.: Издательство «Э», 2016. 496 с.

8. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Дела об утверждении измененного по проекту С. С. Уварова плана преподавания в Петербургской гимназии. 2 ноября 1811 г. – 16 июля 1817 г. 26 л.

9. Рождественский С. В. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века / С. В. Рождественский. СПб.: Сенат. тип., 1907. 28 с.

10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. / Россия. М-во народ. просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1864. 1864 стб.

11. Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878. 683 с.

12. Flynn J. S. S. Uvarov's "Liberal" Years /// *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 20. H. 4. P. 481–491.

Приложения

Таблица А.1. Санкт-Петербургская губернская гимназия в 1811 г., согласно докладу С.С. Уварова от 31 октября 1811 г. [8, л. 12–16].

Имена учителей	Классы и предметы учения	Число часов в неделю
В I классе:		
1. Протоиерей Никита Максимов	Краткий Катехизис	2
2. Губернский секретарь Александр Новиков	а) Русское чтение, гражданское б) Церковное в) Арифметика	а) 8 б) 4 в) 6
3. Коллежский секретарь Никита Дорбашев	Чистописание российское	4
4. Коллежский переводчик Карл Энгельбах	а) Чистописание французское б) Чистописание немецкое	а) 2 б) 2
5. Иван Вассимон	Французское чтение	4
6. Фёдор КрUMBмиллер	Немецкое чтение	4
Во II классе:		
1. Протоиерей Никита Максимов	Краткий Катехизис	2
2. Губернский секретарь Михаил Петровский	а) Русское чтение б) Российская грамматика и диктование в) Арифметика	а) 2 б) 4 в) 6
3. Николай Дорбашев	Российское чистописание	4
4. Карл Энгельбах	а) Чистописание французское б) Чистописание немецкое	а) 2 б) 2
5. Фёдор КрUMBмиллер	Немецкий язык	4

6. Иван <u>Вассимон</u>	Французский язык	4
В III классе:		
1. Протоиерей Никита <u>Максимов</u>	а) Пространный Катехизис б) Священная история	а) 2 б) 2
2. Николай <u>Дарбашев</u>	Русское чистописание	2
3. Губернский секретарь <u>Козьма Богданович</u>	а) Российская грамматика б) Арифметика в) Всемирная история г) Всеобщая география с начальными основаниями математической	а) 4 б) 6 в) 2 г) 2
4. Титулярный советник <u>Никита Белостин</u>	Латинский язык	4
5. Пётр <u>Дюсс</u>	Французский язык	4
6. Кандидат геологии <u>Каттерфельдт</u>	Немецкий язык	4
7. Карл <u>Энгельбах</u>	Чистописание французское и немецкое	2
В IV классе:		
1. Титулярный советник <u>Белостин</u>	а) Российская грамматика в слог б) На латинском языке	а) 4 б) 4
2. Титулярный советник <u>Михаил Зубакович</u>	а) Всемирная история б) История Российского государства в) Всеобщая география с математической г) География Российского государства д) Алгебра е) Геометрия	а) 2 б) 2 в) 2 г) 2 д) 4 е) 4
3. Пётр <u>Дюсс</u>	Французский язык	4

4. Каттерфельд	Немецкий язык	4
В V классе:		
1. Губернский секретарь Лавр Кедров	а) Закон Божий или Высший Катехизис б) Логика в) Риторика и упражнение в Российском слоге	а) 4 б) 2 в) 4
2. Сахаров	Математика	4
3. Егор Константинов	а) Российская история б) Всеобщая история в) Новейшая история г) География и статистика	а) 4 б) 4 в) 4 г) 4
4. Титулярный советник Михайло Пальмин	Латинский язык	8
5. Титулярный советник Аббе де Лонд	Французский язык	4
6. Милдендорф	Немецкий язык	4
В VI классе:		
1. Лавр Кедров	а) Закон Божий или Высший Катехизис (преподаётся вместе с V классом в те же часы) б) Логика в) Риторика и упражнение в российском слоге	а) - б) 2 в) 2
2. Егор Константинов	а) Всемирная история б) Российская история в) География	а) 2 б) 2 в) 2
3. Сахаров	а) Математика б) Физика	а) 4 б) 2
4. Титулярный советник Яким Зембницкий	Естественная история и технология	4

5. Профессора де Балдю	а) Латинский язык б) Греческий язык	а) 8 б) 2
6. Аббе де Лонд	Французский язык	6
7. Миддендорф	Немецкий язык	6
В VII классе:		
1. Лавр Кедров	Российская словесность с её историей и упражнение в русском слого	4
2. Сахаров	а) Физика б) Математика	а) 2 б) 4
3. Зембницкий	Естественная история и технология	4
4. Константинов	а) Новейшая история и статистика б) Латинский язык в) Древности г) Мифология	а) 4 б) 8 в) 2 г) 2
5. Профессор де Балдю	Греческий язык	4
6. Аббе де Лонд	Французский язык вместе с шестым классом в те же дни и часы	
7. Миддендорф	Немецкий язык вместе с шестым классом в те же дни и часы	
Сверх вышеозначенных классов находятся ещё при гимназии следующие, в которые ходят ученики по особенному желанию и способностям из разных ступеней:		
1. Ришард и Гринам	Английский язык	6
2. Иван и Григорий Угрюмовы	Нижний рисовальный класс	4
3. Надворный советник Алексей Давыдов	Высший рисовальный класс	4
4. Василий Балашов	Танцевальный класс	4
5. Вальвильд	Фехтовальный класс	4

Жукова Анастасия Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Рябова Людмила Константиновна, канд. ист. наук, доц.

**Образ Англии на страницах русской периодики
первой четверти XIX в.**

**The image of England on the pages of Russian periodicals
of the 19th century**

Аннотация. В данной статье автор на примере ряда журнальных публикаций первой четверти XIX в. реконструирует мнение российского общества об Англии и прежде всего о менталитете англичан в контексте такого развивающегося направления исторической науки, как имагология.

Ключевые слова: русская периодика; образ Англии; имагология; русская публицистика; XIX век.

Abstract. In this article, the author, using the example of a number of journal publications of the first quarter of the XIX century, reconstructs the opinion of the Russian society about England and, above all, about the mentality of the British in the context of such a developing field of historical science as imagology.

Key words: Russian periodicals; the image of England; imagology; Russian journalism; 19th century.

Взаимовосприятие России и Англии в отечественной историографии является одной из актуальных тем исследований [2; 19; 21]. При этом отмечено, что отечественная имагологическая традиция берет свое начало в российском англоведении [10, с. 48]. основополагающей в этом направлении является работа Н. А. Ерофеева «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг.» [4]. В данной статье образ Англии будет рассмотрен на примере ряда журнальных публикаций первой четверти XIX в., редко привлекаемых в исследованиях.

В начале XIX в. Англия виделась одной из первых стран, в совокупности представляющих Европу: «А заведения хорошие: Немецкие Университеты, Английские фабрики, мануфактуры и заводы, Французские Музеумы... уже ли это собрание ума и вкуса не достойно внимания?» [6, с. 73]. Англия, этот «банкир всех пяти частей света», богатый своими долгами, напоминала также «статую, виденную во сне Навуходоносором — у которой голова была из золота, а ноги из глины» [5, с. 29]. Обращала на себя внимание и политическая жизнь страны: «Правду сказать, лишнее было бы требовать от англичанина в этом случае равнодушия: здесь политика такая заразительная болезнь, что

даже иностранцы, приехавшие сюда, тотчас ею занемогают» [7, с. 39]. Однако, по мнению издателя «Друга юношества» М. И. Невзорова, английская политика не основана, как это традиционно предполагалось, на любви к отечеству [9, с. 131], и «как ни кричат любители Англии и воздушных шаров и пузырей, а внутри ее должно быть очень гнило» [9, с. 134–135].

Сам Лондон, сердце Англии, как известно, восхищал еще Н. М. Карамзина. Единодушен с ним и издатель «Московского Меркурия» П. И. Макаров, хотя Лондон и встретил его поначалу уныло: «Мы подъехали почти к самым воротам Лондона — и глаза мои искали Лондона. Я оглядывался на всех своих товарищей и с духом беспокойным спрашивал: «не это ли вторая столица мира?» <...> Сердце мое упало» [7, с. 19–20]. Но «познакомившись» с ним, он заключает: «Надобно путешествовать, чтобы не иметь предубеждений. Русский, который не выезжал из своего отечества, уверен, что Петербург прекраснее всех городов на свете. Я сам так думал, но Лондон меня переуверил» [7, с. 26].

Лондон раскрывается также как «лучшее жилище для предприимчивых и застенчивых», где «рассыпает она [фортуна] свои милости» [1, с. 249]; где встречаешь «набожность истинную и разврат бесстыднейший, величайшую привязанность и величайшее презрение к деньгам, трудолюбие и леность» [1, с. 250]. Особенную «физиономию» ему придает «благородство характера и независимость торговцев, мещанства и ремесленников» [1, с. 251].

Другим сюжетом, нашедшим отражение в периодике, был национальный характер англичан, «важных, глубокомысленных» [7, с. 21] и в то же время известных чудаков: «газеты и журналы наполнены описанием их проказ» [23, с. 301]. Прежде всего, подчеркивали их надменность: «Известно, что англичане, находясь в соседстве с Европою, обращаясь со всеми народами земного шара, до сего времени своими качествами особенными и поистине единственными, так сказать, отчуждены от целого мира» — они, «почитая себя отдельным миром, не должныствующим подражать другим, следуют, кажется, влечению одной природы» [22, с. 332]. На фоне испанцев с их леностью, французов с их легкомыслием и немцев с их страстью к подражанию англичане выделяются также гордостью [17, с. 177]. Пословицу «в чужой монастырь со своим уставом не ходят» они «толкуют буквально обо всех иностранцах, приезжающих в их остров; а как скоро сами приедут в чужую землю, то притворяются, будто ее не понимают» [3, с. 723–724].

Отмечается и разительная противоположность англичан и французов, хотя они и «отделены друг от друга одним только узким проливом моря» [22, с. 329]. Так, если французов природа одарила «чувствительностью нежною», воображением «живым» и умом, постигающим мысли других и изобретающим с легкостью, то англичан — «чувствительностью глубокой», воображением сильным, которое «созидает не

столь скоро, не стремится беспрестанно от одной картины к другой», занимаясь одним предметом, и умом, исследующим одну мысль, доходя до самых ее истоков [22, с. 330–331]. Англичанин ищет уединения и «беседу с натурою предпочитает обществу людей», «не заботится блистать в свете и, довольный самим собою, кажется, забывает целый мир» [22, с. 331]. Предохраненная холодностью рассудка от поспешных умозаключений и «неистовства созидать химерные системы», философия его не столь блистательна, как философия французов, и «более основана на деяниях, благоразумнее, скромнее», нежели немцев, «с коими они имеют весьма великое сходство»; она носит отпечаток народного характера и при этом весьма глубокомысленная [22, с. 340].

С русскими же, согласно одной из статей «Духа журналов», они имеют «самые спасительные последствия от сей совокупности политики с верою, там выгоды церкви соединены с выгодами всего государства силою законов, обычаев и даже пословиц — сие последнее средство есть одно из лучших, чтобы вкоренить в сердцах людей полезнейшие правила» [14, с. 495]. Но, в отличие от России, где свободное отправление всех христианских вероисповеданий существует «уже более ста лет», Англия в этом отношении менее демократична, поскольку не дарует ирландским католикам равных с англичанами гражданских прав [15, с. 1129–1130].

На страницах русской периодики этот клишированный образ нередко оспаривается: «Может быть, ни один народ не был столь несправедливо оклеветан с сей стороны, как англичане. Ненавистники их не перестают упрекать их в самом грубом национальном эгоизме и не хотят верить, чтобы сей расчетливый народ действовал, в чем бы то ни было, без корыстных видов» [11, с. 857–858]. «Дух журналов» особенно отличен в этом отношении: «Торговая промышленность англичан навлекла на них всеобщий упрек в эгоизме и корыстолюбии. Все повторяют, что корысть есть душа англичан; а никому не придет на мысль проверить, справедлив, или нет, упрек сей?» [16, с. 1261]. Этот тезис подвергается сомнению деятельностью Общества благотворителей нуждающимся иностранцам: «Где же тут народный эгоизм?» [11, с. 859]. Начиная с 1812 г. ни одна нация не сделала столько пожертвований другим народам, как Англия: «После этого, кажется, нельзя не убедиться, что упрек в эгоизме и корыстолюбии англичан весьма несправедлив; и что если английская нация богаче всех других, то она же лучше всех умеет и употреблять свои богатства на пользу ближних, какой бы они нацией не были» [16, с. 1263]. Солидарен с этим и «Друг юношества», выделяющий среди богоугодных заведений, которые «делают честь англичанам», в первую очередь Библейское общество и вышеупомянутое [8, с. 121].

Англичанами восхищаются в первую очередь как «центром всесветной торговли» [20, с. 113]. Хотя Английская Конституция требует

некоторого стеснения торговли, сохранения независимости в экономическом отношении, сообразная с нею организация компаний и сосредоточения в них богатств делают Англию державой, выдержать конкуренцию в торговле с которой чрезвычайно трудно [20, с. 113], поскольку она обладает действительными преимуществами, заключающимися в «богатстве, мудрой конституции, просвещении жителей и выгодах самого естественного ее положения», поэтому остальные страны могут лишь подражать ей, но не аналогичными запрещениями ввоза иностранных товаров [20, с. 114]. В другой статье (послужившей причиной санкции со стороны цензурного комитета [18]) авторы восторженно оглядываются на Англию: «Чтобы увериться, какое благодетельное влияние имеет уважение к торговле, довольно только бросить взгляд на Англию. <...> Там общая польза есть польза каждого, потому-то сия сила приводит в движение все политическое тело Англии» [12, с. 12–13].

Однако англичане не любят подолгу работать и стараются как можно быстрее закончить свою поденную работу, очень дорожа своим временем, неохотно демонстрируют свои мануфактуры иностранцам, боясь конкуренции с их стороны, и неохотно отрываются от своего занятия, чтобы «показывать даже и рекомендованным иностранцам всякие достопамятности» [13, с. 273].

Таким образом, русская периодика первой четверти XIX в. на примере ряда журнальных публикаций предлагала различные варианты восприятия Англии (от восхищения ее успехами до скептического отношения к сущности ее политической жизни), нередко способствуя развенчиванию стереотипных представлений о самих англичанах как о людях исключительно меркантильных.

Список литературы

1. А. О. Диорама Лондона // Благонамеренный. 1823. Ч. 24. № 22.
2. Давидсон А. Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51–64.
3. Заздравные пиршества англичан [Б. а.] // Дух журналов. 1815. Ч. 7. Кн. 40.
4. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
5. Известия о Лондоне [Б. а.] / с нем. // Благонамеренный. 1819. Ч. 6. № 7.
6. Лачинов Е. Е. Разговор о путешествии // Амфион. 1815. Кн. 12.
7. Макаров П. И. Россиянин в Лондоне, или письма к друзьям моим // Московский Меркурий. 1803. Ч. 1. № 1.
8. Невзоров М. И. Благотворительное общество в Лондоне для помощи нуждающимся иностранцам // Друг юношества. 1814. № 10.
9. Невзоров М. И. Об английской политике // Друг юношества. 1809. № 2.

10. Оболонкова М. А. Репрезентации образа англичан в сознании российских интеллектуалов и первая мировая война // Вестник Пермского государственного университета. История. 2017. № 3 (38). С. 48–55.
11. Общество благотворителей нуждающимся иностранцам [Б. а.] // Дух журналов. 1815. Ч. 7. Кн. 43.
12. О влиянии Правительства на промышленность [Б. а.] // Невский зритель. 1820. Ч. 1. № 3.
13. О механических искусствах в Англии [Б. а.] // Дух журналов. 1815. Ч. 1. Кн. 5.
14. О религии в отношении к гражданским обществам [Б. а.] // Дух журналов. 1815. Ч. 2. Кн. 9.
15. О терпимости вере [Б. а.] // Дух журналов. 1815. Ч. 8. Кн. 46.
16. Пожертвования англичан [Б. а.] // Дух журналов. 1815. Ч. 8. Кн. 51.
17. Признаки супружества / с нем. Сословин // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 15.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 461. «Дело о запрещении печатать сочинения подобные опубликованной в журнале «Невский зритель» статьи «О влиянии правительства на промышленность»». 2 л.
19. Сергеев В. В. Английская тема на страницах журнала «Вестник Европы» Н. М. Карамзина в 1802–1803 годах // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. № 4. С. 49–55.
20. Сниткин И. М. Должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров, или только некоторых и каких более? // Невский зритель. 1820. Ч. 3. № 8.
21. Тетюева Д. Д. Образ Великобритании в интерпретации российских публицистов второй половины XIX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 22–30.
22. Характер французов и англичан. Свойства поэзии обоих народов [Б. а.] / пер. с франц. А. Г. // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 3. Кн. 3.
23. Яковлев П. Л. Рассказы Лужницкого старца и мои воспоминания о нем // Благонамеренный. 1820. Ч. 9. № 5.

*Хасанин Расим Рафатович
Идиатуллин Руслан Айратович
Миронов Евгений Евгеньевич*

Набережночелнинский государственный педагогический университет

Научный руководитель:

Рафиков Азат Миннегаязович, канд. ист. наук, доц.

**Высочайшие визиты на территорию Камско–Вятского края
в первой половине XIX в.: приезд в 1824 г. императора
Александра I**

**Highest visits to the territory of the Kama-Vyatka Territory in the
first half of the 19th century: the arrival of Emperor Alexander I
in 1824**

Аннотация. В данной статье раскрывается хроника основных событий, которые связаны с посещением императора Российской империи Александра I Камско–Вятского региона. В исследовании были использованы источники, которые ранее не публиковались в общем доступе, а также был проведён анализ проведённых дней императором в Камско–Вятском регионе.

Ключевые слова: Камско–Вятский регион; семья Романовых; Александр I.

Abstract: This article reveals the chronicle of the main events associated with the visit of the Emperor of the Russian Empire Alexander I of the Kama–Vyatka region. The study used sources that were not previously published in the public domain, analyzed summaries from those days and collected in one work.

Key words: Kama–Vyatka region; Romanov family; Alexander I.

Камско-Вятский край открывает для нас неразрывную связь с Домом Романовых, о данном регионе написано множество книг и статей. Казалось бы, уже давно все сказано, однако при углублении в данную тему, находится множество подводных камней, раскрывающих те или иные события, которые открывают новые и неизведанные страницы в истории.

В данном исследовании повествуется хроника основных событий, связанных с посещением императором Александром I Камско-Вятского региона. Данная проблематика актуальна тем, что на сегодняшний день, несмотря на обилие и многообразие литературы краеведческого характера, нет ясного представления о том, как высочайший визит императора отразился на истории Вятской губернии.

Одной из особенностей дореволюционной России, которая характеризовала ее управление, были длительные и многочисленные поездки императоров. Такого рода путешествия, носили образователь-

ный характер, и позволяли императорам поближе познакомиться с тем, как живет простой народ и в чем он нуждается. Множество путешествий совершил Александр Павлович, начало которым было положено 16 августа 1824 года и завершились они 24 октября. Александр I посетил ряд городов на Урале, центральную часть России и вернулся в столицу через северные губернии [3, с. 33].

В начале октября кортеж императора прибыл в Вятскую губернию. 6 октября Александр I выехал из Ижевского завода и через 2 дня, в 10-м часу вечера добрался до губернского центра. Очевидец отмечал, что как только жители города, ждавшие приезда Александра I, увидели его кортеж «...родилась в народе мысль отпрячь лошадей у коляски государя и свести ее народом, но... без особенного распоряжения сделать этого было нельзя, а просить его у начальства было уже поздно» [3, с. 34].

Проехав через реку по мосту мимо Спасской церкви, император первым делом, даже не отдохнув с дороги, в сопровождении свиты, отправился в Троицкий кафедральный собор. У собора его встретили епископ Вятский и Слободской Павел, сенаторы А. А. Долгоруков и Е. А. Дурасов, ранее прибывшие в Вятку с проверкой, губернатор П. М. Добринский с чиновниками и многочисленные горожане. Берег реки Вятки от Хлыновской до Луковицкой слободки и все здания были иллюминированы.

После торжественного приветствия императора и молебна государь «откланялся народу на все стороны» и отправился со свитой по Московской улице, а потом на Спасскую в приготовленный для него казенный губернаторский дом. У дома уже собрался народ, и император выходил приветствовать людей, многие из которых простояли на улице всю ночь.

На следующий день, 9 октября, Александр I посвятил официальным визитам. Утром императору были представлены епископ Павел с архимандритом и всеми протопопами, вице-губернатор Дмитрий Иванович Ермолаев с чиновниками, городской голова Иван Машковцев. Местные купцы сделали государю необычный подарок — преподнесли «собственной теплички... ананасы» [4, с. 4].

По воспоминаниям участников аудиенции, преосвященный Павел преподнес Александру I икону Св. Николая. Император приложился к ней и поставил икону на стол, после чего взял благословение у всего духовенства, целуя руку каждого благословляющего. Такая простота в поведении с духовенством была обычной для Александра I, и он крайне бывал недоволен, когда священник удалял руку свою из уважения к высокому сану его величества. В разговоре с духовенством Александр I отметил, что давно имел желание побывать в Вятской губернии и остался доволен поездкой, так как «Вятка есть один из лучших губернских городов» [5, с. 293]. Днем император побывал в

Свято-Троицком кафедральном соборе, где снова приложился к вятским святыням — Великоорецкому образу святителя Николая и образу Михаила Архангела [1, с. 7].

Затем государь посетил основные городские учреждения. Он побывал в воспитательном доме, в гимназии, в городской больнице («оную похвалил»), в тюремном остроге (где, видя малое число содержащихся преступников, заключил, что здесь в Вятской стране нравственность не испорчена).

На плац-парадной площади против зданий присутственных мест Александр I провел военный развод. Во время смотра император пожаловал некоторым офицерам новые звания и выдал каждому рядовому солдату по 1 руб. Он также приказал из отданных от мещан вятских и слободских солдат выбрать в гвардию в Семеновский полк и учением был доволен. Осенью 1825 г. в честь приезда императора на месте плац-парадной площади, где он проводил развод, с прилегающими к ней территориями было решено устроить городской общественный сад.

После развода Александр I без сопровождения свиты посетил Трифонов монастырь, а оттуда второй раз отправился в Свято-Троицкий кафедральный собор. Здесь он имел долгую беседу с епископом Павлом. Войдя в покои архиерея, император сказал: «Я не могу долго стоять. У меня повреждена нога» [2, с. 3]. Александр I сделал архиерею несколько замечаний. Во-первых, повелел запретить духовенству строить большие дома, сделав их более опрятными. А также велел, чтобы священнослужители перестали носить жабо (некоторые вятские батюшки надевали высокие белые галстуки).

Вечером в честь императора был дан бал, на котором он пробыл всего 52 минуты. Но это не было выражением какого-то пренебрежения к вятскому обществу. По традиции даже в столице балы с участием царя всегда проходили только с 21 до 23 часа. О его доброжелательном отношении к горожанам свидетельствует и тот факт, что находясь вечером дома, император четыре раза выходил кланяться на балкон собравшимся в большом количестве под окнами людям.

10 октября Александр I никуда не выезжал из губернаторского дома из-за плохой погоды. В этот день у него обедали сенаторы и епископ Павел, которому император показал кусок самородного золота весом более 3 кг, найденный на сибирских рудниках.

Чем занимался император после обеда — неизвестно. Можно сказать, что 10 октября стало для него днем уединения. Скорее всего, он и лица из его окружения посвятили это время работе с бумагами, которых накопилось немало. В основном это были прошения крестьян. 11 октября в 5 часов утра Александру I были представлены нолинские городской голова и купцы, преподнесшие императору хлеб-соль. Государь расспрашивал их о торговле и обещал в будущем побывать в Нолинске.

В 6 часов утра Александр I снова пригласил сенаторов, отдал им особые распоряжения и в начале седьмого часа отправился в дальнейший путь, запретив чиновникам провожать себя — «выехал тихо», — отмечал один из современников [3, с. 40].

У Всехсвятской церкви, которая находилась на выезде из города, государя встретили городской голова и купечество. Император вышел из повозки, приложился ко кресту на крыльце храма и выпил святой воды. Затем в 6 часов 45 минут он отправился далее — по Московскому тракту на Орлов. Об отъезде Александра I возвещал колокольный звон.

Таким образом, губернский город произвел на царя приятное впечатление, вместе с тем, ознакомившись с результатами сенаторской ревизии, Александр I остался недоволен управлением губернией. Поэтому вскоре после его отъезда последовала отставка и отдача под суд губернатора П. М. Добринского. Примечательно также и то, что Александр I являлся единственным правящим монархом, который побывал в Вятке за всю ее историю.

Как утверждает А. В. Маркелов, с Вяткой императора связывала тайна, которую разгадать нам на сегодняшний день не по силам. В 1821 г. В. П. Кочубей передал вятскому губернатору поручение о том, что необходимо выделить домик для некоего военного семейства (на данный момент, здесь находится здание медучилища на ул. Либкнехта). Есть предположение, что дом предназначался самому императору, так как Александр Павлович не раз высказывал мысли, что хочет оставить престол.

Во время приезда в Вятку государь отправился в губернаторский дом. Всего в двух кварталах от него находился тот самый домик, который был куплен по его приказу. А. В. Маркелов предполагает, что вятский домик был как один из отходных путей. Известно, что Вятский полицмейстер после смерти Александра Павловича хранил от него ключи еще несколько лет [5, с. 3].

В 1837 г. регион посетил наследник престола Александр Николаевич. В его свите находились статистик, географ и историк К. И. Арсеньев и поэт В. А. Жуковский. Наследник посетил первую выставку естественных и искусственных произведений Вятской губернии, организованную по случаю его приезда, гулял по Александровскому саду, а вечером удостоил своим присутствием бал в Благородном собрании. Так же наследник престола посетил города Слободской и Глазов [6, с. 19].

Отметим также, что в последние годы заметно повысился интерес к истории Камско-Вятского региона. Это обуславливается растущим осознанием в обществе значения истории Родины для патриотического воспитания юношества, а также тяготением к познанию всего разнообразия историко-культурного достояния нашей большой страны.

Список литературы

1. Баева Л. Как встречали царя в Вятке // Вести. Вятка. 2010. 22 нояб. (№ 43). С. 7–10.
2. Бакин В. С. Высочайшее путешествие // Вятский край. 2009. 9 июня (№ 107). С. 5; 10 июня (№ 108). С. 3–5.
3. Воспоминания о посещении Вятки Государем Императором Александром Благословенным в 1824 году // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 30–46.
4. Горев Н. Александр Первый в Вятке // Знамя Октября. 1994. 9 нояб. (№ 131). С. 4.
5. Колотов А. В. Александр I в Вятке // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2009 год. Киров: КировСтат, 2009. С. 293–295.
6. Лазарева М. Романовы и мы // Вятский наблюдатель. 2012. 9 марта (№ 10). С. 19.
7. Маркелов А. В. Романовы жили на Николаевской улице // Киров вечерний. 1998. 23 апр. (№ 15). С. 3–4.
8. Проезд великого князя // Вятские губернские ведомости. 1873. 21 июля. (№ 58). С. 2.
9. Худяков М. Г. История Камско–Вятского края: избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. 412 с.

Васильцова Софья Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Жуковская Татьяна Николаевна, канд. ист. наук., вед. научн. сотр.

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Особенности взаимоотношений между польскими и русскими студентами Петербургского университета 1830–1860-х гг.

Features of the relationship between Polish and Russian students of St. Petersburg University in the 1830–1860s.

Аннотация. В статье рассматривается история взаимоотношений между польскими и русскими студентами Петербургского университета в 1830–1860-е гг. Прослеживается переход от сдержанно-нейтрального взаимодействия к глубокому чувству студенческой солидарности. Вместе с тем рассматриваются конфликтные точки русско-польских отношений, которые мешали полноценному сближению национальных студенческих корпораций.

Ключевые слова: Петербургский университет; студенчество; польская диаспора; национальные контакты.

Abstract. The article is devoted to the history of the relationship between Polish and Russian students of St. Petersburg University in the 1830s–1860s. The author notes the transition from neutral interaction to a deep sense of student solidarity. It has also highlighted the problem of conflict points of Russian–Polish relations, which prevented the full rapprochement of student corporations.

Key words: St. Petersburg University; students; Polish diaspora; national contacts.

После присоединения к Российской империи западных губерний и Царства Польского польское землячество в Петербурге начало постепенно увеличиваться. С 1820-х гг. среди приезжих поляков появились молодые люди, стремившиеся поступить в Петербургский университет, однако их число в то время было еще незначительным. Отправной точкой активного формирования польского студенчества стал императорский указ от октября 1835 г. об отправке пансионеров Царства Польского в Петербургский и Московский университеты, по 10 человек в каждый, для приготовления к учительским должностям [9, л. 1–3]. Не меньшее значение имело открытие 10 апреля 1840 г. на юридическом факультете двух кафедр польского права и судопроизводства с целью подготовить молодых людей для работы в администрации Царства Польского [8, л. 73–78]. Стимулированная данными распоряжениями, а также отсутствием после 1832 г. университетов на родине, сложностями, сопряженными с выездом за границу, и престижностью столичного образования, польская студенческая корпорация в столичном университете

неуклонно росла и к середине 1840-х гг. стала второй по численности после русской. Несмотря на постоянные колебания в численности студентов и введенные после 1848 г. ограничения, она прочно сохраняла за собой второе место вплоть до закрытия университета в 1861 г. и во многом определяла его социальный облик. Так, в 1857 г. число студентов греко-русского вероисповедания составляло 375 человек, римско-католического — 228, а общее число студентов — 716 [2, с. 522]. Таким образом, перед нами представлены две основные группы воспитанников Петербургского университета, взаимоотношения между которыми имеют довольно насыщенную историю.

В 1840–1850-х гг. контакты между обеими группами студенчества были крайне редкими, что объяснялось прежде всего социальным происхождением большинства русских студентов: из-за высокой платы за обучение и отсутствия медицинского факультета, популярного у бедняков, среди них преобладали представители состоятельных и даже аристократических фамилий. Так, Тадеуш Бобровский, обучавшийся в Петербургском университете в 1846–1850 гг., вспоминал, что среди русских встречались имена знати: Уваровы, Мордвиновы, Шереметевы и другие [1, с. 631]. Что касается поляков, то среди них тоже были дворяне, но они считались таковыми лишь по происхождению, а своим материальным положением и образом жизни зачастую не отличались от разночинцев [5, с. 130]. Поэтому многие поляки, в отличие от русских, не могли рассчитывать на помощь родителей после выпуска и в силу этого усердно учились, стремясь сделать в будущем достойную карьеру [1, с. 629–630].

При этом как русские, так и польские мемуаристы отмечали бросающуюся в глаза отчужденность польской колонии от остальных групп студенчества. Л. Ф. Пантелеев писал, что поляки держали себя «совсем особняком от русских, никакого сближения между ними не было; самое большее, что допускалось, — при встречах на лекциях вежливый поклон» [7, с. 169]. У поляков сложилось обособленное землячество вокруг организованной ими библиотеки, но они принимали участие в общих сходках студентов, когда вопрос касался университета в целом [3, с. 68]. Польская молодежь изучала русский язык, посещала те же вечера в доме ректора П. А. Плетнева, инспектора А. И. Фицтума фон Экштедта, профессора международного права И. И. Ивановского, что и русские студенты, интересовалась некоторыми русскими журналами и газетами, в частности «Отечественными записками». Но поддержание очагов национальной культуры, порой связанное с некоторой отчужденностью, для поляков было приоритетным. В свою очередь, русские относились к полякам без всякой враждебности, но тоже не искали с ними сближения, как бы признавая за ними «естественное право на обособленность».

Однако уже в начале 1860-х гг. в отношениях между национальными группами студентов наметились некоторые изменения. Первые шаги к сближению предприняли именно русские студенты при активном участии немногочисленных инициативных поляков, в частности В. Ю. Хорошевского. Обострившееся чувство солидарности отразили два случая, в которых участвовали как поляки, так и русские: похороны знаменитого поэта Т. Г. Шевченко 28 февраля 1861 г., а также состоявшаяся 1 марта 1861 г. панихида в Римско-католическом храме Св. Екатерины по умершему студенту Тукалло и 15 полякам, убитым во время волнений в Варшаве. В организации панихиды городские власти заподозрили «неблагоданмеренный поступок», началось следствие с целью выявить возмущавших общественное спокойствие поляков. Хотя состава преступления установить не удалось и дело вскоре было закрыто, слух о нем проник в Петербургский университет. Думая, что полиция «предполагает привлечь к ответственности только студентов поляков, а присутствие русских решено игнорировать», русские студенты организовали сбор подписей в доказательство своего участия в панихиде. Даже те, кто не присутствовал на ней, все равно оставляли свою подпись, чтобы на итоговом листе их было как можно больше [7, с. 174]. Такое желание разделить наказание с теми, кого пока нельзя с полной уверенностью назвать товарищами, кто всего десятилетие назад оставался совершенно далеким, – очень точно показывает сдвиг, который произошел в отношениях между русскими и польскими студентами. Однако ситуация по-прежнему оставалась довольно неоднозначной, о чем свидетельствует тот факт, что предложение Хорошевского «войти в некоторые отношения с русским студенчеством» польской корпорацией неоднократно отклонялось [7, с. 172].

Учитывая наблюдения мемуаристов, а также замечания исследовавших данный вопрос Ю. Д. Марголиса [6] и К. С. Казаковой (Кузнецовой) [4], можно сделать вывод о том, что за период с 1850 по 1862 гг. русско-польские отношения в академической среде прошли развитие от сдержанно-нейтральных до проникнутых чувством солидарности и осознанием общности интересов. Недаром внезапная готовность русских студентов помочь в деле о панихиде привела к оживленным дискуссиям в польской колонии о возможности сближения с русскими. Ее результатом стало организованное в марте 1861 г. собрание делегатов от русских и польских студентов, которое, в свою очередь, обнажило главную болевую точку в русско-польских отношениях – вопрос о западных губерниях (для Польши – «восточных»). Во время собрания поляки держали себя немного сдержанно и в своих речах подчеркивали, что на первом месте для них стоит независимость Польши. Русская молодежь отвечала, что в данном вопросе она полностью на их стороне. Тогда Пантелеев, решив, что наступила подходящая минута, предложил полякам высказаться насчет Литвы и Юго-Западного края. Затронутая проблема, как заметил после собрания Хорошевский,

раскрыла зияющую пропасть между двумя сообществами. В послании русским студентам один из лидеров польской корпорации Болеслав Маркевич писал: «Придет момент, когда, может быть... сила чувств, сложившихся благодаря прошлому, бросит нас с оружием в руках против вас, так как нам нет возможности забыть, что вы принадлежите к народу, который нанес полякам самые тяжелые раны» [7, с. 179–181].

Несколько позднее, когда после летних каникул на воспитанников Петербургского университета внезапно обрушились новые академические правила, среди прочего запрещавшие любые студенческие сходки без разрешения университетского начальства и вводившие обязательную плату за обучение для всех категорий студентов, кроме отличившихся в ходе вступительных испытаний, все студенты подняли единодушное выступление. Начались постоянные сходки, зазвучали требования отмены введенных ограничений, которые в конечном итоге привели к закрытию университета 20 декабря 1861 г. Русские и польские студенты снова сблизились на почве студенческой солидарности, хотя среди тех и других нашлись такие, которые старались держаться подальше от политики и спокойно приняли введенные администрацией матрикулы (своеобразные декларации лояльности). Более активные поляки («красные») презрительно называли их «матрикулистами», или «белыми», осыпая насмешками и издевательствами [3, с. 70].

Подводя итоги, следует отметить, что, хотя между русской и польской студенческой молодежью со временем установились более тесные отношения, основанные на общих академических интересах и близости политических взглядов, вопрос о западных губерниях стал камнем преткновения между ними. Перед нами явно проступает конфликт двух идентичностей в сознании многих поляков, которые, с одной стороны, ощущали свою принадлежность к студенческому сообществу и, как все остальные студенты, болезненно воспринимали ограничения университетских свобод, а с другой, видели себя в качестве общности, тесно связанной со своей национальной территорией и польской политической идеей в целом. Ни в коем случае не испытывая враждебности к русской культуре и русским товарищам, наиболее радикальные польские студенты были возмущены доминированием российской государственности над их собственной. Вместе с тем можно констатировать, что в рассматриваемый период в рамках корпорации Петербургского университета наблюдается преодоление стереотипа «свой — чужой» в сознании польской и русской молодежи.

Список литературы

1. Бобровский Т. Дневник моей жизни / Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М.: НЛО, 2010. С. 619–712.
2. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. *Anima universitas: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М.: Новый Хронограф, 2018. 576 с.

3. Ильин А. Л., Игнатюк Е. А. Повстанцы Гажичи // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі. Матэрыялы міжнар. навук. канф. Минск.: Беларускае Гістарычнае Таварыства. 2011. С. 65–70.

4. Кузнецова К. С. Из истории университетского быта: студенческие корпорации и землячества 1830-х–1840-х годов // Ante annum. Сб. науч. работ студентов и аспирантов исторического факультета. Петрозаводск: ПГУ, 2004. Вып. 2. С. 67–80.

5. Курписова Г., Новинский Ф. Польские студенты в Петербургском университете в XIX веке // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава: ВНУ, 1995. С. 129–131.

6. Марголис Ю. Д. Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава: ВНУ, 1995. С. 132–145.

7. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1958. 848 с.

8. РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Об отправлении в Петербургский, Московский и Харьковский университеты пансионеров Царства Польского с целью подготовки из них учителей для учебных заведений Варшавского учебного округа и о назначении им стипендии с 1845 по 1862 годы. 605 л.

9. РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 28. Об организации юридических курсов при русских университетах для воспитанников Царства Польского. 228 л.

Владимирова Наталия Андреевна
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Научный руководитель:
Лебедев Сергей Константинович, д-р ист. наук, доц.

Помощники податных инспекторов в Российской империи и их обязанности: на основе материалов Псковской губернии

Assistant Tax Inspectors in the Russian Empire and their duties based on the materials of the Pskov Governorate

Аннотация: В статье рассматривается сфера компетенции и функции аппарата помощников податных инспекторов. Зная о размерах Российской империи, становится очевидным, что штат в 500 чинов на всю страну — слишком незначителен для весьма масштабного объема работы, который был возложен на податных инспекторов Положением от 30 апреля 1885 г. Поэтому в 1897 г. дополнительно была введена должность помощника податного инспектора. Результатом этого решения стало замещение податных инспекторов по функционалу, что в целом вело к укреплению института казенных палат.

Ключевые слова: налоги; податные инспектора; помощники податных инспекторов; Псковская губерния; финансы.

Abstract: The article touches upon the issues of who assistant tax inspectors really were. Being aware of the size of the country, there were 500 people for the entire Empire was too small for the extent of the work, assigned on the tax inspectors by the regulation of April 30th 1885. Therefore, in 1897, the post of Assistant Tax Inspector was introduced. Summing up the results, it can be concluded that assistant tax inspectors were intended to replicate the functions of the Tax Inspectors as well as to reinforce the Treasury Chamber.

Key words: taxes; tax inspectors; assistants of tax inspectors; Pskov province; finance.

В современном мире происходят постоянные изменения в сфере налогообложения. Может меняться как способы сбора налогов, так и функции налоговых инспекторов. Налоговая система Российской империи довольно близко стоит к налоговой системе Российской Федерации, поэтому, изучая одно, можно, отчасти, предвидеть то, что в будущем ждет другое.

Однако в настоящий момент существует очень ограниченное количество работ, посвященных тем, кто на местах контролировал поступление финансов от налогоплательщиков. Наиболее часто этой темой занимается доктор исторических наук Е. С. Кравцова [5; 6; 7]. Ее сферой изучения является Курская губерния, где чаще всего она обращается именно к обязанностям податных инспекторов. Поэтому является важ-

ным понять то, какие чиновники должны были выполнять обязанности нового местного органа власти.

Институт податных инспекторов была создан высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 30 апреля 1885 г. [9]. В это время произошли важные изменения и в сфере налогообложения. Н. Х. Бунге — министр финансов в 1881–1886 гг. — продолжил политику своих предшественников по усовершенствованию налоговой системы Российской империи и являлся инициатором создания института податных инспекторов.

На момент введения в 1885 г. должности податного инспектора их число на всю Российскую империю составляло около 500 человек [9, с. 179]. Со временем эта цифра выросла, хотя и ненамного, а вместе с тем увеличивался объем служебных обязанностей податных инспекторов.

Как показала практика, довольно часто один податной инспектор мог обслуживать целых два податных участка (чаще всего они совпадали с границами уезда). Поэтому возникла острая необходимость в усилении общего состава податной инспекции.

В 1892 г. министром финансов становится С. Ю. Витте, выступивший с обширной программой финансовых и экономических реформ. Он продолжил осуществлять идеи Н. Х. Бунге в своей политике. С. Ю. Витте так высказался о Н. Х. Бунге и его размышлениях касательно преобразования денежной системы: «По этому предмету не было на русском языке сколько-нибудь порядочных книг и учебников, за исключением нескольких, а именно, то, что выходило из-под пера Николая Христиановича Бунге» [1, с. 77].

Возможно, это стало одной из причин того, что С. Ю. Витте выступил инициатором введения должности помощников податного инспектора Положением Государственного совета от 6 января 1897 г. [8].

По этому закону помощник податного инспектора, также как и податной инспектор, состоял при казенной палате. Новая должность должна была усилить общий состав и повысить эффективность работы податной инспекции.

Помощников податного инспектора вводили в количестве ста пятидесяти человек на всю империю.

Какие именно обязанности должны выполнять помощники в законе не указано (лишь дается сноска на пункты 1–2 и 4–6 статей 1067 и 1068 общего губернского учреждения). Однако, скорее всего, их основной функцией являлась помощь податным инспекторам. Также указано, что помощники могли заменять податного инспектора, если он заболел, был уволен со службы и в других случаях, когда участок оставался без инспектора [8, с. 3]. Возможно, этим и можно объяснить такое небольшое количество помощников по отношению к самим податным

инспекторам. Скорее всего их ставили на особо важные участки, которые нельзя было оставлять без присмотра.

Второй случай замены помощником податного инспектора – это председательство в предусмотренных по закону присутствиях [8, с. 3]. Опять же идет оговорка, что такая замена происходит при невозможности самого инспектора присутствовать (возможно, при болезни, увольнении или командировке) и при особом распоряжении казенной палаты.

Оклад помощников составлял 1000 рублей, из которых лишь половина было жалованием, а остальное поровну приходилось на столовые и квартирные деньги (по 250 рублей). По классу чинопроизводства помощники состояли в VIII классе, так же VIII разряд по шитью на мундире и VI разряд по пенсии [8, с. 3]. VIII классу чинопроизводства соответствовал чин коллежского асессора. Это несколько ниже, чем требуемый чин у податного инспектора с учетом того, что они должны были заменять их.

К сожалению, личных дел помощников податных инспекторов сохранилось не так и много. В частности, в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) есть одно дело, которое можно изучить. Это дело К. С. Синкевича — помощника податного инспектора Островского участка [4].

С 1903 г. он являлся помощником податного инспектора Островского участка В. В. Шундлера. Самым большим недостатком этого дела является то, что нет возможности на его основе понять, как именно работали помощники. Дело представляет из себя сборник материалов, которые, возможно, проходили через руки К. С. Синкевича, пока В. В. Шундлер отсутствовал.

В конце дела находится лист, где кратко указаны некоторые сведения о К. С. Синкевиче. В том числе и его жалование, которое составляло 1300 рублей. Это — самое большое жалование среди помощников, которое можно установить из документа.

Также в ГАПО довольно часто можно обнаружить документы, в которых говорится о передаче дел податного инспектора, уходящего в увольнение, именно помощнику (либо, что крайне редко, другому податному инспектору).

Например, в период своего отпуска инспектор Опочецкого уезда А. Е. фон Вилькен назначил своим заместителем своего помощника — К. В. Смирнова [2, л. 43]. Так же делал и М. Г. Лавров. Только, если на VI участке инспектора заменял его же помощник, то М. Г. Лаврова — инспектора Торопецкого уезда — сначала замещал В. Н. Бороздин, а затем и В. И. Зенькович [3, л. 28, 60], которые являлись помощниками с Псковского и Островского участков соответственно. Сведения из Памятной книжки дают данные, начиная с 1901 г., а М. Г. Лавров был

главой участка до 1895 г. Сложно предположить, был ли в то время помощник податного инспектора в Торопецком уезде.

На основе памятных книжек Псковской губернии удалось составить полный список всех помощников податных инспекторов, которые работали на территории Псковской губернии с 1901 по 1914 гг. (рис. 1).

Из него можно увидеть, что податной инспектор каждого из участков порой не имел помощника (за исключением Порховского и Островского участков). Правда, имелся такой участок, как Новоржевский, где был лишь один помощник, назначенный туда только в 1903 г. Поэтому относительно того, почему же М. Г. Лаврова замещали помощники из других участков, на данный момент нельзя сказать точно.

Второй случай замены помощником податного инспектора — это председательство в предусмотренных по закону присутствиях [8, с. 3]. На территории Псковской губернии таких случаев обнаружено не было, но можно предположить, что в 1909–1910 гг., когда должность инспектора Порховского участка была вакантна, его функции исполнял помощник — М. М. Андреев.

Всего за период с 1901 по 1914 гг. в Псковской губернии было 22 помощника податных инспекторов. Менялись они очень часто. Лишь 5 человек из 22 (22%) проработали в своей должности более года. Еще один — Н. Н. Береж — сначала был помощником податного инспектора Холмского участка, потом перешел в Псковский участок.

Также стоит отметить, что лишь два участка — Порховский и Островский — ни разу не оставались без помощника податного инспектора. Рекордсменом по отсутствию помощника податного инспектора является Холмский участок. Там помощник податного инспектора был только в 1901 г. Данная ситуация соответствует и распределению самих податных инспекторов. В Холмском участке была самая частая смена кадров.

В результате можно отметить следующую тенденцию: количество помощников податных инспекторов не позволяло ввести эту должность на каждом участке. На основе памятных книжек можно сделать вывод, что помощники были введены лишь в особо важных участках, где были развиты торговля и мануфактура.

Если смотреть на требования, предъявляемые к помощникам, то они ничем не отличались от требований к податным инспекторам. Такой же высокий образовательный ценз и стаж работы в казенной палате. Функции на них возлагались точно такие же, как и на податных инспекторов. Основной особенностью помощников податных инспекторов было то, что они могли заменять инспекторов в случае отсутствия их по болезни или увольнение их в отпуск.

Список литературы

1. Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1923. Том 1. 510 с.
2. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 58. Оп. 2. Д. 2354. Дело о службе Опочецкого Податного инспектора А. Е. фон-Вилькена. 67 л.
3. ГАПО. Ф. 58. Оп. 2. Д. 2387. Дело об увольнении в отставку Торопецкого Податного инспектора М. Г. Лаврова. 41 л.
4. ГАПО. Ф. 58. Оп. 2. Д. 2519. Дело о службе Податного инспектора Островского уезда С. К. Синкевича. 68 л.
5. Кравцова Е. С. Вопросы реформирования института податной инспекции в России в феврале–октябре 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 210–219.
6. Кравцова Е. С. «Податные инспектора близко стоят к народному карману, но руки их чисты»: взаимоотношение налогоплательщиков с Податной инспекцией в России на рубеже XIX–XX столетий // Вестник РУДН. 2007. №4. С. 12–22.
7. Кравцова Е. С. Функционирование налоговых органов в дореволюционной России // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Под общ. ред. В. Н. Скворцова. 2016. С. 65–69.
8. Об усилении общего состава податной инспекции и введении оной в областях Забайкальской, Амурской, Приморской и Якутской: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6 января 1897 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1897. Т. 17. С. 2–4.
9. Об учреждении должности Податных Инспекторов: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 30 апреля 1885 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1885. Т. 5. С. 179–181.

Приложения

Рис. 1. Помощники податных инспекторов Псковской губернии по памятным книжкам 1901–1914 гг.

Помощники податные инспектора Псковской губернии по Памятным книжкам 1901 - 1914 год¹.

Участок	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Город	Г. Порхов	Г. Великие Луки	Г. Торопец	Г. Холм	Г. Остров	Г. Опочка	Г. Псков	Г. Новоржев
Год								
1901	Кушин С. Н. Н.с.	Шаблинский В. Г.	Тяжелов Н. П. Н.с.	Береж Н. Н.ч.	Зенькович В. И. Т.с.	Смирнов К. В. К.сек.	Бороздин В. Н. К.а.	-
1903	Кушин С. Н. Н.с.	Шаблинский В. Г. Г. сек	Воеволский М. Л. К.а.	-	Зенькович В. И. К.а.	Смирнов К. В. Т.с.	Береж Н. Н. К. сек	Симонов К. В. Т.с
1905-1906	Иванов М. П.	Абрамский А. Н. К.а.	-	-	Синкевич С. К. К.сек.	-	Кан. А. М. К.а.	-
1907	Дервин М. П. Г. сек.	-	-	-	Дергачев В. Н. Т.с.	-	Соловьев В. К. Н.ч	-
1909-1910	Андреев М. М. Н. ч.	Софийский Л. П. Т.с.	-	-	Дергачев В. Н. К.а.	-	-	-
1911-1912	Меликов Б.А. Г. сек.	Грановский М.В. Т.с.	-	-	Паткуль Н. В. Т.с.	-	Андреев М.М. К. сек.	-
1913-1914	Деншевич В. А. К. сек	Грановский М.В. Т.с.	-	-	Юрковский Г. В. к. сек	-	-	-

¹ Таблица составлена автором на основе данных: Памятные книжки Псковской губернии за 1901, 1903, 1905-1906, 1907, 1909-1910, 1911-1912, 1913-1914 годы.

Ердокеско Екатерина Александровна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Цимбаев Николай Иванович, д-р ист. наук, проф.

История табачной фабрики Стамболи в 1861–1911 гг.

The history of the Stamboli tobacco factory in 1861–1911

Аннотация. В данной статье рассматривается 50-летний период истории развития одного из наиболее успешных предприятий на территории Таврической губернии — табачной фабрики Стамболи в Феодосии. Автор показывает динамику роста числа рабочих и годового производства, дает информацию об изготовляемой продукции, рынках сбыта, условиях труда рабочих, а также об основных достижениях предприятия.

Ключевые слова: Таврическая губерния; Феодосия; табачная промышленность; табачная фабрика Стамболи.

Abstract. This article examines a 50-year period in the history of the development of one of the most successful enterprises in the Tauric province — the Stamboli tobacco factory in Feodosia. The author shows the dynamics of growth in the number of workers and annual production, provides information about manufactured products, trade areas, staff working environment, as well as about the main achievements of the enterprise.

Key words: Tauric province; Feodosia; tobacco industry; Stamboli tobacco factory.

История развития одного из самых известных промышленных предприятий Таврической губернии берет свое начало в 1861 г., когда на улице Итальянской (ныне улица Горького) уездного города Феодосии была основана первая на территории Крымского полуострова табачная фабрика Стамболи. Однако история табачного бизнеса этой известной караимской династии началась немного ранее, в конце 30-х гг. XIX в., когда вернувшиеся из эмиграции в Османской империи, О. И. и В. О. Стамболи начинают заниматься мелкой торговлей зеленью и махоркой, а позже табаком. В 50-е гг. XIX в. Стамболи обратились с просьбой к караимской общине на открытие небольшого цеха по переработке табака и выдачи им ссуды на покупку ручного станка. Получив соответствующие разрешения, они открывают в Феодосии первые ларьки по продаже табачной продукции [6, с. 75].

Спустя некоторое время, накопив достаточный доход с продажи табака сын Осипа Ильича, Вениамин, решает открыть в доме жены губернского секретаря Ольги Оржениковой первую крымскую табачную фабрику и ходатайствует об этом в Управлении акцизными сборами. Получив в 1861 г. соответствующее разрешение, он запускает первые станки нового предприятия в Феодосии [1].

Развитие нового предприятия шло быстрыми темпами, так, например, если в 1881 г. на табачной фабрике Стамболи было выделено 1950 пудов табака и 20000 папирос при общем числе рабочих в 13 человек [8, с. 570], в 1903 г. было изготовлено 27600 пудов курительного табака и 500000 папирос, число рабочих при этом составило 290 человек [10, с. 669], то в 1914 г. число рабочих достигло 900 человек, а годовое производство курительного табака исчислялось в объеме 82511 пудов и было изготовлено 260431000 штук папирос [2. с. 7550–7572].

Благодаря успешному развитию табачного бизнеса Стамболи удалось достигнуть того, что к 90-м гг. XIX в. изготавливаемая ими продукция была известна во всей Российской империи. Газеты и путеводители конца XIX века пестрили рекламой, посвященной производству феодосийской фабрики: «замечательный южный табак фабрики Стамболи в Феодосии. На юге Крыма, отличающийся от всех других табаков мягкостью, натуральным ароматом и не оставляющий после курения никакого осадка. Просим гг. курящих испробовать и убедиться в высоком его достоинстве» [7, с. 184]. И действительно табак, производимый на фабрике, был хорош не только на словах и в рекламных объявлениях, но его качество было подтверждено на международном уровне, получив дважды золотую медаль на международной выставке в Париже в 1895 и 1900 гг. А в октябре 1904 г. курительный табак и папиросы фабрики Стамболи получили Гран-при международной выставки в Париже [6, с. 14].

После смерти, в 1897 г., Вениамина Стамболи, семейный бизнес, по решению почетного мирового судьи Феодосийского уезда Соломона Крыма, перешел к его сыновьям Исааку, Моисею и Иосифу; четвертый сын Вениамина Осиповича, Илья Стамболи, не вступил в наследство, так как скончался ранее этого решения, 6 марта 1898 г. За последующие 5 лет сыновья не только сумели приумножить свое состояние, но и в 1902 г. получили звания купцов первой гильдии [1].

В конце XIX в., стремясь улучшить изготавливаемые на предприятии изделия, братья Стамболи, наряду с предприятием Месаксуди в Керчи, установили на своих предприятиях паровые табакокрошительные станки [3, с. 87], что позволило им модернизировать технику изготовления. Именно благодаря постоянному стремлению к усовершенствованию своих производств табачная продукция фабрики пользовалась популярностью не только в Российской империи, но и в различных частях мира. Так, например, в 1899 г. в город Коломбо на Цейлон с крымской фабрики была отправлена партия папирос, которая стала первым случаем экспорта табака из Российской империи на территорию заатлантических стран [1].

Для того, чтобы привлечь покупателей владельцы предприятия заботились не только о качестве изготавливаемой продукции, но и о дизайне упаковки, прежде всего об ее яркости и привлекательности.

Для работы по изготовлению этикеток для караимской фабрики были привлечены известные хромофотографии, среди них, например, хромофотография Э. И. Маркуса и фабрика хромофотографической печати «Веферс и К^о» из Санкт-Петербурга, фотография Мансфельда из Риги, фотографии «Вересотской и Брахтмана» и «Мукомель» из Симферополя и Феодосии, скоропечатная типофотография «Лаго и К^о» из Керчи, а также одна из одесских фотографий [6, с. 78-79]. Кроме того, в целях оптимизации стоимости продукции братья Стамболи начали приобретать большие наделы земли под посадку табака и имения под склады. Так, например, в июне 1898 г. ими был выкуплен у вдовы титулярного советника А. А. Петровой дом с флигелем, службами и двором в 1-м квартале по Военной улице (ныне улица Коробова) за 3000 рублей. Однако не только скупка недвижимости в Феодосии, усовершенствование изготавливаемой продукции, интересовала братьев Стамболи, они были также заинтересованы в открытии специализированных магазинов и представительств не только в городах Российской империи, но и за границей. Так, например, в 1900 г. табачный магазин Стамболи был открыт в Одесской гостинице «Империал», расположенной по улице Дерибасовской 25, на первом этаже дома Эльмана. В 1902 г. фабрикой В. О. Стамболи, наряду с другими крупными фабриками, было открыто свое представительство в Сухуме [6, с. 79-80]. Об успехах кампании по открытию представительств фабрики Стамболи на территории Российской империи говорит тот, что факт, что в начале XX в. они были во всех губернских городах империи [2, с. 7550–7572].

Во время Русско-японской войны табачная фабрика Стамболи безвозмездно передала через местный комитет Красного Креста в главное управление Общества свою продукцию, причем каждая пачка папирос оклеивалась лентой с надписью: «Славным русским воинам от души желаем полной победы» [1].

К моменту 50-летия фабрики в 1911 г. она достигла своего расцвета. В табачном бизнесе Стамболи было занято уже 3000 рабочих и специалистов. Постоянно разрабатывалась механизация рабочих мест. Сырье для фабрики везли не только с территории России, но и из Японии, Китая и Индии, а курительный табак и папиросы расходились почти по всему миру. В том же году сотрудники предприятия изготовили и подарили Моисею Стамболи подвеску в виде листка табака, покрытую сульфидным золотом. Более того, в ноябре 1911 г. представители династии Стамболи были приглашены на прием к императору Николаю II, проходившему в недавно построенном по проекту известного русского архитектора Николая Петровича Краснова Ливадийском дворце. Во главе делегации из Феодосии был купец 1 гильдии Моисей Стамболи [6, с. 83].

Однако, несмотря на успехи в коммерческом плане, модернизации предприятия, популярности изготавливаемых изделий, условия труда рабочих на фабрике Стамболи были тяжелыми. Во всех отделах

фабрики табачная пыль, оказывающая вред на организм рабочих, носилась в воздухе и не было никаких приспособлений для того, чтобы удалить ее. Не было вентиляции, помещения освещались керосиновыми лампами. Верхняя одежда рабочих, в которой они приходили, находилась в том же помещении, где они и работали, потому они приносили эту табачную пыль к себе домой. О больных не велось никаких записей и рабочие, поступающие на фабрику, равно как и работающие на ней, не подвергались никаким периодическим исследованиям в области состояния здоровья [4, с. 14–15]. Наряду с мужским, на фабрике применялся женский и детский труд. Видный советский ученый-медик И. М. Саркизов-Серазини в своих воспоминаниях в крайне негативных тонах отзывался об условиях труда на фабрике Стамболи: «Эксплуатируя труд подростков, платя им за 12-ти часовой рабочий день гроши, едва способные прокормить здорового человека, европеизированный владелец не имел у себя на фабрике даже простой вентиляции. Не одна могила молодой жизни, погибшей от чахотки, служила немым укором толстеющему ловеласу, швыряющему щедрой рукой деньги на содержание своих метресс. В некоторых семьях и отец, и мать, и дети ходили на фабрику. Тяжелый недуг легочных болезней клал свою печать как на родителей, так и на детей» [9].

С целью улучшения условий труда перед началом Первой мировой войны Стамболи был создан своеобразный социальный страховой сервис, в который входила не только помощь больным, но и содействие в строительстве жилья для работников фабрики. Кроме того, электричество для работников предприятия подавалось бесплатно, так как в 1912 г. братьям Стамболи удалось реализовать план по строительству собственной электростанции [1].

Подводя итоги, следует отметить, что табачный бизнес Стамболи, начавшись с мелкой торговли махоркой и зелени в 30-е гг., а также открытия небольшого цеха по переработке табака в 50-е гг. XIX в., превратился в мощный гигант по производству курительного табака и папирос на территории Таврической губернии. Расширение производства, открытие своих представительств на территории Российской империи, увеличение числа рабочих и изготавливаемой продукции позволило табачной фабрике братьев Стамболи в начале XX в. войти в число крупнейших производителей табака, наряду с такими крупными предприятиями, как, например, петербургская фабрика «Лаферм», московская фабрика Габая и ростовская фабрика Асмолова, которые давали свыше 50% всей выработки табачных изделий [5, с. 117].

Список литературы

1. Гурьева Т. Фабрика у моря. Первая табачная фабрика Крыма // Феодисийская ЦБС. URL: http://feolib.crimealib.ru/publ/fabrika_u_morja_pervaja_tabachnaja_fabrika_kryma/1-1-0-58 (дата обращения: 01.11.2021).

2. Езиоранский Л. К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). 2-е изд. Петроград: Типография товарищества под фирмою «Электротипография Н. Я. Стойковой», 1914. 1612 с.
3. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1900 год. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1900. 568 с.
4. Капустин М. Я. Заметки о санитарном состоянии городов побережья Черного и Азовского морей. СПб.: Типография Киришбаума, 1898. 56 с.
5. Маринин А. В. Табачная история России. М.: «Русский табак», 2006. 336 с.
6. Мачерет-Стамболи Ж. Стамболи. История рода. Воспоминания. Путешествие в Крым. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 124 с.
7. Москвич Г. Г. Практический путеводитель по Крыму. Одесса: Г. Г. Москвич, 1896. 500 с.
8. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1881. 753 с.
9. Саркизов-Серазини И. М. Старая Феодосия // Феодосийский музей Древностей (краеведческий музей). URL: http://kimmeria.com/old_museum/excavations/excavations_02_04_1.htm (дата обращения: 01.11.2021).
10. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1903. 838 с.

Швачко Богдан Евгеньевич
Курганский государственный университет
Научный руководитель:
Менщиков Игорь Самуилович, канд. ист. наук, доц.

Социальная деятельность предпринимателей г. Кургана на рубеже XIX–XX вв.

Social activities of entrepreneurs in Kurgan at the turn of the 19th– 20th centuries

Аннотация. Бурное развитие экономики в России шло параллельно с развитием социальной ответственности бизнеса. Убежденность в том, что часть нажитого капитала необходимо так или иначе потратить на нужды общества была характерна для русских предпринимателей.

Ключевые слова: курганские предприниматели; социальная деятельность; благотворительная деятельность; А. Н. Балакшин.

Abstract. The rapid development of the economy in Russia proceeded with the advancement of social responsibility. The conviction that a part of the acquired capital must be spent in one way or another on the needs of society was characteristic of Russian entrepreneurs.

Keywords: Kurgan; entrepreneurs; social activity; charity; A. N. Balakshin.

Длительное время в отечественной историографии приоритет в изучение социально–экономического развития России во второй половине XIX–начале XX вв. ограничивалось проблемами промышленного роста, возникновения монополий, тяжелого положения рабочего класса. Тематика благотворительности и социальной ответственности бизнеса особого внимания не уделялась. В последние десятилетия ситуация коренным образом изменилась, число исторических исследований, посвященных данным вопросам неуклонно растет. В данной работе я попытаюсь показать, как в Зауралье, регионе, который стал центром мощного кооперативного движения, которое позднее организовалось в Союз сибирских маслодельных артелей, произошел переход от простой частной благотворительности к системе, которую можно охарактеризовать социальной деятельностью зауральских предпринимателей. Под социальной деятельностью бизнеса мы понимаем действия, направленные на достижение социальных целей: образование, просветительская работа, здравоохранение, материальная помощь нуждающимся и т. д.

В конце XIX в. южные уезды Тобольской губернии были самыми густонаселенными в Сибири, они были хорошо освоены в хозяйственном отношении и являлись житницей региона. Коренные изменения в жизни Зауралья наметились во второй половине 1890-х гг., когда нача-

лось строительство Транссибирской железной дороги, которая в 1895 г. пришла в г. Курган. Это положило конец замкнутости региона и открывало возможности поставок местной продукции на общероссийский и мировой рынок. В это же время по инициативе курганских предпринимателей при поддержке Тобольского губернатора было решено провести Кустарную и сельскохозяйственную выставку в Кургане. Она должна была продемонстрировать возможности региона и его перспективы. Одним из инициаторов Выставки и организатором её стал губернский агроном Н. Л. Скалозубов, который в это время установил дружеские отношения с местными купцами и совместно они начали работу над созданием зауральского маслоделия. Выставку посетил министр земледелия А. С. Ермолов и другие видные чиновники из Петербурга. Так, одна из главных целей Выставки — привлечь внимание бизнеса и правительства к Курганскому уезду была достигнута [4, с. 158]. В ходе выставки Н. Л. Скалозубов высказал мысль об открытии в Кургане отделения МОСХ, с которым местные купцы А. Н. Балакшин и А. П. Ванюков уже завязали тесные отношения. 2 сентября 1895 г. на обеде в честь губернатора управляющий государственными имуществами Тобольской губернии К. А. Шапошников поддержал Скалозубова в том, чтобы в Тобольской губернии возникло такое общество. На одном из собраний выставочного комитета министр земледелия, посетивший выставку, заявил, что в Кургане вполне своевременно учреждение Отдела МОСХ, которое должно принести большую пользу местному населению, поэтому может рассчитывать на поддержку правительства. Деятельность КОМОСХ должна была охватывать юго-западный земледельческий район Тобольской губернии, а именно Тюменский, Ялуторовский и Курганский округа. 14 марта 1897 г. в Курган от тобольского губернатора пришло официальное разрешение об открытии КОМОСХ, а 12 и 13 июня состоялись учредительные собрания при участии самого губернатора. КОМОСХ возглавил А. Н. Балакшин. На начальных этапах своего существования общество стремительно набирало популярность среди местного населения, имея на момент основания 59 членов, уже к концу первого года его численность выросла втрое [5, с. 3–4].

История КОМОСХ неразрывно связана с личностями его основателей: А. Н. Балакшина и Н. Л. Скалозубова, которые составили некий тандем. В начале XX в. они, занимая ведущие позиции в КОМОСХ, предпринимали значительные шаги для улучшения качества зауральского молока, а впоследствии и масла [2, л. 56].

А. Н. Балакшин и Н. Л. Скалозубов считали, что необходимо развивать пропагандистскую и просветительскую деятельность, способствовать созданию молочных школ, где должны были обучать крестьян способам повышения продуктивности молочного скота и улучшению ухода за ним [1, л. 17]. Они совместно проектировали эти школы, и Н. Л. Скалозубов предлагал, несколько вариантов: «Я склонен стоять за

саманные постройки. А также у меня проектировано каменное двухэтажное здание» [2, л. 24]. Под «проектированием построек» он понимал: во-первых, возможную экономию в расходах на постройку, во-вторых, удобство добывания необходимых строительных материалов, в-третьих, удобство размещения помещений, что в дальнейшем также могло способствовать развитию маслодельных артелей.

Заметную помощь А. Н. Балакшину оказал В. Ф. Сокульский, который был младшим инструктором по молочному производству. Он содействовал улучшению качества молока и созданию первых маслодельных артелей в Зауралье. Сокульский был инициатором создания Комиссии по маслоделию при КОМОСХ, а также Курганского товарищества для сбыта масла. В 1901 г. он возглавил Справочное бюро по молочному хозяйству, передавая оперативную информацию о мировых ценах на хлеб и масло [3, с. 85]. Просветительскую и пропагандистскую работу среди зауральских крестьян основатели КОМОСХ считали одним из важнейших направлений его деятельности. За первый год работы маслодельные заводы, смогли погасить более трети долга по ссудам, а сам Сокульский подготовил из шести крестьян специалистов для дальнейшей самостоятельной работы. Привлекать учеников на «молочные» курсы помогла ежемесячная государственная стипендия в шесть рублей тридцать три копейки [3, с. 85].

Стоит заметить, что основной источник финансирования всех инициатив и проектов КОМОСХ — вклады и пожертвования, а учитывая стоимость проектов, можно сделать вывод о социальной ответственности предпринимателей и активных пожертвованиях жителей города. Так, предприниматель Машинский по поводу устройства школы молочного хозяйства, пишет отделу следующее: «находя со своей стороны учреждение этой школы крайне желательным, решил прийти к Отделу в деле устройства школы на помощь, обещая отчислить на образование капитала для построек школы в течение 1898 г. по три копейки с каждого пуда масла выработанного моими заводами» [2, л. 7].

Одной из основных проблем инициаторов развития сибирского маслоделия стало повышение качества масла. Дело в том, что на начальных этапах создания маслодельных артелей крестьяне очень легкомысленно относились к жирности молока и обычно смешивали разные сорта масла, что затрудняло присвоения сорта конечному продукту. А на внешних рынках это масло шло без указания сортности, что резко снижало его цену. На европейских рынках сибирское масло продавалось значительно дешевле датского, финского, австралийского и канадского [6, с. 115]. Это требовало срочных мер по повышению качества продукции.

В рамках КОМОСХ было решено начать агитационную кампанию для повышения качества масла, улучшения содержания молочного скота, развитие селекционной деятельности в области растени-

еводства. Инициатором проведения конкурсов масла в Кургане стал председатель КОМОСХ А. Н. Балакшин. Специальная комиссия оценивала только сибирское экспортное масло по критериям вкуса, запаха, консистенции, прочности и солёности. Артели–победители награждались денежными премиями, а сами мастера получали свидетельства и медали. С этой целью в 1901 г. в Кургане прошла сельскохозяйственная выставка. По её итогам была проведена экспертная проверка качества масла в результате которой половина представленных образцов получила неудовлетворительную оценку.

7 сентября 1901 г. в день открытия съезда молочных хозяев и выставки маслоделия было освящено здание КОМОСХ. Затем А. Н. Балакшин выступил с докладом, в котором заявил, что для поднятия экономического состояния сельского населения, занимающегося маслоделием, и для улучшения самой техники маслоделия надо содействовать объединению самих производителей молока, дабы маслодельная промышленность находилась в руках производителей молока [5, с. 121]. В соседних регионах разделяли беспокойство по поводу качества экспортного масла, так на заседании Омского отдела МОСХ П. Д. Подшивалов в своем сообщении «К вопросу об экспорте из Сибири сливочного масла» указал, что «быстро развивающееся в последние годы маслоделие испытывало затруднения в сбыте из-за недостатка специальных вагонов-ледников. Подшивалов указал также на необходимость принятия мер к обеспечению высокопробности сибирского масла вследствие тех высоких требований, которые предъявляла Англия, являвшаяся его основным потребителем. Для этого автор сообщения рекомендовал отделу ходатайствовать перед Министерством земледелия и государственных имуществ о скорейшем учреждении местной опытной лаборатории по маслоделию». 7 сентября того же года в Кургане прошел Первый съезд сибирских маслоделов. По его итогу Министерством земледелия было принято решение о создании государственной организации по устройству в Сибири кооперативных маслоделен и выделении кредита.

Так, в 1902 г. в Кургане возникла правительственная «Организация по устройству, маслодельных кооперативных товариществ», которую возглавил А. Н. Балакшин. Организация развернула активную деятельность. Артельное маслоделие энергично развивалось. Первоначально артельные маслодельные заводы создавались в Курганском, Ялуторовском и соседних уездах. Происходили большие изменения в структуре сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности Зауралья, засвидетельствованные Н. Л. Скалозубовым: «В положении сельского хозяйства юга губернии произошли такие перемены, которые поражают наблюдателя быстрое развитие маслоделия для экспорта, появление даже в глухих деревнях сепараторов и маслобоек, делает выгодным молочное скотоводство, возрастает количество дойного ско-

та у крестьян, возрастает ценность скота, в увеличивающейся пропорции из года в год растет количество сдаваемого на маслодельни молока» [1, л. 24].

Таким образом, в начале XX в. в западносибирском регионе сформировалась база для дальнейшего развития молочного скотоводства и создания одного из крупнейших в мире кооперативных объединений Союза сибирских маслодельных артелей. Решающую роль в этом процессе сыграли зауральские предприниматели, которые успешно сотрудничали с представителями науки и администрации.

Список литературы

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Глядянское волостное правление Курганского уезда. 165 л.
2. ГАКО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 24. Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства. Отчеты. 267 л.
3. Гутерн В. А. В. Ф. Сокульский и история русского маслоделия // Вопросы истории. 2010. № 2. 2010. С. 81–92.
4. Менщиков И. С., Сахно А. С. Деятельность московского общества сельского хозяйства в Курганском уезде // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. / П. П. Вибе (отв. ред.). Омск: Омский краеведческий музей, 2019. С. 155–159.
5. Обзор деятельности Курганского Отдела Московского общества сельского хозяйства за четырнадцать лет его существования (1897–1910 гг.) Курган: Общедоступная скоропечатня, 1911. 136 с.
6. Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности: приложение к неофициальной части «Тобольских губернских ведомостям». 1902. № 15.

Стуколов Федор Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Жуковская Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, вед. науч. сотр.

Санкт-Петербургский институт истории РАН

**Жизнь и академическая карьера профессора
Ф. К. Фрейтага (1800–1859 гг.): новые материалы**

**The life and academic career of Professor
F. K. Freytag (1800–1859): new materials**

Аннотация. В статье на основе архивных документов и университетских воспоминаний говорится о профессоре латинской словесности Федоре Карловиче Фрейтаге, работавшем в Петербургском университете в 1836–1852 гг. Помимо рассмотрения его профессионально-академической траектории, в статье освещены научные заслуги Ф. К. Фрейтага, стиль его преподавания, а также история приобретения Петербургским университетом его книжного собрания.

Ключевые слова: Ф.К. Фрейтаг; кафедра римской словесности и древностей; Петербургский университет; классическая филология.

Abstract. Based on archival documents and students' recollections, the article tells about the professor of Latin literature Fedor Karlovich Freytag, who worked at St. Petersburg University in 1836–1852. In addition to considering his professional and academic trajectory, the article highlights the scientific contribution of F. K. Freytag, the style of his teaching, as well as the history of the acquisition of his book collection by St. Petersburg University.

Key words: F.K. Freytag; Department of Roman Literature and Antiquities; St. Petersburg University; Classical Philology.

О филологе-классике Ф. К. Фрейтаге за более чем полтора столетия с даты его смерти в марте 1851 г. не было написано ни одной научной статьи. Данная работа — первая попытка в историографии рассказать о биографии ученого-филолога, посвятившего более 30 лет своей жизни преподаванию древних языков.

Федор Карлович (Theodor Friedrich — нем.) родился 2 февраля 1800 г. в прибалтийском городке Дзербене в семье лютеранского пастора и саксонского подданного Фридриха Карла Фрейтага [5, л. 2]. В 1817 г. Ф. К. Фрейтаг поступил на историко-филологическое отделение философского факультета в Дерптский университет, который по своему национальному духу и заведенным там правилам очень сильно отличался от других учебных заведений в России. В остзейских землях, исторически и культурно связанных с Пруссией, велико было влияние традиций немецкого просвещения, приверженность к которому демонстрировала дерптская профессура. В университете в 1820-е гг. пре-

подавание велось исключительно на немецком языке — так что местное образование формально походило на зарубежное. Учебная жизнь в Дерптском университете до введения в нём устава 1820 г. была максимально свободна от регламентации: «ни зачета семестров, ни перехода из курса в курс, ни определенных и обязательных учебных планов не было, а потому и не было определенного и точно установленного срока пребывания студентов в университете» [2, с. 223]. Ф. К. Фрейтаг учился в университете три года и окончил его в 1820 г. В ноябре того же года он был определен учителем греческого и латинского языков в губернскую гимназию в Дерпте. В 1825 г. по предписанию министерства определен цензором в Дерптский цензурный комитет, где проработал вплоть до закрытия комитета в декабре 1828 г. Карьера Ф. К. Фрейтага в Дерпте вскоре заканчивается, он переезжает в Одессу. Здесь 22 февраля 1833 г. его назначили профессором греческой и латинской словесности в Ришельевском лицее (по сути, это было высшее учебное заведение, преобразованное в 1865 г. в Императорский Новороссийский университет) [5, л. 2об.]. В историческом очерке, подготовленном к сорокалетию юбилею этого учреждения И. Г. Михневичем, Ф. К. Фрейтаг зовется доктором философии Федором Фридриховичем [1, с. 80]. В 1835 г., имея опыт соответствующей деятельности в Дерпте, он был высочайше утвержден цензором при цензурном комитете в Одессе.

В Петербургском университете после 1835 г. кафедра римской словесности и древностей оставалась праздною, а в отсутствие преподавателя латинский язык студентам преподавал Ф. Б. Грефе (1780–1851 гг.), занимавший кафедру греческой словесности. В июне 1836 г. по ходатайству попечителя университета князя М. А. Дондукова-Корсакова [6, л. 1]. Ф. К. Фрейтаг был переведен в Петербург и здесь в звании ординарного профессора он занял кафедру римской словесности и древностей и пробыл на ней до 1852 г. На его занятиях основное внимание уделялось сложным латинским авторам и их комментированию, от студентов своих он требовал писать сочинения на латинском языке. За все годы работы он заслужил разные отзывы со стороны своих учеников, отраженные в их мемуарах. Собственно, учеников у Фрейтага, как и у его коллеги филолога-классика Ф. Б. Грефе, было немного т. к. оба они преподавали языки верхнем отделении факультета. Этих двух профессоров часто сравнивали: оба немца и оба не говорили по-русски, и всегда вели лекции на латинском языке. В этих сопоставлениях Ф. К. Фрейтаг всегда проигрывал своему знаменитому коллеге-эллинисту. Будущий русский литературовед и этнограф А. Н. Пыпин так вспоминал о нём: «Фрейтаг, кажется, несколько помоложе, был старомодный филолог, отличавшийся от Грефе тем, что когда последний был уже заинтересован новейшими открытиями сравнительного языкознания, Фрейтаг с пренебрежением относился к новой науке, которую считал делом несерьезным, а самым серьезным было для него, кажется, самое детальное изучение текстов, вариантов и грамматики. Оба класси-

ка (между прочим, вероятно, плохо зная по-русски, хотя жили в России уже десятки лет) говорили со своими слушателями не иначе, как по-латыни» [3, с. 27].

Среди студентов Ф. К. Фрейтага был Н. Г. Чернышевский, об успехах которого сообщает тот же А. Н. Пыпин: «Я упоминал, — пишет он, — что Н. Г. еще живя дома, читал Цицерона, что называется, a *livre ouvert*¹, — не мудрено, что он стал у Фрейтага одним из первых, если не первым латинистом. Главным занятием студентов по латинскому языку было чтение более трудных классиков с комментариями и очередное представление сочинений на латинском языке: профессор их читал, где нужно, исправлял ошибки и полагал свой приговор. Фрейтаг привык, что Н. Г. писал хорошие сочинения. Однажды Н. Г. вздумал сделать с профессором шутку, в сущности, довольно рискованную. Он занимался в то время работами для И. И. Срезневского и бывал в Румянцовском музее (который был тогда еще в Петербурге в старинном доме Румянцева, на Английской набережной; однажды, когда пришла его очередь, он подал Фрейтагу сочинение, назвав его переводом из одной древнеславянской рукописи, Румянцовского музея. Мнимый перевод был просто выпиской из Цицерона «*De officiis*»². Профессор не узнал римского писателя; сочинение похвалил, но нашел, что стиль не везде отвечает золотому веку, и кое-что поправил. Мистификация сошла благополучно — и показывает, какого достоинства была обыкновенная латынь Н. Г.» [3, с. 28]. Из дневников Н. Г. Чернышевского известно, что Фрейтаг на своих занятиях предлагал отгадывать латинские загадки [8, с. 351].

Студент 1830-х гг. Ф. Н. Фортунатов в своих мемуарах тоже оценивает Ф. К. Фрейтага не иначе как через призму добродетелей Ф. Б. Грефе: если последний, по его свидетельству, с радостью и большой охотой прислушивался к комментариям и поправкам своих внимательных слушателей, то прибалтийский филолог из Одессы никогда не мог признать собственного просчета: «Я попал на его лекцию; Фрейтаг комментировал то место стихотворения Горация, в котором римский поэт говорит, что он не принадлежит ни к какой философской школе исключительно, но пользуется тем, что встречается ему лучшего, по мнению его у каждого философа, кто бы он ни был и по этому случаю упоминает имя малоизвестного нам теперь философа. Фрейтаг назвал его учеником Платона, какой-то студент возразил профессору, что это был ученик Сократа. Профессор продолжал утверждать свое; тогда студент читает бывший у него в подстрочных примечаниях комментарий этого места, что философ, о котором шла речь, был действительно ученик Сократа. И в ответ на это Фрейтаг заявляет, что философа можно разве в том случае назвать учеником Сократа, так как он ученик Платона, а Платон Сократа. Сознаться в своей ошибке Фрейтагу не хотелось» [4, с. 17]. Все эти свидетельства о педагогической стороне дея-

¹ С листа. — лат.

² Оригинальное название трактата Цицерона «Об обязанностях».

тельности Ф. К. Фрейтага совершенно не касаются его научных заслуг. Он был издателем древних текстов, которые снабжались его обширными филологическими комментариями. В этой области ему принадлежат две крупные работы — «*Virorum doctorum epistolae selectae ad Bilib. Pirchhemium, Isach. Camerarium, Car. Clusium et Julium episc. Herbip. datae. Ex autographis nunc primum edidit Th. Fr. Freytagius*», Lipsiae, 1831; «*Homeri Iliadis primi duo libri. Recogn. et delectis veterum grammaticorum scholiis suisque commentariis instructos edidit F.*», Petropoli, 1837. Последняя книга представляла собой первые две песни из Илиады с научными пояснениями, которые и составили всю ценность и новизну этого труда — ведь прежде интерес к поэме Гомера был преимущественно эстетическим.

С работой в университете Ф. К. Фрейтаг сочетал должность помощника библиотекаря при Императорском Эрмитаже, на которую он был определен 30 декабря 1838 г. За эту службу он 23 апреля 1842 года был пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени [5, л. 3]. В 1848–1851 гг. Фрейтаг преподавал латинский язык в Педагогическом институте, находившемся тогда в одном здании с Петербургским университетом. В 1851 г он в этом институте работал внештатно, т. к. по уставу преподаватель, вышедший на пенсию, мог читать лекции только в одном учреждении без права совместительства. Поскольку замены для Ф. К. Фрейтага по кафедре латинского языка и словесности не нашлось, начальство разрешило ему занимать должность «с производством ему в виде платы содержания» [5, л. 10] до назначения на кафедру особого профессора.

Про последние годы Ф. К. Фрейтага известно мало. В октябре 1848 г. у Фрейтага случился удар [8, с. 149], а в декабре 1849 г. он пропустил 4 лекции — «болел что-то язык» [8, с. 342]. В 1852 г. он оставил университет, но до ухода предложил учебному заведению купить у него библиотеку, состоящую из 4000 томов «не только филологического содержания, но заключающих в себе также книги исторические и касающиеся до древности и истории литературы» [7, л. 1]. Вероятно, мысли о передаче книжного собрания в библиотеку университета возникли еще за год до отъезда Ф. К. Фрейтага из Петербурга, т.к. известно, что его коллега ординарный профессор Ф. Б. Грефе, умерший 12 декабря 1851 г., настоятельно рекомендовал историко-филологическому факультету приобрести для своих нужд собрание, включающее много книг и по классической филологии [7, л. 1об.]. Совет университета, заседавший 10 декабря 1852 г., решил приобрести из предложенного списка 3930 изданий и отказаться от остальных 70-ти, «не относящихся до науки» — за все это решено было заплатить «четыре тысячи девятьсот тридцать руб. сер. с рассрочкою уплаты на 10 лет» [7, л. 1об.]. Таким образом, одним из доходов Ф. К. Фрейтага в старости были средства,

получаемые от этой продажи, и составляли они 500 рублей ежегодно вплоть до самой его смерти.

Последние семь лет своей жизни Ф. К. Фрейтаг провел в Саксонии, подданным которой он являлся еще с рождения. Умер он 5 марта 1859 г. в небольшом немецком городе Фрайбург. Он был женат, имел сына и двух дочерей [5, л. 3].

Список литературы

1. Михневич И. Г. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лица, с 1817 по 1857 г. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1857. 200 с.
2. Петухов Е. В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. Т. 1. 620 с.
3. Пыпин А. Н. Мои заметки. / Под ред. В. А. Ляцкой. М.: Изд. Л. Э. Бухгейм, 1910. 312 с.
4. Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С. Петербургском университете 1830–1833 годы. М.: Типография Т. Рис, 1869. 37 с.
5. ЦГИА СПб. Ф.13. Оп. 1. Д. 3986. О службе профессора латинской словесности Ф. Фрейтага. 11 л.
6. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д.5583.
7. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5531.
8. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1939. 839 с.

Новоточинов Сергей Борисович
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Барabanова Мария Андреевна, ассист.

Теория малых дел (по материалам произведений С. Н. Кривенко)

Theory of small affairs (based on works of S. N. Krivenko)

Аннотация. В данной статье изучается отражение теории «малых дел» в произведениях С. Н. Кривенко; уточняется «поле» её практической реализации; анализируются механизмы, через которые она должна осуществляться.

Ключевые слова: Теория малых дел; легальное народничество; Кривенко; общественное движение.

Abstract. This article examines the manifestation of the theory of small affairs in the works of S. N. Krivenko; clarifies the «field» of its practical implementation; analyzes the mechanisms through which it should be implemented.

Key words: Theory of small affairs; legal narodничество (populism); Krivenko; social movement.

Смертельное покушение на Царя-Освободителя 1 марта 1881 г. и последовавшие за ним решительные меры Александра III, поставили крест на активности старого, революционного народничества. Охранительские идеи получили мощный толчок и поддержку во властных структурах, популярность революционных течений сильно спала и была заморожена контрреформами.

На этом фоне в кругах умеренного, легального народничества формируется так называемая теория «малых дел». Она должна была фактически снова вдохнуть жизнь в идею служения интеллигенции народу [10, с. 120]. В её создании принимали участие как и известные публицисты, Я. К. Абрамов и Н. К. Михайловский, так и такая колоритная личность, как С. Н. Кривенко. Родившийся в семье тамбовских дворян, он получил военное образование и после занялся публицистикой в Санкт-Петербурге, знакомясь там с идеями «раннего» эволюционного социализма [10, с. 36]. После возвращения домой и знакомства с местным кружком интеллигентов, Кривенко принимает активное участие в организации сельскохозяйственной общины, а затем интеллигентской колонии в 1870-е гг. как части коммунитарного движения¹. В отли-

¹ Общественное движение, участников которого объединяет цель изменения общества путём внутреннего духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины, осуществление которой они готовы начать с самих себя и немедленно [2, с. 7].

чие от многих сотоварищей, он был тесно связан с «Народной волей», знал членов партии, хотя сам в неё не входил. Кривенко вел переговоры от имени слабеющей организации с монархической «Священной Дружиной» в 1882–1883 гг. [10, с. 97–99]. Впоследствии арестованный за хранение запрещённых рукописей, Кривенко оказывается в ссылке до 1888 г. Возвращается в Петербург он к моменту, когда Теория малых дел начинает набирать популярность. Широко распространено мнение, что эту концепцию создал и развил Я. К. Абрамов, за что её нередко называют «абрамовщиной» [10, с. 120]. На деле он являлся скорее талантливым популяризатором, а сама Теория оказывалась центральной у разных публицистов, в том числе и Кривенко.

Преломление теории малых дел в произведениях С. Н. Кривенко как тема исследования актуально потому, что, в отличие от А. Я. Абрамова и Н. К. Михайловского, Кривенко реально участвовал в создании сельскохозяйственных колоний и не понаслышке знал о крестьянском труде. Таким образом, целью данной статьи является анализ Теории малых дел по произведениям С. Н. Кривенко.

Эти произведения представлены в основном поздней публицистикой, написанной уже после возвращения Кривенко из ссылки. Среди них многочисленные статьи в журналах, а также работа «На распутье: Культурные скиты и культурные одиночки». Их сюжеты объединены темой внутренних проблем страны, связанных в немалой мере с крестьянскими заботами. Затрагиваются и целый ряд других сфер жизни, такие как застарелая коррупция, упадок нравов и вопрос нередких самоубийств.

Научный интерес к выдвигаемым Кривенко идеям начал появляться ещё в дореволюционную пору после смерти публициста, но из значимых можно выделить лишь заметки знакомого с ним литератора Е. Д. Максимова. В советский период исследования этой темы были подчинены оценке деятельности легальных народников Лениным [9, с. 122], по которой Кривенко со товарищи были заклеены как сторонники примирения с царизмом. С течением времени начинается постепенный отход от этого постулата, где ярким примером служит работа В. Г. Хороса, видевшего в триаде «община-земство-государство» [12, с. 80] главную идею Кривенко. Завершается этот процесс к началу нового тысячелетия в работах Б. П. Балужева и В. В. Зверева [1, с. 3]. Здесь акцент смещен на анализ взглядов теоретиков движения и взаимодействия между ними. Эту цепочку можно закончить работой Г. Н. Мокшина «Идеи и жизнь “артельного человека” С. Н. Кривенко (1847–1906)» [10], на данный момент, несомненно, наиболее полно раскрывающей черты биографии и взгляды последнего. Но на фоне общей картины проблематично изучить непосредственно произведения Кривенко, рассматриваемые в них проблемы общества и пути их решения. Их анализ, как и других произведений теоретиков легально-

го народничества и малых дел, позволит лучше вписать их идеи в общий контекст развития русской общественной мысли в конце XIX в. и особенно перед революционными событиями первых лет следующего века.

Ещё некоторыми современниками, а позже советской историографией, Кривенко и легальные народники понимались как толстовцы и обвинялись в нем соответственно [10, с. 16]. На деле схожести между ними было в разы меньше. Толстовство на первый план выводило духовную составляющую, христианские ценности [2, с. 60] и нравственное развитие человека. Кривенко же отмечал, что толстовству «до народа никакого дела нет» [10, с. 133], что последователи этого движения «отличаются узостью мысли» [8, с. 60]. В то же время народничество для него было широким течением, раздробившемся на несколько «групп и оттенков» [8, с. 60] — от хозяйственной и образовательной до публицистической деятельности. Даже деятельность интеллигентской колонии носила в первую очередь хозяйственный, экономический характер. Как пример, в «Русском богатстве» основной темой всех «Хроник внутренней жизни» у Кривенко были именно экономические и хозяйственные вопросы жизни. Разумеется, культурная сторона жизни человека не уходила, но она выражалась не в религиозной добродетели, как у толстовцев, а в образовательной деятельности, т.н. культурничестве. «Культурником» в легальном народничестве классифицировал Кривенко В. В. Зверев, противопоставляя «политикам», таким, как Михайловский, защищавший политическую традицию народничества и принимавшего постепенный приход в общество капиталистических отношений [3, с. 301]. Для С. Н. Кривенко малые дела, которые могут не касаться того, что лежит «за их пределами» [3, с. 301] (то есть политической сферы), более предпочтительны, и что из этих дел в конечном итоге выйдет сложится большое дело [6, с. 313]. Иными словами, Теория малых дел по Кривенко – поддержка «маленьких дел», преобразований в хозяйственной и культурной сферах и при этом равнодушие к политическим вопросам.

Кроме теоретизирования, С. Н. Кривенко уделял внимание механизмам реализации малых дел.

В образовательной сфере важная роль была отведена земствам с их системой школ. Публицист высоко оценивает роль земских школ в деле повышения образовательного уровня населения, несмотря на проблемы с финансированием и давлением со стороны других структур [4, с. 44]. Складывание из маленьких дел одного большого Кривенко усматривает в совместной работе школ всех существовавших в империи типов, и создании узкоспециализированных профессиональных училищ.

Анализируя хозяйственные проблемы, Кривенко ставит на первый план, конечно, благосостояние крестьянина, зависящего от труда в

поле и полученного за год урожая. На главную роль здесь снова выходят земства как учреждения, имеющие в своем составе ряд необходимых сельскому хозяйству специалистов [5, с. 70], и как механизм материальной поддержки крестьянства. Их роль приобретает важность в решении проблемы товарооборота хлеба для крестьян. Осенью крестьяне массово везут хлеб на продажу, искусственно понижая на него цену, а весной же едут его покупать у скупщиков или кулаков за большие деньги. Характерны два случая решения проблемы: в Курской губернии общество землевладельцев и капиталистов предлагает объединить с земством усилия по постройке целой сети элеваторов для хранения, а также надлежашей очистки хлеба, причем общество берет на себя постройку и техническую часть этого предприятия, а земства обеспечивают капитал для выдачи ссуд под ссыпaeмый в элеваторы хлеб [5, с. 71–73]. Напротив, земство Пермской губернии просто построило с/х склады под хлеб, на который будет выдаваться ссуда. Таким образом, очевидны трудоемкий, но работающий на перспективу путь, и менее затратный, но проигрывающий в дивидендах. Интересно, что Кривенко не выказывает свое предпочтение тому или другому варианту, продолжая придерживаться идеи о большом деле из множества малых, и что оба пути имеют право на существование, если приносят пользу крестьянству. Из других путей поддержки мужика публицист рассматривает введение мелкого сельского кредита и развитии строительства элеваторов, к идее которых он обращается после случившегося голода в 1891–1892 гг. [7, с. 179].

К началу XX в. положения Кривенко постепенно начали утрачивать свою актуальность в условиях изменения социально-политических институтов Российской империи и выхода на первый план новых политических сил. Но как народник, Кривенко оставался приверженцем сохранения общины и защищал со страниц «Русского богатства» её устройство. Он видел в ней первый шаг к политическим свободам, а также обобществлению производства и национализации земли [10, с. 170], хоть его призыв так и остался в целом незамеченным.

Таким образом, С. Н. Кривенко со своим опытом коммунитарного движения и взглядами народника-реформатора активно включился в развитие Теории малых дел и внес в неё существенный вклад. Прекрасно осознавая важность крестьянского вопроса для страны, он приложил усилия для обращения внимания общества к экономическим проблемам, связанных с русской деревней, и возможностями их решения. Несмотря на утрату актуальности идей «маленьких дел» к началу событий 1905 г., их выражение в публицистике Кривенко всё также представляет особый интерес для изучения. Место Теории в общей палитре господствовавших к концу XIX в. идейных течений в российском обществе и её наследие в империи после Первой русской рево-

люции может оказаться благодатной почвой для дальнейших научных изысканий.

Список литературы

1. Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М.: Наука, 1995. 265 с.
2. Гордеева И. А. «Забывтые люди». История российского коммунитарного движения. Серия «Первая монография» под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003. 240 с.
3. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от сороковых к девяностым годам XIX в. М.: Уникум-Центр, 1997. 370 с.
4. Кривенко С. Н. Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 1.
5. Кривенко С. Н. Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 5.
6. Кривенко С. Н. На распутье: (Культурные скиты и культурные одиночки). 2-е изд. СПб.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1901. 36 с.
7. Кривенко С. Н. Хроники внутренней жизни // Русское богатство. 1892. № 1.
8. Кривенко С. Н. Хроники внутренней жизни // Русское богатство. 1892. № 6.
9. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. Том 1. 513 с.
10. Мокшин Г. Н. Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906) / Воронежский государственный университет. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. С. 27–38.
11. Мокшин Г. Н. Что такое «Легальное народничество»? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. С. 21–29.
12. Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М.: Наука, 1972. 176 с.

Федоров Дмитрий Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Котов Александр Эдуардович, д-р. ист. наук, проф.

**Дмитрий Иванович Пихно — редактор-издатель газеты
«Киевлянин» (1879–1913 гг.)**

**Dmitry Ivanovich Pihno — editor-publisher of the newspaper
«Kievlyanin» (1879–1913)**

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка изучить роль Дмитрия Ивановича Пихно в качестве редактора-издателя газеты «Киевлянин». Показано, что публицистический талант и дар организатора позволили Пихно сделать из провинциальной газеты одно из самых популярных всероссийских изданий дореволюционной России.

Ключевые слова: «Киевлянин»; Д. И. Пихно; периодическая печать.

Abstract. The article is the first attempt to study the role of Dmitry Ivanovich Pihno as editor-publisher of newspapers «Kievlyanin». It is shown that publicistic talent and gift to the organizers of one of the most popular all-Russian publications in pre-revolutionary Russia.

Key words: «Kievlyanin»; D. I. Pihno; periodicals.

26 декабря 1878 г. от внезапно обострившейся простуды в Киеве умирает главный редактор газеты «Киевлянин», профессор Виталий Яковлевич Шульгин. Право дальнейшего издания «Киевлянина», в силу завещания, по наследству перешло к жене Виталия Яковлевича, тридцатичетырехлетней Шульгиной Марии Константиновне [17, с. 4]. Тем временем все сильнее вставал вопрос о том, кто же станет новым редактором «Киевлянина»? Впрочем, сама редакция киевской газеты уже давно определилась в своем мнении, и выбор Пихно в качестве временного редактора был не случаен. В пользу молодого доцента Киевского университета по кафедре политической экономии и статистики, магистра полицейского права, коллежского советника двадцати шести лет (род. 1 января 1853 г.) [1, с. 553] Дмитрия Пихно высказывался старейший сотрудник «Киевлянина» Н. Х. Бунге [2, с. 168–169]. Не последнюю роль в назначении именно Пихно сыграло и то, что он также являлся тайным любовником Марии Константиновны [3, с. 148; 7, с. 129]. После смерти пожилого супруга Мария Константиновна вышла замуж за Дмитрия Ивановича [8, с. 46–50; 9, с. 46–47, 82].

Подобный поворот событий позволил Пихно предпринять смелые действия для получения заветной должности редактора. 5 января 1879 г. Пихно в письме в Главное управление по делам печати подтвердил, что он окончательно принял на себя временное заведование дела-

ми по изданию газеты «Киевлянин» [17, с. 88]. А уже 16 марта министр внутренних дел Л. С. Маков окончательно утверждает Пихно в качестве редактора газеты «Киевлянин» [17, с. 110].

Дмитрий Иванович принялся за издание «Киевлянина» самым энергичным образом, чему существенно способствовали обширные экономические знания и публицистический талант. Пихно, для которого слова Шульгина «Этот край русский, русский, русский!» стали девизом всей его жизни, принялся ревностно отстаивать «русское начало» в Юго-Западном крае, был ярким противником «украинства» и польско-католической пропаганды, но при этом осуждал еврейские погромы [4, с. 10–11; 20, с. 17]. Однако порой слишком несдержанный тон статей редактора «Киевлянина» не встретил сочувствия местной цензуры в лице киевского отдельного цензора. Усмирить строптивого редактора киевский цензор пытался неоднократными угрозами судебного преследования, которые одна за другой буквально сыпались на Пихно и его редакцию [17, с. 146]. Именно в этом противостоянии, по нашему мнению, впервые наиболее ярко проявился вспыльчивый характер молодого, но бойкого на перо редактора, который, вполне возможно, во многом старался походить на первого издателя «Киевлянина», своеговольного Шульгина.

К концу 1883 г. начало стремительно слабеть здоровье Марии Константиновны. Страдая чахоткой, она в начале сентября 1883 г. была вынуждена уехать на лечение во Францию. 8 октября Шульгина (Пихно) скоропостижно скончалась [5, с. 1].

Чтобы избежать в будущем возможных недоразумений, Шульгина (Пихно) еще при жизни (5 мая 1883 г.) подготовила текст завещания, в котором просила всех своих детей отказаться от своих прав по изданию газеты в пользу Пихно [19, с. 23]. Таким образом, Дмитрий Иванович после кончины Марии Константиновны становится не только редактором, но и полноправным издателем газеты «Киевлянин».

15 октября 1884 г. Пихно возвращается из заграничной командировки, будучи уже назначенным на должность экстраординарного профессора. В это же время Бунге, назначенный с 1 января 1882 г. министром финансов, решил привлечь своего ученика к министерской работе. 24 сентября 1885 г. Пихно был определен чиновником особых поручений I класса по финансовому ведомству, а затем и членом совета при министре путей сообщения. Вызванный в столицу, Пихно был вынужден временно оставить редакцию газеты.

В Петербурге обстоятельства для Пихно складываются неудачно. Когда 31 декабря 1886 г. последовало увольнение Бунге, все сильнее стали сказываться принципиальные разногласия между Пихно и И. А. Вышнеградским, новым министром финансов. Осложнение отношений заставило Дмитрия Ивановича отказаться от должности и покинуть столицу [10, с. 1147].

Освободившись от министерских обязанностей, Пихно полностью посвятил себя работе в редакции «Киевлянина». Вместе с тем возвращение Пихно к непосредственному участию в издании газеты вновь привлекает к себе внимание цензурных чиновников [18, л. 32об.]. Впрочем, самонадеянное поведение Пихно, свободно печатавшего запрещенные цензурой строки и даже целые статьи [18, л. 34], позволяло ему и другим сотрудникам газеты часто совершенно игнорировать какие-либо замечания [18, л. 39–39об.].

Показательным примером настойчивости Пихно в отстаивании своих взглядов стали его статьи в «Киевлянине» о развитии отечественной железнодорожной сети, в которых казенному железнодорожному строительству придавалось особое значение. Однако, после того, как Пихно в целом ряде статей подверг критическому разбору политику о железнодорожных тарифах [18, с. 53], цензурное ведомство не замедлило принять меры. Феоктистов поручил киевскому цензору Б. М. Юзефовичу относиться строже к экономическим статьям «Киевлянина» [18, с. 71]. Критический момент наступил 17 февраля 1895 г., когда министр внутренних дел И. Н. Дурново принял решение запретить розничную продажу «Киевлянина» на один месяц [18, с. 209, 212].

Однако авторитет «Киевлянина» к этому времени был настолько высок, что противостояние его редакции с местной цензурой непременно заканчивалось в пользу киевской газеты. Поэтому уже через два года (17 декабря 1897 г.) Пихно решается написать в Главное управление по делам печати с просьбой об освобождении «Киевлянина» от предварительной цензуры [19, л. 1 и 1об.]. Ходатайство Пихно было удовлетворено 10 января 1898 г. [19, л. 3–4, 4об.].

22 декабря 1901 г. Пихно в силу расстроенного здоровья после двадцатипятилетней службы в Киевском университете подает прошение об увольнении его с должности [14, с. 10]. И вновь все устремления Дмитрия Ивановича направлены на главное дело его жизни – газету «Киевлянин».

Начало XX в. отмечено трагическим событием — русско-японской войной 1904–1905 гг. Редакция «Киевлянина» с патриотическим воодушевлением восприняла начало вооруженного конфликта на Дальнем Востоке, внося посильную помощь путем сбора пожертвований для раненых солдат [6, с. 1]. При этом и здесь Пихно вновь не удержался от помещения сразу нескольких критических отзывов о действиях командующего состава [19, с. 135, 137].

Будучи убежденным антимарксистом [11, с. 4], Пихно встретил бурные политические события 1905 г. резко отрицательно. Указ 17 октября 1905 г. Пихно считал большой политической ошибкой [21, с. 24–25], о чем редактор «Киевлянина» в своих письмах не раз заявлял автору этого законодательного акта, С. Ю. Витте [15, л. 1–1об.; 16, с. 1].

Выпуская в начале 1906 г. сборник «В осаде», статьи которого обличали «политические авантюры революционного характера», Пихно призывал общественность на борьбу с «надвинувшимися революционным психозом» [12, с. 1].

Стремительно меняющаяся политическая обстановка требовала от редакции «Киевлянина» предельного напряжения человеческих сил. Это тем более было необходимо, учитывая, что к 1905 г. общий тираж «Киевлянина» доходил до колоссальной цифры — 24000 экземпляров ежедневно.

Плодотворная деятельность Пихно и его редакции по осуждению «революционной крамолы» обратила на себя внимание в правительстве. 23 марта 1907 г. Николай II лично назначает Пихно членом Государственного совета [14, л. 1об.]. Снова призванный на поприще государственной деятельности, Дмитрий Иванович 27 апреля 1907 г. пишет киевскому губернатору П. Н. Игнатьеву письмо, в котором сообщал, что он слагает с себя обязанности редактора в пользу многолетнего секретаря «Киевлянина», М. М. Ващенко-Захарченко [19, с. 156–156об.].

Неустанная, многолетняя работа без отдыха сильно подорвала здоровье Пихно. 29 июля 1913 г. Пихно неожиданно проснулся после 2 часов ночи, почувствовав себя дурно. В эту же ночь Дмитрий Иванович Пихно на шестьдесят первом году жизни скоростижно скончался в своем кабинете [13, с. 1].

Таким образом, нам, надеемся, удалось показать, что целеустремленность, публицистический талант и дар организатора стали неотъемлемыми частями издательского успеха «Киевлянина» при Дмитрие Пихно. Не раз подвергаясь цензурным гонениям, Пихно неустанно расширял дело своей газеты. Во многом благодаря Пихно газета «Киевлянин» стала одним из самых популярных всероссийских изданий.

Список литературы

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира (1834–1884). Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1884. 860 с.

2. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 1: (1849–1894). Детство. Царствования Александра II и Александра III. М.: Соцэкгиз, 1960. 555 с.

3. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. Т. 1, Кн. 1: Рассказы в стенографической записи / Редкол.: Б. В. Ананьич и др. СПб.: Дм. Буланин, 2003. 523 с.

4. Кауфман А. Е. Друзья и враги евреев. Д. И. Пихно. СПб: Правда, 1907. 32 с.

5. Киевлянин. 1883. № 217. 9 октября.

6. Киевлянин. 1904. № 67. 7 марта.

7. Котов А. Э. Виталий Шульгин и первые годы «Киевлянина» // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 128–136.
8. Красюков Р. Г. Киевляне Могилевские – внебрачные дети Дмитрия Ивановича Пихно (1853–1913) // Известия русского генеалогического общества. 2006. Вып. 18. С. 46–50.
9. Матич О. Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М.: НЛЮ, 2017. 584 с.
10. Некролог Д. И. Пихно // Исторический вестник. 1913. № 9. С. 1146–1147.
11. Павлова Т. О газете «Киевлянин» и ее редакторах // Новое русское слово. 1918. 6 июня. С. 1–4.
12. Пихно Д. И. В осаде. Киев: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1906. 128 с.
13. Прибавление // Киевлянин. № 245. 1913. 6 сентября.
14. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Дело о службе члена Государственного совета Дмитрия Ивановича Пихно. 78 л.
15. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 457. Письмо Д. Пихно к С. Витте по поводу общественной и политической жизни России. Копия. 27 октября 1905 г. 3 л.
16. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 458. Письмо Д. Пихно к С. Витте по поводу письма Витте с оценкой положения и событий в России. Копия. 17 декабря 1905 г. 3 л.
17. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Дело об издании газеты «Киевлянин». Часть I. 205 л.
18. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Дело об издании газеты «Киевлянин». Часть II. 238 л.
19. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Дело об издании газеты «Киевлянин». Часть III. 237 л.
20. Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М.: Молодая гвардия, 2014. 543 с.
21. Шульгин В. В. Россия в 1917 году: избранные работы. М.: ПОСЕТ, 2020. 848 с.
22. Шульгина Е. Г. Конспект моих политических переживаний (1903–1922). М.: Фонд «Связь эпох», 2019. 672 с.

Савченко Алексей Федорович
Московский педагогический государственный университет
Научный руководитель:
Ерохина Ольга Викторовна, д-р. ист. наук, проф.

Берлинский конгресс 1878 г. как новая точка отсчета в российско–германских отношениях

Berlin Congress 1878 as a new reference point in Russian–German relations

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать влияние Берлинского конгресса 1878 г. на дальнейшее развитие российско-германских отношений. На основе оценки современников была дана характеристика конгрессу и действиям его основных участников. В особенности делается упор на рассмотрение позиции немецкой стороны, обусловившей охлаждение отношений Германии и России.

Ключевые слова: Берлинский конгресс; дипломатия; российско-германские отношения.

Abstract. This article has attempted to analyze the influence of the Berlin Congress of 1878 on the further development of Russian-German relations. Based on the evaluation of contemporaries, the Congress and the actions of its main participants were given. In particular, it is focused on the consideration of the position of the German side, which caused the cooling of the relations between Germany and Russia.

Key words: Berlin Congress; diplomacy; Russian-German relations.

Берлинский конгресс 1878 г. часто рассматривается в отечественной историографии противоречиво. Корни такого восприятия идут из негативной оценки российскими современниками позиции Германии и Отто фон Бисмарка в ходе конгресса [4, с. 229], ставшего «камнем преткновения» в дальнейшем развитии отношений двух стран и удобным аргументом для противников Германии в России. Оттого цель данной статьи — рассмотрение поведения Берлина в ходе конгресса и, тем самым, анализ причин постепенного охлаждения российско-германских отношений в конце XIX в.

Само российское общество в целом было солидарно с критическим восприятием 1878 г. Лишь редкие современники, как представители либерального лагеря, видели в конгрессе компромисс, позволивший сохранить мир в Европе [5, с. 8].

Славянофильские же круги критиковали правительство за подчинение Лондону и Вене. И. С. Аксаков даже говорил «о предательстве в поведении русской дипломатии» [1, с. 301]. Так, известные слова А. М. Горчакова, сказанные на встрече с императором Александром II, крайне точно раскрывали сложившиеся противоречия: «Берлинский

конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере» [14, с. 323]. Более же всего в этих обвинениях досталось Германии и лично О. Бисмарку. Тем самым подогревались антигерманские настроения, рупором которых так же был и М. Н. Катков в своих «Московских ведомостях» [9; 10; 11].

Германские общественные круги также неоднозначно относились к результатам 1878 г., приписывая Берлину отстаивание интересов России [6, с. 104]. Бисмарк этому не противился, поскольку портить отношения с Петербургом ему было не выгодно. Официально он называл дружеские отношения обеих стран «естественными и необходимыми» [3, с. 214], как и сам Берлинский конгресс. Но позднее экс-кайзер Вильгельм II писал, что все эти действия германской дипломатии и Бисмарка были ошибкой [8, с. 4].

Вильгельм отмечал: канцлер настаивал, что его главной целью было «не допустить соглашения между Россией и Англией» в обход Берлина [8, с. 11], но «если бы в 1877–1878-годах русских пустили в Стамбул», то тогда конфликт между ними был бы налицо. Берлинский же трактат «вызвал в русских лишь ненависть». Бисмарк подобной критики не разделял, считая, что «он обязан был предотвратить всеобщий пожар и предложить свои услуги для посредничества» [8, с. 4]. Но, как отмечал один из сотрудников германского МИДа, когда канцлер пришел туда с «победой»: «Князь тут ошибся, так как тогда уже вместо русско-прусской дружбы маячило возникновение русско-французской» [8, с. 12].

Сам Бисмарк ещё с начала 1870-х гг. начал менять свою позицию по России. Одной из главных причин подобного ухудшения являлась русская «национальная» партия и рост национализма, приобретающего имперскую окраску в обеих странах. В какой-то момент, Бисмарк даже писал кайзеру Вильгельму I, что добрые отношения Берлина и Петербурга держатся лишь на императоре Александре II [3, с. 220].

Свои опасения канцлер держал при себе. Так, посол П. А. Сабуров после встречи с ним в Киссингене 10/22 июля 1879 г. докладывал, что тот называл себя «другом России». Однако, при предложении П. А. Шуваловым нового конгресса, Бисмарк ответил: «голосование против вас противно моим принципам; что же касается голосования за вас, то я узнал на горьком опыте, что оказывать услуги России есть задача неблагодарная» [13].

Канцлер не соглашался с тем, что в 1878 г. Россия была унижена: «русское правительство как бы забыло на минуту, что оно осталось победителем и что Европа признавала его таковым», — писал Бисмарк. Как и отрицал то, что он негативно повлиял на дальнейшее развитие отношений. Он подчеркивал, что не раз «действовал скорее, как русский агент, чем как германский канцлер», а так же призывал «указать <...> хоть на одно русское предложение», которое было не принято

за эти годы [13]. Но рассматривать Бисмарка с его слов как союзника России ошибочно. Как он сам говорил: «На ближайшее время мы еще будем нуждаться в России. Когда они будут нам не нужны, мы сможем стать грубыми» [3, с. 214].

Вместе с тем, пока российская пресса обвиняла канцлера в унижении страны, сам он обвинял в этом князя Горчакова, говоря о его бездействии и отношении к немцам не как к союзникам, а как к вассалам. При этом Германия, как Бисмарк утверждал Сабурову, могла помочь России даже в утверждении положений Сан-Стефанского договора: «если бы вы имели такое намерение, то надо было сообщить о нем нам: мы помогли бы вам удовлетворить Австрию и уединить Англию» [13]. Но эти слова лишь показывают канцлера, как хорошего политика. В своих мемуарах позднее он писал обратное: «мы никогда не обещали ничего, кроме доброжелательного нейтралитета» [2, с. 194].

Петербург это осознал, а потому слова о поддержке оценивал критически. Сам Александр II, по сообщениям посланника Германии фон Радовица, уже по приезду Шувалова в Петербург был «удрученным и огорченным результатами Конгресса» [13]. Государь охарактеризовал 1878 г. как «европейскую коалицию против России под руководством князя Бисмарка». Также отметив: «выгода есть только для Австрии; это было намерением немецкой политики, и он, граф Шувалов, был обманут князем Бисмарком с самого начала» [15]. Корни такой позиции германская сторона видела опять же во влиянии Горчакова.

Таким образом, император воспринимал роль конгресса в отношениях Берлина и Петербурга как отрицательную. Несмотря на попытки Шувалова переубедить его в этом [15]. Но подобные действия уже не возымели бы успеха. Еще ранее Горчаков писал государю: «Общее впечатление, вынесенное мною от конгресса, то, что дальнейший расчет на Союз трех императоров есть иллюзия». На полях Александр II пометил: «Это также мое мнение» [7, с. 217].

Для смягчения противоречий в августе-сентябре 1879 г. прошла личная встреча Вильгельма I и Александра II, способствовавшая временной стабилизации отношений. Тогда оба монарха пришли к важности сохранения Союза трех императоров: «император (Александр II) выразил убеждение, что только наше Единство Трех <...> может сохранить мир в Европе» [15], — писал кайзер Бисмарку. Канцлер же преследовал иные интересы. Сразу после встречи, тот убедил Вильгельма I заключить австро-германский договор 1879 г. против России. Тем самым Бисмарк стремился обезопасить Берлин и Вену от российской политики, которую называл безумной [3, с. 225].

Подобные шаги канцлера не позволяли смягчить возникавшую напряженность, но все же он попытался сгладить противоречия через личные связи. После смерти Александра II, Бисмарк негативно воспринял приход к власти Александра III, поскольку считал того привержен-

цем национальной партии. Лишь по мере общения, а также стабилизации самодержавия после взрыва революционного экстремизма на рубеже 70–80-х гг., канцлер заговорил о самодержце, как о «нашем надежнейшем человеке» [3, с. 222–223]. Так он стремился использовать доверие императора в качестве борьбы с национальной партией. Но сам Александр оценивал все иначе. Позднее в личной беседе с Вильгельмом II он сказал: «Я <...> всегда питал недоверие к нему и никогда не верил ни одному слову», «так как я хорошо знал, что он всегда меня обманывает» [8, с. 18–19].

Дальнейшее влияние 1878 г. раскрывается в развитие ситуации на Балканском полуострове в 1880-е гг. Несмотря на попытки Бисмарка остаться в ходе конгресса «честным маклером» [5, с. 8], Петербург посчитал его действия попыткой ослабления России на Балканах и поддержку ее соперницы в регионе — Вены. Так заключение ранее австро-германского договора 1879 г. лишь усиливало подобное восприятие [4, с. 255]. И хотя Бисмарк скорее преследовал сохранения «status quo» в регионе, все же национальная партия считала политику Берлина антироссийской. Новым аргументом в пользу этого стал последующий Болгарский кризис 1885–1888 гг., который вновь обострил сложившиеся противоречия, открыв возможность общеевропейской войны [12, с. 46].

Несмотря на это Петербург не стремился разрывать отношения, в чем важную роль играл новый министр иностранных дел России при Александре III германofil Н. К. Гирс [4, с. 250], да и сам миротворческий курс государя. Именно поэтому, даже учитывая в 1887 г. влияние Каткова на формирование курса российского правительства, он был отправлен в опалу за свои антигерманские высказывания, как и когда-то после конгресса правительство Александра II отправило в ссылку Аксакова [12, с. 44, 47].

Берлин же относился к дальнейшему взаимодействию противоречиво. Даже после продления Союза трех императоров в 1884 г. Россия оставалась для Бисмарка непредсказуемой силой, поэтому, с точки зрения канцлера, враждебная политика рейха в этот период была рациональна [3, с. 255], а также учитывала интересы немцев. Такая позиция привела к созданию Тройственного союза 1882 г., ведение Таможенной войны и борьбы с русскими бумагами и кредитами для российского правительства в 1880–1890-е гг.

Таким образом, Берлинский конгресс 1878 г. стал переломным моментом в развитии отношений России и Германии. В оценке современников влияние растущего национализма, стремление О. Бисмарка к главенству в европейском концерте и противоречия на Балканах привели лишь к разладу. Обвиняя друг друга, обе стороны споткнулись о «камень преткновения» на долгие десятилетия, приведший к фран-

ко-русскому сближению. Берлин не раз пытался наладить диалог, но дальнейшее развитие отношений будет часто отсылаться к событиям 1878 г.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Университетская типография Московского университета, 1886. 652 с.
2. Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3 т. Т. 2. / Пер с нем. И. А. Горкина и Р. А. Розенталь. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. 288 с.
3. Власов Н. А. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 288 с.
4. Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – нач. XX в. / Н. С. Киняпина (отв. ред). М.: Наука, 1978. 434 с.
5. Ипатов А. М. Итоги Берлинского конгресса 1878 года в оценках его российских участников // Панорама. 2015. Том XVII. С. 5–12.
6. Искендеров П. А. Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. № 11. С. 102–108.
7. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1997. 384 с.
8. Кайзер Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918 / Пер с нем. Тучин Н. А. М.: Вече, 2017. 300 с.
9. Московские ведомости. 1878. 19 мая. № 126.
10. Московские ведомости. 1878. 16 июня. № 152.
11. Московские ведомости. 1878. 4 июля. № 170.
12. Панаэтов О. Г. Катков М. Н. и болгарский кризис 1884–1887 гг.: инструментарий и цена свободы слова // Наука и современность. 2014. № 28. С. 42–48.
13. Русско–германские отношения // Красный архив. 1922. № 1.
14. Широкопад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003. 506 с.
15. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Band 3: Das Bismarck'sche Bündnissystem, Berlin: Auswärtigen Amtes hrsg, 1922. 470 s.

Маркин Владислав Иванович
Московский педагогический государственный университет
Научный руководитель:
Ерохина Ольга Викторовна, д-р. ист. наук, проф.

**Влияние противоречивости взглядов бюрократического
национализма М. Н. Каткова и традиционализма
К. П. Победоносцева на политику Александра III**

**The influence of the contradictions of the views of the bureaucratic
nationalism of M. N. Katkova and traditionalism K. P. Pobedonostsev
to politics Alexander III**

Аннотация. В данной статье предпринята попытка раскрыть влияние идей бюрократического национализма и традиционализма М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева на идейную основу консервативного курса императора Александра III. Оба деятеля были видными представителями консервативного лагеря того периода и значительно влияли на формирование политики российского самодержавия в 1881–1894 гг.

Ключевые слова: Александр III; консерватизм; самодержавие.

Abstract. This article has attempted to disclose the influence of the ideas of bureaucratic nationalism and traditionalism M. N. Katkova and K. P. Pobonyostsev on the ideological basis of the conservative course of Emperor Alexander III. Both figures were prominent representatives of the conservative camp of that period and significantly influenced the formation of the policy of Russian autocracy in 1881–1894.

Key words: Alexander III; conservatism; autocracy.

Традиционно внутривластный курс Александра III принято оценивать как консервативную реакцию на эпоху «Великих реформ» и взрыв революционного экстремизма 70–80-е гг. XIX в. Оттого изучение идеологии пореформенного самодержавия получило широкое освящение в работах В. А. Твардовской [15], Г. В. Лебедевой [10], С. М. Саньковой [16], С. Л. Фирсова и многих других [17]. Знаковое место в них занимают личности К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова, выступавших «архитекторами» новой системы, что раскрывает цель нашего исследования – рассмотрение влияния идей Каткова и Победоносцева на новое царствование и выявление противоречий между ними.

По замечанию современников: «Победоносцев чувствовал себя на высоте положения», когда смог убедить государя в правильности консервативного курса [4, с. 41]. Обуславливалось это и тем, что процесс демократизации в XIX в. неизбежно требовал создания нового идейного базиса как для государства, так и для формирующейся нации [9, с. 8].

Выражением политики Александра III стал манифест от 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия», в котором можно проследить влияние идей «современной нефтеодальной монархии» – государственного, или бюрократического национализма, что было особенно поддержано катковским окружением – сотрудниками его «Московских ведомостей». Так, политику стали определять сторонники возвращения к дореформенным устоям через усиление единоначалия в местном управлении и незыблемости самодержавии. Вместе с тем новые политики иначе смотрели на внешнеполитический курс, считая, что тот должен формироваться не на идеологических абстракциях (легитимизм или панславизм), а опираясь на национальные интересы [9, с. 4-5]. Разве что идея объединения славян во главе с Россией еще сохраняла свои позиции.

В ответ на манифест Катков в «Московских ведомостях» писал: «Теперь мы можем вздохнуть свободно. Конец малодушию, конец всякой смуте мнений! <...> В нем наше спасение», ибо он «возвращает русскому народу Царя Самодержавного» [7]. Победоносцев с такой оценкой манифеста был согласен, но это не означало монолитности консервативного лагеря.

Стан российских консерваторов тогда был крайне неоднороден, включая в себя сторонников либерального консерватизма, гражданского национализма, традиционализма и т. д. К характеристике взглядов Каткова и Победоносцева более подходят последние два. Но в случае с Катковым целесообразнее использовать термин – «бюрократический национализм», который отчасти отражался и его редакторами – П. М. Леонтьевым и Н. А. Любимовым [9, с. 5].

В «бюрократический» вкладывается идея Каткова, что единственный способ проведения политики в жизнь – государственный аппарат. Так он выступал против гражданского, антибюрократического национализма славянофилов [9, с. 12]. Как показало время, именно опора на бюрократию стало тем, что способствовало эффективному проведению консервативного курса. Но здесь же выявляется и основное противоречие двух «архитекторов» новой политики. Если Катков опирался на бюрократию, апеллируя прессой для формирования массового сознания, то Победоносцев этому противился, опираясь в первую очередь на людей и на трансформацию общества через их улучшение [14, с. 161].

Говоря о «национализме», стоит обратиться к триаде С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность». Во второй половине XIX в. представители консервативного лагеря, несмотря на то, что были сторонниками триады 1836 г., все же воспринимали ее иначе. Особенно понятие «народность».

В 1860-е гг. Катков включал в «народность» не только единство царя и народа, но и выделял в ней два аспекта. Во-первых, он воспринимал ее как историческое соответствие самодержавия духу русского

народа. Тем самым, исключая возможность демократизации правительственной системы в рамках консервативного курса. Во-вторых, для Каткова «народность» не сопоставляется с национальностью и верой, а определялась языком и подданством, поскольку «для того, чтобы быть русским в гражданском смысле этого слова, достаточно быть русским подданным» [5]. Победоносцев же отказ от важности религии всячески отрицал, видя в Церкви и вере спасение России, оттого и подданство он рассматривал через её определение в триаде 1836 г. [11, с. 14].

Сама же «народность» в восприятии Каткова все же вошла в основу консервативного курса, но на половину, оставшись лишь в рамках отказа от демократизации общества. Тем самым включаясь в фундамент российского традиционализма — «скелет» новой системы.

Проводником именно традиционализма был Победоносцев, считая его реакцией на взрыв революционного экстремизма на рубеже 1870–1880-х гг. и изменений в правовом самосознании крестьянства после «Великих реформ». Последнее выражалось в оскудении традиционных ценностей — почитание воли родителей, падение авторитета мирского схода, что началось в результате вливания крестьян в новую систему отношений [2, с. 52]. Так, традиционализмом власть ответила на отход от привычных порядков через идеологию. И хотя традиционализм, как течение мысли, не являлся новым для России, он стал основополагающим для нового царствования. Суть этого базиса хорошо выразил Катков: «Это — не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями» [8]. Так традиционализм не являлся шагом «ни влево, ни вправо», а наоборот — был возвращением к чистым истокам и разумному восприятию реалий.

Но рассматривать традиционализм лишь как диктат необходимости не следует. Его установке способствовала и фигура нового государя. Александр III был приверженцем исконных духовных ценностей, социальных институтов, в которых видел для России благо. Его политический консерватизм, иногда переходящий в реакционность, и позволил традиционалистской части общества возобладать. Позже эти слои, совместно с государем, даже отправили Каткова в отставку. Правда, используя против него не столько его особый национализм и споры с консерваторами, сколько его антигерманские настроения и попытки воздействовать на принятие решений государем [14, с. 158]. Так, ранее лояльное отношение сменилось на опалу.

Рассматривая же позицию самого Александра III насчет основ консервативного курса, отметим, что он был более сторонником традиционализма и «программ нравственного перевоспитания общества» Победоносцева, чем идей Каткова. Хотя и к обер-прокурору его отношение было временами критическим: «Отличный критик, но сам никогда ничего создать не может» [11, с. 13].

Государь и не слишком разделял либеральные преобразования. В своем письме К. П. Победоносцеву он писал, как ему печально «слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России...» [12, с. 49] Александр III желал сохранить то, что Катков считал «нашим спасением» [8], а Победоносцев истинным источником процветания России – самодержавие, как «условие национального единства и политического могущества» государства [1, с. 317].

Сами же основные положения консервативного курса правительства были изложены в манифесте от 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия». В нем заявлялось о решимости «стать бодро на дело правления, с верой в силу и истину самодержавной власти», которую император призван «утверждать и охранять от всяких на нее посползновений для блага народного» [3]. Фактически этим обозначались принципы нового правления: рациональность, крепкая власть и возврат к исконно русским началам. Такая охранительная политика имела поддержку у части российского общества, а также была одобрена одним из главных легитимизирующих институтов – Церковью с идеей богоизбранности монарха. Выразителем этого был и сам Победоносцев: «Власть (монарха) не для себя существует, но ради Бога, и есть (то) служение» [13, с. 426-427]. Поэтому идеолог подчеркивал важность сохранения Церкви, как не только легитимирующего института, но и фактора сохранения базиса. Поддержка государя обеспечило тому победу, в отличие от Каткова, хотя и признающего важность Церкви, но критикующею ее в качестве субъекта общественной жизни [6].

Победу же в формировании курса после 1887 г., когда М. Н. Каткова отправили в опалу, одержал Победоносцев, но методы Каткова продолжали реализовываться.

Таким образом, идейная основа консервативного курса 1881–1894 гг. складывалась под влиянием идей бюрократического национализма и традиционализма М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева. В представлениях основных фигур того периода, таких как Александра III, Победоносцева и Каткова главным было сохранение существующего в России на тот момент строя, используя упор на государственную систему, традиционалистские, религиозные и консервативные начала в русском народе. Подчеркивая отсутствие в нем стремления к демократизации и желание сильного патерналистского начала.

Список литературы

1. Археографический ежегодник. М.: Издательство АН СССР, 1974. 384 с.
2. Беляев Е. В. О некоторых изменениях правового сознания пореформенного крестьянства (1861-1889 гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 51–54.

3. Высочайший манифест 29 апреля 1881 г. // Правительственный Вѣстникъ. 1881. № 9.
4. Дневник Е. А. Перетца (1880–1883) / С предисл. А. Е. Преснякова. М.; Л.: Гос. издательство, 1927. 172 с.
5. Катков М. Н. Московские ведомости. 1866. 8 июля. № 142.
6. Катков М. Н. Московские ведомости. 1867. 25 июля. № 162.
7. Катков М. Н. Высочайший манифест 29 апреля // Московские ведомости. 1881. 29 марта. № 118.
8. Катков М. Н. Единственный царский путь // Московские ведомости. 1881. 25 апреля. № 114.
9. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / науч. ред. С. К. Лебедев. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.
10. Лебедева Г. Н. Социально-философская концепция русского консерватизма в творчестве М. Н. Каткова: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филос. н. СПб, 1996. 18 с.
11. Павлов Н. В. К. П. Победоносцев о народном представительстве в России // Вестник РУДН. 2008. № 1. С. 12–17.
12. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутом 1. М.: Гос. издательство, 1923. 439 с.
13. Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. 509 с.
14. Полунов А. Ю. М. Н. Катков и К. П. Победоносцев: «друзья-враги» в окружении Александра III // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 156–163.
15. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. 279 с.
16. Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. М.: Нестор, 2007. 298 с.
17. Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: интеллектуал во власти. СПб.: Вита-Нова, 2016. 587 с.

Тихонов Александр Сергеевич
Российский государственный гуманитарный университет
Научный руководитель:
Хавкин Борис Львович, д-р ист. наук, проф.

Русско–германское военно–морское сотрудничество на рубеже XIX–XX вв.

Russian–German naval cooperation at the turn of the XIX–XX centuries

Аннотация. Статья посвящена изучению русско-германского военно-морского сотрудничества и его влиянию на русско-германские отношения на рубеже XIX–XX вв. Основываясь на документах Морского ведомства из коллекции Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), а также на мемуарах военных и политических деятелей Германии и России, автор приходит к выводу о прагматическом характере русско-германского военно-морского сотрудничества, обусловленного обоюдной выгодой.

Ключевые слова: кайзеровский военно-морской флот; русско-германские отношения; русский императорский флот.

Abstract. Russian-German naval contacts and their influence on Russian-German relations at the turn of the XIX–XX centuries are studied in the article. Based on the documents of the Maritime Department from the collection of the Russian State Naval Archive (RSNA), as well as on the memoirs of military and political figures of Germany and Russia, the author comes to the conclusion about the pragmatic nature of the Russian-German naval cooperation, due to mutual benefit.

Keywords: the Imperial German Navy; Russian-German relations; the Russian Imperial Navy.

Контакты между военными флотами России и Германии играли существенную роль в развитии русско-германских отношений на рубеже XIX–XX вв. Неоднократные официальные и рабочие визиты военных кораблей, а также тесные партнерские отношения между моряками обоих государств в различных регионах земного шара способствовали нормализации русско-германских отношений накануне русско-японской войны 1904–1905 гг.

В этот период военно-морской флот являлся наиболее эффективным инструментом осуществления внешней политики великих держав, демонстрируя военную силу на морях и океанах. И одним из регионов, где зачастую пересекались интересы России и Германии на рубеже XIX–XX вв., стал Дальний Восток.

Данная проблематика представляется весьма важной и малоизученной в отечественной и зарубежной историографии и нашла отражение лишь в недавней работе С. П. Шилова [14].

В начале 90-х гг. XIX вв. русско-германские военно-морские сотрудничество отличалось крайней сдержанностью из-за отказа Германии продлевать договор перестраховки 1887 гг. и разразившейся русско-германской таможенной войны [16, с. 14]. Как справедливо отмечал Тирпиц: «Вплоть до 1887 года германский и русский флоты чувствовали себя почти братьями по оружию» [13, с. 201].

Впрочем, уже со вступлением на престол Николая II обе стороны стали предпринимать попытки к восстановлению прежних контактов. Значительную роль в нормализации российско-германских отношений на рубеже XIX–XX вв. сыграла «личная» дипломатия Вильгельма II, проводимая посредством встреч двух монархов в ходе официальных визитов военных кораблей или приглашений на военно-морские маневры.

Так, например, в августе 1897 г. Вильгельм II наносит визит в Кронштадт во главе броненосной эскадры германского флота. В Кронштадте Вильгельму II было пожаловано звание адмирала русского флота [8, л. 89]. Годом ранее, германский император также пожаловал Николаю II чин «Kapitän zur See» (капитана 1-го ранга) [3, л. 13]. Взаимное присвоение подобных чинов носило демонстративный характер и служило целью показать всему миру русско-германское согласие и дружбу.

Визит Вильгельма II в Кронштадт служил целью выяснить намерения Николая II и русского Морского министерства в отношении обустройства германской военно-морской базы в китайском порте Цзяочжоу. Николай II двусмысленно дал понять Вильгельму II, что он не против организации угольной стоянки в Цзяочжоу при условии согласия на это русского морского командования, поскольку, начиная с 1895 г., там периодически базировались корабли русского флота [12, с. 31].

Однако, получив в ноябре 1897 г. новости о захвате порта Цзяочжоу германской восточноазиатской эскадрой, русский министр иностранных дел Муравьев предпринял попытку добиться вывода германского флота, поручив русскому послу в Берлине Остену-Сакену заявить свой протест германскому правительству. Впрочем, русское военно-политическое руководство не желало втягивать в конфликт с Германией из-за китайского порта, а наоборот решило использовать прецедент для приобретения незамерзающего порта в Китае для русской эскадры Тихого океана [1, с. 133–135].

Примечательно, что 17 ноября 1897 г. в самый разгар кризиса вокруг Цзяочжоу германский император осмотрел в Киле крейсер «Владимир Мономах». Кайзер выступил с речью перед моряками русского крейсера, в ходе которой высказал пожелание об укреплении

дружбы между двумя флотами в дальних морях и даже попросил передать царю, что Россия всегда может рассчитывать на помощь германского флота [15, с. 98–99]. Подобными действиями германский император, вероятно, пытался урегулировать возникшие русско-германские противоречия и заручиться поддержкой России в своих колониальных претензиях к Китаю.

В этих условиях Вильгельм II принял решение усилить германское военно-морское присутствие на Дальнем Востоке и в декабре 1897 г. отправил эскадру во главе со своим младшим братом, Генрихом Прусским [4, с. 131]. Как отмечал Вильгельм II: «Если кто-нибудь вздумает нас задеть, принц Генрих должен пустить в ход «бронированный кулак» [2, с. 110], что во многом можно рассматривать и как угрозу в сторону России в случае обострения кризиса.

Посланная же эскадра под командованием Генриха Прусского часть перехода на Дальний Восток совершала совместно с русской эскадрой в составе броненосцев «Наварин» и «Сисой Великий», что позволило Вильгельму II в ходе беседы с русским морским атташе Кетлером в январе 1898 г. вновь заявить о партнерстве русского и германского оружия в колониальных делах: «По высказанному императором мнению один броненосец легко может справиться с целой эскадрой крейсеров, и он уверен в том, что имея на Востоке 4 броненосца «Сисой Великий», «Наварин», «Кайзер» и «Дойчланд» мы (Россия и Германия) в состоянии будем поддерживать там порядок» [7, л. 536].

Это заявление вскоре было подкреплено конкретными шагами, и в августе–сентябре 1898 г. эскадра под командованием Генриха Прусского посетила Порт-Артур, Владивосток, Корсаков и Александровск-на-Сахалине. В Порт-Артуре германская эскадра была тепло принята моряками русской эскадры Тихого океана под командованием контр-адмирала Ф. В. Дубасова, который ранее несколько лет являлся морским агентом в Берлине и был лично знаком с принцем Генрихом Прусским. В его честь был устроен прием на крейсере «Россия», где присутствовали все капитаны кораблей русской и германской эскадр [6, с. 55–56].

Как справедливо отмечал Э. Редер: «Будучи здесь, принц Генрих, очевидно выполняя полученные дома инструкции, завязал дружеские отношения с русским военным и флотским командованием» [11, с. 19].

Также на фоне начавшейся на Дальнем Востоке русско-японской гонки морских вооружений активизировались русско-германские контакты в судостроительной сфере. В связи с загруженностью русских верфей и сжатостью сроков выполнения судостроительной программы 1898 г. «Для нужд Дальнего Востока» русское Морское министерство заказало на германских верфях крейсера «Аскольд», «Богатырь» и «Новик», 4-миноносца и учебный транспорт «Океан» на общую сумму в 19,406 млн. руб. [10, л. 38–39].

Важную роль в налаживании военно-морского сотрудничества на Дальнем Востоке сыграли совместные действия русского и германского флотов в ходе подавления восстания Ихэтуаней. Совместные действия русских и немецких моряков в ходе обороны посольского квартала в Пекине, штурма фортов Таку и Тяньцзин, а также обеспечения переброски русских и немецких войск в Китай в 1900–1901 гг. показали, что несмотря на языковой барьер и организационные трудности, русские и германские моряки и солдаты способны действовать сообща.

Это прослеживается в отзывах военно-политического руководства двух стран. Так, например, в своих телеграммах, попавших в немецкие газеты, вице-адмирал Алексеев отмечал храбрость немецких войск в ходе подавления восстания Ихэтуаней [9, л. 62], а германский император Вильгельм II «очень радуется тому, что наши (русские) и германские войска так храбро плечо о плечо сражаются и действуют в Китае» [9, л. 114].

На фоне успехов русского и германского оружия в Китае Вильгельм II в разговоре с русским морским атташе Полисом отметил, что «при наших дедах между обеими армиями существовали братские отношения и что он надеется, что и теперь возобновятся прежние братские и союзные отношения» [9, л. 114]. С этой целью Николай II был приглашен на сентябрьские маневры германского флота, проходящие в Данциге. А уже в августе 1902 г. германский император посетил с ответным визитом смотр кораблей Балтийского флота в Ревеле с показательными стрельбами.

В ходе обеих встреч значительное внимание русского и германского императоров было направлено на дальневосточный вопрос. Вильгельм II в Данциге и Ревеле намекал царю на возможность подписания соглашения о совместных действиях двух держав на Дальнем Востоке [5, с. 70]. Как отмечал позднее Бюлов, «Вильгельм II дал почувствовать царю в Данциге и Ревеле, что он в случае нападения на Россию на Востоке прикроет ему спину» [16, с. 113].

Кульминацией двустороннего военно-морского сотрудничества стало предложение контр-адмирала Рожественского в августе 1903 г. провести совместные русско-германские маневры на Балтике, что было поистине сенсационным предложением. Однако, Тирпиц, исходя из своей концепции «опасной зоны», предпочел не обострять англо-германские отношения, проводя совместные русско-германские маневры в преддверии русско-японской войны [14, с. 46].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. наблюдалось оживление двусторонних военно-морских контактов на Балтике и Дальнем Востоке, что способствовало развитию русско-германских отношений накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. Впрочем, несмотря на декларируемое в Петербурге и Берлине братство русского и германского оружия, военно-морское сотрудничество носило демонстративный

характер и ограничивалось в основном дальневосточным регионом, что обуславливалось внутренними и внешнеполитическими интересами России и Германии в преддверии русско-японского конфликта.

Список литературы

1. Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Торговый дом «Алгоритм», 2014. 496 с.
2. Бюлов Б. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1935. 562 с.
3. ГАРФ Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Письма к императрице Марии Федоровне императора Николая II. 63 л.
4. Залесский К. А. Военная элита Германии. 1870–1945. М.: Вече, 2011. 560 с.
5. Зелев В. В. Германо-русские отношения в июле-ноябре 1903 гг. // Проблемы истории внешней политики империалистических государств: Сборник статей. / С. С. Григорьевич (отв. ред.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 63–71.
6. Молчанова Е. Г. К вопросу о пребывании Генриха Прусского на Дальнем Востоке в конце XIX века // Общество: философия, история, культура. № 2 (82). 2021. С. 54–57.
7. РГАВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 1473. Рапорты морского агента в Германии лейт. Э. Э. Кетлера о состоянии и развитии немецких военно-морских сил. 631 л.
8. РГАВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 1667. Материалы о пребывании в России германской и французской эскадр во главе с имп. Вильгельмом II и французским президентом и о подготовке церемонии закладки Троицкого моста в Петербурге / доклады, записки, рапорты и другие/. 206 л.
9. РГАВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Рапорты морского агента в Германии лейт. А. К. Полис о внутривосточном положении в стране, внешней политике правительства, о состоянии и развитии военно-морских сил Германии. 413 л.
10. РГАВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2305. О разработке программы судостроения на 1902–1904 гг. 172 л.
11. Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. М.: Центрполитграф, 2004. 489 с.
12. Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998. 230 с.
13. Тирпиц А. Воспоминания / Пер. с нем. и ком. В. Я. Голанта. Под ред. проф. адм. В. А. Алафузова. М.: Воениздат, 1957. 526 с.
14. Шилов С. П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2004. 144 с.
15. Hubatsch W. Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. Munchen: In Kommission bei Lehmann, 1975. 572 s.

16. Vogel B. Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bulow 1900–1906. Dusseldorf: Bertelsmann Universitatsverlag, 1973. 335 s.

Маркелов Степан Авинерович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Раскин Давид Иосифович, д-р ист. наук, проф.

**Периодизация истории «Земледельческой газеты» 1901–1917 гг.:
на материалах программных статей**

**Periodization of the history of the «Agricultural newspaper»
1901–1917: on the materials of program articles**

Аннотация. Данная статья посвящена периодизации истории «Земледельческой газеты» в период 1901–1917 гг. на основе программных статей. Выявлено три этапа, характеризующихся различным соотношением материалов научного и практического характера. Программные статьи сопоставлены с изменениями в содержании газеты. Продемонстрирована роль истории газеты, состояния отрасли, редактора и издателя в определении данного соотношения.

Ключевые слова: периодическая печать; «Земледельческая газета»; программные статьи.

Abstract. This article is devoted to the periodization of the history of the «Agricultural newspaper» in the period 1901–1917 on the basis of program articles. Three stages have been identified, characterized by a different ratio of scientific and practical materials. The program articles and changes in the content of the newspaper are compared. Demonstrated the role of the history of the newspaper, the state of the industry, editor and publisher in determining this ratio.

Key words: Periodicals; «Agricultural newspaper»; program articles.

История «Земледельческой газеты» как ключевого сельскохозяйственного печатного органа Российской империи нуждается в отдельном исследовании, поскольку специально к истории данного издания обращался лишь С. А. Козлов [8]. При изучении периодики большое значение имеют программные статьи, открывающие первые номера года. На основе их изучения можно лучше понять историю газеты через видение вопроса редакцией.

Программные статьи как особая разновидность материалов периодической печати приобрели важное значение для истории «Земледельческой газеты» только в начале XX в. Для понимания причины стоит вкратце упомянуть историю «Земледельческой газеты» в XIX в.

«Земледельческая газета» была учреждена 27 января 1834 г. как составная часть последовавших за голодом 1833 г. реформ сельского хозяйства, проводившихся Комитетом об усовершенствовании земледелия в России [3, с. 39–41]. На начальном этапе существования газета ис-

полняла роль «аграрной энциклопедии», помогая сельским хозяевам в вопросе организации хозяйства и поиска необходимого оборудования [8, с. 232–233]. Но в пореформенное время к работе в издании приглашается ряд специалистов по сельскому хозяйству, начинают выходить статьи научного содержания. Под редакцией авторитетного ученого-аграрника Ф. А. Баталина (с 1865 по 1895 гг.) «Земледельческая газета» начинает затрагивать вопросы, ранее не попадавшие в аграрную печать [9, с. 237–239], но после его смерти она, как и вся аграрная отрасль империи, находилась в состоянии кризиса. Тиражи начали падать. Министерство земледелия и государственных имуществ решило передать издание в аренду.

Это совпало с ростом «печатной империи» А. С. Суворина. Он стал первым в России медиа-магнатом [6, с. 75], издательство «Новое время» было крупнейшим в стране. «Земледельческая газета», взятая Сувориным в аренду на 11 лет, должна была стать важным изданием в постоянно растущем ассортименте издательства. Потому редактором газеты (а вместе с тем и редактором всех официальных изданий Министерства земледелия и государственных имуществ) стал Ф. Э. Ромер (1838–1901 гг.), мировой судья и писатель, ставший в 1874 г. землевладельцем. Писать ставшие популярными труды по садоводству и огородничеству он стал ближе к концу жизни. В это время начинается сотрудничество с А. С. Сувориным. Труды Ромера по сельскому хозяйству были опубликованы именно его издательством, в частности самый известный, «Беседы о практическом плодоводстве», а статьи о сельском хозяйстве до 1901 г. выходили в газете «Новое время». Вполне вероятно, что Ф. Э. Ромер стал редактором по протекции А. С. Суворина, выдвинувшего на ключевую должность человека одновременно компетентного, популярного и подконтрольного.

Программная статья новой редакции, «Наши задачи», была представлена в номерах с 1 по 4 за 1901 г. В противовес огромной роли «Земледельческой газеты» в распространении именно теоретического знания [7, с. 95], авторы высказываются однозначно в пользу знания, вырастающего из практики русского земледелия. Авторы признают, что «научная агрономия творится конечно в ученых кабинетах и лабораториях» [10, с. 2], и не отрицают ее большой роли, но затем утверждают, что «русское сельскохозяйственное искусство может вырасти только на русских же полях», агрономия к ним неприменима, и что «никакие ученые в мире не подвинут его ни на шаг вперед, если не будут в то же время и русскими земледельцами-практиками» (что сразу же признается невозможным). Акцент делается как на «научность» агрономии вместо «практичности», так и на «международность», сложность применения в условиях русского земледелия, вместо, очевидно, «русскости». Авторы статьи намеренно конструируют ложные противоречия, чтобы в качестве альтернативы агрономии провозгласить

опору на земледельцев-практиков [10, с. 3], а не на ученых. Это свидетельствует об интересе к редакционной политике газеты со стороны Суворина (он активно поддерживал многих консервативных экономистов, в частности С. Ф. Шарапова [1, с. 54], уделявшего особое внимание аграрной политике). Он использовал издание не только как рекламную площадку (если в 1901 г. было максимум 10 листов, то в 1904 г. количество рекламных листов могло доходить до 15-20, причем часть из них шла в самом начале газеты), но и как идеологический рупор критики в сторону С. Ю. Витте, особенно его политики пошлин на иностранную технику [11, с. 16].

Данной статьей редакция обозначила смену вектора развития газеты, превращение ее в особый печатный орган крупных промышленников-землевладельцев. Признается нежелательным, хотя и допустимым, наличие в числе авторов статей ученых-агрономов, а также самоучек и энциклопедистов. Таким образом, статья провозглашает фактическую самостоятельность земледельцев-практиков в вопросе производства знаний, распоряжения ими, обмена с другими земледельцами-практиками и т. д.

Последовали изменения в содержании газеты. С приходом Ромера началось движение от научных статей в сторону статей практического характера, в которых своим опытом делились крупные хозяева.

В эпоху Суворина газета существовала в состоянии нестабильности. Больше года редактором был только В. А. Кудашев. Тираж сначала рос, потом застыл на месте и вовсе начал падать.

В. А. Кудашев, бывший редактором с 1902 по 1904 гг., был и ученым, и практиком (он имел поместье в Полтавской губернии и там же прорабатывал методы работы с озимыми, которые впоследствии нашли практическое применение [4, с. 83]). Его статья «Наша программа» [9, с. 3–4] показывает отклонение от тенденции, заложенной Ромером — Кудашев провозглашает переход от эмпирического к научному этапу, с тем, чтобы наука помогала практикам, а практики делились своим опытом с наукой. При нем в газете хоть и сохранился курс на публикацию работ практических хозяев, а не ученых, труды последних иногда появлялись, особенно тех, что были связаны с механизацией в силу сложности самой темы.

В 1905 г. газета была закрыта решением министерства — обстановка 1905 г. и следующих лет не располагала к существованию подобных изданий. Массовый насильственный передел земли вызвал консервативные настроения в среде крупных землевладельцев и нарушил естественный ход экономической жизни многих рациональных хозяйств [7, с. 169].

С началом реформ и оживлением хозяйственной жизни нужда в печатном органе для крупных аграриев снова возросла. Это стало причиной возрождения «Земледельческой газеты» по решению

Государственной Думы [8, с. 240]. Пришедший в 1913 г. коллектив авторов обозначил в своей программной статье «возвращение к истокам», к принципам работы эпохи Ф. А. Баталина. Редакция провозглашала прежде всего становление «органом научных и практических деятелей на поприще сельского хозяйства», что самое важное — органом центральным. То время, когда он был редактором, провозглашается «памятным» [12, с. 1–2]. Две статьи, следующие за программной, посвящены времени редакторства Ф. А. Баталина, и их, с учетом общей риторики, можно отнести к продолжению программной. Если первая статья посвящена его биографии [5, с. 2–4] и однозначному восхвалению, то вторая посвящена периоду, когда Ф. А. Баталин был редактором «Земледельческой газеты». Период после смерти редактора, смена издательства и прочее именуется «недоразумением», носившим «случайный характер» — авторы таким образом противопоставляют редакции тех лет себя и спланированный характер собственных действий. При этом и Ромер, и Кудашев, и автор статьи С. Богданов пишут о служении науки практике, только если первый пишет, что наука проистекает из практического хозяйства, и потому руководить должны хозяева, а второй стремится к поиску баланса, то третий рассуждает о том, что в условиях прогресса хозяева «нуждаются в руководстве», и что именно ученые должны руководить процессом — при этом идет ссылка на непререкаемый авторитет Баталина [2, с. 4–6].

С этого момента начался процесс перехода газеты в руки коллектива ученых-аграриев. Больше половины газеты стали занимать материалы многочисленных рубрик, информативные, а не аналитические, посвященные не отдельным поместьям, а регионам. Вместо непосредственного взгляда на вопрос со стороны читателя газеты (как, например, в упраздненной рубрике «Вопросы и ответы») это были материалы за авторством членов редакции, выходявшие без указания даже анонимного авторства, что снижает доверие к ним.

Таким образом, программные статьи позволяют более точно выявить причины трансформации, происходившей с «Земледельческой газетой» в начале XX в.: эволюция сельского хозяйства (в частности крупного) своей эпохи и кадровые изменения в редакции, их идеологии в отношении тенденций в сельском хозяйстве. Также они указывают и на характер изменений самой газеты, которая начала смещаться к практическому направлению, чтобы затем полностью с ним порвать в пользу научного.

Список литературы

1. Байбиков В. Ю. Денежная реформа С. Ю. Витте в оценке консерваторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 52–57.
2. Богданов С. «Земледельческая газета» Ф. А. Баталина // Земледельческая газета. 1913. № 1. С. 4–6.

3. Воронов И. И. Комитет Н. С. Мордвинова 1833 г. и учреждение Министерства земледелия в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4–3 (30). С. 38–41.
4. Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. (к вопросу об «Отсталости» систем полеводства) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7). С. 81–86.
5. Золотарев Л. А. Ф. А. Баталин // Земледельческая газета. 1913. № 1. С. 2–4.
6. Казакова Н. Ю. К вопросу об ответственности журналиста (А. С. Суворин в контексте эпохи) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 9. С. 64–78.
7. Козлов С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экономической печати. М.: ИРИ РАН, 2012. 576 с.
8. Козлов С. А. Вопросы аграрной модернизации Центрально-Нечерноземной России на страницах «Земледельческой газеты» XIX – начала XX в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. С. А. Козлов. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 231–251.
9. Кудашев В. А. Наша программа // Земледельческая газета. 1902. № 1. С. 3–4.
10. Наши задачи // Земледельческая газета. 1901. № 1 С. 1–3.
11. Петров А. Ю. Импорт машин как фактор экономического развития России (вторая половина XIX в. – 1913 г.): автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
12. С.-Петербург, 12 октября 1913 г. // Земледельческая газета. 1913. № 1. С. 1–2.

Логинов Владимир Андреевич
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Андреев Дмитрий Александрович, канд. ист. наук, доц.

Преступления и наказания на Второй Тихоокеанской эскадре во время похода 1904–1905 гг.

The system of crime and punishment on the Second Pacific Squadron during the campaign 1904–1905

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию системы преступлений и наказаний на Второй Тихоокеанской эскадре во время похода 1904–1905 гг. Целью статьи является воссоздание системы преступлений и наказаний в соответствии с правовыми положениями и реальной практикой. Данная работа является частью большого исследования, посвященного повседневности Второй Тихоокеанской эскадры во время похода 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Вторая Тихоокеанская эскадра; поход 1904–1905 гг.; преступление и наказание на флоте.

Abstract. This article is devoted to the study of the system of crime and punishment on the Second Pacific Squadron during the campaign of 1904–1905. The aim of the report is to recreate the system of crimes and punishments in accordance with legal provisions and actual practice. This work is part of a large study devoted to the everyday life of the Second Pacific Squadron during the campaign of 1904–1905.

Key words: The Second Pacific Squadron; the campaign of 1904–1905; the system of crime and punishment in the navy.

В настоящей статье рассмотрена система преступлений и наказаний во время похода Второй Тихоокеанской эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского 1904–1905 гг.

Данный поход выбран в качестве объекта исследования ввиду его исключительных условий и уникальности по отношению ко всей военно-морской истории России. Ни до, ни после военно-морские силы не предпринимали столь масштабного по времени и расстоянию боевого похода столь крупными силами.

При написании статьи были привлечены нормативные документы Российской империи, которые определяют систему преступления и наказания на военно-морском флоте. Кроме того, при исследовании были использованы источники личного происхождения и официальные документы, непосредственно относящиеся к данному походу.

В качестве основного нормативного документа, определяющего систему преступления и наказания на Императорском флоте, была использована Книга XVI Свода Морских Постановлений «Военно-морской

указ о наказаниях» в редакции 1886 г. (далее — СМП). Он определяет различные виды проступков и преступлений и, соответственно, наказания за совершенные деяния.

Важно понимать, что возможности приведения наказания в исполнение и собственно выбор наказания за совершенное правонарушение во время стоянки на базе и во время похода отличались друг от друга.

В качестве историографии по выбранной теме были привлечены несколько общих статей, посвященных состоянию правовой системы в Вооруженных силах Российской империи в целом. Специальных исследований, посвященных проблеме преступления и наказания на флоте во время похода, найти не удалось.

Целью работы является воссоздание системы преступлений и наказаний в соответствии с правовыми положениями и реальной практикой.

Исследование проводилось по следующим пунктам:

1. Виды преступлений
2. Виды наказаний
3. Реальная практика

Переходя непосредственно к исследованию проблемы, необходимо отметить, что за период похода военнослужащими Второй Тихоокеанской эскадры было совершено довольно значительное количество различных правонарушений.

Условно правонарушения можно разделить на:

- уголовные;
- сопряженные с нарушением обязанностей военно–морской службы;
- не сопряженные с нарушением обязанностей военно–морской службы [5, с. 8–11].

Очень подробно классификация правонарушений описана в работе П. С. Данилова [2].

Уголовными в данном случае, прежде всего, считаются сопряженные с умышленным нанесением вреда здоровью сослуживцев, порче казенного имущества и иным умышленным противоправным действиям, повлекшим за собой негативные последствия для дальнейшей боевой службы личного состава или материальной части флота. Кроме того, сюда можно отнести правонарушения, совершенные в отношении местного населения во время захода в порты, а также дезертирство.

Сопряженным с нарушением обязанностей военно–морской службы в данном случае, прежде всего, считаются правонарушения в отношении добросовестного несения воинской службы согласно Морскому Уставу — самовольное оставление боевого поста, неподчи-

нение приказа вышестоящего командира, умышленное уклонение от несения воинской службы, саботаж и др.

Несопряженными с нарушением обязанностей военно-морской службы в данном случае, прежде всего, считаются правонарушения в отношении корректного соблюдения субординации, межличностные конфликты и др.

Интересно отметить, что П. С. Данилов объединяет две вышеназванные категории в одну — преступления против военной службы, отмечая при этом, что «нарушение общих обязанностей (установленных обязательных правил поведения любого и каждого) не могло прямо посягать на интересы военной службы» [2, с. 192].

При детальном изучении похода Второй Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток можно выделить важную характеристику совершенных правонарушений — с заходом в порты или в местах прочих стоянок их количество возрастало.

В работе исторической комиссии находим следующие данные — наиболее частыми стали «случаи намеренного ослушания, неоказания должного уважения начальнику, неисполнения приказаний, отказа в повиновении и другие». Кроме того, случались и более тяжелые преступления, как на корабле, так и на берегу, например, разграбление хижин местных жителей или «буйства» [4, с. 185]. К концу похода участились случаи дезертирства.

Так, в исторических источниках находим описания следующих случаев. Матросом с плавучей мастерской «Камчатка» были украдены два спасательных пояса с целью доплыть до берега. Такой поступок объяснялся тем, что данный матрос, как и многие другие, с самого момента выхода из Кронштадта не был ни разу отпущен на берег [3, с. 144]. Впоследствии таким же образом поступили еще несколько матросов, которые, однако, были практически сразу же выловлены и доставлены обратно на судно [3, с. 231].

Далее обратимся к базовым видам наказания согласно СМП от 1886 г. Совершение уголовного преступления предусматривало «лишение всех прав состояния» и смертную казнь, каторгу, поселение в Сибири в зависимости от тяжести совершенного преступления. Смертная казнь осуществлялась через повешение или расстрел.

За преступления и проступки, не сопряженные с нарушением обязанностей военно-морской службы, предусматривались менее строгие наказания от выговора или внушения до ареста, заключения в тюрьму или ссылки на поселение в Сибирь. Кроме того, существовала практика помещения в особые арестантские подразделения.

Подобные наказания предусматривались и за преступления по службе. Необходимо отметить, что к вышеизложенному перечню наказаний следует, прежде всего, добавить перевод в разряд штрафованных, состояние которых было отмечено определенным поражением в

правах (например, запрещение съезда на берег) или же назначением на наиболее грязные и унижительные виды работ (к примеру, чистка гальюнов) [5, с. 10–15]. Е. Л. Харьковский отмечает, перевод в данный разряд в военное время был возможен как по суду, так и в дисциплинарном порядке, а помимо поражения в правах их могли подвергнуть наказанию розгами до 50 ударов [6, с. 144]. Впрочем, в начале XX в., телесные наказания на флоте практически не применялись.

Специфика походных условий существенно сужала круг возможных мер пресечения правонарушений. В начале XX в. помещение на гауптвахту было наиболее распространенным явлением при выборе меры пресечения, но здесь необходимо сделать два важных замечания.

Во-первых, на кораблях Второй Тихоокеанской эскадры не было специализированных помещений типа «гауптвахта», поэтому арестованные содержались в обычных каютах под охраной. Впрочем, ввиду очень высокой температуры в замкнутых помещениях кораблей это наказание приводило к серьезным последствиям для здоровья, вплоть до заболевания как арестованного, так и часового [4, с. 185]. Кроме того, один из вспомогательных кораблей стал фактически плавучей тюрьмой, где содержались помещенные под арест.

Во-вторых, необходимо отметить сам процесс вынесения наказания. Некоторых, в частности, офицеров, оставляли под арестом до прибытия на Родину, где их должны были предать суду. Например, по приказу вице-адмирала З. П. Рожественского лейтенант Шмидт был отстранен от исполнения обязанностей старшего офицера транспорта «Иртыш» и посажен под арест в собственной каюте с приставлением часового с условием отдачи под суд по возвращении в Россию [1, с. 188–189]. Другой вариант — заседание судебной комиссии эскадры, которой заведовал обер-аудитор В. Э. Добровольский. Ввиду особенностей похода по распоряжению самого вице-адмирала З. П. Рожественского даже за тяжелые преступления не было вынесено ни одного смертного приговора. Однако были случаи, когда по решению судебной комиссии предусматривалось списание провинившегося с эскадры с отправкой его при удобном случае в Россию, причем, таковы случаи единичны.

Помимо гауптвахты провинившийся мог быть подвергнут выговору, его могли поставить под ружье на несколько часов, а в отдельных случаях перевести в разряд штрафованных.

В целом, на этом список наиболее распространенных на практике наказаний исчерпывается.

Как мы видим на основе проведенного исследования, самым распространенным наказанием являлось помещение на гауптвахту с последующей отправкой на Родину по мере возможности в зависимости от тяжести преступления. Наиболее распространенными преступлениями стало неподчинение вышестоящему командованию, нарушение субординации, нарушение дисциплины, а к концу похода — дезертир-

ство. Важно, что количественно преступления учащались в моменты стоянок и заходов в порты.

В настоящий момент вопрос о состоянии системы преступлений и наказаний на флоте в походных условиях остается в числе актуальных и требует более глубокого изучения с опорой на архивные источники, в том числе личного происхождения, которые находятся в фондах РГАВМФ.

Список литературы

1. Граф Г. К. Моряки. Очерки из жизни морского офицера. 1897–1905. М.: Вече, 2018. 336 с.

2. Данилов П. С. Преступления против военной службы в дореволюционном законодательстве России: историко-правовой анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 89–96

3. Политовский Е. С. Политовская С. От Либавы до Цусимы: письма к жене флагманского корабельного инженера 2-й Тихоокеанской эскадры Евгения Сигизмундовича Политовского. СПб.: Изд. тип. А. С. Суворина, 1906. 267 с.

4. Русско-Японская война 1904–1905 гг.: работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Кн. 6.: Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Петроград: типография Морского министерства., 1917. 248 с.

5. Свод Морских Постановлений. Кн. 16. СПб.: Тип. МВД, 1886. 143 с.

6. Харьковский Е. Л. Особенности системы наказаний на русском флоте в XVIII–XIX веках // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 44–48.

Ломако Петр Евгеньевич
Государственный социально-гуманитарный университет
Научный руководитель:
Галкина Ольга Игоревна, канд. ист. наук, доц.

Листовки анархистов в 1904–1907 гг.: тематика на примере прокламаций Белостокской группы.

Leaflets of anarchists in 1904–1907: the theme on the example of the proclamations of the Bialystok group.

Аннотация. В статье предпринята попытка собрать воедино все сведения о выпуске русскими анархистами листовок на территории Российской империи в годы Первой русской революции, а также рассмотрены листовки Белостокской группы анархистов, которые удалось обнаружить на данный момент.

Ключевые слова: анархисты; Первая русская революция; Белосток; листовки.

Abstract. The article attempts to gather together all the information about the issue of leaflets by Russian anarchists on the territory of the Russian Empire during the First Russian Revolution, and also examines the leaflets of the Bialystok group of anarchists that have been found at the moment.

Key words: anarchists; the First Russian Revolution; Bialystok; leaflets.

В изучении политической истории большую роль играют те источники, которые позволяют увидеть эволюцию взглядов представителей политической партии, течения на какой-либо вопрос политической или общественной жизни. Анархизм не является исключением. Помимо работ таких известных мыслителей данного политического направления, как М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин в истории анархизма были и менее заметные фигуры, от которых остались лишь письменные источники (газеты, журналы, листовки). Подобные тексты позволяют проанализировать малейшие изменения во взглядах анархистов, увидеть проблемы, волновавшие их в тот или иной момент времени.

До Революции 1917 г. большинство газет и журналов русских анархистов выходило в эмиграции в Европе и Америке. На территории же России чаще встречались листовки, которые были проще в изготовлении и распространении. Регулярный их выпуск начался в 1904 г., когда в Белостоке, Гродненской губернии, окрепли созданные годом ранее анархистские группы, а также возникли объединения в Одессе, Москве и других крупных городах [17, с. 111]. Пик издания прокламаций пришёл на начало Первой русской революции, после же этого события произошёл резкий спад (Рис. 1). Большую работу по вводу данного исторического источника в научный оборот проделал В. В. Кривенький, издавший в 1998–1999 гг. двухтомный сборник документов «Анархисты.

Документы и материалы». Однако в фондах российских архивов, в частности ГАРФ, до сих пор остаются неисследованные листовки русских анархистов. Также нет ни одной работы, где бы систематизировалась информация о воззваниях анархистов, выходявших на территории Российской империи, и рассматривалась бы тематика этих прокламаций. Без такой информации невозможно в полной мере осознать масштаб революционного движения в годы Первой русской революции и увидеть те аспекты, которые в наибольшей степени волновали анархистов тех лет. В настоящей статье мы частично постараемся восполнить обозначенный пробел, рассмотрим распространение листовок по территории Российской империи в 1904–1907 гг., а также темы, волновавшие анархистов в указанный временной промежуток на примере документов Белостокской группы анархистов.

Распределение городов, в которых анархисты выпускали свои листовки в 1904–1907 гг., по количеству этих печатных изданий, известных на данный момент, выглядит следующим образом¹:

Белосток — 29;

Москва — 21;

Одесса — 20;

Екатеринослав — 14;

Санкт-Петербург — 12;

Севастополь — 10;

Минск — 7;

Баку, Варшава, Киев — 5;

Вильно — 3;

Батум, Лодзь, Рига, Ружаны, Симферополь, Тифлис, Уфа, Харьков, Царицын — 2;

Гродно, Житомир, Иркутск, Каменец-Подольский, Ковно, Нежин, Николаевск, Новороссийск, Пинск, Рославль, Ростов-на-Дону, Сулин, Томск, Черкассы, Юрьев — 1.

Таким образом, в обозначенные годы листовки анархистов выходили в 35 городах Российской империи. Но в 15 из них вышло всего по одному изданию. Скорее всего, это было связано с деятельностью охранки, которая зорко следила за политическими настроениями в российском обществе. В географическом же плане почти все прокламации печатались в европейской части России, что, вероятно, связано с концентрацией в данном регионе промышленных центров и наличием крупных городов, в которых зачастую и возникали группы анархистов.

Самыми крупными центрами, как мы видим, были Москва как первая столица России и один из крупнейших городов империи, а также Белосток и Одесса, которые имели тесные связи с Западной Европой. Именно в Белостоке в 1904 г. была опубликована первая листовка, положившая начало целой серии печатных пропагандистских материа-

¹ Составлено по: [1, 2–16].

лов такого типа. В ней звучал призыв не останавливаться на лозунге «Долой самодержавие», а требовать уничтожения частной собственности и государства [1, с. 49–50], инструментом которого видели «конституции или республики» [1, с. 104–105]. Позже анархисты провозглашали: «Долой самодержавие, долой демократию, и да здравствует единое классовое насильственное движение пролетариата» [1, с. 50–52; 6; 15]. Формой этого движения виделись всевозможные стачки «для определенных улучшений», но эти мероприятия «не могут и не должны быть мирными», а должны быть «военными» [1, с. 52–54; 3; 4]. Также белостокские анархисты с началом Русско-японской войны призывали рабочих сражаться против буржуазии, посылая свои силы не на поля сражений, а на борьбу с капитализмом, а те из пролетариев, «которые находятся в армии, должны там агитировать, пользоваться накопившей среди солдат злобой, чтобы проявить ее бунтом, открытым отказом от требований начальников» [1, с. 54–56]. Среди рабочих проводилась просветительская работа, им разъяснялась суть анархического коммунизма, объяснялись цели и средства борьбы анархистов [1, с. 56–58; 10], а крестьянам рассказывали, почему надо бить помещиков и жечь их имущество [1, с. 52–54; 11]. Издатели из Белостока приветствовали различные акты покушения на представителей власти [5; 8; 12; 14; 16, с. 56–58, 95–96, 105–106, 111–112], осуждая ответные действия властей [1, с. 107–108; 2; 7]. В своих воззваниях белостокские анархисты призывали объединяться с рабочими солдат [1, с. 108–110; 13] и крестьян [1, с. 110–111]. Рабочих анархисты осуждали за антисемитизм, требовали не сеять раздор среди пролетариата, аргументируя это тем, что «великое дело освобождения рабочего класса от гнёта капитала и государства возможно только тогда, когда в рабочей семье не будет национальных раздоров» [9]. На наш взгляд, интерес для исследователей представляет «Манифест русских анархистов по поводу рождения наследника», в котором анархисты обращались к «голодным крестьянам ... к жертвам, которые были повешены, расстреляны и замучены в казематах ... к тысячам пленных, сосланных и закованных в кандалы ... ко всем жертвам одиннадцатилетнего царствования Николая». После описания злодеяний царствования Николая II анархисты призывали «показать ... новому властелину ... тысячи жертв правительства» [16]. Таким образом, основная тематика прокламаций белостокских анархистов в основном сводилась к призывам участвовать в революционной борьбе. Кроме этого, рабочих агитировали к сплочению рядов, к объединению в борьбе с солдатами и крестьянами. Такая же тематика наблюдалась и в листовках анархистов в других городах Российской империи. Однако после Первой русской революции Белостокский центр анархизма, как и многие другие, прекратил своё существование, что было связано с массовыми арестами после революции, а также отъездом многих лидеров анархистов за рубеж. Новый пик, но гораздо меньший по силе, пришёлся на 1915 г., когда рабочие стали уставать от затягивающейся Первой

мировой войны, однако пролетариат Белостока уже не принимал в этих событиях участия.

В целом рассмотренный нами центр очень похож на одесский: оба возникли в 1904 г., прекратили своё существование с окончанием Первой русской революции и в дальнейшем не играли заметной роли в русском анархическом движении, уступив место Москве, Санкт-Петербургу и другим среднерусским городам. Это говорит о том, что анархисты внутри Российской империи стали более самостоятельными, перестали ориентироваться на своих товарищей за границей, в то время как группы Белостока и Одессы во многом опирались на русских анархистов в Западной Европе. Спецификой же работы анархистов Белостока стал быстрый рост количества выпущенных прокламаций в 1904 г. (на данный момент их известно восемь, в то время как в Одессе — лишь четыре). Особенностью Белостокского центра также стал быстрый разгром в 1907 г., когда было написано лишь три воззвания против, например, десяти в Севастополе или пяти в Одессе.

Таким образом, активность революционных сил была связана с крупными событиями, затрагивающими условия труда и жизни рабочих. Такими событиями выступили Русско-японская война и последовавшая за ней Первая русская революция, таким потрясением для общества стала и Первая мировая война.

Список литературы

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. / Сост. В. В. Кривенький. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 704 с.
2. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 3. Д. Листовка с надписью «Организация Белостокской забастовки и мститель за друзей и товарищей» в связи с казнью двух анархистов. 2 л.
3. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Гект. пр. Белосток. Гр. анарх.-комм. «Тов. раб.! Важный историч. момент». 1 л.
4. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Гект. пр. Белосток. Гр. анарх.-коммун. «Тов.-раю! Буржуазия ликует...». 1 л.
5. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Гект. пр. гр. Русских анархистов-коммунистов «К рабочим г. Белостока. Один из рабочих...». 1 л.
6. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Гект. пр. Группа русс. Анарх.-Комм. «К рабочим! Тов.! Скоро кончится год в тех пор...». 1 л.
7. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Гект. пр. Ко всем рабочим. Во время. царят. реакц... Белостокск. группа анархист. коммунист. 1907 г. 1 л.
8. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Печ. пр. Анархисты-Комм. Белосток. Гр. «Памяти павшего товарища...». 1 л.
9. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Печ. пр. Белосток. Гр. Анарх. Комм. Ко всем христианск. рабочим! 1 л.
10. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Печ. пр. Белостокск. гр. Анарх.-коммун. 1 л.

11. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Печ. прокл. Белостокская группа анарх-ком. (общинников). Типогр. «Анархия». 1 л.

12. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Печат. пр. Борец за анарх. Ещё одна жертва Анархий. (Белостокск. груп. Анарх. Коммунист. 1907 г.). 1 л.

13. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Печат. пр. Ко всем солдатам. Братья Солдаты. Подумали ли вы уже о том... (Анарх. общин.). 1 л.

14. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. Пиш. маш. пр. Анархист.-Комм. Белосток. Гр. «Заявление. Понедельник, 12 марта, 9 часов вечера...». 1 л.

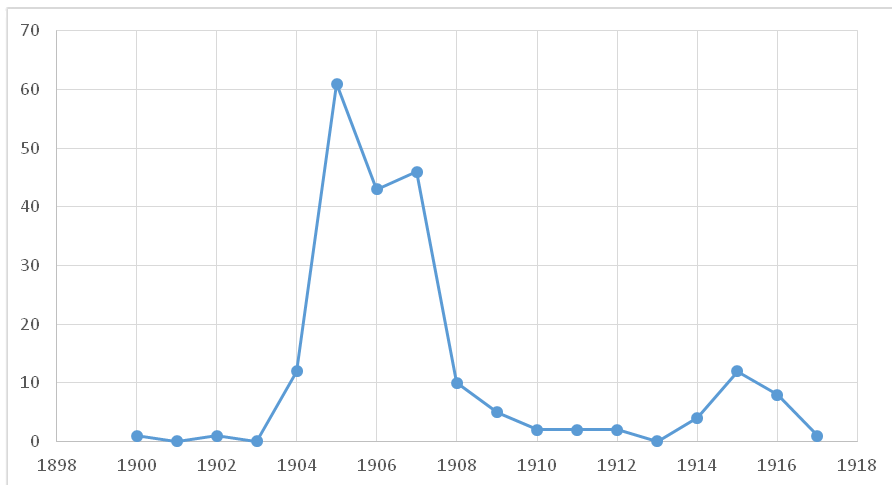
15. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 3. Д. Ко всем рабочим. \братья рабочие! На многострадальном пути... Подпись: Белостокская группа анархистов-коммунистов. Типография «Анархия». 1 л.

16. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 3. Д. Манифест русских анархистов по поводу рождения наследника. Подпись: интернациональная группа «Борьба» Гектограф. 1 экз. 2 л.

17. Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 430 с.

Приложения

Рис. 1. Выпуск анархистами листовок на территории Российской империи в 1900 – феврале 1917 г. по сохранившимся материалам.

Абрамова Мария Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Иванов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф.

**И. Г. Церетели как политик и оратор II Государственной Думы
(по воспоминаниям современников)**

**I. G. Tsereteli as a politician and speaker of the Second Duma
(on the memoirs of contemporaries)**

Аннотация. В статье рассмотрены высказывания современников о политической деятельности меньшевистского деятеля и левого депутата И. Г. Церетели в рамках деятельности II Государственной думы; проанализированы ораторские приёмы, использовавшиеся И. Г. Церетели в публичном пространстве заседаний, а также их влияние на формирование его политического имиджа и образа в глазах общественности.

Ключевые слова: И. Г. Церетели, II Государственная дума, парламентаризм, социал-демократы, меньшевики, ораторы России.

Abstract. The article deals with contemporaries' statements about political activity of Menshevik functioner and left deputy I. G. Tsereteli during the Second State Duma; the article analyses speaking devices, used by I. G. Tsereteli inside of public sphere of the Duma's sessions, and its influence on political image among the general public.

Key words: I. G. Tsereteli; the Second Duma; parliamentarism; Social Democrats; Mensheviks; speakers of Russia.

«Звездный час» грузинского меньшевика Ираклия Георгиевича Церетели (1881–1959 гг.), по справедливому замечанию исследователей социал-демократии [3, с. 187], выпал на революцию 1917 г. — за несколько месяцев бывший каторжанин превратился в одного из главных лидеров и идеологов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, министра почт и телеграфов, а затем и министра внутренних дел. Однако всероссийскую известность И. Г. Церетели приобрел себе ранее благодаря политической деятельности и выступлениям на пленарных заседаниях российского парламента в ходе работы II Государственной думы.

По отзывам современников, именно радикальный ответ на декларацию П. А. Столыпина от 6 марта 1907 г. сделал И. Г. Церетели знаменитым на всю страну: «Речь Церетели — большое событие. Она — серьезная опасность для страны. Напечатанная в миллионе экземпляров, разнесенная по всей стране, она упадет в миллион точек, как горящая головня, и если не везде, то кое-где найдет горючий материал...» [10, с. 352]. По словам же журналиста А. Цитрона, «...в эту минуту

Церетели был не оратором, выставленным фракцией социал-демократов, а трибуном, говорившим от имени всего народа» [14, с. 38].

В данном контексте представляется интересным рассмотреть отношение современников к Церетели-оратору и Церетели-политику в рамках деятельности II Государственной думы; проследить, как его политическая деятельность и речи воспринимались другими думскими депутатами, однопартийцами и общественностью. Исследование риторической тактики оратора позволяет сделать наблюдения относительно репрезентации образа лидера — Церетели был главой относительно небольшой, но самостоятельной думской фракции социал-демократов в Думе, а уже в годы революции 1917 г. — одним из крупнейших политиков, чьи публичные выступления играли не последнюю роль в конструировании политических настроений масс. Штрихи к личностному портрету И. Г. Церетели позволят лучше очертить думский этап его биографии.

Несмотря на восточный акцент, часто вызывавший комический эффект у публики [10, с. 352], многие свидетели думских выступлений И. Г. Церетели признавали его высокие ораторские данные. Депутат Думы I созыва и видный грузинский меньшевик Ной Жордания вспоминал, что «Ираклий Церетели, правда, оказался большим оратором <...> мы с этой стороны его не знали» [8, с. 51], однако замечал, что ко всем выступлениям молодой депутат тщательно готовился: заранее писал речи, а затем вычитывал их перед товарищами по фракции¹. Признавал «красоту и благородство» мартовской речи Церетели и председатель Думы Ф. А. Головин, в то же время акцентируя внимание на ее слабости по сравнению с речью Столыпина [2, с. 154].

Не все разделяли пиетет по поводу ораторской манеры И. Г. Церетели и его выступлений с думской кафедры — политические противники из правого лагеря не питали симпатий как к самому левому депутату, так и к его речам. В памфлете И. Я. Гурлянда можно обнаружить следующие нелестные строки: «Голос его звучал глухо, но то, что он говорил, в такой мере было несправедливо, односторонне, в такой мере казалось проникнутым злобой и ненавистью, что поневоле его сначала слушали. А он только этого и добивался» [10, с. 352].

Выдержка из воспоминаний И. Я. Гурлянда, опубликованных под псевдонимом Васильев, рисует и вовсе карикатурный образ левого депутата: «Ему бы [Церетели] ходить в плаще, в шляпе со страусовым пером, опираясь на тяжелый меч, которым он собственноручно разит тех из своих товарищей, кто изменяет клятве или обнаруживает трусость, или проявляет неповиновение атаману» [1, с. 77]. Показательным является тот факт, что, называя И. Г. Церетели узколобым «политическим сектантом», Васильев (Гурлянд) все же отмечал силу воздействия

¹ Заметим, что знаменитый ответ от имени социал-демократов на декларацию правительства был импровизированным, поскольку заранее приготовленный текст Церетели посчитал неудачным.

его речей на публику [1, с. 76]. Более того: по мнению мемуариста, И. Г. Церетели единственный «стоил внимания», выгодно отличаясь от товарищей своей культурностью, тонкостью и тактичностью, а также готовностью пожертвовать не только «чужими головами», но и своей собственной. Это позволяет сделать вывод о лидерских качествах, которые, по мнению современников, качественно выделяли И. Г. Церетели на фоне его коллег по фракции.

Противоречиво отзывался о левом депутате А. С. Суворин, с сожалением констатируя, что «самым талантливым и искренним человеком в ней [II Думе] был грузин Церетели. Это — горькая правда, и ее нечего скрывать. Если бы у него было столько же ума, сколько таланта и чувства, он не попал бы на скамью подсудимых» [12, с. 340]. Схожее настроение передают и слова из «Нового времени»: «Нисколько не соглашаясь с мертвой прямолинейностью его [Церетели] революционной мысли, рвущейся точно из вулкана, все-таки поддаешься впечатлению этой бурной силы. Даже под типографской краской чувствуешь эту пламенную злобу, и ловишь себя на мысли: как жаль, что он не прав!» [11, с. 1]. Таким образом, подмечая идеологическую «неправоту» и «злобу» речей И. Г. Церетели, оппоненты все же отдавали должное его политической страстности и ораторской даровитости.

Безусловные лидерские черты грузинского депутата отмечала кадетская «Речь». Орган конституционно-демократической партии в регулярной рубрике «Думский день» комментировал выступления И. Г. Церетели, красочно описывая его внешние данные, «цепляющие взгляд» и то впечатление, которое производил на потенциального слушателя депутат из левого лагеря: «С тонким, смуглым лицом и глубоко сидящими черными, “мягкими” глазами, стройный и тонкий, он производит впечатление очень умного, твердого и решительного человека. Это признанный лидер фракции и, говорят, что только благодаря его настойчивости и ловкости удается сдержать в одной группе такие разнородные величины, как меньшевики и большевики» [5, с. 1]. В этом же номере кадеты давали оценку И. Г. Церетели как «лучшему оратору от социал-демократов» [5, с. 1].

Часто упоминалась и сила убеждения И. Г. Церетели, его магнетическое влияние на публику: «Он приковывает к себе внимание, совершенно независимо от того, что он говорит, — своей искренностью, переходящей в фанатизм, и твердостью <...> это говорится с такой молодой горячей верой и черные глаза на смуглом серьезном лице так блестят, что нельзя не испытывать в нему влечения» [7, с. 3]. «Церетели всегда хороший оратор; он ясен, находчив, не многословен и содержателен. Но главная его сила была в “убежденности”, которую все инстинктивно чувствовали...» [9, с. 59], — такую характеристику его ораторским качествам давал кадет В. А. Маклаков в своих воспоминаниях.

Интересно, что при всей своей «горячности» и «пылкости» в публичных выступлениях И. Г. Церетели заслужил славу политика «спокойного, сдержанного, безукоризненно корректного» [6, с. 7]. Поэтому внезапный поворот в сторону демагогии и «антипарламентского» поведения левого политика «Речь» связывала с «вредным влиянием большевиков» и сетовала на «неузнаваемость» «умного и спокойного Церетели» [6, с. 7].

Третьеиюньский переворот, разгон Думы и последующий суд над фракцией социал-демократов не только не разрушили, а скорее приумножили политический капитал лидера социал-демократической фракции И. Г. Церетели. В своих воспоминаниях видная деятельница кадетской партии А. В. Тыркова-Вильямс и вовсе назвала речь И. Г. Церетели на последнем заседании Думы его лучшей думской речью и сравнила «молодого красавца-грузина» с «орленком, отбивающимся от охотников» [13, с. 330].

Подводя итоги, можно сказать, что И. Г. Церетели вызывал закономерный интерес со стороны современников и как думский политик, и как думский оратор — его радикальные и яркие выступления не оставляли публику равнодушной, о чем свидетельствуют характерные высказывания мемуаристов и журналистов. Также отметим, что истоки образов И. Г. Церетели как «благородного», «порядочного», «честного», «прямолинейного» политика, «народного избранника» и «борца за свободу», активно продвигавшиеся в революционной печати 1917 г., стоит искать как раз в общественных впечатлениях, полученных во время его думской деятельности; именно выступления в рамках II Государственной думы создали в глазах современников тот политический авторитет и славу «легендарного» оратора, которые содействовали стремительному росту популярности И. Г. Церетели после Февральской революции [3, с. 187].

Список литературы

1. Васильев Н. П. Вторая Дума. СПб.: 1907. 96 с.
2. Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. №4. С. 132–181.
3. Галили З., Ненароков А. П. Церетели // Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 184–192.
4. Герье В. И. Вторая Государственная дума. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1907. 379 с.
5. Думский день // Речь. 1907. 7 марта.
6. Думский день // Речь. 1907. 18 апреля.
7. Думский день // Речь. 1907. 27 мая.
8. Жордания Н. Н. Моя жизнь = My life / Пер. с груз. И. Жордания. Stanford: The Hoover institution on war, revolution and peace, 1968. 130 с.

9. Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума: Воспоминания современника. Париж: Б. и., 260 с.

10. Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.). Т. 1. СПб.: СЗАГС Образование-культура, 2004. 398 с.

11. Печать // Речь. 1907. 9 марта.

12. Суворин А. С. Дневник А. С. Суворина. М.: Издательство Л. Д. Френкель. 1923. 407 с.

13. Тыркова А. В. На путях к свободе: Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 432 с.

14. Цитрон А. Л. 103 дня Второй думы. СПб.: Дум. трибуна, 1907. 188 с.

VIII. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Цветкова Екатерина Алексеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Бахматова Марина Николаевна, канд. ист. наук, доц.

Проблемы марксистского понимания освобождения женщин

Problems of the Marxist understanding of women's liberation

Аннотация. В данной статье автор освещает основные проблемы и противоречия марксистской концепции женского освобождения. Рассматриваются взгляды марксистов на происхождение гендерного неравенства, решение проблемы «сходства–различия» и возможность эмансипации женщин.

Ключевые слова: социалистический феминизм; женский вопрос; Энгельс; Бебель; Коллонтай.

Abstract. The work deals with the main problems and contradictions of the Marxist concept of women's liberation. The views of Marxists on the origin of gender inequality, the solution of the problem of «similarity–difference» and the possibility of women's emancipation are considered.

Key words: socialist feminism; women's issue; Engels; Bebel; Kollontai.

Сам по себе женский вопрос в марксистских исследованиях никогда не выделялся, женская проблема не выделялась марксистам глобальной, и поэтому была подчиненной и вторичной. С 1930 г. женский вопрос в СССР считался решенным [9, р. 465; 8]. В соответствии с официальной идеологией в работах советских историков решение женского вопроса не могло быть рассмотрено критически. Что касается работ постсоветских исследователей, они нередко обращаются к истокам идей о женской эмансипации и проблемам решения женского вопроса в России. Теперь женский вопрос изучается в качестве самостоятельного субъекта общественных изменений.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс, хотя и признавали угнетенное положение женщины, профеминистами не были. Они никогда специально не занимались женским вопросом и не выделяли его. На отношения между полами они смотрели через призму материалистического понимания истории. Согласно Марксу, где властвуют отношения частной собственности, отношения между мужчиной и женщиной так же являются объектом торговли; женщина покупается и продается [11, р. 44]. Маркс признавал, цитируя Фурье, что общественный прогресс общества определяется по общественному положению женщин в этом обществе, шутливо добавляя: «дурнушек в том числе» [8, р. 2].

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс пишет, что в первобытном обществе существовало равенство полов, а происхождение определялось по материнской линии. Далее он замечает, что появляется частная собственность и вместе с ней появляется моногамная семья, которая служила для передачи наследства потомкам (законным сыновьям), и женщина оказывалась закабалена в семье [10, р. 73–79]. Почему-то именно в этот момент разделение труда оказалось решающим, и женщина стала экономически зависимой от мужчины. Так, исследовательница Воронина задается вопросом: «... если до возникновения частной собственности общество было матриархальным и матрилинейным, то почему бы этой собственности не концентрироваться в руках женщин?» [3, р. 213].

В соответствии с теорией Энгельса вопрос эмансипации женщин мог быть решен очень просто: нужно было всего лишь устранить первопричину, коей являлась частная собственность. Энгельс не дает ответа на множество вопросов, связанных с возникновением моногамной семьи. Момент передачи собственности наследнику мыслится теоретиками марксизма крайне важным, все-таки это — причина формирования моногамной семьи. Однако, почему было настолько важно передать собственность и что является определяющим в этом действии — сам момент передачи или наследник, его кровное родство с владельцем собственности или пол — Энгельсом не объясняется [3, р. 213]. Остается неясным, было ли желание передать собственность альтруистическим актом или совершенно напротив.

Воронина также справедливо замечает, что первая форма собственности — это рабство в семье. Жена и дети — рабы мужчины, он мог свободно распоряжаться их рабочей силой. Марксисты выделяли классовый, то есть вертикальный, характер отношений власти и собственности. Рабство женщин в семье ими не учитывалось, ведь оно имело не классовый, вертикальный характер, а горизонтальный, где вектор власти был направлен от мужчины к женщине, труд которой он себе присваивал [3, р. 215].

Когда мы исследуем социалистический феминизм, мы говорим о примате классового подхода во всем. При таком подходе не рассматривается антагонизм между женщинами и мужчинами, анализируется лишь классовый антагонизм. Когда Александра Коллонтай в своих работах нападала на деятельность феминисток-«равноправок», она как бы говорила о том, что у пролетарской женщины намного больше общего с пролетариатом-мужчиной, чем с буржуазной женщиной. Она утверждала, что женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря. Один примыкает к буржуазным классам, а другой тесно связан с пролетариатом. Если признавать не только классовый антагонизм, но и антагонизм полов, становится понятным, что с устранением верти-

кальных отношений положение женщины остается прежним, потому что мужчины продолжают владеть рабочей силой женщин.

На наш взгляд, главной проблемой марксистской концепции освобождения женщин является ее подчинение «глобальным», классовым задачам. Для марксистов не существовало особых женских интересов, которые отличались бы от интересов пролетариата. В центре, таким образом, стояла не тема женского самосознания, а тема женского труда [8, р. 3].

Главным актором для марксистов являлся мужчина–пролетарий, к нему они и обращались. Проблема уравнивания женщин в правах с мужчиной — не решение личностной темы, не перестройка отношений между полами. Решение этой проблемы должно было произойти через уравнивание женщин в правах с мужчиной на производстве в качестве трудовой силы. Женщина для марксистов — это все та же массовая рабочая и социальная сила. Маркс, по утверждению Пушкаревой, «и мысли не допускал о том, что женщины как социальная группа могут иметь цели и интересы, противоположные интересам мужчин» [8, р. 5]. Ленин так же отрицательно относился к подобным идеям, потому как они могли расколоть рабочее движение. Сепаратизм женских организаций казался марксистам вредным буржуазным явлением. Александра Коллонтай, хотя видела несомненную важность в решении женского вопроса и была носителем феминистских идей, считала феминизм угрозой социалистическому движению, поэтому в отношении «равноправок» была настроена решительно.

Вопрос о том, по какой схеме решать проблему «сходство–различие» определялся марксистами через достижение схождения. Черты и атрибуты, отмеченные как женские, критиковались, в чем можно усмотреть глубокую мизогинию. Женщин марксисты в целом характеризовали как «отсталый элемент», суеверный, невежественный, склонный к сохранению существующего положения вещей. Бебель перечисляет следующие порицаемые свойства женского характера: любовь к сплетням и болтовне, стремление вести бесконечные разговоры о ничтожных и незначительных вещах и т. д. [2, р. 193–194]. Вместо этих качеств в женщине, как, собственно, и в мужчине, должны воспитываться сила и мужество. В концепции Коллонтай «новая женщина» должна отказаться от качеств, обыкновенно приписываемых женщине [6, р. 30]. В новом обществе традиционные «женские добродетели» в виде податливости и мягкости оказываются даже не лишними, но вредными, ведь для выполнения своей социальной миссии рабочему классу нужна была новая женщина — уверенная, восставшая личность. Женщина, таким образом, должна была измениться по мужскому образцу. Только беременность отличала «новую женщину» от мужчины.

Большевики, за исключением Александры Коллонтай, не написали ничего оригинального на тему женской эмансипации. Тем не менее,

Ленин был убежден в необходимости равноправия мужчин и женщин. Поддержка коммунистического правительства и Ленина в частности помогала распространению идей марксистских феминисток [4, р. 40–41]. Однако, на наш взгляд, Ленин не видел разницы между политическим равенством и равенством вообще. В этом ему противостоял Троцкий. Он понимал, что равноправия внутри семьи достичь бесконечно труднее, чем политического равенства. Вопрос сексуальности так же мало занимал Ленина. С одной стороны, он высказывался против аскетизма и ханженства, осуждал буржуазную мораль. С другой стороны, он враждебно относился к любым теориям пола и сексуальности, ведь «растрата сексуальной энергии» могла отвлечь от революционной борьбы [7, р. 213]. Большинство марксистов негативно относилось к сексу ради секса. Ленин не признавал сексуальной свободы. «Серьезность в любви» была для него очень важна. Игорь Кон замечает, что у Ленина «представления о «норме» вполне викторианские», что Ленин — человек «жесткого пуританского склада» [7, р. 214].

Работы Коллонтай базировались на трудах Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и Бебеля «Женщина и социализм». Коллонтай опасалась чрезмерного влияния феминистского движения на женщин, поэтому, посредством написания теоретических работ, постаралась в них обратить внимание на специфические проблемы работниц, чтобы затем создать женское пролетарское движение на основе марксистской идеологии. Именно тем и интересна Коллонтай, что она пыталась распространить марксистскую теорию на сферы жизни, которые прежде считались теоретически и практически неважными.

Работы Коллонтай не столько теоретические, сколько агитационно-пропагандистские. Стайтс считает, что исторический и экономический анализ женского вопроса в труде «Социальные основы женского вопроса» дан очень абстрактно, что Коллонтай сильно преувеличила значение участия работниц в фабричных забастовках [9, с. 582–583]. Ей это было нужно, чтобы придать значимость своему проекту по созданию женского рабочего движения. «Социальные основы женского вопроса» — это жесткая критика феминистской повестки с целью дискредитировать движение «равноправок», обращая внимание на то, как решается женский вопрос в социалистическом духе. Несмотря на свою ненависть к «равноправкам», Коллонтай все же перехватывала у них многие темы и дискурсы. Она воспроизводила многие их сюжеты на марксистский лад и вводила их в повестку партии.

Итак, любое обособление женского вопроса виделось марксистам крайне вредным и опасным явлением. Всегда и во всем должны были учитываться интересы класса, а не индивида. Если женские проблемы каким-либо образом отделялись от проблем пролетарских, то партии это не нравилось. Теоретики марксизма никогда не обращались к жен-

ским проблемам и не разрабатывали пути их решения, они не видели антагонизма между мужчиной и женщиной. Коллонтай больше обращалась к женским проблемам, но ее идеи не были новыми, она не противостояла главной линии партии.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/o2_1.htm (дата обращения: 04.11.2021).
2. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 596 с.
3. Воронина О. Женщина и социализм. Опыт феминистского анализа. // Феминизм: Восток. Запад. Россия: Сборник статей / М. Т. Степанянц (отв. ред). М., 1993. С. 205–225.
4. Говряков И. Ю. «Женский вопрос» в советской публицистике 1920–х гг.: Дисс. ... канд. фил. наук. М., 2015. 204 с.
5. Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Знание, 1909. 431 с.
6. Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК сов. р. к. и к. д., 1919. 61 с.
7. Кон И. С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 608 с.
8. Пушкарева Н. Л. «Женский» вопрос в теории марксизма (Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастлив?) // Женщина в российском обществе. 2002. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-v-teorii-marksizma-pochemu-brak-marksizma-s-feminizmom-okazalsya-neschastlivym> (дата обращения: 04.11.2021).
9. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1913 / Пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой. М.: РОССПЭН, 2004. 614 с.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: РОССПЭН, 1982. 238 с.
11. Vogel L. Marxism and the Oppression of Women: toward a unitary theory. Brill, 2013. 208 с.

Снегирёв Алексей Александрович
Воронежский государственный университет
Научный руководитель:
Карпачев Михаил Дмитриевич, д-р ист. наук, проф.

**Станция Лиски в «красновский» период Гражданской войны
по воспоминаниям белогвардейцев**

**Liski station in the «Krasnovsky» period of the Civil War according
to the memoirs of the White Guards**

Аннотация. В статье приводится попытка систематизации упоминаний о ходе боевых действий у железнодорожной станции Лиски в конце 1918 г. в воспоминаниях белых генералов и офицеров. На основе этого проводится сравнительный анализ данных упоминаний. Подчеркивается стратегическая важность станции Лиски для белых как развилки, соединяющей все стороны света европейской территории России.

Ключевые слова: железнодорожная станция Лиски; Гражданская война в России; Донская армия; Южная армия.

Abstract. The article presents an attempt to systematize references to the course of hostilities at the Liski railway station at the end of 1918 in the memoirs of White Guard generals and officers. Based on this, a comparative analysis of these mentions is carried out. The strategic importance of the Liski station for White Guards as a fork connecting the center, south, east and west of the European territory of Russia is emphasized.

Key words: Liski railway station; Civil War in Russia; Don Army; Southern Army.

До сих пор заявленная в названии статьи тема не становилась предметом специального разбора в трудах местных краеведов и историков–специалистов. Отдельные примечания о боях у станции Лиски в 1918 г. встречаются в работах краеведческого характера, однако они основаны в основном на советских источниках и носят фрагментарный характер [1, с. 144; 7]. Самые близкие по тематике труды написаны А. В. Посадским, однако в них описывается история боевых действий белогвардейских воинских частей, некоторые из которых так или иначе принимали участие в боях за Лиски, цельной же картины событий в этом районе в конце 1918 г. мы не обнаружим [9; 10]. Обозначим теперь основные источники данной статьи.

Начать следует с работы атамана П. Н. Краснова, затем обратимся к воспоминаниям его начальника штаба И. А. Полякова [6; 8]. Также обратимся к труду В. В. Добрынина, работника штаба Донской армии [3]. Особняком стоит очерк П. И. Залесского о Южной армии, как подразделения, не входившего непосредственно в состав Донской армии, но при этом сражавшегося бок о бок с донцами [4]. Важнейшее место за-

нимают воспоминания полковника И. Н. Коноводова [5]. Упоминаются в статье и отрывки из дневника неизвестного офицера Южной армии, приведённые в одной из красноармейских газет [2]. Также внимание уделено отрывку из беллетризованных мемуаров Н. А. Раевского, бою с большевиками в составе Южной армии [11].

Несколько слов необходимо сказать о положении станции Лиски в системе путей сообщения Юго-Восточной железной дороги. Только в этом пункте две основные магистрали — направления Воронеж-Ростов-на-Дону и Балашов-Харьков пересекаются, что даёт возможность транспортировки войск во все четыре стороны света. Нельзя забывать о том, что в отличие от Первой Мировой, боевые действия в Гражданскую войну носили маневренный характер, и обладание железнодорожными узловыми станциями имело решающее значение в противостоянии сторон. В одной из статей А. В. Посадского находим, что воронежские земли «Дон стремился присоединить, прежде всего, по стратегическим соображениям (владение узловыми станциями)...» [10, с. 252]. Пospорить с этим утверждением нельзя. Перейдём теперь непосредственно к свидетельствам белых о боях за Лиски в 1918 г.

Порядок рассмотрения их определяется здесь старшинством звания автора на осень 1918 г. Поэтому обратимся сначала к работе П. Н. Краснова. Здесь упоминание о станции следует в контексте уже свершившегося её захвата: «Донские части... 10 ноября (*по старому стилю* — прим. А. С.) штурмом заняли важный железнодорожный узел — станцию Лиски» [6, с. 325]. Здесь же говорится и об оставлении Лисок, причина этого состоит в потребности отвести казачьи части для защиты Хопёрского округа, однако здесь Краснов сам себе противоречит: 10 ноября взяты Лиски, и в это же время красные были выбиты из Похопёрья. Казачьи части действительно в тот момент ушли из Лисок, красные на короткое время снова заняли город, однако скоро он вновь перешёл под контроль белых — только теперь уже Южной армии, о чем будет сказано ниже. Но этот факт выпадает из повествования П. Н. Краснова. Дальнейшие упоминания Краснова о Лисках связаны не с боями у станции, а лишь с грядущими планами донского командования [6, с. 416].

В книге И. А. Полякова также встречаются строки о том, что Лиски были взяты 10 ноября «энергичным налётом», при этом указывается, что на станции «были сосредоточены большевистские военные запасы», хотя и не уточняется, какие [8, с. 302]. В отличие от Краснова Поляков информирует об оставлении в Лисках после ухода оттуда казаков заслона из частей Южной армии, однако так же, как и Краснов, повторяет тезис о переброске казачьих полков в Хопёрский округ в тот момент, когда он по идее должен был быть уже очищен от большевиков [8, с. 304]. Отметил донской начштаба и тот факт, что крах фронта у

Лисок в декабре 1918 г. произошёл из-за самовольного оставления позиций Верхнедонским, Казанским и Мигулинским полками [8, с. 330].

Крайне интересные сведения есть в работе П. И. Залесского. Так, он говорит, что 10 ноября части Южной армии выступили в направлении на Лиски, даже дошли до них, «но так как к тому времени казаки уже оставили Лиски, то и нестойкие части Южной армии не задержались на занятых пунктах и... двинулись назад...» [4, с. 249]. Очевидно, что именно на этот период выпадает кратковременное занятие красными Лисок, однако нельзя установить, дошли ли части Южной армии до станции, или же, не дойдя до неё, отступили. Связано это, возможно, с тем, что сам Залесский далее Кантемировки и Митрофановки (исходя из текста его очерка) не бывал. Позднее, во время декабрьского прорыва казаков к Борисоглебску, Южная армия вновь перешла в наступление, но в тексте Залесского снова прямо не говорится, вступили ли её части в Лиски, или нет [4, с. 254]. Мы можем утвердительно ответить на этот вопрос, опираясь уже на источники красных, которые гласят, что только 4 декабря белые окончательно оставили станцию [1, с. 144].

Самое незначительное по объёму упоминание о станции Лиски находим у В. В. Добрынина [3, с. 62]. Однако он много места уделил причинам развала фронта в этом районе, поставив на первое место советскую пропаганду, а затем — неудачу с Южной армией, о чём Краснов и Поляков писали значительно меньше.

Наиболее внушительная по объёму информация о боях за Лиски осенью 1918 г. встречается в воспоминаниях И. Н. Коноводова, непосредственно командовавшего Гундоровским казачьим полком во время штурма станции. Трудно переоценить важность этого источника для данного исследования. Крайне эмоционально описывается каждое боевое действие того или иного соединения со стороны белых. Возможным становится установить названия казачьих полков, участвовавших в захвате Лисок: помимо Гундоровского, это были Мешковский и Верхне-Донской полки. Степень участия последнего в штурме трудно представить, т.к. Коноводов испытывал неприязнь к полковнику Сергеенкову, командовавшему верхнедонцами, из-за чего Коноводов фактически ничего не упоминает о действиях этого соединения, кроме того, что оно раньше появилось у станции, но не решалось самостоятельно штурмовать её [5]. Представляется возможным благодаря этому источнику подробно реконструировать ход событий у станции Лиски утром 10 ноября 1918 г., но только после обнаружения оставшейся части фрагмента из воспоминаний И. Н. Коноводова. В открытом доступе находится лишь их часть, обрывающаяся как раз на эпизоде взятия Лисок (а конкретно — переходе в атаку отдельных подразделений гундоровцев). Трудно представить, какая часть описания этого боя осталась за пределами фрагмента. Нельзя представить даже сам бой. Оставшаяся

часть фрагмента хранит за собою большие потенции. К сожалению, поиск этой части пока не увенчался успехом.

Отрывки из дневника офицера 80 Кабардинского полка Южной армии, захваченного в плен красными, дополняют написанное о Лисках П. И. Залесским. Хотя обстоятельства публикации этого дневника могут наталкивать на мысль о подделке, тон избранных для печати выдержек, на мой взгляд, вполне соответствует царившей тогда в Южной армии атмосфере упадка и дезорганизованности, о чём прямо пишет в своей работе Залесский. Вот как офицер характеризует успех гундоровцев у Лисок: «...Казачи сделали громадный прорыв у станции Лиски. Красные бегут, очищая фронт. Настроение у нас сразу поднялось» [2]. Характерно то, как в Южной армии восприняли казачий успех. Однако настроение — вещь не постоянная, и в той же записи фиксируется следующее: «Мы продвигаемся вперед 19 ноября часов в 7 вечера встретили разбитых наших сибиряков, которые брели кто куда. Оказывается, что их батальон разбит на голову верстах в 10–ти от нас... Они говорили, что красных 4 полка. Если это так, то нам может быть худо». Так как о 19 ноября речь идёт в прошедшем времени, можно понять, что запись была сделана не ранее 20 ноября — и это, по указанию автора газетной статьи, последняя запись в дневнике. Заметим, что 19 ноября части Южной армии только находились на пути к Лискам (казачи же взяли их ещё 10 ноября). Другая деталь — о разбитых сибиряках. Очевидно, что под ними имеется в виду Сибирский батальон Южной армии, проигранный бой которого 18 ноября у села Пухово ярко описан в работе Н. А. Раевского [11, с. 94]. Это село располагается в 20 км к югу от Лисок у железной дороги — прямо на пути Южной армии к станции. Возможно, что этот бой задержал белых на пути к Лискам, а в это время красные вновь кратковременно их заняли. Однако окончательно представить картину пребывания Южной армии в Лисках всё равно не представляется возможным.

Итак, бои за Лиски в конце 1918 г. определили обстановку на Северо-западном фронте Донской армии. Рассмотренные источники можно разделить на несколько групп: 1) Казачьи (сюда отнесём воспоминания П. Н. Краснова, И. А. Полякова, В. В. Добрынина, И. Н. Коноводова) — они наиболее объёмны, но в них представлен только момент захвата Лисок 10 ноября; 2) Источники, исходящие от Южной армии (воспоминания П. И. Залесского, фрагменты из дневника неизвестного офицера и воспоминаний Н. А. Раевского) — малочисленны, но содержат информацию по основному времени пребывания белых в Лисках. По источникам белых определяется время первого взятия Лисок, однако в них ничего не говорится о промежуточном оставлении и новом захвате, как и об окончательном отступлении от станции.

Список литературы

1. Афанасьев И. А. Лискиведение с древнейших времен до наших дней. Воронеж: компания «Талис», 2006. 448 с.
2. В Красновии // Звезда красноармейца. 1918. №9. URL: <https://voencomuezd.livejournal.com/1279092.html> (дата обращения: 1.11.2021).
3. Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920: (Очерк). Прага, 1921. 119 с.
4. Залесский П. И. Южная армия (краткий исторический очерк) // Донская летопись. 1924. №3. С. 232–260.
5. Коноводов И. Н. Генерал–лейтенант Андриан Константинович Гусельщиков (личные воспоминания) // Казачья жизнь. 1966. №161. С. 1–8.
6. Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское. М.: Айрис–пресс, 2003. 464 с.
7. Лаппо Д. Д. Воронежцы против белогвардейщины. Воронеж: изд-во ВГУ, 1971. 160 с.
8. Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962. 388 с.
9. Посадский А. В. Воронежский корпус Южной армии: война и настроения // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. №4. С. 82–115.
10. Посадский А. В. К истории неказачьих частей при Донской армии в 1918 – начале 1919 г // Военная история России XIX–XX в.. Материалы IX Международной военно–исторической конференции/Под ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. СПб: изд-во Санкт–Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2016. С. 252–262.
11. Раевский Н. А. Добровольцы. Повесть крымских дней. М.: Вече, 2007. 377 с.

Образы советской власти в визуальной пропаганде Белого движения во время Гражданской войны

Images of soviet power in the visual propaganda of the White movement during the Civil War

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации образа советской власти и образа большевика в визуальной пропаганде Белого движения. Рассматриваются основные клише и стереотипные образы, отобразённые на плакатах Белого движения во время Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война; пропаганда; революция; Белая армия; Красная армия.

Abstract: The article considers about representation of image of soviet power and image of bolshevik in the visual propaganda of the White movement. The article discusses the main clichés and stereotypical images on posters of the White movement during the Civil War in Russia.

Key words: Civil War; propaganda; revolution; White Army; Red Army.

Гражданская война в России (1917–1922) породила целый пласт пропагандистских материалов — листовок, плакатов, брошюр. Именно плакат является наиболее интересным для исследования типом визуальной пропаганды. Поскольку любой образ является своеобразным конструктом, необходимо расшифровать, какой посыл и идея стоят за ними. Необходимо выявить наиболее часто встречающиеся архетипы и клише.

Любой социальный конфликт неизбежно связан с дихотомиями «мы–они», «свой–чужой». Восприятие «чужого» может быть разным: от любопытства или безразличия — до неприятия. Если с «чужим» произошёл негативный контакт, «чужое» воспринимается как угрожающее «своему» [8, с. 58].

Ситуация опасности конструирует образ врага. Конструирование образа может проходить как в одностороннем порядке, так и во взаимовосприятии [9, с. 172]. Второй тип чаще встречается в военных конфликтах.

Образ — обобщённое представление о чём-то, наделённое схематичностью, элементами индивидуального восприятия и сильной эмоциональной окраской [7, с. 33].

Образ врага — это представления социального субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его ценностям, интересам или самому существованию. Эти представления формируются на

основе социально–исторического и индивидуального опыта, стереотипов и пропагандистского действия [6, с. 20].

Необходимо отметить, что в периоды социальных и политических потрясений происходит архаизация общественного сознания, которая сопровождается возрастанием роли политических символов [5, с. 18]. В такие периоды образы несут особое символическое значение.

Роль визуальных образов на формирование образа «другого» (образа врага) невозможно переоценить. В периоды войн или революций конструирование образа врага является неотъемлемой частью пропаганды и формирует коллективное представление о нём.

Противоборствующие стороны конфликта использовали разные образы и темы для конструирования коллективной идентичности. Образ врага транслируется через визуальные изображения и речевые конструкции. Одним из средств трансляции образа врага является плакат, представляющий собой лаконичное и законченное произведение.

Исследуя особенности «белого» плаката, можно выделить несколько его особенностей. Во–первых, одной из центральных линий является позиционирование врага как тёмной, демонической силы. Во–вторых, наиболее часто используются два образа: образ большевика–красноармейца и образ вождя. Интересно также отметить, что в белой агитационной графике (в отличие от плакатов коммунистических художников) отсутствует «герой» — акцент смещён на образ врага.

Период Гражданской войны для многих современников был связан с представлением о «конце истории» [1, с. 961]. Одной из ярких особенностей белогвардейского пропагандистского дискурса также является эсхатологическое представление о советской власти и демонизация большевика [4, с. 18]. В частности, «демонизации» наиболее часто подвергался образ Л. Д. Троцкого. На одном из плакатов Троцкий изображён в облике демона в королевской мантии, восседающего на горе из черепов (рис. 1:1). Подпись гласит: «Вот он, убийца женщин и детей!». На плакате «Мир и свобода в Совдепии» изображена демоническая гигантская фигура Троцкого, а под ним — люди, расстреливающие связанного человека (рис. 1:2).

«Вожди революции» изображались как мистически–демонические существа, ответственные за беды России. Существует известный плакат изображающих Ленина и Троцкого «комиссародержавцами» с «императорскими регалиями»: в руке Ленин держит не скипетр и державу, а руку скелета и земной шар. На головах у них пентаграммы (рис. 1:3).

Белогвардейская агитационная графика часто изображала советскую власть как неумелую, не способную к управлению. На плакате «Врачи больной России» Троцкий и Ленин выступают в роли некомпетентных врачей, а Россия — пациентка. В руке Ленина окровавленный нож, а из ран «России» хлыщет кровь (рис. 2:1). Плакат «Опора боль-

шевистского строя: как они его представляют; как есть на самом деле» изображает ослабленный большевизм в качестве огромной куклы на тонких ногах, опирающейся на подпорки.

Представления о большевизме как о силе, несущей смерть ярко отображены в визуальной пропаганде. Плакат Кучеровой «Что несёт народу большевизм» изображает большевизм как всадника апокалипсиса — смерть (рис. 2:2), что ещё раз подчёркивает ярко-выраженный эсхатологический характер представлений белогвардейцев о большевизме и революции. Карикатура «Сеятель» авторства А. Н. Воронецкого (рис. 2:3) представляет Ленина как «сеятеля смерти»: он идёт по полю и на земле вырастают черепа.

Популярным сюжетом агитационных плакатов была борьба большевиков с религией. Один из образов — матросы, прикуривающие от кадила («Большевики на Дону. Кошунства в Церкви»). Неоднократно подчёркивались бесчинства красных в отношении церковных реликвий и религии в целом — большевики представляли в образе вандалов и убийц, расстреливающих мирное население.

Религиозные символы и сюжеты использовались крайне часто. На одном из плакатов большевики ведут на Голгофу Христа, символизирующего Россию [2, с. 58]. Плакат содержит стихотворение:

*Через кровь и через трупов груды,
Лобызая в бледные уста,
Посылает снова внук Иуды
На Голгофу распинать Христа*

Под «внуком Иуды» на плакате выведен Троцкий.

Белое движение представляло себя в качестве силы света, руководимой Богом. На живописном плакате «Возмездие» (рис. 3:1) происходит изгнание большевиков в Ад. Плакат полон религиозных символов: архангел направляет белое движение, показаны мучения большевиков в Аду. Плакат примечателен тем, что разделён на три уровня и имеет иконографическую структуру. Помимо элементов стилистики иконы использовались и национальные архетипические образы: плакат ОСВАГа 1919 г. (рис. 3:2) воссоздаёт образ единой России, на котором богатырь убивает красного змея — образ перекликается с былинными и религиозными символами. Приближающееся «царство дьявола» на плакатах встречало отпор «светлых сил».

Образ советской власти должен был вызывать ужас, страх. Для этого использовался образ монстра, нечистой силы. Существует плакат, изображающий гигантское красное чудовище, крушащее город. Он не сопровождается подписью, но можно предположить, что это также символ советской власти. Похожий образ изображён на плакате «Так разрешён рабочий вопрос в Совдепии» (рис. 3:3) — на нём огромная красная

фигура человека крушит постройки города. Восприятие всеобъемлющего большевизма нашло отражение в образе «окровавленных щупалец, покушающихся на донские хлеба» (рис. 4:1). Аналогичное изображение встречается на плакате, изображающем окровавленную руку, тянущуюся за сибирским хлебом.

Многие плакаты представляют большевика как глупого и чуждого всякой морали и культуре персонажа. Если для советской власти красноармеец это строитель нового мира и герой, то для белых — злодей. В качестве визуальных приёмов используется намеренное искажение черт лица, неестественной позы. В качестве опознавательных знаков использовались красные звёзды на фуражках и неприглядный внешний вид. Существует несколько плакатов, на которых большевик с оружием в руке стоит над поверженной женщиной и протыкает штыком младенца (рис. 4:2). Ещё одной особенностью является то, что на плакатах изображался именно большевик, а не просто красноармеец: эти два образа были объединены [3, с. 52].

Белое движение в своей пропаганде активно разыгрывало национальную карту. Так, изображённый большевик чаще всего оказывается нерусским. Помимо еврея, использовался также образ китайца, латыша («Так большевистские карательные отряды из латышей и китайцев насильственно отбирают хлеб, разоряют деревни и расстреливают крестьян»). Необходимо заметить, что на многих плакатах ставка делалась на бытовой антисемитизм. Антисемитские образы были тесно связаны с религиозными.

Так, плакат ОСВАГа «В жертву интернационалу» (рис. 4:3) изображает видных большевиков, приносящих в жертву идолу—Марксу женщину в кокошнике (часто используемое символическое изображение России). При этом, особый акцент сделан на стереотипном представлении о большевике как о еврее: у лидеров большевиков намеренно выделены гиперболизированные семитские черты лица. Ленин на плакате одет в кроваво—красную робу — символизирует верховного жреца. Помимо антисемитского подтекста в плакате также присутствует выражение идеи противопоставления православной старой России новой «языческой».

Образ большевика двойственен: с одной стороны, он глупец, пьяница, с другой — он злодей, вселяющий ужас в мирное население. Такая двойственность образов вкупе с гиперболизацией национального фактора была призвана сформировать негативное впечатление о стороннике советской власти. Образ большевика на агитационных плакатах деформирован, он неприятен глазу и, следовательно, вызывает отторжение.

Таким образом, можно сделать вывод: Белое движение активно использовало в своей пропаганде выразительные визуальные образы. В агитации основное место уделялось негативному образу большевиз-

ма и Красной армии, часто использовались религиозные и мифологические символы. С помощью визуальных образов конструировалось коллективное представление о враге.

Список литературы:

1. Аксёнов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

2. Борисов И. В. Белый плакат гражданской войны в России. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 102 с.

3. Гражданская война в образах визуальной пропаганды: словарь-справочник / Под ред. Е. А. Орех. СПб.: Скифия-принт, 2018. 208 с.

4. Зараян Е. В. Эсхатологические мотивы в формировании образа врага у белогвардейцев // Культура и образование: науч.-инф. журн. вузов культуры и искусств. 2018. № 3(30). С. 13–19.

5. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

6. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 288 с.

7. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 229 с.

8. Сенявский А. С. Историческая имагология и проблема формирования «Образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. История России. 2006. № 2(6). С. 54–72.

9. Урядова А. В. Историческая имагология: субъект и объект восприятия // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. Т. XI, № 2. С. 167–174.

Приложения

Рис. 1. Образы советских вождей

1

2

3

Рис. 2. Образы советской власти

1

2

3

Рис. 3. Эсхатологические и мифологические образы

1

2

3

Рис. 4. Большевизм и большевики

1

2

3

Шайхутдинова Диляра Василевна
Тюменский государственный университет
Научный руководитель:
Крестьянников Евгений Адольфович, д-р ист. наук, проф.

Окружной суд в Новониколаевске: история открытия¹

The district court in Novonikolaevsk: the history of the opening

Аннотация. Вопрос об учреждении окружного суда в Новониколаевске впервые был поставлен в 1915 г. Однако процесс затянулся, и открытие нового органа судопроизводства происходило уже в условиях Гражданской войны. Проблема рассматривается сквозь призму двух политических режимов. В исследовании использованы документы из фондов четырех архивов страны, а также материалы периодической печати того времени.

Ключевые слова: Новониколаевск; суды; Гражданская война; Российская империя.

Abstract. The question of establishing the district court in Novonikolaevsk was first raised in 1915. However, the process dragged on, and the opening the court took place already in the conditions of the Civil War. The problem is viewed through the prism of two political regimes. The study used documents from the collections of four archives of the country and materials from newspapers of that time.

Key words: Novonikolaevsk; courts; Civil War; Russian Empire.

Отечественная система правосудия имеет богатое историческое прошлое. Однако, недостатки в ее функционировании по сей день вынуждают законодателей искать новые пути реформирования. Интересным в этой связи представляется опыт Новосибирска (в ту пору — Новониколаевска), боровшегося за обретение окружного суда во второй половине прошлого столетия. Анализ организации нового судебного учреждения в условиях Гражданской войны показывает поведение всей системы в условиях чрезвычайной ситуации.

Согласно Судебным уставам 1864 г. в Российской империи судебные учреждения были разделены на две ветви: мировые и общие суды. Первые состояли из мировых судей и их съездов, а общие включали в себя окружные суды и судебные палаты. Эта реформа с рядом поправок пришла в Сибирь лишь в 1896 г. Функции съезда мировых судей здесь отводились окружным судам. На долю окружных судов приходилось рассмотрение большого числа гражданских и уголовных дел. Все это превращало судебное учреждение в авторитетный орган правосудия, заполучить который желали многие города. Однако, осуществить задуманное удавалось далеко не всем: традиционно в пределах одной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20–49–720019.

губернии располагался один окружной суд. При этом их местонахождение и определение границ судебных округов не исходило из показателей географической близости населения к суду своего округа. Наиболее ярко это проявилось в Томской и Тобольской губерниях. Например, Тюкалинский уезд был отнесен к округу окружного суда в Тобольске, который располагался в 500 верстах от Тюкалинска. При этом в чуть более 100 верстах располагался Омск, имевший возможность наиболее мобильного решения возникающих в уездной столице судебных случаев. Предложение отнести Тюкалинск к округу Омского окружного суда неоднократно поднималось в 1898 и 1905 гг. Несмотря на справедливость предложенной меры, она так и не была реализована. Но совершенно другой сценарий развития получил вопрос об открытии дополнительного суда в Томской губернии. На авансцену здесь выступил Новониколаевск.

К изучению вопроса об организации и деятельности сибирских органов юстиции историки обращались неоднократно. Среди таких работ имеются несколько диссертаций [1; 3; 5]. Начало деятельности открытого в Новониколаевске окружного суда поверхностно описано в работах нескольких исследователей [4], [13, с. 76, 81–82, 151]. В связи с этим изучение вопроса об открытии этого окружного суда представляется весьма перспективным.

Постановление об открытии окружного суда в Новониколаевске было принято в октябре 1918 г. В ведение нового учреждения вошли Новониколаевский и Каинский уезды с городами Новониколаевском, Кольтанью, Каинском, Барабинском и Татарском [2]. К нему же отнесли территории Каменского и Славгородского уездов Алтайской губернии, которые ранее относились к Томскому и Барнаульскому окружным судам [8, л. 16]. Благодаря принятому в 1914 г. закону об усилении штатов некоторых судебных установлений, здесь были учреждены дополнительные должности товарища председателя, членов суда и помощников секретаря. Уже в 1915 г. поднимается вопрос о выделении в Новониколаевске помещений для выездных заседаний Томского окружного суда и Омской судебной палаты и создается специальная судебная комиссия для разработки проекта будущего Новониколаевского окружного суда [10, л. 29–29 об.].

Весной 1916 г. Новониколаевская городская дума ходатайствовала главе Министерства юстиции И. Г. Щегловитову об открытии в городе окружного суда [11, л. 82]. Однако, к решительным действиям этот документ не привел. Причин было несколько: получивший свой расцвет бюрократизм государственного аппарата и нежелание властей вкладывать дополнительные средства в усовершенствование сибирской юстиции [15]. Кроме этого, Новониколаевск не был уездным городом, а открытый здесь суд стал бы третьим в губернии, что было скорее исключением из правил, чем нормой. При этом предыдущие

попытки сибирских городов доказать свое право на окружной суд зачастую заканчивались неудачей. А единственный успешный случай до Новониколаевска — окружной суд в Барнауле Томской губернии, открытие которого растянулось на целые 7 лет [14, с. 195].

Основополагающим аргументом для ходатайства об открытии суда в Новониколаевске было неудобное расположение Томска, как столицы губернии. Судьи были вынуждены отправляться в далекие населенные пункты. К тому же, уже к 1910 г. Новониколаевск занял пятую строчку в списке наиболее крупных сибирских городов [17, с. 348], а открытие в 1915 г. Алтайской железной дороги в одночасье превратило город в крупный транспортный узел [18, с. 126–127]. Эти преимущества были указаны судебной комиссией, готовившей ходатайство.

В июне 1917 г. были образованы Алтайская губерния с центром в Барнауле и Новониколаевский уезд в Томской губернии. Благоприятному разрешению вопроса об открытии суда способствовала и политическая обстановка в стране: старый неповоротливый аппарат государственного управления был разрушен, а Министерство юстиции антибольшевистских правительств Сибири было решительно настроено на совершенствование правосудия [12]. 11 июля 1918 г. городская судебная коллегия повторно возбудила ходатайство. Теперь уже перед Сибирским Временным правительством. Инициатива нашла отклик у общественных сил города [7]. В целом, в условиях Гражданской войны рассмотрение вопроса об открытии нового органа юстиции заняло лишь несколько месяцев [6, с. 550–551], тогда как ранее этот процесс занимал несколько лет.

Открытие нового органа сибирской юстиции проходило в условиях крайней спешки. На его организацию выделили 923 тысячи 970 рублей. Всего в составе нового суда было учреждено три десятка должностей, еще 18 «перечислили» из Томского и Барнаульского. А в самом округе Новониколаевского окружного суда с 1 января 1919 г. могли трудиться 33 человека. Аренда дома Сурикова вполне соответствовала финансам. Однако второй этаж здания был занят гостиницей до 1 января 1919 г. Этот факт и определил дату открытия Новониколаевского окружного суда.

Намного хуже дела обстояли с поиском квартир для сотрудников. В 1919 г. свободных помещений не осталось: город был «забит беженцами до чрезвычайности». Ситуация осложнялась тем, что состав нового органа юстиции был сформирован из приезжих, которые остро нуждались в квартирах.

Указом главы Временного Сибирского правительства П.В. Вологодского председателем Новониколаевского окружного суда был назначен И. И. Карнеев–Гребаров. Выпускник Варшавского университета, до получения должности в Новониколаевске успел поработать в уголовном департаменте Варшавской судебной палаты, помощником

секретаря Петроковского окружного суда, исполняющим дела судебного следователя Калишского окружного суда, мировым судьей Каинской округи. В 1918 г. был назначен помощником управляющего делами Совета Министров с оставлением в должности члена Омской судебной палаты [9, л. 1–7об.]. К моменту занятия должности председателя Новониколаевского окружного суда он обладал недюжинным опытом и особым уважением в профессиональной среде.

К организации работы нового органа сибирской юстиции Карнеев–Гребаров приступил основательно: собирал сведения о профессиональных качествах предполагаемых сотрудников будущего суда, прислушивался к мнению мировых судей и адвокатуры Новониколаевска. Особое внимание при подборе персонала председатель уделял опыту и работоспособности юриста. «Я телеграфировал вам о Варжицком, хорошем мировом судье: этот прекрасный и энергичный работник, собирающийся уйти, т.к. не получает движения. Было бы печально потерять его, а он несомненно был бы более ценным членом суда, чем, например, Васильев» — отмечал Карнеев–Гребаров в своем письме министру юстиции А. П. Морозову в сентябре 1918 г. [9, л. 3].

В день открытия суда, в январе 1919 г., председатель отметил: «Ввиду спешности формирования окружной суд не имеет надлежащего помещения, состав суда не имеет квартир, нет даже канцелярских принадлежностей. Но несомненно суд работая не за страх, а за совесть примет все меры к тому, чтобы возможно лучше удовлетворить нужду населения в правосудии и водворении законности» [16].

Таким образом, благоприятное разрешение вопроса об открытии Новониколаевского окружного суда, стало возможным лишь благодаря переломному моменту в российской истории. Свержение самодержавия и курс антибольшевистских правительств на демократические преобразования позволил воплотить в жизнь грандиозный проект, основы которого были разработаны еще при царском режиме.

Список литературы

1. Абрамитов С. А. История Иркутского окружного суда (1897 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд.ист.наук. Иркутск, 2005. 205 с.
2. Алтай. 1918. 29 октября.
3. Астахов А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX–начале XX вв.: структура, состав и функционирование: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 240 с.
4. Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск: Изд–во СГУПС, 2012. С. 197–199.
5. Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX– начале XX вв: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 241 с.

6. Временное сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / Составитель и науч. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд. дом «Сова», 2007. 818 с.

7. ГАРФ. Ф. Р–131. Оп. 1. Д. «Проект постановления Временного Сибирского правительства об учреждении в г. Новониколаевске Томской губернии, объяснительная записка к нему, смета расходов на оборудование Новониколаевского окружного суда и др.» 19 л.

8. ГАРФ. Ф. Р–4369. Оп. 5. Д. «Переписка и постановление об учреждении Новониколаевского окружного суда Томской губернии». 25 л.

9. ГАРФ. Ф. Р–4369. Оп. 4. Д. «Карнеев–Гребарев Иван Иванович».

10. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Д–97. Оп. 1. Д. «Протоколы заседаний Новониколаевской городской думы за март–декабрь 1916 года». 164 л.

11. ГАНО. Ф. Д–97. Оп. 1. Д. «Документы (протоколы, докладные записки, переписка) об организации в г. Новониколаевске окружного суда». 83 л.

12. ГАРФ. Ф. Р–4369. Оп. 2. Д. «Краткий обзор деятельности Министерства юстиции с момента захвата власти Колчаком». 19 л.

13. Звягин С. П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

14. Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Издательско–полиграфический центр «Экспресс», 2009. 270 с.

15. Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX–начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34.

16. Русская речь. 1919. 4 января.

17. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев (отв. ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

18. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Табачник Ксения Кирилловна
Санкт–Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Рачковский Валерий Александрович, канд. ист. наук, доц.

Историко–религиоведческая литература 1920–1930–х гг. как инструмент дискредитации православных традиций

Historical and religious studies literature as a way to discredit Orthodox traditions

Аннотация. В данной статье рассматривается традиция издания историко–религиоведческой литературы в 1920–е гг. в контексте антирелигиозной пропаганды первых лет существования СССР. Опираясь на непосредственные источники – историко–религиоведческие издания крупнейших советских писателей–пропагандистов, автор проводит попытку выявления основных тенденций печатной антирелигиозной пропаганды, а также детального рассмотрения причин, благодаря которым данные издания получили популярность среди простого населения.

Ключевые слова: история религии; история христианства; антирелигиозная пропаганда; Е. М. Ярославский; Ф. М. Путинцев; В. С. Рожицын; Я. М. Окунев.

Abstract. The article reveals the tradition of publishing historical and religious literature in the 1920s in the context of the antireligious propaganda of the first years of the existence of the USSR. Relying on direct sources – historical and religious studies publications of the largest Soviet propagandist writers, the author attempts to identify the main trends of printed anti–religious propaganda, as well as a detailed examination of the reasons why these publications have gained popularity among the common population.

Key words: history of religion; history of Christianity; anti–religious propaganda; E. M. Yaroslavsky; F. M. Putintsev; V S. Rozhitsyn; Y. M Okunev.

В течение всего существования Советского Союза методика искоренения «религиозного дурмана» из общественного сознания включала достаточно широкий спектр средств. При этом история религии как научная дисциплина служила неотъемлемой составляющей инструментария по борьбе с христианством во время советского периода. В данной статье мы рассмотрим историко–религиоведческую литературу 1920–х гг. с точки зрения зарождавшейся традиции антирелигиозной научно–популярной литературы.

Уже с 1923 г. в печать выходят многочисленные издания, посвящённые истории возникновения религиозных праздников. Малый размер брошюр, простой доступный язык написания, дешёвая неплотная бумага способствовали их активному распространению среди неподготовленных общественных масс. Стоит особо отметить таких публици-

стов, как Е. М. Ярославский, Я. М. Окунев, В. С. Рожицын, Ф. М. Путинцев, А. Ветков, Н. Воронов, М. Шейнман. Полное или частичное отсутствие авторских и редакторских инициалов являются немаловажной особенностью. Так, публицист Баронов, написавший в соавторстве с Ф. М. Путинцевым книгу «Происхождение Пасхи», указывает лишь фамилию [2]. Мы объясняем данную особенность стремлением публицистов, писателей максимально упростить авторское имя, сделать его наиболее доступным для обывателя. Во-первых, проводившаяся в военные и послевоенные годы политика по ликвидации неграмотности рабочих и крестьян ещё не дала тех результатов, чтобы мог быть осуществлён переход к более сложным текстологическим конструкциям, а во-вторых, данный литературный контингент носил, в первую очередь, именно агитационно-пропагандистский характер и только затем просветительский. Исходя из клишеированной структуры изданий, мы можем выделить две модели построения текста: комплексная работа о возникновении веры в Бога и сущности религиозных обрядов, а также брошюры, локально дискредитирующие традицию празднования христианского Рождества и Пасхи.

Наиболее характерными примерами комплексной атеистической религиозоведческой литературы мы назовём труд Ф. М. Путинцева «Происхождение религиозных праздников», а также Е. М. Ярославского «Как рождаются, живут и умирают боги» [9]. Как отмечал С. Н. Савельев на основе отчёта об агитационно-пропагандистской работе издательства «Красная новь», книга «Как рождаются, живут и умирают боги и богини» разошлась «поразительно быстро — в 2–3 недели...» [7, с. 33]. Издание книги Е. М. Ярославский объяснял растущим народным интересом к истории религии, необходимостью создания «небольшой книжки», раскрывающей сущность религий разных народов [9, с. 5]. В обоих трудах авторами проводятся попытки комплексно освятить историю существовавших с древности верований в максимально сжатой форме. Перед пропагандистом 1920-х гг. стояла задача дискредитировать оригинальность христианства и иудаизма, доказав искусственность их происхождения на основе слияния местных земледельческих культов [9, с. 8]. К другим общим идеям обоих произведений можно отнести теорию о происхождении религиозных обрядов на основании хозяйственных и климатических причин. Так, Ф. М. Путинцев проводит сопоставительную работу по выявлению общей основы крестьянского и православного календарей и делает попытки установить идею о «специализации» святых, согласно потребностям сельского населения, обращаясь к небесным заступникам с «профессиональной молитвой» [3, с. 12–13]. Ф. М. Путинцев посвящает Пасхе и Рождеству отдельные главы, поместив в них таблицу-сопоставление христианских обрядов и языческих, связанных с определённым спектром крестьянских сельскохозяйственных кампаний [3, с. 94, 110]. У Е. М. Ярославского глава, посвящённая выявлению языческой сущности христианской

Пасхи, помещена под заглавием «Умирующие и воскресающие весенние боги» [9, с. 135].

В стремлении укрепить дискредитирующие религию доводы и придать тексту научность, Е. М. Ярославский и Ф. М. Путинцев в своих сочинениях ссылаются на труды современных и античных авторов (Геродота и Плутарха); при описании культа Озириса Древнего Египта — на проводившиеся в древних городах раскопки, доказавшие неоригинальность христианской и иудейской вер [3, с. 117, 139]. Однако авторы не дают точных указаний на характер проводившихся археологических работ и не приводят ссылки на конкретные источники, упоминаемые на страницах издания — в этом заключается характерная особенность научно-познавательных антирелигиозных сочинений третьего десятилетия. Главным «инструментом» служил неширокий спектр оценочных слов и выражений, которыми составители снабжали свою речь.

Другой характерной чертой изданий являлось использование плакатной техники: необычайная яркость обложки, множество хотя и чёрно-белых, но качественно прорисованных иллюстраций, использование кричащих лозунгов уже на первых страницах изданий: «Коммунистическому союзу молодёжи посвящаю эту безбожную книгу!» [9, с. 4]. Если принять во внимание немалые тиражи обоих изданий — к 1925 г. они достигнут 10 000, можно сделать вывод, что оба труда отвечали всем критериям, способным вызвать интерес со стороны простого населения.

Мы полагаем, что труд Е. М. Ярославского послужил государственным антирелигиозным «стратегическим экспериментом», заложившим основы антирелигиозной научно-популярной издательской модели. Во-первых, именно Е. М. Ярославский являлся организатором антирелигиозной политики СССР в 1922–1943 гг. Во-вторых, книга Ф. М. Путинцева «Происхождение религии», имевшая аналогичное с работой Е. М. Ярославского содержание, была издана на два года позже. В предисловии ко второму изданию «Как родились, живут и умирают боги и богини» Е. М. Ярославский намекает на проведённую совместно с Путинцевым работу по написанию книги в рамках Свердловского кружка безбожников [3, с. 4]. В отличие от труда Ф. М. Путинцева, книга Е. М. Ярославского переиздавалась многократно, вплоть до 1959 г.

Издававшейся в качестве материала для проведения «комсомольской пасхи» и «рождества» брошюры В. С. Рожицына, Я. М. Окунева и других имели некоторые индивидуальные черты написания, однако, по большей части нам встречается аналогичный набор «клише», свойственный всей антирелигиозной пропагандистской литературе 1920-х гг. в целом. Статьи двух вышеперечисленных составителей наиболее часто фигурируют в сборниках «Комсомольская пасха» и «Комсомольское рождество».

В трудах В. С. Рожицына и Я. М. Окунева, как и у Е. М. Ярославского и Ф. М. Путинцева, активно применяется метод разложения языческих и христианских праздников на составные части, объяснение их возникновения исключительно общественно-экономическими явлениями. Согласно замечанию В. С. Рожицына, данный метод способствовал представлению современной христианской обрядности как результата хозяйственно-экономических условий, преобразующихся в связи с изменением той или иной формы производства [6, с. 195–196]. В одном из трудов В. С. Рожицын поместил таблицу основных христианских праздников в зависимости от экономического быта первобытных земледельческих обществ [6, с. 19]. Другим общим положением являлось указание выгоды капиталистической прослойки общества, связанной с «порабощением» сознания «угнетаемых масс». Дальнейшая тематика глав могла комбинироваться в зависимости от круга обрядов, подразумеваемых праздником. Обязательным элементом антирелигиозного издания являлись разделы, посвящённые доказательствам нереальности существования фигуры Христа в истории и критике евангельских текстов. В подражание трудам Е. М. Ярославского и Ф. М. Путинцева, Я. М. Окунев дополнил главу о несоответствии четырёх Евангелий друг другу, сравнительной таблицей [1, с. 60–62]. Культивируется идея о неоригинальности рассказа о Христе, представляющем собой иудейскую переработку древних языческих сказаний о «страдающем» боге [1, с. 15–16; 22–24], [4, с. 53].

Заключительная глава, как и вводная часть, служила сосредоточением агитационной направленности издания. Текст «Заключения» и название разделов произведений В. С. Рожицына отличались особенно ярким призывным характером [6, с. 37]. В отличие от Я. М. Окунева, Ф. М. Путинцева и Е. М. Ярославского, В. С. Рожицын — единственный публицист, включивший в композицию своей «научной» работы пропаганду новых, «красных» праздников (Первого мая, Свержения самодержавия, Октябрьской революции), противопоставленных «дикарским» христианским праздничным формам [6, с. 39]. В данном случае, мы наблюдаем проявление политики Антирелигиозной комиссии, заключавшейся в замене церковной обрядности новыми формами коммунистического быта — «красной религией».

подавляющее большинство историко-пропагандистских изданий посвящено происхождению Пасхи, а не Рождеству. Объяснение данному феномену мы получаем из слов В. С. Рожицына, утверждавшего, что этот праздник является «самым ярким примером, показывающим, что христианство составилось из сплетения дикарских пережитков, древних языческих религий, выдумок, созданных когда-то верующими евреями и преданными по наследству христианам...» [6, с. 39]. Действительно, именно Пасха как главный праздник

христианства отражает его сущность, основанную на вере в Смерть и Воскресение Христа.

Таким образом, советская историко–религиоведческая литература была, прежде всего, направлена на выявление экономических корней религии, а также установление современной функции церковной обрядности — «примирение» господствующих классов и «порабощённого» крестьянства и пролетариата.

Список литературы

1. Окунев Я. М. Рождество, страсти и воскресение богов. Харьков: Пролетарий, 1923. 87 с.
2. Путинцев и Баронов. Происхождение Пасхи. Орёл: Изд-во Орловского Губкома РКСМ и Дорпрофсоюза, 1923. 26 с.
3. Путинцев Ф. М. Происхождение религиозных праздников. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 192 с.
4. Рожицын В. С. Пасха: Народные и церковные весенние праздники и обряды. М.: Красная Новь, 1924. 196 с.
5. Рожицын В. С. Рождество Христово. Харьков: Пролетарий, 1925. 116 с.
6. Рожицын В. С.. Святая Пасха. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923. 72 с.
7. Савельев С. Н. Емельян Ярославский – пропагандист марксистского атеизма. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1976. 104 с.
8. Ярославский Е. М. Как рождаются, живут и умирают боги и богини. М.: Красная Новь, 1923. 287 с.

Крутько Ксения Игоревна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ходяков Михаил Викторович, д-р. ист. наук, проф.

**Складывание особого феномена русского театра в Харбине как
результат взаимовлияния советской и эмигрантской культур
(1920 – 1930-е гг.)**

**The emergence of a special phenomenon of Russian theater in Harbin
as a result of the mutual influence of Soviet and emigrant cultures
(1920s–1930s)**

Аннотация: В данной статье исследуется феномен театрально-музыкальной жизни русского Харбина в 1920–1930-х гг. Цель работы — определить характер взаимодействия разных школ в формировании специфики театра в Харбине. На основе знакомства с историографической традицией и анализом харбинских газет делается вывод о том, что русский театр Харбина — результат взаимодействия советских и эмигрантских деятелей театральной и музыкальной культуры.

Ключевые слова: Китай; Харбин; русская эмиграция; театр.

Abstract: This article focuses on the phenomenon of the theatrical and musical life of Russian Harbin in the 1920s and 1930s. The purpose of the work is to determine the nature of the interaction of different theater schools in the formation of the specifics of the theater in Harbin. Based on acquaintance with the historiographic tradition and analysis of the Harbin newspapers, it is concluded that the Russian theater in Harbin is the result of the interaction of Soviet and emigre figures of theatrical and musical culture.

Key words: China; Harbin; Russian emigration; theater.

Полифоническую сущность Харбина как города и культурного центра отмечали многие историки: можно упомянуть такие современные исследования, как труды Ван Кэвэня, А. А. Забияко, М. В. Кротовой. Первоначально складывающийся ещё в дореволюционное время как русский город-анклав (с экстерриториальными правами граждан) на исконной китайской территории и одна из точек КВЖД (что, в свою очередь, предполагало определённый культурный обмен в разных сферах), Харбин привлекал как творческую интеллигенцию эмигрантов первой волны, так и приезжавших с гастрольями граждан СССР. Помимо этого, нельзя не отметить, что после подписанного в 1924 г. соглашения между Китаем и СССР о том, что на КВЖД могут работать лишь советские и китайские граждане, многие из «харбинцев» (то есть тех, кто жил в Харбине ещё до революции) приняли советское гражданство. Таким образом, помимо «соседского» взаимовлияния китайской и русской культур, проблема которого затрагивалась в историографии, как

мы полагаем, можно говорить ещё и о следующем явлении: советское присутствие и обусловленные им частые контакты складывающегося нового советского искусства, в том числе театрального и музыкального, которые проявлялись как в виде гастролей, так и в открытии специфических советских учебных музыкальных заведений на территории КВЖД, вносили в приверженную старой имперской театральной и музыкальной школе эмигрантскую культуру свои особенности и черты. Как мы считаем, это обусловило особый советско–эмигрантский характер театрально–музыкального искусства, который ни в одном из иных эмигрантских центров не наблюдался, потому что не было такого фактора, как КВЖД.

Для начала обратимся к фактам, которые демонстрируют нам, что «сотрудничество» советских и эмигрантских артистов в Харбине в эпоху расцвета театральной и музыкальной культуры в городе было достаточно активным, и мы можем говорить о «полифонии, многоголосии» театральной жизни, характеризуя которую, кто–то из современников на страницах «Рубежа», отмечал, что состояние театров «представляло собой какое–то смутное и неясное явление» [5, р. 225]. Во–первых, мы можем отметить, что в 1920–х гг. проходят многочисленные гастролы, харбинские артисты востребованы в России, а советские артисты востребованы в Китае. Например, мы знаем, что в 1923 г. К. Зубов гастролирует в Москве, а в Крымской республике — Я. А. Ведринский [7, р. 130]. В 1924 г. так же формируется труппа Театра миниатюр «Мозаика»: нам удалось найти свидетельство о том, что устройство этого театра проходило под контролем И. В. Сталина [6], что показывает специфическую значимость советского участия в культурной жизни Харбина, которое проявлялось даже в деятельности руководства СССР. В 1925 г. театр «Мозаика» уже успешно ставит оперетты, фарсы, комедии и миниатюры: например, спектакль «Роза Стамбула» [9, р. 1]: это подтверждает, что театр не просто был создан под покровительством И. В. Сталина, но и смог осуществлять успешную деятельность, которая пользовалась спросом у зрителей. В 1924 г. в Харбин с гастролями приезжают авторы–сатирики, также артисты Московского академического Малого театра со спектаклями «Укрощение строптивой», «Медвежья свадьба», «Самсон» [6]. Любопытен тот факт, что на спектакли московского Малого театра, приехавшего с гастролями в 1925 г. существовала скидка 30% для членов профсоюза [10, р. 1]: это, на наш взгляд, говорит о том, что спектакли даже гастролировавших советских коллективов старались сделать доступными для населения. Таким образом, и зрители, и артисты знакомились с искусством СССР, что, как мы считаем, делало многообразной и музыкальную и театральную жизнь самого Харбина и заставляло, в том числе, и эмигрантских антрепренеров ориентироваться на репертуар московских и петроградских (позднее — ленинградских) театров.

Далее стоит отметить следующее: жизнеспособность той или иной культурной традиции — театральной или музыкальной — во многом определяется тем, является ли то или иное учебное заведение её носителем, иными словами — складывается ли определённая школа. Здесь мы должны отметить, что хлынувшая в город первая волна эмиграции благоприятно воздействовала на состояние культуры и искусства: в город прибыли артисты и музыканты, а это, как замечает в своих воспоминаниях Е. Таскина, означало, что они начали создание новых коллективов и открытие новых учебных заведений. Н. Л. Горкавенко и Н. Л. Гридина [2, р. 104] подчёркивают, что драматический театр в эти годы развивался в трёх разных направлениях, каждое из которых связано, соответственно, с именем режиссёра. Первое из них — с именем артиста и режиссёра А. С. Орлова, труппа которого была создана в 1920-х гг. и работала в течение девяти сезонов. Среди прочих, в его труппе числился знаменитый харбинский артист А. Л. Зиновьев, который был одним из организаторов Первой студии сценического искусства и ставил спектакли в летнем театре городского сада. Второе направление было связано с труппой В. И. Томского. В 1921 г. была открыта Первая музыкальная школа им. А. К. Глазунова, в которой работали такие талантливые музыканты, как В. Д. Трахтенберг, У. М. Гольдштейн, С. У. Шпильман, В. Диллон, В. Л. Гершгорина (пианист), Е. П. Дружинина. Директором был В. Д. Трахтенберг, который с 1934 г. преподавал в школе уроки скрипки, а также был одним из основателей Харбинского симфонического общества. Однако в то же самое время параллельно с теми школами и учебными заведениями, которые имели преимущественно эмигрантский состав, происходило открытие советских учебных заведений. Так, в 1927 г. открывается музыкальный техникум для граждан СССР [4, р. 93]. Этот факт культурной жизни демонстрирует нам соседство граждан СССР, которые работали на КВЖД, с эмигрантами не только в территориальном смысле, но и в области культуры и искусства. В техникуме преподавали С. А. Батурина, В. А. Вительс, Е. М. Фойерман-Глинкина. Е. Таскина пишет о том, что директору данного техникума, Л. Б. Аптекаревой, удалось наполнить его стены «атмосферой подлинной любви к музыке» [4, р. 94]. Студенты техникума могли бесплатно посещать мероприятия, проходившие в Железнодорожном собрании, а позднее и принимать в них участие. То есть, как мы видим, выпускники техникума также пополнили собой музыкально-театральную среду русского Харбина.

Таким образом, нам удалось проследить, что полифония театрально-музыкальной жизни Харбина проявлялась в одновременном существовании советских учебных заведений театрально-музыкальной направленности, так и созданных эмигрантами или «харбинцами». Также мы можем сделать вывод, что она проявлялась в параллельной деятельности театров и антреприз, которые создавались эмигрантами, гастролировавших эмигрантских артистов и приезжавших с гастроля-

ми советских граждан. В условиях тесных контактов этих двух разных школ и направлений рождалась и функционировала особая, «полифоническая» по характеру, специфика русского театра в Харбине.

Список литературы

1. Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ: монография. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. 122 с.
2. Горкавенко Н. Л., Гридина Н. П. Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия 1917–1946: Очерки истории. Владивосток, 2002. 148 с.
3. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
4. Таскина Е. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 93 с.
5. Фомин В. Н., Фомин К. В. Российская эмиграция в Китае с 1920 г. И до окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2005. 276 с.
6. Новости жизни (Харбин). Январь 1924 – декабрь 1924.
7. Чернявский С.Р. Харбинский театр: начало // Русский Харбин / М.: Изд-во МГУ, 1998. 352 с.
8. Харбинский вестник. 1908. № 1139.
9. Эхо (Харбин). 1925. № 86
10. Эхо (Харбин). 1926. № 26.

Сковородникова Екатерина Дмитриевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Шимбирёва Ольга Александровна, канд. ист. наук, доц.

Принципы борьбы с неграмотностью в 1920–е гг. в РСФСР

Principles of the fight against illiteracy in the 1920s in the RSFSR

Аннотация. В статье рассматриваются принципы борьбы с неграмотностью в 1920–е гг. в РСФСР на основе «Педагогических Сочинений» Н. К. Крупской и «Заветов Ленина в области народного просвещения». Анализируются как организационные принципы, так и принципы обучения в ходе ликбеза.

Ключевые слова: борьба с неграмотностью; принципы борьбы с неграмотностью; Н. К. Крупская; организационные принципы; принципы обучения.

Abstract. The article examines the principles of combating illiteracy in the 1920s in the RSFSR on the basis of N. K. Krupskaya's «Pedagogical Works» and «Lenin's Precepts in the field of public education». Both organizational principles and principles of teaching in the course of likbez are analyzed.

Keywords: the fight against illiteracy; the principles of the fight against illiteracy; N. K. Krupskaya; organizational principles; principles of teaching.

После октябрьских событий 1917 г. пришедшими к власти большевиками предполагалось осуществить «культурную революцию», которая была возможна при условии ликвидации поголовной неграмотности населения, достигавшей 80% по всей Российской Империи [6, с. 139]. Декрет 1919 г. «О ликвидации безграмотности» положил начало массовой кампании по борьбе за всеобщую грамотность, под которой как в Российской Империи, так и в Советском Союзе 1920–х гг. понималось умение читать и писать или только читать [1, с. 9], что объясняет значительную часть умеющих только читать при низком уровне грамотности. Организацией ликвидации безграмотности занимался Наркомпрос (Народный комиссариат Просвещения — прим. Е. С.), в состав которого входил Внешкольный отдел, возглавляемый Н. К. Крупской, всячески ратовавшей за борьбу с неграмотностью населения и принимавшей в ней самое активное участие [4, с. 74, 80]. Крупская излагала свои взгляды относительно кампании ликбеза как устной (*автора: в форме речей* — прим. Е. С.), так и в письменных форме, что нашло свое отражение в Педагогических Сочинениях, освящающих темы неграмотности и малограмотности. На основе данной работы и «Заветов Ленина в области народного просвещения», составленных Н. К. Крупской, нами были выделены принципы борьбы с неграмотностью, разделенные на

принципы организационные и на принципы обучения, и проведена их классификация.

При организации борьбы с неграмотностью было важно тщательнейшим образом продумать все условия кампании, которые обеспечили бы ее успех и более быстрые темпы проведения. В связи с тем, что страна выходила из Гражданской войны разоренной и с пустой казной, руководству страны следовало всячески изыскивать средства и рабочие кадры для проведения кампании. Частичным решением финансовой и кадровой проблемы обучения неграмотных могло стать претворение в жизнь лозунга «Каждый грамотный, обучи безграмотного» [3, с. 110–111], что возможно толковать двояко. Во-первых, подразумевается, что грамотные энтузиасты и активисты возьмут шефство над неграмотными и обучат их грамоте. Во-вторых, если человек сам не может обучить неграмотного, то пусть он поможет материально: оплатит обучение, предоставит помещение, позаботится об освещении, купит тетради, письменные принадлежности или букварь. Очевидно, что кампанию за всеобщую грамотность, которая должна была бы охватить большую часть населения, важно было обеспечить кадрами, пусть даже и не всегда профессиональными. В связи с этим Крупская предлагала организовать вокруг этого дела всех, кто был бы полезен, в частности, она настаивала на привлечении в ряды ликвидаторов всех учащихся высших и педагогических учреждений [3, с. 141].

Не менее важным организационным принципом борьбы с неграмотностью выступает участие самих масс в этом деле, о чем неоднократно говорили и писали и Ленин, и Крупская. К работе по ликбезу следовало привлекать организации разных уровней — профсоюзы, женотделы, ячейки РКСМ и другие партийные, центральные и местные органы. Как утверждал Ленин, коммунистическая молодежь должна объединяться и идти в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность [3, с. 140, 239]. Кроме того, в самой деревне следовало развивать инициативу. Наряду с обязательными организационными мерами, рассмотренными выше, к делу борьбы за всеобщую грамотность стоит привлечь добровольцев, общественные силы, которые были представлены прежде всего членами ОДН (*Общество «Долой неграмотность»* — прим. Е. С.), комсомола, профсоюзами [3, с. 318]. Как видим, в борьбе за всеобщую грамотность нужно было использовать все, что было в распоряжении: и добровольные силы, и партийные организации, и местную инициативу.

В качестве одного из важнейших принципов, которого следовало придерживаться, и о котором Крупская не раз говорила, стоит рассматривать параллельную ликвидацию неграмотности среди подростков и ребят с ликвидацией среди взрослых. Кажется, что следование этому принципу существеннейшим образом ускорило бы ликбез. Пока не будет существовать единой сети обязательного всеобщего об-

учения, ряды неграмотных будут пополняться подростками, не сумевшими обучиться грамоте. Крупская предлагала, не дожидаясь создания сети всеобщего обучения, как можно быстрее ликвидировать детскую и подростковую неграмотность посредством создания трех–шестимесячных школ для ребят 8–14 лет, чтобы все дети школьного возраста обучились грамоте [3, с. 196, 199]. Данный принцип, согласно Надежде Константиновне, являлся чуть ли не важнейшим, потому что в нем заключался вопрос темпов ликбеза и о нем Крупская говорила на протяжении многих лет, выступая на многочисленных съездах, однако окончательно его решить удалось лишь к 1930 г. путем введения всеобщего обязательного обучения.

Ликпункты (Пункты ликвидации безграмотности — прим. Е. С.) следовало приспособлять к местным условиям, а именно учитывать отличия города и деревни. Нужно было приспособлять место, время, нагрузку и характер занятий к местным и бытовым условиям учащихся так, чтобы они чувствовали себя комфортно и имели возможность соединять работу и обучение. К примеру, следует размещать ликпункты там, где это удобнее большей части работников: для сельских жителей — на краю села, а для рабочих — в общежитиях, чтобы они меньше времени тратили на дорогу. Если мы говорим о деревнях, то стоит учитывать, что они могут располагаться на большом расстоянии друг от друга, и крестьянам, уставшим после тяжелого рабочего дня, будет нелегко добираться до отдаленных деревень. Организаторы ликпунктов должны консультироваться с неграмотными относительно места устройства ликпункта [3, с. 353]. Время занятий также очень важно, поскольку многие работники трудятся посменно и нуждаются в четко фиксированном расписании занятий.

В борьбе за всеобщую грамотность следовало уделять особое внимание женщинам, которые были более неграмотны, чем мужчины, причем женщины замужние, что объяснимо необходимостью женщин работать, вести домашнее хозяйство, смотреть за детьми. Крупская предлагала идти на уступки женщинам, облегчая им жизнь, например, путем создания дневных воскресных яслей и воскресных ликпунктов, чтобы женщина имела возможность учиться в единственный свободный день на неделе, не беспокоясь в этот момент за ребенка, который находился бы под присмотром. Кроме того, Крупская поднимает вопрос о приставлении к женщинам, имеющим возможность посещать ликпункты только один раз в неделю, членов общества «Долой неграмотность», которые заходили бы к ней и помогали ей в работе [3, с. 292, 317]. Подводя итоги рассмотренным выше двум принципам борьбы с неграмотностью, приведем высказывание Крупской по этому поводу: «Нельзя думать, будто можно провести ликвидацию неграмотности, не устраивая яслей, не учитывая жилищных условий и бытовых особенностей населения» [3, с. 387].

Пожалуй, последним в ряду организационных принципов, нами выделенных, станет принцип национальный, заключающийся в предоставлении национальным меньшинствам права беспрепятственно обучаться на своем языке и, если они будут иметь желание, то и на русском тоже. Важно, чтобы национальным меньшинствам была предоставлена эта возможность, и никто при изучении как родного, так и русского языков им не препятствовал. Крупская говорит о недопустимости пренебрежения этим принципом и порицает всякие действия, противоречившие национальной политике, приводя в пример, закрытие украинской школы в одном из местечек Курской губернии, большая часть населения которого говорила по-украински [3, с. 212].

Проанализировав основные организационные принципы, которыми следовало руководствоваться в ходе кампании по ликбезу, обратимся к принципам обучения, которые были важны для Н. К. Крупской, занимавшейся преподавательской деятельностью. Одним из ключевых принципов такого характера является принцип приобретения практического знания, т.е. такого, какое возможно применять на практике к пользе человека. И Надежда Константиновна, и Владимир Ильич критиковали старую, дореволюционную школу за то, что она заставляла учеников зазубривать массу ненужных, лишних фактов, которые никак бы негодились человеку [2, с. 8; 3, с. 106]. Обучение неграмотных должно вестись в связке с актуальными событиями, чтобы неграмотному человеку было легче усвоить материал. Для начала 1920–х гг. этими темами могли стать война, борьба с разрухой, восстановление хозяйства. Было также важно «брать примеры и давать задачи из знакомой и близкой ученикам области» [3, с. 39], например, предлагать обучающемуся грамоте крестьянину темы, связанные с деревенской жизнью, с сельским хозяйством. Обучая население грамоте, было необходимо с самого начала обучать умению правильно пользоваться книгой и библиотекой, что есть неотъемлемая часть образования, а затем и самообразования. Если по окончании ликпункта человек не будет практиковаться чтению и письму, то случится рецидив неграмотности. Также во время обучения грамоте ученикам следовало давать систематические знания с тем, чтобы они были расположены в голове не хаотично, а структурированно, что осуществимо посредством предоставления учащимся понятных для них учебников [3, с. 304].

Таким образом, выделив и изучив организационные основы ликбеза и принципы обучения во время него, отметим, что все эти принципы были призваны увеличить темпы по борьбе за всеобщую грамотность и организовать кампанию ликбеза как можно более комфортно для населения. Эти принципы по-разному могли повлиять на темпы роста грамотности. Рассмотренные выше принципы отличаются по характеру друг от друга: одни защищают и предоставляют права учиться грамоте, другие изыскивают альтернативные источники борьбы с

безграмотностью помимо государственной кампании, третьи нацелены на приспособление обучения к местным и бытовым условиям, четвертые направлены на предотвращение рецидива неграмотности и на пользу самих обучающихся, пятые ориентированы на резкое снижение безграмотности.

Список литературы

1. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М.: Статистика, 1964. 195 с.
2. Крупская Н. К. Заветы Ленина в области народного просвещения. М.: Работник просвещения, 1924. 31 с.
3. Крупская Н. К. Педагогические Сочинения. В 11 т. Т. 9 / Под ред. Н. К. Гончарова. М.: Академия пед. Наук, 1960. 839 с.
4. Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М.: Наука, 1973. 334 с.
5. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/433585> (дата обращения: 2.11.2021).

Савина Мария Сергеевна
Санкт–Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ходяков Михаил Викторович, д–р ист. наук, проф.

Меры по реализации НЭПа в отражении центральных газет Советской России

Measures to implement the NEP in the reflection of the central newspapers of Soviet Russia

Аннотация. Настоящая статья посвящена отражению мер по реализации новой экономической политики центральными периодическими изданиями Советской России в переходный 1921 г. На примере газет «Известия ВЦИК» и «Правда» рассмотрены основные тенденции в освещении происходивших в экономике изменений.

Ключевые слова: новая экономическая политика; продовольственный налог; кооперация; 1921.

Abstract. This article is devoted to the reflection of measures for the implementation of the new economic policy by the central periodicals of Soviet Russia in the transitional 1921. Using the example of the newspapers «Izvestia VTSIK» and «Pravda», the main trends in the coverage of the changes taking place in the economy are considered.

Key words: new economic policy; food tax; cooperation; 1921.

Новая экономическая политика, проводившаяся советской властью в 1920–е гг., всегда привлекала внимание исследователей. Отдельный интерес представляет первый год НЭПа, когда были заложены основы данного курса: введен продовольственный налог, приняты меры по развитию кооперации, разрешены аренда и создание мелких промышленных предприятий частными лицами, начата денежная реформа и т. д.

Как в советской, так и в современной российской историографии рассматривались различные стороны новой экономической политики: причины перехода к новому курсу, суть происходивших перемен, реализация НЭПа в сельском хозяйстве, промышленности, финансовой сфере. Попытки проанализировать причины перехода к новой экономической политике предпринимались еще в 1920–1930–е гг. (соответствующие статьи публиковались в журналах «Большевик» [7; 14], «Красная новь» [3; 6]). Среди трудов 1950–х — 1970–х гг., посвященных начальному периоду НЭПа, следует выделить монографию Э.Б. Генкиной «Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922)» [2] и работу И. Б. Берхина «Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти» [1]. Новый этап в изучении НЭПа начался в середине 1990–х гг., когда, как

отмечают историки, исследования вышли на качественно новый уровень: анализу стали подвергаться все аспекты и стороны НЭПа, началось тщательное исследование его сущности и практики, замыслов и реальных действий правящей партии [9, с. 104–106]. Так, в 1994 г. был опубликован сборник статей под редакцией В. П. Дмитриенко «НЭП: приобретения и потери» [8]. Начало 2000–х гг. — время выхода в свет коллективного труда (С. А. Павлюченков, И. Б. Орлов, Е. А. Осокина и другие) «Россия нэповская», где исследователи довольно полно представили все стороны новой экономической политики [10]. В целом, в 2000–е гг. и до настоящего времени выходили как обобщающие работы, так и труды, в которых анализировались отдельные составляющие новой экономической политики.

Цель данной статьи — проследить, как изменения первого года НЭПа освещались в центральных периодических изданиях Советской России. Наше внимание было сосредоточено на газетах «Правда» и «Известия ВЦИК», поскольку именно эти периодические издания в первые десятилетия советской власти создавали идеологический фон для других газет, играли важную роль в формировании общественного мнения. Анализ их содержания позволяет проследить, каким образом новая экономическая политика освещалась в первый год ее реализации, какое отражение перемены, происходившие в сфере экономики, находили во взглядах и психологии людей.

Начало проведению новой экономической политики было положено на X съезде РКП (б), который проходил с 8 по 16 марта 1921 г. Первым актом НЭПа стало введение продовольственного налога взамен существовавшей в годы военного коммунизма продовольственной разверстки [13, с. 608–609]. Именно этот вопрос — введение продналога — подробно освещался в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК». Шло активное обсуждение сути перехода от разверстки к продналогу, который позиционировался как уступка интересам крестьянства [5, 20 марта; 11, 16 марта; 11, 17 марта]; подчеркивалось, что натуральный налог открывает новую полосу во взаимоотношениях рабочих и крестьян [11, 23 марта; 11, 12 апреля].

Через статьи и газетные заметки, сообщавшие информацию с мест, периодика показывала положительное отношение значительной части населения к данной мере. Например, сообщалось, что крестьяне Кубани, Воронежской губернии и Смоленска приветствуют введение продналога [5, 24 марта; 11, 30 марта].

Вместе с тем, в газетных статьях отразилось и осознание того, что на местах существовало определенное недоверие к натуральному налогу, вызванное непониманием механизмов его взимания и его задач. В связи с этим отмечалась потребность в проведении разъяснений. Подобные сообщения встречались как в начале июня 1921 г. [11, 2

июня], так и в последующие месяцы, продналог воспринимался частью крестьян как «хитрая механика» [11, 29 июня; 11, 28 июля; 5, 13 августа].

Когда начался решающий период в кампании по сбору налога, центральные газеты подчеркивали важность его сбора в полном объеме [11, 20 ноября], тщательно следили за ходом продовольственной кампании, ее успехами и проблемами.

Одной из выявившихся проблем оказалась слабость продовольственных органов. Заметки, указывающие на это, относились, например, к Курской губернии и Перми [11, 1 октября; 11, 30 октября]. Продовольственная кампания столкнулась и с другой проблемой — сокращение пашни. Это факт нашел отражение в газетных публикациях. В них сообщалось как о самой проблеме, так и о мерах по борьбе с укрывательством [11, 25 октября; 5, 30 октября].

Не обошли газеты стороной и другие составляющие новой экономической политики, живо откликаясь на происходившие изменения. На X съезде партии была принята резолюция «О кооперации», согласно которой, ЦК РКП (б) поручалось выработать постановления, улучшающие деятельность кооперативов в условиях замены разверстки натуральным налогом [13, с. 609]. В дальнейшем обсуждались вопросы, связанные с кооперацией, ее значением в новых условиях. Неоднократно отмечалась роль кооперации как орудия товарообмена и борьбы со спекуляцией [5, 29 мая; 11, 2 июня]. Кооперации отводилась большая роль в противостоянии частному капиталу, что наиболее ярко проявилось в лозунге: «Все для кооперации, ничего для вольного рынка», который встречается в одной из статей осенью 1921 г. [11, 10 сентября].

Периодическими изданиями отмечались и отклонения кооперации от первоначальных задач. Например, статья с говорящим названием «Кооператоры–торгаши» указывала на то, что многие потребительские кооперативы ударились в спекуляцию [11, 30 октября]. Однако, несмотря на подобные отклонения, общий курс по-прежнему признавался верным, подчеркивалось, что кооперация задумана «надолго и всерьез» [11, 20 ноября].

Газетные публикации позволяют заметить неоднозначное отношение к аренде и созданию частных мелко-промышленных предприятий. Еще в мае 1921 г. по результатам X Всероссийской конференции РКП (б) была принята «Резолюция об экономической политике», которая допускала сдачу предприятий в аренду частным лицам, кооперативам, артелям, товариществам государственных предприятий [12, с. 92–93]. Одновременно с этим прослеживается предпочтение, которое отдавали в вопросе аренды кооперативным объединениям, а не частным лицам. Это характерно как для Постановления СНК «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему совету народного хозяйства», опубликованного в «Известиях» 10 июля [5, 10 июля], так и для последующих публикаций [11, 26 августа; 11, 23 дека-

бря]. При этом отметим, что положительная сторона аренды также признавалась [5, 18 сентября].

Декрет ВЦИК и СНК «О кустарной и мелкой промышленности» от 7 июля 1921 г. разрешил создание мелко–промышленных предприятий [4, с. 40–42]. Однако в дальнейшем на страницах газет часто упоминалось о непрестом положении рабочих на частных предприятиях: на эту тему в «Правде» вышел ряд статей, в одной из которых звучал призыв «подготовить намордник поднявшим головы предпринимателям» [11, 6 декабря]. Это создавало у читателя образ частника–эксплуататора, который пользуется новой экономической политикой лишь в своих интересах.

В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) было принято решение о пересмотре финансовой политики государства [13, с. 609]. Изменения в этом секторе экономики, начало проведения денежной реформы также нашли отражение в периодической печати. Основные вопросы, которые освещались в газетных публикациях, в тот момент времени были связаны с сокращением эмиссии, укреплением валюты и переходом к твердому бюджету. Эти проблемы в своих статьях неоднократно рассматривал советский экономист Е. А. Преображенский. В частности, он отмечал, что хаотическое эмиссионное хозяйство является главным тормозом к успешному проведению новой экономической политики [11, 4 сентября]. Е. А. Преображенский рассматривал в своих публикациях и вопрос деноминации, разъяснял значение выпуска новых денег [11, 1 декабря]. В целом мероприятия, которые проводились в этом направлении, находили поддержку и одобрение на страницах газет.

Таким образом, с момента перехода к новой экономической политике в марте 1921 г. и на протяжении последующих месяцев центральные периодические издания подробным образом освещали меры по реализации нового курса. Соответствующие публикации отражали принятые советской властью постановления, разъясняли перемены и давали им оценку, формируя тем самым отношение к НЭПу и его проявлениям – положительное к одним и настороженное к другим.

Список литературы

1. Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М.: Наука, 1970. 239 с.
2. Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М.: Госполитиздат, 1954. 504 с.
3. Гусев С. И. Еще о новой экономической политике // Красная новь. 1921. № 3. С. 326–330.
4. Декреты Советской власти: в 18 т. Т. XVII, июль 1921 г. М.: РОССПЭН, 2006. 512 с.
5. Известия ВЦИК. 1921.
6. Кураев В. От войны к миру // Красная новь. 1921. № 3. С. 304–325.

7. Манюрин Е. Новый этап и некоторые его проблемы // Большевик. 1930. № 9. С. 102–112.
8. НЭП: приобретения и потери: сб. статей / отв. ред. В. П. Дмитренко. М.: Наука, 1994. 215 с.
9. Орлов И. Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116.
10. Павлюченков С. А. Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.
11. Правда. 1921.
12. Протоколы Десятой Всероссийской конференции РКП(большевиков). Май 1921 г. / К. А. Мальцев (отв. ред.). М.: Партийное изд-во, 1933. 127 с.
13. РКП (б). Съезд, 10–й. 1921. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 915 с.
14. Розенталь К. На новом этапе // Большевик. 1930. № 5. С. 60–84.

Мамин Роман Владимирович
НИУ «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Махалова Ирина Андреевна, канд. ист. наук, ст. преподаватель

«Сотворил гражданенка, ассигнуй треть»: реакция населения на советскую гендерную политику в 1920–х гг. на материале анекдотов

«You made a citizen, so pay one third»: the reaction of the population to Soviet gender policy in the 1920s based on Soviet jokes

Аннотация. В статье анализируются советские анекдоты, посвященные гендерной политике Советского Союза в 1920–х гг. Желая создать «нового советского человека», большевики пытались решить «женский вопрос» и подчинить интимную сферу. Тем не менее не все поддержали действия властей.

Ключевые слова: советский анекдот; гендерная политика; история СССР.

Abstract. In this article Soviet jokes dedicated to Soviet gender policy in the 1920s are examined. Willing to build a new Soviet man, the Bolsheviks tried to solve the woman question and to control intimate sphere. However, not everyone supported the political acts of the government.

Key words: soviet jokes; gender policy; Soviet history.

С приходом к власти в 1917 г. большевики сразу приступили к проектированию «нового человека». Однако анализируя ретроспективно, становится ясно, что никогда не было монолитного и артикулированного консенсуса по поводу того, каким является идеальный человек. Но это не мешало советской власти осуществлять политические действия в этом направлении. Наиболее активные споры о судьбе советского человека проходили в 1920–е гг.

Большевики не забыли и про женский вопрос. Эмансипация женщин в рамках марксизма–ленинизма являлась одним из условий для перехода к социализму, а затем и к коммунизму. Женщина должна была освободиться из–под гнёта патриархата для того, чтобы наравне участвовать в построении нового общества. Революция 1917 г. запустила не только общественную дискуссию, но и конкретные действия, направленные на установление нового гендерного порядка. Реакция на проводимую гендерную политику воплощена и в анекдоте.

В рамках данной статьи предлагается посмотреть на анекдот как на исторический источник. Советский анекдот выступал индикатором общественных настроений, что осознавали и советские власти [2, с. 49–59], и исследователи. Например, анекдоты изучал М. А. Мельниченко,

отмечая их источниковедческий потенциал [2]. Из зарубежных работ отмечу книгу Эмиля Дрейцера «Making Love, Not War»: Дрейцер в первую очередь интересовался тем, на каких гендерных стереотипах зиждился юмор [4]. Тем не менее, в историографии еще не ставилась задача привлечь анекдот для исследования реакции на гендерную политику 1920–х гг.

Всего мне удалось обнаружить 18 сюжетов, которые связаны с действиями или дискуссиями в рамках гендерной политики¹. Для удобного анализа я решил разделить их на тематические блоки: таких получилось три (см. Приложение). Рассмотрим их.

Самая популярная тема для высмеивания — алименты. На эту тему возникло в 1920–е 10 сюжетов. Популярность можно связать с тем, что анекдот — это преимущественно мужской жанр фольклора [4, р. 6]. Распространяясь в особой социальной среде, анекдот демонстрирует нормы и ценности, разделяемые этой группой [4, р. 8].

Алименты стали новым элементом реальности в 1918 г., когда большевиками был принят кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Кодекс 1918 г., во-первых, закрепил положение, согласно которому при разводе обязанность финансово способствовать содержанию детей ложилась на одного из супругов [3, с. 371], а во-вторых, вводил возможность потребовать уплаты алиментов в пользу нуждающегося супруга [5, р. 52]. В 1920–е развитие семейного права продолжилось, и в 1923 г. началось обсуждение чернового варианта нового кодекса. Споры возникли вокруг алиментных платежей. Так, Д. И. Курский, Народный комиссар юстиции РСФСР, заявлял, что необходимо уравнивать позиции зарегистрированных браков и сожительств. Это, по его мнению, позволило бы обезопасить женщину. Эту точку зрения поддерживали не все, опасаясь, что черновой вариант недостаточно противостоит разводам, а больше всего несогласные переживали по поводу того, что это может привести к злоупотреблению правом на алименты со стороны женщин [7, р. 66–67]. Тем не менее, в 1926 г. был принят новый кодекс в варианте Курского [7, р. 68]. С принятием этого кодекса я связываю появление серии анекдотов:

«На суде: “Кого вы считаете отцом вашего ребенка, Иванова или Петрова?” — “Да какой же Петров отец, ежели он два года безработный”» [2, с. 747].

В этом примере высмеивается алчное поведение женщин. Согласно Э. Дрейцеру «юмор не только утверждает мужское доминирование», но и «имеет дело с тревогой и с другими проблемами» [4, р. 7]. По вопросу алиментов общественное мнение советских мужчин совпало с позицией некоторых представителей политической элиты. Статистика проливает свет на причины этих опасений: в 1918 г. только

¹ Все анекдоты взяты из Указателя сюжетов, составленного М. Мельниченко, т.к. это единственная научная публикация анекдотов.

в 1% случаев суды обязывали супруга платить алименты, а в 1924 г. уже около 45% разводов были связаны с алиментами [5, р. 134].

Популярность именно этого сюжета в анекдотах того времени, видимо, заключается и в размерах алиментов:

«“Расшифруйте мне, что такое ЗАГС”. — “Запись актов гражданского состояния”. — “А если читать с обратной стороны, то получится: Сотворил Гражданинка — Ассигнуй треть”» [2, с. 746].

И действительно, обычно суды устанавливали размер алиментов в одну треть от заработка мужчины [5, р. 141].

Извлеченный из исторического контекста анекдот перестает быть смешным, поэтому можно встретить версии с объясняющим «зачином»:

«Одно время в СССР очень злоупотребляли алиментами. Отец зовет сына и говорит: “Вот здесь деньги. Отнеси их матери и скажи ей, что тебе сегодня восемнадцать лет. Сегодня я последний раз плачу ей алименты. Одновременно посмотри, какая у нее будет физиономия”. Сын отдал деньги матери и передал все, что говорил ему отец. Мать ему на это сказала: “Пойди к отцу и скажи ему, что ты не его сын и что восемнадцать лет он платил алименты даром. Одновременно посмотри, какое у него будет выражение на лице”» [2, с. 747].

Однозначная датировка анекдота невозможна, однако ясно, что он отсылает ко времени принятия Кодекса 1926 г. Пояснение появилось в виду того, что в 1936 г. был принят новый Кодекс, который схематизировал процесс определения суммы выплат, и накал страстей вокруг этой проблемы спал [7, р. 72]. Стоит подчеркнуть, что в пояснении сложившаяся ситуация объясняется как «злоупотребление алиментами». Все зафиксированные шутки имплицитно транслируют такую же точку зрения, а виновников двое: женщина и суд, т. е. государство.

Работа над законодательством была частью более глобального процесса включения женщин в политическую и общественную жизнь. К этой категории я отнес 5 сюжетов.

«“Почему страна так заплевана?” — “Во-первых, потому что все плюют с высокого дерева. Во-вторых, потому что нет уборщиц”. — “А где они?” — “Все выдвинуты на высокие должности”» [2, с. 432].

В этой шутке можно углядеть перифраз выражения, приписываемого Ленину: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». Эту фразу он никогда не использовал, но она стала очень популярной среди критиков советской власти.

Почему высмеивается факт вовлечения женщин в политическую сферу? В СССР господствовала позиция, согласно которой женщинам свойственна «отсталость». Часть действий большевиков была направлена на борьбу с этой отсталостью. Тем не менее, мужчины скептически отнеслись к этому процессу. К тому же это были не просто анекдоты, но и инструмент для активного оскорбления. Анна Горсуч описывает слу-

чаи, когда комсомолок высмеивали мужчины, например, из-за беременности [6, р. 650]. Исследовательница полагает, что это было частью такого явления, как «культура исключения». Анализируемые анекдоты не противоречат этой точке зрения:

«Лозунг пионерки — “всегда готова”, комсомолки — “уже давно готова”, у партийцев — “по потребности и способности”» [2, с. 706].

Такие шутки не только исключают женщин из мужской компании, подчеркивая разрыв между «ними» и «нами», но и поддерживают объективизацию женщин, репрезентируя их только как сексуализированный объект.

С другой стороны, анекдотов зафиксировано не так много, потому что этот процесс не являлся «головною болью» как алименты, связанные с мужскими финансами.

Большевики инициировали активную дискуссию о том, какими должны быть любовь и семья нового советского человека. Для власти было важно решить вопрос: мешает ли семья установлению социализма или не противоречит счастливому коммунистическому будущему? Высказывались совершенно противоположные точки зрения. Даже радикальные, например, П. А. Виноградская вообще рассматривала возможным вариантом полигамию [1, с. 227]. Однако сам факт попытки «залезть» в столь интимную сферу жизни и дискуссии о том, какую форму любви считать нормой, стали отдельной темой в шутках. Этот анекдот посвящен новой норме:

«Керженцев делает доклад у студентов на тему “Берегите время!”. Выступает студент: “Очень помогает экономить время знаете что? Любовь с первого взгляда”» [2, с. 732].

П. М. Керженцев — теоретик научной организации труда. Суть его учения заключалась в том, что необходимо рационализировать трудовую деятельность путем экономии и планирования времени. Пуант этого анекдота дает возможность поразмышлять о том, какой видели студенты и рабочие «идеальную любовь». Лебина привлекает большой массив статистических данных, чтобы доказать, что свободные интимные отношения становятся нормой для советских граждан [1, с. 230]. Вероятно, поэтому герой анекдота сетует на то, что любовь занимает много времени. В 1920-е меняется сам образ жизни, все активнее население включается в общественные дела, а для личной жизни остается меньше времени.

В анекдотах звучат не только отголоски раскрепощения моральных норм, но и беспокойство из-за растущего государственного контроля:

«Муж вернулся домой. Говорит жене: “Что, хлеб нормировали?”. — “Нормировали”. — “Сахар? Жиры?” — “Нормировали”. — “Так будем с тобой вместо еды целоваться-миловаться. Быстро! Пока еще это не нормировали”» [2, с. 566].

Таким образом, анекдот, посвященный гендерной политике, — источник, воплощающий общественное мнение в первую очередь советских мужчин. С помощью него можно изучать «иерархию внимания»: какие-то события высмеиваются чаще, другие реже, остальные совсем игнорируются. В таком юморе присутствуют два антагониста: женщина и государство. В советском анекдоте женщина наделяется, с одной стороны, алчностью и хитростью, с другой — отсталостью. К тому же женщина в анекдотах зачастую сексуально объективизирована. Государство же пытается все нормировать, в том числе и интимную сферу. Анекдот — продукт беспокойства; попытка рефлексии и конституирования общих ценностей, запакованных в акт высмеивания. Исследователи же благодаря анализу анекдотов могут установить, какие аспекты политики волновали население и почему.

Список литературы

1. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
2. Мельниченко М. А. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с.
3. Петрова Н. Д. История алиментных обязательств в советский период: проблемы теории и практики // Проблемы науки. 2020. № 3. С. 24–26.
4. Draitser A. E. Making War, not Love. Gender and Sexuality in Russian Humor. N. Y.: St. Martin's Press, 1999. 308 p.
5. Goldman Z. W. Woman, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 352 p.
6. Gorsuch E. A. «A Woman is not a Man»: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 3. P. 636–660.
7. Kaminsky L. Utopian Vision of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union // Central European History. 2011. Vol. 44. No. 1. P. 63–91.

Приложения

Табл. 1. Тематическое разделение анекдотов

<i>Предмет высмеивания:</i>	<i>Количество анекдотов:</i>
Алиментаы	10
Вовлечение женщин в политическую и трудовую деятельность	5
Нормирование интимной сферы и новые нормы любви	3
ИТОГО	18

Воротынцев Глеб Денисович
Санкт–Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Рябова Людмила Константиновна, канд. ист. наук, доц.

Интерпретации алкогольных девиаций в раннесоветском обществе (1918–1929 гг.) в визуальных источниках антирелигиозного характера: на материалах журналов «Безбожник» и «Безбожник у станка»

Interpretations of alcoholic deviations in Early Soviet society (1918–1929) in visual sources of an anti–religious nature: based on the materials of the magazines «Atheist» and «Atheist at the Machine»

Аннотация. Статья посвящена интерпретации алкогольных девиаций раннесоветского общества в визуальных источниках антирелигиозной периодической печати. На материалах журналов «Безбожник» и «Безбожник у станка» рассматривается круг проблем, провоцируемых употреблением и производством алкоголя в советском городе и деревне. Через изучение нарративных сюжетов визуальных источников делается вывод о том, какова роль церкви в распространении традиции употребления алкоголя, и какие существуют решения алкогольной проблемы, по мнению советских антирелигиозных деятелей.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда; алкогольные девиации; визуальные источники.

Abstract. The article is devoted to the interpretation of alcoholic deviations of early Soviet society in the visual sources of anti–religious periodicals. Based on the materials of the magazines «Atheist» and «Atheist at the machine», the range of problems provoked by the use and production of alcohol in the Soviet city and village is considered. Through the study of narrative plots of visual sources, a conclusion is drawn about the role of the church in spreading the tradition of alcohol consumption, and what solutions to the alcohol problem exist, according to Soviet anti–religious figures.

Keywords: anti–religious propaganda; alcoholic deviations; visual sources.

При изучении антирелигиозной пропаганды в раннем СССР основной фокус направлен на складывание системы по борьбе с религией. Активно изучаются тексты и выступления активистов антирелигиозных движений. Между тем, неоправданно мало внимания уделяется визуальным источникам, использующимся в агитации.

Когда речь идёт об антирелигиозной работе в аграрной стране, где за 4 года до революции средний уровень грамотности деревенского населения составлял всего 24–25 %, визуальная культура имеет наиважнейшее значение в коммуникации с обществом [9, с. 248].

В первое десятилетие советской власти шла дискуссия между двумя антирелигиозными печатными изданиями: Журналом «Безбожник у станка» и газетой (затем и журналом) «Безбожник». Редактор первого издания М. М. Костеловская считала, что необходимо вести пропаганду провокативную, оскорбляющую религию, редактор же второго издания, Е. М. Ярославский, выступал за пропаганду в естественно-научном ключе [1, с. 282].

Конфликт двух редакций имел не только идеологический аспект, но и административный. Первоначально издания работали на разные аудитории. «Безбожник у станка» — на городское население и рабочих, а «Безбожник» — на крестьянство. Однако постепенно оба издания стали расширять аудиторию.

Это хорошо прослеживается при сравнении первых и последующих выпусков журналов. В первом январском номере журнала «Безбожник у станка» 1923 г. на обложке за авторством Д. Моора изображён рабочий, поднимающийся по лестнице вверх, дабы сокрушить богов [4, № 1], а в выпуске №2 за 1929 г. на обложке за авторством К. Урбетиса главным героем выступает уже житель деревни. Крестьянин в красной рубаше на красном тракторе пашет красное поле [5, № 2]. Аналогичные изменения, только от крестьянства к рабочим, можно проследить в журнале «Безбожник».

Такая метаморфоза была естественна — чтобы превзойти издание-конкурента, необходимо быть популярнее, чем соперник.

Для начала было необходимо уничтожить авторитет церкви как института. На тот момент в обществе уже были достаточно сильны антиклерикальные настроения. Часть критики, направленной в адрес царского режима, была адресована церкви, поскольку она являлась частью государства [8, с. 40].

Наиболее показательным было изобличение пороков церкви, выставление Храма как приюта антисоциальных элементов, а религии — как источника порока. Самой распространённой и массовой девиацией являлся алкоголизм.

Говоря о пьянстве как девиации, необходимо понимать контекст эпохи. Издревле на Руси сложилась традиция возлияний по праздникам, с учётом того, что основная масса праздничных дней была связана с религиозными датами, в народном сознании установилась связь между употреблением алкоголя и религиозным торжеством [6, с. 18].

Данную проблему признавали задолго до революции. Наиболее остро она проступила в начале Первой мировой войны. Стремясь бороться с злоупотреблениями, правительство в 1914 г. ввело сухой закон. После октябрьской революции отношение власти к алкоголю не изменилось. СНК РСФСР в 1919 г. утвердил постановление «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких

напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Алкоголизм рассматривался как пережиток капитализма [7, с. 327].

Город и фронт нуждались в хлебе, в таких условиях болезненно ощущалась проблема самогоноварения, поскольку крестьяне предпочитали использовать остатки зерна на самогон [10, с. 121].

Редакции «Безбожника у станка» и «Безбожника» стремились в своих материалах пропагандировать вредность данной девиации.

В «Безбожнике у станка» публиковались карикатурные изображения библейских героев. В выпуске под №4 за 1923 г. в сатирическом ключе интерпретируется сюжет Брака в Кане Галилейской. Карикатура является иллюстрацией к очерку «Чудо в Кане галилейской или откуда пошла самогонка». По сюжету Иисус избрёл самогон и спойл им апостолов [4, № 4].

Редакция под руководством Е. М. Ярославского стремилась разъяснить крестьянам всю непрактичность самогоноварения. В №4 за 1925 г. была опубликована карикатура, главный герой которой, крестьянин, раздаёт зерно священнику, саранче и кулаку. Под изображением подписи: «Кулаку на самогон», «Сусликам да саранче на прокорм», «Попу на молебны» — все герои карикатурны. И еще одна подпись: «А себе, глядишь ничего не осталось». Подразумевается, что вместо пропитания зерно тратится на самогон, так ещё чаще всего выгоду получает не бедный крестьянин, а кулак — классовый враг [2, № 4].

Алкоголизм в антирелигиозной периодической печати рассматривается как мужской порок. У этого были предпосылки — во многих крупных промышленных городах с 1922 г. у проходных заводов в день зарплаты стали выстраиваться кордоны с целью помешать мужчинам тратить зарплату на алкоголь [7, с. 331]. Подобная проблема была не только в городах, но и в деревнях. При доступности зерна и возможности использовать самогонный аппарата алкоголизм расцветал ещё ярче.

Ответственность за семью и перевоспитание мужчины иллюстративные периодические издания возлагали на женщин. В выпуске журнала «Безбожник» с наименованием «Женский» за 1925 г. размещён рисунок Ю. Г., на котором крестьянка несёт пьяного крестьянина, вокруг которого щупальца, простирающиеся из бутылки. Подпись гласила: «Женщина спасай своего мужа из цепких лап самогона!» [2, № 5]. Подобного рода материалы достаточно ярко отражали представление большевистского правительства об устройстве семьи. Советская власть отводила женщине ключевую роль в организации прогрессивной ячейки общества.

Проблема алкоголизма обострилась в 1925 г. В августе этого года с стране была разрешена продажа сорокоградусной водки, государство являлось монополистом на этом рынке [8, с. 292].

Для власти серьёзным вызовом стал упадок трудовой мотивации из-за злоупотребления алкоголем, особенно в церковные праздники.

К религиозным торжествам журналы публиковали тематические номера, в которых высмеивалась вредность празднования и употребления алкоголя.

Празднование Пасхи интерпретировалось как трата времени и ресурсов в период важного этапа посевной. Эту идею хорошо иллюстрирует карикатура из седьмого (пасхального) выпуска за 1929 г. журнала «Безбожник у станка» за авторством А. Радакева. Источник содержания поделен на две части под наименованием «Из-за праздников пасхи крестьяне упускают один из самых важных моментов в посеве, обеспечивающий хороший урожай!». На одной картинке священник показывает на Иисуса, спускающегося в свете с подносом, на котором кулич, пасха, водка и яйца. Священник указывает на это мужику, воруя при этом его же деньги [5, № 7].

В карикатуре транслируется идея, что не только важное в хозяйстве время тратится на церковный праздник, но и предоставляется возможность священнослужителю нажиться на невежестве людей.

В №21 журнала «Безбожник» за 1929 г. был размещён фоторепортаж к очерку «Матушки под комсомольским огнём». В очерке повествуется о культе поклонения на Смоленском кладбище. На фотографиях запечатлены сцены пьянства и его последствий: кутежи, драки и убийство. В тексте отмечается, что все нарушения общественного порядка произошли под воздействием алкоголя. Автор очерка внушает мысль, что на фотографиях фигурируют типичные представители православной церкви [3, № 21].

В антирелигиозной пропаганде церковь осуждалась и как институт, растлевающий детей и склоняющий их к регулярному употреблению алкоголя, намеренно спаивая детей.

В раннем СССР, в условиях не до конца сформированных структур воспитания младшего поколения существовала проблема детского алкоголизма [7, с. 329]. На изображении Е. Соколова в №19 журнала «Безбожник у станка» за 1929 г. поп пихает ложку с причастием плачущему ребёнку, которого держит на руках мама. Подпись: «Именно попы, а не кто-либо другой, во славу «Господа Бога» насильственным образом вводят в организм человека первую дозу отравы-алкоголя под видом так называемого причастия» [5, № 19].

Осуждаются и семейные традиции. Подобного рода изображение содержится в №8 журнала «Безбожник». На фотографии отец заставляет своего сына выпить «ради праздника» [3, № 8].

В результате проведённого анализа нарративных сюжетов в журналах «Безбожник» и «Безбожник у станка» можно сделать вывод о том, что советская система антирелигиозной пропаганды рассматривала алкоголизм как одну из наиболее опасных для общества девиаций.

Для этого были основания: крестьянство тратило зерно, нужное государству, на самогон, алкоголь подрывал трудовую мотивацию, ухудшал криминогенную обстановку и провоцировал конфликты в семье. Церковь репрезентируется как главная виновница морального упадка. Именно её служители знакомят детей с алкоголем, именно она прививала долгие века традицию распития, именно она, искушая советского человека, мешает строить светлое будущее.

Антирелигиозная периодическая печать предлагает несколько решений: во-первых, отказ от церковных праздников и религии в целом, во-вторых, борьба с распитием в семье.

Список литературы

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Издательство политической литературы, 1991. 398 с.
2. Безбожник. 1925.
3. Безбожник. 1929.
4. Безбожник у станка. 1923.
5. Безбожник у станка. 1929.
6. Колемасов В. Н. Борьба с пьянством и алкоголизмом в России в 1917–1930 гг. // Наука. Общество. Государство. 2016. №2. С. 17–24.
7. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 482 с.
8. Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб.: Информационно–техническое агентство Ритм, 2016, 364 с.
9. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
10. Шекшев А. П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. №4. С. 82–97.

Малюченко Дмитрий Алексеевич
Санкт–Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ратьковский Илья Сергеевич, канд. ист. наук, доц.

**Преобразования военной юстиции в первой половине 1930–х гг.
(на примере военной прокуратуры Морсил Балтийского моря)**

**Transformations of military justice in the first half of the 1930s
(based on the materials of the Military Prosecutor's Office of the
Baltic Fleet)**

Аннотация. Первая половина 1930–х гг. — время реформирования системы советской юстиции. Исследование определяет важнейшие проблемы развития военной юстиции на примере военной прокуратуры Морсил Балтморя, а также выделяет ключевые события возвращения к «нормальной законности».

Ключевые слова: советская юстиция; военная прокуратура; политические репрессии; Балтийский флот; 1930–е гг.

Abstract. The first half of the 1930s was the time of reforming the Soviet justice system. The study identifies the most important problems of the development of military justice on the example of the military Prosecutor's office of the Baltic Fleet, and also underlines the key events of the return to «ordinary legality».

Key words: Soviet justice; military prosecutor's office; political repression; Baltic Navy; 1930s.

В настоящее время проблема изучения реформирования органов военной юстиции СССР в первой половине 1930–х гг. продолжает оставаться актуальной. Позиции исследователей относительно значения изменений в органах юстиции можно разделить на два сложившихся мнения. Для одних реформы — это естественный процесс эволюции системы советского судопроизводства [2]. Для других — преобразования с прицелом на будущее, имея в виду развернувшиеся во второй половине 1930–х гг. массовые политические репрессии [5].

Накопившийся корпус исследований данного вопроса имеет несколько нерешённых проблем. Одна из них заключается в том, что за пределами исследовательского интереса остаются процессы, протекавшие не в высших эшелонах власти, а на местах: будь то система учреждений юстиции отдельных регионов или специальная юстиция, в нашем случае — военная. При этом изучение изменений в сфере юстиции в рассматриваемый период имеет как минимум два аспекта. Первый — анализ совокупности данных о кадрах юстиции, являющийся исследовательски перспективным, поскольку существует явный дефицит сведений о социальных характеристиках работников совет-

ской юстиции. Второй аспект — структурные и институциональные перемены, нашедшие отражения в функциональной деятельности отдельных учреждений юстиции. Именно такие перемены с использованием иллюстраций частного примера — военной прокуратуры (ВП) Морских сил Балтийского моря (МСБМ) — стали предметом настоящего исследования.

В начале 1930-х гг. военная прокуратура представляла из себя ведомство, осуществлявшее надзорно-контрольные функции в области соблюдения советских законов в армии и на флоте. Структура учреждения и его кадровое обеспечение хорошо видно на примере военной прокуратуры Балтфлота. Приказом от 15 февраля 1931 г. по ВП МСБМ был установлен штат сотрудников, насчитывавший 9 человек. В штат входил военный прокурор, его заместитель, 3 военных следователя, старший секретарь, статист-информатор и два делопроизводителя [9, л. 6]. Введённый с 1 января 1934 г. новый штат работников ВП МСБМ полностью повторяет описанную выше структуру [8, л. 172]. Подобное обстоятельство важно, поскольку ставит вопрос о соотношении численности личного состава флота и работников военной юстиции. В настоящее время установлено, что к началу 1932 г. штатная численность личного состава МСБМ составляла примерно 18,5 тысяч человек (без учёта курсантов военно-морских вузов), а фактическая — порядка 20 тысяч [7, л. 36], по состоянию на середину 1933 г. — около 24 тысяч [6, л. 51]. Это означает, что фактически работу в отношении двух десятков тысяч краснофлотцев осуществляли 5 юристов, включая военного прокурора и его заместителя.

Нельзя утверждать, что проблема перегруженности военных юристов и, как следствие, возможных трудностей выполнения ими своих непосредственных задач, на Балтфлоте не осознавалась. В этой связи активно применялась схема закрепления отдельных частей за конкретным военным следователем. В первый раз приказ об этом появился в октябре 1931 г. Согласно ему появились три «надзорных округа». Первый включал весь плавающий флот, Переходящую роту, Погранчасти и милицию. Второй — Береговую Оборону, все береговые части и учреждения на территории г. Кронштадта. Третий «округ» вобрал в себя ВВС и все части и учреждения на территории Ленинграда, а также корабли, базировавшиеся на Ленинград [9, л. 14]. Данная мера отчасти преследовала своей целью и закрепление личной ответственности военных следователей, но основной её мотив — распределение крайне ограниченных людских ресурсов. Однако способы решения проблемы не соответствовали её масштабу. В четвёртом квартале 1933 г. средний по РККА срок следствия, проводимого военными прокуратурами, от момента совершения преступления до передачи дела в военные трибуналы составил 41 день при нормативе 15 дней. В ВП МСБМ срок следствия был наиболее приближенным к норме — «всего» 31 день [8, л. 115].

В таком кризисном состоянии военная юстиция подошла к рубежному событию — изданию 8 мая 1933 г. Директивы–инструкции ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочивании производства арестов и разгрузке мест заключения». Этот документ провозглашал отказ от «массовых выселений и острых форм репрессий в деревне» и возвращение к «нормальной законности». Одновременно с этим право применения арестов как меры пресечения до суда закреплялось только за прокуратурой СССР, ОГПУ и начальниками милиции и за ограниченный перечень преступлений, включавший преступления против государства и особо тяжкие общеуголовные преступления [11, с. 749]. В отчёте от 13 октября 1933 г. о выполнении положений этой Директивы военный прокурор МСБМ П. С. Войтеко указал, что в рамках разгрузки мест лишения свободы по его ходатайству были досрочно освобождены 19 бывших красноармейцев и ещё 60 переведены в исправительно–трудовые колонии [10, л. 122]. Также отмечено уменьшение количества дознаний и осуждённых благодаря курсу на усиления воспитательной работы рядового состава начсоставом и уменьшению претензий о привлечении краснофлотцев к судебной ответственности за незначительные правонарушения [10, л. 122].

Указанная тенденция была характерна не только для МСБМ, но и всей армии в целом. В краткосрочной перспективе выполнение положений Директивы 8 мая 1933 г. привело к снижению числа арестов подследственных с заключением под стражей (См. Табл. 1). Уже во втором полугодии 1933 г. наряду с общим снижением количества осуждённых военнослужащих наблюдается и некоторое смягчение мер наказания по приговору суда. На протяжении трёх полугодий до этого возростала доля условных приговоров и приговоров, влекших лишение свободы сроком от 3 лет и выше, а также применение высшей меры наказания. После провозглашения курса возвращения к «нормальной законности» уже каждый десятый приговор военнослужащему был условным, а меры наказания в приговорах сместилась в сторону более мягких (См. Табл. 2). Даже в разрезе различных видов преступлений тенденция очевидна: приговоры за политические и тяжелейшие воинские преступления во втором полугодии 1933 г. стали содержать более мягкие меры наказания. Правда, смягчение было неравномерным и менее выраженным в приговорах за контрреволюционные преступления, а также хищение и утрату оружия (См. Табл. 3).

Вместе с тем, Директива от 8 мая 1933 г. своим содержанием ещё больше усложнила отношения военной прокуратуры с учреждениями государственной безопасности в армии, занимавшимися военной контрразведкой — Особыми отделами (ОО) ОГПУ. Факты трений между двумя структурами на местном уровне наблюдались и в более ранний период [3]. 26 декабря 1933 г. всем военным прокурорам было разослано специальное письмо Главного военного прокурора № 3с «О

недочётах в работе военной прокуратуры по наблюдению за делами, находящимися в производстве Особых отделов». Среди прочего были отмечены факты незаконного производства ОО арестов. В вину военным прокурорам было поставлено отсутствие контроля за Особыми отделами по срокам окончания следствия, а также вынесение обвинительных заключений с необоснованным согласием на рассмотрение дела во внесудебном порядке [8, л. 11–12]. Отсутствовал и контроль военных прокуроров за собственными указаниями и предложениями в адрес ОО. Как итог — высокий процент прекращённых дел, поступивших в Главную военную прокуратуру в 1933 г.: 5,5 % дел были прекращены, 3 % направлены на исследование, «значительная часть» оставшихся дел были разрешены условным приговором с зачётом предварительного заключения [8, л. 13].

Главная военная прокуратура требовала не вмешиваться в ход следствия Особых отделов [8, л. 15], однако конфликт между органами госбезопасности и военной юстиции продолжился. Иначе трудно объяснить появление 21 апреля 1934 г. приказа Главного военного прокурора № 60/с. Концентрируя работу военных прокуратур на рассмотрении поступавших дознаний из частей, приказ закреплял надзор по делам ОО только за военным прокурором округа (армии, моря) без права передачи этой работы заместителям или военным следователям. Также военной прокуратуре запрещалось проводить обследования и общие проверки исполнения приказов в воинских частях и учреждениях, кроме случаев, когда такие проверки являются частью следственных мероприятий [8, л. 157, 159].

Положения приказа фактически означали сведение задач военной прокуратуры к выдаче санкций на аресты и самостоятельному расследованию только общеуголовных преступлений, совершённых военнослужащими. Необходимо учитывать, что в том же 1934 г. подсудность дел о политических преступлениях была закреплена за военными трибуналами, а также появился орган всесудебной расправы — Особое совещание при НКВД СССР. Структурные и функциональные перемены в работе военной юстиции привели к значительному сужению её надзорных и контрольных полномочий, сформировав подчинённое положение по отношению к Особым отделам при расследовании дел ими.

Рассмотренный процесс не мог не вызывать сопротивление работников юстиции в разные годы [4]. Косвенным подтверждением этого служит и тот факт, что с июля 1935 г. по апрель 1937 г., т.е. до начала Большого Террора, из ВКП (б) было исключено 607 работников прокуратур СССР, 488 служащих юстиции были сняты со своих постов, из них 133 осуждены и 95 по состоянию на апрель 1937 г. находились под следствием. С августа 1936 г. по март 1937 г. за контрреволюционную деятельность было снято с должностей 164 прокурора, из них 39 — арестованы [1, с. 266].

Список литературы

1. Кодинцев А. Я. Законопроект о судоустройстве СССР и борьба за власть в органах советской юстиции // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах. / А. А. Дорская (отв. ред.). СПб.: Астерион. С. 266–277.

2. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. 2–е изд. СПб.: ЮридЦентрПресс, 2002. 418 с.

3. Малюченко Д. А. П. С. Войтеко — Военный прокурор Морских сил Балтийского моря // Ноябрьские чтения –2019: Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт–Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.). СПб.: Скифия–принт, 2021. С. 632–641.

4. Они не молчали: О сопротивлении в годы культа личности Сталина / А. В. Афанасьев (сост.). М.: Политиздат, 1991. 446 с.

5. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. 2–е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

6. РГАВМФ. Ф. Р–307. Оп. 2. Д. 98. Ведомость численности личного состава МСБМ с указанием количества боевых судов, частей и соединений. 108 л.

7. РГАВМФ. Ф. Р–307. Оп. 2. Д. 139. Сведения о штатной и списочной численности личного состава центральных учреждений ВМС в Ленинграде и начсостава МСБМ на 1 января 1932 г. 49 л.

8. РГАВМФ. Ф. Р–1570. Оп. 7. Д. 163. Циркуляры, приказы руководящих органов юстиции и Главной Военной Прокуратуры РККА. 289 л.

9. РГАВМФ. Ф. Р–1570. Оп. 1. Д. 201. Приказы военного прокурора по личному составу. Подлинные. 16 л.

10. РГАВМФ. Ф. Р–1570. Оп. 7. Д. 3493. Сводки, информационные донесения прокуратурой МСБМ. 142 л.

11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.

Приложения

Табл. 1. Количество содержащихся под стражей подследственных военнослужащих РККА и РККФ (по неполным данным) [8, л. 50, 96, 146]

	За Особыми отделами	За военными прокуратурами	Всего
На 1 декабря 1933 г.	243	150	393
На 1 января 1934 г.	158	98	256
На 1 февраля 1934 г.	140	136	276
На 1 апреля 1934 г.	133	135	268

Табл. 2. Частота приговоров военнослужащих к различным мерам наказания в 1932–1933 гг. по полугодиям (по РККА) [8, л. 175, 177]

	Условно	До 3 л. л/с ¹	3 г. л/с и выше	ВМСЗ ²	Прочие меры	Количество осуждённых
1–ая половина 1932 г.	5,4	71,3	22,4	0,3	0,6	2972
2–ая половина 1932 г.	7,6	58,9	30,9	1,3	1,3	3645
1–ая половина 1933 г.	8,0	38,3	50,2	2,4	1,1	4746
2–ая половина 1933 г.	10,9	42,5	44,1	0,9	1,6	2345

Табл. 3. Частота приговоров военнослужащих к различным мерам наказания по полугодиям 1933 г. по видам преступлений (по РККА) [8, л. 177]

	Условно		До 3 л. л/с		3 г. л/с и выше		ВМСЗ	
	1–ое п/г ³ 1933 г.	2–ое п/г 1933 г.	1–ое п/г 1933 г.	2–ое п/г 1933 г.	1–ое п/г 1933 г.	2–ое п/г 1933 г.	1–ое п/г 1933 г.	2–ое п/г 1933 г.
Контрреволюционные преступления	0,3	5,8	10,1	11,1	88,1	76,6	1,5	1,5
Закон 7 августа 1932 г.	—	—	—	—	80,8	87,0	19,2	13,0
Утеря и хищение оружия	30,1	36,4	56,6	48,5	13,3	13,6	—	—
Уклонение от военной службы	1,7	1,7	45,0	61,6	52,0	36,7	—	—
Дезертирство	1,8	3,8	51,1	51,2	46,4	43,1	—	—

¹ Лишения свободы

² Высшая мера социалистической законности

³ Полугодие

**Прибытие Андре–Жоржа Одрикура в СССР в 1935 г.
и его работа с Николаем Ивановичем Вавиловым**

**André–Georges Haudricourt's arrival in the USSR in 1935 and his
work with Nikolay Ivanovich Vavilov**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается экспедиция Андре–Жоржа Одрикура по СССР, в ходе которой он посетил Всесоюзный научно–исследовательский институт растениеводства, директором которого являлся Николай Иванович Вавилов. В работе отмечается связь исследований Одрикура с учением Вавилова о центрах происхождения культурных растений, что было продемонстрировано в книге Андре–Жоржа Одрикура «Человек и культурные растения», положившей начало этноботаники во Франции.

Ключевые слова: Вавиловедение; этноботаника; Андре–Жорж Одрикур; Франция; СССР.

Abstract. This article considers the expedition of André–Georges Haudricourt in the USSR, in the course of which he visited the Institute of Plant Industry, with Nikolay Ivanovich Vavilov as the director. The paper notes the connection of Haudricourt's research with Vavilov's theory of centres of origin of cultivated crop plants, as shown in André–Georges Haudricourt's book *L'homme et les plantes cultivées*, a book that started ethnobotany in France.

Key words: Vavilov studies; ethnobotany; André–Georges Haudricourt; France, USSR.

Андре–Жорж Одрикур (André–Georges Haudricourt, родился в 1911 г., умер в 1996 г.) известен как отец французской этноботаники. По мнению историка Изабель Гуарне (Isabelle Gouarné), его фигура занимает особое место во французской науке благодаря его плюридисциплинарному подходу: «Его учение находится на стыке истории науки и техники, лингвистики и этнографии таким образом, что его вклад в развитие этих областей признан до сих пор»¹ [5, p. 162].

Для ученого того времени его академический путь необычен и удивителен, поскольку он действительно принадлежал одной конкретной области знания. Андре–Жорж Одрикур активно интересовался генетикой несмотря на то, что она была слабо развита во Франции. Он с любопытством слушал лекции Николая Ивановича Вавилова в Национальном институте агрономии. Марсель Мосс (Marcel Mauss), отец французской этнологии, помог А.–Ж. Одрикуру получить финансирование в 12 000 франков [7] для поездки в Ленинград на год с целью изучения генетики у Вавилова [4]. Чтобы въезд Одрикура в СССР ока-

¹ Здесь и далее перевод сделан автором.

зался возможен, Вавилов пишет в своем письме от 16 сентября 1934 г. Генеральному консулу СССР в Париже: «Настоящим ходатайствую о выдаче визы на въезд в СССР молодому французскому ученому ботанику–агроному Андре Одрикуру. У меня находится рекомендательное письмо его учителя — крупного агронома профессора Дюкоме¹. А. Одрикур хочет поработать у нас в Институте растениеводства, а также познакомиться с научными ботаническими и агрономическими учреждениями СССР. Со своей стороны мы окажем ему полное содействие как в Институте растениеводства, так и на наших опытных станциях.» [1, с. 38].

Николай Иванович Вавилов всегда с радостью принимал иностранных ученых и оказывал им максимальное содействие. Примерами могут служить история с приездом молодого географа Пуарье² и прибытие учителя Вавилова Вильяма Бэтсона в СССР из Великобритании³ [3, с. 16] Одрикур, который являлся представителем французской науки, должен был изучить научные разработки Николая Вавилова и его коллег с целью привезти эти знания во Францию [5, р. 165]. Проследить маршрут Андре–Жоржа Одрикура по территории СССР возможно благодаря его многочисленным письмам, адресованным Марселю Моссу. После нескольких месяцев в Ленинграде, в начале мая 1935 г. Одрикур бывает в нескольких русских городах, таких как Рыбинск, Ярослав, Иваново, Казань, Саратов и Самара. Затем, с конца мая до середины лета, он путешествует по советской Средней Азии, посещая Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Грузию, Армению, Абхазию и территории Кавказа. В конце своего пути он возвращается в Ленинград (рис. 1). Осенью 1935 г. он вернулся во Францию и начал работать над материалами, собранными в ходе экспедиции. Во время своей поездки в СССР Андре–Жорж Одрикур общался с целым рядом советских ученых, включая ботаников Николая Вавилов, Сергея Букасов и Павла Баранова, а также взаимодействовал и с другими учеными, например, с лингвистом Иваном Мещаниновым [5]. Переписка Одрикура с Марселем Моссом содержит в себе описания условий жизни и работы советских ученых: их методы и мысли, а также разницу между французской и со-

¹ Следует отметить, что 10 февраля 1933 г. Николай Иванович Вавилов читал лекцию в Национальном агрономическом институте при содействии профессора Дюкоме. Эту лекцию посетил Андре–Жорж Одрикур.

² Луи Пуарье (Louis Poirier), молодой географ, который обучался у профессора Сорбонны Эммануэля де Мартонна, известен как писатель под псевдонимом Жюльен Грак (Julien Gracq). Эммануэль де Мартонн (Emmanuel de Martonne) поручился за Пуарье и желал, чтобы его ученик написал диссертацию об одном из регионов России. Вавилов и де Мартонн состояли в переписке, обговаривая детали приезда Пуарье, но, к сожалению, эта поездка, намеченная на 1936–1937 гг. не состоялась.

³ По словам Евгении Николаевны Синской, Николай Вавилов был озадачен тем, чтобы встретить знаменитейшего ученого Вильяма Бэтсона, приехавшего на празднование юбилея Академии наук (1925–1926 гг.), достойно, продемонстрировав успехи в работе Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур.

ветской наукой. Например, он пишет: «Страна предстала мне такой, какой вы мне её и описали: грандиозной и гостеприимной. Начиная с пограничного вокзала и далее, чистота и порядок впечатляют, вагоны в два раза больше наших и можно комфортно спать на двух этажах в любом классе. [...] Я еще не закончил посещение Института фитотехники [Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства], которым руководит Вавилов, это нечто колоссальное как по количеству и значимости занятых в нем людей, так и по масштабам и интересности полученных в нём результатов [...] Мне кажется невероятным, что я первый француз, который приехал в Институт фитотехники за 20 лет. Это так интересно и с практической, и с теоретической точек зрения!» [7, р. 3–4].

Одрикур особенно подчёркивает в своих письмах, что генетика во Франции слаборазвита, что необходимо способствовать дальнейшим разработкам в этой области, а также развивать идеи Вавилова о происхождении культурных растений. Действительно, Андре-Жорж Одрикур был очень увлечен распространением работ Вавилова. В своем письме от 10 января 1936 г. Одрикур благодарил Вавилова за всё то, что Николай Иванович сделал для него во время его пребывания в СССР, говорил о переводе работ Вавилова на французский язык и сообщал ему об известности последнего во Франции, подписываясь своим именем по-русски как «Андрей Морисович Одрикур» [2, с. 276]. Так, общение Вавилова и Одрикура продолжается и после возвращения последнего во Францию. Следует подчеркнуть, что восприятие идей Николая Вавилова Андре-Жоржем Одрикуром особенно важно, поскольку эти концепции лягут в основу его книги «L'homme et les plantes cultivées»¹, опубликованной в 1943 г.² В своей работе, написанной в соавторстве с Луи Хеденом (Louis Hedin)³, Одрикур произвел синтез учений де Кандоля (de Candolle), Николая Вавилова и других выдающихся ученых, чтобы «составить, с географической точки зрения, учение об отношениях между человеком и природой.» [8]. Андре-Жорж Одрикур консультировался с Вавиловым о концепции своей книги и писал ему, называя его «дорогой Учитель»: «Я продолжаю работать над моей книгой и нашел интересное объяснение. Ваши законы генетической географии прекрасно подтверждаются в антропологии [...]» [2, с. 276].

В заключение следует отметить, что посещение Одрикуром СССР является выдающимся примером научного сотрудничества между Францией и СССР в 1930–е гг. Взаимодействие, установившееся между Андре-Жоржем Одрикуром и Николаем Ивановичем Вавиловым, дало большие результаты. Прежде всего они заключались в распространении идей Вавилова во Франции самим Одрикуром⁴. Во-вторых, бла-

¹ Человек и культурные растения. (фр.) [6].

² 1943 г. – дата смерти Вавилова.

³ Французский инженер-агроном, ботаник и коллекционер растений.

⁴ Стоит учитывать тот факт, что сам Николай Иванович Вавилов с 1934 г. является

годаря учению Вавилова о центрах происхождения культурных растений стало возможным создание Одрикуром этноботаники как научной дисциплины во Франции¹. Наконец, Андре–Жорж Одрикур выступает в роли посредника между Францией и СССР: он подробно рассказывает о Советском Союзе и развеивает устоявшиеся о нём мифы. Таким образом, его экспедиция представляет большой интерес для истории научного взаимодействия Франции и СССР.

Список литературы

1. Вавилов Н. И. Научное наследие в письмах: международная переписка. Т.1–6. М.: Наука, 1994–2003. Т. 4: 1934–1935 гг. 2001. 324 с.

2. Вавилов Н. И. Научное наследие в письмах: международная переписка. Т.1–6. М.: Наука, 1994–2003. Т. 5: 1936–1937 гг. 2002. 478 с.

3. Синская Е. Н. Мемуары о Н. И. Вавиллове, Киев: Институт физиологии и генетики растений Академии наук Украинской ССР, 1991, 205 с.

4. Brousse C., « Le patrimoine génétique de L'Homme et les Plantes cultivées : historiographie d'un ouvrage riche en ancêtres et fécond en héritiers », Le Portique [En ligne], 27 | 2011, document 10, mis en ligne le 04 août 2013, consulté le 20 avril 2021. URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2550> (дата обращения: 21.10.2021).

5. Gouarné I. «Médiation franco–soviétique et reconnaissance académique : retour sur l'itinéraire politico–intellectuel d'André–Georges Haudricourt». Les Français dans la vie scientifique et intellectuelle de l'URSS au XXe siècle. Moscou: IVI RAN, 2013, P. 162–171.

6. Haudricourt A. G., Hédin L. L'homme et les plantes cultivées. Paris: Gallimard, 1943. 254 p.

7. Haudricourt A.–G., «Correspondance Haudricourt/Mauss (1934–1935)», Le Portique [Enligne], 27 | 2011, document 11, mis en ligne le 05 août 2013, consulté le 26 mars 2021. URL: <http://ournals.openedition.org/leportique/2557> (дата обращения: 21.10.2021).

8. Tissier Jean–Louis, « Julien Gracq, le paysage et le territoire », L'histoire, mensuel 442 [En ligne] consulté le 18 mai 2021. URL : <https://www.lhistoire.fr/julien-gracq-le-paysage-et-le-territoire> (дата обращения: 21.10.2021).

«невъездным» и не может выезжать за пределы Советского Союза.

¹ Конечно, не только Вавилов повлиял на развитие учения Одрикура, как было сказано выше, однако связь между разработками Одрикура и учением Вавилова не вызывает сомнения.

Приложение

Рис. 1. Карта путешествия Андре-Жоржа Одрикура по СССР.

Аблаева Дарья Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Рачковский Валерий Александрович, канд. ист. наук, доц.

**Сталинская премия как инструмент формирования
общественного сознания на примере пьесы
Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем»**

**Stalin Prize as a method of forming public consciousness on the
example of N. F. Pogodin's play «Man with a Gun»**

Аннотация. Статья посвящена анализу критических замечаний и содержания пьесы лауреата Сталинской премии Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем» с целью понимания, как конструировалось общественное сознание в СССР в конце 1930-х — начале 1940-х гг. На основе анализа вопросов, поднятых Погодиным в пьесе, делаются выводы о том, как пьеса могла повлиять на закрепление в сознании советского человека нужных государству идеологических установок.

Ключевые слова. Сталинская премия; идеология; драматургия.

Abstract. The article is devoted to the analysis of critical notes and content of the play «The Man with the Gun» by the Stalin Prize prizewinner N. F. Pogodin in order to understand how the public consciousness was constructed in the USSR in the late 1930s – early 1940s. Based on an analysis of the issues raised by Pogodin in the play, conclusions are drawn about how the play could have influenced the consolidation of ideological attitudes necessary for the state in the consciousness of a Soviet person.

Key words. Stalin Prize; ideology; dramaturgy.

История советского государства в 1930–1940-е гг. была наполнена большим количеством важных событий: в стране завершался процесс индустриализации и коллективизации; шли репрессии в высших эшелонах власти; утверждался культ личности Сталина. Такие крупные перемены не могли обойтись без идеологического объяснения. Ведущую роль в формировании идеологии, как известно, играет культура, которую необходимо было направлять в правильное русло. Стремление проконтролировать сферу культуры привело к тому, что в 1939–1940 гг. в СССР были учреждены премии имени Сталина, которые вплоть до смерти вождя являлись главной государственной наградой СССР и отделяли произведения «достойные и важные» от «посредственных и не заслуживающих внимания».

16 марта 1941 г. в «Правде» было опубликовано Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы» [7, с. 1–2]. Одним из литературных произведений, получивших

премию первой степени, была пьеса Николая Федоровича Погодина «Человек с ружьем».

Пьеса, созданная в честь 20-летия Октября и впервые попытаясь воссоздать на сцене образ В. И. Ленина, сразу вызвала огромный интерес у советского зрителя. Столь же благосклонно ее встретили критики, что, в целом, не удивительно, ведь «Человек с ружьем» затрагивал сразу несколько злободневных тем.

Первый важный вопрос, который Погодин поднимает в своей пьесе, касается внутреннего, личностного роста простого человека под влиянием революции, партии большевиков и непосредственно Ленина. На примере главного героя — вышедшего из крестьян солдата Шадрина, олицетворяющего собой миллионы крестьян — драматург показал, как революция и партия большевиков «пробуждают к жизни самые угнетенные слои общества, поднимают их к социалистическому творчеству» [8, с. 15], тем самым заботясь об их интересах и благополучии и давая им возможность, освободившись от гнета буржуазии, прийти к лучшей жизни.

Наиболее удачным эпизодом пьесы, по мнению критики, была встреча Ленина с Шадриным в коридоре Смольного. Разговор вождя с Шадриным, как отмечалось в критических статьях, раскрывает «величие ленинской революционной тактики и стратегии, ленинского руководства, ленинского умения прислушиваться к массам и вести их за собой» [9, с. 3]. Эта сцена показывает, что партия опирается на массы и постоянно укрепляет широкие связи с ними, понимает их наболевшие нужды, что она не только учит массы, но и учится у масс, что позволяет ей вести за собой всех трудящихся. В этой сцене Н. Ф. Погодин доказывает тезис Ленина о том, что сила и непобедимость партии заключается в умении «слиться с самой широкой массой трудящихся» [4, с. 345–346].

Демонстрируя неразрывность деятельности большевистской партии и революционной борьбы трудящихся, Погодин выставляет советскую власть в выгодном свете. В отличие от царской власти, которая была далека от народа, партия Ленина–Сталина, наоборот, близка к народу, является его частью и проводит политику, которая отражает интересы простого человека. И в этом состоит сила партии большевиков: в умении сплотить и повести за собой народные массы, которые, только сплотившись, могут «сломать старый уклад и создать новый» [3, с. 99].

Утверждая эту мысль, Николай Погодин как бы подталкивает своих современников к мысли о необходимости усердного труда на благо родины, совместной деятельности, направленной, однако, уже не на завоевание власти, не на отстаивание собственных интересов и искоренение «буржуазного зла», а на построение совместными усилиями нового, справедливого социалистического общества.

Но к заслугам большевистской партии, отмечаемым в пьесе, относится не только то, что она помогла простому человеку осознать необходимость борьбы с капитализмом и сумела повести его на борьбу со «старым миром». Важное значение совершенной большевиками революции заключается и в том, что партия Ленина–Сталина смогла объединить массы вставших на сторону социалистической революции крестьян и рабочих в равноправный, нерушимый союз трудящегося народа.

Влияние, оказываемое партией на формирование союза рабочего класса с крестьянством — еще один важный момент, освещающийся в пьесе «Человек с ружьем». Н. Ф. Погодин показывает, что связь между трудящимся крестьянством (представителем которого является Шадрин) и рабочим классом (который олицетворяет Чибисов) зарождается, закаляется и крепнет в огне революции «под руководством рабочего класса, под руководством партии, под руководством самого Владимира Ильича [6, с. 4].

Поднимается в пьесе и вопрос о роли И. В. Сталина в революционных событиях и процессе становления советской власти. Сталина непосредственно мы видим лишь в конце пьесы, когда он появляется рядом с Лениным перед уходящими на фронт рабочими отрядами, однако его роль как ближайшего соратника вождя революции утверждается на протяжении всей пьесы. Ленин советуется с ним по всем важным вопросам, встающим перед партией в момент борьбы за установление своей власти. Особенно показательной является сцена телефонного разговора Ленина и Сталина, во время которой Ленин одобряет проект своего соратника по национальному вопросу, считая его необычайно важным.

Эта короткая сцена имела большое идеологическое значение. В Конституции СССР 1936 г. утверждалось равноправие всех входящих в Советский Союз республик и населяющих их народов соответственно [5, с. 11]. И в условиях разрастания культа личности Сталина необходимо было показать, что своим равным положением населяющие Советский Союз народы обязаны не кому-то, а именно Сталину, что именно он был инициатором создания в советской стране равных для всех этносов условий.

Видно в пьесе и отношение Ленина к меньшевикам. На «наглые приставанья» путающейся под ногами «меньшевистской сволочи» он отвечает с сарказмом и презрением [1, с. 4], брезгливо отстраняется от них [2, с. 2]. Сцена разговора Ленина с меньшевиками в конце 1930–х — начале 1940–х гг. имела большое идеологическое значение. Она была нужна для оправдания проводившихся в партийном руководстве репрессий. Расправа с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, таким образом, становилась продолжением ленинской борьбы с врагами революции, и, соответственно, не только доказывала необходи-

мость таких действий, но и формировала образ Сталина как продолжателя дела Ленина.

Наконец, Погодин в «Человеке с ружьем» разоблачает буржуазию, представителями которой выступают собравшиеся в кабинете миллионера Сибирцева купцы и промышленники, которые ради сохранения своего положения, ради прибыли готовы были «сдать столицу Вильгельму». Уже одно это (особенно в условиях подготовки к войне с Германией) должно было настраивать советского читателя и зрителя против изображенных в пьесе капиталистов. Им не важна родина, они не готовы положить ради нее жизни и не собираются бороться за свободу своего народа, самое главное для них — деньги и собственное счастье, а не благополучие страны, в которой они живут.

На основе всего вышеизложенного мы можем вывести несколько причин, показывающих необходимость пьесы «Человек с ружьем» в конце 1930-х — начале 1940-х гг., которые побудили вручить Погодину Сталинскую премию. Во-первых, пьеса позволяла партии увеличить влияние, которое она оказывала на советских граждан. Показывая руководящую роль партии в борьбе за права и свободы простого человека, демонстрируя изменения, которые произошли в Шадрине, «Человек с ружьем» заставлял жителей советского государства чувствовать себя обязанными партии большевиков и лично Ленину за то, что они позволили ему жить и развиваться в свободной стране, в которой их не ущемлял «эксплуататорский класс».

Во-вторых, пьеса показывала советским гражданам, что в СССР все трудящееся население равно между собой, не важно, в какой области человек трудится, у него будут равные с другими гражданами права, потому что в результате революции сложился равноправный союз рабочих и крестьян. Отметим этот факт в литературе и напомнить о равноправии рабочих и крестьян, когда в стране происходила индустриализация и коллективизация, когда крестьяне всячески ущемлялись и работали фактически для обеспечения рабочего класса, было необходимо. Это было нужно для того, чтобы в стране не возникло новой революции, а также для сплочения советского народа перед началом войны с Германией.

В-третьих, показывая Сталина как создателя национально-го проекта, установившего наиболее важный принцип существования СССР — равенство всех проживающих на его территории народов — Н. Ф. Погодин показал великую роль Сталина в создании советского государства, в котором все народы обладали одинаковыми правами, укрепив тем самым культ личности Сталина.

Наконец, показывая в своей пьесе бездушных, готовых предать родину и высокомерно относящихся к простому человеку капиталистов, драматург способствует созданию в умах советских граждан нега-

тивного образа классовых врагов и подталкивает их к борьбе с «классом эксплуататоров».

Таким образом, пьеса «Человек с ружьем», имеющая важное идеологическое значение, была необходима для воспитания масс, поэтому государству нужно было показать значимость и фундаментальность данной пьесы, что можно было сделать и было сделано при помощи награждения Николая Погодина за написание данной пьесы Сталинской премией первой степени.

Список литературы

1. Белогорский Б., Кальм Д. «Человек с ружьем» // Известия. 1937. 14 ноября. С. 4.
2. Варшавский Я. Сценический образ великого Ленина // Советское искусство. 1939. 22 января. С. 2.
3. Гурвич А. Идея творчества революции в драматургии // Красная новь. 1942. №1–2. С. 93–108.
4. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 351 с.
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик. М.: Издание ЦИК СССР, 1937. 34 с.
6. Куза В. Образ вождя // Советское искусство. 1937. 23 августа. С. 4.
7. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы» // Правда. 1941. 16 марта. С. 1–2.
8. Уварова Е. Д. Николай Погодин. М.: Изд-во «Знание», 1959. 32 с.
9. Цимбал С. «Человек с ружьем» в театре им. Вахтангова // Советское искусство. 1937. 17 ноября. С. 3.

Восстановление без плана. Севастополь в 1944–1946 гг.

Recovery without a plan. Sevastopol in 1944–1946

Аннотация. Данная статья посвящена специфике восстановления Севастополя в первые годы после освобождения: анализируются первые шаги по реконструкции, которые осуществлялись до создания генерального плана развития, а также изучается формирование отношения к архитектурному наследию города, которое проявится впоследствии в ходе конфликта между Центром и периферией по вопросу уникальности и самобытности городского облика.

Ключевые слова: Севастополь; послевоенное восстановление; генеральный план развития.

Abstract. Article is dedicated to Sevastopol restoration specifics in the first years after liberation. Research inquire first steps of reconstruction which were carried out before the city site plan creation, as well as the formation of an attitude towards the architectural heritage, which subsequently manifested in the conflict between the Center and the periphery on the issue of the urban appearance uniqueness and originality.

Key words: Sevastopol; post-war reconstruction; site plan.

В первые несколько лет после освобождения Севастополь, как и многие другие города СССР, начинают активно восстанавливать, однако в данный период мы можем наблюдать определенную специфику реконструкции, обусловленную продолжающейся войной, нехваткой ресурсов и глобальным истощением страны.

Тем не менее, подготовительные работы, необходимые для реконструкции Севастополя, начались еще до освобождения: были определены объекты, которые нужно восстановить в первую очередь, и был организован трест «Севастопольстрой», возглавленный Н. В. Бехтиным, заместителем народного комиссариата строительства СССР. Еще во время боев за город, штурма Сапун-горы, в Симферополе уже кипела предварительная работа по восстановлению Севастополя [10, с. 6].

Активное участие в восстановлении города принимали военные строители и инженерный отдел Черноморского флота, которые заранее изучали и организовывали сохранившуюся техническую документацию для того, чтобы на месте можно было сразу начать работу по восстановлению Севастополя. Рассматривалась и изучалась информация, которую предоставила авиация и разведка, показавшая, что практически все постройки уничтожены [6, с. 24].

Тем не менее, уже 5 ноября 1944 г. в Севастополь из Восточного Причерноморья вернулись корабли Черноморского флота [9, с. 295],

чему способствовала предварительная работа по восстановлению причалов и подъему со дна бухт кораблей [11], а также осуществление разминирования города [12]. Когда в Севастополь вернулись корабли, и он вернул свой прежний статус, увеличилось и количество заданий для военных строителей, поскольку необходимо было восстановить жилье и места отдыха для военнослужащих и их семей. В 1945–1946 гг. были построены летний кинотеатр и павильоны на Историческом бульваре, восстановлены водная станция и часть Приморского бульвара, а также комплексы для отдыха на Матросском бульваре. Таким образом, почти сразу реконструируются ключевые общественные пространства, выступающие еще и как места памяти, в которых сконцентрированы памятники, посвященные преимущественно Крымской войне, которая к началу Великой Отечественной и особенно в ее разгар начинает реактуализоваться, использоваться советской властью в рамках новой политики памяти и исторической политики.

Восстанавливается и главнейшее предприятие города — Морской завод имени Серго Орджоникидзе, от которого после войны практически ничего не осталось [9, с. 293]. В короткие сроки были произведены первые работы по очистке и ремонту завода, кроме того, «ленинградские проектировщики, прибывшие в город, приступили к разработке проектного задания по восстановлению и реконструкции завода» [10, с. 8]. Также на некоторое время, до восстановления непрерывного энергоснабжения в городе, в Севастополь прибывают передвижные электростанции из Владивостока [10, с. 11].

Одной из важнейших задач для послевоенного восстановления города было быстрое включение Севастополя в железнодорожную сеть страны [11]. Для достижения этой цели привлекались, в том числе, военные моряки и молодежь Севастополя, которыми был проведен совместный воскресник для восстановления железнодорожного узла [9, с. 293]. Железнодорожники восстанавливали здания станций и депо, расширяли железнодорожные пути, ремонтировали туннели и строили временный Камышловский виадук [9, с. 295].

В восстановлении начинает проявляться и отношение советских архитекторов к дореволюционному облику городов СССР и возможностей их развития. Главный архитектор города Ю. А. Траутман писал, что планировочная структура старых городов определялась исторически, преимущественно случайно и стихийно, что завершилось образованием множества кривых и узких улиц, маленьких площадей, осуществлением хаотичной и сверхплотной застройки [5, л. 17–20].

Советские довоенные генеральные планы развития не сильно видоизменили город: огромное множество проблем в них не было решено, так как приходилось работать в рамках сложившейся структуры города. После окончания войны большая часть городов Крыма была серьезно разрушена, поэтому появилась возможность восстанавливать

без ограничений старой планировки, в каком-то смысле полностью перестроить Севастополь, учитывая современные нужды и требования в строительстве городов. В результате Москва обязала города составить генеральные планы и проекты восстановления и развития.

Однако до 1946 г., когда был утвержден первый послевоенный генеральный план развития, восстановление и строительство зданий происходило бессистемно и без плана. Впоследствии такое бесплановое восстановление будет осуждаться по причине того, что оно производилось без учета архитектурно-планировочных, технико-экономических и санитарных требований, повторяло старые ошибки, которых можно было и не делать, так как появилась возможность не считаться с застройкой города, который был практически до основания разрушен [1, л. 41].

В изучаемый нами период никаких проверок и инспекций не происходило, но при этом восстановление Севастополя производилось непрерывно с первых дней после освобождения. Большая часть зданий реконструировалась по проектам, которые не согласовывались с Главным Архитектором города. Объекты не регистрировались, и разрешение на их строительство не получалось [1, л. 43].

При рассмотрении восстановления города было выявлено, что из 340 вновь построенных зданий 170 было возведено без технической документации и 81 без документов и планов, согласованных с Главным Архитектором города, также ни на один объект не оформили разрешения на строительство [1, л. 42].

Некоторые дома с фасадами, выходящими на магистрали Севастополя, восстанавливались по неутвержденным планам и без проектов восстановления фасадов. В результате все работы на этих объектах были в срочном порядке приостановлены до того, как все документы и планы будут согласованы [2, л. 2].

В целом, строительство, которое происходило в городе в 1944–1946 г., было восстановительным и направленным преимущественно на работу с наиболее сохранившимися строениями и реставрацию фасадов в том виде, в котором они были до войны [8, с. 128], также с мая 1944 по 1947 г. было введено больше 200 тысяч метров квадратных жилищной площади [4, л. 80]. Тем не менее, как проблема обозначается тот факт, что многие одноэтажные здания восстанавливались в зоне многоэтажной застройки и в местах, где строительство не было предусмотрено новым генеральным планом [1, л. 41]. Теперь любое строительство разрешалось исключительно на земельных участках, которые предоставили, строго учитывая генеральный план и с разрешения Главного Архитектора города [3, л. 40].

Таким образом, мы можем выделить некоторые специфические черты восстановления Севастополя в данный период. Во-первых, подготовка к восстановительным работам осуществлялась еще до осво-

бождения города, а организационная и предварительная работа производилась гражданской и военной строительными организациями, которые, помимо выполнения своих собственных ведомственных задач, совместными усилиями застраивали Севастополь. Во-вторых, севастопольская строительная организация была возглавлена заместителем народного комиссариата строительства СССР, а в восстановлении принимали участие ленинградские проектировщики и архитекторы, кроме того, использовались ресурсы из других регионов страны, что говорит о существенном вкладе всего Советского Союза в поднятие Севастополя из руин, а также о сильнейшей концентрации трудовых сил в городе. В-третьих, в первые несколько лет дома восстанавливались хаотично и бессистемно, без согласования с генеральным планом, учитывалась лишь степень разрушения зданий.

Данный факт можно расценивать не только как стремление к быстрейшему восстановлению Севастополя, но и как желание сохранить довоенное архитектурное наследие города (о чем также говорит и быстрое восстановление дореволюционных бульваров и памятников), что подтвердится еще раз в рамках конфликта Центра и Севастополя по поводу генерального плана 1946 г., в котором проявится желание местных властей и архитекторов отстоять локальную идентичность и уникальный облик города [7, с. 143–144].

Таким образом, здания, которые были восстановлены в период с 1944 по 1946 гг., когда не было генерального плана, стали тем капиталом, которым пользовался и главный архитектор города Траутман, и другие архитекторы, критикуя генеральный план 1946 г., созданный московскими проектировщиками, которые не учли местную специфику города: его географические особенности и культурно-историческое наследие. Эти «несогласованные» здания, несмотря на то, что во всех документах они всплывают в негативном ключе, впоследствии станут одним из аргументов для отказа от генерального плана 1946 г. и корректировки многих других проектов, требующих к сносу уже отреставрированные и восстановленные постройки. Впоследствии Центр и периферия придут к компромиссу: появится генеральный план 1949 г., в котором будет соблюден баланс между дореволюционным наследием города и советским настоящим, однако с сохранением ключевых, значимых мест, зданий и памятников Севастополя.

Список литературы

1. ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 10. Переписка с Управлением по делам архитектуры Совета Народных Комиссаров РСФСР и Отделом по делам архитектуры Крымского областного Совета депутатов трудящихся по вопросам застройки и планировки города Севастополя. 49 л.

2. ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 15. Отчет о работе инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля за 1945 г. 6 л.

3. ГАГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 19. Приказы Управления по делам архитектуры при СНК Крымской АССР. 63 л.
4. ГАГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 42. Переписка с Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР и областным отделом по делам Крымской области по вопросам планировки и восстановления города. 87 л.
5. ГАГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 58. Приказы главного архитектора по рассмотренным проектам. 33 л.
6. Кангун С. И. Труд военных строителей // Возрождение Севастополя. Сб. / Сост. В. Г. Кузьмина. Симферополь: Таврия, 1982. С. 22–38.
7. Куоллс К. Создание и реконструкция памяти о городе–герое Севастополе // Новейшая история России. 2011. № 1(1). С. 138–145.
8. Моторин Д. К. Возрожденный Севастополь. М.: Наука, 1984. 270 с.
9. Найда С. Ф. История города–героя Севастополя. Киев: Издательство академии наук украинской ССР, 1958. 338 с.
10. Сарина А. А. Назавтра после освобождения // Возрождение Севастополя. Сб. / Сост. В. Г. Кузьмина. Симферополь: Таврия, 1982. С. 5–21.
11. Семин Г. И. Севастополь. Исторический очерк. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/sevastopol-istoricheskij-ocherk7.html>. (Дата обращения: 03.11.2021).

Герасименко Игорь Олегович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Назаренко Кирилл Борисович, д-р ист. наук, проф.

**Развитие советской военно-морской теории
в первые послевоенные десятилетия**

**Development of the Soviet naval theory
in the first post-war decades**

Аннотация. В статье рассмотрена проблема создания первой и второй послевоенных наставлений по ведению морских операций, а также дана краткая характеристика развитию военно-морской теории в данный период.

Ключевые слова: советский военно-морской флот; морская стратегия; военно-морское искусство.

Abstract. The article studies the problem of creating the first and second post-war manuals on the conduct of naval operations, and also gives a brief description of the development of naval theory in this period.

Key words: Soviet Navy; naval strategy; naval art.

В первые послевоенные десятилетия велась острая дискуссия о дальнейшем развитии отечественного военно-морского флота. Итогом этой полемики стало создание в 1951 г. «Наставления по ведению морских операций» (НМО-51). Данное наставление является итогом всей послевоенной теоретической работы советских военно-морских стратегов, а также выходом на качественно новый уровень развития военно-морского искусства. Но уже в 1957 г. выходит новое наставление, где были значительно сокращены теоретические наработки предыдущих годов, а также убран такой термин, как «морская стратегия». В связи с этим представляется важным рассмотреть проблему формирования советской военно-морской стратегии во второй половине 40-х и в 50-е гг. XX в..

Великая Отечественная война показала несостоятельность предвоенной военно-морской стратегии. Наставление по ведению морских операций 1940 г. было ориентировано на ещё строящийся «большой флот» и наступательную доктрину РККА. «Накануне войны у нас не было четкой военной доктрины, а потому не могло быть и четко сформулированных задач флоту, не была определена и его роль в системе Вооруженных сил. Без этого нельзя было приступить к разработке конкретных задач флотам» [6, с. 20] — так описал предвоенную ситуацию адмирал Н. Г. Кузнецов, тогдашний нарком ВМФ СССР. В период Великой Отечественной войны активно начала формироваться новая

военно–морская теория. Новые идеи и опыт Великой Отечественной войны были частично реализованы в «Боевом уставе Военно–Морского Флота Союза ССР 1945 г.» (БУ–45).

Началом послевоенных дискуссий о новой военно–морской стратегии можно считать публикацию в 1946 г. статей капитана 1 ранга К. К. Зотова «О некоторых чертах современной войны на море» и адмирала В. А. Алафузова «О сущности морских операций». Данные статьи подняли вопрос о существовании независимой от сухопутной морской стратегии. Кроме того, Алафузов начал критику существующей методологии военных исследований, а также вновь ввёл в науку понятие «господство на море» [5, с. 21–29]. Это вызвало критику со стороны так называемых «традиционалистов», которые отстаивали идею общей военной стратегии, без выделения отдельно морской стратегии. Показательна критика взглядов Алафузова начальником кафедры Высших политических курсов ВМФ контр–адмирала И. Д. Елисеева, который свёл полемику до одного вопроса: «...доктрина «о господстве на море», о расширении зоны своего господства до пределов всего театра, для закрытых морских театров без господства на суше и в воздухе не имеет смысла», поскольку «флот не может выступать как самостоятельная сила, способная решить исход войны», а «флот Советского Союза как составная часть Вооруженных Сил государства не имел и не может иметь самостоятельной стратегии...» [4, с. 21–29]. В 1948 г. Алафузов стал фигурантом «дела адмиралов» и был приговорён к 10 годам лишения свободы с лишением звания адмирала. А в апреле 1949 г. в «Морском сборнике» была напечатана передовица «Против реакционной идеологии космополитизма», которая была направлена на травлю военно–морской науки. Статьи, посвящённые морской стратегии, перестали печатать. Таким образом, дискуссия была остановлена, и к единому мнению её участники прийти не смогли. Что не остановило морских теоретиков, которые продолжили разработку новой военно–морской теории.

Вершиной этих теоретических разработок стало создание «Наставления по ведению морских операций» 1951 г. (НМО–51). Этот документ во многом был компромиссом между сторонниками Алафузова и «традиционалистами». В данном наставлении «впервые советской военно–морской наукой было дано определение морской стратегии как органической части единой военной стратегии государства и важнейшей отрасли военно–морского искусства» [2, с. 4–10]. НМО–51 хоть и выделяла отдельно морскую стратегию, но, в угоду политическому руководству, строго подчиняла её общей военной стратегии СССР. Однако даже такая ограниченная свобода дала огромный толчок в развитии отечественной военно–морской мысли. Изучение военно–морской стратегии вошло в учебные программы Военной академии Генерального штаба. Вместе с тем советскими стратегами игнорировался опыт ино-

странных флотов во Второй мировой войне, что привело к неверной оценке значимости отдельных типов кораблей. Также НМО–51 имел такой же серьёзный недостаток, как и НМО–40. Оба наставления были рассчитаны на ещё строящийся флот, и большая часть положений не могла быть реализована в краткосрочной перспективе.

К началу 1950–х гг. советский военно–морской флот, несмотря на увеличение количества боевых кораблей, «оставался флотом прибрежного действия». Основу ВМФ составили корабли доработанных довоенных проектов, а любые попытки военно–морского командования начать разработку новых классов кораблей игнорировались политическим руководством страны [1, с. 14–20].

Данная ситуация сказалась на развитии военно–морской мысли. В 1953 г. на военно–научной конференции было объявлено о неправомерности существования категории «морская стратегия», «поскольку ее признание якобы противоречило принципу единства военной стратегии» [5, с. 21–29]. Кроме того, 15 марта 1953 г. Военно–морское и Военное министерства СССР были объединены в Министерство обороны СССР, что ликвидировало независимость ВМФ от сухопутного командования. Вместе с тем НМО–51 оставался в действии, что позволяло продолжать исследования в области морской стратегии.

Новая дискуссия о путях развития военно–морской науки началась в 1955 г. Во многом она разбирала вопросы конференции 1953 г. Основной темой, как и в 1946 г., был вопрос об использовании понятия «господство на море», а также интерпретация данного термина. В ходе данной дискуссии рядом исследователей (например, адмиралом В. И. Платоновым) выдвинули несколько определений «господства на море». Так, капитан 1 ранга Н. М. Соболев предложил свою: «Господство на море есть такие благоприятствующие условия, при которых силы флота могут успешно решать поставленные перед ними оперативные или стратегические задачи, а противник, будучи лишен возможности решать их, может оказывать господствующей стороне лишь частные помехи» [5, с. 21–29]. Адмирал Алафузов, реабилитированный в 1953 г., также принял участие в дискуссии. В своей статье «Завоевание господства на море в условиях современной войны» он обобщил предыдущие работы, а также разделил само понятие на несколько видов, классифицируя его полноте, пространству и времени.

С другой стороны, в 1955 г. было проведено совещание членов правительства, а также руководящего состава Министерства обороны и ВМФ по выработке путей развития флота на предстоящее десятилетие. На данном совещании выступил Н. С. Хрущёв с идеей отказа от развития надводного флота в пользу подводного [3, с. 16]. Также интересен доклад министра обороны Г. К. Жукова, в котором он отдал предпочтительнее действиям флота тактического уровня и отстаивал идею вспомогательной, по отношению к сухопутным силам, функцией флота. Уже в

декабре 1955 г. главком ВМФ Н. Г. Кузнецов, активный сторонник независимости флота, был снят с должности, понижен в звании и отправлен в отставку. В 1956 г. начинается масштабное сокращение численности флота и его ориентация на подводную часть. В это же время выходит статья адмирала В. А. Фокина «На страже морских рубежей Советского государства», в которой обосновывается необходимость следования военно–морской теории единой военной стратегии СССР. Необходимо также отметить идеи адмирала Л. А. Владимирского, которые он выразил в статье «Реактивное оружие и ведение боевых действий на море», о создании небольшого и манёвренного надводного флота, который способен будет за счёт своей скорости и мощного ракетного вооружения представлять значительную угрозу.

Концом дискуссии о дальнейшем развитии военно–морского искусства можно считать статью начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, в которой «подчеркивалась недопустимость выделения морской стратегии из общей стратегии Вооружённых сил», а также утверждалось о невозможности самостоятельной стратегии Военно–морского флота, но об их «стратегическом использовании» [2, с. 4–10]. Под влиянием данной статьи было подготовлено новое НМО–57, в котором термин «морская стратегия» была заменена на «стратегическое использование ВМФ», однако категория «стратегического господства на море» сохранялась.

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия мы можем выделить два этапа развития военно–морской стратегии. Первый этап охватывает период с 1946 по 1951 гг. и характеризуется острой борьбой между сторонниками и противниками самостоятельного флота. Победителем в этот период вышли сторонники независимости, что закрепилось в наставлении 1951 г. Второй этап 1952–1957 гг. характеризуется большей политизированностью дискуссии и активным вмешательством в военно–морское развитие политического и армейского руководства. Руководство было более враждебно настроенного по отношению к ВМФ. Начало репрессий против главных сторонников ВМФ привели к упадку военно–морской мысли и созданию НМО–57, закрепившего желания армейского руководства.

Список литературы

1. Коряковцев А. А., Ташлыков С. Л. «...Нас лимитирует производственная база, мы вынуждены выбирать, что строить». Разработка наставления по ведению морских операций (НМО–51) // Военно–исторический журнал. 2021. №7. С. 4–20.

2. Коряковцев А. А., Ташлыков С. Л. «Крутые повороты» в развитии отечественной морской стратегии // Военно–исторический журнал. 2020. №7. С. 4–10.

3. Кузин В. П., Никольский В. И. Военно–морской флот СССР 1945–1991 СПб: Историческое Морское Общество, 1996. 653 с.

4. Монаков М. С. «Морской Сборник» и развитие отечественной военно–морской науки (1941–1955 гг.) // Морской сборник. 2011. №3. С. 21–29.

5. Подсобляев Е. В. О трактовках содержания понятия «господство на море» // Военная мысль. 2005. №7. С. 21–29.

6. Скрицкий Н. В. Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 М.: Центрполиграф, 2012. 660 с.

Степанова Ольга Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Твердюкова Елена Дмитриевна, д-р ист. наук, проф.

**Бытовое обслуживание Ленинграда второй половины 1950–х –
первой половины 1960–х гг.: взаимодействие власти,
служащих и клиентов**

**Consumer services in Leningrad in the middle the 1950s – the first
half of the 1960s: the interaction of authorities,
employees and customers**

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос взаимодействия Управления бытового обслуживания Ленинграда, служащих предприятий службы быта и клиентов. На основе архивных источников автор приходит к выводу, что взаимодействие между властью, служащими и клиентами службы быта осуществлялось со значительными трудностями, взаимодействие это положительным образом влияло на развитие советской службы быта.

Ключевые слова: служба быта; Управление бытового обслуживания; парикмахерские; ателье; химчистки.

Abstract. This article discusses the issue of interaction between the Consumer Services Department of Leningrad, employees of consumer services enterprises and customers. On the basis of archival sources, the author comes to the conclusion that the interaction between the authorities, employees and customers of the household service was carried out with significant difficulties, this interaction positively influenced the development of the Soviet household service.

Keywords: consumer services; consumer services department; hairdressing salons; ateliers; dry cleaners.

Во второй половине 1950–х гг. в Советском Союзе вопрос улучшения бытового обслуживания населения приобрел большую значимость, чем в предшествующие периоды. Ключевым стал XXI Съезд КПСС, на котором был провозглашен курс на «развернутое строительство коммунизма». Такая масштабная цель предполагала улучшение бытовых условий жизни людей, поскольку на высшем этапе социального развития человек должен был иметь достаточно свободного времени для духовного развития своей личности, общения с семьей и общественной деятельности. 6 марта 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения», в котором указывалось на недостаточный уровень развития службы быта, особенно в сельской местности. Через несколько лет, 10 августа 1962 г., в очередном постановлении ЦК КПСС и Совета

Министров СССР № 847 «О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения» признавались определенные достижения в этой отрасли, но вместе с тем отмечались существенные проблемы, которые следовало ликвидировать местным органам власти.

Действительно, становление и развитие государственной сферы услуг происходило со значительными трудностями, и тем важнее было наладить диалог между Управлением бытового обслуживания, принимающим решения, работниками службы быта, эти решения исполняющими, и населением, прибегающим к их услугам. Целью статьи будет проследить взаимоотношения меж этими сторонами на примере Ленинграда сер. 1950–х — сер. 1960–х гг. Мною не ставится задача осветить все моменты этого диалога, а только отметить отдельные факты, обнаруженные мною в документах фондов 7384 и 3385 ЦГА СПб.

Разберем для начала примеры взаимодействия власти и работников службы быта Ленинграда. Оно происходило регулярно в рамках специальной комиссии Ленгорисполкома по бытовому обслуживанию населения, каждое заседание которой имело узкую повестку, например, «О сроках и качестве выполнения заказов предприятий химчистки одежды» [7, с. 2], «Об обслуживании населения парикмахерскими» [7, с. 60] и т. п.

На этих заседаниях часто поднимались реальные проблемы и в эмоциональной форме высказывалось недовольство отношением власти к той или иной сфере бытового обслуживания. Так, на собрании работников парикмахерского хозяйства 10 июня 1960 г. с участием начальника Управления бытового обслуживания М. С. Лещинского выступавшие жаловались на низкую заработную плату (из-за чего, по признанию докладчика, практиковалось взяточничество); антисанитарию (отсутствие вентиляции в помещениях, уборщицы в штате); нехватку и низкое качество парикмахерских инструментов и техники. Заведующий парикмахерской №110 Ленинграда, подтверждая вышеуказанную проблему, высказался так: «Но и вы, товарищ Лещинский, помогите парикмахерскому хозяйству наладить такое его состояние, чтобы новые патроны не провертывались, чтобы мы не были сознательными бракоделами» [3, с. 21].

Порой высказывались обвинения в адрес Управления бытового обслуживания. Так, старший мастер парикмахерской А. П. Мозжухин в своем выступлении заявил, что кроме проверки жалоб Управление ничем не занимается, что оно только требует различные справки и, не смотря на обилие предоставленных парикмахерскими отчетов, никакой работы с ними не проводит [3, с. 38–39].

Работник по фамилии Вальд (который слово «вырвал с большим трудом») заявил, что М. С. Лещинский на собрании ничего полезного не сказал, и добавил, что раз Управление требует выполнения плана, значит, должно создать условия для этого [3, с. 81–83].

В том, что работа Управления была «нацелена лишь на свод материалов и составление отчетности» [2, с. 39–42], упрекала его руководство и З. П. Дубровина, возглавлявшая трест Ленинградодежда. Этот трест не подчинялся непосредственно Управлению бытового обслуживания, но Дубровина в письме в «Ленинградскую правду» отмечала, что Управление сосредоточило в своих руках все инженерно–технические кадры, в то время как на местах, например, в ателье, всем командовали закройщики. В результате этого предприятия работали убыточно, их работу некому было организовать.

Таким образом, помимо сухих, формальных отчетов по выполнению хозяйственных планов, работники сферы услуг иногда имели возможность докричаться до власти, другое дело, конечно, что она нескоро решала проблемы в силу ограниченности ресурсов или формального отношения руководства.

Также в фонде 7384 ЦГА СПб хранятся многочисленные справки общественных контролеров, большинство из которых стремились представить в Управление достоверную информацию. Начинались эти справки с перечисления недостатков, общих для большинства предприятий системы, независимо от их профиля: нехватка материалов для работы, теснота, отсутствие вентиляции, грязь, очереди, текучесть кадров [8, с. 2–27; 1, с. 175].

Еще один момент — взаимоотношения между служащими и клиентами службы быта. В случае неудовлетворенности посетителя оказанной услугой, помимо устных высказываний в адрес заведения, в ход часто шли письменные жалобы. Чтобы избежать их, в большинстве предприятий бытового обслуживания прятали книгу отзывов и не выдавали даже по требованию клиента [4, с. 51]. Зачастую недовольному гражданину нужно было проявить твердость характера, даже устроить скандал, чтобы сделать соответствующую запись. Судя по статистике жалоб, которую вело Управление бытового обслуживания, большинство их касалось плохого качества исполнения заказов, нарушения сроков, отказа в приеме, грубости, обсчета, утери сданного в ремонт товара и т. п. [9, с. 7].

Неравнодушные граждане также действовали через СМИ, например, через «Ленинградскую правду». Так, А. А. Смирнов в письме, озаглавленном «Про излишества», возмущался чрезмерным расширением управленческого штата фабрики по ремонту одежды — директор, производственный и плановый отделы, бухгалтерия, заведующие ателье, приемщики, кассиры и др. Над ними стояло свое руководство — фабричный швейный трест и конторы по снабжению и сбыту. При этом работа предприятий системы не улучшалась [10, с. 37–38].

Нередко критические письма граждан становились основой для публикации фельетонов, написанных профессиональными журналистами. Например, в фельетоне «После шапочного разбора» говорилось

о мастерах ателье, которые на стороне покупали материал и частным образом шили шляпы. Изложенные факты подвергались проверке, и виновные в нелегальной деятельности работники увольнялись [5, с. 11].

Были и другие статьи — о неудачном ремонте хорошей шляпы за свои же деньги [5, с. 202а], об ужасном состоянии цеха по ремонту мотоколясок (статья «Мотоколяски и один ключ на семерых») [6, с. 117а]. Все эти материалы поступали в Управление бытового обслуживания, где принимались меры.

Можно сделать вывод о том, что взаимодействие между властью, служащими и клиентами службы быта осуществлялось со значительными трудностями, однако стоит отметить многообразие этого взаимодействия и настойчивость в его проведении: на каждом производственном собрании проводился разбор жалоб клиентов; жалобные книги, несмотря на все ухищрения работников, были полны записей; сами работники имели возможность без боязни высказывать свое недовольство условиями труда, чем пользовались регулярно и в достаточно резкой форме. А ведь помимо прямого взаимодействия были еще многочисленные письма в советской печати, которые также должны были приниматься во внимание всеми заинтересованными сторонами. Ввиду чего можно сказать, что взаимодействие это положительным образом влияло на развитие советской службы быта.

Список литературы

1. ЦГА СПб. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 24. Приказы начальника Управления, Т 1. 267 л.
2. ЦГА СПб. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 61. Переписка с Главным Управлением бытового обслуживания, Ленгорсполкомом и другими учреждениями по вопросам бытового обслуживания населения. 42 л.
3. ЦГА СПб. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 107. Стенографический отчет собрания работников парикмахерского хозяйства о повышении культуры обслуживания. 83 л.
4. ЦГА СПб. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 161. Переписка с Ленгорисполкомом, Управлением торговли и другими учреждениями по вопросам бытового обслуживания населения. 230 л.
5. ЦГА СПб. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 208. Переписка с Ленгорсполкомом, Архитектурно–планировочным Управлением и другими по вопросам бытового обслуживания населения. Т. 1. 220 л.
6. ЦГА СПб. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 209. Переписка с Ленгорсполкомом, Архитектурно–планировочным Управлением и другими по вопросам бытового обслуживания населения. Т. 2. 214 л.
7. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36–2. Д. 597. Переписка с СМ СССР, СМ РСФСР, Госпланом СССР, министерствами по вопросам планирования. 36 л.
8. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 602. Справки проверки работы фабрик индивидуального пошива и ремонта (К протоколу № 9). 57 л.

9. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 603. Материалы о состоянии и мерах улучшения обслуживания населения ремонтом обуви и работе мастерских «Метбытремонта» (справки, акты, докладная записка к протоколам № 10, 12). 73 л.

10. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 2052. Жалобы и заявления трудящихся и ответы на них исполкома Ленгорсовета по вопросам неправильной деятельности учреждений, организаций и предприятий и отдельных руководителей. 406 л.

Богданчикова Елизавета Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Твердюкова Елена Дмитриевна, д-р ист. наук, проф.

Советская общественность Ленинграда в борьбе с проявлениями паразитического образа жизни в первой половине 1960–х гг.

The Soviet public of Leningrad in the fight against manifestations of a parasitic way of life in the first half of the 1960s.

Аннотация. В статье рассматривается феномен под названием «тунеядство», сформировавшийся примерно в конце 1950–х — начале 1960–х гг. и систематизированы основные направления работы по проблемам социальных паразитов в конце 1950–х — конце 1960–х гг.

Ключевые слова: тунеядство; паразитический образ жизни; «Оттепель» Н. С. Хрущева; антиобщественное поведение; социальный паразитизм.

Abstract. This study examines the phenomenon named «tuneyadstvo» which was formed around the end 1950s — start 1960s and systematizes the main areas of work on issues of social parasites (late 1950s to late 1960s).

Key words: tuneyadstvo; parasitic way of life; N. S. Khrushchev's «Thaw», antisocial behavior; social parasitism.

4 мая 1961 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного труда и ведущими паразитический образ жизни». Необходимо подчеркнуть, что в официальном законодательстве изучаемого периода (1950 — 1960–х гг.) термин «тунеядец» не использовался, вместо него существовала следующая формулировка: «антиобщественный паразитический образ жизни». Однако «тунеядство», «бездельник», «паразит» стали довольно жизнеспособными терминами, которые активно вошли в лексикон советских правоведов и пропагандистов, так и обычных граждан.

Под «тунеядством» в этот период подразумевались такие социальные аномалии, как нежелание работать, «работа для видимости», иждивенчество трудоспособных. Перечень девиаций в зависимости от самой личности человека, обвиняемого в тунеядстве, и контекста конкретной ситуации мог дополняться другими явлениями: алкоголизм, интерес к буржуазной культуре, шумный досуг, неформальный внешний вид.

В период нахождения у власти Н. С. Хрущева происходили значимые эксперименты в правоохранительной системе. Новое уголовное законодательство, принятое в декабре 1958 г., предусматривало

гуманизацию наказаний в отношении некоторых преступлений. Так, в определенных случаях человека не приговаривали к лишению свободы, а передавали на поруки учебным коллективам или коллективам трудящихся. Передача лиц на поруки приобрела масштабный характер: в 1959 г. общее число дел, по которым правонарушители передавались на поруки, составило 15,6 % от всех судебных дел, а после выхода постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» этот процент достиг 33,7 % [2, с. 105].

С середины 1950–х гг. важное место в процессе борьбы с преступностью стало отводиться общественности.

С трибуны XIV съезда комсомола Хрущев призывал молодежь воспитывать в себе непримиримость к уродливым явлениям прошлого: «Главная сила в борьбе с недостатками — это общественность» [3, с. 62].

Идея перевоспитания нашла отражение в реальных практиках передачи на поруки, товарищеских судов, привлечения общественности к охране порядка, общественных увещаний и порицаний, принципах коллективной ответственности и гласности процессов. Все эти механизмы неизбежно использовались и в борьбе с туеядцами.

Работа по искоренению социального паразитизма посредством этих практик в указанный период велась сразу в нескольких направлениях: выявление туеядцев, исправление их учет и контроль и профилактика проявлений паразитического образа жизни. Каждому из названных направлений соответствовала определенная группа мероприятий.

Для выявления туеядцев использовались такие меры, как рейды по колхозным рынкам, рынкам подержанных вещей, патрулирование гостиц и проверка лиц, владеющих дачными участками. Например, в ходе обследования рынка подержанных вещей Московского района в 1962 г. силами общественности было установлено, что на нем вели незаконную торговлю деталями машин, радиодеталями, самодельными женскими заколками, а также обрезками мехов, кожи и плюша с городских свалок, которые могли быть источником заразы, особенно в летнее время. Во время рейда было выявлено несколько спекулянтов и торговцев водкой, которые вели паразитический образ жизни и нигде не работали. Кроме них, были задержаны инвалиды II группы, Марков и Викторов, занимавшиеся перепродажей вещей, однако их не удалось привлечь к ответственности, поскольку они считались нетрудоспособными гражданами, и Указ от 4 мая 1961 г. на них не распространялся. В результате проверки, проведенной депутатом городского Совета трудящихся, дружинниками и специальной комсомольской группой, в комитет социалистической законности Московского района было направлено предложение закрыть рынок, являющийся «пристанью спекулянтов, воров и туеядцев» [4, 73]. Антиобщественные

элементы выявлялись также и возле гостиниц, портов и в других возможных местах появления иностранцев. Так, за 1961 г. за приставание к иностранным туристам и попытки скупить у них иностранные товары в Сестрорецком районе Ленинграда было задержано 334 человека, их дела впоследствии рассматривал народный суд [4, л. 130]. Местами выявления тунеядцев служили не только «барахолки», но и колхозные рынки. Только на Троицком рынке Ленинского района постом милиции при содействии дружинников в 1961 г. было задержано 1258 человек, торговавших различными носильными вещами, часть из них были лицами, ведущими паразитический образ жизни [4, л. 130].

Люди, ранее имевшие судимость, назывались трудновоспитуемым контингентом. На собраниях комиссии социалистической законности при исполнении Московского районного Совета депутатов трудящихся такие лица тщательно прорабатывались, с ними вели разъяснительные беседы, использовали практику порицания и увещевания, могли брать обязательство трудоустроиться. Нередко к тунеядцу прикрепляли человека из комиссии, который контролировал, как исполнялось обязательство по трудоустройству [4, л. 10]. Задачей подобных комиссий было не только выявить и наказать тунеядца, но и понять причины, подтолкнувшие человека вести антиобщественный образ жизни. Причины выясняли по-разному, одним из способов были беседы с соседями и близкими родственниками. Так, при разбирательстве дела В. М. Славкина 1941 г. р., который упорно не хотел работать на фабрике «Пролетарская победа», представители предприятия побывали у него дома и при личной беседе с ним и его родителями попыталась выяснить причины такого образа жизни. Однако это не возымело действия, и после нескольких предупреждений Славкин был приговорен к высылке из Ленинграда сроком на 3 года [5, л. 33]. В практике комиссий по делам тунеядцев были и позитивные примеры исправления граждан, так было в случае Галины Алейниковой, которая пьянствовала, вела развратный образ жизни и на работу не устраивалась. Домовая общественность провела два суда, куда были приглашены и родители Галины, результатом стало возвращение Алейниковой на трудовой путь [5, л. 33].

Большое внимание уделялось и разъяснительной работе, которая рассматривалась как необходимая мера профилактики антиобщественного образа жизни. В Дзержинском районе в 1961–1962 гг. работниками исполнительного комитета в жилищных конторах и на предприятиях было проведено 32 лекции на тему об укреплении социалистической законности [4, л. 10]. Во время бесед и лекций члены комиссии высказывали рекомендации в адрес товарищеских судов об оказании помощи работникам милиции в выявлении лиц, не занятых общественно полезным трудом [5, л. 30]. В октябре 1961 г. в рамках шефской помощи, оказываемой товарищеским судам, в Московском районе был от-

крыт университет юридических знаний под руководством народного суда [5, л. 30]. В Кронштадтском районе на агитпунктах при жилищных конторах было проведено 24 лекции с разъяснением Указа от 4 мая 1961 г., на которых присутствовали 1264 человека [4, л. 130].

Несмотря на такие разноплановые усилия, система общественного перевоспитания тунеядцев сталкивалась с различными трудностями. Об этом свидетельствуют следующие факты. При проверке исполнения Указа «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» была выявлена слабая роль общественных организаций в выявлении тунеядцев и принятии к ним мер воздействия. Так, ни в одном из 14 дел, находившихся в райотделе на контроле, не было материалов, отражавших в какой-либо степени действия товарищеских судов, домовых комитетов, общих собраний. Это подтверждалось тем, что из 13 выселенных только один был удален по представлению обществ организации [5, л. 14].

Кроме слабой роли общественных организаций в некоторых районах существовали трудности и другого рода. К ним можно отнести оформление увольнения прогульщиков и летунов как лиц, уходящих с места работы по собственному желанию (это создавало лазейки для «паразитов»), комсомольские организации недостаточно много уделяли внимание проверке выполнения обещаний молодежи, прошедших общественные комиссии по борьбе с тунеядцами, работы комиссии недостаточно освещались в печати и телевидении. Грубым нарушением при исполнении Указа от 4 мая 1961 г. считался «необоснованный либерализм» к некоторым гражданам [5, л. 166]. Так, например, В. Косинцев, молодой тунеядец, избежал наказания, благодаря связям отца, полковника КГБ в отставке [5, л. 166].

Таким образом, можно сделать вывод, что политика административно-общественного исправления тунеядцев имела как преимущества, так и упущения.

Действительно, в ходе борьбы с паразитическими элементами удалось добиться некоторых успехов. В целом были предприняты попытки систематизировать данные о жизни лиц, избегающих общественно-полезного труда, активизировалась работа постоянных комиссий социалистической законности и общественного порядка райисполкомов [1, с. 205], создавались общественные комиссии по борьбе с тунеядцами, благодаря которым удавалось возвращать на трудовой путь многих оступившихся граждан. В середине 1960-х гг. в Ленинграде и области действовало примерно 6,3 тысяч товарищеских судов [1, с. 205].

Несмотря на достигнутые успехи, было очень много «крайностей и шатаний» в результате чего безнаказанными оставались люди, совершившие и тяжкие правонарушения [2, с. 105].

Реализация Указа от 4 мая 1961 г. силами общественности оказалась весьма проблематичной. Некоторые категории граждан совсем не поддавались увещаниям и порицаниям, нагло и демонстративно заявляли, что «образ туенядца им очень нравится» [5, л. 130]. Не всегда адекватно вела себя и сама общественность, на чьи плечи была возложена борьба с социальным паразитизмом. Представители общественности могли либо игнорировать реализацию Указа у себя в районе, либо допускать перегибы, упуская при этом из виду реальных правонарушителей. Причины неудач повседневных практик перевоспитания заключались в слишком обтекаемых формулировках Указа и в том, что на реальные социально-экономические условия, толкавшие порой людей к асоциальному поступкам, общественность повлиять была не в силах.

Список литературы

1. Иванов В. А. Социальный паразитизм в Ленинграде в 60–80–е гг. как преступное поведение и проблемы борьбы с ним // Государство, общество, архивы в истории России: к 60-летию Александра Ростиславовича Соколова. СПб.: Лики России, 2009. С. 195–209.
2. Пыжиков А. В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950–х – начало 1960–х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103–109
3. Речь Хрущева на XIV съезде Комсомола // Известия. 1962. 21 апреля.
4. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 646. Материалы проверки выполнения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.05.1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни». 2 л.
5. ЦГА СПб. Ф. Р–7384. Оп. 41 Д. 566. Справки о результатах проверки выполнения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.05.1961г. по борьбе с туенядцами Исполкомами Московского, Сестрорецкого, Фрунзенского и Кронштадтского райсоветов. 129 л.

«Швейкование»:

Театр на Таганке и советская цензура, 1964–1980

«The Schweik's tactic»:

Taganka Theatre and the soviet censorship, 1964–1980

Аннотация: Статья посвящена взаимодействию между Театром на Таганке и советской цензурой в 1964–1980 гг. На основе мемуаров В. Б. Смехова и Ю. П. Любимова делается попытка реконструировать процедуру «применения» постановок, выявить, с какими трудностями сталкивался театр и что требовалось для прохождения цензуры. Делается вывод о необходимости покровителей «наверху», уступок и уловок для показа спектакля публике.

Ключевые слова: Театр на Таганке; советская цензура; мемуары.

Abstract: The article deals with the interaction between Taganka Theatre and the soviet censorship in 1964–1980. Based upon memoirs of V. Smekhov and Y. Lyubimov the author tries to reconstruct the procedure of the «acceptance» of performances. An attempt is made to find out what difficulties the theatre faced and what was required to pass censorship. In conclusion, the author says that powerful patrons, concessions and dodges were needed in order to perform a play before an audience.

Key words: Taganka Theatre; soviet censorship; memoirs.

В годы Застоя, когда в советском искусстве безраздельно господствовал социалистический реализм, а в театрах «система Станиславского» [2, с. 19], Театр драмы и комедии на Таганке смотрелся парадоксально. Худрук режиссер Ю. П. Любимов решительно порвал с «реализмом», создав «ассоциативный театр» и возродив традиции «тотального театра» Мейерхольда в отражении действительно важных для общества проблемы [8, с. 88]. Пьесы неизменно отличались смелостью художественного и актерского исполнения, острой актуальностью затрагиваемых вопросов, — неудивительно, что зритель валом валил на представления, достать билеты было чудом. В настоящей статье мы стараемся понять, к каким средствам прибегал Любимов, чтобы спектакли Таганки достигли широкого зрителя, и с какими препятствиями со стороны власти ему приходилось иметь дело.

Для решения этих задач мы обратимся к мемуарам непосредственных участников события — главного режиссера театра Ю. П. Любимова (1917–2014) и актера В. Б. Смехова (р. 1940). Являясь источниками личного происхождения, мемуары Ю. П. Любимова («Записки старого трепача») и В. Б. Смехова («Театр моей памяти») отражают не только опыт авторов, но и их последующую рефлексию (воспоминания режиссера написаны в 1999 г., опубликованы в 2001 г., воспоминания актера опу-

бликованы в 2001 г.), знакомство с чужим опытом (Смехов нередко цитирует Любимова), могут страдать от сознательного или несознательного искажения деталей [7, с. 288, 289]. Мемуары позволяют взглянуть на ситуацию с позиции театра: Любимову приходилось вести переговоры с чиновниками, он прекрасно знал трудности «пропуска» спектаклей. В. Смехов, состоя в театре столько же лет, сколько и Любимов, имел возможность наблюдать мучительные «приемки» постановок, много знал о конфликтах с цензурой.

Прежде всего, требуется разобраться в функционировании системы советской цензуры и культурного контроля относительно театра. Театр на Таганке находился в подчинении Главного Управления Культуры и Отдела культуры Мосгорисполкома, а также Минкульта РСФСР (его репертуарно-редакционной коллегии). По спорным вопросам эти институты обращались в Минкульт СССР [1, с. 34, 44–45]. На судьбу постановок мог влиять и секретарь Московского горкома В. В. Гришин и даже секретарь ЦК по идеологии М. А. Суслов [1, с. 61–63]. Что касается принятия постановок, то оно осуществлялась в несколько этапов: руководство театра подбирало пьесы, вносило их на обсуждение худсовета, который передавал их в партком и партбюро коллектива [1, с. 37]. Процедура сдачи и приема спектаклей состояла в «закрытых показах» для представителей партии и комсомола (порой членов отдела культуры ЦК КПСС или ЦК ВЛКСМ), общественных организаций, творческих союзов, представителей СМИ. Посторонние не допускались. Цензура была двойной: после премьеры спектакль еще раз оценивался органами цензуры и идеологического контроля и мог быть снят с репертуара [1, с. 102–104, 119–121].

Цензура была жестока, она создавала в культуре систему табу, способствовала расцвету «Эзопова языка». «Запретные» темы вызывали эпатаж у публики, которая спешила прочесть стихи или увидеть пьесы, даже посредственные, но овеянные славой борьбы с цензурой, с властью [1, с. 254; 2. с. 255]. В 1970–е гг. давление на театры усилилось в связи с выходом секретного Постановления ЦК от 07.01.1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио и телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара», объявившее эстетические отклонения от соцреалистической направленности идеологической диверсией [1, с. 254].

Смехов настаивает, что Таганка была «советским», а не «диссидентским», «все-таки лояльным театром», но у «принимающей стороны» начиналась паранойя, поиск в самой безобидной реплике антисоветского и антиправительственного подтекст [6]. Поэтому театру приходилось исхитряться, «швейковать» по меткому выражению Ю. П. Любимова, чтобы пьесу пропустили, да еще в не обезображен-

ном виде [6]. «Швейкование» начиналось тогда, когда приемку спектакля затягивали или по неясным соображениям запрещали постановку.

Прежде всего, текст пьесы должен был быть одобрен Главлитом (опубликован в советской печати), затем на его основе писался сценарий, который отправляли в Главное Управление культуры МГК, а то, в свою очередь, вторично отсылало текст в Главлит. Эти процедуры нередко использовались Управлениями при МГК и Минкульте для затягивания выдачи разрешения на постановку спектакля (в 1973 г. начальник Управления театров Минкульту СССР Г. А. Иванов и зам Фурцевой К. В. Воронков два месяца затягивали выдачу разрешения на постановку «Под кожей статуи свободы», отправив ее сценарий в Главлит), а то и запрета (в 1973 г. не прошел в репертуар «Частный случай», а в 1976 г. — «Самоубийца») [4].

Таким образом, первой «ступенью к успеху» было прохождение «литературной проверки». Порой козырем для Любимова служило наличие публикации в советской печати текста спорной постановки. Так обстояло дело с «Мастером и Маргаритой» — роман был опубликован в журнале «Москва», но это не помогло в ситуации с «Живым» — пьеса «Из жизни Федора Кузькина» была напечатана в «Новом мире», но «... начальство сочло, что наш спектакль более вредный, чем повесть, Он ее заостряет» [5]. Если трудностей не возникало, далее следовала стадия редактирования сценария. И здесь многие реплики персонажей цензурой выбрасывались (в «Деревянных конях» убрали сцену, в которой одна из героинь, придя в гости к другой, крестилась на красный угол, не разглядев там портрет Ленина, после чего следовал диалог: «— Дура слепая! В углу—то у ей Ленин.» — «—Ничего. Власти от бога») [4]. Перед сдачей спектакля приемной комиссии на закрытом прогоне следовало обсуждение постановки Худсоветом Театра. Ключевой этап — закрытый прогон для чиновников Управления и министерства и последующее обсуждение постановки прямо в театре, по итогам которого «товарищи» выносили заключение, согласованное еще до просмотра. Как правило, сразу постановку не закрывали, но, отметив положительные стороны, предъявляли целый список претензий [4]. Нарекания у чиновников вызвали смелые сценические метафоры (борона, изображающая тюремную решетку в «Деревянных конях»), осовременивание (в «Ревизской сказке» увидели метафору России как сумасшедшего дома), обращения актеров в зал (речь Гамлета: «Что значит человек/ Когда его заветные желанья / Еда да Сон? Животное и всё!»), так называемые «неконтролируемые подтексты» (возможность непредусмотренных режиссером ассоциаций), несовпадение сценария и литературной основы («официозные» критики защищали близость к «авторскому замыслу» в «Зорях» и «Ревизской сказке»), отсутствие образов нового советского человека и благополучной современной деревни (в «Деревянных конях» требовали «высветить» жизнь старухи Мелентьевны в колхозе, ко-

торая, по сюжету, лишилась всего во время коллективизации), расхождение с т. н. «советскими мифами» (о Маяковском, Гоголе), за вольное изображение любовных отношений (сцена с Катериной и Борисом в «Бенефисе») [4]. Иногда «приемщики» проявляли откровенный антисемитизм: так, в «Берегите ваши лица» в стихотворении А. Вознесенского «Гетто в озере» ГУК потребовал изменить название на «Лагерь в озере» и убрать еврейские фамилии [4]. Приемная комиссия была настроена искать «крамолу». Анекдотический случай произошел с многострадальным «Берегите ваши лица» — начальник ГУК МГК Б. Родионов увидел во фразе-палиндроме «А луна канула» намек на советскую неудачу в освоении Луны [5].

Чтобы ускорить процесс приемки режиссеру приходилось «окалчивать пороги»: «Я делал это так. Я приезжал к начальникам, которые были в справочнике, который Петр Леонидович Капица давал, приезжал в образе Кузькина из «Живого». С ясными глазами, в тройке: жилетка, пиджак, белая рубашка, подкрахмаленный воротник — не придерешься» [5]. Любимов пользовался связями в верхах, своим положением Заслуженного артиста РСФСР и лауреата Сталинской премии, умело использовал разногласия в оценках постановок между средним и высшим звеном бюрократии (такая ситуация сложилась с спектаклем «Под кожей статуи свободы», который Фурцева уже одобрила, однако начальник Управления театров Минкульта СССР Г. А. Иванов внезапно аннулировал акт приема), ссылаясь на положительные рецензии в газетах («А зори здесь тихие...» спасли положительные рецензии на повесть-основу), получал поддержку от ведущих деятелей культуры (К. Паустовский звонил А. Косыгину, умоляя не снимать Любимова из-за «Пугачева») [5]. Режиссер писал многочисленные письма Фурцевой, а затем Демичеву, начальникам ГУК и Управления театрами. Наконец, последней инстанцией был сам Генсек (Брежневу режиссер писал после очередного запрета «Живого» в 1975 г., благодаря чему его не уволили) [5].

Впрочем, очень многое не удавалось спасти, недаром режиссер пишет о той цензуре: «Но всегда, даже в лучших случаях, когда удавалось что-то сделать, то цензура все равно вымарывала у меня самые дорогие для вас места, где интуиция помогла мне проникнуть в какие-то глубины подсознания...у них прямо нюх, как у собак на таможне, которые нюхают, ищут кокаин, героин» [5]. Смехов записал вопиющую фразу с приемки «Живого» (которого до Перестройки так и не пропустили): «Да, это было в нашей стране, но... этого не было!» [6].

Таким образом, чтобы «протащить постановку» режиссер должен был уметь и лавировать, и уступать, и находить себе поддержку и заступничество «наверху» и среди уважаемых властью деятелей культуры и науки. Цензура была твердо настроена выискать «крамолу» — поэтому спектакли выходили неизбежно искаженными.

Список литературы

1. Белошапка Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева: монография. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012. 317 с.
2. Дмитриева Е. Е. Игровое поле советской цензуры (1970–1980) // Языки рукописей. СПб.: Обществ. об-ние «Союз писателей С.-Петербурга», 2000. С. 241–271.
3. Кречмар Д. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко 1970–1985 гг. М.: АИРО–XX, 1997. 316 с.
4. Левенсон Е. И., Абелюк Е. С. Таганка: личное дело одного театра. М., 2007. URL: <https://coollib.com/b/384153/read#r596> (дата обращения: 08.10.2021).
5. Любимов Ю. П. Рассказы старого трепача. URL: <https://coollib.com/b/270923/read> (дата обращения: 09.10.2021).
6. Смехов В. Б. Театр моей памяти. URL: https://bookscafe.net/read/smehov_veniamin-teatr_moeu_pamyati-66215.html#p45 (дата обращения: 05.11.2021)
7. Соколов А. К., Бокаре Ю. П., Борисова Л. В. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебное пособие / Под ред. А. К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. 687 с.
8. Соколов К. Б. Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба: (1953–1985). СПб.: «Нестор–история». 2007. 478 с.

Кузнецов Донат Андреевич
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Ладынин Иван Андреевич, д-р ист. наук, доц.

Институциональная структура советской науки о древности в 1945–1991 гг.

The institutional structure of the Soviet science of antiquity in 1945–1991

Аннотация. В данной статье рассмотрен мало изученный вопрос институциональной структуры советской науки о древности в послевоенный период. Проанализированы структура исследовательских учреждений системы АН СССР, существование соответствующих кафедр в вузах СССР и общие тенденции в развитии данной системы.

Ключевые слова: наука о древности; древняя история; высшее образование.

Abstract. This article examines the little-studied question of the institutional structure of the Soviet science of antiquity in the post-war period. The structure of research institutions of the USSR Academy of Sciences system, the existence of corresponding departments in universities of the USSR and general trends in the development of this system are considered.

Keywords: science of antiquity; ancient history; higher education.

Советская наука о древности вошла во вторую половину XX в. с относительно устоявшейся структурой исследовательских учреждений. Исследованиями в области древней истории к 1945 г. занимались сектор древней истории ИИ АН СССР, сектор древней истории ЛОИИ АН СССР, а также некоторые подразделения ИА АН СССР, ИИМК АН СССР и Института мировой литературы им. А. М. Горького. Система науки относительно стабилизировалась: в востоковедении окончательно победила концепция В. В. Струве, а её автор занял место живого классика и главы всей советской науки о Древнем Востоке; в антиковедении единого руководства не сложилось. Существовали два слабо конкурирующих центра — в Ленинграде и в Москве. Если говорить применительно к АН СССР, то это были сектор древней истории ЛОИИ, возглавляемый С. И. Ковалёвым, и сектор древней истории АН СССР в Москве, возглавляемый сначала А. В. Мишулиным, после его смерти Н. А. Машкиным. Попытки сокрушить (или просто изменить сложившееся соотношение сил) успеха не имели по причине признания сложившихся концептуальных построений идеологически верными со стороны партийного руководства.

Однако в 1953 г., на фоне «ленинградского дела», началась волна реорганизаций. Было ликвидировано ЛОИИ. Решение это, по-види-

тому, вызревало достаточно долго, потому что в 1953 г., с отходом от руководства Институтом истории академика Б. Д. Грекова процесс пошёл гораздо интенсивнее. Сформированная специальная комиссия ЦК КПСС во главе с М. А. Суловым довольно быстро на основании различного рода отчётов (содержавших, в том числе, и искажённую информацию) приняла решение о ликвидации Ленинградского отделения, переводе части сотрудников в Архив АН СССР (остававшийся в Ленинграде), части (включая В. В. Струве) — на работу в Москву, а остальные сотрудники (из числа историков древности это были М. Е. Сергеев и Д. П. Каллистов) были уволены. Конечно, уже в 1956 г. отделение было восстановлено, однако восстановление полнокровной научной школы заняло ещё долгое время [8, с. 21–26].

После бурных пертурбаций рубежа 1940–1950-х гг. и смерти диктатора система стабилизировалась. Влияние общественно-политических тенденций правления Н. С. Хрущёва на историческую науку подробно исследовано, однако в отношении институциональной истории известно очень немного в силу крайне малого количества опубликованных источников. В 1968 г. произошло ключевое событие: Институт истории АН СССР прекратил своё существование, будучи разделённым на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Сектор древней истории перешёл в Институт всеобщей истории во главе с тем же С. Л. Утченко (в должности в 1950–1976 гг.), преемницей которого стала Е. С. Голубцова (в должности в 1976–1988 гг.), после неё в должность вступил Г. М. Бонгард-Левин. Ленинградское отделение было передано с 1968 г. в состав Института истории СССР и оставалось в таком положении вплоть до распада СССР — исследования по истории древности там были, по сути, свёрнуты.

Значительные изменения имели место и в организации исследований по истории Древнего Востока. Общая тенденция была следующей. В связи с тем, что директором Института востоковедения АН СССР был В. В. Струве, и располагался институт в Ленинграде, то преимущественное внимание в научной деятельности его сотрудников было сосредоточено на древней и средневековой истории. Новой историей Востока занимался филиал ИВ АН СССР в Москве. Т. е. сложилась негласная система своеобразного «разделения труда». Центральному руководству это категорически не нравилось, и в 1950 г. В. В. Струве был снят с поста директора Института востоковедения, а основные подразделения института в 1951 г. переехали в Москву, оставив в Ленинграде филиал. По воспоминаниям Ю. Я. Перепёлкина, В. В. Струве снял лично И. В. Сталин, параллельно же интриговал против В. В. Струве и В. И. Авдиев, с намерением занять его место во главе института [3, с. 35–36]. И это случилось, но лишь в 1953 г. В 1959 г. в составе Института востоковедения был создан Отдел Древнего Востока (в 1965–1980 гг. отделом заведовал академик М. А. Коростовцев).

В составе Ленинградского отделения Института востоковедения Кабинет Древнего Востока появился также в 1959 г. Его возглавил академик В. В. Струве (до своей смерти 1965 г., после него отдел возглавляет М. А. Дандамаев). В кабинете работали преимущественно египтологи, ассириологи, иранисты, гебраисты, составившие цвет ленинградской школы классического востоковедения [10]. Таким образом, можно говорить о тенденции к обособлению науки о Древнем Востоке в рамках системы советской гуманитаристики.

Основными подразделениями по изучению древней истории в вузах были кафедра истории Древнего мира исторического факультета (основана в 1934 г.) МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра истории Древней Греции и Рима исторического факультета (1934) и кафедра истории Древнего Востока восточного факультета (1939) ЛГУ им. А. А. Жданова. Кроме того, на восточном факультете ЛГУ была учреждена кафедра семитологии с отделением ассириологии в её рамках, а также кафедра египтологии и африканистики. С 1952 г. оба этих отделения вошли в состав кафедры истории Древнего Востока.

Помимо этих, главных центров подготовки специалистов в области древности, существовали кафедры древней истории в региональных университетах (часто, однако, на одной кафедре со специалистами по истории Древнего мира работали и медиевисты).

Самым первым из провинциальных университетов включил в свой состав кафедру истории древнего мира и археологии Саратовский университет. Правда, специалистов по истории древности там не было, поэтому кафедру возглавил археолог П. С. Рыков (репрессированный в 1937 г.). Период же подлинного расцвета кафедры пришёлся на время руководства ей Э. К. Путныня (1941–1968) и В. Г. Боруховича (1969–1991). Благодаря им университет сохранил организационную самостоятельность кафедры истории древнего мира. На кафедре в 1970–1980-е гг. велась исследовательская деятельность в области античной истории [11].

Значительный центр изучения историографии сложился на историческом факультете Казанского университета, где кафедрой древней истории заведовал А. С. Шофман. Под его руководством на кафедре сложилась солидная школа историографии античности, и регулярно выходили соответствующие периодические издания [7, с. 67–68].

Своя кафедра древней истории была и в Пермском университете. Однако уже к 1970 г. всю работу по специализации в области древней истории взяла на себя В.Д. Неронова, также занимавшаяся историографией [7, с. 69].

Были кафедры древней истории также в Свердловске [1] (за счёт деятельности М. Я. Сюзюмова кафедра специализировалась в большей степени по истории поздней Римской империи и ранней истории Византии), Томске (в Томском университете кафедра древней исто-

рии была объединена с кафедрой истории средних веков после ухода с поста заведующего кафедрой археолога К. Э. Гриневича и замещения его медиевистами А. И. Даниловым, а затем Б. А. Могильницким), Горьком, Ростове–на–Дону, в нескольких вузах Москвы и Московской области (МГПИ им. В. И. Ленина, МГПИ им. В. П. Потёмкина, МОПИ им. Н. К. Крупской), Ленинграда (ЛГПИ им. А. И. Герцена) [7, с. 69].

Кафедры древней истории были и в ряде союзных республик. Своя кафедра древней истории была в БГУ (Минск) [9] — основным профилем её занятий со времён бытности заведующим академиком Н. М. Никольского были штудии в области истории раннего христианства (Г. М. Лифшиц), а к концу советской эпохи также хеттология (Г. И. Довгяло). Кафедры древней истории были в Одесском и Харьковском университетах (их приоритетным направлением исследований были археология и древняя история Северного Причерноморья), Казахском университете (Алма–Ата) [6] (была попытка основать там центр изучения советской историографии, но она оказалась безуспешной). Весьма опосредованы были занятия в области древней истории в Прибалтийских республиках. Древность (только античность) изучалась на кафедрах всеобщей истории и классической филологии в Вильнюсе, Риге и Тарту, причём основным направлением деятельности в сфере древней истории был перевод древних авторов на национальные языки, самостоятельные исследования были уделом единичных специалистов [4]. Крупные центры изучения Древнего Востока сложились в Закавказских республиках, прежде всего в Грузии [5]. Основными направлениями исследований здесь были урартоведение, хеттология, хурритология, индоевропеистика (в частности, именно с Грузией связаны имена таких крупных исследователей, как Э. А. Менабде, Г. Г. Гиоргадзе, Г. А. Меликишвили, Т. В. Гамкрелидзе и другие).

Таким образом, крупные исследовательские проекты, в силу различных обстоятельств (в первую очередь — объективных: наличие крупных библиотек и музеев, возможность вести археологические раскопки на месте или на выезде, наконец — традиция преподавания и наличие узких специалистов), реализовывались преимущественно на кафедрах древней истории МГУ и ЛГУ. Большинство же провинциальных кафедр, специализирующихся на древней истории, в силу объективных же обстоятельств занимались историографическими исследованиями или специализировались на территориально близких сюжетах (археология и история Северного Причерноморья, история древних цивилизаций Закавказья). В целом же, видна тенденция расширения вузовских структур изучения истории древности, однако их дальнейший рост и совершенствование наталкивались на нехватку в провинции как квалифицированных специалистов, так и элементарно финансовых и организационных ресурсов [7, с. 71].

Список литературы

1. Белова Н. Н., Даниленко В. Н., Суров Е. Г. Изучение истории древнего мира в Уральском государственном университете // ВДИ. 1968. № 2. С. 206–212.
2. Богословский Е. С. История древнего мира в Пермском университете (к 50 -летию университета) // ВДИ. 1966. № 3. С. 236–238.
3. Вассоевич А. Л. О Ю .Я. Перепёлкине и его научных открытиях // Перепёлкин Ю. Я. История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 35–36.
4. Вейнберг И. П. Изучение истории древнего мира в республиках Советской Прибалтики (70–80-е гг) // ВДИ. 1987. № 4. С. 40–48.
5. Инадзе М. П., Хазарадзе Н. В. Основные итоги научных исследований в области древней истории, филологии и археологии в Грузии (1978–1987 гг.) // ВДИ. 1987. № 4. С. 15–32.
6. Коржева К. П. Изучение древней истории в Казахском университете // ВДИ. 1968. № 2. С. 212–215.
7. Крих С. Б., Метель О. В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи. Путеводитель по советской науке о древности. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2019. 197 с.
8. Панях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27.
9. Ревяко К. А., Ханкевич О. И. Развитие исследований в области древней истории в Белоруссии (работа кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ в 1977–1987 гг.) // ВДИ. 1987. № 4. С. 15–32.
10. Структура ИВ РРАН. Отдел Древнего Востока. URL: <http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=169> (дата обращения: 28.03.2021).
11. Структура СГУ. История кафедры истории Древнего мира. URL: <https://www.sgu.ru/structure/imimo/ancienthistory/history> (дата обращения: 28.03.2021).

**Первый съезд автономий СССР 22–23 сентября 1990 г.:
подготовка, ход работы и последствия¹**

**The first Congress of Soviet autonomies on September 22–23, 1990:
preparation, progress, and consequences**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается история проведения I съезда автономий СССР 22–23 сентября 1990 г. в Москве. Привлекаются документы ГАРФ, материалы периодической печати, а также воспоминания участников Съезда. Анализируется существующая историография по данному вопросу. В заключении автором делается вывод о серьезном влиянии Съезда на развитие межнациональных отношений в СССР в 1990–1991 гг.

Ключевые слова: Съезд автономий; 1990; СССР; АГНК.

Abstract. This article examines the history of the First Congress of the Autonomies of the USSR on September 22–23, 1990, in Moscow. Documents of the State Archive of the Russian Federation (GARF), materials of the periodical press, as well as memoirs of the participants of the Congress are involved. The existing historiography on this issue is analyzed. In conclusion, the author concludes that the Congress had a serious impact on the development of interethnic relations in the USSR in 1990–1991.

Keywords: Congress of autonomies; 1990; USSR; AMPC.

Конец 1980–х — начало 1990–х гг. характеризовался резким обострением межнациональных отношений в Советском Союзе. В массовом порядке стали создаваться национальные движения многих народов СССР. Если подобные организации титульных народов союзных республик выступали за расширение прав своих образований и даже их независимость, то подавляющее большинство народов автономий внутри союзных республик выступали за повышение своего статуса до союзного. На этом фоне поворотным стал I Всесоюзный Съезд представителей национально–государственных, национально–территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности, состоявшийся 22–23 сентября 1990 г.

Источниковую базу настоящего исследования, посвящённого изучению истории проведения данного Съезда, составили материалы ГАРФ, описывающие процесс разработки Союзного договора [4]; документы по абхазо–грузинским отношениям в позднесоветский период, собранные М. Ю. Чумаловым [1]; материалы периодической печати (как федеральной («Коммерсант» [2]), так и региональной «Тенглик» [5], «Абакан» [6]), а также воспоминания участника Съезда В. Шария [10].

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Касаемо историографии по данному вопросу, отметим, что в целом это слабо изученная тема. К настоящему моменту не существует комплексного исследования данного Съезда, однако нельзя не отметить труды, в которых он упоминается. В частности, это использованные в настоящей статье работы исследователей А. Ф. Авидзба [3], В. Е. Кварчия [7] и З. А. Сусуев [8], которые описывают данный Съезд в положительном ключе. Обратившись же к труду С. М. Червонной [9], мы должны отметить её в целом негативное отношение к деятельности абхазского национального движения в начале 1990-х гг., из которого проистекает неодобрение и к рассматриваемому Съезду.

Инициатором данного Съезда стала Ассамблея горских народов Кавказа (АГНК) — общественная организация, возникшая в 1989 г. и объединившая представителей семи национальных движений народов Кавказа. Её лидер, М. М. Шанибов, в открытом письме обратился ко всем народам и правительствам автономий СССР с предложением принять участие в работе Съезда и определил его главную задачу как выработка «общей платформы по преобразованию национально-государственного устройства СССР» [7, с. 230–231].

Заметим также, что в этом же письме перечислялись причины, по которым представителям народов СССР необходимо собраться в Москве. Среди них были: продолжающееся неравенство среди автономий и союзных республик, отсутствие стремлений изменить это положение [7, с. 230]. Т. е. данные причины были скорее «общесоюзными», тогда как чеченский исследователь З. А. Сусуев также выделяет российскую Декларацию о суверенитете от 1 июня 1990 г., как причину созыва Съезда, из-за её пункта 9, подчёркивающего целостность РСФСР. Тем самым, законы, принятые Верховным Советом СССР в апреле 1990 г., вместе с дарованными ими правами для автономий оказывались под угрозой [8, с. 132].

Обращаясь же к используемой историографии, отметим, что большинство исследователей соглашались с ключевой ролью АГНК в организации Съезда. Однако А. Ф. Авидзба [3, с. 141] и С. М. Червонная [9, с. 51] всё же выдвигают на первый план в этом вопросе фигуру В. Г. Ардзинба. Этнолог же М. Ю. Чумалов добавляет Народный фронт Абхазии (НФА) «Аидгылара» в качестве ещё одного инициатора Съезда [1, с. 353]. Тем самым, мы можем говорить о формировании в историографии доминирующей на данный момент концепции двух иницирующих сил данного Съезда — АГНК и абхазского национального движения. На наш взгляд, это является преувеличением роли НФА и преуменьшением роли АГНК в описываемых процессах.

Основная часть работы данного Съезда пришлось на 22 сентября. Именно тогда, после открытия данного мероприятия была утверждена повестка дня Съезда, где содержались такие пункты как: доклады о новом Союзном договоре (докладчик — В. В. Кецаба) и экономических

основах суверенитета автономии (докладчик — Н. Х. Валитов); принятие итоговых документов, а также образование организации из состава присутствующих представителей народов [4, л. 43].

Учитывая масштабность данного мероприятия (на Съезде присутствовали 206 делегатов и 40 гостей, представлявших в общем 43 национальности, включая русских [4, л. 46]), был образован президиум Съезда, в который вошли, в том числе, М. М. Шанибов, а также Председатели Советов национальностей Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета СССР — Р. Г. Абдулатипов и Р. Н. Нишанов, соответственно [4, л. 44]. И, если фигура лидера АГНК не смущала журналистов, то вот присутствие Р. Н. Нишанова стало поводом для подкрепления теорий о попытках союзного руководства пресечь сепаратизм союзных республик через воздействие на их автономии. Так, газета «Коммерсант» по результатам Съезда и его решениям выпустила статью с соответствующим названием — «Автономии поддержали Центр» [2].

Интересны также воспоминания абхазского журналиста В. Шария о данном Съезде. Согласно ним, у Р. Г. Абдулатипова был «довольно агрессивный настрой к организаторам съезда» [10]. Видится нам причиной этого заявления ряда представителей от организаций народов России. Так, представители Чечено–Ингушетии выступали за получение автономиями суверенитета и последующее образование ими нового Союза равноправных государств [8, с. 132], а хакасские делегаты настаивали на необходимости преобразования Хакасии в республику [6].

Главным итогом данного Съезда стало принятие Декларации¹. В ней делегаты решительно выступили за «сохранение Союза суверенных республик на основе обновленной федерации, который явится гарантом суверенности и самобытности наших народов». В этой обновлённой федерации отношения между народами должны были строиться по принципу равноправия всех народов, независимо от их численности, который должен был быть закреплён конституционно как «неотчуждаемое право». В рамках этого необходимо было учитывать право каждой нации на самоопределение, что, по мнению делегатов, требовало уважения и признания всех принятых к тому моменту Деклараций о суверенитете и независимости [4, л. 61–62].

Кроме того, данная Декларация подчёркивала, что «представители всех национально–государственных и национально–территориальных образований должны принять участие в разработке и подписании Союзного Договора». Также представители народов СССР заявили о своей готовности разработать свой проект экономической реформы и перехода к рынку. Помимо этого, участники Съезда потребовали от союзного парламента отменить все акты, которые легли в основу ста-

¹ Интересным нам представляется тот факт, что данный документ был подписан представителями 39 национальностей вместо 43 присутствующих. Так, своих подписей не оставили казахи, русские, узбеки, украинцы, а также тувинцы, но зато подписали крымские татары.

линских репрессий, а также принять меры по реабилитации репрессированных народов. В рамках решения национального вопроса также предлагалось «на конституционном уровне установить квоты их (коренных народов национальных образований СССР — прим. П.Ш.) представительства в органах государственной власти» [4, л. 62–63].

Помимо данной Декларации, участниками Съезда был принят также ряд резолюций, обращённых как к союзному, так и к руководствам конкретных союзных республик (в основном, России и Грузии). В частности, в них участники Съезда просили решить вопрос по воссоединению разделённых шапсугов с адыгами Адыгеи [4, л. 64], а также заявляли о необходимости восстановить месхетинских турок на своём месте проживания [4, л. 69]. Кроме того, Съезд решительно поддержал провозглашение Гагаузской Республики и осудил действия молдавских властей [4, л. 67].

Необходимо отметить, что больше всего резолюций было принято по отношению к грузинскому руководству. В частности, были признаны противоправными акты Президиума ВС Грузии об отмене решений органов власти Абхазии и Южной Осетии об их суверенитете [4, л. 66], а также осуждена политика «мягкого выживания», проводимая властями Грузии в отношении кварельских аварцев и греков [4, л. 68]. В резолюции же, направленной М. С. Горбачёву, А. И. Лукьянову и А. Н. Муталибову (лидеру Азербайджана), осуждалось упразднение областного Совета нардепов НКАО и призывом союзных органов власти отменить эти акты [4, л. 65].

Ярким последствием деятельности Съезда стало провозглашение кумыкским национальным движением 9 ноября 1990 г. Кумыкистана путём принятия соответствующей декларации со следующими словами: «мы полностью одобряем и поддерживаем Декларацию первого Всесоюзного съезда представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей национальной государственности от 22 сентября 1990 года» [5]. Кроме того, согласно исследовательнице О. М. Карачаковой, аналогичную Съезду автономий декларацию принял и I съезд общественных движений тюркских и кавказских народов СССР, проходивший 26–30 сентября 1990 г. в Москве [6].

Таким образом, рассмотрев историю проведения I Съезда автономий СССР, мы можем отметить следующее. Ведущую роль в организации данного мероприятия сыграла АГНК во главе с М. М. Шанибовым. В работе Съезда приняли участие представители 43 народов СССР. Это придавало весомости Декларации и ряда резолюций, принятым на данном Съезде. А пример только Кумыкистана показывает нам, что Съезд оказал довольно серьёзное влияние на межнациональные отношения в СССР в конце 1990 – начала 1991 гг.

Список литературы

1. Абхазский узел: Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии. Выпуск II. Народный форум Абхазии «Айдгылара» и его союзники. 1989–1990 гг. / М. Ю. Чумалов (отв. ред). М.: ИЭА, 1995. 371 с.
2. Автономии поддержали Центр // Коммерсант. 1990. № 38. 24 сентября.
3. Авидзба А. Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум: РУП «Дом печати», 2012. 424 с.
4. ГАРФ. Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 1065 (Документы к проекту Союзного Договора, поступившие из союзных и автономных республик СССР, (проекты, письма, предложения, декларации и др.)). 75 л.
5. Декларация о самоопределении кумыкского народа (основные тезисы) // Тенглик. 1992. № 4. Апрель.
6. Карачакова О. Республике Хакасия – 27 лет! // Абакан. 2018. № 26. 4–10 июля.
7. Кварчия В. Е. Собрание трудов в 7–ми томах. Т. VI. История, демография. Сухум: Academia, 2020. 407 с.
8. Сусуев З.А. Чечено–российские отношения и идея чеченской государственности. Политический очерк. Екатеринбург: «Ridero», 2018. 458 с.
9. Червонная С. М. Абхазия–1992: посткоммунистическая Вандея. Москва: «Мосгорпечать», 1993. 192 с.
10. Шария В. Союз на перепутье: единственный в своем роде съезд 27–летней давности // Радио «Эхо Кавказа». URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/28756545.html> (дата обращения: 01.11.2021).

Халимочкин Владимир Сергеевич
Санкт–Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Полынов Матвей Фёдорович, д–р ист. наук, проф.

**Ленинград–Санкт–Петербург в условиях талонной системы
(декабрь 1990–май 1992 гг.)**

**Leningrad–St. Petersburg in the conditions of the coupon system
(December 1990–May 1992)**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению состояния городской торговли и жизни ленинградцев в условиях талонной системы, просуществовавшей в городе около полутора лет. Также будут проанализированы решения органов власти по выводу города из продовольственного кризиса.

Ключевые слова: Ленинград; талонная система; продовольствие.

Abstract. The article considers the state of urban trade and the life of Leningraders in the conditions of the coupon system that existed in the city for about a year and a half. The decisions of the authorities to overcome the food crisis in the city will also be analyzed.

Key words: Leningrad; coupon system; food.

Ситуация с продовольственным обеспечением в Ленинграде уже к началу перестройки была довольно сложной. Город недостаточно снабжался отдельными видами продовольствия, испытывал серьёзные проблемы с его транспортировкой, условия хранения продуктов на базах и складах оставляли желать лучшего [13, л. 19]. Принимаемые в перестройку меры не приводили к улучшению положения.

К началу 1989 г. город вошел в продовольственный кризис, усугублявшийся введением талонов и визитных карточек в соседних с Ленинградом областях и республиках [15, л. 5]. В самом Ленинграде первые талоны были введены 1 июня 1989 г.: сначала на чай, потом на сахар [11, с. 66]. С 1 февраля 1990 г. была организована выдача единых визитных карточек для ленинградцев и жителей области, по которым производилась продажа некоторых продовольственных, а также промтоваров [11, с. 66]. С апреля 1990 г. решение продовольственной проблемы взял на себя Ленсовет XXI созыва. Но долгое формирование его структуры и принятие множества организационных решений привели к углублению кризиса.

В итоге с 1 декабря 1990 г. в городе была введена талонная система: «По ним можно было купить: мясо и мясопродукты (или курицу) — 1,5 кг.; колбасы и колбасных изделий — 1 кг.; масло сливочное — 0,5 кг.; масло подсолнечное — 250 г.; яиц — 10 шт.; крупы и макаронных изде-

лий — 1 кг, муки — 0,5 кг.» [5, с. 639]. Данная система претерпевала изменения, но сохранялась вплоть до мая 1992 г.

Переход экономики города к рынку сопровождался возможностью свободной продажи продовольствия по рыночным ценам. Но в силу нерегулируемости эти цены взлетали порой до невероятных показателей. К примеру, на Кузнечном рынке стоимость телятины по сравнению с ценами 1989 г. выросла в 2,7 раза до 40 руб. за кг., говядины — в 4,1 раза до 50 руб. за кг. Яйца стали стоить по рублю за штуку (в 1989 г. — по 35 копеек), картофель — 1 руб. 60 копеек за кг. (вместо 60 копеек) [7].

Товары не доходили до покупателя не только из-за продовольственного дефицита, но часто по причине плохой транспортировки. Положение на станциях Ленинградского железнодорожного узла в последнюю неделю 1990 г. оценивалось как катастрофическое. С 30 декабря 1990 г. по 3 января 1991 г. на станциях Ленинградского железнодорожного узла оказалось неразгруженными 3 тыс. вагонов. Клиенты с предприятий просто не приезжали их получать [6].

В городе была практически свернута система самообслуживания. Автоматически увеличилось число покупателей, которые вне зависимости от потребности, стремились выкупить положенные по талонам продукты [12]. Скоропортящиеся продукты (мясо, колбасные изделия, яйца), когда срок их реализации был на исходе, вынужденно продавались без талонов. Таким образом, кто-то получал двойную норму продуктов, а кто-то оставался без ничего.

Положение на потребительском рынке определял ажиотаж. Талонная система стала тормозом для предприятий-производителей. В городе ещё не была совершенствована коммерческая торговля, обычные магазины брали только тот объем продукции, который необходим им для отоваривания талонов [12].

С самого начала 1991 г. руководство города констатировало: «В текущем году в Ленинграде складывается весьма напряжённая ситуация с обеспечением продовольствием. Это связано, прежде всего, с невыполнением договорных обязательств» [14, л. 1]. Причиной этого был также развал хозяйственных связей в стране: «Срывы договоров, отсутствие поставок по импорту, повышение цен в республиках Прибалтики и Белоруссии резко обострили обстановку по реализации товаров в Ленинграде» [14, л. 1].

Несмотря на то, что фонды на основные товары, выделенные городу в 1991 г., были не меньше 1990 г., не было главного — подтверждения производителей обеспечения ресурсами этих объемов. Из-за отсутствия сырья и упаковочных материалов сомневалась в своих поставках мясомолочная промышленность, кондитерские предприятия гарантировали только 87% от всех своих объемов, Ленхлебпром — лишь 80% [12]. Депутаты Ленсовета констатировали: «Снабжение населения Ленинграда продовольственными товарами в 1991 г. в значительной

степени будет определяться не столько фондами, сколько обеспечением их ресурсами» [14, л. 4].

В феврале 1991 г. норма отпуска продуктов по единым талонным блокам для жителей Ленинграда сохранялась на уровне январских норм. Без талонов стали отпускаться яйца, соль [2].

В марте 1991 г. руководство СССР приняло решение о повышении розничных цен. На основные виды продовольственных и непродовольственных товаров были установлены единые пределы повышения, иные товары могли реализовываться по договорным ценам. Ленсовет на это постановление отреагировал образованием Ленинградского городского фонда социальной защиты населения. Неработающим пенсионерам, а также гражданам, получающим государственные пособия, выплачивалась ежемесячная компенсация — до 100% дополнительных расходов на приобретение товаров и услуг минимальной потребительской корзины, детям — 50–80% в зависимости от возраста [4].

Чтобы урегулировать беспорядочно скачущие рыночные цены, Главное управление торговли создало сеть согласованных с районными администрациями магазинов, где продовольствие приобреталось с надбавкой до 20% [16, л. 176]. Это в определённой мере позволило насытить внутренний рынок продовольствием и способствовало стабилизации социальной обстановки в городе.

К марту 1991 г. страну охватил своего рода «бартер» — натуральный товарный обмен между регионами. «Ленинградской торговле, представляющей индустриальный центр, начиненный предприятиями оборонной промышленности, обменивать было практически нечего!» [12]

Со 2 апреля 1991 г. после переоценки продтовары подорожали. В апреле 1991 г. сохранились мартовские нормы отпуска продовольствия [3]. При этом многие фабрики сразу не давали товаров торговли, а отправляли их на склады, ожидая повышения цен.

После первых мэрских выборов сформировался продовольственный комитет мэрии Санкт-Петербурга, он и стал решать основные проблемы обеспечения. Глава комитета, Сергей Прокофьев, позже вспоминал, что его главной задачей было «сделать так, чтобы снабжение ухудшилось не резко» [9, с. 384]. От Ленсовета же стало зависеть довольно мало: его Ленгорисполком был расформирован.

Зима 1991–1992 гг. была одной из самых тяжёлых в послевоенную историю северной столицы. Спасительной мерой в ту зиму было рекордное получение городом гуманитарной помощи. С начала 1991 по 9 января 1992 гг. в Ленинград–Санкт-Петербург из зарубежья поступило 77,5 тыс. т продовольствия [9, с. 384].

Ко времени проведения 12 сессии Петросовета, проходившей в ноябре–декабре 1991 г., новым Правительством России уже было объявлено об отказе от регулирования в стране цен на подавляющее чис-

ло товаров с 1 января 1992 г. Прилавки пока еще государственных магазинов быстро и окончательно опустели. Перечень мероприятий по смягчению негативных последствий либерализации цен пришлось формировать прямо на сессии. Среди них было предложено создание общегородского бартерного фонда и способы по стимулированию его наполнения. Были подтверждены меры по талонному обеспечению продовольственными товарами [1, с. 100].

В целом, в 1991 г. производство продовольственных товаров упало на 11,2% [10, с. 70]. В сопоставимых ценах, посчитанных с учетом индекса розничных цен, товарооборот предприятий Ленинграда в сфере торговли составил только 89,2% от уровня 1990 г., по продовольственным товарам — 94,4% [16, л. 166–167].

1991 г. запомнился небывалым повышением цен, при этом они ещё не были отпущены. Средние годовые цены в 1991 г. увеличились: на картофель — в 2,7 раза, на молоко — в 3 раза, на яйца — в 2,4 раза, на яблоки — в 2,4 раза, на мясо — в 3,5 раза. Наиболее резкий скачок цен на продовольствие был в ноябре–декабре 1991 г. [10, с. 135].

В течение 1991 г. Главным управлением торговли проводилась работа по изысканию дополнительных товарных ресурсов, закупке товаров, производимых кооперативами и индивидуалами, скупке вещей у советских и иностранных граждан. В итоге подобных ресурсов «было закуплено на 1668 млн. руб. или 10,8% общего товарооборота, из них продтоваров — на 343 млн. руб.» [16, л. 169]

С начала 1992 г. правительство РФ начало проведение радикальной экономической реформы, основным мероприятием которой была либерализация цен. В ходе данных преобразований общая масса всех видов потреблённых продуктов в 1992 г. составила для среднего горожанина 645 кг (в 1990 г. — 911 кг). Петербуржцы стали потреблять мяса на 43% меньше, чем в 1990 г., молочных продуктов — на 30%, рыбы — на 35%, фруктов — на 40% [8, с. 43–45].

Но при всей противоречивости реформ, начатых страной в 1992 г., именно они решили проблему наполняемости рынка продуктами питания. К маю 1992 г. продовольственный рынок в городе стабилизировался, и продажа продуктов питания по талонам была отменена.

По итогу можно констатировать, что с введением талонной системы Ленинград перешел в самую острую фазу продовольственного кризиса времен перестройки. Смягчить бедственное положение ленинградцев помогла продуманная социальная политика Ленсовета, а также принятые в городе меры по внедрению элементов рынка. При этом снабжение продуктами питания в условиях плановой экономики только ухудшалось. Окончательно проблема отмены талонов и насыщения города продовольствием была решена лишь посредством либерализации цен.

Список литературы

1. 20 лет парламентаризма в Санкт–Петербурге: 2–е изд., испр. и доп. СПб., 2010. 480 с.
2. Аграфенин А. Плюс «пожарный» талон // Ленинградская правда. 1991. 30 января.
3. Аграфенин А. Цены новые, товары старые // Ленинградская правда. 1991. 29 марта.
4. Долгопятова Е. Надейся на помощь и сам не плошай // Ленинградская правда. 1991. 28 февраля.
5. Карнаухов С. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 84. С. 634–652.
6. Коновалова Н. Клиенты бастуют // Ленинградская правда. 1991. 3 января.
7. Куда ушла еда? // Вечерний Ленинград. 1990. 3 декабря.
8. Муздыбаев К. Динамика уровня жизни в Петербурге, 1992–1994. СПб.: Смарт, 1995. 205 с.
9. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки, 1985–1991: сборник материалов / А. Д. Марголис (отв. ред.). СПб.: Серебряный век, 2009. 781 с.
10. Санкт–Петербург в зеркале статистики: Сборник статей. СПб.: Изд–во Санкт–Петербург. ун–та экономики и финансов, 1993. 134 с.
11. Твердюкова Е. Д. Потребительский рынок Ленинграда периода перестройки: торговля и распределение // Научные труды Северо–Западного института управления РАНХиГС. Т. 6. СПб., 2015. С.63–69.
12. Торговля умирает первой // Ленинградская правда. 1991. 8 марта.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 207. Д. 18. Информация в ЦК КПСС по вопросам снабжения населения Ленинграда сельскохозяйственной продукцией. 32 л.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 81. Информация отдела комиссии, Леноблггорстата РСФСР, управления торговли об обеспечении населения города продовольствием и ТНП. 83 л.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 249–1. Д. 528. Документы по выполнению постановления секретариата обкома КПСС от 14 декабря 1989 года. 11 л.
16. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 4. Д. 335. Сводный отчет по основной деятельности Главка за 1991 г. 179 л.

Деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ в ходе осуществления экономических преобразований 1992 г.

Work of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation during the implementation of economic reforms in 1992

Аннотация. В настоящей статье рассматривается начальный этап проведения радикальных экономических преобразований в России 1992 г., а также попытки ее корректировки со стороны законодательной власти в лице Верховного Совета и Съезда народных депутатов.

Ключевые слова: радикальная экономическая реформа; «шоковая терапия»; Съезд народных депутатов; 1992.

Abstract. This article examines the initial stage of radical economic transformations in Russia in 1992, as well as attempts to adjust it by the legislature in the person of the Supreme Council and the Congress of People's Deputies.

Keywords: radical economic reform; «shock therapy»; Congress of People's Deputies; 1992.

На V Съезде народных депутатов была принята экономическая программа радикальных преобразований, которая начала свою реализацию в январе 1992 г. с либерализации цен и торговли.

После окончания Съезда Верховный Совет РСФСР приступил к созданию базы осуществления радикальных экономических преобразований. По поручению Президиума, совместно с Правительством был разработан план действий по разработке проектов законов РСФСР по обеспечению экономических преобразований [2].

Уже в конце ноября Верховный Совет РСФСР приступил к рассмотрению первых указов Президента для обеспечения проведения экономической реформы. Так, 22 ноября на заседании был отклонен проект Указа «О финансово-кредитном обеспечении экономической реформы и реорганизации банковской системы РСФСР» по причине несогласия депутатов подчинить Центральный банк Правительству [13].

В декабре 1991 г. Верховный Совет уделил большое внимание налоговой системе и принял законы, касающиеся налогообложения в стране. Среди них — Закон «О налоге на добавленную стоимость» [2].

Практически сразу после начала либерализации цен среди депутатов возникает недовольство проводимой экономической политикой. Первое крупное столкновение между Правительством и Верховным Советом произошло уже в январе 1992 г. [12 с. 78]

По инициативе Р. И. Хасбулатова Верховный Совет РФ принимает решение о создании антикризисной Оперативной группы по решению экономических и социальных проблем под руководством В. Ф. Шумейко. Уже в начале 1992 г. Оперативная группа перешла к рассмотрению мер по повышению заинтересованности производителей продукции [1], а также по преодолению товарного дефицита [5].

В конце марта 1992 г. Верховный Совет РФ принимает о постановление «О социальной защите населения в условиях перехода к рыночным отношениям», в котором признает работу Правительства в области социальной защиты населения неудовлетворительной [3].

В начале апреля 1992 г. становится ясно, что обещанные Правительством прогнозы касательно первого этапа экономической реформы не сбываются, а значит, необходимы определенные корректировки выбранного курса.

1 апреля на заседании Верховного Совета Р. И. Хасбулатов заявил, что в данный момент Верховный Совет оказался во главе оппозиции к Правительству, однако депутаты продолжают поддерживать Президента и проводимые им реформы [13].

6 апреля состоялось открытие VI Съезда народных депутатов Российской Федерации, на котором все более активно продолжали звучать предложения по корректировке реформ. Так, например, депутат от Первомайского территориального избирательного округа Омской области В. О. Исправников заявлял о необходимости переговоров с представителями топливно-энергетического комплекса [14].

11 апреля 1992 г. депутаты перешли к обсуждению проекта постановления «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». После длительного обсуждения постановление 647 голосами «за» против 69 голосов было принято [14]. В нем работа Правительства и ход экономических реформ были признаны неудовлетворительными, а также озвучены предложения по корректировке действующего экономического курса [3]. Как отмечал В. Б. Исаков, и «это компромиссное постановление было объявлено невыполнимым, губительным для реформ» [8, с. 75].

По мнению Р. И. Хасбулатова, признав работу Правительства неудовлетворительной, Съезд «фактически противопоставил “плохому Правительству” “хороший парламент”». По мнению председателя Верховного Совета РФ, это была ошибка, которая только усилила противоречия между парламентом и Правительством [15, с. 301].

Сам же Б. Н. Ельцин назвал это решение Съезда «первой и неудавшейся попыткой антиреформаторских сил резко свернуть нашу политику» [6, с. 317].

13 апреля Е. Т. Гайдар заявил на пресс-конференции, что «от имени всего Правительства и от себя лично им подано Президенту прошение об отставке» [9].

Однако Съезду и Правительству удалось прийти к компромиссу, приняв декларацию «О поддержке экономической реформы в Российской Федерации» [3], в которой был провозглашен курс на продолжение реформ и поддержку действий Президента, Верховного Совета и Правительства Российской Федерации.

По мнению Е. Т. Гайдара, Декларация была принята, потому что Съезд был не готов к отставке Правительства, т.к. не хотел брать ответственность на себя [4, с. 208].

После окончания VI Съезда народных депутатов свою работу продолжил Верховный Совет. В мае 1992 г. парламент большинством голосов запретил Правительству самостоятельно без согласования с ним поднимать цены на энергоносители [13].

В июле 1992 г. главной темой обсуждения на заседаниях Верховного Совета стало бюджетное послание Президента Б. Н. Ельцина. На заседании его представил Е. Т. Гайдар. В своем коротком докладе он акцентировал внимание на тех изменениях, с которыми столкнулось Правительство при формировании бюджета. Так, например, произошел резкий рост заработной платы, а также снижение прибыли от налоговых наступлений [13].

Бюджетное послание подверглось острой критике со стороны депутатов. Главное обвинение заключалось в том, что Правительство, по мнению депутатов, сильно сократило финансирование социальной сферы [13]. Тем не менее, законопроект «О бюджетной системе Российской Федерации на 1992 год» [3] все же был принят в первом чтении.

Еще одним острым вопросом, который поднимался на июльских заседаниях Верховного Совета, было реформирование налоговой системы. Министр финансов В. В. Барчук заявил, что «налоги, безусловно, высоки, однако кардинальные изменения недопустимы». Тем не менее, он допускал небольшие корректировки в налогах с физических лиц и на добавленную стоимость [13].

Во втором чтении парламент принял Закон «О внесении изменений и дополнений в налоговую систему Российской Федерации» [3].

3 июля 1992 г. на заседании Верховного Совета Е. Т. Гайдаром была представлена разработанная Правительством экономическая программа. Стоит отметить, что Правительство должно было представить программу еще до 20 мая [13]. Парламент же в свою очередь выпустил постановление, в котором говорилось, что доклад принят к сведению, а также указывалось, что проект необходимо доработать и представить исправленный вариант на пятую сессию Верховного Совета РФ [3].

Доработанная программа была представлена в ноябре 1992 г. как антикризисные меры. Е. Т. Гайдар еще раз заявил, что рыночные механизмы начали работать, и теперь главная задача состоит в стабилизации экономической ситуации [10].

Выступление Е. Т. Гайдара подверглось жесткой критике со стороны депутатов Верховного Совета. Так, В. Б. Исаков обвинил Правительство в том, что оно «предъявляет одну программу за другой, но ни за одну не отчитывается» [10].

После длительного обсуждения проект постановления «О программе неотложных мер по оздоровлению экономической ситуации» [3] был принят за основу. В декабре 1992 г. он был представлен для обсуждения на VII Съезде народных депутатов. Впоследствии депутатами было принято постановление «О ходе экономической реформы» [3]. В нем говорилось о неудовлетворительной работе Правительства, а также подчеркивалась необходимость в кратчайшие сроки скорректировать реформу и придать ей большую социальную направленность.

Помимо этого, на Съезде был поднят вопрос о продлении полномочий президента Б. Н. Ельцина, которые закончились 1 декабря 1992 г. Однако, по мнению большинства парламентариев, об этом не могло быть и речи, так как президент выступал за провалившийся экономический курс [12, с. 143]. Тем не менее, стоит отметить, что еще в ноябре Р. И. Хасбулатов выступал за то, чтобы дополнительные полномочия президента были продлены [7, с. 200].

Второй вопрос, поднятый на Съезде, был посвящен утверждению кандидатуры главы Правительства. После долгих дискуссий Е. Г. Гайдар, не снимая свою кандидатуру, самостоятельно предложил Президенту на этот пост главы Правительства другого человека — В. С. Черномырдина [1], который впоследствии получил 621 голос [1].

Несмотря на то, что лидером голосования оказался Ю. В. Скоков, главой Правительства стал В. С. Черномырдин. Это произошло по причине того, что депутаты, не желая вступать в новое противостояние с Б. Н. Ельциным, отказавшегося поддержать Ю. В. Скокова, предпочли компромиссного В. С. Черномырдина [12, с. 131].

Таким образом, к концу 1992 г. стало очевидно, что принятая на V Съезде народных депутатов экономическая программа радикальных преобразований не способствовала экономическому росту.

Это же видела и понимала законодательная власть страны в лице Верховного Совета и Съезда народных депутатов. Депутаты пытались скорректировать ход реформы и смягчить последствия от проводимых преобразований, а также требовали от Правительства внесения существенных корректировок в программу.

Список литературы

1. Антикризисная группа в действии // Российская газета. 1992. 6 января.
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. №44, 52.
3. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992.

4. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М.: Альпина Паблишер, 2014. 399 с.
5. Заседание Оперативной группы ВС России // Российская газета. 1992. 9 января.
6. Ельцин Б. Н. Записки Президента. М.: Синдбад, 2015. 496 с.
7. Ельцин — Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Журавлева. М.: ТЕРРА, 1994. 616 с.
8. Исаков В. Б. Госпереворот: Парламентские дневники 1992 – 1993. М.: Палея, 1995. 473 с.
9. Правительственный корабль накренился, но еще не затонул // Российская газета. 1992. 14 апреля.
10. Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации // Российская газета. 1992. 27 ноября.
11. Седьмой Съезд народных депутатов РФ, 1–14 декабря 1992 года: Стеногр. отчет: в 4 т. Т. 3. М.: Республика : Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. 446 с.
12. Тарасова Е. А. Потерянная альтернатива: становление новой политической системы в России в 1990 – 1993 гг. СПб: Алетейя, 2012. 339 с.
13. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР // Российская газета. 1991.
14. Шестой Съезд народных депутатов РФ, 6–21 апреля 1992 года: Стеногр. отчет: в 5 т. Т. 1. М. : Республика : Верховный Совет Рос. Федерации, 1992. 687 с.
15. Хасбулатов Р. И. Как развалили СССР. Крушение Сверхдержавы. М.: Эскмо, 2017. 716 с.

Маркарян Константин Валерьевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Полынов Матвей Федорович, д-р. ист. наук, проф.

Террористический акт в Буденновске 1995 г., как важнейший элемент Первой чеченской войны

Terrorist act in Budennovsk in 1995 as the most important element of the First Chechen war

Аннотация. Статья посвящена событиям, которые связаны с одним из важнейших событий Первой чеченской войны — террористическому акту в Буденновске в 1995 г. В статье представлен анализ произошедших событий, а также их влияние на ход Первой чеченской войны.

Ключевые слова: теракт; боевики; заложники; переговоры.

Abstract. The article is devoted to the events that are connected with one of the most important events of the First Chechen War — the terrorist act in Budennovsk in 1995. The article presents an analysis of the events that took place, as well as their impact on the course of the First Chechen War.

Key words: terrorist attack; militants; hostages; negotiations.

14 июня 1995 г. в Буденновске произошел террористический акт, жертвами которого стали более 500 человек. Это событие стало первым крупным терактом в новейшей истории России. Учитывая, что организаторами теракта были лидеры чеченских сепаратистов, события в Буденновске стоит рассматривать в контексте Первой чеченской войны.

К лету 1995 г. федеральные войска полностью контролировали Грозный и активно продвигались по горной местности Чечни. Для чеченского командования вырисовывалась крайне неблагоприятная картина. Осознавая близость поражения, сепаратисты приняли решение пойти на «прорыв», который должен был осуществить отряд Шамиля Басаева.

Изначально Буденновск не был целью Басаева. Депутат Государственной Думы Ю. А. Рыбаков в своих воспоминаниях указывал, что целью чеченцев был аэропорт Минеральных Вод, где боевики должны были захватить самолет [3]. Сам Басаев в интервью, которое он давал уже в Буденновске, говорил, что главной целью являлась Москва, потому что он считал, что только так можно остановить войну.

Существовало также мнение о том, что теракт в Буденновске был заранее спланирован. Об этом говорил бывший офицер спецназа К. Никитин, который утверждал, что при помощи чеченской диаспоры в Буденновске, боевикам удалось спрятать в подвале городской боль-

ницы огромные запасы оружия [3]. Против этой версии говорит заявление, занимавшего тогда пост главы администрации Ставропольского края, С. Попова, который был очевидцем событий и лично осматривал подвал больницы. По его словам, в подвале «... кроме пыли ничего не было».

Информация о том, что чеченские сепаратисты готовят нападение, поступала в российские спецслужбы. Директор ФСБ С. В. Степашин сообщил, что поступало много информации, в том числе и ложной, о том, что в одном из регионов страны готовится теракт. Именно из-за дезинформации не было предпринято действий по предотвращению теракта. А. С. Куликов, который в то время возглавлял Внутренние войска МВД, сетовал на то, что в распоряжении федерального командования было недостаточно сил, чтобы закрыть по периметру всю территорию Чечни [5, с. 266].

Отряд Басаева, чья численность составила примерно 200 человек, въехала на КАМАЗах на территорию Ставропольского края из Дагестана. Они свободно передвигались, минуя блокпосты. Свободное передвижение объяснялось тем, что за рулем первого в колонне автомобиля находился человек в милицеейской форме, который говорил о том, что в машинах тела погибших в Чечне солдат. На некоторых блокпостах в ход шли взятки. Об этом говорил сам Басаев.

Пройдя село Прасковье, грузовики Басаева, по приказу начальника буденновского ОВД Н. Ляшенко, который получил доклад о подозрительных автомобилях, направили в Буденновск, для проверки в местном РОВД. Подъехав к зданию РОВД, чеченцы открыли огонь. В результате завязавшегося боя, который продлился около 20 минут, милиционерам удалось отбить атаку боевиков, которым удалось продвинуться вглубь города. Передвигаясь на отобранных у людей автомобилях, они начали захватывать заложников, которых свозили на центральную площадь города. Дабы исключить случай авиаудара, боевики пригнали на площадь бензовоз [4, с. 80].

Позже люди Басаева захватят Буденновскую центральную районную больницу, в которую колонной отправляли заложников с площади. Учитывая еще 1100 человек пациентов и сотрудников больницы, в общей сложности в заложниках оказалось около 2500 человек, которых едва удалось разместить на трех этажах больницы.

Определив по форме представителей милиции и военных, боевики убили шестеро мужчин, которые находились среди заложников. Тех милиционеров и военных кто уцелел, врачи оперативно передевали во врачебные халаты.

14 июня на месте событий появилась группа «Альфа». В ночь на 15 июня в Буденновск прибыли директор ФСБ Степашин, глава МВД В. Ф. Ерин и вице-премьер и министр по делам национальностей

Н. Д. Егоров. Штаб разместили в здании местного РОВД. Возглавил штаб и проводил переговоры заместитель Ерина М. К. Егоров.

В результате переговоров, начавшихся 15 июня, Ш. Басаев потребовал прислать в больницу журналистов. Несколько раз срок появления журналистов был нарушен, после чего Басаев выдвинул ультиматум. Журналисты должны были появляться в срок, либо каждый час он будет убивать по пять заложников. Шесть человек в итоге было убито. Предположительно это были милиционеры и военнослужащие [3].

После этого около 20 корреспондентов было допущено к Басаеву. Под видом корреспондентов прошло несколько сотрудников ФСБ. После того, как журналисты записали интервью, Басаев отпустил небольшую группу женщин и детей.

Продолжились переговоры при посредничестве Ширвани Басаева — младшего брата Шамиля Басаева. Младшего из Басаевых доставил в Буденновск Куликов. После переговоров Ширвани передал требования брата: вывод войск из Чечни, признание независимости Чечни и прямые переговоры Ельцина и Дудаева. Требования старшего Басаева были отвергнуты [5, с. 281].

К вечеру 16 июня на место событий прибыла «Группа Ковалева»: депутаты Госдумы Ю. А. Рыбаков, В. В. Борщев, М. М. Молостов, А. А. Осовцов, а также член Совета Федерации В. В. Курочкин и правозащитник О. П. Орлов. Во главе группы был депутат Госдумы и председатель Комиссии по правам человека при президенте РФ С. А. Ковалев. Им было предложено включиться в переговорный процессом утром 17 июня, но в ночь с 16 на 17 июня начался штурм.

Штурм начался примерно в 4 часа утра и закончился неудачно. В штурме принимали участие подразделения групп «Альфа» и «Вега», а также внутренние войска. Боевики были готовы к штурму, так как они прослушивали радиоэфир силовиков через отобранные милицейские рации. Для того чтобы остановить огонь, Басаев приказал заложникам вставать к окнам и махать простынями с криком: «Не стреляйте».

Спецподразделениям удалось вывести заложников из травматологии, однако основная масса осталась в главном корпусе, до которого они не смогли добраться. Применение гранатометов привело к пожару в здании больницы, который заложникам удалось потушить. Около 100 человек пострадало в результате штурма, 30 человек погибло. В основном это были заложники.

После того, как штурм закончился, боевики предложили отпустить беременных и детей в обмен на прекращение штурма. Для переговоров в штаб были направлены врачи В. Чепурина и П. Костюшенко, которые шли под флагом Красного Креста. Встретив депутата Рыбакова, они пообщались в штабе с главой МВД Ериным, который заявил, что федеральное командование не намеренно отказываться от штурма [3].

Получив отказ от Ерина, «Группа Ковалева» связалась с бывшим премьер–министром Е. Т. Гайдаром, который позвонил действующему председателю правительства В. Черномырдину, за которым было окончательное решение, так как президент РФ Б. Н. Ельцин в это время находился в Канаде на саммите «Большой Семерки».

Черномырдин дал поручение Ковалеву провести переговоры с Басаевым от имени российского правительства. Утром 18 июня начался переговорный процесс и уже к 10:45 удалось договориться о доставке еды для заложников. После этого Басаеву было предложено отпустить женщин и детей в обмен на депутатскую группу. Басаев согласился, но при условии, что сначала поговорит с Черномырдиным. Именно тогда состоялся знаменитый телефонный разговор между Басаевым и Черномырдиным, который транслировался по телевидению. После разговора было подписано соглашение о прекращении войны и решении вопроса о статусе Чечни мирным путем. Впоследствии это соглашение будет нарушено [8].

Подписав соглашение, Басаев отпустил женщин и детей в обмен на депутатов. Черномырдин дал распоряжение директору ФСБ Степашину предоставить отряду Басаева автобусы. Степашин позже будет утверждать, что ФСБ планировало заминировать автобусы, но не успело из–за нехватки времени. Всего потребовалось 7 автобусов и грузовик–рефрижератор, в который уместились боевики, тела погибших боевиков и добровольцы, которые в качестве заложников должны были сопровождать боевиков до безопасных районов Чечни. Это было требование Басаева, который тем самым хотел обезопасить свой отряд.

Всего набралось 139 добровольцев. Среди добровольцев были депутаты «Группы Ковалева», представители администраций Буденновска и Ставропольского края, а также 12 журналистов. Группу добровольцев в основном составляли мужчины, но была и одна женщина.

Боевики выдвинулись из Буденновска 19 июня. К 21 июня они прибыли на территорию Чечни, после чего оставшиеся заложники были освобождены. По утверждению Рыбакова, прощаясь с заложниками, Басаев сказал: «Я поступил с вами, как собака. Но мне надо было спасти свой народ!».

Политические последствия теракта в Буденновске последовали сразу. Так, 30 июня 1995 г. в отставку были отправлены: вице–премьер Егоров, директор ФСБ Степашин, глава МВД Ерин и губернатор Ставропольского края Е. С. Кузнецов [1, л. 1–4]. Также события в Буденновске побудили власти принять 25 июля 1998 г. закон «О борьбе с терроризмом» [2, л. 1–2]. Согласно этому закону, запрещалось удовлетворять политические требования террористов. 22 июня 1995 г. был объявлен в России траурным днем [7].

Споры о том, как события в Буденновске повлияли на ход Первой чеченской войны, ведутся до сих пор. По мнению генерала Г. Н. Трошева,

переговорный процесс, который был инициирован Кремлем, был выгоден представителям чеченских сепаратистов, которым необходимо было получить передышку для продолжения войны. К тому же, безнаказанность, с которой боевикам удалось совершить теракт в Будённовске, в будущем приведет к тому, что террористические акты будут использоваться чеченскими сепаратистами для ведения войны [6, с. 33].

На сегодняшний день большинство представителей силовых ведомств и видных военных деятелей сходятся во мнении, что если бы удалось уничтожить Ш. Басаева в ходе штурма буденновской больницы, то война бы завершилась раньше и с иным исходом. Правозащитное сообщество напротив считает, что события в Буденновске стоит рассматривать с положительной точки зрения, так как большинство заложников удалось спасти.

Список литературы

1. Арх. Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 8. Оп. 3. Д. 6. Указы Президента России (1996). 23 л.
2. Арх. Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Указы Президента России (1995). 4 л.
3. Буденновский круг // Коммерсантъ. 2009. 8 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1177788> (Дата обращения: 23.10.2021).
4. Козлов С. В. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. М.: Русская панорама, 2003. 286 с.
5. Куликов А. Тяжелые звезды. М.: Война и мир, 2002. 565 с.
6. Трошев Г. Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. 162 с.
7. Хронология захвата заложников в городе Буденновске (1995) // РИА Новости. 2020. 2 марта. URL: <https://ria.ru/20150614/1069425156.html> (дата обращения: 23.10.2021)
8. «Шамиль Басаев, говорите громче!...» // Новая газета. 2020. 16 июня. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/16/85861-shamil-basaev-govorite-gromche> (дата обращения: 24.10.2021).

Беденкова Анастасия Сергеевна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Научный руководитель:
Бронников Иван Алексеевич, канд. полит. наук, доц.

Тенденции развития института президентства в современной истории России (2000–2020 гг.)

Trends in the development of the Institution of the Presidency in the modern Russian history (2000–2020)

Аннотация. В данной статье рассмотрены тенденции оформления института президентства в Российской Федерации, начиная с первого срока президентства В. В. Путина и по настоящее время. Автор анализирует основные проблемы развития института президентства в современной России.

Ключевые слова: исполнительная власть; институт президентства; глава государства; президент; Россия.

Abstract. The article is devoted to the main stages of the formation of the institution of the presidency in the Russian Federation, from the moment of the the first term of Putin's presidency to the present day. The author analyzes the main problems of the development of the institution of the presidency in modern Russia.

Key words: executive power; institute of the presidency; head of state; the president; Russia.

На сегодняшний день сильная президентская власть является одной из важнейших характеристик политической системы в России. Учитывая полномочия и направления деятельности, а также традиционный перевес в сторону исполнительной власти и высокий уровень персонификации, роль Президента является ключевой. Такое особое положение института президентства в структуре разделения властей обуславливает специфику формирования и развития политической системы и сферы государственного управления в стране.

Относительно недавнее появление института президентства в России, историко-культурные и политические особенности государства, а также современные мировые и внешнеполитические события создают особые условия развития данного института. Сложившаяся и функционирующая система работы института президентства в России все еще требует научного осмысления с различных сторон.

Статус и круг полномочий Президента был окончательно определен лишь в 1993 г. после принятия Конституции Российской Федерации. Данное событие является точкой бифуркации — институт президентства в России закрепился окончательно.

Согласно Основному закону, президент объявляется главой государства, а также наделяется статусом гаранта Конституции и призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие системы органов государственной власти. Президент не относится ни к одной ветви власти, но наделяется весомыми полномочиями в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти [3].

Постепенное усиления института президентства было начато в 2000 г. с избранием на первый срок Владимира Путина. С этого момента был выбран вектор на укрепление и концентрацию власти в руках президента, что отражалось в значительных изменениях государственной системы страны, прежде всего, на региональном уровне. Были внесены изменения и дополнения в законодательство о порядке назначения на должность глав субъектов РФ, согласно которым кандидатуры последних стали утверждаться и наделяться властными полномочиями высшими органами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов России по представлению Президента [1]. Усилению власти Президента в рамках «центр—регион» способствовало и повышение уровня и значения полпредов на местах.

Президентская власть за указанный период значительно окрепла и утвердила свои четкие позиции в государственной структуре.

В период президентства Дмитрия Медведева (2008–2012 гг.) также было продолжено направления на усиление власти президента. Сам институт президентства к моменту вступления Д. А. Медведева в должность был значительно усовершенствован, власть главы государства была четко обозначена и зафиксирована. В 2008 г. было предложено увеличить срок полномочий главы государства до 6 лет [3]. Впервые с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации в нее были внесены поправки, увеличивающие срок действия Президента и устанавливающие подотчетность Правительства Государственной Думе. Уверенная позиция института президентства получила законодательное подкрепление и расширение.

В 2012 г. были возвращены выборы глав регионов. Однако эта мера не говорила о возвратных тенденциях ослабления президентской власти. Прежняя вертикаль власти сохранялась, но приобретала новый формат.

В период третьего и четвертого президентства Владимира Путина (2012–2018 гг., 2018–наст. вр. гг.) также наблюдаются изменения в сторону усиления власти Президента по направлению как исполнительной, так и законодательной власти. В 2014 г. глава государства получил право назначать 10% членов Совета Федерации РФ. Кроме того, он стал представлять верхней палате Федерального собрания кандидатуры для назначения на должность судей Верховного суда, а также кандидатов на пост генерального прокурора и его заместителей.

В период с 2018 г. одним из самых важных мероприятий, закрепляющих сформировавшееся положение главы государства стали инициированные Владимиром Путиным поправки в Конституцию, одобренные россиянами в ходе общероссийского голосования 25 июня – 1 июля 2020 г. Согласно принятым поправкам, счет президентских сроков исчисляется без слова «подряд». Более того, число сроков, занимаемые на момент вступления в силу поправки, обнуляется [3].

Об усилении положения Президента свидетельствует тот факт, что именно он определяет вектор развития страны и инициирует проводимые реформы. Расширение сферы полномочий создает приоритетное положение институт президентства в системе разделения властей. Президентская власть на данный момент является наиболее сильной и фиксированной за все время существования данного института в России.

Таким образом, анализируя весь процесс формирования и развития института президентства в современной России, можно заключить, что тенденция на усиление власти главы государства и централизацию в управлении страной прослеживалась с самого начала. На разных этапах по мере развития института закрепление власти выражалось в различных формах — от четкого определения и расширения функции до увеличения срока президентства. Более того, российский опыт последних лет показывает, что деятельность Президента Российской Федерации, несмотря на декларацию о непринадлежности ни к одной ветви власти, все-таки склоняется к исполнительной ветви государственной власти [4]. Наравне с увеличением влияния института президентства приобрели особое влияние такие структуры, как Администрация Президента и полномочные представители президента. Все это в очередной раз демонстрирует фиксированную вертикаль власти с сильным институтом президентства.

Список литературы

1. Водяницкий В. А. История становления института президентства в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 192–196.
2. Дрегнин О. Е. Проблемы института президентства в России // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 101–103.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 №7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 21.07.2014 №11–ФКЗ, от 14.03. 2020 №1–ФКЗ). М.: Эксмо, 2021. 32 с.

4. Мазурин А. А. История и понятие института президентства в Российской Федерации//Вестник общественной научно–исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно–исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко–правовые и теоретико–методологические аспекты». 2018. № 13. С. 116–129.

5. Сахаров Н. А. Институт президентства в современном мире. М.: Юридическая литература, 1994. 176 с.

IX. ИСТОРИЯ ИСКУССТВ И МУЗЕОЛОГИЯ

Мещерякова Дарья Павловна

Санкт-Петербургская академия художеств им. И. Е. Репина

Научный руководитель:

Александр Викторович Степанов, канд. искусствоведения

Эволюция композиции произведений Ангеррана Картона

Evolution of painting composition of Enguerrand Quarton

Аннотация. В данной статье была предпринята попытка проанализировать композиционные особенности ряда произведений Ангеррана Картона (1410–1466), виднейшего представителя Авиньонской школы живописи, и на их материале проследить эволюцию художника, прошедшего за одно десятилетие путь от средневековых по духу композиций к высокому искусству Возрождения.

Ключевые слова: Авиньонская школа живописи; Ангерран Картон; композиция; искусство Средневековья; Возрождение.

Abstract. The article aims to analyze compositional features of some Enguerrand Quarton's (1410–1466), Avignon school master, paintings and based on this analyses to trace his evolution in as little as one decade transforming from medieval compositions to the high art of the Renaissance.

Keywords: Avignon school of painting; Enguerrand Quarton; composition; medieval art; Renaissance.

Ангерран Картон (1410–1466) — одна из ключевых фигур Авиньонской школы живописи, сформировавшейся в XIV–XV вв. вокруг папского дворца в Авиньоне. На примере трех его шедевров, «Мадонны Милосердия» из музея Конде, «Коронования Девы Марии» из музея Пьера Люксембургского и луврской «Пьеты Вильнёв-лез-Авиньон», мы постараемся обозначить некоторые особенности композиционного построения этих произведений и проследить их эволюцию от еще, по сути, средневековой до практически ренессансной организации пространства, то есть воплотившуюся в композиционных схемах смену мировосприятия.

Одно из первых известных нам произведений Картона, Алтарь семьи Кадард или «Мадонна Милосердия» (рис. 1), был заказан в 1452 г. королевским врачом Пьером Кадардом. Иконография «Мадонны Милосердия» стандартна: аналогичные композиции можно встретить у Симоне Мартини, Липпо Мемми, Пьеро делла Франческо, Гирландайо, Джироламо ди Джованни и др. Привычен этот сюжет был и для авиньонской школы. На вытянутой вертикальной доске Ангерран Картон изображает Богоматерь, укрывающую своим плащом пап, клириков, коро-

лей и простых людей. Плавные переходы — от лица Девы Марии через наброшенный на скруглённые руки плащ и далее через головы врача и его супруги и руки святых к их плечам — образуют цельную фигуру, похожую по силуэту на распростершую крылья птицу (остается лишь догадываться, намеренно ли добивался Картон подобного эффекта или это просто красивая ассоциация).

В композиционном построении и пластической моделировке форм уже прослеживаются тенденции, которые через десятилетие всецело воплотятся в неоспоримом шедевре Картона — Пьете Villeneuveles-Avignon, а именно: горизонтальный ряд персонажей, заключённый в пределы одной плоскости, и четкий ритм распределения масс с тремя вертикальными доминантами и двумя паузами (подобное членение в «Мадонне Милосердия» — вероятно, отзвук трехстворчатых алтарей, где небольшие фигурки донаторов в серых с металлическим отблеском одеждах будто бы выполняют функцию скрепляющих шарниров и петель). Однако, что особенно заметно при сопоставлении с более поздними работами мастера, это произведение всё ещё несет в себе архаические черты средневекового искусства, как-то: свойственную интернациональной готике орнаментальность композиции, «иерархическую несоразмерность фигур» [2, с. 88] и, как емко сформулировал М. Я. Либман, говоря об алтаре «Зеркала искупления человечества» Конрада Вица¹, «несоответствие между статуарной объемностью фигур и орнаментальной абстрактностью золотого фона» [3, с. 47].

Несмотря на пластические и колористические новшества, композиция следующего произведения мастера, «Коронования Девы Марии» (рис. 2), носит еще средневековый орнаментальный, даже «схематический» характер. Уникально же оно тем, что является, пожалуй, «едва ли не единственным творением средневековья, о происхождении которого нам доподлинно известно» [6, р. 38]. Сохранился документ 1453 г., в котором Жан де Монтаньяк, каноник церкви картузианского монастыря в Вильнёв-лез-Авиньоне, детально расписывает проект будущего шедевра, от замысла общей композиции до тщательного перечисления многочисленных персонажей². Достоин восхищения редкий талант Картона как композитора, сумевшего на практике воплотить умозрительные предписания богослова в целостное и гармоничное произведение.

Выбранный сюжет — Коронование Марии — соседствует со сценами Страшного суда. Смысловой и композиционной доминантой, уравновешивающей пестрящую дробность второстепенных персонажей (ангелов, святых мужей, священников, королей, простолюдинов,

¹ Речь идет о створке со сценой «Три воина приносят царю Давиду питье».

² «... там должно быть подобие рая, и в этом раю святая троица, и не должно быть разницы между отцом и сыном, а святой дух в виде голубя и богоматерь, повернувшая со лицом так, как это мастер Ангерран сочтёт наилучшим. И святая троица будет возлагать корону на голову Богоматери...» [2, с. 87].

младенцев), является декоративно симметричная группа: Мадонна, Бог Отец и Сын, практически зеркальные отражения друг друга¹, и святой дух в виде белого голубя. Голубой цвет мантии Мадонны переходит в синеву небесного купола и разливается над страстями, происходящими на земле. Там вертикаль креста разделяет на две части почти босховский пейзаж: Иерусалим по правую сторону, а слева, согласно описаниям Монтаньяка — Рим (при этом напоминающий Вильнёв-лез-Авиньон, с его башней Филипп-ле-Бэл, просторной площадью и холмистым и, видимо, первым в истории искусства провансальским пейзажем с легко узнаваемой горой Сент-Виктуар).

Подчёркнуто симметричная композиция будто бы подсказана скульптурными тимпанами готических соборов со сценами Страшного Суда (например, тимпан собора Сен-Лазар в Отёне)². Однако ярусная композиция с «принципом чередования силуэтов» теперь сменяется центростремительной и «принципом сферического построения с Девой в центре» [2, с. 88], что, вероятно, может символизировать передающуюся земле (вспомним «разливающуюся» голубизну мантии Богородицы) гармонию небесных сфер.

Наиболее совершенное произведение Ангеррана Картона (и апофеоз Авиньонской школы в целом), Пьета Вильнёв-лез-Авиньон (1455) (рис. 3), вполне вписывается в композиционно-пластический тип Пьеты, распространенный на юго-востоке Франции во второй половине XV в. (для сравнения возьмем Пьету из капеллы Сан-Круа в Соспеле и Пьету из Симье Луи Бреа). Он произошел от слияния типа фламандского [10, р. 75], где фигуры окольцовывают образующих горизонталь Деву Марию и Христа (Брюссельская Пьета Рогира ван дер Вейдена), и итало-византийского, в котором билатеральная композиция выстраивается относительно вертикально стоящей фигуры [5, р. 245–246] (Пьета Андреа дель Кастаньо). В «Пьете Вильнёв-лез-Авиньон» отсутствует вертикальная доминанта креста, но это компенсируется строгим силуэтом Девы Марии, напоминающим «наклонившуюся готическую арку» [4, с. 398]. Быть может, это перпендикулярное пересечение тел и обозначало Голгофский крест³. Мягкие и обтекаемые фигуры Иоанна

¹ Как известно, это единственное произведение изобразительного искусства, где в сцене Коронавания Марии Бог Отец и Сын изображены абсолютно идентичными. Вероятно, это был своеобразный акт примирения и воссоединения Греческой и Латинской Церквей [7, р. 51].

² Также можно провести некоторые стилистические и композиционные параллели с французской миниатюрой. К примеру, в «Великолепном часослове герцога Беррийского» на листе со сценой изгнания мятежных ангелов изображен похожий небесный купол, окруженный по обеим сторонам полукруглыми рядами фигур и очерченный тонкой полосой мелких облаков. Такая же полоса отделяет в «Коронавании Марии» земной мир от мира горнего.

³ Помимо этого, горизонтально расположенное тело Христово может являться метафорической аллюзией на алтарь, как и освобождённый от драгоценных тканей алтарь Пятничной литургии символизирует собой нагого и покинутого учениками

Евангелиста и Магдалины вступают в контраст с драматическим изломом горизонтального тела Христова и своими диагональными и симметричными наклонами голов нейтрализуют явный перпендикуляр и плавно замыкают композицию (аналогичной схемой воспользовался художник в «Короновании Девы Марии»).

Композиция «Пьеты» явно читается слева направо: от фигуры молящегося заказчика до кончиков пальцев ног Христа. Эта цельная, уже лишенная орнаментальной разобщенности группа из четырёх человек – то, что представлено внутреннему взору донатора; глаза же его обращены к небу. Из-за контрастной белизны его одежд, символизирующей его «мистическое просветление» [4, с. 397], углового расположения, отстранённого и сосредоточенного вида создаётся впечатление, что он пребывает в совершенно другом измерении и, скорее, находится ближе к зрителю, чем к библейским персонажам.

Художник по-прежнему сохраняет золотой фон, однако теперь он является не только абстрактным символом эманации божественного света, но и вполне реалистичным элементом пейзажа — закатным небом, позволившим мастеру добиться особенного драматического эффекта за счет резкого бокового света от заходящего солнца. Серьезные преобразования претерпевает и пейзаж в целом, сократившийся со времён архитектурной детализации «Коронования Девы Марии» до затушёванных воздушной перспективой нескольких силуэтов-намёков. Вершины обобщения и лаконизма достигает Картон во фрагменте по правую сторону от Марии Магдалины, где горный пейзаж написан посредством чередования различных плоскостей, повторяющих по цвету слои одежд Иоанна Евангелиста. Подобное обрамление аналогичными цветовыми пятнами опять же обособляет от фигуры донатора центральную группу из четырёх человек в отдельную прямоугольную композицию, где линия вытянутых ног Христа становится идеальной диагональю.

Так, Ангерран Картон явился предвестником, если не полноправным носителем духа и идеалов Возрождения. На примере эволюции его творчества и, в частности, композиции его произведений можно проследить существенные изменения, которые в XV столетии претерпевало французское искусство, еще не освободившееся от средневековых канонов и условностей, но уж стремившееся к пространственности, одухотворенной материальности и возвеличиванию Человека. Утверждается, что именно Жан Фуке «положил конец аналитическому и фрагментарному видению» [7, р. 83], однако эволюция творчества Картона свидетельствует о параллельных процессах, происходивших на юге Франции, в Провансе. «Выросшее искусство научилось отдавать ся чистой видимости» [1, с. 25].

Список литературы

1. Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: Издательство В. Шевчук, 2013. 290 с.
2. Петрусеви́ч Н. Б. Искусство Франции XV–XVI веков. Л.: «Искусство», 1973. 224 с.
3. Либман М. Я. Дюрер и его эпоха: Живопись и графика Германии конца XV и первой половины XVI в. М.: Искусство, 1972. 240 с.
4. Степанов А. В. Искусство эпохи Возрождения: Нидерланды, Германия, Франция, Испания, Англия. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. 640 с.
5. Barnes A. C.; de Mazia V. The French Primitives and their Forms. The Barnes Foundation Press, 1931. 551 p.
6. Chamson L. Nicolas Froment et l'école avignonnaise au XV-e siècle. Paris: Le ed. Rieder, 1931. 72 p.
7. Chastel A. French Art: The Renaissance, 1430–1620. Paris: Flammarion, 1995. 336 p.
8. Denny D. The Trinity in Enguerrand Quarton's Coronation of the Virgin // The Art Bulletin 1963. XLV. №1. P. 48–52.
9. Panofsky E. Early Netherlandish painting; its origins and character. Cambridge, Harvard university Press, 1966. 573 p.
10. Plesch V. Enguerrand Quarton's «Coronation of the Virgin»: This World and the Next, the Dogma and the Devotion, the Individual and the Community // Historical Reflections / Réflexions Historiques, 2000. Vol. 26, No. 2. P. 189–221.
11. R.M.F. A painting of the School of Avignon // Bulletin of the Art Institute of Chicago. 1926. Vol. 20. № 6. P. 75–76.

Приложение

Рис. 1. Ангерран Картон. Мадонна Милосердия. 1452 г. Дерево, темпера. 187х66. (Музей Конде, Шантийи).

Рис. 2. Ангерран Картон. Коронование Девы Марии. 1454 г. Дерево, темпера. 183x220. (Музей Пьера Люксембургского, Вильнев-лез-Авиньон).

Рис. 3. Ангерран Картон. Пьета Вильнёв-лез-Авиньон. Ок. 1455 г. Дерево, темпера. 162x217. (Лувр, Париж).

Новозаветные сюжеты в живописи
Дирка ван Бабюрена и Маттиаса Стома
Plots of the New Testament in paintings
by Dirck van Baburen and Matthias Stom

Аннотация. В данной статье рассматриваются новозаветные сюжеты в живописных произведениях Дирка ван Бабюрена и Маттиаса Стома. Эти мастера живописи обращались к творчеству итальянского художника Микеланджело Меризи да Караваджо и придерживались эстетической концепции эпохи барокко. Исследование направлено на выявление специфики религиозных сюжетов, созданных на основе стилистических традиций утрехтских караваджистов.

Ключевые слова: утрехтские караваджисты; Дирк ван Бабюрен; Маттиас Стом; Микеланджело Меризи да Караваджо; живопись XVII в.; Новый Завет.

Abstract. In this article considers plots of the New Testament in paintings by Dirck van Baburen and Matthias Stom. These masters turned to the art of the Italian painter Michelangelo Merisi da Caravaggio and adhered to the aesthetic concept of the Baroque era. The research is aimed to identify the specifics of religious themes, based on the stylistic traditions of the Utrecht Caravaggisti.

Key words: Utrecht Caravaggisti; Dirck van Baburen; Matthias Stom; Michelangelo Merisi da Caravaggio; XVII century painting; the New Testament.

Город Утрехт в XVII в. являлся центром католицизма в Голландии. Искусство Утрехта было связано с итальянским искусством, конкретно с продолжением тенденций караваджизма [1, с. 32–33]. Новаторские методы Караваджо позволили воплотить в живописи драматизм и смелость. Итальянизирующее направление в Голландии влияло на формирование национальной школы. Именно итальянская атмосфера, с ее сочетанием разнообразных художественных направлений вдохновила нидерландских мастеров на некоторое подражание итальянским методам [4, с. 9].

Важным фактором распространения итальянского искусства была мобильность мастеров, а также возрастание интереса к римскому стилю. Мобильность утрехтских караваджистов характеризовалась изменениями эстетических вкусов голландского общества. Художники вдохновлялись живописно-пластической системой Караваджо. В их живописи встречалось всё большее использование ограниченной, даже несколько монохромной палитры. При помощи домини-

рующего цвета самые главные фрагменты выделялись из общего пространства [4, с. 9–10].

Такие мастера, как Геррит ван Хонтхорст (1590–1656 гг.), Хендрик Тербрюгген (1588–1629 гг.), Дирк ван Бабюрен (1595–1624 гг.), Маттиас Стом (ок. 1600–после 1652 гг.) продолжали новаторские тенденции Караваджо, стремясь к неоспоримой реалистичности живописи, достоверности мифологических и религиозных сюжетов [1, с. 33]. Художники наделяли бытовые сцены, даже самые обыденные и прозаичные моменты человеческой жизни, особой эстетикой.

Дирк ван Бабюрен был учеником нидерландского художника Паулюса Морелсе (1571–1638 гг.). Примерно с 1612 по 1620 гг., Дирк ван Бабюрен жил в Италии. Мастер вдохновлялся творчеством Караваджо. Бабюрена интересовали светотеневые эффекты, особая композиционная система, инновационный и реалистичный, художественный стиль Караваджо [1, с. 37]. Итальянский период Дирка ван Бабюрена характеризовался работой с религиозными сюжетами. Позже он стал писать жанровые сцены, когда вернулся в Утрехт [1, с. 37]. Наиболее известны его картины с изображением веселых музыкантов, к примеру произведение «Концерт» (ок. 1621–1623 гг., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), отличающееся ярким колоритом и праздничной атмосферой [2, с. 78–79]. И. В. Линник упоминала, что «для голландских караваджистов характерна брутальность интерпретации бытовых сцен, натуралистичность...» [3, с. 77]. Это можно увидеть в данной работе Бабюрена. Он изображает фигуры персонажей мощными, с крупными, даже грубоватыми чертами лиц.

В изображении новозаветных сюжетов Дирк ван Бабюрен использует резкий контраст света и тени, для создания эмоционального напряжения. Следует также подчеркнуть смелость и динамику мазка. Религиозные сцены наполнены абсолютно живыми, человеческими чувствами, экспрессивностью и обращением к бескомпромиссному натурализму [8, р. 19].

В работе Бабюрена «Уверение Фомы» (ок. 1617–1620 гг., Пио Монте дела Мизерикордия, Неаполь) (рис. 1) художник изображает событие, описанное в Евангелии от Иоанна. Фома пристально смотрит на рану Христа, другие апостолы выражают различные эмоции, кто-то пытается остановить данное действия, взмахивая руками, следующий ученик сложил руки в молитве, подтверждая свою веру. Свет падает на фигуру Христа, всё остальное пространство картины погружается в темноту.

Другая религиозная картина Дирка ван Бабюрена «Христос в терновом венце» (ок. 1621–1622 гг., Музей искусств Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити) (рис. 2) является многофигурной сценой. Бабюрен показывает жестокость воинов. Мастер пишет несколько надломанное тело Христа, отображая всю его боль. Багряница акцентирует

на себе внимание, ее можно трактовать как символ страданий и пролитой крови Христа. Дальний план четко не очерчен, фон, как будто, обволакивая фигуры во мрак, усиливает в этой сцене трагичность.

Бабюрен изображает пластическую осязаемость фигур, что приближает действие к максимально реалистичным событиям. Художник пишет густыми мазками, иногда очерчивая контур, а в некоторых картинах наоборот сглаживая контур, для того чтобы создать эффект чернеющего пространства, в которое погружается вся сцена. Рассеянные световые пятна контрастируют с дальним планом, написанным темными, размашистыми мазками, создают напряженную атмосферу. В этих двух религиозных сценах появляется чувство непредсказуемости, отсутствия последовательности, из-за чего им свойственен пугающий, даже огрубевший натурализм.

Тенденции стиля Караваджо заимствует и живописец Маттиас Стом. Уникальность его полотен заключается в мистической атмосфере таинства в религиозных сценах. Маттиас Стом или Матиас Стомер считается представителем группы голландских караваджистов [6]. Глобальные идеи в его картинах сочетаются с индивидуальностью художественного стиля. Стом создавал натуралистические, изящные образы в интерьерах с загадочным освещением, исходящим либо от свечи, либо из неизвестного источника. Декоративность и пластичность в его работах может быть также связана с некоторой адаптацией творчества мастеров венецианской школы позднего Возрождения [5, р. 76–77].

О месте рождения Маттиаса Стома нет достаточной информации. Историк искусства Г. Хугеверфф выдвинул теорию о том, что художник родился в Амерсфорте, неподалёку от Утрехта [6]. Также судя по фамилии живописца, можно предположить, что он мог быть фламандцем. Возможно, Стом обучался либо в Утрехте, либо в Амерсфорте, так как в его живописных работах можно проследить влияние других голландских художников из этих городов, также, есть теория о том, что Маттиас Стом был учеником Геррита ван Хонтхорста. Стом долгое время жил в Италии, где и скончался [6].

Ю. И. Кузнецов подчеркивал, что в живописи Маттиаса Стома отсутствует легкомысленность, изобилие сложных аллегорий [2, с. 79]. Маттиас Стом не стремился изображать правильные черты героев, гармонию и идеализированный мир, скорее наоборот, он старался уйти от правильности, следуя инновационным приемам Караваджо, по-своему трактуя пропорции, изображая фигуры в более жестких, очерченных линиях, соединяя выразительность действия в камерной или масштабной обстановке.

Картина «Благовещение» (1 пол. XVII в., Галерея Уффици, Флоренция) (рис. 3) вероятнее всего была создана в то время, как Стом находился в Неаполе [7]. Во взгляде Мадонны читается удивление и даже испуг. Она застыла в изумлении, положив руку на грудь.

Архангел Гавриил сообщает ей благую весть. В руке он сжимает цветущую ветвь. Единственным источником света становится свеча, которую можно интерпретировать как свет надежды на спасение человечества. Фон затемнен и вступает в контраст с освещенными фигурами. Колористическое решение мастера говорит о противопоставлении красоты изображенных образов и ощущения волнения, неожиданности, и даже тревоги. Мастер усиливает реалистичность, используя сложное сочетание телесных оттенков, также детально изображая фактуру тканей одежды [8, p. 25].

В произведении «Ужин в Эммаусе» (между 1615–1650 гг., Музей изобразительных искусств Гренобля, Гренобль) (рис. 4) Маттиас Стом изображает кульминационный момент. Христос разламывает хлеб, и, в эту минуту, двое апостолов узнают его. Художник обращается к Евангелию от Луки. Свеча создает таинственную атмосферу, распространяя золотистый свет на лица, как будто застывших, изображенных героев картины. Контуры фигур смягчены и плавной градацией переходят в темный фон. Потрясенные ученики смотрят на Христа, взмахнув руками. Молодой человек с блюдом в руках, изображенный на дальнем плане, оказался случайным свидетелем происходящего действия. Караваджо в своей картине «Ужин в Эммаусе» (ок. 1606 г., Пинакотека Брера, Милан) также изображает случайных участников сцены: трактирщика и служанку, которые наблюдают за событием.

Следует отметить, что при всей символичности новозаветных образов, основное внимание и Дирк ван Бабюрен и Маттиас Стом уделяют не столько повествовательности религиозной сцены, сколько визуализации чувственного мира, отображению эмоций.

Таким образом, итальянские тенденции плотно закрепились в полотнах утрехтских караваджистов. Художественная концепция евангельских сюжетов Дирка ван Бабюрена состояла в том, что живописец воссоздавал убедительную сцену, наполненную духовными переживаниями. Мастер использовал широкие мазки, придавая полотнам некоторую экспрессивность. Рассмотренные евангельские сцены в живописи Маттиаса Стома отличались контрастной светотенью, особым блеском, исходящим как свечение, от изображенных фигур. Загадочный свет в его работах становится частью живописного пространства и формирует уникальный внутренний мир героев картин. Новозаветные сюжеты в интерпретации Дирка ван Бабюрена и Маттиаса Стома являются некоторым эклектичным подходом, в обращении к творчеству Караваджо. Это и работа со светотеневыми, колористическими решениями, и, наделение пространства особым, драматическим значением.

Список литературы

1. Ван Ицзя. Традиция итальянской школы живописи в искусстве утрехтских караваджистов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №7 (81). С. 32–40.

2. Кузнецов Ю. И. Голландская живопись XVII–XVIII веков в Эрмитаже. Л.: Аврора, 1979. 134 с.

3. Линник И. В. Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин. Л.: Искусство, 1980. 248 с.

4. Питеря Ю. В. Итальянизирующее направление в голландской пейзажной живописи XVII века: Автореферат дис.... канд. искусствоведения: 17.00.04. Москва, 2011. 24 с.

5. Franits W. Dutch seventeenth-century genre painting: its stylistic and thematic evolution. New Haven – L.: Yale University Press, 2004. 328 p.

6. Matthias Stomer // Daxer & Marschall Kunsthandel. URL: <https://daxermarschall.com/en> (дата обращения: 01.11. 2021).

7. Matthias Stomer. The Annunciation // Google Arts & Culture. URL: Annunciation – Matthias Stomer – Google Искусство и культура (дата обращения: 01.11. 2021).

8. Slive S. Dutch painting. 1600–1800. New Haven – L.: Yale University Press, 1995. 378 p.

Приложение

Рис. 1. Дирк ван Бабюрен. Уверение Фомы. ок.1617–1620 гг. (Пио Монте делла Мизерикордия, Неаполь).

Рис. 2. Дирк ван Бабюрен. Христос в терновом венце. ок. 1621–1622 гг. Холст, масло. (Музей искусств Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити).

Рис. 3. Маттиас Стом. Благовещение. 1-ая пол. XVII в. Холст, масло. (Галерея Уффици, Флоренция).

Рис.4. Маттиас Стом. Ужин в Эммаусе. между 1615–1650 гг. Холст, масло. (Музей изобразительных искусств Гренобля, Гренобль).

Статкевич Владислав Олегович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Дмитриева Анна Алексеевна, д-р. искусствоведения, доц.

**Проблема соавторства в творчестве
Давида Тенирса Младшего**
**The problem of co-authorship in the work
of David Teniers the Younger**

Аннотация. В статье рассматривается проблема соавторства фламандского художника Давида Тенирса Младшего с другими живописцами. Как те случаи, когда сам мастер добавлял отдельные элементы в работы коллег, так и те когда они скорее дополняли композиции Тенирса. Это позволяет увидеть картину взаимодействия и влияний мастеров друг на друга, особенности процесса создания картины во Фландрии XVII в.

Ключевые слова: Давид Тенирс Младший; соавторство; фламандская живопись.

Abstract. The problem of Flemish painter David Teniers the Younger's coauthorship with other painters is considered in the article. Both the cases when the master himself added individual elements to the works of his colleagues, and those when they rather complemented the compositions of Teniers. This allows us to see a picture of the interaction and influence of the masters on each other, the peculiarities of the process of painting in Flanders in the XVII century.

Keywords. David Teniers the Younger; coauthorship; Flemish painting.

Давид Тенирс Младший (1610–1690) — знаменитый фламандский жанрист XVII в., а его кисти принадлежит более тысячи картин. Большинство из них было написано либо лично художником, либо в рамках его мастерской. Однако в творческой карьере Тенирса были примеры и прямого сотрудничества с другими художниками. Процесс сотворчества был распространен во Фландрии этого времени и встречается даже на примерах таких крупных мастеров как Петер Пауль Рубенс и Ян Брейгель Старший. В данной научной работе будут рассмотрены наиболее характерные примеры соавторства Тенирса с другими живописцами.

В большинстве случаев Давид Тенирс Младший выступал в качестве художника, добавляющего жанровые элементы в чужие композиции. Одним из самых ранних примеров этой практики является картина «Кухонный интерьер» (ок. 1643 г., Музей искусств, Лос-Анджелес) (рис. 1), исполненная им совместно с Яном Давидсом де Хемом (1606–1684). Этот мастер был уроженцем Утрехта, учился в Лейдене, но в 1635 г. покинул Северные Нидерланды, перебравшись в Антверпен, где стал мастером гильдии св. Луки. Большую часть картины исполнил Тенирс, а

Де Хем внес свой вклад в натюрморт первого плана. Руки мастеров легко различить. Тенирс нигде не стремится к такой гладкости и натуралистичности, которую нам показывают работы де Хема. Однако данные различия не работают во вред картине, напротив, художники добиваются удивительной гармонии. Это видно в ясном продуманном колорите, который оперирует светлыми оттенками, разбиваемыми ритмически вставленными цветовыми акцентами: синего, белого и лилового. Конечно, композиционно работа довольно статична и проста, главный акцент здесь задает кухонный натюрморт, вокруг которого сгруппированы три фигуры, однако Тенирс добивается уравновешенности и, хотя он не вводит разнообразия ракурсов, созданный им образ остается целостным. Мастер довольно часто повторяет своих персонажей, перенося их из картины в картину. Так, мужчина в меховой шапке, появляется в ряде сцен Тенирса с караульнями и кухнями, а некоторые исследователи даже считают этот образ автопортретным [1, с. 472], а фигура юного слуги в голубом камзоле, есть в работе «Деревенский праздник» (1648 г. Государственный Эрмитаж), где играет роль виночерпия.

Плотным было сотрудничество Давида Тенирса Младшего с пейзажистом Жаком д'Артуа (1613–1686), работавшим в Брюсселе. Этот художник ценился своими современниками, благодаря пасторальным лесным пейзажам, которые благосклонно принимала аристократическая публика, как при Брюссельском, так и при Мадридском дворе. При этом фигуры в ландшафты мастера часто добавляли другие художники. Наиболее удачно с ним сотрудничали Давид Тенирс Младший и Гонзалес Кокс. В качестве примера взаимодействия двух художников можно рассмотреть «Пейзаж с дровосеками» (1650-е гг. Королевский музей изящных искусств, Брюссель). В отличие от ранее рассмотренного сотрудничества с де Хемом, где живопись Тенирса превалировала, здесь мастер добавляет лишь несколько фигур крестьян, разнообразив лесной пейзаж своего коллеги. Однако эти фигуры показывают его способности к соавторству, они не выделяются и не противоречат стилистики д'Артуа. Дровосеки Тенирса написаны темными тонами, подчиняясь общей сумрачной палитре работы, и хорошо гармонируют с грозовым небом. Пейзажи д'Артуа могли повлиять на творчество самого Тенирса, в котором значимость природных ландшафтов растет в течение 1650–1660-х гг. Он всё больше тяготеет к далеким панорамам, перенимает он и трактовки неба, передавая его наиболее эффектные состояния: сумерки, закат, пасмурную или, напротив, солнечную погоду. В качестве примера можно назвать «Вид окрестностей Брюсселя» (1650-е гг., ГЭ), где мастер уделяет большое внимание клокастым облакам, сквозь которые пробиваются лучи света.

Сотрудничал в это время Тенирс и ещё с одним прославленным пейзажистом Лукасом ван Уденом (1595–1672). Связью с ним Тенирс обязан своим антверпенским контактам [3, р. 58]. Этот мастер был бли-

зок художнику по духу, так как во многом продолжал традицию Яна Брейгеля Старшего и Йооса де Момпера, на которой воспитывался мастер. Творчество Яна Брейгеля Старшего Тенирс знал прекрасно, так как его первой супругой была дочь живописца Анна. Как и в случае с Жаком д'Артуа, Тенирс легко вписывал своих персонажей в ландшафты ван Удена. Примером может служить «Пейзаж с маркитантами» (1644 г., Королевский музей Изящных искусств, Брюссель) (рис. 2). Тенирс внес в панорамный вид ван Удена рыночную повозку, несколько фигур и небольшой дом на переднем плане слева. Эти элементы хорошо встроены в изящный пейзаж художника, они подчиняются его свето-теневой структуре и не выделяются колористически. Более того, персонажи Тенирса подходят здесь на героев картин Яна Брейгеля Старшего, то есть даже в трактовке фигур мастер отходит от своих привычных приемов, выписывая героев детальнее и делая их меньше по масштабу.

Сотрудничал Давид Тенирс Младший и с мастерами натюрмортов. Ряд его образов обрамляют цветочные гирлянды, написанные Яном ван Кесселем Старшим (1629–1679), который приходился племянником жене художника Анне Брейгель. Примером их взаимодействия может послужить работа «Искушение св. Антония» (сер. 1650-х гг., Королевский музей изящных искусств, Брюссель). Тенирс исполнил здесь небольшую сцену со святым, которую обрамляет сложный картуш, украшенный цветами и написанный ван Кесселем. Эта картина не выделяется из других подобных декоративных произведений, коих было немало на художественном рынке. Мастера создали много сходных картин, в которых соединяли уже известные композиции Тенирса и декоративный дар ван Кесселя. Это можно увидеть и на более поздней картине «Мыльные пузыри» (1660-е гг., Лувр). В ней изображен небольшой медальон с композицией Тенирса, на которой мальчики выдувают мыльные пузыри, напоминая о мимолетности жизни. Он обвит гирляндой из арматуры, цветов, рыб и фруктов, показывающей разнообразие и богатство жизни, которое разветвится в один момент, ведь человеческая жизнь такая же хрупкая, что и мыльный пузырь. Это мотив, идущий от нидерландской эмблематической традиции, получил название «*homo bulla*».

Однако гораздо чаще художники совместно разрабатывали картоны для шпалер. Известно, что Тенирс и ван Кессель вместе работали над серией моделло, заказанных Луисом Гильермо де Монкада (1614–1672), вице-королем Сицилии [2]. Он хотел видеть моделло для шпалер на сюжеты из жизни своих предков. Источником для сюжетов должна была послужить литературно обработанная история семьи, написанная Джованни Агостино делла Ленгуэлья и опубликованная в 1657 г. [7, р. 85]. Сцены были исполнены Тенирсом на меди в соавторстве с Яном ван Кесселем, который написал цветочные гирлянды. Перед мастерами здесь стояли в первую очередь декоративные задачи.

Заметно выделяется в творчестве Тенирса серия из 19 картин с изображением мучеников Горкума. Над ней Тенирс работал уже в поздние годы и воспользовался помощью Вальтера Гизертса (1649–1676). Гизертс был одним из многочисленных кузенов Тенирса и стал мастером в гильдии св. Луки в Антверпене в 1670 г., после обучения у Филиппа Фратье [6]. Он специализировался на цветочных гирляндах и натюрмортах и, не добившись большого успеха в крупном городе, решил в 1674 г. переехать в Мехелен и присоединиться к местному францисканскому братству [5, р. 404]. Он и стал причиной этого заказа своему дальнему родственнику. Более того, один из сыновей Тенирса Антоний был членом францисканского ордена [4]. Тематика картин выбиралась не случайно. В 1676 г., когда шла работа над серией, было решено причислить 19 католических священнослужителей из Горкума к лику святых, так как они мученически погибли от рук протестантов в 1572 г., с переходом Горкума под власть борцов за независимость Северных Нидерландов. Картины предназначались для украшения собора францисканцев в Мехелене ко дню объявления Пием X о канонизации этих людей.

Кисти Тенирса принадлежат бюсты святых, написанные гризайлью и увитые цветочными гирляндами, которые добавил Гизертс. Подобная нехарактерная для Тенирса работа могла быть вызвана финансовыми трудностями художника, который потерял должность придворного живописца и мог быть заинтересован крупным церковным заказом. Сейчас серия разрознена, уже после упразднения монастыря в Мехелене в 1811 г., она была продана по частям [7, р. 124]. Многие работы находятся в частных коллекциях, а местоположение других и вовсе неизвестно. Однако изображение бюста Иеронимуса ван Веерта сейчас хранится в Рейксмузее в Амстердаме (рис. 3) и может быть проанализировано. Это довольно типичная религиозная картина для Фландрии того времени, где в моду вошли изображения святых в цветочных гирляндах. Картина демонстрирует большое мастерство художников: Тенирс изображает жизнеподобный портретный бюст святого, который, несмотря на гризайль и подражание скульптуре, выглядит как человеческое лицо, а Гизертс демонстрирует умение сочетать сложные формы картуша и вплетенных в его завитки цветов, поражая зрителя пышностью своего решения.

Практика соавторства не носила в художественном методе Давида Тенирса Младшего регулярного характера. Однако на рассмотренных выше примерах хорошо заметна та легкость, с которой художник подстраивается под художественную манеру других живописцев. Эта высокая стилистическая подвижность была характерно для Тенирса на протяжении всего периода его творчества, в молодости он с легкостью подражал наиболее успешным мастерам жанровой живописи, таким как Адриан Браувер. Позднее художник станет инициато-

ром удивительного проекта по подготовке копий с картин коллекции его патрона эрцгерцога Леопольда Вильгельма Австрийского. Мастер копировал шедевры итальянской и нидерландской живописи, подготавливая материал для будущих гравюр и издания каталога коллекции. Таким образом, довольно обширный пласт самостоятельного творчества художника был связан с наблюдением за манерой других живописцев, в попытках повторить её.

Список литературы

1. Бабина Н. П., Грицай Н. И. Фламандская живопись XVII–XVIII веков. СПб.: Издательство ГЭ, 2005. 582 с.
2. Статкевич В. О. Испанский художественный заказ и Давид Тенирс Младший // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2020. № 2. С. 67–72.
3. Davidson J. P. David Teniers the Younger. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979. 142 p.
4. Duverger E. De Gentse kunstverzamelaar en mecenas bisschop Antoon Triest (1577– 1657) // De Sint-Baafskathedraal in Gent van middeleeuwen tot barok. Ghent. 2000. S. 190–225.
5. Rombouts P., Leries T. Van. De liggeren en andere historische archieven der Antwerpsche Sint Lucasgilde. 2 vols. Vol. 1. Antwerp: Baggerman, 1872. 792 p.
6. Tatrai J. The beatified martyrs of Gorkum. A series of paintings by David Teniers the younger and Wouter Gysaerts // Geest en gratie. Budapest: Szépművészeti Múzeum, 2012. P. 26–33.
7. Vlieghe H. David Teniers the Younger. Turnhout: Brepols, 2011. 214 p.

Приложение

Рис. 1. Давид Тенирс Младший, Ян Давидс де Хем. Кухонный интерьер. 1643 г. Дерево, масло. 48x64. (Музей искусств, Лос-Анджелес).

Рис. 2. Лукас ван Уден, Давид Тенирс Младший. Пейзаж с маркитантами. 1644 г. Холст, масло. 95x127. (Королевский музей изящных искусств, Брюссель).

Рис. 3. Давид Тенирс Младший, Вальтер Гизертс. Портрет Иеронимуса ван Веерта. 1676 г. Холст, масло. 116x80. (Рейксмузеум, Амстердам).

Мечты о свободе Польши на полотнах Яцека Мальчевского (на примере коллекции Рогалинской галереи)

Dreams about Polish liberty in the paintings of Jacek Malczewski (on the example of Rogalin Art Gallery)

Аннотация. Целью исследования является анализ влияния философии польского мессианизма на символический код в работах художника Я. Мальчевского. В данной статье были проанализированы повторяющиеся элементы картин художника в контексте мистических представлений художника о восстановлении Польши. В результате исследования была установлена связь между танатологическими символами картин Я. Мальчевского и патриотизмом польской интеллигенции.

Ключевые слова: Яцек Мальчевский; символ; польский мессианизм; Рогалинская галерея.

Abstract. This research aims to investigate the impact of Polish Messianism on symbolic code in the paintings of Jacek Malczewski. The article assesses the repetitive elements of Malczewski's paintings within the context of his mystical understanding of restoration of Poland's sovereignty. The results show that there is a connection between thanatological symbols of Malczewski's works and patriotism of Polish intelligentsia.

Key words: Jacek Malczewski; symbol; Polish Messianism; Rogalin Art Gallery.

Специфика развития польской культуры XIX–нач. XX вв. неразрывно связана с фактом потери польской государственности. Одним из проявлений разрушения Речи Посполитой в философии стал польский мессианизм — учение, согласно которому Польша и польская нация особенны и избраны Богом. Польские поэты и писатели продвигали эту идею. Мистические творения польских классиков не могли не вдохновить художников-модернистов.

Объект исследования — творчество Яцека Мальчевского.

Предметом исследования стали символы на трех картинах из собрания Рогалинской галереи.

Цель исследования заключается в установлении связи между символами смерти и патриотическими взглядами Я. Мальчевского.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть историю создания Рогалинской галереи в контексте христианского символизма;

2. Охарактеризовать сюжетную связь между литературным творчеством польских классиков и работами Я. Мальчевского.

3. Выявить патриотическую составляющую символов смерти на картинах Я. Мальчевского.

Творчество этого художника было ранее исследовано в работах польских и российских искусствоведов — Л. И. Тананаевой, А. Лавничаковой. Визуальные коды смерти были исследованы в статье Н. Н. Летиной, Н. В. Киселевой, А. А. Горевой. Деятельность Я. Мальчевского в рамках объединения «Молодая Польша» была исследована в статье Д. А. Лебедновой «Młoda Polska»: художественная культура Польши рубежа XIX–XX веков» и книге Т. Добровольского «История польской живописи». Однако картины из коллекции Роголинской галереи не были ранее рассмотрены отдельно от коллекций других музеев и галерей. Также в этой статье уделяется внимание субъективным факторам, влияющим на создателя этой галереи, который формировал свою коллекцию, вкладывая определенный смысл. В статье также был изучен патриотический смысл символов, ассоциированных со смертью.

Прежде чем говорить о творчестве Яцека Мальчевского, следует охарактеризовать его благодетеля и мецената, основателя Роголинской галереи — Эдварда Александра Рачинского. Это принципиально важно для понимания настроений польской интеллигенции и знати во второй половине XIX в.

Эдвард Александр Рачинский, принадлежавший к знатному графскому роду, ведущему начало из XIII в., был с детства окружен представителями блестящей польской интеллигенции из родовитых дворян: опекун Ян Дзялынский, оказывавший помощь восстанию 1863–1864 гг.; его жена Изабелла Чарторыйская — художница и коллекционер, собравшая коллекцию античных ваз, икон, мебели; тетки — Софья Одескальки и Катажина Потоцкая — покровительницы польского искусства в Риме и Кракове. Неудивительно, что, когда он, пройдя Франко-прусскую войну на стороне Франции, осел в Кракове, он очаровал всю местную творческую интеллигенцию настолько, что его ранение, полученное еще раньше в битве при Ментане против сторонников объединения Италии, запечатлел Ян Матейко — на его «Грюнвальдской битве» Рачинский появляется в правой нижней части картины в виде мужчины с перевязанной головой [8].

Эдвард Александр занялся коллекционированием в 1870-е гг., но здание галереи возвели только в 1910 г. по модернистскому проекту Мечислава Повидского. Сакральные смыслы, наполняющие внешний облик галереи, подчеркивают характер собранных в ней коллекций в то же время указывают на музейное предназначение этого «храма искусства», где роль «алтарной живописи» играет огромная «Орлеанская дева» Яна Матейко, помещенная в соответствии с христианской традицией на восточной стене [9]. Так, само здание, в котором хранятся полотна, отражающие мечты польской нации о свободе, пронизано мессианскими настроениями.

Яцек Мальчевский и Эдвард Александр Рачинский знали друг друга с 1892 года. Художник был частым гостем во дворце Рачинских, поэтому в Рогалинской галерее собрана большая коллекция его полотен.

Яцек Мальчевский начинал свой творческий путь как художник-реалист, но идеалы, воспитанные в нем поэзией польских романтиков, подтолкнули его к возрождению традиций романтизма и национального мессианства в символистской ветви движения «Молодая Польша» [6, с. 132]. На творчество художника сильно повлияли последствия всех тех случаев, когда перед Польшей открывалась возможность вернуть себе независимость: двух восстаний, революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны.

Первая картина Яцека Мальчевского из собрания Рогалинской галереи, предлагаемая к рассмотрению, — «Смерть на этапе», написанная в 1891 г. (рис. 1:1) Она была создана под влиянием трактата Августа Чешковского «Отче наш». Август Чешковский продвигал теорию польского мессианизма. Трактат представляет собой непрерывный комментарий к молитве «Отче наш», в котором автор, ссылаясь на более чем тысячу библейских стихов, пытается доказать, что в истории человечества после эпох Бога Отца, Сына, наступит третья эпоха — Святого Духа, Царство Божье на земле [10, с. 65].

В бедной цветовой гамме преобладают коричневые, серые и зеленые тона, что придает меланхолической атмосфере оттенок камерности. Художник изображает сцену отдыха во время изнурительного этапа, момент прощания с умершим. Сцена лишена патетики, абсолютно реалистична: в европейской живописи второй половины XIX в. часто присутствовали изображения бедных домов и мастерских, приютов для престарелых или сцен смерти, похорон и кладбищ [11, с. 17].

Но у картины есть и символический подтекст, без которого невозможно творчество Мальчевского. Среди ссыльных — люди всех возрастов, и в центре композиции находится умирающий юноша и держащий над ним крест пожилой мужчина в красной рубашке. Мужчина единственный из всех облачен в красное. Исходя из польского мессианского самосознания, есть основания полагать, что красный здесь — цвет жертвенной крови Христа и мучеников [11, с. 17]. Польша, в философии польского мессианизма, — это Христос, истекающий кровью и призванный спасти и объединить грешников, то есть остальные народы Европы. В то же время, к концу XIX столетия красный стал политическим цветом, цветом освобождения угнетенных народов [5, с. 83].

Смерть и страдания на этапе, изображающие те потери, которые понесла Польша и польская нация от русского самодержавия, в рамках оптики Мальчевского становятся временным состоянием, за которым последует торжество свободы.

В 1870-х гг., когда Мальчевский оттачивал свое мастерство в Париже, он задумал цикл картин, вдохновленных поэмой Юлиуша Словацкого «Ангелли».

«Ангелли» — поэма, повествующая о польских ссыльных, скитающихся в Сибири. Она была написана в 1838 г., но долгие годы оставалась источником вдохновения для польского народа, войдя в круг классической литературы. Согласно сюжету, поляков избрал бог и ведет их. Сибирь в национальной польской мифологии стала средоточием польского страдания и вдохновляла не только Словацкого и Мальчевского, но и многих других. Эта Сибирь олицетворяет всю самодержавную Россию, душащую национальную свободу и давящую все очаги сопротивления [7, с. 95]. Скорбно-элегические мотивы, трагические ноты мучительного сожаления о павших героях и утраченной свободе преобладают в поэзии Словацкого, в живописи Мальчевского.

Одной из таких картин-иллюстраций стала «Смерть Элленаи» (рис. 1:2). В Роголинском музее представлен один из пяти вариантов этого сюжета (1907 г.). Композиция строится вертикально, в ее основе лежит крест. Хотя молодая женщина выглядит как спящая, вся обстановка вокруг дает понять, что она мертва [4, с. 167]. Взгляд зрителя скользит снизу вверх: на переднем плане у ног умершей сидит погруженный в горе мужчина, а в изголовье, в верхней части картины находится икона Богоматери Одигитрия.

В России это один из самых распространенных иконографических типов, следовательно, неудивительно, что именно эта икона стоит в изголовье умершей в Сибири странницы. Также *Ὁδηγῆτρια* в переводе с греческого — Указующая Путь. Художник-символист, изобразив именно эту икону на своей картине, вновь обратил внимание зрителя как на сюжет поэмы «Ангелли», повествующей о скитаниях поляков в Сибири, так и на особый путь, который указывает польской нации Богородица Пути.

Женщина на картине, имеет черты Марии Баль — возлюбленной Яцека Мальчевского, которую он часто изображал в качестве своей музы или персонификации Польши. На полотнах, представляющих Мальчевского и Баль, художник олицетворяет Творца. К тому же, не случаен и год написания картины — 1907, год окончания Первой русской революции. Так как работы Мальчевского имеют единый символический код, повторяющиеся и многозначные элементы, есть основания считать, что мертвая Элленаи — это разрушенная более чем за столетие до этого польская государственность и в очередной раз потерпевшая поражение надежда на обретение независимости.

В 1907 г. также был написан «Автопортрет в якутской шапке» (рис. 1:3). На этой картине сохраняется связь Мальчевского и Ангелли. Якутской шапкой автор называл такой головной убор и на других полотнах — его носили Элленаи и Элоэ. За спиной у художника

снежная пустыня, тот же самый мифологизированный польской литературой символ Сибирской ссылки.

Таким образом, эти три картины Яцека Мальчевского из собрания Рогалинского музея — «Смерть на этапе», «Смерть Элленаи» и «Автопортрет в якутской шапке» — имеют много общих символов, обозначающих мечты художника-патриота о возрождении страны. Музей, построенный в духе христианских традиций, с картиной другого выдающегося польского художника Яна Матейко в роли алтарной живописи, дополняет общее впечатление от мистических сюжетов. Польская знать и творческая интеллигенция объединились вокруг идеи избранности своего народа и освобождения его от гнета российского самодержавия. Танатологические мотивы, которые художник-символист часто использует в своих картинах, имеют второй смысл — это мечты художника о восстановлении Польши, это сожаления о несбывшихся надеждах.

Список литературы

1. Беляева Е. В. Символизм в творчестве польского художника Яцека Мальчевского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. №2. С. 127–130.
2. Добровольский Т. История польской живописи. Вроцлав. Ossolineum, 1975. 464 с.
3. Лебеднова Д. А. «Młoda Polska»: художественная культура Польши рубежа XIX–XX веков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. №4. С. 275–281.
4. Летина Н. Н. Визуальные коды смерти в творчестве польского художника Яцека Мальчевского // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 166–170.
5. Пастуро М. Красный. История цвета. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 99 с.
6. Тананаева Л. И. Три лика польского модерна. СПб.: Алетейя, 2006. 262 с.
7. Хорев В. А. Сибирь в «Ангелли» Ю. Словацкого и у русских поэтов-декабристов // Юлиуш Словацкий и Россия. М.: Индрик, 2011. С. 96–109.
8. Edward Alexander Raczyński // Internetowy polski słownik biograficzny. URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/edward-aleksander-raczynski> (дата обращения: 29.10.2021).
9. Galeria malarstwa. // Muzeum Pałac w Rogalinie. URL: <https://rogalin.mnp.art.pl/strona/galeria-malarstwa> (дата обращения: 23.11.2021).
10. Kubski G. Ojciec nasz Augusta Cieszkowskiego — metody egzegetyczny z parakletyczną tezą // Studia Koszalińsko-Kołoobrzskie. 2020. №27. S. 65–85.
11. Ławniczakowa A. Jacek Malczewski. Wystawa dzieł z lat 1890–1926. Poznań, 1990. 144 s.

Приложение

Рис. 1.

1. Яцек Мальчевский. Смерть на этапе. 1891 г. Холст, масло. 101x53. (Рогалинская галерея, Рогалин). Источник: <https://rogalin.mnp.art.pl/Museum/Picture/?id=55>
2. Яцек Мальчевский. Смерть Элленаи. 1907 г. Холст, масло. 114x208. (Рогалинская галерея, Рогалин). Источник: <https://rogalin.mnp.art.pl/Museum/Picture/?id=91>
3. Яцек Мальчевский. Автопортрет в якутской шапке. 1907 г. Холст, масло. 32x40. (Рогалинская галерея, Рогалин). Источник: <https://rogalin.mnp.art.pl/Museum/Picture/?id=72>

1.

2.

3.

Вернер Анжелика Олеговна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Ванеян Степан Сергеевич, д-р искусствovedения, проф.

Текст и изображение в статье Майкла Баксандалла «“Воскресение Христа” Пьеро делла Франческа»

Text and image in Michael Baxandall's article «Piero della Francesca's The Resurrection of Christ»

Аннотация. Данная статья рассматривает проблему взаимоотношения текста и изображения в статье М. Баксандалла «“Воскресение Христа” Пьеро делла Франческа». Для характеристики отличий визуального и вербального языка исследователь вводит понятие дифференциальных признаков. Анализируя так картину Пьеро делла Франческа, Баксандалл приходит к мысли о несопоставимости этих языков, находя, однако, значительные точки пересечения.

Ключевые слова: теория истории искусств; Майкл Баксандалл; язык изображения; дифференциальные признаки.

Abstract. This article examines the problem of the relationship between text and image in M. Baxandall's article «Piero della Francesca's "The Resurrection of Christ"». In order to characterize differences between the visual and verbal language, the researcher introduces the concept of enforced discriminations. Analyzing in this way the fresco of Piero della Francesca, Baxandall concludes that these languages are incomparable, although significant points of intersection can be found.

Key words: theory of art history; Michael Baxandall; visual language; enforced discriminations.

Статья Майкла Баксандалла «“Воскресение Христа” Пьеро делла Франческа» является частью сборника разновременных работ под общим названием «Words for pictures», изданного в 2003 г. [3]. Уже в самом названии книги кроется одна из основных проблем текста, а именно вопрос взаимоотношений текста и изображения. Задачей данной работы является анализ оригинального решения этой проблемы, которое предлагает Баксандалл, в его связи с общей теорией истории искусства.

В предисловии, используя неоднозначность предлога *for*, Баксандалл подробнее объясняет название книги, дабы углубить его значение: предметом семи составляющих ее статей выступает не критика искусства как таковая, а, в первую очередь, «слова об искусстве, обращенные к искусству, представляющие его или говорящие от его имени, составляющие его основу и иногда замещающие его» [3, p. 8].

Последний пункт особенно интересен, так как в какой-то мере Баксандалл говорит здесь о взаимозаменяемости понятий изображе-

ние и язык, в связи с чем можно вспомнить «Историческую грамматику изобразительных искусств» Алоиза Ригля, где также происходит перенос филологических категорий на категории художественные [4]. Их объединяет отношение к художественной форме как к средству выражения, экспрессии, артикуляции чего-либо. Изобразительное искусство для Ригля, как и для Баксандалла, — язык, на котором говорят. И изобразительное искусство, и художественный текст — это так или иначе мастерство создания образов.

Статья о «Воскресении», пишет Баксандалл, является «не критическим эссе, а попыткой дать пример визуальных условий, в которых формируется изобразительное значение — своего рода изобразительный антипод языку» [3, р. 9]. Здесь мы оказываемся уже перед другой проблемой — не сравнения, а противопоставления изображения и языка, для которой Баксандалл предлагает свое оригинальное решение.

Проблема соотношения текста и изображения стоит перед исследователем тем острее, что по ходу работы он постоянно обращается к самым разным текстам, внимательно относясь к словам и их семантике. В данной статье он апеллирует к евангельскому тексту, к «De Prospectiva Pingendi» Пьеро делла Франческа, «Perspectiva Communis» Джона Пэкхэма, «Perspectiva» Роджера Бэкона; из более близких ему по времени авторов Баксандалл вспоминает Роберто Лонги, обнаруживая большую чуткость к стилю языка [3, р. 142].

Обширное привлечение текстов необходимо Баксандаллу для того, чтобы реконструировать контекст эпохи. Это связано с его подходом к истории искусства вообще: главная концепция, сформированная Баксандаллом, — *period eye* (взгляд эпохи, раскрытый в другой его книге, «Живопись и опыт в Италии XV века» [1]) — подразумевает, что то, как человек и эпоха воспринимают произведение искусства, зависит от конкретного когнитивного стиля, сформированного культурным опытом, привычным характером умозаключений и изобразительных конвенций, которые меняются от эпохи к эпохе.

В этом отношении метод Баксандалла совершенно противоположен методу строгого формализма. С точки зрения последнего выведение содержания из содержания эпохи, реконструкция восприятия эпохи — фиктивное, не специфическое знание, не диктуемое изнутри произведения, так как именно специфика предмета интереса задает методологию, а не контекст или какие-либо иные внешние условия.

Однако в данной статье, признавая, что зритель смотрит на изображение с точки зрения своего культурного багажа, Баксандалл все же признает за некую аксиому тот факт, что изобразительные формы находят неизменную опору внутри картины. Здесь мысль Баксандалла оказывается созвучна идеям Генриха Вельфлина о том, что форма не есть нечто внешнее, это сила, действующая изнутри («воля к форме») [2].

Какое же решение предлагает Баксандалл для определения фундаментальных различий между текстом и изображением? Исследователь вводит концепцию *enforced discriminations* — различительных, дифференциальных признаков, подчеркнутых в произведении. Само понятие взято из традиционной лингвистики, в связи с чем снова возникают параллели с «Грамматикой» Ригля.

Различия между визуальной и вербальной передачей чего бы то ни было присущи самим инструментам, которыми пользуются текст или изображение. Разный *medium* (средства выражения или материал) ведет к разным критериям и системам дифференциации.

Идея важности роли материала восходит к «Пролегоменам к психологии архитектуры» Вельфлина, который писал о том, что материал и форма неразделимы, так как последняя, как уже говорилось, — нечто действующее изнутри материала в качестве имманентной воли [2].

Баксандалл проводит сравнение изобразительной системы с языками: время, соподчинение частей предложения, различие между субстантивом и адъективом и другие существенно важные для вербального синтаксиса вещи не требуют своей репрезентации в изображениях и/или не могут быть адекватно отображены. Визуальная репрезентация требует другого набора дифференциальных признаков: центр и периферия, лево и право, верх и низ, пространственные отношения, угол зрения и так далее [3, p. 122–123].

В свою очередь, сама «изобразительная идиома» (*idiom of depiction*, в данном случае Баксандалл вновь вводит филологический термин) Пьеро делла Франческа требовала особого выбора избранных черт, не востребованных в работах других художников. Некоторые дифференциальные признаки Пьеро делла Франческа усиливал сам, а следовательно, стиль художника может быть определен как особые приоритеты выбора, которые он ставит и которым следует [3, p. 123].

Таким образом, Баксандалл выводит свое определение стиля. Однако здесь речь скорее идет о манере в строгом смысле слова. О той индивидуальной манере исполнения, которую Джованни Морелли подразумевал под формой, говоря о том, что стиль мастера зависит от его манеры, вырабатываемой благодаря навыку и проявляющейся в тех частях изображения, которые не требуют осознанности и ориентации на вкус публики (от которого зависят значимые вещи, такие как овал лица, пропорции фигуры, пространство), где приемы бессознательны и автоматичны. Баксандалл же предлагает обращать внимание не на детали наподобие рук и ушей, в которых, по мысли Морелли, проступает почерк, а на вводимые им акценты — дифференциальные признаки.

Вельфлин понимал стиль шире: не как манеру, а собственно как стиль. Однако мысли Вельфлина относительно двойного корня стиля оказываются во многом отражены в работе Баксандалла: с одной стороны, *period eye* отражает разный взгляд эпох на вещи; с другой сто-

роны, разные воззрения на фиксацию этого опыта Баксандалл также признает, говоря о том, что, помимо предпочтений самого художника, само «время Пьеро делла Франческа требовало» своих особых дифференциальных признаков, «определенного уровня ясности по отношению к масштабу и дистанции, объему и ракурсу» [3, p. 123].

Баксандалл приходит к выводу, что суть не в том, что медиум может отобразить, а в том, что медиум должен ясно определять. Вещи, относительно которых текст и изображение должны быть убедительны, различны.

Это расхождение осложняется тем, что картина Пьеро делла Франческа, как и большинство религиозных картин, связана не только с евангельским нарративом, но и с комментарием на свидетельство Евангелия о воскресении (то есть с теологией и литургией).

В статье сравниваются механизмы, которыми оперируют религиозная картина и экзегеза. Христианская экзегеза использует четыре типа толкования (буквальное, аллегорическое, моральное, анагогическое), а также типологическое соотношение Ветхого и Нового Завета. Механизм сугубо вербальный, совсем не изобразительный — игра со смыслами слова (как с предлогом *for* в предисловии Баксандалла), с метафорой.

Однако Пьеро делла Франческа интерпретирует не Евангелие или богословские тексты, а *pictorial text* или визуальную традицию изображения Воскресения, которая проходит путь от символического изображения, идентифицирующих атрибутов или маркеров/помет (еще один термин Баксандалла, больше относящийся к тексту — *label*) к реалистическому. Возможность подобного перехода заставляет вспомнить о чистых формах Роберта Циммермана, образующих самостоятельный мир, где степень буквальности может сдвигаться от до- к сверхсимволическому уровню [5].

Подобный ход мысли приводит Баксандалла к заключению, что картина и экзегеза — несопоставимые дискурсы. Разные элементы, структуры и медиумы навязывают разную репрезентацию. Иными словами, теологический компендиум нельзя использовать как словарь для чтения картин Пьеро делла Франческа, так как это словарь другого языка.

Однако имеют место обоюдные отношения теологии и живописи. Символические знаки из теологической мысли часто появляются на религиозных картинах, хотя их изобразительная сила зависит от того, насколько они интегрированы в медиум и усвоены им [3, p. 126–127].

Символический язык не только подходит религиозной живописи в силу ее природы, но и в силу природы самого искусства, чей язык является главным посредником в манифестации трансцендентного (Баксандалл использует однокоренное слово — *transcendence over narrative*). Наш чувственный мир не является чем-то законченным, его

явления можно рассматривать с точки зрения их условности, знаково-сти. И процесс взаимодействия между материалом восприятия и его осознанием описывается именно символизмом; обработка сенсорного потока равна его символизации.

Таким образом, в рассмотренной статье Баксандалл, отталкиваясь от параллелизма визуального и вербального языка как от исходного пункта и черпая терминологию из области лингвистики, вводит оригинальное для характеристики отличий языка изобразительного искусства от других форм передачи смысла понятие дифференциальных признаков. Кроме того, это понятие позволяет исследователю вывести свое определение стиля. Анализируя на основе дифференциальных признаков картину Пьеро делла Франческа, Баксандалл приходит к мысли о несопоставимости языка текста и изображения, однако находит качество, присущее им обоим и в конце концов объединяющее их, а именно символизм.

Список литературы

1. Баксандалл М. Живопись и опыт в Италии XV века: введение в социальную историю живописного стиля / пер. с англ. Н. Мазур, А. Форсиловой. М.: V-A-C Press, 2018. 264 с.
2. Вельфлин Г. Прологомены к психологии архитектуры / пер. с нем. С. С. Ванеяна // Архитектура — язык, история, теория. Сборник переводов. В 2-х ч. Ч. 2. М., 2011. С. 303–350.
3. Baxandall M. Words for Pictures: Seven Papers on Renaissance Art and Criticism. New Haven, London: Yale University Press, 2011. 208 p.
4. Riegl A., Swoboda K. M., Pächt O. Historische Grammatik der bildenden Künste. Graz, Köln: Böhlau, 1966. 317 s.
5. Zimmermann R. Ästhetik. 2 Bd. Wien: Wilhelm Braumüller, 1858–1865. 804 s.

Гамидова Сюзанна Абдулганиевна
Российский государственный гуманитарный университет
Научный руководитель:
Черкаева Ольга Евгеньевна, канд. культурологии, доц.

Выставка музыкального и церковного искусства 1892 года

The Musical and Ecclesiastical Art Exhibition of 1892

Аннотация. В статье дан краткий обзор выставки музыкального и церковного искусства, одной из первых выставок своего рода, которая проходила в Великобритании в 1892 г. Рассмотрены персоналии, места и предметы, связанные с изучаемым событием. На основе проведённого исследования выявляется значимость выставки музыкального и церковного искусства на рубеже XIX–XX вв. в культуре Европы.

Ключевые слова: выставка музыкального искусства; Великобритания; Королевский Аквариум.

Abstract. This article studies the Musical and Ecclesiastical Art Exhibition of 1892, Great Britain, one of the first exhibitions of its kind. Persons, places and objects related to the exhibition are presented. On the basis of the research carried out, the significance of holding an exhibition of musical and ecclesiastical art in Europe at the turn of the XIX–XX centuries is revealed.

Key words: musical art exhibition; Great Britain; the Royal Aquarium.

Осенью 1892 г. в Лондоне состоялась выставка музыкального и церковного искусства. Будучи одной из первых выставок своего рода, она познакомила жителей Европы не только с музыкальными инструментами, но и с письмами музыкальных деятелей, а также с рисунками, гравюрами, книгами, так или иначе связанными с музыкой. На выставке были показаны как современные достижения мастеров-изготовителей музыкальных инструментов, так и наиболее ценные старинные образцы. Особенно важно, что музыка была представлена в тесной связи с церковью и церковным искусством.

Выставка музыкального и церковного искусства проходила в здании Королевского аквариума. Королевский аквариум и Зимние сады — крайне популярное место среди жителей Лондона для проведения культурного досуга в последней четверти XIX–начале XX в. Открытый в 1876 г. в Вестминстере Королевский аквариум, созданный Альфредом Бедборо, представлял собой своего рода развлекательный комплекс, где проходили выставки, концерты, спектакли и т. п. [9, p. 73]. Находился он через дорогу от Вестминстерского Аббатства. От момента постройки Аквариума и ко времени пика его популярности в 1890-х годах известность его была примерно такой же, как у Хрустального дворца. Однако на рубеже веков ситуация меняется: здание теряет былую популярность, а в 1903 г. оно выкупается Веслианскими методистами.

Впоследствии Королевский аквариум был снесён, на его месте возведён Методистский центральный зал в Вестминстере.

В длину Королевский Аквариум был около 600 футов : здание включало в себя летние и зимние сады, театр или концертное помещение, читальный зал, буфет, комнаты для игры в шахматы и т. д. Сравнение с Хрустальным дворцом ранее было не случайным: схожи эти два здания были не только по своему назначению и мероприятиям, проходившими в них, но и архитектурными решениями. При этом холл Королевского Аквариума был на 8 футов шире холла Хрустального дворца. Общая высота нефа, от пола до короны крыши, составляла около 72 футов . В здании также имелась художественная галерея [9, p. 73–74].

Проведение музыкальной выставки именно в Королевском Аквариуме кажется вовсе не случайным: ещё до открытия здания руководством было указано на то, что музыка станет важной частью жизни Королевского Аквариума, а ответственным за развитие этого направления назначили Артура Салливана [9, p. 73]. Это было в 1876 г., а почти двадцать лет спустя именно здесь проводилась выставка музыкального и церковного искусства.

Выставка была организована Джозия Ричи, акционером и управляющим директором Королевского Аквариума, и Эдвардом Остином Дю Плат. Открывал выставку музыкального и церковного искусства Джордж Август Сала — писатель и журналист «*Illustrated London News*» и «*Daily Telegraph*».

Выставка проходила в период с 13 сентября по 8 октября 1892 г. Ещё за несколько месяцев до открытия стали появляться объявления и газетные заметки о её проведении. Например, «*St. James's Gazette*» 8 июня 1892 г. писала о крупной музыкальной выставке, на которой должны представляться не только старинные музыкальные инструменты и аксессуары, их репродукции, но и книги, картины, гравюры, рисунки музыкальных инструментов [7, p. 6]. Так, например, среди прочих книг здесь экспонировались псалмы Климента Маро и Теодора де Безе 1587 г. создания [6, p. 352]. Более того, были запланированы лекции в сопровождении вокальной и инструментальной музыки, которые могли заинтересовать музыкантов, концерт на трёхмануальном органе в Большом Зале, судя по всему, созданном под надзором Артура Салливана, и конкурсы между хоровыми обществами и ансамблями (как любителями, так и профессионалами), которые должны были пройти по всей стране [5, p. 491].

Выставка делилась на две части — экспозиция предметов, временно предоставленных владельцами для выставки, располагавшаяся на балконе Аквариума, и ярмарка, которая располагалась на первом этаже. В сентябре 1892 г., спустя 11 дней после открытия выставки, в газете «*Black And White*» появилась заметка о выставке. В ней указа-

но, что на ярмарке коллекции не были представлены в каком-то определённом порядке, но на балконе выставка была поделена на секции: флейты, блок-флейты, волынки, инструменты с двойной тростью, ручной рог; корнет или цинк, басовый рог, флюгельгорн, труба, серпент; египетская дарбука и другие ритуальные барабаны; ксилофоны; виола д'амур, виола да гамба, гитары, мандолины, скрипка Jacob Stainer (ранее принадлежавшая королю Георгу IV), дульцимер; спинет, клавесин, клавикорд, венецианская волна Б. Шуди и Бродвуда 1785 г., а также портативный орган Snetzler, созданный в 1740 г., и др. [6, p. 352]

Из каталога выставки, составленного Э. О. дю Плат, мы узнаём, что поддерживали организацию мероприятия более 58 меценатов, среди которых имелось большое количество представителей церкви. Примечательно, что в поддержку выставки в зале проводилась серия органных концертов, в которых по большей части участвовали церковные органисты. Так, музыкальное и церковное искусство на выставке перекликалось друг с другом и воспринималось как единое целое.

Несмотря на то, что в каталоге выставка указывается как «Первая выставка музыкального искусства», в контексте общеевропейском это не совсем верно, так как за несколько месяцев до её открытия в мае 1892 г. начинает свою работу Венская международная музыкальная и театральная выставка. Однако это не умаляет значимости лондонской выставки: организаторы более чем за 20 лет до предложенной К. Заксом и Э. М. фон Хорнбостелем в 1914 г. классификации музыкальных инструментов поделили её на соответствующие секции. Согласно системе Хорнбостеля-Закса, на которую опираются музыковеды и музейные специалисты до сих пор, музыкальные инструменты делятся на идиофоны, мембранофоны, хордофоны, аэрофоны (впоследствии научным сообществом была добавлена ещё одна группа — электрофоны). Можно предположить, что на выставке музыкального и церковного искусства секции, на которые были поделены экспонаты, представлены следующим образом (с учётом некоторых погрешностей): деревянные духовые, медные духовые, барабаны, ксилофоны, струнные, клавишные.

Однако стоит отметить, что классификация Хорнбостеля-Закса не была полностью новаторской. В 1866 г. Виктор-Шарль Магильон — основатель и первый куратор Музея музыкальных инструментов в Брюсселе, бельгийский музыкант, мастер изготовления инструментов и музыкальный критик — разработал метод классификации музыкальных инструментов. В 1866 г. он опубликовал «Синоптическую таблицу голосов всех музыкальных инструментов» [4], в 1882–1890 гг. он создаёт каталог музея Королевской музыкальной консерватории в Брюсселе которому предшествовало пятитомное эссе по методической классификации всех древних и современных инструментов. Магильон в данной работе предлагает систематизацию более 3000 музейных предметов, вдохновляясь классификацией индийских инструментов [3]. Именно его систе-

ма классификации музыкальных инструментов, представленная в каталоге музея, легла в основу знаменитой системы Хорнбостеля-Закса.

Сложно судить о том, насколько деление музыкальных инструментов на секции, представленное на лондонской выставке, было распространено — она была одной из первых в своём роде. Однако в заметке «Daily News» от 14 сентября 1892 г. указано следующее: *«Не берусь утверждать, что такое деление на выставке довольно типично, поскольку несколько крупных производителей держались особняком; она, тем не менее, продемонстрировала тот прогрессивный дух, который до сих пор вдохновляет более молодых изготовителей фортепиано и других инструментов»*. Таким образом, можно предположить, что выставка музыкального и церковного искусства поспособствовала популяризации классификации Магильона и дальнейшему изучению проблемы систематизации музейных и не музейных музыкальных инструментов.

Интересен также тот факт, что выставка представляла не только музыкальные инструменты, старинные и современные, но и письма композиторов XVIII–начала XIX в., рисунки, гравюры и картины, книги, так или иначе связанные с музыкальным искусством. Можно сделать вывод, что переосмысление музыкального наследия и его значимости проявлялось и в выставочном деле. Музыкальная культура в сознании людей уже ассоциировалась не только с инструментами и музыкальным текстом, которые стоит представлять в реальном времени современными композиторами, как было в начале XIX в., но с целым комплексом явлений, которые можно воссоздать с помощью разнообразных вещей. Лондонская выставка (вдохновляясь опытом Венской международной музыкальной и театральной выставки 1892 г.), собрав воедино предметы различного характера и показывая их на фоне регулярных музыкальных концертов и конкурсов, даёт наглядное представление о процессах, происходивших в конце XIX в. не только в выставочном деле, но и в культурной жизни общества в целом. Эти процессы характеризуются стремлением к комплексности. Именно они привели к формированию феномена «музейной музыкальной экспозиции», которую мы знаем сейчас: сложное взаимодействие нотного текста, композитора, музыкального инструмента и исполнителя с аудиторией в музейном и выставочном пространстве.

Список литературы

1. Гинзбург С. Л. Музыка в музее: [О концертах в Эрмитаже]. Л.: Гос. Эрмитаж, 1934. 65 с.
2. First Musical Art Exhibition: catalogue compiled and arranged by Mr. E. A. Du Plat. London: R. E. King, 1892. 50 p.
3. Mahillon V.-Ch. Catalogue descriptif et analytique du Musée instrumental (historique et technique) du Conservatoire royal de musique de Bruxelles. Bruxelles: Conservatoire royal de musique de Bruxelles, 1893. 532 p.

4. Mahillon V.-Ch. Tableau synoptique des voix de tous les instruments de musique employés dans l'instrumentation moderne, les orchestres de symphonie, d'harmonie et de fanfare. Bruxelles: 1866.

5. Miscellaneous Concerts, Intelligence, & c. // The Musical Times and Singing Class Circular. 1892. Vol. 33. N° 594. P. 491–493.

6. Musical and Ecclesiastical Art Exhibition at the Royal Aquarium // Black and White. 1892. Vol. 4. N° 86. P. 352.

7. Musical and Ecclesiastical Exhibition at the Royal Aquarium // St. James's Gazette. 1892. Vol. 24. N° 3740. P. 6.

8. The Grand Organ in The Royal Aquarium and Summer and Winter Gardens at Westminster // Arthur Lloyd.co.uk. The Music Hall and Theatre History Site Dedicated to Arthur Lloyd. URL: www.arthurlloyd.co.uk (дата обращения: 17.10.2021).

9. The Royal Aquarium, Westminster // The Building News and Engineering Journal. 1876. Vol. 30. P. 73–74.

Грузков Михаил Максимович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Буркова Татьяна Вадимовна, канд. ист. наук, доц.

Участие деятелей Государственной Думы в дискуссиях профессиональной общественности о развитии российской архитектуры в 1910-е гг.

Russian state Duma delegates' engagement in discussions of professional community about evolution of Russian architecture in 1910-s

Аннотация. В статье рассматривается сюжет с IV съезда российских зодчих в 1911 г., в котором принял участие бывший депутат Государственной Думы, кадет Д. Д. Протопопов. Основная цель статьи — проанализировать деятельность бывшего депутата и сделать выводы о целях его участия в данном съезде.

Ключевые слова: Государственная дума; российская архитектура; Д. Д. Протопопов.

Abstract. This article is devoted to the constant episode of the 4th congress of Russian architectures, which was in 1911 in St. Petersburg. Former delegate of State Russian Duma D. D. Protopopov took part in the congress even not being an architect. This article aims to analyze Protopopov's activity on this congress and make a supposal about his engagement purposes.

Key words: State Duma; Russian Architecture; D. D. Protopopov.

Одним из последствий крестьянской реформы Александра II стало появление новой социальной прослойки «сельских обывателей», которые массово стали переезжать в города [5, с. 82–93], преимущественно в Санкт-Петербург [4, с. 180–189], который уже в 1911–1912 гг. пересек черту в 2 миллиона человек [18, с. 16–17]. Для новых жителей, почти 1/3 из которых были рабочими [17, с. 327, таб. 273], строятся доходные дома на окраине города — Петербургской стороне, которая в начале XX в. стала наиболее динамично развивающимся районом [14, с. 5].

Из-за близости Петербургской стороны к историческому центру города, возникает проблема наслоения эстетического пространства центральных построек XVIII в. и эклектичных доходных домов. Об этой проблеме много пишут искусствоведы Г. К. Лукомский [11] и В. Я. Курбатов [8], создавая новый публицистический жанр — архитектурная критика [20, с. 121–125]. Главная проблема, которую видели теоретики архитектуры: постройки новых районов имеют слишком простые формы и не сочетаются друг с другом. Необходимо было соз-

давать здания в неоклассическом стиле с применением современных технологий [12, с. 14–21].

Проблема облика города волнует также и практикующих архитекторов: именитый Петербургский архитектор Л. Н. Бенуа на волне «строительного бума» 1890-х гг. берется за постройку образцовой Великокняжеской усыпальницы в 1896 г. на территории Петропавловской крепости [9, с. 189–195].

По инициативе Л. Н. Бенуа и Академии Художеств в 1911 г. был собран съезд зодчих в Петербурге, ставший четвертым в истории. Основная задача съезда — совместное обсуждение вопросов зодчества и строительства [21, с. IX].

Основная цель данной статьи — сделать выводы о профессиональном составе съезда, в частности о государственных деятелях и их целях. Для выполнения поставленной исследовательской задачи необходимо проанализировать выступления и комментарии участников съезда в зависимости от их социально-политической принадлежности.

В трудах IV съезда представлен достаточно широкий список представителей общественных организаций, в том числе и представители периодического издания. От редакции журнала «Городское дело» в съезде участвовали Л. А. Велихов — кадет, участник политического движения «Союз освобождение», гласный Санкт-Петербургской городской думы — и Д. Д. Протопопов — кадет, участник политического движения «Союз освобождения», депутат I Государственной Думы, подписавший после её роспуска Выборгское воззвание в 1906 г. Журнал издавался, начиная с 1909 г., его основной задачей являлось «...содействие работе эволюционирования российского города от простого административного центра к надлежаще организованному сосредоточению жилищ...» [1, с. 115]. В этот журнал, по задумке издателей, должны входить статьи, которые разбирали возможные пути реорганизации местного самоуправления, поскольку в этой сфере много «... неспособных подчас понимать интересов городской жизни и еще меньше ставить их выше своих узко-эгоистических расчетов...» [1, с. 114]. В журнале также был издан очерк Д. Д. Протопопова «По русским городам», который стал результатом исследования автором хозяйственной жизни провинции. В нем автор приходит к мысли о пагубном влиянии единой системы самоуправления в стране [13, с. 138], где главы городов стремятся только к собственному обогащению [15, с. 1050].

Работа делегатов съезда происходила в рамках 5 отделов: художественный, техническо-строительный, техническо-санитарный, строительно-юридический, общих вопросов.

Представители художественного отделения обсуждали проблему облика российских городов. Были высказаны предложения о введении обязательного закона, предписывающего архитекторам соблюдать эстетическую целостность застраиваемой территории [6, с. 115–117].

Были также призывы заняться поиском новых форм в классическом стиле, которые сочетались бы с окружающим ландшафтом [10, с. 30–34].

Наиболее острые дискуссии происходили в строительно-юридическом отделе, где обсуждались вопросы стратегий развития городов в соответствии с мировыми тенденциями. Одним из ожидаемых докладов на съезде был доклад Ф. Е. Енакиева. Согласно докладу Енакиева, ключевой проблемой столицы является слабо развитая система сообщения окраин города с центром и пригородами, а также отсутствующая привокзальная инфраструктура [3, с. 620–625].

Однако самым обсуждаемым стал доклад гражданского инженера Г. Д. Дубелира. По его мнению, для адекватного городского благоустройства необходим четкий план реорганизации, учитывающий современные технологии. Докладчик также отметил, Петербургу необходимо больше узловых пунктов ж/д станций и вокзалов, где будет удобная инфраструктура [2, с. 518].

Участники заседания согласились с выступающим, однако не выразили большой заинтересованности. Абсолютно полностью с позицией Дубелира согласился только Д. Д. Протопопов. Он заявил, что «надвигается оживление хозяйственной и культурной жизни» и необходимо ориентироваться на опыт Германии и Англии, ведь «мы идем по (их — прим. М. Г.) стопам, стран, которые стоят очень высоко в гигиеническом, архитектурном и хозяйственном отношениях» [2, с. 517].

Тема, поднимая докладчиком, уже была освещена самим Протопоповым в журнале «Зодчий» в ноябре 1910 г., незадолго до открытия съезда [16, с. 442–445]. Протопопов утверждал: ключевой целью любого градостроительства должно быть развитие жилых помещений, где человеку было бы удобно проводить свободное время. В связи с этим он предлагает перенести центр жизни человека за город, где есть возможность сделать большое количество зеленых зон. Очевидно, что основной задачей пребывания г. Протопопова на съезде был поиск единомышленников, кто взялся бы за реализацию идеи т. н. «города-сада». Поскольку Протопопов был издателем, то естественной формой поддержки таких единомышленников было издание трудов таких архитекторов.

В 1913 г. выходит книга В. С. Карповича «Особняки в городе и деревне», в которой Д. Д. Протопопов написал достаточно объемное введение. Протопопов обосновывает необходимость создания в России городов-садов тем, что русский человек издревле стремился к земле и к жизни в маленьких поселках. Идеальное пространство жизни в сельской местности — особняки без лишних декораций «из глубин народного духа». В пример Протопопов приводит английские коттеджи, созданные на основе крестьянских домов со всеми удобствами. Русский человек должен обратиться к зодчеству своих пред-

ков и усовершенствовать былые самобытные формы под современные нужды [7, с. VII–XXXI].

В это же время Протопопов инициирует создание общества город-сад [19, с. 28], однако активного участия не принимает. С 1911 г. Протопопов также перестает печататься в журнале «Зодчий», однако издание «Городского дела» продолжается, но издаваемые объемы заметно уменьшились. Протопопов очень много говорит о необходимости кардинальной реформации системы местного самоуправления в целом.

Таким образом, дискуссии вокруг развития архитектуры были вызваны большими политическими изменениями в стране, что стало привлекательной средой для политических деятелей. В этой среде у политических деятелей появилась возможность найти для себя социальную группу опоры, которая бы помогла повысить авторитет определенного политического движения. Однако архитектурное сообщество оказалось слишком закрытым для политиков, поскольку политическая жизнь не являлась предметом интереса зодчих, так как архитекторы были нацелены на решение своих узкопрофессиональных вопросов.

Список литературы

1. «Городское дело» — двухнедельный иллюстрированный журнал, С.-Петербург, 1909 // Зодчий. 1910. № 10. С. 114–115.
2. Дубелир Г. Д. О технических принципах планировки городов // Труды IV съезда русских зодчих. СПб: Гос. тип., 1911. С. 514–518.
3. Енакиев Ф. Е. Основы развития современных городов // Труды IV съезда русских зодчих. СПб: Гос. тип., 1911. С. 607–625.
4. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–начале XX века. М.: Наука, 1998. 268 с.
5. Кабузан В. М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. №4 (19). С. 82–93.
6. Карпович В. С. О сохранении художественного облика городов // Труды IV съезда русских зодчих. СПб: Гос. тип., 1911. С. 108–117.
7. Карпович В. С. Особняк в городе и деревне / худож. архит. В. С. Карпович; введ. Д. Д. Протопопова. СПб: издание журнала «Городское дело», 1913. 165 с.
8. Курбатов В. Я. Упадок / Петербург. Художественно-исторический очерк и образ художественного богатства столицы // Библиотека журнала «Наше Наследие». URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00344.php (дата обращения: 04.05.2021).
9. Лисовский В. Г. Леонтий Бенуа. СПб: Черное и белое, 2003. 352 с.
10. Лукомский Г. К. Архитектурные вкусы современности // Труды IV съезда русских зодчих. СПб: Гос. тип., 1911. С. 27–34.

11. Лукомский Г. К. Современный Петербург: очерки истории возникновения и развития классического строительства (1900–1915). Пг.: Свободное искусство 1917. 94 с.

12. Лукомский Г. К. Старый Петербург: прогулки по старинным кварталам столицы. Пг.: Свободное искусство. 1917. 164 с.

13. Новикова Л. И. Малоизвестный источник изучения повседневности: журнал «Городское Дело» // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции. СПб: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2021. С. 134–139.

14. Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству (в диаграммах). Пг.: 1916. 166 с.

15. Протопопов Д. Д. По русским городам // Городское дело. 1909. № 20. С. 1050–1055.

16. Протопопов Д. Д. Современное положение жилищного вопроса // Зодчий. 1910. № 45. С. 442–445.

17. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

18. Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный статистический сборник / под ред. И. И. Елисейевой и Е. И. Грибовой. Вып.2. СПб, 2003. 229 с.

19. Семенцов С. В. Идеи «городов-садов» и традиции Санкт-петербургского и петроградского строительства // Вестник гражданских инженеров. 2018. № 5 (70) С. 26–49.

20. Сухорукова А. С. Петербургская городская дума и проблемы градостроительства в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб. 2000. 213 с.

21. Труды IV съезда русских зодчих, состоявшегося в С.-Петербурге с 5 по 12 января 1911 г. под почетным председательством августейшего президента Императорской академии художеств ея императорского высочества великой княгини Марии Павловны. СПб: Гос. тип., 1911. 654 с.

**Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбачком и
ее архитектурные прототипы: проблемы заимствования и
воспроизведения архитектурных форм**

**Church of the Nativity of the Blessed Virgin in Rybatskoye and its
architectural prototypes: problems of borrowing and reproducing
architectural forms**

Аннотация. В данной статье рассматривается практика использования архитектурных прототипов в современном храмостроении на примере церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбачком (Санкт-Петербург). Произведен формально-стилистический анализ сооружения и его сравнение с историческими прототипами: церковью Святой Марии Магдалины в Дармштадте и церковью Всех Святых в Бад-Хомбурге. На основе анализа будут сделаны выводы о современной адаптации исторических прототипов в храмовой архитектуре Петербурга.

Ключевые слова: современная архитектура; храмовое строительство; русский стиль.

Abstract. This article studies the phenomenon of using architectural prototypes in modern temple building on the example of the Church of the Nativity of the Blessed Virgin in Rybatskoye (St. Petersburg). A formal-stylistic analysis of the building and its comparison with historical prototypes (the Church of St. Mary Magdalene in Darmstadt and the Church of All Saints in Bad Homburg) is used in this article. Based on the analysis, conclusions will be drawn about the modern adaptation of historical prototypes in temple architecture.

Key words: modern architecture; temple building; Russian style.

Проблема проектирования и строительства современных храмов на территории России в последние годы всё больше интересует исследователей разных областей. Вопросы эти затрагивают тенденции развития храмового зодчества, которое замерло с установлением Советской власти и лишь заново возродилось с 1990-х гг. Однако в этот семидесятилетний период архитектурные традиции не были преданы забвению: возводились православные храмы за границей (зарубежные постройки Р. Н. Верховского, Н. И. Исцеленного и др.) и проводилось изучение древнерусских памятников архитектуры (исследования П. А. Раппопорта, Н. Н. Воронина и др.). В настоящее время большую популярность имеет тенденция использования существующих памятников русской архитектуры в качестве прототипов для создания новых храмов. Однако современные реалии вносят свои корректировки в уже существующие проекты. Данную проблему можно проследить

на примере церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбацком (Санкт-Петербург).

Целью статьи является анализ проблемы работы с архитектурными прототипами в современном храмостроении на примере вышеуказанного сооружения. Будет проведен анализ форм современного храма, сравнение его с первоисточниками.

Церковь в Рыбацком (рис. 1) заложена в 2003 г. по проекту мастерской архитектора Владимира Николаевича Ловкачева [2]. С 2018 г. здесь начали проходить богослужения, однако некоторые отделочные работы продолжают и по сей день. Храм располагается в парковой зоне на берегу Невы по адресу Рыбацкий проспект, дом 28. Архитектурная мастерская Ловкачева в основном занимается созданием проектов жилых комплексов и торговых центров, однако на ее счету также и несколько культовых сооружений (храм Святой преподобной мученицы Евгении на Парашютной улице и проект храма апостола Петра в Санкт-Петербурге), в том числе и вышеуказанная церковь. Ее прототипом послужили два идентичных проекта архитектора Леонтия Николаевича Бенуа (1856–1928), расположенных в Германии: церковь Святой Марии Магдалины в Дармштадте (рис. 2) и церковь Всех Святых в Бад-Хомбурге (рис. 3).

Формально-стилистическим анализом и историографией церкви Святой Марии Магдалины занялась в своей статье А. В. Григораш [3]. Храм заложен в 1897 г. по распоряжению русской императорской семьи и освящен в 1899 г. Строительство церкви было вызвано желанием иметь православный храм в родном городе жены Николая II Александры Федоровны, который могла бы посещать императорская семья по приезду в Дармштадт. Л. Н. Бенуа при создании проекта брал формы еще одного своего заграничного проекта — церкви Всех Святых в Бад-Хомбурге, который был заложен в 1896 г. и освящен в 1899 г. [1, с. 53–55].

При дальнейшем сравнении архитектурных сооружений речь пойдет о наружном облике храма в Рыбацком и его прототипов, так как в настоящее время в церкви отсутствует внутреннее декоративное убранство (стены побелены, иконостас заменяет простая перегородка).

Итак, первый храм в Бад-Хомбурге — это небольшое сооружение высотой 18 метров, рассчитанное всего на 60 человек. Церковь выстроена из красного кирпича, фасад декорирован изразцами. Позолоченные борта идут по всему периметру под синей кровлей. В западной части находится крыльцо с винтообразными колоннами и треугольным фронтоном, в котором располагается мозаика со Спасом Нерукотворным. Крышу венчает узкий и высокий барабан с золоченой луковичной главой. Храм достаточно компактен и гармоничен по пропорциям.

Церковь в Дармштадте становится больше, следовательно, здесь иные пропорции, нежели у церкви в Бад-Хомбурге, хотя и повторе-

ны основные объемы прототипа: кубическая форма основной части, крыльцо с двускатной крышей, при этом во фронтоне изображена Мария Магдалина, которой посвящен храм; высокий узкий барабан, обильное архитектурно-декоративное оформление. Однако здесь появляется новый объем в виде звонницы с южной стороны фасада, декорированной закомарами и еще одним барабаном с луковкой. Также добавлен барабан с куполом над апсидой.

Бенуа вдохновлялся русским зодчеством XVII в.: «он варьирует в деталях композиции один и тот же образ, заимствованный из московско-ярославского зодчества» [3, с. 70]. Возможно, прототипами для проектов Бенуа могли послужить церковь Иоанна Предтечи в Толчкове и церковь Иоанна Златоуста в Коровниках XVII в. — примеры ярославской архитектурной школы, которые имеют идентичные элементы: кирпичная облицовка фасада, кубический тип основного объема храма, вытянутые барабаны, крыльцо с островерхой двускатной крышей, большое количество декоративного оформления. Таким образом, ярославские памятники архитектуры могли вдохновить Бенуа на создание храмов в Германии. Следовательно, перед нами пример русского стиля в архитектуре XIX–начала XX вв., в основе которого лежат традиции русского зодчества допетровского времени.

Если Бенуа в своих произведениях создает квинтэссенцию стилистических элементов древнерусских храмов, то архитекторы современного храма в Рыбацком опираются на чистые формы работ Бенуа, если не копируют досконально. Высота новой церкви увеличивается до 43,74 метров. Следовательно, умножаются размеры пропорций изначально взятых прототипов. Это наиболее заметно с северного и южного фасадов храма, где при увеличении высоты основного объема, поставленного на высокий цоколь, вытягиваются также оконные проемы и расстояние между квадратными вставками по углам. Двухчастные тонкие колонки на углах храма в Дармштадте при переносе на современный храм вытягиваются до пятичастной структуры без увеличения объема.

Вопрос может вызывать металлическая кровля церкви синего цвета. В церквях в Германии яркая черепица переключается с изразцовыми элементами на фасадах, однако в проекте современного храма (рис. 4) цветных вставок не предусмотрено, и цвет кровли вызывает ассоциацию с синими строительными ограждениями, что создает ощущение незаконченности.

При этом проект церкви Рождества Пресвятой Богородицы адаптирован под современные строительные нормы и правила [7]: соблюдены нормы пожарной безопасности, к южной части фасада добавлен пандус для доступа маломобильных групп населения и др.

При этом нельзя отрицать, что место удачно выбрано для постройки храма: в парковой зоне на берегу Невы, с которой виднеется

восточная часть церкви. Однако проблемой современного храмостроения, особенно в спальных районах, является диссонанс форм храмовой архитектуры и жилых панельных и монолитных новостроек, который современным архитекторам предстоит перебороть. При этом все же проекты новых сооружений создают некий собирательный образ или целиком копируют существующие памятники архитектуры, как произошло с описанным в статье храмом, и динамического развития, как на Западе, пока не наблюдается: эксперименты с формами остаются пока в рамках форм существующих образцов.

Итак, современная церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбацком, обращаясь к историческим прототипам (проектам церкви Бенуа в Германии), адаптирует их формы под современные правила строительства. Однако отсутствие декора, цветового баланса и изменение пропорций не вызывает чувство гармонии, как храмы в Дармштадте и Бад-Хомбурге. Возможно, после полного завершения отделки будет достигнут должный эффект.

Таким образом, в данном примере идет обращение к конкретным памятникам, которые обращались к мотивам более ранних архитектурных комплексов. Сейчас можно наблюдать явление, сходное с ситуацией в XIX – начале XX вв., когда возник интерес к древним архитектурным памятникам и их использовали в качестве прототипов новых построек. И в настоящее время прототипами для культовых построек служат не только древние сооружения, но и проекты XIX – начала XX вв.

Список литературы

1. Антонов В. В., Кобак А. В. Русские храмы и обители в Европе. СПб: Лики России, 2005. 399 с.
2. АПБ «Ловкачев и Партнеры». URL: <http://lovkachev.com> (дата обращения: 05.11.2021).
3. Григораш А. В. Русская капелла в Дармштадте: диалоги культур // Архитектон: известия вузов. 2012. № 3(39). С. 65–75.
4. Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М.: Галарт, 1997. 432 с.
5. Невский район. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы // СОБОРЫ.RU: Народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=09944> (дата обращения: 05.11.2021).
6. Приход храмов Рождества и Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком. URL: <http://2hrama.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).
7. СНиП 31-103-99. Здания, сооружения и комплексы православных храмов: нормативно-технический материал. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004996?marker> (дата обращения: 05.11.2021).

8. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбацком // Храмы России. URL: <http://www.temples.ru/card.php?ID=13730> (дата обращения: 05.11.2021).

Приложение

Рис. 1. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбацком. 2003–2018. Санкт-Петербург, Россия. Фото автора.

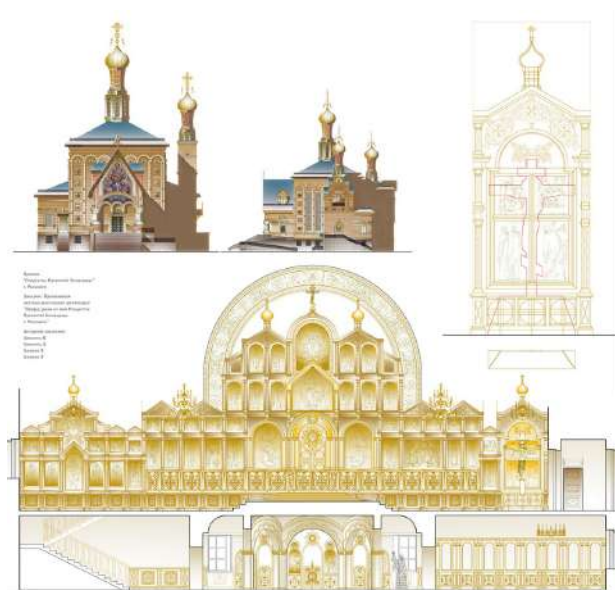
Рис. 2. Церковь Святой Марии Магдалины. 1897–1903. Дармштадт, Германия. Источник: <https://sergeyurich.livejournal.com/667910.html>

Рис. 3. Церковь Всех Святых. 1896–1899. Бад-Хомбург, Германия. Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Храм_Всех_Святых

Рис. 4. Проект церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Рыбачком. Источник: <http://lovkachev.com/projects#gallery-69-2>

Лепендина Ольга Вячеславовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Антипов Илья Владимирович, канд. искусствоведения, доц.

Церковная архитектура Пскова XVII в.

Church architecture of Pskov of the XVII century

Аннотация. Статья посвящена церковной архитектуре Пскова XVII в. В данной работе рассматриваются не только памятники церковной архитектуры XVII в., находящиеся в черте города, но и церковные постройки ближайших окрестностей. Статья написана на основании данных метрик, клировых ведомостей, церковно-исторической литературы, фотоматериалов и наблюдений сделанных при обследовании сохранившихся храмов.

Ключевые слова: архитектура XVII в., древнерусская архитектура; храмовая архитектура Пскова.

Abstract. The article is devoted to the church architecture of Pskov of the XVII century. This study examines not only the monuments of church architecture of the XVII century, located within the city, but also the church buildings of the immediate vicinity of Pskov. The article is written on the basis of data from metrics, clerical records, church historical literature, photographic materials and observations made during the survey of preserved churches.

Key words: architecture of the XVII century; old Russian architecture; temple architecture of Pskov.

Архитектура Пскова XVII в. — региональная традиция в рамках русской архитектуры XVII в., сохранявшая индивидуальные черты вплоть до конца столетия. Храмы, возникшие в этот период, сочетали традиционные формы, присущие псковской средневековой архитектуре, с элементами, привнесенными извне, в частности, с деталями, характерными для московской архитектуры XVII в.

В историографии отсутствует единое мнение о псковской церковной архитектуре XVII в. Одни исследователи склонны видеть в архитектурных формах псковских храмов XVII в. выраженную зависимость от московских архитектурных традиций и потому считают псковскую архитектуру XVII в. вторичной [1, с. 292; 11, с. 11]. Другие, напротив, отмечают своеобразие большинства псковских памятников XVII в., объясняя это смешением новых форм и характерных для Пскова черт [10, с. 21–28].

Строительство в Пскове на протяжении XVII в. не было равномерным. Вследствие пожаров и военных действий начала XVII в. строительная деятельность долгое время сводилась к ремонту уже существовавших храмов. Расцвет церковного строительства в XVII в. пришелся на последнюю треть столетия, когда в городе с небольшим времен-

ным интервалом возникали новые церкви. Время от времени церкви возводились вне Пскова. С началом XVIII в. церковное строительство в Пскове прервалось на продолжительный срок.

Сохранившиеся храмы, относящиеся к XVII в., разнообразны по объемно-пространственным и декоративным решениям.

Церковь св. Николая на Труворовом городище, одноглавый одноапсидный бесстолпный храм, не имеет точной даты возведения. Известно, что церковь уже существовала к 1682 г. — она упоминается в документах в связи с пожаром [7, л. 117]. К четверику основного объема, увенчанному главкой на вытянутом глухом барабане, с запада примыкает пониженная относительно четверика трапезная с притвором и звонницей. Декор церкви достаточно скромный и сосредотачивается на северном фасаде (прямоугольные ниши, напоминающие деление на прясла лопатками стен древних храмов Пскова, закладные кресты).

Церковь святителя Николая от Нового торго, согласно клировой ведомости, была построена в 1676 г. [6, л. 67]. Храм имеет сложную композицию, состоящую из основного объема, южного придела с притвором, северной пристройки со звонницей и западного притвора. Четверик увенчан пятью главами на глухих барабанах, ориентированными по сторонам света, что является нехарактерным для Пскова. Барабаны глав достаточно вытянутые, поэтому можно предположить, что их основания могли быть скрыты кокошниками.

Церковь содержит следы влияния архитектуры московских храмов узорочья, однако это проявляется только в завершении храма; внешний облик, композиция здания являются характерными для Пскова.

Третьей четвертью XVII в. по клировой ведомости можно датировать церковь свв. мучеников Мины, Виктора и Викентия в Кусве; бесстолпный одноапсидный одноглавый храм. Церковь имела несколько храмов-предшественников XVI в., конца XVI — начала XVII вв. и первой половины XVII в. [8, с. 16–42]. Точная дата постройки неизвестна, но присутствует ссылка на некие письменные данные, которые позволяют утверждать, что это произошло «не позднее 1680-х гг.» [5, л. 163]. С запада к основному объему, увенчанному поздним восьмигранным барабаном примыкает притвор. В ходе более поздних перестроек вместо звонницы появилась колокольня.

В отличие от вышеназванных храмов церковь свв. Мины, Виктора и Викентия декорирована богаче. В ее декоре соединились как типично псковские черты (валиковые разводы на апсиде), так и декоративные элементы из московской традиции (наборные наличники в виде полуколонок с применением изразцов). Впервые в регионе в качестве строительного материала, помимо традиционной для Пскова плиты, применяется кирпич. В этом также можно увидеть влияние московской архитектуры.

Церковь Одигитрии на Печерском подворье возведена на месте одноименной церкви 1537 г. после пожара 1682 г. [9, с. 476]. В целом, храм имеет сходство с церковными постройками Пскова XVI в. (четырехстолпный одноглавый с тремя апсидами и восьмискатным покрытием), но отличается большими размерами. Церковное здание частично относится к XVI в., однако декоративное решение основного объема (деление поверхности стены лопатками на прясла, завершенные кошками, пояс изразцов) отдаленно напоминает новгородские храмы XVII в.: Знаменский собор и Воскресенский собор Деревяницкого монастыря.

Троицкий кафедральный собор в работах XIX в. датировался 1682–1699 гг., однако М. В. Вдовиченко, опираясь на письменные источники, в частности, на переписку митрополита Маркелла и великих государей, высказала мнение, что собор возводился в 1691–1699 гг. [2, с. 250]. Троицкий собор — шестистолпный, пятиглавый; его северный и южный фасады делятся на четыре прясла, западный и восточный — на три. Декор храма (частично относится к началу XVIII в.) достаточно богат для Пскова: вертикальные членения фасадов завершаются сдвоенными арочками, горизонтальными служат профилированные тяги с узором. Храм опоясан фризом из изразцов, часть окон заключена в наличники, характерные для нарышкинского стиля.

В 1694 г. близ Псково-Печерского монастыря появилась Никольская церковь в Тайловской губе [3, л. 90]. К четверику основного объема с запада примыкают прямоугольные в плане притвор и паперть. Северный фасад завершается двухпролетной звонницей. Декор практически отсутствует; только углы объемов подчеркнуты лопатками. Объемно-пространственное и декоративное решение храма близко Никольской церкви с Труворова городища и церкви свв. Мины, Виктора и Викентия в Кусве.

Церковь св. апостола Матфея погоста Неготь, согласно клировой ведомости, «когда построена за неимением летописи неизвестно» [4, л. 161], но, судя по архитектурным формам, это могло произойти на рубеже XVII и XVIII вв. Храм выделяется среди других псковских церквей решением основного объема — восьмерик на четверике. С большой долей вероятности можно утверждать, что это одна из наиболее ранних церквей такого типа в регионе.

Храм ориентируется на формы нарышкинского стиля, однако из этого направления заимствуется только решение основного объема, но такой характерный декоративный элемент как наборные наличники, отсутствует. Из-за недостатка документальных источников о храме сложно сказать, отсутствовал ли декор в принципе, или был утрачен за время бытования здания. В декоративном решении храма присутствует деталь, аналог которой можно обнаружить в убранстве Троицкого собора: ряд сдвоенных арок, находящийся в верхней части восьмерика.

Конкретная дата постройки церкви св. Стефана Мирожского монастыря неизвестна. На основании изобразительных источников и архитектурных особенностей можно предположить, что храм возник на рубеже XVII и XVIII в., так как на иконе из лавки Жиглевича (рубеж XVII и XVIII вв.) изображена Стефановская церковь, облик которой близок современному: высокий четверик с примыкающей к нему трапезной и двухпролетными воротами.

В декоративной системе Стефановской церкви наиболее ярко, по сравнению с другими псковскими памятниками XVII в., выражено влияние московских традиций (поверхности стен храма заполнены достаточно дробным для Пскова декором, отдаленно напоминающим декор московских храмов времени узорочья).

На протяжении XVII в. возникали храмы, отличающиеся друг от друга по объемно-пространственному и декоративному решению, поэтому выявить какие-то характерные особенности, общие для всех церквей, возникших в Пскове на протяжении XVII в., нельзя, так как в рамках одного типа встречаются церкви, разительно отличающиеся по композиции и декору.

На основании сходства в объемно-пространственном и декоративном решении выделяется группа бесстолпных храмов, построенных вне города: церковь св. Николая с Труворова городища, церковь свв. Мины, Виктора и Викентия, церковь св. Николая в Тайлово: их общими чертами являются композиция (все объемы выстроены по одной оси, отсутствует развитая система пристроек, столь характерная для псковских храмов), наличие звонницы, достаточно скромный декор: лопатки, прямоугольные ниши, закладные кресты.

Храмы отличаются и по степени влияния других архитектурных школ. Элементы московских архитектурных направлений XVII в. более выражены в решении церкви св. апостола Матфея погоста Неготь, церкви св. Николая от Нового торго, церкви св. Стефана Мирожского монастыря, Троицкого кафедрального собора; остальные храмы в своем декоративном решении опираются на местные традиции.

Таким образом, несмотря на многообразие объемно-пространственного и декоративного решения псковских храмов XVII в. практически обо всех церковных постройках этого времени можно говорить как о своеобразном явлении, которое слабо поддается влиянию других архитектурных школ и стремится к сохранению местных архитектурных приемов: использованию кладки из местной плиты, развитию бесстолпного типа храма (церкви этого типа существовали в предшествующие строительные периоды в городе), применению свойственных Пскову архитектурных элементов — ползучих арок, поясов «поребрик-бегунец-поребрик», валиковых разводов на апсидах.

Список литературы

1. Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1898. 97 с.
2. Вдовиченко М. В. Архитектура больших соборов XVII века. М.: «Индрик», 2009. 399 с.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 1084. Клировые ведомости Клировые ведомости церквей г. Пскова и церквей погостов Псковского уезда за 1798 г.
4. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1127. Клировые ведомости церквей г. Пскова и церквей погостов его уезда за 1814 г.
5. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1224. Клировые ведомости церквей: Иоанна Богослова, Косьмы и Дамиана, Покрова Пресвятой Богородицы, Св. Георгия, Св. Мины, Виктора и Викентия, Св. Пророка Илии, Св. и Чудотв. Николая, Святого Пророка Илии за 1894 г.
6. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1155. Клировые ведомости церквей г. Пскова и церквей погостов его уезда за 1833 г.
7. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1135. Клировые ведомости церквей г. Пскова и церквей погостов его уезда за 1818 г.
8. Постников А. Б. Храм святых мучеников Мины, Виктора и Викентия в селе Кусва Псковского уезда в XVI–XX вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2013. № 38. С. 16–42.
9. Сборник МАМЮ. Т. V. Кн. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.
10. Спегальский Ю. П. Памятники зодчества в Пскове // Избранные статьи: к 100-летию со дня рождения / [редкол.: О. В. Емелина и др.]. Псков: Псковская областная типография, 2009. С. 21–28.
11. Шулакова Т. В. «Вольный стольный господин Псков» — «Дом Святой Троицы». Псков: Славяне, 2009. 15 с.

Кудрина Варвара Даниловна
Санкт-Петербургский государственный университет
Василевский Тихон Данилович
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет
Научный руководитель:
Антипов Илья Владимирович, канд. искусствоведения, доц.
Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о происхождении завершения иконостаса церкви Рождества Богородицы в Каргополе

On the origin of the iconostasis completion of the Church of the Nativity of the Virgin in Kargopol

Аннотация. Статья посвящена особенностям завершения иконостаса церкви Рождества Богородицы в Каргополе. Конструкция иконостаса не имеет точной датировки, однако наиболее вероятным кажется его возникновение в первой трети XIX столетия. В связи с этим рассматривается взаимосвязь интерьера данного каменного храма с сельскими церквями этого времени. Автор делает попытку сопоставления живописных «небес» Каргополя и верхней части иконостаса церкви Рождества Богородицы.

Ключевые слова: Каргополь; иконопись; иконостас; Русский Север; «небеса»; провинциальное искусство.

Abstract. The article is dedicated to the special features of the completion of the iconostasis of the Church of the Nativity of the Virgin in Kargopol. This iconostasis does not have an exact date, but its appearance seems most likely in the first third of the XIX century. We want to analyse connection between the interior of this temple and rural churches of this time. The author makes an attempt to compare the picturesque «heavens» of Kargopol and the upper part of the iconostasis of the Church of the Nativity of the Virgin.

Key words: Kargopol; Russian Northern art; iconostasis; «heavens».

Церковь Рождества Богородицы в Каргополе была построена в последней четверти XVII в. на средства каргопольских купцов Степана и Андрея Пометяевых и освящена в 1682 г. [2, с. 9–12]. Каких-либо сведений о времени создания иконостаса или его первоначальном составе не сохранилось. Ныне существующая алтарная преграда, вероятно, была создана в первой трети XIX в. Она завершается иконами с изображением Распятия, композиция которого распределена на пять отдельных досок (рис. 1). Центральная икона с изображением Креста имеет трапециевидную форму, а доски с другими фигурами по форме являются треугольниками. Верхняя часть иконостаса находится под некоторым наклоном по отношению к остальным рядам и образует своеобразный свод, примыкающий к арке алтарного пространства.

Иконостас церкви Рождества Богородицы до последнего времени не являлся объектом исследования. Вопрос о вариантах завершения каркасного иконостаса также не становился предметом специального изучения, однако не раз затрагивался учеными. Основные этапы развития иконостаса рассматриваются в публикациях А. Г. Мельника, в частности в его фундаментальном труде, посвященном ростовским иконостасам [6]. Региональную специфику северных иконостасов отмечает в своих публикациях Т. М. Кольцова [3, 4, 5].

Во второй половине XVII в. древнерусский иконостас несколько изменяется, что было связано с нововведениями патриарха Никона. Несмотря на скорое низложение патриарха, привнесенные им новшества закрепляются в русском искусстве. Собор 1667 г. постановил, что иконостас должен завершаться Распятием, а не изображением Господа-Савоафа или Нерукотворного Спаса. Распятия, венчающие иконостасы, последней трети XVII в. были выполнены в технике темперной живописи, вырезаны по контуру и заключены в раму, однако в XVIII в. получает распространение скульптурное решение данного элемента [1, с. 635–636]. Несмотря на указание патриарха, на Севере еще долгое время алтарные преграды завершались иконой «Спас Нерукотворный». В эти края новшества проникали с некоторой задержкой, кроме того, до середины XVIII в. продолжают возводить тябловые иконостасы, в конструкцию которых икону было вписать значительно проще, чем Распятие. Между тем, в крупных центрах в убранстве каменных храмов все активнее начинают использовать новый принцип завершения иконостаса. Ярким примером этого являются алтарные преграды главных каргопольских храмов: Христорождественского и Воскресенского, выполненные местными мастерами во второй половине XVIII в. В это же время обновляются иконостасы во многих деревянных храмах Каргополя.

Живописное убранство сельских церквей дополнялось расписанными небесами, программа которых составляла с иконостасом единый ансамбль [4, с. 57–58]. В районе Каргополя и на р. Онеге большое распространение получила программа декорации «небес» с изображением архангелов, которые в некоторых случаях дополняются Распятием. Примеры этому можно найти в Сретенской церкви в с. Архангело (первая треть XIX в.), церкви Иоанна Златоуста в с. Саунино (XVIII в.), часовне Рождества Богородицы в д. Табич-Лахта (Кенозерье) (последняя треть XIX в.) и других храмах. Таким образом, программа, предложенная Собором 1667 г., в сельских храмах воплощалась в ансамбле иконостаса и «небес».

Конструкция завершения иконостаса в церкви Рождества Богородицы очень близка к «небесам», так как иконные щиты имеют форму треугольников и вторят контуру арки храма, становясь продолжением архитектурной организации пространства. Важно отметить,

что в деревянных храмах «небо» было органически вписано в церковный интерьер. В случае с каменной городской церковью Рождества Богородицы возведение подобного завершения иконостаса было достаточно сложным, так как деревянные грани находятся под углом по отношению к плоскости иконостаса и висят на краях арки апсиды, закрепленные металлическими скобами. Переключки с оформлением деревянного храма не ограничиваются иконостасом: в центральной точке каменного свода находится деревянный медальон с оплечным изображением Спасителя, близким традиционной центральной иконе «неба».

Иконографическая программа композиции Распятия в Богородицерождественском храме в целом достаточно традиционна. Кресту предстоит четыре фигуры Богоматери, Иоанна Богослова, сотника Лонгина и Марии Магдалины. На заднем плане изображены стены Иерусалима, а по правую и левую сторону от Спасителя — небесные светила. В трактовке «небес» чаще всех персонажей помещают на одной грани, а их количество сокращают до трех. Однако встречаются памятники с таким же размещением фигур, как и в иконостасе церкви Рождества Богородицы. Наиболее близким по программе памятником является «небо» из церкви Рождества Богородицы д. Тамбич-Лахта (Кенозерье) последней четверти XIX в. [7, с. 322]. Интересной иконографической деталью в композиции «Распятие» в каргопольском храме является появление на отдельной доске изображения голубя. Значительно чаще над крестом изображают персонификацию Бога-Саваофа. Изображение Святого Духа в виде голубя можно встретить в живописном оформлении «небес» храма с. Архангело (первая треть XIX в.), часовни в д. Низ (XIX в.). С одной стороны, можно было бы связать появление голубя с местной региональной традицией трактовки «небес». Однако более убедительным кажется конструктивное объяснение этого элемента. Небольшой треугольник с изображением Святого Духа позволяет завернуть деревянную конструкцию на арку храма и закрепить ее более надежно. Важно отметить, что у Распятия на центральной доске обрезан верхний конец, что может быть связано, с уровнем мастерства художника, который не смог грамотно использовать пространство доски. Другим объяснением таких композиционных особенностей произведения может служить предположение, что доска была обрезана специально для рассматриваемой конструкции. Если учесть, что остальные фигуры располагаются в иконном пространстве достаточно свободно, то кажется более вероятным, что центральная доска была опилена.

Трудно сказать, кто являлся создателем иконостаса церкви Рождества Богородицы. В его нижних рядах присутствуют произведения, различные по времени создания и художественному уровню. Наиболее ранние иконы, вероятно, относятся к первой четверти XVIII в., также присутствует немало произведений последней трети

того же столетия. Натурное исследование показало, что иконы неоднородны по своим материальным особенностям. Многие иконы были надставлены и прописаны в ходе бытования, что позволяет предполагать, что первоначально они принадлежали к убранству другого храма. Верхняя часть иконостаса отличается единством художественного решения. Можно осторожно предположить, что для создания данного завершения были использованы «небеса» из какого-то деревянного храма, для чего центральный образ был обрезан, а боковые надставлены (рис. 2). Более уверенно об этом можно будет судить после тщательных натуральных исследований верхней части иконостаса, которые на данный момент невозможны. Конечно, нельзя исключать, что венчание иконостаса было выполнено специально для этого интерьерера. Однако в таком случае, удивительно, что мастер не сделал завершение по образцу других каргопольских храмов.

Можно с определенной уверенностью сказать, что в храме Рождества Богородицы использован уникальный способ завершения иконостаса. Распятие, изображенное на деревянных гранях, неразрывно связано с традицией художественной декорации церковного деревянного интерьерера. До XX в. в Каргополе преобладала деревянная застройка, в частности, было несколько деревянных храмов. С одной стороны, не удивительно, что мастер иконостаса использовал столь знакомый ему мотив деревянного «неба». С другой стороны, ни в одном из известных нам храмов Русского Севера нет подобного венчания алтарной преграды.

Список литературы

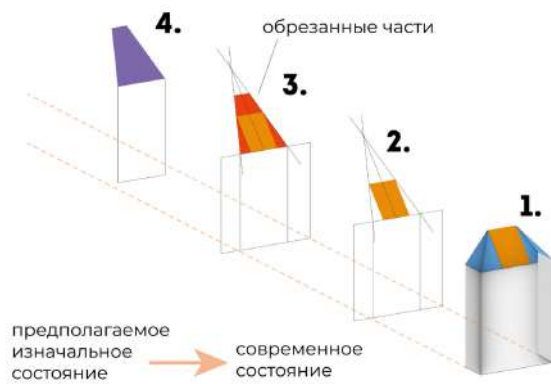
1. Бусева-Давыдова И. Л. Русский иконостас XVII века: генезис типа и итоги эволюции // Иконостас. Происхождение – развитие – символика: сборник статей / Ред.–сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Развитие, 2000. С. 621–650.
2. Докучаев-Басков К. А. Церковно-приходская жизнь города Каргополя. М.: Университетская типография, 1900. 43 с.
3. Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI–XVIII веков. М.: Северный паломник, 2009. 648 с.
4. Кольцова Т. М. Росписи «неба» в деревянных церквях Русского Севера. Архангельск: Правда Севера, 1993. 112 с.
5. Кольцова Т. М. Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII–начала XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 432 с.
6. Мельник А. Г. Храмовые иконостасы Ростова Великого конца XVII–XIX века Ростова Великого. Каталог. СПб.: Пушкинский дом, 2012. 288 с.
7. Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский» / Авторы концепции И. Остаркова, Е. Шатковская. М.: Программа «первая публикация», 2009. 564 с.

Приложение

Рис. 1. Завершение иконостаса церкви Рождества Богородицы в Каргополе. Втор. пол. XIX в. Фото автора. 2021.

Рис. 2. Схема трансформации центральной иконы завершения иконостаса.

**Храмовая роспись в городе Углич
второй половины XVII – начала XIX в.**

**Monumental murals of the Transfiguration and Epiphany
cathedrals of the city of Uglich**

Аннотация. Спасо-Преображенский собор, в городе Угличе расписан артелью Тимофея Медведева. Это уникальный по полноте и сохранности, памятник русской храмовой живописи первой половины XIX в. Богоявленский собор, с частично сохранившимися росписями, созданными, предположительно, живописцами Бурениными, сохраняет на своих стенах фрагменты циклов росписей, посвящённых темам чудес от Толгской иконы Божией Матери, и чудес святителей Николая Чудотворца и Иоанна Милостивого.

Ключевые слова: фрески; роспись; собор; Углич; интерьер.

Abstract. The Transfiguration Cathedral, in the city of Uglich, is painted by Timofey Medvedev's artel. It is unique in its completeness and preservation, a monument of Russian temple painting of the first half of the XIX century. The Epiphany Cathedral, with partially preserved murals created, presumably, by the Burenin painters, preserves on its walls fragments of cycles of murals dedicated to the themes of miracles from the Tolga Icon of the Mother of God, and the miracles of Saints Nicholas the Wonderworker and John the Merciful.

Key words: frescoes; painting; cathedral; Uglich; interior.

В XVIII в. в Угличе на смену деревянным постройкам, особенно в области религиозной архитектуры, приходит каменное строительство [7, с. 174].

На берегу величественной Волги появляется доминанта речного пейзажа, Спасо-Преображенский собор. Это бесстолпный храм с сомкнутым четырёхлестковым сводом, что обычно характерно для менее крупных сооружений. Зодчий, создававший углический храм, сумел продемонстрировать виртуозное владение строительной техникой, добившись простора и ясности интерьера собора, путем отказа от внутренних опорных столбов. Подобное решение ставит Спасо-Преображенский собор в один ряд с передовыми сооружениями своего времени.

Собор вписывается в пейзаж, романтично возвышаясь на берегу реки, но живописность его расположения таит в себе угрозу. Росписи XVIII в. гибнут во время наводнений. Последнее наводнение из нанесших наибольший урон фрескам, состоялось в 1719 г., что привело к обновлению стеной росписи артелью Тимофея Медведева в 1811 г. [1, с. 24].

Большинство опубликованных исследований, посвящённых Спасо-Преображенскому собору, и в особенности, иконостасу, написаны А. Н. Горсткой [1, с. 6–37], где он приводит цитаты из летописей, и кратко прослеживает историю храма от деревянной постройки, предположительно существовавшей на это месте, до завершённого в 1811 г. облика собора с росписями. Встречаются упоминания о Спасо-Преображенском соборе в книге об Угличе у Б. М. Кирикова [3, с. 40–41], где отмечается сильное воздействие на зрителя, производимое изображённой живописными средствами архитектурой. Б. М. Кириков называет её «нарисованной» [3, с. 41]. Отмечается виртуозность, которой Тимофей Медведев добился при изображении иллюзорных форм архитектуры. С. Е. Новиков [4, с. 29], тоже уделяет внимание в основном мастерски выписанной имитации архитектурных форм, превращающих плоскость стены в сложный, многогранный пир архитектурных форм. С. Пенкин сравнивает Спасо-Преображенский собор с «ренессансным палаццо» [5, с. 3], отмечая высокий уровень образования Тимофея Медведева, прекрасно знакомого с художественным наследием великих художников Возрождения. Основой, вероятнее всего, служили репродукции, подсвеченные акварелью. Именно с подобного образца списывалась главная композиция Спасо-Преображенского собора — «Преображение» (Мф. 17:1).

В интерьерах собора создаётся впечатление погружения в атмосферу возрожденческого или раннебарочного западноевропейского дворца, и можно сделать вывод о том, что Тимофей Медведев не повторял ранние росписи, а использовал зарубежные живописные образцы. Эту мысль подтверждает смелая копия мастера из Углича с картона «Преображения», снятая с картины, начатой Рафаэлем, и дописанной после смерти художника, его учеником, Джулио Романо, в 1522 г.

Для адаптации сюжета возрожденческого мастера к интерьеру православного храма, Тимофей Матвеев не стал переносить двух католических святых с заднего плана композиции «Преображения», сохранив остальной сюжет до мельчайших деталей. Рафаэль взял два события, разделённых по времени в Евангелии, и поместил их в единую, наполненную событиями и смыслами, притчу.

Мы видим в едином пространстве и спустившегося с горы Христа, и безутешного отца, молящего исцеления для бесноватого мальчика (Мф. 17:14–21).

В сводах, над центральной композицией, мы видим иллюстрации к сюжетам Сошествия Святого Духа, Апостолов Луку и Иоанна, Призвание Петра (Мф. 4:18–24) и Нагорную проповедь (Мф. 5:1).

Тимофей Медведев создал более пятидесяти композиций, иллюстрирующих сюжеты Ветхого и Нового Завета, а также роспись, имитирующую лепной декор Спасо-Преображенского храма.

Сцена Преображения изображена на северной стене, и вокруг неё выстраивается иллюстративное повествование, раскрывающее смысл центрального сюжета.

Так, в третьем регистре появляются воскрешение дочери Иаира (Мф. 9:25), и исцеление дочери хананеянки (Мф. 15:21–28).

Ниже, во втором регистре, где изображения получают скромное обрамление в виде простой квадратной рамы, появляются притчи. Та, что слева, повествует о брачном пире (Мф. 22:2), а правая композиция — это притча о талантах (Мф. 25:14–30).

В первом, нижнем регистре мы видим, заключённую в иллюзорную раму с арочным завершением, Вечерю в доме Симона прокаженного, сюжет, известный под названием «Христос и грешница» (Лк. 7:38).

Все композиции заключены в виртуозно проработанные иллюзорные рамы, выписанные с учётом правил перспективы. Мастерски переданы и фактуры материалов — белоснежных мраморных колонн, кажущихся объёмными благодаря академически точной работе со светотенью. Северная стена лишена окон, что позволило художнику внести мотив поэтажного ордера, для более четкой организации плоскости стены, и приближения размеров помещения к человеческим масштабам.

Тимофей Медведев выполнил росписи в традициях академической школы. Можно осмелиться предположить, что влияние манеры Рафаэля тоже могло иметь место. Интерьер Спасо-Преображенского собора пробуждает в воспоминаниях Станци. Можно увидеть сходство в организации пространства с помощью живописно изображенных рельефных рам, лепнины, и иллюзорной архитектуры.

Дополняют живописное убранство иллюзорные белофигурные рельефы на синем фоне. Они отсутствуют на северной стене, поскольку композиционная организация ее росписи имеет значительные отличия от западной и южной стен, где четко прослеживается регистровость, в которую хорошо вписываются оконные проёмы.

Под барабаном центральной главы расположены четыре масштабных сцены, заключённые в овальные иллюзорные рамы с мелкими кессонами, Ветхозаветная Троица, момент Богоявления при крещении Иисуса Христа, Рождество Христово и Воскресение Христово. Под ними, на мастерски написанных медальонах, размещены сюжеты Рождества Христова, Сошествия Святого Духа, Воскресения Христова и Вознесения Христова.

Пустое пространство художник заполнил тщательно выписанными живописными кессонами с небольшими розетками в виде цветка.

Похожий прием будет применен в церкви Царевича Дмитрия на Поле, где работали живописцы Буренины, что свидетельствует о сильном влиянии тех приемов, которые нашёл Тимофей Медведев, на живописцев, работавших позднее. Но той иллюзорности, доходящей до

обмана взора, когда вошедший под своды храма не может отличить роспись от реально существующих объемов, в церкви Царевича Дмитрия на Поле уже будет утрачена. Для Бурениных будет характерна тяжёлая, практически графичная тень, которая активно подчеркивает контур, и тем самым активно обнаруживает нарисованность той или иной детали. Не всегда учитывается толщина, которая должна присутствовать в архитектурном элементе, что, несомненно, показывает меньший уровень мастерства художника в изображении иллюзорной архитектуры. Сами фигуры библейских персонажей, и владение композицией, вновь указывает на академическую манеру, и использование западноевропейских образцов.

Кисти Бурениных приписывается и работа над росписями Богоявленского собора, входящего в комплекс построек Богоявленского женского монастыря города Углича.

В соборе Богоявления появляется важная для этого региона, тема чудес от Толгской иконы Божией Матери, небесной покровительницы Ярославля.

В 2017 г. храм был закрыт на реставрацию, работы ведутся и по сей день. Не все росписи можно однозначно интерпретировать даже после комплекса реставрационных мероприятий.

В центре сводов на куполе мы видим сцену Богоявления. Она читается после проведённых реставрационных работ.

На парусах сохранились следы изображений, которые можно условно обозначить как фигуры Евангелистов.

Над правым клиросом угадывается сцена коронования Божией Матери.

На паперти росписи на тему Страшного Суда, а на западной стене, над входом, прекрасно сохранившееся изображение ангела, поддерживающего плат, Спас Нерукотворный.

Остальные живописные композиции утрачены, либо почти не поддаются прочтению в силу слабой сохранности.

Храмовые росписи углических соборов представляют собой художественную и историческую ценность. Есть необходимость введения в научный оборот схем росписей соборов города Углича, поиск прототипов и образцов росписей. В таких храмах, как Спасо-Преображенский, и Богоявленский соборы, чувствуется работа живописцев столичного уровня, получивших художественное образование, и знакомых со многими шедеврами мировой живописи.

Список литературы

1. Горстка А. Н. Спасо-Преображенский собор в Угличе. М.: Северный паломник, 2002. 53 с.

2. Гурьева Ю. А., Иванова В. Н. Фрески как средство организации пространственной среды православных храмов // Актуальные проблемы монументального искусства: сб. науч. тр. / под ред. Д. О. Антипиной. СПб: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. С. 464–466.

3. Кириков Б. М. Углич. Л.: Изд-во Художник РСФСР, 1984. 208 с.

4. Новиков С. Е. Углич. Памятники архитектуры и искусства М.: Советская Россия, 1988. 191 с.

5. Пенкин С. Тимофей Медведев — Живописец // Авангард. 1985. 7 декабря. С. 3.

6. Ушаков А. Н. Угличский Богоявленский женский монастырь: 2-е изд., репринт. и дополн. Углич: УИХМ, 2003. 32 с.

7. Фон-Эдинг Б. Н. Ростов Великий. Углич: Памятники художественной старины. М.: Изд. Г. Кнебель, 1914. 200 с.

Орлова Дарья Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
Научный руководитель:
Назарова Мария Сергеевна, доц.

Формирование иконографии образа Шивы Натараджа в индийской религиозной скульптуре штата Тамилнад

The iconography formation of the image of Shiva Nataraja in the Indian religious sculpture of Tamil Nadu

Аннотация. В данной статье рассматриваются этапы формирования иконографии скульптуры Шивы Натараджа в индийском штате Тамилнад, и исследуется вопрос - какие факторы имели влияние на сложение данного скульптурного образа.

Ключевые слова: Шива Натарадж; скульптура; Тамилнад; мурти; древнеиндийское искусство; храмы.

Abstract. The article analyzes the periods of iconography formation of the image of dancing Shiva in the state of Tamil Nadu in southern India and address the issue of different factors to establish the origins of Nataraja cult.

Key words: Shiva Nataraja; sculpture; Tamil Nadu; murti; ancient Indian art; temples.

Иконография Шивы Натараджи складывалась из множества факторов. В рамках статьи были проанализированы: два исторических периода (Паллавский и Чольский), сборники древних текстов, каноны изображений.

Одним из основных изображений в индийской религиозной скульптуре является мурти — материальное изображение божества. Традиция создания антропоморфных скульптур активно развивалась с I по VI вв. [1, с. 380]. Данный вид скульптуры создавался по строго установленным канонам. Эта система представлена в шильпа-шастрах (*śilpa śāstra*, V–XII вв.) — сборнике древних индуистских трактатов посвященных описанию принципов и стандартов изображения в искусстве и ремеслах. Там же описываются каноны изображения мурти. Например, мурти делятся на 5 категорий:

Дхрува–бера (*dhruva-bera*) — мурти главного божества храма;

Каутукам–бера (*kautukam-bera*) — антропоморфные мурти для ритуалов поклонения;

Утсав–бера (*utsava-bera*) — праздничные мурти для храмовых процессий;

Снапана–бера (*snāpana-bera*) — мурти для праздничных омовений;

Бали-бера (bali-bera) — мурти для жертвоприношений второстепенным божествам [1, с. 387].

Божества могут изображаться в разных положениях. К примеру, Шиву изображают в позе стоя или сидя, так как он является воплощением вертикали. В вишнуитском культе к иконографии божества добавляется изображение его фигуры в лежащем или полулежащем положении.

Ключевое значение в создании мурти имеет соблюдение мастером всех предписаний, чтобы создать иконографический образ, который воплотит все качества и энергию божества в единое целое как воплощение высшего абсолюта. Поэтому основная задача воплотить бесформенное в форму. Основным трактатом для индийских скульпторов является Видьярнаватантра (Vidyarnavatāntra) из Вишну – дхармоттары – пураны (Visnudhamottara – purāna, I–II вв.) Рупамандана, где есть так называемая мурти – шастра – текст, описывающий основы иконографии индийской скульптуры [6, р. 47].

Строгое соотношение пропорций, наличие полноценной классификации различных существ и типов личностей, положение тела, соотношение его в пространстве, атрибутика каждого божества, его изображение в образе планет, соответствующий цвет — все эти описанные в шастре средства позволяют скульптору создать необходимый образ. Однако нужно отметить, что при атрибуции подобной скульптуры необходимо учитывать локальные традиции, влиявшие на иконографическое изображение (рис. 1:1).

Иконография Шивы Натараджи в южноиндийском штате Тамилнад базируется на идее исполнения божеством космического танца. В Натяшастре — трактате по театральному искусству и исполнению, описываются 108 видов танца Шивы (они изображены на го-пураме храма Чидамбарам, название которого можно перевести как «город божества космического танца»). Шива Натараджа в скульптурном исполнении изображен в момент исполнения танца создания, сохранения и разрушения. Он имеет четыре руки. Нижние руки — левая опущена, правая сложена в жесте бесстрашия. В двух верхних руках у божества находится барабан (правая) и пламя (левая). Левая нога поднята, а правая стоит на спине демона Муйалаки. Вокруг Шивы кольцо из языков пламени [8, р. 231]. Окончательно же иконография божества сложилась из следующих древнеиндуистских текстов: «Тирумандирам» (Тирумалар, VIII в.), «Тирувасахам» (Манникавасахар, IX в.) и «Унмей-Вилаккам» (Кадандар Дева Наянар, XIII в.) [2, с. 77].

Ранние изображения танцующего бога создавались из камня или дерева, поздние из бронзы. Последние представляют собой сформировавшийся канон иконографического образа Шивы Натараджи. Создавалась подобная скульптура в Чольский период (IX–XII вв.), так как тогда происходит сложение шиваитского культа как самостоятельного. В тот же период был возведен уникальный комплекс Панча Сабха

Стхалам – пять храмов, где по преданию Шива исполнил Космический танец: Храм Вада Аараньешварар (Тирувалангаду, Ченнаи), Храм Натараджар (Чидамбарам), Храм Минакши Амман (Мадурай), Храм Неллайаппар (Тирунелвели), Храм Кутраланатар (Курталам). Каждый из них соответствует одной из версий божественного танца Шивы. Короли Чоланаду были преданными шиваитами, поэтому культ Шивы выходит на первый план. 85% храмов, построенных в период их правления, были посвящены Шиве [7, р. 73]. А основной задачей стало создание единого центра поклонения Шиве и написания массивного корпуса текстов по шиваизму (VII – сер. IX вв.). Тогда происходит становление Чидамбарама как центра объединения всех смыслов, и были написаны поэтами бхакти – основные трактаты, повлиявшие на формирование иконографического образа Шивы Натараджи.

Главной находкой для Чольского правления были обнаруженные семь сборников гимнов «Панниру Тирумурей» – «Деварам», созданных тремя великими поэтами (VI – IX вв.). Во времена Чолов сборник был дополнен 60 дикшитарам, жрецами храма в Чидамбараме. В данном трактате нужно отметить «Тирумандирам» Тирумулара (Tirumurai X). На основе данного сборника было создано учение шайва – сиддханты ставшее впоследствии главным для последователей шиваизма. И в нём же появляется образ танцующего Шивы, в 8 разделе текста «Даршан божественного танца», где поэт Тирумудар обозначает, что везде это: и священная форма, и Шива-Шакти, и Чидамбарам, и божественный танец. Таким образом, он определил мистическое значение храма Чидамбарама [3, с. 147].

Создание каноничных религиозных текстов позволило дикшитарам укрепиться в связях с правительством, влиять на формирование канона и определять направление религиозной политики. Но также необходимо отметить их ключевую роль в сохранении тамильской иконографии Шивы Натараджи. В середине XII в. появляется и широко распространяется новый корпус ритуальных текстов «Шива-пурана», где предписывалось, что главным сакральным образом в храме может быть только шивалингам. Тем не менее, по мнению жрецов Чидамбарама, локальная древняя традиция поклонения Шиве Натарадже не могла быть устранена. Их своеобразным ответом был текст «Чидамбарарахасья», где элегантно была выстроена иерархия образов Шивы, которую они воплотили в основном святилище Чидамбарама Чит-сабху, визуализировав Шиву в трех сходных формах:

В иконическом мурти был представлен Шива Натараджа танцующий Ананда-гандаву;

Хрустальный лингам, представляющий Шиву как единство формы и не формы;

Янтра – золотая табличка, спрятанная за завесой в храме, где начертаны 5 священных слогов на-ма-ши-ва-йя, что воплощает в себе ис-

тинного Шиву, мистического и невидимого, познать которого может только достигший истинного знания.

Соответственно было сделано так, что лишь в Натарадже присутствует Шива, все остальные же образы не имеют иконологического значения и вносятся в святилище только во время проведения церемоний. Где лишь сам Натарадж наделяет их божественной энергией [4, р. 142].

В итоге, полученные данные позволяют определить Чольский период (IX–XIII вв.) как ключевой в формировании иконографии божества. Однако недавно исследователь Ш. Шринивасан провела радиоизотопный анализ 60 различных бронзовых древнеиндийских мурти из Государственного музея в Ченнаи, Британского музея, музея Виктории и Альберта показавший, что скульптурные изображения были созданы еще в Паллавский (IV–IX вв.) период. С помощью данного вида анализа доктор исследовала мурти танцующего Шивы из Куниюра (Государственный музей Ченнаи), что позволило определить время создания 875 г. [9, р. 444] (рис. 1:2). Отдельно профессор провела анализ изображения Натараджи из Курама (Британский музей) с помощью метода археометаллургической отпечатки расплава (archaeometallurgical fingerprints), и выявила датировку статуи временем правления Паллаво — 800-е гг., а не раннечольским периодом (850–1070 гг.) (рис. 1:3). Также исследовательница проанализировала высказывания поэтов – бхактов Аппара (VII в.) и Самбандара (VIII в.), которые упоминали в своих текстах и подобные изображения Шивы Натараджа в Чидамбараме, и участие данного мурти Шивы в проводившейся ежегодно праздничной процессии во время фестиваля Аштами в Чидамбараме. Видимо, эти образы были сделаны из дерева. И чтобы выяснить, когда произошел переход от дерева и глины к бронзе, Ш. Шринивасан взяла микрообразцы около 130 индийских статуй из музеев Британии и Индии и с помощью метода масс-спектрометрии выяснила, что переход на бронзовую скульптуру действительно произошел в паллавский период, а не в раннечольский, как утверждали многие исследователи, в основном ссылаясь на датировку, предложенную Д. Барреттом [5, р. 20]. И не так давно была найдена медная табличка из храма в Кураме о передаче металлического образа паллавскому королю Парамешвараварману I (630–668 гг.) [10].

В пользу того, что иконография формировалась в эпоху паллаво, говорят и скульптурные каменные изображения Шивы Натараджи в скальных храмах: Кайласантх (Эллора, штат Махараштра, индуистские пещеры VI–X вв.) (рис. 2:1), Элефанта (остров Элефанта, штат Махараштра, V в.) (рис. 2:3), Шри Стамбхешвара (Сиямангалам, штат Тируваннамалай, VII в.) (рис. 2:2).

На основании полученной информации можно сделать вывод, что формирование иконографии Шивы Натараджа в скульптуре происходило в южноиндийском штате Тамилнад с VI по X вв. И основными

факторами, повлиявшими на формирование образа танцующего Шивы, являются: создание текстов поэтам – бхакти «Панниру Тирумурей», где описывался образ Шивы. И период правления династии Чолов, когда культ Шивы становится главенствующим, Натарадж избирается главным божеством и как следствие, формируется полноценный храмовый комплекс Шивы Натараджи в Чидамбараме, являющийся центром объединения всех смыслов.

Список литературы

1. Андреева Е. М. История и культура индийского храма. Кн. I. Рождение храма. М.: Ганга, 2021. 640 с.
2. Вечерина О. П. «Унмей вилаккам» и формирование иконологии Шивы Натараджи в традиции шайва-сиддханты // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. 2019. № 14(1). С. 70–85.
3. Вечерина О. П. Место и значение «Тирумандирама» Тирумулара в традиции шайва-бхакти / отв. ред. и сост. С.В. Пахомов. СПб: Изд-во РХГА, 2018. С. 140–153.
4. Тюляев С. И. Искусство Индии. III-е тысячелетие до н. э. – VII в. н. э. М.: «Искусство», 1988. 344 с.
5. Barrett D. Early Chola Bronzes. Bombay: Bhulabhai Memorial Institute, 1965. 30 p.
6. Murti Dhyanam / ed. by S. Siromani. Swaminatha Sastri. Thanjavur, 1985. 150 p.
7. Orr L. Cholas, Pandyas, and ‘Imperial Temple Culture’ in Medieval Tamilnadu // *The Temple in South Asia* / ed. by A. Hardy. London: British Academy, 2007. P. 85–106.
8. Sivaramamurti C. Nataraja in Art, Thought and Literature. New Delhi: National Museum, 1974. 416 p.
9. Srinivasan Sh. Shiva as ‘Cosmic Dancer’: on Pallava Origins for the Nataraja Bronze // *World Archaeology*. 2004. vol. 36 (3). Special Issue on Archaeology of Hinduism. P. 432–450.
10. Srinivasan Sh. The Nataraja Bronze and Coomaraswamy’s Legacy // *Sahapedia: Article*. 26 May 2016. URL: <https://www.sahapedia.org/the-nataraja-bronze-and-coomaraswamys-legacy> (дата обращения: 15.10.2021).
11. Zvelebil H. R. Ananda-tandava of Śiva-Sadanrta — murti // *Institute of Asian Studies*. 1985. № 2. 425 p.

Приложение

Рис.1

1. Схема размеров для создания антропоморфных мурти.
2. Шива Натарадж. Ок. 800 г. Паллавский период. (Британский музей, Лондон) Радиотопный и археометаллургический анализ.
3. Шива Натарадж, Ок.875 г. Паллавский период. (Государственный музей, Ченнаи) Радиотопный анализ.

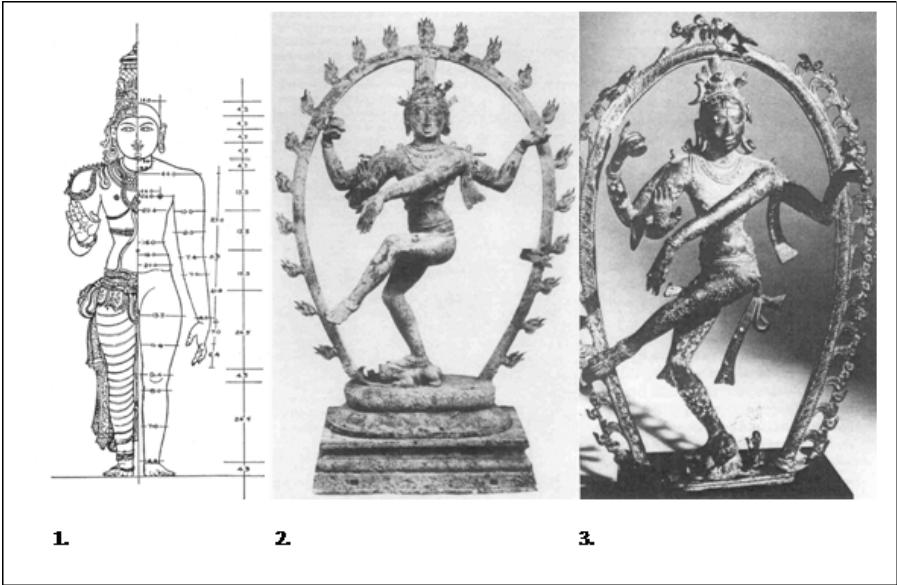

Рис.2

1. Танцующий Шива. VI–X вв. Храм Кайласантх (Эллора, штат Махараштра, индуистские пещеры).

2. Шива Натараджа. VII в. Храм Шри Стамбхешвара (Сиямангалам, штат Тируваннамалай).

3. Танцующий Шива. V в. Храм Элефанта (остров Элефанта, штат Махараштра).

**Елизаветинская политика роскоши: придворный костюм,
ограничения и гендерная стратегия. Проблема портрета как
источника**

**Elizabethan Luxury Politics: Court costume, restrictions, and gender
strategy. The problem of the portrait as a source**

Аннотация. В статье рассматривается проблема изображения костюма на женских портретах середины XVIII в. в контексте регламентирующих сферу роскоши указов императрицы Елизаветы Петровны. Задачей исследования является выявление несоответствий статуса портретируемой и ее украшений и платья, что позволяет определить слабые места портрета как источника по истории костюма. Также уделено внимание роли увлечения французской культурой и её влияния на придворную гендерную стратегию.

Ключевые слова: Елизавета Петровна; придворный костюм; гендер; XVIII в.; галломания; рококо.

Abstract. The article considers the problem of a costume depiction on female portraits of the middle of the XVIII century in the context of the decrees of Empress Elizabeth Petrovna regulating the sphere of luxury. The goal of the study is to identify inconsistencies between the status of the portrayed and her jewelry and dress, which allows to identify the weaknesses of the portrait as a source for the history of the costume. Attention is also paid to the role of Gallomania and its influence on the court gender strategy.

Key words: Elizabeth Petrovna; court costume; gender; Eighteenth century; Gallomania; rococo.

Как отмечает исследовательница костюма Б. Шапиро, русский придворный костюм XVIII в. как совокупность предметов материальной культуры представляет собой хорошо изученное поле, тогда как рассмотрение истории костюма с точки зрения антропологии или гендерных исследований началось в отечественной науке не так давно [8, с. 186]. Еще более узкую область представляет изучение костюма в искусствоведении, то есть костюма, изображенного на каком-либо художественном произведении и сообщающего определенный контекст времени своего создания. Конечно, потенциал запечатленных предметов гардероба в деле атрибуции произведений искусства уже отмечен, к примеру, Раисой Кирсановой [4].

В этой статье автор попытается на примере нескольких работ середины XVIII в. выделить некоторые исследовательские проблемы, с которыми приходится столкнуться при работе с живописным портретом как с источником по истории костюма. Дополнительную сложность сообщают обстоятельства, связанные с царствованием им-

ператрицы Елизаветы Петровны (1741–1761). Несмотря на широко тиражируемые свидетельства о необъятном гардеробе монархини в несколько тысяч платьев, подлинных костюмов Елизаветы сохранилось чрезвычайно мало. Какая-то часть погибла в пожарах, другая — была перешита или вовсе отдана в церковь или в театр, где ткани использовались для литургических облачений или сценических костюмов соответственно [5, с. 177–178].

Восемнадцатое столетие — без всякого сомнения время триумфа французской моды. Людовик XIV и следом Людовик XV задавали тон всей европейской аристократии, культивируя галантную, изящную роскошь праздной жизни элиты. Обилие кружев, драгоценного шитья и камней, вышивки, разнообразные цвета были характерны и для мужской, и для женской одежды, так что щеголи приобретали «феминный кукольный-неестественный вид» [9, с. 122]. Переменчивая мода стимулировала демонстративное избыточное потребление, и невероятно дорогие туалеты постоянно видоизменялись, чтобы подчеркнуть богатство и статус их обладателя. Елизавета Петровна, которую Петр мечтал выдать замуж за французского дофина, не избежала культурной галломании даже в условиях политического противостояния с Версалем [1, с. 6]. В елизаветинское время увлечение всем французским в основном ограничивалось бытовыми порядками, в особенности в рамках моды на внешний облик и манеры аристократии.

Исключительная внешняя красота Елизаветы воспевалась многими её современниками, и сама она предавала сохранению и подчеркиванию своей прелести большое значение [6, с. 13]. Прихотливая и игривая мода рококо невероятно шла монархине, которая обожала менять наряды. Приемы, маскарады, театрализованные празднества и театральные представления позволяли примерять разные образы; часто Елизавета Петровна появлялась переодетой в мужские костюмы, которые были ей очень к лицу. Действительно, обманчивая стилистика рокайля помогала вполне легитимно присваивать маскулинные образы, не теряя при этом безусловной женственности. Кроме того, императрица строго следила, чтобы никто не смел превзойти её в роскоши и очаровании.

Продолжая политику своего отца в области четкой регламентации ношения одежды и потребления предметов роскоши, вольно или невольно Елизавета Петровна охраняла собственное исключительное право на красоту. Конечно, жадность императрицы до модных новинок вплоть до запрета иноземцам продавать товар, не показав его сперва ей [2, с. 5], говорят в пользу первого. Но не стоит отрицать экономическую целесообразность указа от 1742 г., закреплявшего запрет на ношение и приобретение новых золотых и серебряных материй (в основном европейских) всеми, кроме чужестранцев и военных. Исключение было сделано только для представителей элиты, хотя все равно строго регла-

ментированное: «Однакож первых пяти классов, хотя и иностранных шелковых парчей только не свыше четырех рублей аршин, ливрею же тем первым пяти классам делать с шелковыми галунами, однако без золота и серебра. Шестому, седьмому и осьмому классу шелковые парчи носить не свыше трех рублей, а прочим же обретающимся в классах, и которые никаких рангов не имеют не свыше двух рублей, а женам шелковое платье носить по рангам мужей их. <...> Того ради отныне и кружева кроме первых пяти классов отнюдь никому не носить, а тем пяти классам кружева носить не свыше трех пальцев» [7].

Чуть позднее, в 1751 г., последовал еще один похожий указ: «Ее императорское величество изволила указать именным своего императорского величества указом объявить всем дамам, которые к высочайшему двору ее императорского величества приезд имеют, чтоб они на голове, на правой стороне, не имели ни какого убранства, а именно окромя одних буклов и отнюдь не втыкали б в волосы на оную правую сторону ничего как алмазов, так и цветов, но только б в одной левой стороне носили б убранства» [3]. Это постановление в гораздо большей мере продиктовано защитой особых прав Елизаветы как царственной особы, а не необходимостью ограничить невероятные траты на французские товары и стимулировать отечественную текстильную промышленность.

В этом плане особый интерес представляют портреты дам благородного происхождения, дающие шанс оценить степень применения этих ограничений в отраженной в живописи действительности.

Варвара Алексеевна Шереметева на портрете Георга Гроота 1746 г. (рис. 1) изображена в невероятно дорогом одеянии. Серебряная с орнаментом материя, каскад кружев на рукавах и по вырезу корсажа, бриллиантовый эгрет на левой стороне напудренной головы и цветы на правой практически затмевают саму графиню Шереметеву. Урожденная княжна Черкасская была замужем за графом, который принадлежал ко второму классу. Стоит отметить, что указ об украшениях прически появился спустя пять лет после создания произведения, поэтому цветы вполне простительны. Как будто подтверждая свои особые привилегии, Варвара придерживает ручкой знак с миниатюрным портретом императрицы Елизаветы, фрейлиной которой она являлась.

Гораздо более неоднозначен портрет Степаниды Яковлевой работы Ивана Вишнякова (рис. 2), выполненный после 1756 г. На момент написания портрета Степанида Степановна относилась к IX классу, так как ее муж, Михаил Яковлев, сын одного из крупнейших промышленников Саввы Яковлева, был титулярным советником [5, с. 175]. Прическа убрана в соответствии с указом 1751 г. — украшения расположены строго слева. «Однако ее придворное платье европейского покроя было шито из самого модного французского шелка, с затейливым узором в английском стиле, обильно затканым золочеными нитями» [5, с. 176].

Жена чиновника IX класса определенно одета слишком роскошно для её положения, не имея права и на пышные кружевные рукава. Здесь становится очевидна ещё одна проблема трактовки подобных портретов. Существовал ли изображенный убор в действительности или был домыслен живописцем? Было ли такое нарушение простительно в живописи, но не в реальной жизни? Наконец, насколько тесно подобные исключения из правил связаны с невероятно высоким (неофициальным) статусом и близостью к царице определенных фамилий?

Для сравнения стоит обратить внимание на портрет Марии Ивановны Татищевой (рис. 3), созданный Давидом Людгерсом в 1759 г. Молодая представительница московской аристократии не принадлежит к императорскому двору и замужем за военным III класса. Её однотонное светлое платье украшено контрастными красными лентами, на лифе — букетик цветов и тонкая полоска кружева. Кружевная отделка на рукавах благоразумно скрыта за рамой полотна и не привлекает к себе много внимания. Левая часть головы убрана цветами. То есть, на этом портрете бросающиеся в глаза правонарушения обнаружить не так просто.

Таким образом, живописные изображения дам елизаветинского времени оказываются весьма противоречивыми источниками, когда дело касается соблюдения регламентов о модной роскоши. Тем не менее, такие отклонения от нормы могут быть настоящим подарком для исследователя, желающего нащупать границу правоприменения императорских указов в случае живописи. Вопрос о нормативности тех или иных образов портретируемых, расходящихся с традиционной гендерной стратегией, всё так же требует куда более пристального внимания, но безусловно важен при рассмотрении произведений с точки зрения истории искусства.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Галломания при русском дворе XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] XXXVI: Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур: Избранные материалы конференции, состоявшейся 18–20 октября 2005 года в Государственном Эрмитаже. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 5–9.
2. Голдовский Г. Н. Портрет елизаветинской эпохи // Георг Христоф Гроот и елизаветинское время: альманах. Вып. 487 / [науч. ред. Г. Н. Голдовский]. СПб.: Palace Editions, 2016. С. 5–11.
3. Именные указы императрицы Елисаветы Петровны // Исторический вестник. 1880. № 10. С. 410–411.
4. Кирсанова Р. М. Портрет неизвестной в синем платье. М.: Кучково поле, 2017. 543 с.

5. Лехович Т. Н. «О неношении никому богатых платьев...»: что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 67: М. В. Ломоносов и елизаветинское время: материалы конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 169–180.

6. Маркина Л. А. Елизавету пел... // Георг Христоф Гроот и елизаветинское время: альманах. Вып. 487 / [науч. ред. Г. Н. Голдовский]. СПб.: Palace Editions, 2016. С. 13–19.

7. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. 11 (1740–1743). Именной указ № 8680. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 732–734.

8. Шапиро Б. Л. Границы маскулинности в русском военно-придворном костюме XVIII века: сукно против кружева // АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории. 2018. № 26. С. 180–206.

9. Шапиро Б. Л. Нарративная история придворной культуры XVII–XVIII вв.: мундир, белье и кружева // Ценности и смыслы. 2017. № 3 (49). С. 120–128.

Приложение

Рис. 1. Георг Христоф Гроот. Портрет графини В. А. Шереметевой. 1746 г. (Государственная Третьяковская галерея, Москва).

Рис. 2. Иван Вишняков. Портрет Степаниды Яковлевой. После 1756 г. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

Рис. 3. Давид Людерс. Портрет Марии Ивановны Татищевой. 1759 г. (Государственная Третьяковская галерея, Москва).

Минайленко Полина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Самарин Ярослав Владимирович, канд. полит. наук, ст. преподаватель

Репрезентация в кинематографе французских протестов 1968-го года

Representation in the cinema of the French protests of '1968

Аннотация. В данной статье рассматривается одно из наиболее экранизируемых политических событий XX в. – французские протесты 1968-ого года. Основной задачей является определение особенностей репрезентации данного события в определённый промежуток времени. Была введена периодизация изображения протестов в кино, а также определение причин появления тех или иных черт репрезентации в данных периодах.

Ключевые слова: Франция; протесты 1968 г.; репрезентация; кинематограф.

Abstract. This article examines one of the most filmed political events of the XX century – the French protests of 1968. The main task is to determine the features of the representation of this event in a certain period. The periodization of the image of protests in the cinema was introduced, and the reasons for the appearance of certain features of the representation in these periods were determined.

Keywords: France; protests of 1968; representation; cinematography.

Гражданские протесты были частым событием в истории XX в., но именно 1968 г. вошёл в мировую историю как протестный. Волнения имели место по всему миру, и часть из них повлияла на мировоззрение граждан не только в своих странах. Протесты во Франции, вошедшие в историю как «Красный май», стали объектом частого анализа у исследователей со всего мира. Мнения насчёт результатов события неоднозначны, но спустя время отрицать вклад «Красного мая» именно в социокультурную сферу общества не представляется возможным [3, с. 44].

Ещё до 1968 г. в западноевропейском обществе, особенно во Франции, чувствовался кризис давно сложившейся культурной парадигмы. Влияние на студентов левой идеи, критиковавшей общество потребления, и желание изменить основы общества, которые были заложены старшим поколением, стали ключевым фактором для начала протестов учеников французских университетов. Как отмечала одна из участниц событий 1968 г., французское общество было патриархальным: дети должны были беспрекословно подчиняться родителям; всеобъемлющие запреты на заводах и в школах также требовали исполнения, ограничивая молодое поколение [4].

Организация «National Public Radio» в 2018 г. заметила, что спустя 50 лет после протестов появилось множество произведений искусства, отражающих майские события [4]. Это обусловлено тем, что во Франции волнения 1968 г. формируют позитивную коллективную память [2, с. 119], что подтверждается опросами, где большинство французов положительно отзываются о «Красном мае» [4]. Отношение к французскому студенческому протесту можно проследить и через кино французских и западных режиссёров, поскольку именно кино, по мнению З. Кракауэра, способно делать невидимое заметным [1, с. 4].

Кино, затрагивающее 1968 г., можно разделить на несколько периодов на основе специфики показываемых событий. Первый период начинается с самого 1968 г. и продолжается до конца 1970-х гг. Второй период будет длиться с 1980-х гг. и до конца XX в. Последний будет затрагивать весь XXI в.

Одним из основных режиссёров первого периода был Жан-Люк Годар. Во время и после 1968 г. он надолго посвятил своё творчество идеям, транслировавшимся во время «Красного мая». Совместно с другими оппозиционными режиссёрами Годар снял документальный фильм «Cinétracts», представляющий собой хронику французских протестов 1968 г. Волнениям посвящён и «Фильм, как фильм», где постановочные кадры сменяются кадрами протестных улиц. Лица людей, рассказывающих о событиях 1968-ого, почти всё время закрыты — это сделано, чтобы показать безликость толпы: выходил на улицу не определённый студент или рабочий, а выходил каждый француз. «Весёлая наука» — фильм 1969 г., где два героя обсуждают революцию, методы, которыми капиталистические институты подавляют свободомыслящих граждан, длительное время был запрещен к показу из-за революционной пропаганды. В 1972 г. Годар и Жан-Пьер Горен сняли фильм «Всё в порядке», где остро поднимался рабочий вопрос и проводились параллели между «Красным маем» и событиями 1972 г. В фильме представлены капиталисты в лице администрации фабрики и сторонники левых идей — рабочие и семейная пара, которая только после майских протестов начинает интересоваться левым движением. Условия труда показаны таким образом, что зритель начинает понимать положение рабочих, а их изображение как обычных людей со своими желаниями и целями заставляет зрителя сопереживать им.

Швейцарский режиссёр Ален Таннер также участвовал в репрезентации 1968 г. в кинематографе. Художественный фильм 1976 г. «Йонас, которому будет 25 лет в 2000 году» повествует о бывших протестующих. Несмотря на то, что их требования и ожидания не были удовлетворены по итогу протестов, они не потеряли надежду на лучшее будущее. Сквозь весь фильм идёт заложенная режиссёром критика буржуазного общества, где одиночество людей, игнорирование проблем друг друга являются обычными явлениями. Французский фотограф и

режиссёр Уильям Кляйн в документальном фильме «Большие вечера и ранние утра» спустя 10 лет после майских событий воссоздал их хронику. Если Годар показывает жёсткие столкновения, то Кляйн делает акцент на дискуссиях и спорах протестующих, – он показал ненасильственную сторону «Красного мая». Конец фильма символично заканчивается на речи Де Голля, который после волнений так и не ушёл в отставку. Майские протесты также изображены в фильме «Побег» Жерара Ури. Волнения в данной картине находятся на заднем плане, но при этом подталкивают развитие событий. Ури с юмором показывает протестующих и буржуазию: первые настолько увлечены своей борьбой и идеями, что не обращают внимание на то, что вместо камней бросают в полицию золотые слитки, а вторые имеют базовые предметы быта от бренда Луи Виттон и едят на перекус омаров. При этом сам Ури не встаёт ни на чью позицию – он показывает анархию со всех её сторон.

Во второй обозначенный период произошёл упадок кино, где фигурировали события «Красного мая». Наиболее известными стали лишь картины Дианы Кюрис «Коктейль Молотова» и Луи Маля «Милу в мае». «Коктейль Молотова» вышел на экраны в 1980 г. и получил в основном негативные рецензии. Идея фильма состояла в том, чтобы передать атмосферу мая 1968-го через параллели чувств главных героев и протестующих в Париже, но в итоге идея была плохо реализована: многие мотивации героев не понятны и не все задуманные параллели были раскрыты. Однако, фильм всё же помогает прояснить настроения молодого поколения 1968 г. «Милу в мае» 1990-г. – более известное произведение. Режиссёр делает акцент не на столкновениях протестующих и полиции, а на отношении к протестам буржуазии. Как и Ури, Малья подходит к этому с юмором, но при этом точно передаёт настроения общества через членов семьи, о которой повествуется: все старшие члены боятся революции, боятся, что потеряют свой капитал, пока молодёжь спорит: одна часть поддерживает левые идеи и сама придаётся открытости и свободе, а другая отвечает, что и до протестов вполне была счастливой. Однако, когда им кажется, что протестующие уже близко с их домом, они все решают сбежать в лес с частью своего ценного имущества, чтобы переждать этот период. Неприиспособленность буржуазии к обыденной жизни показана здесь так же карикатурно, как и у Ури.

В XXI в. студенческие протесты 1968 г. стали основой сразу нескольких популярных фильмов. Один из самых известных фильмов о французских волнениях данного периода – «Мечтатели», снятый Бернардо Бертолуччи в 2003 г. Фильм только к концу переходит к освещению демонстраций «Красного мая», но на протяжении всего повествования герои переносят зрителя в романтизированный 68-ой своей атмосферой. Главные герои ищут свою собственную личность посредством дискуссий, искусства, кино, секса, и в конце, когда они выходят

на улицы, их революция не политическая – она сексуальная и культурная. «Постоянные любовники» 2005 г. режиссёра Филиппа Гарреля по своей атмосфере выглядят как ответ «Мечтателям». Здесь больше времени уделяется политической основе события и протестам, которые изображены жёстче. Кроме того, если Бертолуччи показывал эйфорию 1968 г., то Гаррель показал и её последствия: потеря ориентиров, уход от реальности посредством употребления наркотиков и чувство бессмысленности и беспомощности. В 2008 г. вышла картина «Рождённые в 68-м». Фильм повествует о группе студентов, на которых сильно повлияла идея существования коммуны, поэтому они переезжают во французскую провинцию. «Рождённые в 68-м» рассказывают об изменении сексуальных и культурных парадигм, а критика власти и её политики практически отсутствует, несмотря на то, что дискуссии об обществе потребления и сложившемся устройстве мира в фильме есть, – они больше имеют философский характер. В 2017 г. на экраны вышел фильм Мишеля Хазанавичуса «Молодой Годар». Фильм рассказывает о жизни Жан-Люка Годара во время «Красного мая». Картина показывает протесты и демонстрантов с их лозунгами, но всё это сделано комедийно и романтично, что не позволяет прочувствовать борьбу с режимом, как это показывал зрителю сам Годар.

Разделение на периоды было обусловлено не только временем создания фильмов: эти периоды характеризуются именно разным восприятием протестов. Фильмы первого выделенного нами периода, начавшегося во 1968 г., были похожи на хронику событий. Режиссёры, чьи воспоминания о демонстрациях были свежи, точно передавали настроения протестного общества: много экранного времени уделялось проблемам рабочих, обсуждению левых идей, жёстким столкновениям. Только к концу 1970-х гг. режиссёры начали снимать картины, где протесты и идеи демонстрантов хоть и имели место быть, но показывались менее серьёзно и реалистично. Во второй период наблюдался значительный упадок кино о «Красном мае». Протесты ушли на задний план, а основное экранное время отдавалось переживаниям героев и высмеиванию людских пороков. Это объясняется тем, что во французском обществе к 1980–1990 гг. идея протеста против правительства не стояла остро. Кроме того, в мировой системе наблюдались новые кризисы, на которые и обращали внимание деятели искусства. В последнее же время можно наблюдать увеличение количества фильмов о протестах 1968 г. Это объясняется медленно набирающими популярность некоторыми идеями левого движения на Западе [5] и популярностью темы свободы личности, которая затрагивалась во время «Красного мая». Поэтому протесты 1968 г. в третьем выделенном периоде показываются зрителю как время, когда молодёжь не была ограничена запретами и могла быть раскрепощённой. Из последних произведений только Гаррель пытается показать хаотичность 1968 г., но и он это делает с особой долей романтизации, тем самым попадая в современный

тренд репрезентации фильмов про французские протесты. Акцент на рабочем классе в современных фильмах практически отсутствует, что удивительно, учитывая популярность 1968 г. во Франции именно среди профсоюзных активистов [6].

Список литературы

1. Кракауэр З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М.: Искусство, 1974. 238 с.

2. Фадеева Т. М. Европа — 1968: 50 лет спустя (по материалам журнала «The American historical review») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2020. № 3. С. 109–120.

3. Шубин А. В. «Красный май»: что это было? // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 4. С. 28–45.

4. Beardsley E. In France, The Protests Of May 1968 Reverberate Today – And Still Divide The French // NPR. 2018.

5. Gallup. Support government inches not socialism. URL: <https://news.gallup.com/poll/268295/support-government-inches-not-socialism.aspx> (дата обращения 04.11.2021).

6. Rose M. French mood far from revolutionary despite lingering May '68 spirit. // Reuters, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-reform-protests-idUSKBN1HK280> (дата обращения 04.11.2021).

Еременко Илья Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Самарин Ярослав Владимирович, канд. полит. наук, ст. преподаватель

Трансформация дискурса фильмов про Вьетнамскую войну в кинематографе США

Transformation of the discourse of films about the Vietnam War in the cinema of the USA

Аннотация. В данной статье рассматривается один из самых популярных сюжетов военных фильмов американского кинематографа — война во Вьетнаме. Основной задачей является выделение ключевых черт в традиции изображении данного сюжета и выявление причин трансформации этих черт с течением времени на основании теории кино З. Кракауэра и Д. Прокопа.

Ключевые слова: Вьетнамская война; кинематограф США; теория кино.

Abstract. This article studies one of the most popular plots of war films of American cinema — the Vietnam War. The main task is to identify the key features in the traditional depiction of this plot and to identify the reasons for the transformation of these features over time on the basis of the film theory of S. Kracauer and D. Prokop.

Key words: Vietnam War; US cinema; film theory.

Появившись на свет в 1895 г., кинематограф довольно скоро привлёк к себе внимание не только со стороны широких народных масс, но и со стороны истеблишмента, обеспокоенного потенциалом нового народного развлечения. Как самое социальное из искусств кинематограф уже на ранней стадии своего развития стал касаться остросоциальных сюжетов из жизни низших слоёв, которые являлись его основной аудиторией. Этот аспект не мог в скором времени не привлечь к феномену кинематографа и его социальной функциональности внимание научного сообщества, которое с начала XX в. изучает проблему структурного соотношения между реальностью и кинематографом, а также, в более широком плане, его социальную функцию и политическую обусловленность.

Одним из мыслителей, попытавшихся ответить на эти вопросы, был Зигфрид Кракауэр — немецкий социолог, заложивший основы социологии кино. В своих работах исследователь стремился к поиску механизмов взаимовлияния между кинематографической и социально-психологической реальностью. Его основной тезис, на котором строилась вся научная концепция, представленная им в его самом известном труде «От Калигари до Гитлера: Психологическая история не-

мецкого кино», заключался в следующем: «Национальное кино отражает психологию своего народа более прямым путём, нежели другие искусства» [3, с. 14]. Данное утверждение Кракауэр выводит из двух ключевых особенностей, присущих кинофильму: коллективного характера производства и его массовой направленности. Позже Кракауэр развил свою теорию, прояснив многие положения своей психологической концепции кино в труде «Природа фильма. Реабилитация физической реальности».

Среди наиболее значимых последователей Кракауэра особенно стоит выделить немецкого исследователя Дитера Прокопа. В своей фундаментальной монографии «Социология фильма» Прокоп, с одной стороны, соглашается с Кракауэром и рассматривает кинофильм как средство артикуляции и удовлетворения запросов реципиентов, то есть отражение их коллективной психологии, из которой вытекает социальный облик общества [7, с. 131; 2, с. 473]. Однако ключевым фактором, по мнению Прокопа, определяющим функциональность киноискусства и характер его отношения к реальности, является социальный контекст, включающий в себя политику, экономику, форму кинорынка и т. д. [7, с. 132; 2, с. 78]. Особое внимание исследователь уделяет форме кинорынка, выделяя в истории американской кинематографии следующие её типы: полиполия, олигополия, национальная монополия и глобальная монополия. По Прокопу, именно от формы кинорынка зависит степень художественной автономии кинематографистов и вытекающая из неё возможность артикуляции опыта участников кинокоммуникации [2, с. 83]. Исходя из этого, важнейшим событием в истории американского кинематографа можно назвать принятие в 1930 г. Кодекса Хейса, ознаменовавшего переход к монополизированному кинорынку и сворачиванию художественной автономии, однако и в таких условиях исследователь видит возможность для артикуляции общественного опыта, так как в рамках «структурного принуждения» художник-режиссёр в силу гибкости творчества остаётся в состоянии иносказательно проявлять свою и общественную волю [2, с. 92], что особенно ярко можно увидеть на примере фильмов о войне во Вьетнаме.

Рассматривая развитие темы Вьетнамской войны в национальном кинематографе США, можно, с одной стороны, отчётливо увидеть внутренние процессы, происходящие в кинопроизводстве США, а с другой, проследить трансформацию образа самой войны в общественном сознании американцев.

С 1965 г., когда американские войска официально начали вести боевые действия на территории Вьетнама, и вплоть до начала 1970-х гг. в американском кинематографе было «затишье», связанное прежде всего с существующей во времена «Золотого века» Голливуда студийной системой и Кодексом Хейса, из которых складывался непродолимый барьер для свободного творчества режиссёров. Ярко этот пе-

риод иллюстрирует фильм 1968 г. «Зелёные береты», снятый Джоном Уэйном. Содержательно данная картина являлась проправительственной пропагандой, поскольку была призвана продемонстрировать необходимость американского присутствия во Вьетнаме, героизм американских солдат, сражающихся против коммунистической угрозы, а также их благие намерения по отношению к гражданскому населению Вьетнама [5, с. 164]. Несмотря на это, общественная реакция была прямо противоположной: кинокритики вслед за простыми зрителями выразили своё недовольство подобного рода милитаристской кинокартиной в самый разгар войны и антивоенного движения внутри страны [6, с. 28].

Рубежной датой в кинематографическом осмыслении войны во Вьетнаме можно назвать 1970 г., когда в сфере кинопроизводства начал полноценно утверждаться Новый Голливуд, открывший дорогу в кинотеатры фильмам молодых выпускников киноколледжей, которым давалась относительная творческая свобода. С этого года на экранах всё чаще стали появляться антивоенные драмы и чёрные комедии, деромантизирующие милитаристские идеалы официальной пропаганды. Тем не менее, режиссёры всё ещё не могли открыто демонстрировать войну во Вьетнаме, поэтому им приходилось работать иносказательно, на материале других войн, в которых участвовала Америка [5, с. 165]. Среди такого рода картин самыми яркими являлись: «Военно-полевой госпиталь М. Э. Ш.» Роберта Олтмена, «Уловка–22» Майка Николса, «Паттон» Франклина Шеффнера и «Джонни взял ружьё» Далтона Трамбо. Помимо именно военных фильмов, тема Вьетнама так или иначе мелькала во многих картинах того времени. Распространённым сценарным элементом стал уход одного из героев на войну, хотя, как и в военных фильмах, напрямую Вьетнам не назывался, а его место занимала, например, Вторая мировая или Корейская война, как в случае с фильмами «Лето 42-го» Роберта Маллигана и «Последний киносеанс» Питера Богдановича.

Следующий этап наступил после подписания в 1973 г. Парижского мирного соглашения, фактически означавшего поражение США в войне во Вьетнаме. С этого момента в американском обществе стал развиваться так называемый «вьетнамский синдром» — одна из ключевых «болезней» американского общества второй половины XX в., следы которой окончательно не изгладились в массовом сознании граждан США по сей день. Именно «вьетнамский синдром» до конца десятилетия становится центральной темой фильмов, тем или иным образом осмысляющих войну во Вьетнаме, о которой теперь режиссёры могли говорить открыто. В их фокусе прежде всего то деформирующее и деструктивное влияние, которое оказывает война на человека и возможность его возвращения в общество [6, с. 28; 5, с. 165]. Самыми знаковыми кинокартинами в этом отношении являются «Таксист» Мартина

Скорсезе, «Охотник на оленей» Майкла Чимино и «Апокалипсис сегодня» Фрэнсиса Форда Coppолы. Их герои — это люди, которые прошли через Вьетнам, но не смогли оправиться от психологических травм, нанесённых им ужасами войны. Кто-то из них, как протагонист «Таксиста» или герои менее известного фильма «Открытый сезон» снова начинают убивать, но уже вернувшись на родину, а кто-то, как некоторые персонажи «Апокалипсиса сегодня» или «Охотника на оленей», более не находя себе места в мирной жизни, решают навсегда остаться во Вьетнаме.

В дальнейшем тема деструктивности Вьетнамской войны была продолжена и раскрыта в таких фильмах как «Рэмбо: первая кровь» Тедда Котчедфа, «Цельнометаллическая оболочка» Стэнли Кубрика, «Лестница Иакова» Эдриана Лайна, а также во «вьетнамской трилогии» Оливера Стоуна. Все эти картины с той или иной стороны рассматривали проблему разрушительного влияния войны на сознание молодых людей, оказавшихся по воле правительства во вьетнамских джунглях, проблему потерянности и отщепенства ветеранов, вернувшихся с неё, а также проблему совершенной бессмысленности и жестокости самого конфликта в Юго-Восточной Азии. Это свидетельствует об окончательно устоявшемся в американском общественном сознании образе данной войны как символу государственного произвола, о победе логики медийного дискурса над официально-государственной пропагандой [1, с. 201].

Особенно ярко эта тенденция видна в картинах последних лет, которые используют события времен войны во Вьетнаме для осмысления нынешней социально-политической ситуации в Америке, которая характеризуется схожими явлениями кризиса доверия правительству и правоохранительным органам, нагнетанием расовых противоречий в обществе, массовыми протестами и подъёмом ряда левых идей [8]. В таких фильмах как «Суд над чикагской семёркой» Аарона Соркина и «Пятеро одной крови» Спайка Ли режиссёры смещают акцент с боевых действий на более актуальные проблемы жестоких подавлений антивоенных протестов, самоуправления судей и расизма. В одной из сцен своей картины Соркин метафорически демонстрирует параллель между событиями 1968 г. и американской рабочей демонстрацией на Хеймаркет-сквер 1886 г., проводя таким образом линию преемственности до последних событий современной Америки, ставших очередным витком борьбы американского народа за свои права [4, с. 59].

Таким образом, кинематографическая репрезентация Вьетнамской войны в полной мере отразила целый комплекс общественных процессов, происходящих в американском обществе со второй половины 1960-х гг. до наших дней: от внутренней перестройки законов кинопроизводства до динамики восприятия самого феномена войны во Вьетнаме американской общественностью.

Список литературы

1. Авдони́на Н. С. Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 1. С. 197–206.
2. Жабский М. И. Социология кино. М.: Канон-плюс, 2020. 511 с.
3. Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера. М.: Искусство, 1977. 320 с.
4. Луговой С. В борьбе обретете вы право свое // Искусство кино. 2020. № 11/12. С. 53–61.
5. На экране Америка: сборник статей. / Пер. с англ.; под ред. И. Е. Кокарева. М.: Прогресс, 1978. 472 с.
6. Ромашин М. И. Отношение американского общества к Вьетнамской войне через призму кинематографа 1960-1970-х гг. // Время науки. 2016. № 4. С. 23–35.
7. Симчера К. В., Кочегарова Г. В. Социология киноискусства: Д. Прокоп, З. Кракауэр // Социологические исследования. 1993. № 11. С. 131–137.
8. Jones J., Saad L. U. S. Support for More Government Inches Up, but Not for Socialism. URL: <https://news.gallup.com/poll/268295/support-government-inches-not-socialism.aspx> (дата обращения: 01.11.2021).

Уварова Анжелика Вадимовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Веселов Федор Никитович, канд. ист. наук, доц.

Историческая память и ее отражение в экспозициях исторических музеев на примере музейного комплекса «Зоя»

Historical memory and its reflection in the expositions of historical museums on the example of the museum complex «Zoya»

Аннотация: В статье раскрыто понятие термина «историческая память» и его роль в формировании государства, развития посредством использования экспозиции музеев исторического профиля. На примере музейного комплекса «Зоя», открытого в мае 2020 г. в подмосковной деревне «Петрищево», в статье раскрываются основные тенденции и проблемы формирования музеев, посвященных Великой Отечественной войне в Российской Федерации в начале XXI в.

Ключевые слова: историческая память; музейный комплекс «Зоя»; исторические музеи; экспозиция исторических музеев.

Abstract: The article reveals the concept of the term «historical memory» and its role in the formation of the state, development through the use of the exposition of museums of historical profile. Using the example of the Zoya museum complex, opened in May 2020 in the village of Petrishchevo near Moscow, the article reveals the main trends and problems of the formation of museums dedicated to the Great Patriotic War in the Russian Federation at the beginning of the XXI century.

Key words: historical memory; museum complex «Zoya»; historical museums; exhibition of the historical museums.

Образы памяти фрагментарны и неустойчивы. Их закрепление в обществе связано с мнемоническими местами, местами памяти. В Российской музейной энциклопедии данному термину соответствует следующее определение: «территория, связанная с историческими событиями, именами выдающихся деятелей или же место, на котором находился утраченный памятник истории и культуры» [4]. Такие места служат актам коммеморации, которые осуществляются путём актуализации событий и персоналий прошлого в контексте современности.

Индивиду доступно два типа памяти: личная и коллективная. Они взаимосвязаны, зачастую могут проникать друг в друга, уточнять те или иные воспоминания. Однако, как отмечал создатель теории исторической памяти, социолог Морис Хальбвакс, коллективная память «развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием лич-

ности» [7]. Историческая память — коллективная память, присущая отдельным социальным группам, общностям, этносам. Вариантов исторической памяти множество. В отличие от истории, которой присуще стремление к универсальности, преодолению идеологичности в ее изложении, историческая память «стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю мысли ее группы» [7]. Через неё человек осознаёт своё место в исторической перспективе посредством обращения к собственным корням, осознания бесконечности жизни. Кроме того, интерес к собственному прошлому является показателем заинтересованности не только собственной судьбой, но и будущим своей страны. История циклична, а созидание чувств и мыслей, вызванных событиями прошлого, может побудить стремление к тому, чтобы предотвратить их или, наоборот, повторить. Таким образом, историческая память является «не простой суммой или набором воспоминаний, а коллективным «культурным произведением», посредством которого события и образы прошлого воспроизводятся и транслируются от одного поколения к другому» [2, с. 14–15].

Самыми удачными локациями для возрождения исторической памяти в таких случаях становятся музеи исторического профиля и военно-исторические музеи, в частности. В России военно-исторические музеи изначально формировались с целью увековечивания «славных побед», путём сбора реликвийного и трофейного орудия. Впоследствии они приобрели значение учебных музеев, но патриотическое воспитание по-прежнему оставалось их главной задачей. Проследив особенности формирования их собраний и устройства экспозиций, военно-исторические музеи можно охарактеризовать как живую иллюстрацию множественности исторической памяти, так как при отражении в экспозиции того или иного исторического периода используются орудия, холодное и огнестрельное оружие, знамёна, предметы обмундирования и снаряжения.

При грамотной работе экспозиционера все предметы будут выстраивать единую линию повествования, устанавливая диалог с посетителем, вызывать у него чувство сопричастности. Находя таким способом свое место в истории, человек начинает задумываться над решением проблем настоящего с целью обеспечения достойного будущего не только для себя, но и для окружающих. Таким образом, будет происходить развитие исторической памяти и достигаться задача, возложенная государством на музеи.

В последние годы в российском обществе наблюдается значительный интерес к истории, определению собственной национальной идентичности. Создается большое количество музеев, ставящих своей задачей воспитание патриотического духа граждан страны через обращение к «славным страницам прошлого». Наиболее актуальной темой для них являются события и личности, связанные с Великой

Отечественной войной, так как это период военной истории наиболее понятен и близок практически для каждого гражданина. Все чаще создаются или трансформируются мемориальные музеи, посвященные конкретному герою данного события. Однако при их организации, разработчики, стремясь к возрождению исторической памяти у каждого посетителя, забывают о необходимости отражения и негативных сторон, что также необходимо для получения доверия посетителя к тому, что он видит, наиболее полному погружению в историческую картину. И тут уже перед экспозиционерами встает вопрос о соблюдении баланса, не очернении истории, не создании новых мифов.

Для российских музеев этот вопрос наиболее актуален. Тема Второй Мировой и Великой Отечественной войн — одна из самых неоднозначных в виду того, что в 1990-е гг. шло переосмысление этого периода, его нарочная негативизация. В стремлении «очернить» деятельность советской власти производилась дегероизация людей и событий того времени. Под данным термином понимается сознательный отход от героического пафоса и героических образов в художественном творчестве и шире в постоянно иницируемых социальных практиках, навязываемых всему обществу [5, с. 223]. Это явление нельзя оценивать лишь с негативной стороны. Например, с рассекречиванием архивных документов партии появилась благодатная почва для полноценных исследований в области истории, позволяющих дать объективную оценку событий. В музейной среде это означало некоторую свободу в определении концепции дальнейшего развития. Однако на проблеме исторической памяти процесс переосмысления событий советской истории и Великой Отечественной войны, в частности, отразился крайне негативно, так как в некоторой мере была прервана связь поколений. «Именно на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. происходит резкая интенсификация процесса институционализации политики памяти в России, которая до тех пор явно отставала в этой сфере от большинства своих соседей» [1, с. 213.]. Одним из ее механизмов стали музеи исторического профиля. В последние годы все чаще происходит открытие новых или реэкспонирование старых музеев, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Как уже говорилось ранее, данный период наиболее близок гражданам России на эмоциональном уровне. Поэтому кураторы, перед которыми была поставлена задача восстановления исторической памяти, выбирают именно этот исторический контекст для построения экспозиции.

Ярким примером является музейный комплекс «Зоя», открывшийся в мае 2020 г. в деревне Петрищево. Его экспозиция посвящена первой женщине-Герою Советского Союза Зое Космодемьянской и событиям того времени, в которое она жила. В состав комплекса входит само музейное здание, дом Кулика, где Зоя провела последнюю ночь перед казнью и где с 1956 г. располагался старый мемориальный музей,

место казни и место первого захоронения. Стоит отметить, что здание нового музея спроектировано таким образом, что музейный посетитель, переходя из зала в зал, может из окон видеть остальные части комплекса.

Данный музейный комплекс, по словам его создателей, образец современного военного мемориального музея. Директор музея Марина Роменская описывает его следующим образом: «Это – живой музей, который будет сам рассказывать свою историю <...> На понятном современному поколению языке. С погружением, иммерсивностью <...>. Мы пытались задействовать все органы восприятия: зрение, слух, тактильные ощущения, даже обоняние. По современным технологиям так, как это актуально на сегодняшний день для молодежи» [3]. Его концепция направлена на максимальное погружение зрителя в отраженные в его экспозиции события, воздействие на все органы чувств посетителя с целью проживания им увиденного при посещении музея. Разработчики стремятся не только к постижению прошлого, они заинтересованы и в работе с настоящим. В последнем зале, где представлены списки Героев Советского Союза, каждый желающий может записать историю своей семьи, тем самым зафиксировав ее в качестве экспоната в фондах музея. П. Томпсон говорил: «История семьи в особенности способна придать человеку сильное ощущение бесконечности жизни, над которой не властна даже смерть» [6, с. 15].

Однако новый музейный комплекс при изучении его деятельности вызывает ряд вопросов. Главный из них – какова судьба экспонатов дома Кулика, не вошедших в экспозицию нового музея? Об открытии музея в старом здании вновь администрация комплекса не упоминает в своих планах, что вызывает опасение, как за сохранность предметов, являвшихся свидетелями последних часов жизни Зои Космодемьянской, так и за сохранность дома Кулика, не являющегося на данный момент ключевым объектом нового пространства.

Таким образом, музейный комплекс «Зоя» является отражением тенденций решения проблемы исторической памяти в музейной экспозиции. Задача его сотрудников состоит в том, чтобы посредством современного языка «вылечить» выросшее на мифах и фальсификациях фактов поколение. Однако отсутствие ответа на вопрос о судьбе бывшего музейного пространства и его экспонатов вводит некоторое противоречие, так как стремясь сохранить историческую память путем создания нового, аттрактивного для большего числа посетителей пространства подлинные свидетели истории уходят на второй план.

Список литературы

1. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое/ The New Past. 2020. № 1. С. 210–217.

2. Мокроусова Е. А. Исторический подход к проблеме памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. С. 14–15.

3. Новоселова Е. Живые и мертвые. На каком языке нужно говорить с молодыми о подвиге. URL: <https://rg.ru/2020/11/29/na-kakom-iazyke-nuzhno-govorit-s-molodymi-o-podvige.html> (дата обращения: 30.10.2021).

4. Памятное место // Словарь музейных терминов. URL: <http://museum.ru/rme/dictionary.asp?17> (дата обращения: 30.10.2021).

5. Смирнов С. Ю. Технологии дегероизации в сознании российского общества // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 3. № 4. С. 222–226.

6. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 30.10.2021).

Ткачев Виталий Викторович
Иркутский государственный университет
Научный руководитель:
Шахеров Вадим Петрович, д-р ист. наук, проф.

**Деятельность М. Д. Бутина (1835–1907) в формировании
художественного пространства Забайкалья во второй половине
XIX–начале XX вв.**

**The activities of M. D. Butina (1835–1907) in the formation of the
artistic space of Transbaikalia in the second half of the XIX–early
XX centuries**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность М. Д. Бутина (1835–1907) в формировании художественного пространства Забайкалья во второй половине XIX– начале XX вв. Представлена история формирования собрания предметов искусства М. Д. Бутина в Нерчинске. Определено место и значение коллекции иркутского и нерчинского купца в художественном пространстве городов Забайкальской области.

Ключевые слова: История Сибири; художественная жизнь; городское общество; М. Д. Бутин.

Abstract. The article examines the activities of M. D. Butin (1835–1907) in the formation of the artistic space of Transbaikalia in the second half of the XIX–early XX centuries. The history of the formation of the collection of art objects of M. D. Butin in Nerchinsk is presented. The place and significance of the collection of the Irkutsk and Nerchinsk merchants in the artistic space of the cities of the Trans-Baikal region are determined.

Keywords: History of Siberia; artistic life; urban society; M. D. Butin.

В современной исторической науке особое внимание отведено в изучении жизни и деятельности творческих людей, представителей купеческих династий, которые занимались общественной деятельностью. Формирование их интересов к актуальным и важным темам необходимо раскрывать в более подробном исследовании, так как всё это влияет на развитие интеллектуальной среды. Историками было замечено то, что в городах Байкальской Сибири создаются благоприятные условия для формирования культурного пространства: увеличивается численность населения, развиваются торговые отношения с другими регионами и т. д. Важное место в организации просветительских мероприятий занимала деятельность общественных организаций [3, с. 15].

Во второй половине XIX–начале XX вв. создаются объединения, которые проводили разные выставки: Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, Общество распространения народного образования и народных развлече-

ний в Иркутской губернии, Общество любителей музыки и литературы, Иркутское общество художников и т. д. [7, с. 21; 8, с. 10]. Научную и просветительскую работу общественных организаций Байкальской Сибири поддерживал М. Д. Бутин. Он собирал предметы искусства, книги и другие материалы, которые послужили основой для формирования в Забайкальском регионе художественного пространства. Также Михаил Дмитриевич поддерживал и художников. В результате такой работы создавались благоприятные условия для творческого роста мастеров и приобщения жителей Забайкалья к искусству [4, с. 18].

Жизнь и деятельность М. Д. Бутина изучали многие сибирские исследователи. В научных трудах В. П. Шахерова, Н. И. Гавриловой, О. В. Пешкова и многих других рассматривается экономическая сторона деятельности нерчинского и иркутского купца, история торгового дома «Братьев Бутиных», но о его коллекции живописи сообщается мало [2; 9]. В 2006 г. выходит монография О. В. Ушаковой, где впервые во всех подробностях был представлен духовный, культурный рост Михаила Дмитриевича, его влияние на общественную жизнь Забайкалья второй половины XIX – начала XX вв. [6, с. 42]. Историк рассматривает особенности формирования коллекции купца в Нерчинске, но о том, какие предметы были представлены в этом собрании сложно проследить. В исследовании отмечается то, что многие материалы по отдельным сюжетам утрачены, поэтому возникают затруднения при восстановлении исторических событий. Таким образом, сибирские исследователи представили жизнь и деятельность М. Д. Бутина, историю «торгового дома «Братьев Бутиных» в своих трудах. Однако в современной исторической науке не существует работ о том, каким образом коллекция Михаила Дмитриевича влияла на формирование художественного пространства Забайкалья во второй половине XIX–начале XX вв.

В данном исследовании используются материалы фонда Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО) (ГАИО. Ф. 293), входящего в состав Государственного архива Иркутской области. В фонде сохранились учредительные и сопроводительные документы общественной организаций, афиши, объявления, статьи, заметки по разным художественным мероприятиям, которые проводились в городах Байкальской Сибири.

Бутин Михаил Дмитриевич (1835–1907) — нерчинский и иркутский купец 1-й гильдии, коммерции советник, известный общественный деятель, с 1870 г. член ВСОИРГО. Михаил Дмитриевич родился в семье нерчинского купца 3-й гильдии Дмитрия Михайловича. Предпринимательской деятельностью начал заниматься вместе с братом Николаем в качестве приказчика в фирме крупнейших забайкальских купцов Кандиных. В 1866 г. выступил в качестве соучредителя открытого в Нерчинске «Торгового дома братьев Бутиных», развернувшего широкие операции по торговле хлебом, вином и мануфак-

турными товарами. Братьям принадлежали Николаевский (1872–1896) и Лучихинский (1892–1896) металлургические заводы, три винокуренных и один солеваренный завод, около 50 золотых приисков в Забайкальской, Амурской и Приморской областях, паровые суда на Амуре, Ангаре, Селенге. В 1872 г. организовал поездку в США, где посетил Нью-Йорк, Джорж-Таун, Чикаго, Сакраменто, Сан-Франциско, Вашингтон, штат Колорадо.

Семья М. Д. Бутина проживала в богатом каменном доме, расположенном на центральной улице Нерчинска. Сооружение этого здания началось в середине 1860-х гг. на бывшей территории усадьбы протоирея Кирилла Суханова. Во дворце М. Д. Бутина мавританского стиля размещалось большое собрание живописи, скульптуры, книг (библиотека насчитывала 25-30 тыс. томов), минералов, монет. Картины в большинстве были привезены из Франции. Частично поступили и от иркутского купца Н. Н. Пежемского (русские и иностранные монеты, большое количество минералов, окаменелостей, раковин и старинных вещей). Рассматривая старые фотографии комнат дворца, можно заметить, что в коллекции находились портреты, пейзажи, натюрморты. Так в собрании хранился портрет Марии Александровны Бутиной, работа художника Н. Е. Маковского, портрет Петра I, изображение Иисуса Христа и Девы Марии и т. д. Данная коллекция послужила основой для создания в 1886 г. общественной библиотеки и публичного музея в Нерчинске. В 1930-е гг. предметы краеведческого музея были выброшены в сарай и в другие, не пригодные для хранения, места бывшим председателем городского совета М. Ф. Пастуховым по причине смены власти в регионе. Часть картин и ваз удалось сохранить при передаче в Читинский областной краеведческий музей им. А. К. Кузнецова.

М. Д. Бутин выделял большие деньги на экспедиции в Сибири, Китай, Монголию, в которых принимали участие сибирские художники. Так в одной экспедиции участвовал нерчинский художник Прокопий Николаевич Рязанцев. Он создал работу «Благословение Шеретуя», портреты жителей населённых пунктов: Нерчинска, Кяхты, Благовещенска. Большие средства поступали от М. Д. Бутина для научной и просветительской деятельности ВСОИРГО [5].

В результате анализа документов Государственного архива Иркутской области было выявлено то, что ВСОИРГО организовывало следующие художественные мероприятия во второй половине XIX–начале XX вв.: сельскохозяйственная выставка в Иркутске в 1868 г., антропологическая выставка в Москве в 1879 г., всемирная выставка в Париже в 1898 г., Нижегородская всероссийская выставка в 1896 г., выставка костюмов бурят в 1903 г. и т. д.

К организации выставок подходили, используя специальные методы и приёмы. Так при подготовке второй охотничьей выставки Общества сибирских охотников от 31 января 1910 г. в залах музея

ВСОИРГО был создан организационный комитет и разработаны план, концепция развития и программа. Согласно этому, было прописано, что кроме специальных спортивных охотничьих экспонатов на выставке могли быть представлены всевозможные экспонаты торговли и промышленности, имеющие хотя бы отдалённое отношение к какому-либо виду спорта. От охотничьих и других спортивных обществ, от казённых оружейных заводов, от мастеров-кустарей и от частных лиц все экспонаты принимались на выставку бесплатно. В отдельные отделы были включены: птицеводство, рыболовство, охотничья литература, акклиматизация, фотографический и художественный. В последнем показывались фотографические аппараты и все к ним принадлежности, фотографические снимки, группы, охотничьи сцены, местности охот, изображения собак, лошадей, зверей; гравюры, картины и другие предметы искусства. Правление Общества Сибирских охотников, согласно постановлению общего собрания от 27 июня 1906 г, устраивала в Иркутске в первых числах сентября месяца 1910 г. вторую охотничью выставку с указанными в программе отделами. Организация обратилась с официальным письмом в ВСОИРГО о том, что необходимо поддерживать данный проект: «Имея намерение устройства в сентябре будущего 1910 г. вторую фотографическую выставку в более обширном размере, с целью иллюстрировать природу, тип и быт населения всей Сибири и соседних с ней стран, имеем честь просить распорядительный комитет возбудить об этом перед администрацией соответствующие ходатайство, или со стороны комитета по устройству такой выставки не встретится препятствий» [1, л. 3]. Таким образом, по замечаниям экспертов выставка прошла успешно, так как чётко была составлена программа, оформлены и дополнены новыми экспонатами залы музея.

Таким образом, деятельность М. Д. Бутина способствовала экономическому, культурному развитию Забайкальского региона во второй половине XIX–начале XX вв. Михаил Дмитриевич изучал особенности культуры коренных народов, природные богатства Забайкалья, историю Сибири, Китая, Монголии, организовывал научные экспедиции, собирал уникальные, редкие предметы искусства. В результате долгой работы Михаил Дмитриевич создал большую коллекцию живописи, скульптуры, книг, редких монет, минералов и т. д. Для жителей Нерчинска открыл общественную библиотеку и публичный музей.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Дело об устройстве в музее выставок картин местных художников и фотографов, о приглашении участвовать в различных выставках сибирских охотников. 1909 г. 40 л.
2. Гаврилова Н. И. Сибирский американец // Земля Иркутская: Науч.-попул. иллюстрир. журн. 2000. № 12. С. 24–27.

3. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 251 с.

4. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год). Иркутск: Изд-во АЭМ «Тальцы», 2000. 412 с.

5. Ткачев В. В. Формирование представлений коллекционеров Иркутской губернии о предметах изобразительного искусства во второй половине XIX в. // Ноябрьские чтения-2020: Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2020 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2021. С 240–244.

6. Ушакова О. В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2006. 299 с.

7. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1967. 112 с.

8. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1995. 192 с.

9. Шахеров В. П. Становление и развитие сибирского рынка // Инвестиции – путь развития. 2010. № 2. С. 46–49.

**Императорский сельскохозяйственный музей (1859–1917):
из истории комплектования**

**Imperial Agricultural Museum (1859–1917):
from the history of acquisition**

Аннотация. Статья посвящена вопросам дореволюционной истории комплектования существовавшего в Санкт-Петербурге в 1859–1952 гг. Императорского сельскохозяйственного музея — крупного просветительского центра и культурной достопримечательности. Его создание связано со становлением целого направления развития музеев во второй половине XIX–начале XX в. — возникновением в период «Великих реформ» ряда практико-ориентированных музеев, где основные направления музейной работы, включая комплектование, были подчинены текущим потребностям общества.

Ключевые слова: сельскохозяйственный музей; история комплектования; музейное собрание.

Abstract. The article is devoted to the issues of the history of acquisition of Imperial Agricultural Museum that existed in St. Petersburg in 1859–1952. The Agricultural Museum was a large educational center and cultural attraction. Its creation is connected with the formation of a whole direction of museum development in the second half of the XIX–early XX century — the emergence during the reforms of Emperor Alexander II of a number of practice-oriented museums, where the main directions of museum work, including acquisition, were subordinated to the current needs of society.

Key words: agricultural museum; history of acquisition; museum collections.

Сельскохозяйственный музей Министерства государственных имуществ функционировал в Санкт-Петербурге в 1859–1952 гг. Музей осуществлял функции методического центра и базы проведения научных исследований, что было обусловлено необходимостью распространения сельскохозяйственных знаний. В сферу его деятельности входило испытание машин и орудий, проведение съездов и конференций, оказание помощи землевладельцам, ремонт техники и разработка проектов ее улучшения [1, с. 125]. Вместе с решением дополнительных задач, Петербургский сельскохозяйственный музей успешно реализовывал основные музейные функции. Комплектование собрания являлось одним из наиболее приоритетных направлений деятельности Сельскохозяйственного музея на протяжении всего периода 1859–1917 гг.

Появление Сельскохозяйственного музея было связано с началом преобразований в российской деревне, путь которым открыла реформа

19 февраля 1861 г. Отечественный музей сельскохозяйственных произведений был учрежден при Лесном институте 23 ноября 1859 г. указом Александра II. В конце 1963 г. для публики была открыта экспозиция в здании Дворцового Экзерциргауза. В связи с теснотой и неудобством помещения, в 1874 г. началось возведение нового здания на территории бывшего Соляного городка, которое было построено в 1881 г. В том же году музею был присвоен статус Императорского [3, с. 8–9]. В течение периода 1859–1917 гг. в музее сменилось четыре директора: Н. В. Черняев (с 1859 по 1868 г.), Н. М. Сольский (с 1868 по 1907 г.), П. Н. Елагин (с 1907 по 1908 г.) и В. Д. Батюшков (с 1908 по 1917 г.). Несмотря на возможные расхождения в видении актуальных потребностей комплектования собрания, музейное руководство на протяжении 1859–1917 гг. всегда стремилось своевременно приобретать новейшие материалы, что соответствовало общественным и государственным запросам.

Императорский сельскохозяйственный музей, первоначально носивший название «Отечественный музей сельскохозяйственных произведений», комплектовался согласно принципам, утвержденным в нормативных источниках и деловой переписке. В соответствии с Положением императора Александра II от 12 января 1865 г. были обозначены цели музея, из которых следовало, что принципы комплектования музея предполагали пополнение собрания преимущественно образцовыми предметами, улучшенными орудиями и машинами, отвечающими требованиям землевладельцев. Их показ был нацелен на дальнейшее внедрение в практику сельского хозяйства. Ориентация на практические задачи, свойственная всей группе сельскохозяйственных музеев, способствовала постоянному обновлению состава собрания в целях отражения современного уровня материального производства [2, с. 1].

Музейное собрание комплектовалось предметами как российского, так и зарубежного производства. На начальных этапах формирования музея вопрос о территориальных границах будущих закупок не имел однозначного ответа. Николай Васильевич Черняев (1832–1868) — производитель дел ученого комитета Министерства государственных имуществ, активный член Вольного экономического общества и в дальнейшем заведующий музеем — в докладной записке высказал идею создания Петербургского сельскохозяйственного музея как музея национальных сельскохозяйственных произведений. Наиболее предпочтительным способом пополнения коллекций, по мнению Н. В. Черняева, должна была являться закупка предметов на сельскохозяйственных выставках, проводимых на территории России. Но по решению императора Александра II, было решено осуществлять формирование музейного собрания путем приобретения как российских, так и зарубежных передовых машин и орудий [4, с. 31–35]. Таким образом,

значительно изменились не только принципы формирования коллекций, но и само предназначение музея, который вместо выставки национальных достижений стал хранилищем новейших сельскохозяйственных изобретений из разных точек мира.

Многие из этих изобретений приобретались как объекты для испытаний. Директор музея Н. М. Сольский в письме от 9 апреля 1868 г. отмечает: «Дабы машины и орудия, находящиеся в сельскохозяйственном музее приносили наибольшую пользу, желательно производить над ними испытания, которые могут предприниматься или ознакомить публику со значением всех прибывающих в музей машин, с качествами и употреблением орудий и машин...» [6, с. 1]. Исследования осуществлялись в специальных помещениях музея и на открытых пространствах. Полученные результаты фиксировались в таблицах и в дальнейшем доносились до посетителей. Особая практическая направленность отразилась также в том, что из коллекций музея регулярно удалялись «устаревшие сельскохозяйственные произведения», которые не могли быть полезны посетителям музея для применения в текущих условиях [3, с. 9]. В результате этого, состав собрания Императорского сельскохозяйственного музея интенсивно обновлялся.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что комплектование Императорского сельскохозяйственного музея в 1859–1917 гг. было преимущественно направлено на выявление и приобретение предметов, имеющих ценность для применения в текущей практике сельского хозяйства. В таком отборе предметов были заинтересованы как посетители музея, так и члены Министерства государственных имуществ (Министерства земледелия и государственных имуществ), в ведении которого находился музей. Происходил сбор, в первую очередь, тех отечественных и зарубежных образцов, которые подходили для осуществления исследований и показа новейших сельскохозяйственных достижений. В целом, рассмотрение истории комплектования музея и изучение специфики хранения предметов позволяет заключить, что Императорский сельскохозяйственный музей в 1859–1917 гг. являлся некоей переходной формой от традиционных для рассматриваемого периода сельскохозяйственных и промышленных выставок к музейной институции.

В послереволюционный период музей длительное время оставался центром распространения сельскохозяйственных знаний. В годы Великой Отечественной войны Государственный музей сельского хозяйства в Ленинграде был законсервирован и впоследствии расформирован. В 1952 г. его коллекции были переданы в различные музеи и учебные учреждения [5].

Список литературы

1. Девейкис М. В. Этапы музейного развития Петербурга в императорской России // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 3. С. 121–130.
2. Императорский сельскохозяйственный музей: цели, состав коллекций и план музея. СПб., 1895. 3 с.
3. Николаенко В. А. Императорский сельскохозяйственный Музей в Санкт-Петербурге и некоторые вопросы аграрной истории России второй половины XIX и начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 19 с.
4. Николаенко В. А. Императорский сельскохозяйственный Музей в Санкт-Петербурге и некоторые вопросы аграрной истории России второй половины XIX и начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 212 с.
5. Сельскохозяйственные музеи // Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_selhoz.asp (дата обращения: 05.11.2021).
6. РГИА. Ф. 399. Оп. 1. Д. 28. О производстве испытаний земледельческих машин и орудий, находящихся в музее. 9 л.

Гадышева София Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Веселов Федор Никитович, канд. ист. наук, доц.

Златоустовское художественное оружие в музейных собраниях г. Санкт-Петербурга

Zlatoust cold decorated arms in Saint Petersburg museums' collections

Аннотация. Златоустовское художественное оружие как уникальное явление отечественного оружейного искусства стоит в одном ряду с выдающимися мировыми достижениями в области создания и украшения оружия. Сочетание высоких технических качеств и выдающегося художественного образа делает его предметом интереса со стороны как специалистов, так и просто любителей. Данная статья посвящена изучению памятников златоустовского художественного оружия в собраниях музеев Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Златоустовская оружейная фабрика; златоустовское художественное оружие; музеи Санкт-Петербурга.

Abstract. Zlatoust cold decorated arms as a unique phenomenon of Russian weapon art stands in the same row with the greatest world achievements in the field of creating and decorating weapons. A combination of high technical qualities with outstanding artistic image makes it a subject of interest both for specialists and amateurs. This article studies the certain examples of Zlatoust cold decorated arms in collections of Saint Petersburg museums.

Key words: Zlatoust blades manufacture; Zlatoust cold decorated arms; Saint Petersburg museums.

16 декабря 1815 г. состоялось официальное открытие Златоустовской оружейной фабрики (далее — ЗОФ). Это был тщательно спланированный и грамотно исполненный проект российского правительства по организации специализированного предприятия по выпуску холодного оружия на территории Южного Урала по образцу Золингенского завода как лучшего в Европе.

ЗОФ состояла из одиннадцати отделений, в том числе и самостоятельного структурного подразделения украшенного оружия. Именно в этом отделении зародилась златоустовская школа художественного оружия, которая в своем развитии на протяжении XIX в. прошла определенные исторические этапы, среди которых в качестве «золотого века» можно выделить начало 20-х – середину 30-х гг. XIX в.

Становление школы было тесно связано с именами иностранных специалистов. Хорошо отлаженная система ученичества под руководством представителей известной золингенской оружейной династии Шафов породила целую плеяду талантливых златоустовских масте-

ров-оружейников, в которую входили братья Бушуевы и Тележниковы, И. Бояршинов, Ф. Стриженев, А. Лепешков и другие.

Необходимо подчеркнуть, что у европейских оружейников златоустовские мастерские постигали именно ремесленную составляющую процесса украшения оружия. Умению же выражать свои чувства и мысли в художественных образах они учились у заводских живописцев А. Е. Тележникова и Н. Н. Бушуева, выходцев из семей потомственных иконописцев строгановской школы. Имея такую подготовку, ученики вскоре стали украшать клинки на художественном уровне, значительно превосходившем уровень их учителей. Покидая Златоуст в 1823 г., немецкие специалисты вынуждены были признать, что «...коренной Золингенский завод не в состоянии приурочить такого оружия, какое уже сделано было в Златоусте» [4, с. 10].

Мастера златоустовской школы художественного оружия, основоположником которой стал И. Н. Бушуев, изобрели оригинальную технику рисовки кистью, усовершенствовали технику золочения «через огонь», добившись более прочного соединения золота со сталью, а также начали применять для украшения клинков миниатюрные многофигурные композиции, что заложило основы для декоративно-прикладного искусства, получившего название златоустовской гравюры на стали.

Начало формированию коллекций златоустовского художественного оружия в Санкт-Петербурге было положено царствующей династией Романовых. Императорский двор был основным заказчиком ЗОФ, соответственно, лучшие образцы украшенного оружия регулярно пополняли коллекцию Царскосельского Арсенала. В 1885–1886 гг. значительная часть ее переместилась по указу Александра III в Императорский Эрмитаж, составив самое обширное и великолепное собрание златоустовского оружия.

В Царском Селе осталось собрание Азиатской комнаты Александра II и некоторая часть оружия, хранившегося во дворцах. Одной из уникальных реликвий, хранящихся сегодня в Государственном музее-заповеднике «Царское село», является датированная 1836 г. сабля (рис. 1), исполненная в виде знаменитого «зульфикара» — меча с раздвоенным клинком, принадлежавшего, согласно мусульманской мифологии, самому Пророку [7, с. 14].

На сегодняшний день коллекция Государственного Эрмитажа содержит около 200 образцов златоустовского художественного оружия, в основе которой украшенные клинки, принадлежавшие членам Императорского Дома Романовых, а также образцы, национализированные после 1917 г. из крупных частных коллекций. «Золотой фонд» Эрмитажного собрания представлен работами ведущих специалистов ЗОФ первой половины XIX в. — И. Н. Бушуева и И. П. Бояршинова. Среди работ других мастеров этого периода следует отметить уникальный эк-

земпляр сабельного клинка 1818 г. (рис. 2), подписанного младшим братом И. Н. Бушуева — Ефимом. Уникальность клинка заключается в том, что на момент его изготовления мастеру было всего одиннадцать лет [2].

Среди выдающихся образцов златоустовских клинков находится детское и миниатюрное украшенное холодное оружие, которое является определенной редкостью и встречается далеко не во всех специализированных собраниях. Детское украшенное холодное оружие полностью воспроизводило взрослое оружие, только в уменьшенном варианте. Мастера ЗОФ изготавливали подобное оружие по заказам для детей русских дворян. Многие члены царской семьи с малых лет были шефами гвардейских полков и носили соответствующее оружие.

Если сопоставить примерное количество украшенного оружия Златоуста из коллекции Эрмитажа до 1840-х гг. и после, то окажется, что произведения первой половины XIX в. значительно превосходят по количеству образцы второй половины XIX в. Данная диспропорция во многом объясняется неравномерностью поступавших правительственных заказов на такой вид оружия [6, с. 21].

Необходимо отметить, что партии образцов оружия с первых лет деятельности ЗОФ регулярно направлялись в Департамент горных и соляных дел. Только по документам 1833–1834 гг. в Горный департамент было отправлено: 325 клинков рапирных, 20 сабельных и полусабельных клинков с возвышенной позолотой, 40 клинков офицерского оружия из литой стали для Музея Горного Кадетского корпуса [3, с. 232].

Часть обширной коллекции Музея Горного Кадетского корпуса была расформирована во второй половине XIX в. и передана в другие музеи Санкт-Петербурга и частные коллекции. Сегодня в коллекции холодного оружия ЗОФ XIX в. Горного Музея представлено 192 музейных предмета, в том числе работы таких мастеров, как В. и Л. Шафы, И. Н. Бушуев, И. П. Бояршинов, К. Вольферц, А. Кунц, В. И. Южаков и других.

Основу коллекции холодного оружия златоустовских мастеров Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого составляют старинные образцы художественного оружия Златоуста XIX в., поступившие в музей из Горного института в 1870 г. В это время в Морской музей было передано 315 предметов холодного оружия Златоуста. В коллекцию вошли шпаги в количестве 59 шт., сабли кавалерийские — 40 шт., палаши абордажные — 27 шт., сабли азиатского типа — 10 шт., а также небольшое количество саперных ножей, уланских пик и шашек [5, с. 11]. Следующее значительное поступление датируется началом XX в., когда в музей было передано собрание великого князя генерал-адмирала Российского флота Константина Николаевича, а также оружие расформированного музея Гвардейского экипажа.

Одним из признанных шедевров коллекции является сабля восточного типа (рис. 3), изготовленная в 1829 г. мастером И. Бушуевым, который сумел объединить в единой композиции различные технологические процессы: горновую сварку двух различных металлов, полировку, протравку, воронение и золочение. Уникальность сабли заключается в том, что клинок ее изготовлен из двух видов дамасской стали, сваренных между собой горновой сваркой, причем светлой стали придан вид змеи, распростертой по всей длине клинка [8, с. 54].

Отличительной особенностью Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи является то, что при пополнении его оружейных фондов холодным оружием по всему спектру признаков во главу угла ставится максимальная полнота коллекции. Коллекция златоустовского оружия включает в себя не только украшенное оружие, но и штатные образцы, находившиеся на вооружении российской армии.

Коллекция златоустовского украшенного холодного оружия XIX в. включает в себя более 150 образцов: сабель, палашей, шпаг и рапир, кинжалов, шашек и охотничьих ножей [1, с. 5]. В коллекцию вошло украшенное оружие, участвовавшее в российских и международных промышленных выставках; оружие из бывших дворцовых коллекций; оружие, оставшееся после расформирования отдельных полков, а также поступившее в фонды музея из частных коллекций.

С точки зрения военной истории особую ценность представляет дарственное и наградное оружие. Одним из ярких образцов дарственного оружия из коллекции музея является шашка драгунская офицерская (нетипичный образец 1881 г.) цесаревича Николая Александровича (рис. 4), которая была вручена ему офицерами Преображенского полка 6 августа 1887 г. в день полкового праздника и окончания службы на следника в полку.

В оружейных фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится и призовое холодное оружие производства ЗОФ. Призовое оружие вручалось офицерам, занявшим 1-е и 2-е места на полковых или каких-либо других состязаниях по стрельбе или фехтованию [9, с. 127].

Таким образом, на основании общей характеристики коллекций златоустовского художественного оружия XIX–нач. XX вв. в музейных собраниях г. Санкт-Петербурга, можно сделать вывод, что здесь сформировался крупный центр по коллекционированию оружия Златоуста. Во многом это объясняется наличием правительственного заказа и личным вкладом Императорского Дома Романовых в развитие оружейного коллекционирования.

Великолепные образцы златоустовского художественного оружия, хранящиеся в коллекциях ведущих музеев Санкт-Петербурга, сви-

детельствуют о высоком уровне мастерства оружейников Златоуста, показывают историю развития златоустовской школы на протяжении всего XIX в.

Список итературы

1. Златоустовское художественное оружие XIX века (из собрания Военно-исторического музея артиллерии): альбом / Авт. вступ. ст. и сост. Т. И. Абольская. Л.: Художник РСФСР, 1986. 160 с.

2. Куликовских С. Н. Бушуев Ефим Николаевич. 200 лет со дня рождения. 1807–1827 // Сайт Челябинской областной универсальной научной библиотеки. URL: http://resources.chelreglib.ru:6007/EL_IZDAN/kalend2007/busch.htm (дата обращения: 30.10.2021).

3. Оболонская Э. В., Туманова К. В. «Технический кабинет» Златоустовской оружейной фабрики. Обучающая программа // Вопросы музеологии. 2018. № 9 (2). С. 231–241.

4. Окунцов Ю. П. О роли русских и иностранных мастеров в становлении Златоустовской гравюры на стали // Золотые россыпи былого: сборник материалов X краеведческой конференции им. Н. А. Косикова / Сост. А. Н. Малахова. Златоуст, 2017. С. 7–11.

5. Суханов И. П. История Российского морского кортика. СПб.: Бранко, 2007. 343 с.

6. Художественное оружие Златоуста XIX – нач. XX вв.: каталог-путеводитель по выставке / Гос. Эрмитаж; [авт. вступ. ст. и сост. Ю. А. Миллер]. Л.: Б. и., 1988. 56 с.

7. Царскосельский арсенал: альбом-каталог / Сост., вступит. ст. и каталог Л. В. Бардовская, Г. Э. Введенский, В. М. Файбисович. СПб.: Балтика, 2000. 135 с.

8. Шедевры и раритеты клинкового оружия: из фондов музеев Санкт-Петербурга, худож. мастерских и част. коллекций: [кат. выст.] / [сост., авт. введ., вступ. ст. И. П. Суханов]. СПб.: Атлант, 2004. 313 с.

9. Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов: определитель. СПб.: Магик-пресс, 1994. 181 с.

Приложение

Рис. 1. Сабля Зульфикар. Златоуст. 1836 г. (ГМЗ «Царское село», Санкт-Петербург).

Рис. 2. Е. Бушуев. Клинок сабли. Златоуст. 1818 г. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) .

Рис. 3. И. Н. Бушуев. Сабля восточного типа. Златоуст. 1829 г. (Центральный военно-морской музей имени Петра Великого, Санкт-Петербург).

Рис. 4. Шашка офицерская, нетипичный образец 1881 г. 1880-е гг. (?). Златоуст. (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург).

Журнал «Среди коллекционеров» как исторический источник изучения музейной деятельности и частного коллекционирования первой четверти XX в.

The journal «Among collectors» («Sredi kollektzionerov») as a historical source of development of museum work and private collecting in the first quarter of the XX century

Аннотация. Объектом исследования выступают периодические издания первой четверти XX в., посвященные собирательству и искусству. Предметом работы является журнал «Среди коллекционеров» как исторический источник изучения музейного дела и частного коллекционирования первой четверти XX в. Хронологические рамки обусловлены периодом выпуска журнала (1921–1924 гг.).

Ключевые слова: Журнал «Среди коллекционеров»; история музейного дела; история коллекционирования.

Abstract. The object of the research is the periodicals of the first quarter of the XX century, devoted to the private collecting and art in general. The subject of the work is the journal «Among Collectors» («Sredi kollektzionerov») as a historical source of the development of museums and private collecting in the first quarter of the XX century. The chronological framework is determined by the period of the journal's publication (1921–1924).

Key words: The journal «Among collectors»; history of museums; history of collecting.

В журнале обсуждался широкий спектр тем от устройства музеев до проблем частных собирателей. Особое внимание уделялось судьбам частных коллекций после национализации, организации музейной деятельности и отсутствию специальной литературы. В журнале также освещался «новый тип собирательства», возникший в период новой экономической политики (далее — НЭП).

Изучение журнала как источника важно для формирования целостного представления о развитии музейного дела и частного коллекционирования в эпоху становления советской власти.

В работе М. В. Катагощиной содержатся ссылки на статьи из журнала. Отмечается, что в журнале освещались биографии российских коллекционеров, особенности формирования художественных, нумизматических, историко-бытовых коллекций. На страницах журнала представлен анализ специфики собирательских интересов и цен на антикварном рынке дореволюционной России [5, с. 5].

В монографии Х. М. Турьинской исследуется история музейного дела в России в 1907–1936 гг. на материале выходивших в тот

период в Петрограде (Ленинграде) и Москве периодических изданий. Несмотря на схожесть хронологических рамок и тематики, работа посвящена следующим изданиям: «Старые годы», «Краеведение», «Известия Центрального бюро краеведения» и «Советское краеведение». Тематический фокус работы смещен на этнографические собрания музеев. При этом большая часть рассматриваемых изданий не выходила в первую половину 1920-х гг. [11, с. 3–6].

В монографии «Музейное дело в России» журнал упоминается в аналитическом обзоре периодической печати, отражающей этап развития музейного дела в 1920-е гг. Отмечается, что он продолжал «значательную линию» изданий первой четверти XX в. [8, с. 326].

Журнал являлся ежемесячным, однако его выпуски часто были сдвоены, по всей вероятности, причиной тому была нехватка материала для нового номера. Объем выпуска не превышал 100 страниц. Выпускался в Москве. Главным редактором журнала на протяжении всего периода существования был Иван Иванович Лазаревский. В создании выпусков активное участие принимали видные деятели искусства и музейного дела: В. Я. Адарюков, В. С. Блох, Б. Р. Виппер, Э. Ф. Голлербах, И. Э. Грабарь, П. П. Муратов, М. Ф. Строев, А. М. Эфрос.

Статьи при необходимости сопровождались иллюстративным материалом. Каждый номер начинался с нескольких статей, задающих главную тему выпуска. После следовала постоянная рубрика «Собиратели и антиквары прошлого», посвященная биографиям знаменитых коллекционеров и их собраниям. Затем размещались «Вести из заграницы», которые традиционно включали в себя «Художественную жизнь на Западе» и заметки о русской эмиграции, выходившие под заголовком «Rossica». После зарубежных новостей следовал раздел «Среди книг». В нем находилась информация о новых книгах, публиковались рецензии. Далее размещались новости обществ, например, Общества Любителей Старины или Общества Друзей Книги. Затем шла Хроника, письма читателей, информация о проводимых в Москве и Петрограде выставках и аукционах.

Социально-экономические события первой четверти XX в. стали причиной изменения структурного состава общества коллекционеров. На страницах журнала появилось описание характера «нового типа собирательства». В статье А. Эфроса говорилось о кризисе коллекционирования в 1910-е гг. Автор выделял два признака случившегося «застоя»: насыщение коллекций и отсутствие последователей у поколения собирателей 1890-х–1910-х гг. Отмечалось, что «между владельцем и собранием живая связь прекратилась» [12, с. 16]. Эфрос называл национализацию не более, чем юридическим откреплением владельца от собрания, чем объяснял «безболезненность и успешность» [12, с. 16] ее осуществления. По его мнению, в условиях ослабления государственного контроля над всё большими сферами жизни создается необходи-

мая среда для пополнения рядов дореволюционных коллекционеров и ценителей искусства новыми лицами. Автор отмечал отрицательные черты данного явления и писал о том, что только спустя время очередное поколение собирателей сможет занять достойное место среди коллекционеров «старой школы». Тем не менее, Эфрос призывал внимательно наблюдать за деятельностью мелких предпринимателей, которые стремятся к накоплению исторических ценностей.

О «новом собирательстве» писал и П. П. Муратов. Школой развития вкуса у собирателя он называет поиск современных художественных произведений. Особое внимание Муратов уделял коллекционированию европейских мастеров предвоенного периода. Центральная позиция отводилась французской школе, которая прошла этапы от высмеивания до всеобщего признания. Большую роль в этом процессе, как отмечал автор, сыграли именно частные собиратели [9, с. 1–3]. Однако стоит отметить, что термин «новое собирательство» не прижился ни в кругах коллекционеров, ни в литературе и забылся с уходом от НЭПа.

На страницах журнала также освещается важное событие — начало обмена музейными экспонатами между Москвой и Петроградом. Переговоры об этом велись еще с декабря 1922 г. [7, с. 186]. Обмен был мотивирован «развитием и усилением музейных коллекций обоих городов» [3, с. 56]. Первым шагом стала передача Оружейной палатой мятлевского серебра Эрмитажу. В статье отмечалась доброжелательность сторон и готовность к сотрудничеству. По итогам визита московских музейных деятелей Эрмитаж готовил к передаче картины Тициана, Перуджино, Веронезе, Ван-Дейка, Ватто и ряда других мастеров.

В ответном «письме из Петербурга» [4, с. 52–55] указывалось на то, что тема обмена выходит за рамки узкопрофильной дискуссии и требует публичного обсуждения, поскольку решается судьба крупных художественных собраний. Отмечалось неверное представление московской комиссии о составе и качестве фондов Эрмитажа. Так, члены комиссии планировали получить ряд работ художников, вовсе не представленных в фондах. Передача ценностей между Москвой и Петроградом положила начало череде важных изменений, повлиявших на дальнейшее формирование крупнейших музейных фондов страны.

Данный исторический период располагал не только к пересмотру методов организации существующих музейных собраний, но и к созданию новых.

Одним из таких примеров может стать Музей игрушек, открытый в ноябре 1920 г. по проекту Н. Д. Бартрама. На первых этапах выделялись две основные задачи музея. Первая — выявление русской культуры на сюжетах и формах народной игрушки. Вторая — показ постепенного развития самой техники игрушечного дела в различных его воплощениях. Примечательно, что музей не был основан на готовой коллекции:

предметы собирались специально для него. Стоит отметить новизну проекта: на момент открытия ни в России, ни за границей не было отдельного музея, посвященного игрушке [10, с. 22–28].

В журнале изредка появлялись краткие заметки о проводимых конференциях. На них обсуждалось тяжелое хозяйственно-экономическое положение, волна сокращений сотрудников, трудности организации экспозиций. Председательствующий на одной из конференций 1922 г. академик Н. Я. Марр выступил с речью о работе, проведенной за последние годы, и отметил большое значение научно-просветительской роли музеев. По окончании работы конференции участники пришли к соглашению о необходимости обращения в Наркомпрос о бедственном положении музеев – «наиболее действительных очагов просвещения народных масс, — для принятия безотлагательных мер в предотвращение непоправимой катастрофы» [1, с. 92].

Издатели журнала отслеживали судьбы частных коллекций. Одна из тенденций была раскрыта через историю коллекции фарфора А. В. Селиванова. Собрание постигла участь большинства — оно было распродано сразу по завершении каталога из-за финансовых трудностей владельца. Дальнейшее бытование предметов удалось проследить благодаря рукописным заметкам в каталоге, сделанным Селивановым при продаже предметов. Владельцем 443 предметов из 692, указанных в каталоге, стал московский антиквар И. С. Корнев [6, с. 18–21].

В журнале широко обсуждалась продажа работ Рембрандта из собрания Юсупова. В январском номере 1922 г. этому была посвящена первая статья, определившая тему выпуска. Виппер без скрытого сожаления писал, что «судьба русского коллекционерства на добрую половину складывается из грустных поминок» [2, с. 3].

Предпоследний номер журнала сделал своей главной темой сохранение памятников архитектуры и был издан как сборник трудов Общества Изучения Русской Усадьбы.

«Среди коллекционеров» покрывает не только заявленную сферу проблем собирательства, но и затрагивает вопросы обращения с предметами старины, сохранения памятников архитектуры и традиционной культуры, художественных собраний, описывает проблемы музеев. Составители журнала наблюдали за зарубежным опытом. Издавая журнал сравнительно небольшим тиражом, редакция журнала успешно поддерживала обратную связь с читателями, дискуссии часто переходили из номера в номер. Прекращение выпуска журнала связано с изменениями государственной политики в сфере культуры, которые не предполагали открытых публичных дискуссий в рамках независимой периодической печати.

Список литературы

1. Адарюков В. Музейная конференция // Среди коллекционеров. 1922. № 7–8. С. 91–92.
2. Виппер Б. Р. Рембрандты в изгнании // Среди коллекционеров. 1922. № 1. С. 3–6.
3. Греч А. Московские музеи // Среди коллекционеров. 1923. № 1-2. С. 56–60.
4. Жарновский И. Эрмитаж и вопрос о положении московских музеев // Среди коллекционеров. 1923. № 5. С. 52–55.
5. Катагощина М. В. Предпринимательская деятельность российских антикваров в конце XIX – первой трети XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 28 с.
6. Лазаревский И. И. Редакционная статья // Среди коллекционеров. 1921. № 2–3. С. 18–21.
7. Лопаткина Е. В. Формирование коллекции французского искусства конца XIX – начала XX века в Эрмитаже с 1918 по 1930 годы // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2016. № 25. С. 185–193.
8. Музейное дело России / М. Е. Каулен. (отв. ред). М.: Издательство «ВК», 2003. 614 с.
9. Муратов П. П. Новое собирательство // Среди коллекционеров. 1921. № 2–3. С. 1–3.
10. Тугенхольд Я. О музее игрушки // Среди коллекционеров. 1921. № 8–9. С. 22–28.
11. Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 124 с.
12. Эфрос А. М. Итоги и ожидания. Перспективы русского собирательства // Среди коллекционеров. 1922. № 1. С. 14–18.

Мичурин Федор Дмитриевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Калиновский Владимир Витальевич, канд. ист. наук, доц.

«Героическая Оборона Ленинграда»: история выставки

«Heroic Defense of Leningrad»: history of exhibition

Аннотация. В статье проводится анализ истории и экспозиции выставки «Героическая Оборона Ленинграда». Была изучена история данной выставки, а также проанализированы её экспозиция и вклад в увековечивании памяти о Битве за Ленинград. На основании полученных данных сделаны выводы о значимости данной выставки в истории Ленинграда и сохранения памяти о войне.

Ключевые слова: Ленинград; Блокада Ленинграда; выставка; Великая Отечественная война; память о войне.

Abstract. The article analyzes the history and exposition of the exhibition «Heroic Defense of Leningrad». The history of this exhibition was studied, as well as its exposition features and its contribution to perpetuating the memory of the Battle for Leningrad were analyzed. Based on the data obtained, conclusions are drawn about the significance of this exhibition in the history of Leningrad and the preservation of the memory of the war.

Keywords: Leningrad; Siege of Leningrad; exhibition; Great Patriotic War; memory of the war.

80 лет назад началась Великая Отечественная война, тогда же и начались сбор и сохранение памяти тех событиях. Одной из форм сохранения памяти были выставки, в том числе и посвященная Обороне и Блокаде Ленинграда — «Героическая Оборона Ленинграда». Тема является актуальной, поскольку данная выставка оставила след в сохранении памяти о войне и истории Ленинграда.

Сбор предметов, связанных с Великой Отечественной войной, и показ были начаты ещё в самом начале войны. В конце лета 1941 г. была открыта выставка «Великая Отечественная война Советского народа против Германского фашизма», в Спортклубе Дома Красной Армии им. С. М. Кирова [8, с. 4]. На ней уже были представлены некоторые предметы, связанные с Обороной Ленинграда. К примеру, были выставлены остатки от самолёта «Junkers-88», сбитого на подступах к Ленинграду [9, с. 4]. Выставка была популярной у ленинградцев [1, с. 4]. Считается, что данная выставка предшествовала выставке «Героическая Оборона Ленинграда» [6]. Со временем (в 1943 г.) возникла потребность в более дополненной выставке и в другом помещении. 4 декабря 1943 г. на совместном заседании Военного совета Ленинградского фронта и

ЛГК ВКП(б) было принято решение о создании выставки «Героическая Оборона Ленинграда» [10, с. 98].

Для экспозиции было выбрано здание бывшего Сельскохозяйственного музея на Соляном переулке. Здание находилось в плохом состоянии, поэтому вместе с предметным комплектованием выставки и разработки экспозиции, вёлся и ремонт здания [4, с. 23–24].

Часть предметов передавалась гражданами. Например, А. Ф. Пахомов передал свою серию работ «Ленинград в дни Блокады». Были пополнения также от различных государственных организаций и учреждений, к примеру, от МПВО, РОКК; от заводских предприятий (к примеру, боеприпасы) и научно-исследовательских учреждений [10, с. 98].

В разработке экспозиции принимали участие многие люди, в том числе и музейные сотрудники, например, среди них были сотрудницы Эрмитажа О. Э. Михайлова и Т. Д. Фомичева. Экспозиционный план выставки был разработан сотрудниками Дома Офицеров. Н. М. Суетин, В. А. Петровым, А. А. Лепорский занимались оформлением залов. Ю. М. Непринцев, М. С. Тимков, Я. С. Николаев занимались созданием панно, макетов, портретов, диорам и панорам для выставки. Руководством по организации выставки занимались А. И. Маханов и С. И. Аввакумов [10, с. 98].

30 апреля 1944 г. Выставка «Героическая оборона Ленинграда» открыла свои двери [7, с. 3]. Выставка состояла из 10 отделов, а экспозиция строилась по хронологически-проблематическому принципу [3, с. 129–130], применялись различные экспозиционные методы для раскрытия темы.

Первый отдел выставки носил название «Ленинград — крупнейший политический, промышленный и культурный центр нашей страны». Первый зал был посвящен истории Ленинграда в годы Революции и Гражданской войны. Второй зал данного раздела был посвящён довоенному состоянию Ленинграда [2, с. 2]. Упор был сделан на политическом значении города — в центре правой стены данного зала был представлен снимок Смольного дворца, который был связан с деятельностью В. И. Ленина, И. В. Сталина, С. М. Кирова (чей бюст был выставлен в этом зале [5]), А. А. Жданова; его промышленном развитии; культурной и научной значимости для СССР (были выставлены фотографии архитектуры Ленинграда и его пригородов и т. д.); городской инфраструктуре. В этом же зале также делался акцент на надвигающейся военной угрозе [3, с. 5–8, 10–11].

«Ленинград в первые дни Великой Отечественной войны» был вторым отделом выставки и имел один зал. Экспозиция его была построена по тематическому принципу, так как материалы были объединены общей темой — началом Великой Отечественной войны и реакции на неё ленинградцами. В частности, в центре одной из стен экспони-

ровался номер «Ленинградской Правды» за 22 июня 1941 г., а вокруг был развешаны фотографии с ленинградцами, слушающими сообщения в этот день. Над входом в следующий зал было помещено панно В. А. Серова «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к Победе!», а в центре был выставлен бюст А. А. Жданова [3, с. 12, 14–15], для того чтобы подчеркнуть его роль в руководстве городом в этот период.

Один зал также имел следующий отдел выставки — «Борьба на дальних подступах к Ленинграду», который был посвящён подготовке Ленинграда к боям; эвакуации населения, предприятий и учреждений; переходу на военный лад гражданских предприятий, к примеру, в центральной витрине была сравнена продукция гражданских предприятий за май и июль 1941 г. и формированию народного ополчения и МПВО. Использовались научно-вспомогательные материалы, например, карта «Бои на дальних подступах к городу» [3, с. 16–18, 20].

Отдел «Партизанская война в Ленинградской области» подчёркивал всю силу партизанского движения в Ленинградской области. Если первые два зала данного отдела раскрывали тему оккупационной и карательной деятельности немецких захватчиков [3, с. 24, 27], то последующие два зала были посвящены борьбе партизан с оккупантами и подпольной партийной деятельности на оккупированных территориях. В частности, боевым действиям 11-й Волховской партизанской бригады были посвящены стенд и панорама (ландшафтный метод экспозиции) [3, с. 35, 42].

Битве за Ленинград в августе-сентябре 1941 г. был посвящён отдел «Борьба за Ленинград на Ближних подступах к городу». В девятом зале был сделан акцент на мобилизации горожан, роли партии и отражении вражеских атак. Следующий зал был посвящён подготовке города к боям, в том числе созданию оборонительных сооружений и сражениям в пригородах Ленинграда. Завершающий зал посвящён артиллерийским обстрелам и авиационным налётам немцев, и их разрушениям. Были выставлены по систематическому методу вражеские снаряды и бомбы [3, с. 45–46, 48, 53].

Шестой отдел был посвящён осени-зиме 1941–1942 гг. В 14-м зале [3, с. 64] в витрине экспонировались весы, на одной части которых была гиря 125 г, а на другой кусочек блокадного хлеба с пояснительным текстом о его рецептуре, а на противоположной стороне зала был выставлен дневник Тани Савичевой [10, с. 98–99].

Следующий отдел носил название «Период ликвидации последствий голодной зимы и превращение Ленинграда в Военный город». Экспозиция в 15-м зале была посвящена роли партии и городских властей в управлении городом в 1942 г., а также боям 1942 г., возобновлению работы и трудовым подвигам, о чём свидетельствова-

ли Красные Знамена от ГКО и различных наркоматов ленинградских предприятий [3, с. 71–78].

Целый отдел был посвящён Прорыву Блокады Ленинграда в 1943 г. Первый зал был посвящен подготовке к данной операции, в том числе и деятельности советских разведчиков и наблюдателей, реализации операции «Искра» и её успеху. В числе важнейших экспонатов данного зала было противотанковое орудие капитана Н. И. Родионова, с помощью которого совершил подвиг и размещавшееся на торцевой стене панно «Встреча войск Ленинградского и Волховского фронтов». Второй зал посвящён гвардейским частям Ленинградского фронта, а в экспозиции третьего зала затронута тема стратегической значимости данной операции для Ленинграда и её проведению [3, с. 79–80, 82, 84, 86–87].

Улучшению жизни в Ленинграде и увеличению производства в 1943 г. был посвящен следующий отдел. Один из залов был посвящен увеличению производительности Ленинградских предприятий. Здесь была показана скульптура В. В. Исаевой и А. А. Стрекавина «Женщины на Литейном цехе» и различная продукция для фронта от предприятий за 1943 г., другой зал был посвящён активизации культурной, научной и социальной деятельности в Ленинграде, третий — наземным и морским боям за Ленинград [3, с. 88, 90, 96–98, 102–103].

Завершал выставку отдел — «Великая Победа под Ленинградом», посвященный освобождению Ленинграда от блокады в 1944 г. Открывал отдел небольшой зал, посвященный полному разгрому немецких и финских войск под Ленинградом [3, с. 105]. Экспозиция зала «Великая Победа под Ленинградом» была посвящена освобождению городов Ленинградской Области в ходе январских операций 1944 г. и героизму бойцов РККА. Дополнял эту тему следующий зал, где были представлены трофеи [2, с. 2] для демонстрации мощи СССР. Отдельный зал был посвящён вкладу Балтийского флота в победу [11, с. 77], где были показаны корабельные орудия и небольшие судна (торпедный катер типа «Г-5»). Последний зал был посвящен инженерным войскам Ленинградского фронта [3, с. 120, 122–126].

Выставка стала популярной среди самих ленинградцев и различных гостей города. Она получила в целом положительные отзывы [10, с. 98–99]. 5 октября 1945 г. правительство решило преобразовать выставку в «Музей Оборона Ленинграда» [10, с. 98–99], который просуществовал до 1953 г., однако некоторые предметы попали в состав других музеев.

Таким образом, выставка «Героическая Оборона Ленинграда» помогла сохранить часть предметов, связанных с Великой Отечественной войной и Битвой за Ленинград, которые позднее оказались в собрании разных музеев. Кроме того, данная выставка стала значимым событием в истории Ленинграда, свидетельствуя о том, что она оставила след в отечественном музейно-выставочном деле.

Список литературы

1. 30 тысяч посетителей выставки // Ленинградская правда. 1941. № 236 (8029). 3 октября. С. 4.
2. Бондаренко И. Выставка «Героическая Оборона Ленинграда» // Красная Звезда. 1944. № 103 (5783). 30 апреля. С. 2.
3. Выставка «Героическая Оборона Ленинграда». Очерк-путеводитель. / Под рук. Л. Л. Ракова. Л.-М.: «Искусство», 1945. 131 с.
4. Костышина С. В. Музей Ленинградской победы: от истоков к возрождению // Ленинградская битва в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции, посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб: Научное учреждение «Центр стратегических исследований», 2020. С. 23–27.
5. Музей обороны Ленинграда (1943–1953) // Оборона и блокада Ленинграда. URL: <https://blokadaleningrad.ru/resursy/entsiklopediya/pamyat/muzej-oborony-leningrada-1943-1953/> (дата обращения 04.11.2021).
6. Пежемский В. Музей обороны Ленинграда: грустная история // Общественный контроль. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/history/14402-muzej-oborony-leningrada-grustnaya-istoriya.html> (дата обращения 04.11.2021)
7. Раков Л. Выставка «Героическая оборона Ленинграда» // Ленинградская правда. 1944. № 104 (8828). 30 апреля. С. 3.
8. Сегодня — открытие выставки, посвященной Отечественной войне // Ленинградская правда. 1941. № 208 (8001). 31 августа С. 4.
9. У стендов с боевыми трофеями // Ленинградская правда. 1941. № 207 (8000). 30 августа. С. 4.
10. Худякова Н. Д. Судьба музея обороны и блокады Ленинграда // Клио. 2014. № 6 (90). С. 98–100.
11. Шишкин А. А., Добротворский Н. П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда // История Санкт-Петербурга. 2004. № 1 (17). С. 72–78.

**Атрибуция музейного предмета на примере пастушьей бирки
из собрания музея–заповедника «Зарайский кремль»**

**Attribution of a museum object using the example of a shepherd's
wood tag from the collection of the Zaraysk Kremlin
State Museum–Reserve**

Аннотация. Статья посвящена процессу атрибуции музейного предмета на примере пастушьей бирки, которая находится в музее–заповеднике «Зарайский кремль». В материале рассматриваются различные варианты использования данного экспоната. Был изучен этнографический обзор иноподчского населения долины Южного Енисея, истории русской бирки, а также похожие аналоги в древний период.

Ключевые слова: этнография; музей–заповедник «Зарайский кремль»; пастушья бирка; крестьяне.

Abstract. The article is devoted to the process of attribution of a museum object using the example of a shepherd's wood tag, which is located in the Zaraysk museum. The material discusses various uses of this exhibit. The author considered the materials of an ethnographic review of the foreign population of the Southern Yenisei Valley, the history of the Russian wood tag, as well as similar analogues in the ancient period.

Key words: ethnography; Zaraysk Kremlin State Museum–Reserve; shepherd wood tag; peasants.

Этнография является важной частью исторической науки, которая отражает быт, культуру народов через материальные и письменные источники, дошедшие до наших дней. Музейным работникам, исследователям, которые работают с предметами разных народов, определённой прослойки населения, необходимо провести процедуру атрибутирования вещей, с целью выявления основных признаков, определяющих название, назначение, устройство, материал, размеры, технику изготовления, авторство, хронологию, а также географию создания и бытования музейного предмета [5, с. 66]. Эта процедура является трудоёмкой и многие музеи сталкиваются с неправильностью атрибутирования предметов, что приводит к ошибочности мнений о данном экспонате. Данный вопрос был и остаётся актуальным, так как множество предметов, хранящихся в коллекциях музеев, до сих пор до конца не исследованы.

В этом направлении работали авторы, которые создали теоретическую базу для раскрытия данного вопроса, например, Н. В. Кузина [5] и Т. Ю. Юренева [10]. Данные учебные пособия позволяют познакомиться с теоретическими аспектами музейной работы, в том числе атрибуции-

ей предметов. Особое внимание необходимо обратить на труд, который вышел в 2017 г. под редакцией И. В. Белобородовой, О. О. Брашпиной «Система научного описания музейного предмета. Классификация, методика, терминология» [9]. В этой работе кроме теоретических основ описания предметов и постановки их на учёт, отдельно говорится о поспулении и атрибуции экспонатов.

В фондах и основной экспозиции музея-заповедника «Зарайский кремль», находятся предметы, которые сложно атрибутировать или ещё не исследованы до конца. Примером может послужить, находящийся в археологической коллекции, сделанный из бивня мамонта усечённый конус с вертикальным отверстием в центре. Его назначение остаётся неясным [1, с. 331] (рис. 3). С такими проблемами, когда нет аналогий и документов, часто сталкивается археология.

Другой пример иллюстрирует возможность провести анализ описаний предметов, сделать выборку наиболее подходящих вариантов, найти аналогии в этнографических музеях. Данный экспонат, который также хранится в музее-заповеднике «Зарайский кремль», не был введен в научный оборот и неверно проведена его атрибуция. В этом исследовании мы поставили цель — определить назначение данного предмета. Для её реализации были сформулированы следующие задачи: провести поиск документов, найти похожие экспонаты в других музеях, сделать их сравнительный анализ.

Данный предмет представляет из себя продолговатую деревянную палку, с чуть проступающими гранями и с зарубками на них (рис. 1–2). Он служил инструментом для удобства счёта или записи данных. Часто в научной литературе можно встретить такое понятие как «бирка». Они использовались вплоть до первых десятилетий XX в., причём в XVIII и XIX вв. применялись сравнительно широко.

Существовало несколько видов бирок. Долговые бирки: на них делали зарубки, после чего расщепляли на две части вдоль вертикальной оси, почти всегда непосредственно по центру самих зарубок. Одну часть бирки получал должник, а другая оставалась у кредитора. При выплате долга две половины сравнивались. Их складывали вместе и проверяли, совпадает ли количество зарубок на них, т.е. являются ли эти две половины частями одной бирки. В целом, при её помощи фиксировалось всё, что могло быть отдано или получено займы [4, с. 28] (рис. 4).

Есть примеры экспонатов подобного типа, которые были найдены во время раскопок в Новгороде, относящиеся к XI–XIV вв. и являются персонифицированными, так как в них указаны конкретные лица. Цифровая информация в бирках представлена зарубками разной конфигурации (соответственно видам учётных объектов), а текстовая информация — учётными измерителями [6, с. 278–279]. Долговые бирки были по длине своей небольшие и заострённые на конце.

Есть сведения, что старосты и целовальники получали деревянные четырёхугольные палочки (бирки) за печатью, с обозначением — для каких кредитов, какой меры и каких денег служит каждая из них. Ежегодно они приходили в главную контору господина с этими бирками, ими производился учёт, и тогда они получали уже настоящие квитанции [8, с. 253].

Анализируя подробное описание долговой расписки, можно сделать вывод, что экспонат зарайского музея не имеет вид долговой бирки.

В. В. Селиванов в своей книге «Год русского земледельца» описывает бирку следующим образом: «[Этими работами занимается] какой-нибудь отживающий свой век старик, из дворовых, стоит возле работающих и метит на «бирку», т. е., нарезает на палочку, четверти в три длину (примерно 54 см), крестики означая ими число привозимых копен. Староста или приказчик, надсматривающий в это время в поле, имеет тоже свою бирку, и потом обе бирки сличаются. Она метится для каждого скирда и как окончится кладка, втыкается в свой скирд» [7, с. 45].

По окончании молотьбы пробных копен, итог метят на бирки, т. е., записывают в приходную книгу гумна, в графу умолота. Вымолоченные же из пробных копен зерно и семена поступают, вместе с вымолоченным из особо сложенных в ригу и наносятся на этот предмет количество копен [7, с. 52].

Есть ещё один вариант применения этого предмета, а именно, приём вырубленных приписными крестьянами дров, который производился в присутствии выборных от крестьян, сотских или старост. Число принятых от крестьянина сажений дров отмечалось на бирке («рубже»), которую раскалывали пополам, причём одну половину отдавали крестьянину, а другую оставлял у себя производивший приём офицер [8, с. 533]. Бирка Зарайского музея не могла применяться таким образом, потому что не имеет следов расщепления.

Есть ещё одно описание подобных бирок. По мнению ряда авторов, данный предмет мог применяться для расчётов с хозяевами скота. У пастухов существовали интересные приспособления: бирки–палки, на которые наносились зарубки. Обычно для бирки брали четырёхгранную палку длиной до 3 м. Вся палка по длине делилась зарубками на число дворов, отдавших пастуху пасти скот. Внутри участка, отделённого для одного двора, также зарубками отмечалось количество скота данного владельца: на одной грани число зарубок соответствовало числу коров и свиней, на второй — числу овец, на третьей — отмечалась сумма, которую должен был данный владелец пастуху. Иногда бирка составлялась на два года, поэтому четвёртая грань служила для записи выплат за следующий год [2, с. 40].

Подобный пример пастушьей бирки мы встречаем у инородческого населения долины Южного Енисея. В этнографической экспозиции находятся бирки для счёта лошадей, рогатого скота и овец. В этой коллекции находятся пастушьи бирки, похожие на ту, которая хранится в зарайском музее-заповеднике. В Этнографическом обзоре даётся трактовка тех условных обозначений, которые нанесены на внешнюю поверхность предмета. Полные крестообразные надрезы означают сотни; наклонный надрез — 50; прямой глубокий — 10; прямой поверхностный — 1 единицу скота; на обратной стороне бирки пастух делает отметки в случае пропажи скота и употребления в пищу [9, с. 37].

Существует довольно подробная работа В. В. Богданова, где автор рассматривает различные виды бирок. Д. В. Дервиз сообщил о подобных предметах, в д. Обухова, Шербинской волости, Тверского уезда, по своим наблюдениям летом 1915 г. он пишет: «Бирки употребляются редко — много грамотных; но всё-таки они употребляются и теперь. Например, года 4 назад я видел у пастуха деревни Захеева палку, на которой было подробно «записано», сколько из какого двора пасётся в стаде коров, телят и быков. Палка около аршина длины была вся покрыта нарезками — прямыми, косыми и крестами» [3, с. 25]. В. А. Городцов также предоставил информацию о бирке, только рязанской. В семнадцатых годах XIX столетия, бирки были в общем употреблении в с. Дубровичах, Рязанской губернии и уезда, в 12-ти верстах к востоку от Рязани. Употреблялись бирки для ежегодного подсчёта домашних животных, который производился десятскими, сотскими и старостами, при участии понятых. Дубровицкая бирка имела вид палки длиной около 1 ½ — 2 аршин, сделанной непременно из липы с содранной корой. Такая палка называлась «Лутовкой», а когда она покрывалась знаками, то её называли «биркой». Для каждой улицы велась отдельная бирка. Счёт обозначался крестиками, косыми и прямыми чертами и получертами, имевшими строго определённое значение. Каждая бирка имела знак улицы. Бирки в течение года хранились в волостном правлении, которое в то время находилось в Дубровичах [3, с. 25].

Таким образом, мы сталкиваемся с большим количеством разновидностей бирок, которые применялись в различных сферах жизнедеятельности населения. В этой связи процедура атрибуции экспоната становится более сложной и требует анализа, сравнения источников, поиск аналогов. В ходе проведённой работы, мы пришли к выводу, что бирка, которая находится в музейной коллекции, относится к хозяйственному типу. Итогом исследования становится атрибуция деревянной палки, которая является пастушьей биркой для подсчёта количества скота.

Список литературы

1. Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. 466 с.
2. Божкович А. С., Жегалова С. К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М.: Советская Россия, 1959. 257 с.
3. Богданов В. В. Русская бирка и древнейшие элементы бирки у её европейских сородичей. С 6-ю рисунками в тексте // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1916. № 1–2. С. 17–39.
4. Ковалёв Р. К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из Новгородской коллекции // Новгородский исторический сборник. Т. 9 (19) / В. Л. Янин (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 28–35.
5. Кузина Н. В. Основы музееведения: активные формы обучения: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2015. 141 с.
6. Малькова Т. Н. Учетное и экономическое наследие Великого Новгорода. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т сервиса и экономики., 2018. 155 с.
7. Селиванов В. В. Год русского земледельца. Рязань: тип. Губ. правл., 1888. 143 с.
8. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II (крепостные) крестьяне. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1881. 504 с.
9. Система научного описания музейного предмета. Классификация, методика, терминология /под ред. И. В. Белобородовой, О. О. Брашнинной. СПб.: Нестор-История, 2017. 253 с.
10. Юренева Т. Ю. Музееведение. М.: Акад. проект. 2004. 558 с.
11. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: изд. На средства В. А. Данилова, 1900. 357 с.

Приложение

Рис. 1. Пастушья бирка. 2-й пол. XIX в. (Музей-заповедник «Зарайский кремль», Зарайск). Фото Смирнова Н. В.

Рис. 2. Пастушья бирка с прорисовкой одной из граней. 2-й пол. XIX в. (Музей-заповедник «Зарайский кремль», Зарайск). Фото автора.

Рис. 3. Предмет из бивня мамонта в виде усечённого конуса с просверленным отверстием и гравировкой в виде косо́го креста. 20–17 тыс. л. до н.э. Фото автора.

Рис. 4. Бирка. XI–2-й пол. XII вв (Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, Новгород). Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18617813>.

Богатырева Александра Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:

Чебаненко Сергей Борисович, канд. ист. наук, ст. преподаватель

Передача имущества, имеющего культурную ценность, Русской православной церкви в период с 1985 по 1991 гг.

Transfer of property of cultural value to the Russian Orthodox church in the period from 1985 to 1991

Аннотация. Перестройка стала отправной точкой для изменения отношений Русской православной церкви и государства. В статье проанализировано положение Церкви в обществе и нормативно-правовые акты, а также рассмотрены конкретные случаи перехода имущества. Несмотря на то, что первые случаи передачи были единичными, открывшаяся в этот период повестка актуальна и сейчас, особенно в связи с идущими сейчас процессами передачи объектов культурного наследия.

Ключевые слова: Перестройка; русская православная церковь; передача имущества.

Abstract. Perestroika became the starting point for changing the relations between the Russian Orthodox Church and the state. The article analyzes the position of the Church in the society, regulatory legal acts and considers specific cases of transfer of property. Despite the fact that the first cases of transfer were uncommon, the problems that came onto the agenda in this period remain relevant today, especially in connection with processes of transfer of cultural heritage objects that are now going on.

Key words: Perestroika; the Russian Orthodox Church; transfer of property.

Перестройка стала отправной точкой для изменения отношений Русской православной церкви (далее — РПЦ) и государства. Знаковым событием является подготовка празднования тысячелетия крещения Руси и резкий поворот в политике партии положил начало процессу передачи Церкви имущества, изъятого после революции.

В годы становления советской власти, большевики вели свою борьбу за уничтожение старого строя. Русская Православная Церковь, была их идеологическим противником, и, будучи институциональной частью царской России, защищала старый строй. Имущество Церкви было национализировано в первые годы советской власти. В 1918 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [5], согласно ему церковь была лишена прав владения имуществом, в том числе недвижимым, перестала иметь статус юридического лица.

Несмотря на то, что на XXVII съезде КПСС был принят курс о недопустимости примиренчества по отношению к религии, общее потепление идеологического климата сказалось и на отношении к религии. В общественном сознании происходили перемены, религия теперь признавалась частью мировой и русской культуры.

Для развития, находившейся в застое экономики, необходимы были внешние займы. Источником валюты должен был быть Запад, а в Европе церковь находилась на привилегированном положении и не испытывала гонений. СССР уже участвовал в международных религиозных организациях, таких как Христианская Мирная Конференция в Праге [2, с. 112]. Христиане Запада должны были быть положительно настроены по отношению к СССР, чтобы повлиять на свои правительства в смысле поддержки нового курса Перестройки. М. С. Горбачев стремился создать во всем мире впечатление, что в Советском союзе свобода вероисповедания защищается, как и концепция гласности и Перестройки. В прессе возникла двойственность, так как в газетах, предназначенных для советских людей, все еще велась антирелигиозная пропаганда. В то время как в изданиях, предназначенных для Запада: «Голос Родины», «Московские новости», «Отчизна», проявлялось толерантное и скорее положительное отношение к религии [8, с. 233].

Ключевым событием, ознаменовавшим изменения, было празднование 1000-летия крещения Руси в 1988 г. Уже в 1981 г. при патриархе была создана комиссия по подготовке юбилейных торжеств. Было подготовлено и издано несколько церковно-исторических сочинений, переиздана Библия и молитвослов, ряд других духовных книг. Празднование позиционировалось не только как церковное мероприятие, но как общественно-значимое событие. Подготовкой празднования руководил Совет по делам религий. В связи с этими торжествами РПЦ были возвращены Введенская Оптина пустынь и Толгский монастырь. В 1983 г. Московской Епархии был передан Данилов Монастырь. В пользование церкви было передано не только здание, но и земля, а также было разрешено вести строительство. Эта передача состоялась по решению Совета по делам религий по просьбе Патриархата и лично Патриархов Алексия и Пимена [4, с. 138].

Специальные органы, занимавшиеся решением дел, связанных с церковью и для взаимодействия с ней появились в середине 1940-х гг. В 1943 г., вместе с изменениями в отношениях церкви и государства, вызванных войной, были созданы сначала Совет по делам Русской православной церкви, а затем в 1944 г. Совет по делам религиозных культов. В 1965 г. эти советы были объединены в Совет по делам религии (далее Совет). К 1985 г. Совет становится централизованной организацией при Совете Министров СССР, отчеты по своей деятельности они направлял в идеологический отдел ЦК КПСС. Совет также имел уполномоченных в союзных и автономных республиках, краях и областях. Основная функ-

ция этого органа — регистрация и снятие с регистрационного учета религиозных организаций. Совет контролировал исполнение нормативно правовых актов о религиозных культах, а также осуществлял контроль над финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций, проводил патриотическую работу среди служителей культа, занимался цензурой религиозной литературы. Кроме того, важной функцией Совета была его работа над предложениями по использованию закрытых ранее культовых зданий и учету культовых ценностей, признанных памятниками искусства [1, с. 156].

Следующий важный этап наступил в апреле 1988 г., когда Советом по делам религий был разработан и внесен на рассмотрение в Верховный Совет законопроект «О свободе совести и религиозных организациях», этот акт был принят 1 октября 1990 г. Закон утвердил новое положение религиозных организаций. В ст. 13 было установлено, что религиозные организации, устав которых был зарегистрирован в предусмотренном законом порядке, становились юридическими лицами, и теперь обладали правом владеть недвижимостью, заниматься хозяйственной деятельностью, создавать учебные заведения для детей и взрослых, а также свободно распространять религиозную литературу. Этот же закон содержал положения о возможной передаче в собственность и в пользование религиозных организаций государственного имущества (ст. 26, 27), порядок передачи зафиксирован в законе еще не был, и в тексте документа не было порядка передачи объектов культурного наследия [7]. Однако это был большой шаг в восстановлении имущественных прав РПЦ.

Вместе с возвращением некоторых монастырей и храмов начался процесс передачи предметов, уже находившихся в музейных собраниях, в частности, мощей святых. 29 апреля 1988 г. мощи Феодосия Тотемского из фондов Вологодского художественно-исторического и архитектурного музея-заповедника были переданы Вологодской епархии. В мае 1988 г. в Оружейной палате Кремля была проведена церемония передачи святынь, хранившихся в музеях Московского Кремля, среди музейных предметов были десница апостола Андрея Первозванного, глава Иоанна Златоустого, частицы мощей князя Владимира и другие реликвии. Перенесены были и мощи Александра Невского. В 1922 г. мощи перевезли в Музей истории религии и атеизма, а серебряную раку — в Эрмитаж. В мае 1988 г. мощи были переданы Церкви, и затем перенесены в Троицкий собор Александро-Невской лавры. Передача этих реликвий совпала также с возвращением части Киево-Печерской лавры с Дальними пещерами, где находились мощи 45 киевских святых [4, с. 140].

В заключение я могу сделать следующие выводы: перестройка 1985–1991 гг. стала поворотным этапом в отношении церкви и государства. Однако первые передачи имущества были единичными случаями,

происходившими по прошению религиозной организации. Массовые передачи начались только после распада СССР.

Список литературы

1. Дорская А. А. Правовой режим имущества религиозного значения в России: история и современность. СПб.: Астерион, 2012. 222 с.
2. Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в период Перестройки 1985–1991 годов // Исторические науки и археология. 2008. № 1. С. 109–115.
3. Кашеваров А. Н. 1000-летие крещения Руси и начало процесса возвращения мощей святых русской-православной церкви // Клио. 2016. № 1. С. 115–123.
4. Королева Л. А., Королев А. А., Мельниченко О. В. Взаимоотношения власти и русской православной церкви накануне празднования 1000-летия крещения Руси // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 3. Т. 3. С. 136–143.
5. Об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет СНК от 23.01.1918. // СПС «Консультант Плюс».
6. О свободе вероисповедания. Закон РСФСР от 25.10.1990 № 2651. // СПС «Консультант Плюс».
7. О свободе совести и религиозных организациях. Закон СССР от 01.10.1990 № 16891. // СПС «Консультант Плюс».
8. Русская православная церковь в советское время (1917–1991) / сост. Г. Штриккер. М.: ПроPILEI, 1995. 400 с.
9. Симонов М. А. Исторический опыт взаимодействия государства и Русской Православной церкви в 1980-е–2000-е гг.: динамика приоритетов в сфере законодательства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 140–147.

Батурина Арина Александровна

Соловьева Валерия Дмитриевна

Тверской государственной университет

Научный руководитель:

Даунгауэр Ольга Владимировна, канд. ист. наук, доц.

Правовые и этические вопросы стрит-арта в современной России (на примере города Твери)

Legal and ethical issues of street art in modern Russia (on the example of the city of Tver)

Аннотация. Статья посвящена изучению стрит-арта как явления искусства, а также воздействию правовых и этических аспектов на его существование. Исследование актуально, так как тема затрагивает массовое искусство, находящееся в настоящее время на пике своей популярности, вызывающее острые социальные дискуссии, порождаемые отсутствием единства мнений.

Ключевые слова: стрит-арт; граффити; искусство; правовые вопросы.

Abstract. The article is devoted to the study of street art as an art phenomenon, as well as the impact of legal and ethical aspects on its existence. The study is relevant, since the topic touches upon mass art, which is currently at the peak of its popularity, causing heated social discussions, generated by the lack of consensus of opinion.

Key words: street art; graffiti; art; legal issues.

Тема стрит-арт искусства развивается в современной России, но при этом по сей день существуют разногласия, касающиеся этого вопроса, что вызывает определённые проблемы, связанные с существованием граффити в городской среде.

Понятие стрит-арт включает в себя различные проявления уличного искусства (уличные музыканты, танцоры и прочие перформансы). В данной статье рассматривается такая часть стрит-арта, как граффити.

Одна из теорий возникновения этого вида искусства гласит о том, что во времена Второй мировой войны инспектор судоверфи Бостона Джеймс Дж. Килрой [2, с. 41] считал заклепки и отмечал их простыми черточками. Затем вместо них он стал писать фразу «KILROY WAS HERE», а позднее стал добавлять изображение к ней. Солдаты ходили по кораблю и замечали везде это изображение с надписью, предполагая, что их создавали другие члены команды ради «шутки». Это переросло в массовое явление, и какую бы страну ни посещали американские солдаты, обязательно кто-нибудь оставлял эту надпись [2, с. 42].

Изначально граффити представляло собой протестное явление, вызывающее внимание общественности. Так зародилась англо-американская традиция стрит-арта [7, с. 222–223]. Целью творчества художников, поддерживающих идеологию этой школы, является привлечение внимания, либо высказывание какой-либо яркой мысли, иногда даже радикальной.

Но существует и другое направление — европейский стрит-арт [7, с. 222–223]. Он изначально позиционировал себя, как явление искусства. В нём участвуют в основном люди с высшим художественным образованием, продумывающие все свои работы и тщательно вписывающие их в городской ландшафт.

Одной из самых ярких личностей в истории уличного искусства является Banksy [12, с. 315–316], работы которого отличаются глубоким содержанием, что позволяет относить его произведения к художественному творчеству. Поэтому, переход стрит-арта из рамок вандализма в формат произведений искусства можно заключить в отдельный термин — «Феномен Бэнкси». Аргументом к такому мнению может служить прошедший в 2018 г. аукцион, на котором одна из его самых знаменитых картин «Девочка с воздушным шаром» была самоуничтожена, что привело к её подорожанию [6]. И в 2021 г. картина с уже изменённым названием «Любовь в мусорном баке» была снова продана на аукционе [3]. Таким образом, работы Бэнкси можно приравнять к общепризнанным произведениям искусства.

В данной статье рассматривается противоречивость мнений о стрит-арте, а также правовые и этические аспекты, связанные с этим искусством на примере Твери.

Следует упомянуть о законодательстве, связанном с данным видом искусства. В законе Тверской области № 46-ЗО «Об административных правонарушениях» содержится статья 26, согласно которой за нанесение надписей и графических изображений вне отведённых для этих целей мест без разрешения или согласования предусмотрен административный штраф [8]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что власти области не поддерживают самовольное нанесение граффити.

Говоря об опыте взаимодействия с властями нужно отметить, что мнение тверских стрит-арт художников разделилось. Некоторые из них считают, что такие контакты противоречат идеологии этого направления [9]. Но для ряда уличных художников считается вполне приемлемым идти на контакт с официальной властью, выполняя различные заказы, например разрисовка будок к различным праздникам, для которых требуется немного изменить образ города [10]. При этом для того, чтобы разместить на стенах города какой-либо арт, нужно пройти через ряд сложных согласований. Но и эта часть художников, поддерживающая работы, где заказчиком является государство, постепенно

теряет интерес к таким проектам, так как в них теряется индивидуальный стиль художника.

На примере города Тверь можно увидеть, как в наше время власти начали более лояльно относиться к стрит-арт искусству. Летом 2021 г. в День города художники местной изостудии «Зебра» при поддержке благотворительного фонда Владимира Потанина украсили стену на Студенческом переулке историческим граффити «Екатерина Великая и Тверь» [5]. Подобные проекты выходят за рамки понятия «вандализма» и уже имеют художественную ценность. По мнению властей оно поможет привлечь внимание населения к истории города Твери.

У тверских художников есть и примеры негативного опыта взаимодействия с населением и местной властью. Таковым можно считать создание Виктором Лебедевым мурала А. Солженицына. Это огромный рисунок, изображающий известного писателя, который имел достаточно неоднозначную репутацию в российской истории. Под портретом А. Солженицына была выведена его цитата: «Жить не по лжи». Проблемы у художника начались еще в процессе работы, когда некоторые жильцы дома посчитали это актом вандализма. Один из жителей составил жалобу, и депутат Заксобрания Тверской области написал запрос в администрацию города Твери, которая оштрафовала художника. В соответствии с постановлением суда ему выписали еще один штраф, а также обязали устранить граффити. Но в дело вмешался губернатор Тверской области, давший поручение главе города, чтобы тот выделил новую стену для портрета Солженицына. Художнику предложили повторить работу [11]. На примере этой ситуации можно сделать вывод, что нанесение граффити тесно связано с правами и свободами людей. Так как свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого.

Спротивление уличным художникам оказывает не только официальная власть, но и городские активисты. Они создали проект «Город чистых стен» и за месяц ликвидировали более 150 объектов, среди которых были несогласованные граффити [1]. Участники проекта мотивировали свою деятельность тем, что разукрашенные стены выглядят неаккуратно, а также ассоциируются с криминалом и бедностью [1].

Анализируя мнения художников о перспективах развития стрит-арт искусства в Твери, следует отметить их различные точки зрения. Одни из них говорили о том, что смыслом граффити было привлечение внимания властей города на разрушающиеся здания. Но постепенно города благоустраиваются, становятся чище, власти реставрируют здания, во многих крупных городах вводят свой дизайн-код. При этом власти города не создают арт-пространств для развития данного вида искусства [4]. Поэтому стрит-арт искусство в Твери заканчивает свою активную стадию. Однако существовали и иные мнения художников, считавших, что стрит-арт искусство всё еще находится на пике своей

популярности. Аргументом к этому может служить интерес властей, проявляющийся во взаимодействиях с уличными художниками.

Таким образом, в результате исследования важно отметить, что несмотря на существование противоположных мнений, а также неоднозначного восприятия властями объектов стрит-арта, они имеют достаточно высокий потенциал для легализации и признания общественностью. Всё вышесказанное, а также пример «феномена Бэнкси» показывает, что граффити постепенно приобретают статус настоящих культурных объектов.

Список литературы

1. Активисты освобождают Тверь от граффити на стенах // Tverigrad. URL: <https://tve-rigrad.ru/publication/aktivisty-osvobozhdajut-tver-ot-graffiti-na-stenah/> (дата обращения: 15.10.2021).

2. Вильчинская-Бутенко М. Э. Зарождение и развитие искусства граффити // Труды института бизнес-коммуникаций. 2019. Т. 5: Искусствознание и дизайн. С. 37–50.

3. Изрезанный шредером рисунок Бэнкси ушел с молотка за рекордные \$25,4 млн. // ТАСС. URL: <https://tass.ru/kultura/12669811> (дата обращения: 23.10.2021).

4. Искусство или провокация? Уличный художник из Твери — о смысле граффити. // TVER.AIF.RU. URL: https://tver.aif.ru/society/persona/iskusstvo_ili_provokaciya_ulichnyy_hudozhnik_iz_tveri_o_smysle_graffiti (дата обращения: 25.10.2021).

5. Историческое граффити на Студенческом переулке станет новой достопримечательностью Твери. // tverlife.ru. URL: <https://tverlife.ru/lenta/istoricheskoe-graffiti-na-studencheskom-pereulke-stanet-novoj-dostoprimechatelnostju-tveri/> (дата обращения: 16.10.2021).

6. Картина Бэнкси самоуничтожилась после продажи на аукционе Sotheby's. // BBC News, Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45770140> (дата обращения: 22.10.2021).

7. Кудряшов И. С. Стрит-арт как феномен современной культуры: проблема генезиса и семиотические особенности сообщения // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 220–233.

8. Об административных правонарушениях: закон Тверской области от 14 июля 2003 г. №46-30. URL: <https://docs.cntd.ru/document/936006667> (дата обращения: 30.10.2021).

9. О вандализме, ответственности и любви к городу: Майк Хайпер готов изменить Тверь. // tvernews.ru. URL: <https://tvernews.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).

10. Путь Джокера. От милых мишек — до Цоя и Солженицына // Tverigrad. URL: <https://tverigrad.ru/publication/story-04/> (дата обращения: 14.10.2021).

11. Художник закончил работать над граффити с портретом Александра Солженицына в центре Твери. // Tverigrad. URL: <https://tverigrad.ru/publication/hudozhnik-zakonchil-rabotat-nad-graffiti-s-portretom-aleksandra-solzhenicyna-v-centre-tveri/> (дата обращения: 14.10.2021).

12. Щукина Е. П. Современный стрит-арт в работах уличного художника Бэнкси и его влияние на социальную среду // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее: матер. XXV юбилейной ежегод. междунар. науч. конф.: в 4 т. Санкт-Петербург, 22 марта 2019 года / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. Т. 4. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. С. 315–318.

Голос улиц: фестивали как способ сохранения объектов уличного искусства вне улиц и музеев

The voice of the streets: festivals as a way to preserve street art outside streets and museums

Аннотация. Уже несколько десятилетий встает вопрос о том, каким образом необходимо экспонировать объекты уличного искусства. Один из возможных и предлагаемых форматов — фестивали, которые также несут в себе функции просвещения общества и сохранения стрит-арта. В статье рассматриваются несколько европейских и российский фестивали уличного искусства, которые показывают модель проведения подобных мероприятий в сфере стрит-арта.

Ключевые слова: уличное искусство; фестивали; выставки; граффити.

Abstract. For several decades, the question about how to exhibit the pieces of street art has arisen. One of the possible and proposed formats is festivals, which also carry the functions of educating society and preserving street art. The article examines some of the European and Russian street art festivals, which show a model for this type of events in the sphere of street art.

Key words: street art; festivals; exhibitions; graffiti.

Уличное искусство является очень ярким, но противоречивым. Оно вызывает множество споров о том, как определить качество работ, какие термины применять и что не будет являться вандализмом. Однако если с дефинициями и критериями оценки работ исследователи интенсивно разбираются и находят общее соглашение, то все, что касается способов экспонирования уличного искусства, до сих пор сопровождается обширными дискуссиями. Стоит обратить внимание, что термины «уличное искусство» и «стрит-арт» в российском исследовательском сообществе являются синонимичными. Исследователям, художникам и кураторам не совсем очевидно, где выставлять объекты уличного искусства. Оно изначально рождается в уличной среде, а само «место рождения» работ находится в названии-словосочетании. Многие художники выступают против перемещения объектов стрит-арта в стерильное крытое пространство музеев ведь в таком случае, работа теряет свою привязку к улице и становится просто произведением актуального новейшего искусства [2]. В качестве компромисса выступают открытые специализированные музеи уличного искусства и фестивали как альтернатива временным выставкам в музеях. Актуальность данной работы обосновывается наличием открытых, нерешенных вопросов о способах экспонирования объектов уличного искусства. Целью

данной работы можно считать показ еще одной допустимой формы экспонирования стрит-арта.

Стрит-арт возник во второй половине XX в. в Нью-Йорке, США. Появление первой формы, граффити, изначально не было связано с протестным движением или усилением криминальной силы. Точкой отсчета для изучения стрит-арта считаются теги, то есть надписи псевдонима или никнейма, подростка Деметриуса Таки183 [8]. Он использовал такие надписи, чтобы не потеряться в районах города, куда он часто ездил. По факту небольшие пометки на стене размножились с большим количестве. В скором времени на них обратили внимание другие молодые художники, и Нью-Йорк заполнили небольшими тегами. В это же время некоторые районы, например, Бруклин, был центром противостояния криминальных группировок и на некоторое время стрит-арт стал инструментом преступных сил и их индикатором нахождения в частях города. Стрит-арт настолько стойко стал ассоциироваться с противоправными действиями, что с ним стали бороться на городском уровне, особенно в метрополитене, где в 1970-х гг. большинство вагонов было исписано знаками криминальных структур. Тем не менее, такое негативное применение уличного искусства длилось недолго. Открытие границ в поствоенном мире, путешествия и расширение городов привели к тому, что к 1990-м гг. стрит-арт возникает в Европе. В новых местах он больше связан с современными течениями, особенно музыкальными, нежели с преступниками. В одних странах стрит-арт ассоциировался с хип-хопом, в других — с роком. Где-то через него находили отношения политические лозунги, послания и призывы, особенно в местах острой конфликтной ситуации, например, как при падении Берлинской стены. И именно в это время художники, которые оттачивают навыки работы в направлении стрит-арта и делают уличное искусство основным путем своего творчества, понимают, что их работы испортить или удалить намного проще, чем, например, те, которые находятся под охраной музея или галереи. В то же время часть художников хотели быть независимые и были настоятельно против перемещения уличного искусства для экспонирования вне улиц. Так возникают фестивали уличного искусства. В то же время художники разных стран формирует свои крью или группы, которые пишут работы в одном стиле [9, р. 5–7]. Такие объединения покалывают, что появляются целые сообщества. Для передачи опыта, завоевания престижных наград, которые повысили бы статус и обеспечили работой художников, фестивали также стали желанными пространствами для стрит-арта. Они позволяют приезжать в другие города и страны, обмениваться опытом, смотреть на то, как происходит работа художников в регионах. Особенно острый вопрос, который практически всегда поднимается в сообществе художников, связан с правовыми особенностями в сфере уличного искусства. Фестивали могут помочь привлечь внимание художников, зрителей и власти к тому, чтобы работы были под протекцией города или

страны, потому что «стрит-арт и граффити часто обречены на относительно быстрое исчезновение» [7, р. 17–22]. Фестивали также помогают запечатлеть в каталогах, также допустимой формы публикации для такой формы экспонирования, фигурирующие там работы.

Самым масштабным фестивалем уличного искусства в Европе можно считать «Bristol's Upfest» или «Upfest», проходящий в городе Бристоль Великобритании [5]. Фестиваль изначально был задуман как большой центр коммуникации для художников уличного искусства, которые не могут видеть друга, а только считывать теги как «своеобразные коды». Фестиваль продолжает свою работу каждый год, и теперь расширен как и большое развлекательное мероприятие для посетителей: художники рисуют на глазах у публики свои новые работы, Бристоль украшают новыми муралами, продают различные сувениры и есть волонтерская сеть фестиваля. Стоит отметить, что появление такого фестиваля в Бристоль вполне логично. Именно этот город считается центральным для стрит-арта в Великобритании, потому что тут родился всемирно известный анонимный стрит-арт художник Banksy. Здесь же он провел свою знаменитую выставку-акцию в 2009 г. «Banksy vs Bristol museum» в Бристольском музее, где косвенно высмеял концепцию выставок уличного искусства не в уличном пространстве [6]. По «заветам» Banksy сам фестиваль проходит по большей части на открытом воздухе. Можно выделить еще один фестиваль, который проходит в северной стране — «Nuart» в городе Ставангер в Норвегии [4]. Он отличается меньшим масштабом, и в связи с эпидемиологическими событиями конца 2019 – начала 2020 гг. приостановил свое действие на неопределенное время. Это, безусловно, контрастирует с тем, как продолжают свою работу другие фестивали, которые функционируют на открытом воздухе. Тем не менее, сам фестиваль изначально был создан небольшой инициативной группой, а разросся по итогу до внушительных масштабов. Отличает его и научная составляющая — с 2015 г. по настоящее время издается научный журнал, который собирает изучающих стрит-арт исследователей в одном месте. На базе «Nuart Journal» выходят статьи, позволяющие не только художникам, но и изучающим стрит-арт ученым показать результаты своей деятельности.

Российским вариантом организатора фестивалей стало объединение «АРТМОССФЕРА» [5]. Оно организывает мероприятия на площадках, которые позволяют художникам стрит-арта из разных городов встречаться, общаться и делиться опытом. Показ работ в данном случае является ключевым, ведь именно то, что есть открытая территория, в которой при этом стрит-арт находится под защитой, позволяет наблюдать за всем более спокойно. Для художников — без опасения за свое творчество и с пониманием, что само определение уличного искусства не будет разрушено. Для зрителей это вариант понаблюдать за уличным искусством, сконцентрированным в одном месте. Безусловно,

«АРТМОССФЕРА» наиболее плотно вовлечена в жизнь стрит-арта. Объединения, понимая все современные проблемы в этой области, может влиять на любые позитивные изменения в актуальных дискуссионных вопросах. Так, своей глобальной целью создатели фестиваля считает легализацию уличного искусства и просвещение общества в вопросах уличного искусства: «В глобальные цели творческого объединения входят легитимация статуса уличного искусства в российском художественном контексте через демонстрацию многообразия его жанров и форм и его интеграция в поле contemporary art, а также разрушение стереотипа об уличном искусстве как о декоративном, поверхностном или маргинальном» [5]. В действительности, данный вопрос является ключевым для многих художников. Даже зная, что у многих крую разработан и существует свой кодекс, который можно свести к правилам «никогда не расписывать памятники, мемориальные плиты, надгробия» и «граффити не может быть направлено на разжигание какой-либо вражды, оно призвано мирно сделать мир ярче», власти все равно видят практически во всех работах проявление вандализма [1, с. 460–462]. Это приводит к многочисленным попыткам провести круглые столы и конференции. Фестивали позволяют наглядно продемонстрировать труд художников, который не направлен на уничтожение исторического и культурного наследия города. Стоит также отметить, что фестивалей уличного искусства во всем мире в общем и в России в частности проходит много. Однако ключевые обозначены в данной статье.

Таким образом, подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что фестивали уличного искусства стали одной из доступных форм экспонирования объектов уличного искусства. Это прекрасный компромисс между художниками, публикой и властями. В случае «Bristol's Upfest» фестиваль является смесью развлечения посетителей и способа привлечения внимания художников к коммуникации в британской столице стрит-арта. Для «Nuart» в Норвегии фестивали выходят на новый уровень, связанный с изучением стрит-арта в профессиональных научных исследованиях. Для России же продолжается постоянная борьба за правовой статус стрит-арта, а значит, что кроме нужного нетворкинга фестивали становятся в каком-то смысле «голосом улиц», которые показывают обществу и власти, почему искусство улицы нужно сохранить.

Список литературы

1. Кузова Н. В. Граффити: искусство или вандализм? // Молодой ученый. 2015. №16. С. 460–462.
2. Поносов И. Искусство и город: Граффити, уличное искусство, активизм. М.: Игорь Поносов, 2016. 208 с.

3. Фестиваль «АРТМОССФЕРА», Россия, официальный веб-сайт. URL: <https://artmossphere.ru> (дата обращения: 21.10.2021). Фестиваль «Nuart», Норвегия, официальный веб-сайт. URL: <http://www.nuartfestival.no/profiled-articles---right-column/street-art-tours> (дата обращения: 26.10.2021).

4. Фестиваль «Upfest», Великобритания, официальный веб-сайт. URL: <https://www.upfest.co.uk> (дата обращения: 25.10.2021).

5. Banksy: The Bristol Legacy. Bristol: Sansom & Co, 2012. 117 p.

6. Bonadio E. Street art, graffiti and the moral right of integrity: Can artists oppose the destruction and removal of their works? // Nuart Journal. 2018. Vol. 1. P.17–22.

7. New York Times (1857-Current file); Jul 21, 1971; ProQuest Historical Newspapers The New York Times P. 37. URL: https://web.archive.org/web/20070928170508/http://www.ni9e.com/blog_images/taki_183.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

8. Hundermark C. The Art Of Rebellion: The World Of Street Art. Corte Madera: Gingko Press, 2005. 144 p.

Ефремова Валерия Максимовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Никонова Антонина Александровна, канд. филос. наук, доц.

Исторические кладбища: опыт классификации

Historic cemeteries: a classification experience

Аннотация. Вопросы, связанные с сохранением исторических кладбищ, представляются актуальным направлением в современной некрополистике. Однако на сегодняшний день отсутствует общая классификация исторических кладбищ, которая бы отражала специфику и особенности разных исторических некрополей. В данной статье предпринята попытка классифицировать исторические кладбища как важных памятников истории и культуры. Для анализа были выбраны разные формы кладбищ из нескольких регионов России.

Ключевые слова: кладбище; некрополистика; культурное наследие.

Abstract. There is no general classification of historical cemeteries, which would reflect the specifics and characteristics of different historical necropolises. This article attempts to classify historical cemeteries as important monuments of history and culture. Various forms of cemeteries from Russia were selected for the analysis.

Key words: cemetery; necropolis; cultural heritage.

На рубеже XIX–XX вв. в Европе стали популярны исследования старых кладбищ, в России дисциплина получила название «некрополистика» (от слова «некрополь»). На современном этапе сформировалось несколько подходов для исследования некрополей: 1) историко-библиографический — изучение истории возникновения кладбища и генеалогические изыскания захоронений. Примерами исследований считаются труды В. И. Сайтова [7], монография Ю. М. Пирютко и А. В. Кобака [2]; 2) художественный — изучение надгробных сооружений как жанра скульптуры. Важным трудом этого направления является монография сотрудников Музея городской скульптуры В. В. Ермонской, Г. Д. Нетунахиной, Т. Ф. Поповой [1]; 3) музеологический — хранение, учет и показ надгробных памятников и захоронений. Основным источником в данном направлении являются музейные каталоги, альбомы и статьи. Например, альбом «Александро-Невская лавра. Архитектурный ансамбль» [3], статья Ю. А. Логиновой [4]. 4) антропология смерти — исследования похоронной индустрии и обрядов, культуры смерти. Например, работы С. В. Мохова [6] и А. Соколовой [8].

На территории России существует много кладбищ, проблема сохранения которых довольно актуальна. Разработка классификации поможет исследователям в выборе подходов к изучению и сохранению

конкретных кладбищ, поскольку в соответствии с каждым критерием эти подходы могут меняться. Таким образом, цель данной статьи: с помощью основных критериев разработать классификацию кладбищ. Задачи, ставящиеся перед исследованием, следующие: определить основные формы и виды некрополей, определить какой статус носят захоронения, выяснить ответственного за сохранность территории и объектов.

В соответствии с законодательством¹ кладбищами именуется «места погребения отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли для захоронения тел (останков) умерших» [9]. То есть любое место, независимо от времени создания, на котором располагаются действующие захоронения является кладбищем. В Федеральном законе Российской Федерации №732 кладбища заменяются синонимичным названием «некрополь» [10]. Некрополи могут быть отнесены к ансамблям, но определение понятия «некрополь» отсутствует. Тульский некрополист М. В. Майоров считает, что некрополем необходимо именовать музеефицированные кладбища [6]. Однако существует большое количество кладбищ не музеефицированных, но носящих статус объекта культурного наследия. В европейской практике некрополи — это большие кладбища, на территории которых присутствуют различные виды захоронений и надгробных памятников, а кладбища определяются как «graveyard» (площадка для могилы) или мемориальный парк. В данной статье понятие некрополя использовано с точки зрения европейской практики.

Для анализа кладбищ как памятников истории и культуры были разработаны критерии. В исследовании рассмотрены: Музей городской скульптуры (г. Санкт-Петербург), Музей-заповедник «Фанагория» (Краснодарский край), Пискаревское мемориальное кладбище (г. Санкт-Петербург), Левашовское мемориальное кладбище (г. Санкт-Петербург), комплекс Смоленских кладбищ и Остров декабристов (г. Санкт-Петербург), Старое Донское кладбище (г. Москва), Преображенское еврейское кладбище (г. Санкт-Петербург), Комаровское кладбище (г. Санкт-Петербург). Подобный географический разброс обусловлен необходимостью отразить в сравнительной таблице разные кладбища: на территории Санкт-Петербурга нет античных некрополей, но есть единственный в России музей-некрополь³.

В первом критерии указано географическое положение кладбищ. Во втором критерии прописано время создания кладбища и активного пользования для захоронений. В зависимости от периода внешний вид и сохранность кладбища может отличаться. Например, некрополи до XVIII в. часто являются объектом археологических исследований. На

¹ Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8-ФЗ.

² Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.

³ Таблицу можно изучить в Приложении 1.

их территории активно ведутся раскопки, а сохранность редко находится на высоком уровне. На кладбищах XVIII–нач. XX вв. и XX–XXI вв. не ведутся раскопки, поскольку история места хорошо известна, а погребальные традиции в данные периоды практически не отличались от современных. Однако в различные периоды различаются формы и стили надгробий, устройство кладбищенской территории. Например, на кладбищах XX–XXI вв. на надгробиях практически везде присутствуют фотографии.

Третий критерий — форма кладбища, *который* подразумевает форму, в которой существует кладбище сейчас. Это может быть музей, как Лазаревское кладбище на территории Александро–Невской лавры, музеефицированная территория как в музее-заповеднике «Фанагория», объект культурного наследия или обычное место захоронения.

Четвертый критерий — тип. Кладбище может быть: открытое, то есть область захоронений растет и производятся новые захоронения; закрытое от свободных захоронений, то есть территория имеет постоянные границы, но возможны подзахоронения; закрытое, то есть границы кладбища не изменяются и никакие захоронения и подзахоронения невозможны.

Пятый критерий — статус захоронений. В зависимости от формы захоронения кладбища могут иметь определенные статусы. Если это музей, то все захоронения являются музейными объектами, а если музей-заповедник, то объекты некрополя являются частью музеефицированной среды. Также вся территория кладбища может быть объектом культурного наследия, а захоронения считаться элементами охраны данного памятника, или же отдельные захоронения могут являться объектами культурного наследия. Если захоронение не попадает ни под один статус, то оно считается обычным.

Шестым критерием является *вид*. Он связан с тематической принадлежностью кладбища. Кладбища можно разделить на пять видов: конфессиональное, археологическое, воинское, политическое и общее. До Революции 1917 г. кладбища делились по конфессиональному принципу, поэтому в названии многих присутствует и наименование конфессии, к которой принадлежит кладбище. Например, Преображенское еврейское кладбище было создано для еврейской общины в Санкт-Петербурге в 1875 г. После революционных событий конфессиональное деление упразднилось, поэтому кладбища становились общими для всех. Археологическая принадлежность связана с кладбищами, которые представляют интерес для изучения видов погребения и устройства древних кладбищ. Еще одна большая группа — это воинские кладбища. В данную категорию попадают территории, созданные для захоронения участников военных действий, военачальников, жертв войны, братские захоронения. К пятой группе относятся места массовых

захоронений жертв политических репрессий, узников лагерей и военнопленных, спецпоселенцев.

В седьмом критерии рассматриваются лица, ответственные за содержание и благоустройство территории. Данный пункт позволяет определить в первую очередь направления деятельности. Например, если это специализированная служба по вопросам похоронного дела, то в компетенции ответственного не входят научные изыскания и популяризация кладбища. Также данный критерий позволяет увидеть загруженность ответственного лица: церковь (приход) несет ответственность за один некрополь, а специализированная служба может содержать десятки кладбищ в городе.

Последний критерий сохранность определяется путем экспертного анализа состояния основных элементов на территории кладбищ: 1) объекта над захоронением (надгробие, сооружение, постройка); 2) захоронения (человеческие останки); 3) ландшафта; 4) кладбищенских построек (церковь, колумбарий, малые архитектурные формы — различная инфраструктура кладбища, обеспечивающая комфортное пребывание на территории).

В сравнительной таблице (Прил. 1) рассмотрены разные формы кладбищ. В основном представлены петербургские кладбища, что связано с богатой и уникальной культурной средой города. Например, Музей городской скульптуры — единственный в России музей-некрополь подобного вида. Также необходимо отметить, что на территории Санкт-Петербурга располагаются как конфессиональные и общие, так воинские и политические кладбища. Определение субъекта ответственности за содержание данных территорий зависит от вида кладбища: если это музей или музей-заповедник, то сохранением занимается музейная организация; если это объект культурного наследия или обычное кладбище, то благоустройством занимается государственное учреждение, которое нанимает обслуживающую организацию, церковь или частные лица. Например, ООО «Собор» является администрацией Смоленских кладбищ на Васильевском острове и Комаровского поселкового кладбища. Важно сказать, что все рассмотренные кладбища относятся к закрытому или полужакрытому типу: поскольку входят в городскую черту и составляют с городом единый культурный ансамбль.

Однако состояние многих некрополей, не носящих музейный статус и не являющиеся археологическими объектами, можно считать неудовлетворительным. Например, Смоленское Лютеранское кладбище, находясь в историческом центре Санкт-Петербурга и являясь объектом культурного наследия регионального значения, пребывает полуринированном состоянии. Тем не менее оно может входить в сферу научных интересов культурологов и урбанистов, поскольку это городской некрополь XVIII в., располагающийся среди жилых комплексов. Эта проблема касается многих кладбищ подобной формы и статуса.

Таким образом, в дальнейшем представляется необходимым более детально изучать именно эту группу.

Список литературы

1. Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI – начала XX в. М.: Искусство, 1978. 311 с.

2. Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2011. 797 с.

3. Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Александро-Невская лавра. Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л.: Художник РСФСР, 1986. 304 с.

4. Логинова Ю. А. Художественный некрополь как объект историко-архитектурного наследия: проблемы сохранения (российский и европейский опыт) // Academia. Архитектура и строительство. 2021. №2. С. 59–65.

5. Майоров М. В. Некронимы и некротопонимы — предлагаемые элементы ономастической системы // Хронос. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2006/nekronimy.html> (дата обращения 4.11.2021).

6. Мохов С. В. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 359 с.

7. Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. I–IV. СПб: типогр. М. М. Стасюлевича, 1912–1913.

8. Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое лит. обозрение, 2022. 260 с.

9. Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9015335> (дата обращения 4.11.2021).

10. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения 4.11.2021).

Смоленские дружинные кладбище	Смоленские Дворянские кладбище	Смоленские Фригосе (бывалое) кладбище	Колодецкая кладбище
г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	Ленинградская область
XVIII-нач XX	XVII-нач XX	XVIII-нач XX	XX-XXI
место захоронения	место захоронения, объект культурного наследия федерального значения	место захоронения	место захоронения, объект Взаимного наследия ЮНЕСКО Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним историко-культурные
закрытое от свободных захоронений	закрытое от свободных захоронений	закрытое от свободных захоронений	закрытое от свободных захоронений
ОКН захоронения / обычные захоронения	ОКН захоронения / закрыты органы ОКН	ОКН захоронения / обычные захоронения	ОКН захоронения / обычные захоронения
книжноспондильное	книжноспондильное	воинские	общие
СПб ГКУ «Специализированная служба Санкт-Петербурга по вопросам похоронного дела»; ООО "Соброр" д.л.а.а.а.	СПб ГКУ «Специализированная служба Санкт-Петербурга по вопросам похоронного дела»; ООО "Соброр" д.л.а.а.а.	СПб ГКУ «Специализированная служба Санкт-Петербурга по вопросам похоронного дела»; ООО "Соброр" д.л.а.а.а.	СПб ГКУ «Специализированная служба Санкт-Петербурга по вопросам похоронного дела»; ООО "Соброр" д.л.а.а.а.

Скуднева Марьяна Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Чебаненко Сергей Борисович, канд. ист. наук, ст. преподаватель

Проблемы музеефикации городской среды исторических поселений на примере Выборга и Томска

The problems of museumification of the urban environment of historical settlements on the example of Vyborg and Tomsk

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы музеефикации городской среды в России на примере исторических поселений Выборг и Томск. В связи с новым строительством на территории исторических поселений нарушается их первоначальный облик и разрушаются ценные памятники архитектуры, соответственно возникает проблема их сохранения и репрезентации в качестве самоценных элементов городской среды.

Ключевые слова: музеефикация городской среды; историческое поселение; Выборг; Томск.

Abstract. The article considers the problems of museumification of the urban environment in Russia on the example of the historical settlements of Vyborg and Tomsk. In connection with the new construction on the territory of historical settlements, their original image is violated and valuable architectural monuments are destroyed, accordingly, there is a problem of their preservation and representation as self-valuable elements of the urban environment.

Key words: museumification of the urban environment; historical settlement; Vyborg; Tomsk.

В настоящее время возникает интерес со стороны общества к проблеме сохранения историко-культурного наследия, в частности к целым градостроительным комплексам (историческим городам, кварталам, фрагментам застройки). Согласно статье 59 Федерального закона №73 «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации», под историческим поселением понимается «населенный пункт или его часть, в границах которого расположены объекты культурного наследия, включенные в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения» [9].

В. Р. Крогиус отличает исторические поселения от отдельных памятников истории и архитектуры по следующим параметрам: большая территория, значительное количество субъектов градостроительной деятельности (жители, туристы, органы муниципалитета, федеральной власти, предприниматели), земельные участки различных форм собственности (федеральной, муниципальной, частной). При этом историческое поселение как постоянно меняющийся живой организм, должен

встраиваться в современные условия жизни общества, что делает его уникальным культурным явлением [2, с. 7].

Актуальным является вопрос сохранения индивидуальности исторических поселений на территории Российской Федерации в связи с разрушением целостности их планировочной структуры, утраты ансамблей, ценной деревянной и каменной застройки. Исторические поселения превращаются в однообразные, обезличенные города за счет проведения масштабных строительных работ. Отдельные памятники зачастую подвергаются некачественной реконструкции и реставрации, что также влияет на облик исторических городов. В деле сохранения архитектурного наследия, тесно связанного с окружающей его городской средой, необходимо соблюдать средовой подход, так как памятники архитектуры — это главная составляющая историко-культурной среды города, помогающая сохранять дух места.

Проблема малоизученности теоретических и методических аспектов музеефикации городской среды исторических поселений актуальна по разным причинам: отсутствие широкой практики музеефикации городской среды, ее теоретического осмысления; малочисленность музеев городской тематики как подгруппы музеев под открытым небом; сложность трактовки понятия музея городской среды и его классификации [3].

История Выборга начинается с 1293 г. и делится на основные исторические этапы, включающие шведский, императорский, финский, советский и российский периоды. Развитие города начиналось от фортификационных сооружений на островной части и разрасталось до материковой части. Выборг развивался как типичный средневековый город, где на береговой линии полуострова появлялось торгово-ремесленное поселение и располагались деревянные и каменные постройки с узкими улицами [1, с. 12]. В то же время русские средневековые крепости возникали в местах пересечения речных и сухопутных торговых путей, образуя вокруг себя торгово-ремесленные посады.

Уже с XIV в. происходит образование знаковых объектов городской средневековой застройки полуострова, а именно городского кафедрального собора, францисканского и доминиканского монастыря. В XV в. территория Выборга огораживается каменной стеной с башнями и башнями [1, с. 14].

Планировочная структура менялась от свободной (хаотичной) застройки шведского периода (1293–1710 гг.), которая подчинялась особенностям рельефа, до регулярной, начавшей формироваться в 1630–1640-х гг. К XVIII – началу XIX вв. для городов была характерна регулярная ансамблевая застройка с применением типовых и повторных проектов [4, с. 148].

М. М. Осипова отмечает, что музеефикация пространства должна проходить путем наделения его особым музейным смыслом через

визуальное восприятие [5, с. 144]. Процесс предполагает, что местность и окружающие человека объекты репрезентируются таким образом, чтобы посетители чувствовали и вели себя так, будто они находятся в музее. Таким образом, необходимо привлечь внимание к музеефицируемым территориям и объектам, где немаловажную роль в преобразовании городского пространства должны играть городские власти, музейные специалисты, архитекторы, местные сообщества.

Архитектор Ю. В. Ранинский выделяет формы реконструкции для сложившегося города, необходимые для сохранения и восстановления его исторической среды: сохранение (градостроительная консервация), обновление, преобразование, переустройство [6, с. 14]. Для Выборга наиболее актуальной будет форма сохранения (или градостроительной консервации) с возможностью воссоздания утраченных объектов, реставрацией архитектурных памятников и фрагментов городской среды с заменой инженерных коммуникаций и благоустройством территории.

Основные направления в вопросах музеефикации городского пространства Выборга должны затрагивать различные сферы жизнедеятельности данной территории, а самое важное — способствовать развитию отечественного и зарубежного туризма. Первое направление предполагает демонстрацию историко-архитектурного наследия города через показ эволюции архитектурных стилей, формировавшихся на протяжении нескольких столетий, представители которых могут располагаться вплотную друг к другу. Второе направление подразумевает создание соответствующей атмосферы в средневековой части города путем изучения его культурологических, этнических, религиозных традиций, городского образа жизни его жителей. Третье направление заключается в трансляции экстерьеров городского пространства и интерьеров зданий и сооружений в качестве экспонатов музейного пространства. Последнее направление посвящено восстановлению средневековой части исторического поселения Выборг и включает санацию территории, консервацию руинированных средовых объектов, реставрацию, реконструкцию памятников архитектуры.

Томск является одним из древнейших городов Сибири. С 1604 г. на протяжении четырех столетий происходило формирование его уникальной исторической застройки, представленной деревянным зодчеством. На территории города сохранена архитектурно-планировочная структура, фрагменты деревянной застройки усадебного типа середины XIX–начала XX вв. Уникальность планировочной структуры города обусловлена рельефом местности, а сохранившаяся деревянная застройка придает объемно-пространственной композиции высокохудожественные и эстетические качества [8, с. 4].

Участок площадью в 70 га занимает главное место в историческом центре Томска, куда входит место возникновения города (Томская

крепость — острог), первая улица (ул. Бакунина) и примыкающие к ним фрагменты застройки середины XIX–начала XX вв., обладающие археологическими, историко-архитектурными и культурными ценностями.

Авторским коллективом СФИ «Спецпроектреставрация» и СИ «Сибспецпроектреставрация» были проведены проектно-исследовательские работы, в результате которых данный градостроительный фрагмент получил название «Музеефицированный комплекс «Старый Томск». Была предложена музеефикация, отраженная в воссоздании облика зданий, элементов благоустройства, дизайна среды и рекламы данного периода. Данные мероприятия должны быть направлены на сохранение духа места и атмосферы Томска рубежа XIX–XX вв. Помимо этого, строительство современных зданий на центральных исторических улицах было категорически запрещено [8, с. 5].

Сохранение целостной средовой системы Томска должно реализовываться через адаптацию и консервацию деревянной застройки с целью обеспечения ее физической сохранности, а также создание внутри жилых памятников современных комфортных условий для жизни. Возможно воссоздание деревянной городской среды путем нового строительства в районе с ветхой малоценной застройкой, перемещения похожих ценных сохранившихся зданий из других районов города, реконструкции утраченных объектов. При перевозе зданий и воссоздании копий архитектурных памятников в зоне с ценной застройкой необходимо соблюдать сомасштабность воссоздаваемых объектов. Важными элементами целостной сложившейся городской застройки являются также исторические заборы, ворота и калитки, которые необходимо сохранять или воссоздавать при отсутствии [7, с. 144].

К сожалению, с 1990-х гг. появляются проблемы качества проводимых реставрационных работ и утраты подлинности исторической застройки. Это происходит по причине отсутствия владельцев, а в некоторых случаях после расселения жильцов памятники истории и архитектуры не охраняются. Зачастую нарушается закон и выдаются разрешения на строительство новых объектов в ценных зонах исторического города [8, с. 5].

В настоящее время проблема музеефикации фрагментов городской среды исторических поселений является актуальной. В связи с активизацией нового строительства на территории исторической части городов требуются безотлагательные меры по сохранению исторических кварталов, ансамблей и памятников архитектуры. Не менее важно приспособлять культурный ландшафт исторических поселений к потребностям современных городов для того, чтобы эти территории могли участвовать в социально-экономической жизни города.

Список литературы

1. Васильев Е. Н., Закатилев Н. И. Выборг. Л.: Лениздат, 1975. 200 с.

2. Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 310 с.

3. Мастеница Е. Н. Урбоскансен: pro et contra. URL: <https://davaiknam.ru/text/sbornik-statej-po-materialam-mejdunarodnoj-konferencii-pod-red> (Дата обращения: 30.10.2021).

4. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. Москва: Стройиздат, 1984. 168 с.

5. Осипова М. М. Музеефикация в городе: от объектов к пространству // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 140– 146.

6. Ранинский Ю. В. Памятники архитектуры и градостроительства: учеб. пособие для архит. и строит. спец. вузов / под общ. ред. Н. Н. Миловидова, Б. Я. Орловского, А. Н. Белкина. М.: Высшая школа, 1988. 63 с.

7. Романова Л. С. Здесь начинался Томск. Прошлое, настоящее, будущее. Томск: Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2004. 217 с.

8. Романова Л. С. Принципы формирования музеефицированного комплекса в историческом центре города: на примере комплекса «Старый Томск»: автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 1999. 26 с.

9. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. N 73-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Статья 59. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/5fcf10985c8ef6a435ced85e4de742c4f59d330e/ (Дата обращения: 30.10.2021)

Савченко София Константиновна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Чеснокова Мария Николаевна, канд. искусствоведения, доц.
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Научно-вспомогательный материал в современном музее

Scientific auxiliary material in a modern museum

Аннотация: научно-вспомогательный материал позволяет раскрыть заключенные в музейном предмете смыслы, а также задать посетителю линию прочтения экспозиции. С развитием техники и изменением социокультурной ситуации менялось не только содержание, но и форма научно-вспомогательного материала. В данной статье рассмотрены некоторые способы подачи информации о музейном предмете, активно используемые в практике современных музеев.

Ключевые слова: научно-вспомогательный материал; экспозиция; современный музей.

Abstract: secondary material allows to reveal the idea of a museum object and sets up a direction of understanding the exhibition. The content of the secondary material and its representation has been changing over the years because of development of technology and changes in socio-cultural environment. This article reviews some of the strategies of delivering the information about the museum objects used by modern museums.

Key words: secondary material; exhibition; modern museum.

Ещё во второй половине XX в. Р. Р. Кликс писал, что «выставки являются зеркалом технического развития современного общества» [2, с. 256]. То же можно сказать и в отношении экспозиций: с развитием науки и техники научно-вспомогательный материал претерпел изменения, отвечая на меняющуюся ситуацию и подстраиваясь под новый облик музея современности. При нынешнем уровне развития компьютерных технологий некоторые группы научно-вспомогательного материала (карты, схемы, тексты и пр.) могут быть перенесены в современное музейное оборудование, например, планшеты. Они занимают не так много места при количестве вмещаемого в них материала, относительно информационных стендов прошлого столетия, а также могут быть стилизованы и органично вписываться в пространство музейной экспозиции или выставки. Такое оборудование позволяет обновлять информацию, подстраиваясь под изменения, коснувшиеся экспозиции.

Зачастую планшеты обладают удобным интерфейсом, привычным для современного пользователя, благодаря которому тот без труда может переходить по разделам: знакомиться со всей предоставленной информацией или же вычленять для себя наиболее интересную. Это

дает посетителю современного музея возможность выбора информационного сопровождения экспоната. Также стоит отметить, что такие планшеты нередко имеют характер интерактивности, за счет которой знакомство с научно-вспомогательным материалом, усвоение предлагаемой музеем информации проходит более легко. Компактность всей массы сведений позволяет не отвлекать внимание зрителя от музейного предмета. Экспозиция, заполненная научно-вспомогательным материалом: загруженность пространства дополнительными знаками, распыляет внимание посетителя, не позволяет всецело сконцентрироваться на самоценном экспонате.

Научно-вспомогательные материалы могут находиться не только в пределах музейных экспозиций и выставок, но и быть сосредоточены в личном устройстве посетителя. Мобильные приложения позволяют аудитории ознакомиться с подробной информацией по экспонатам, будучи не стесненными неким утвердившимся страхом перед музейным оборудованием: информация заключена в пределах личного, даже интимного, уже отчасти слившегося с самим человеком, устройства. Это позволяет зрителю чувствовать полную свободу действий, задерживаться на том или ином разделе столько, сколько ему потребуется.

В нашей стране популярным является приложение Artefact, представляющее собой гид по музеям России, которое на нынешний момент включает в себя 345 организаций. Это и крупнейшие музеи страны — Государственная Третьяковская галерея, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Русский музей, — и малые краеведческие музеи, например, Музей истории Тетюшского края, Старооскольский краеведческий музей и др. [3] При посещении музея, наведя камеру смартфона на стикер с пометкой AR, посетитель может узнать больше информации по предмету с помощью технологии дополненной реальности, переходя по интерактивным «точкам интереса», раскрывающим факты об экспонате, не включенные в экспозицию. Также есть возможность ознакомиться с рядом статей, позволяющих, при желании, получить более подробную информацию. Касательно художественных музеев, при помощи технологии дополненной реальности посетитель может ознакомиться с изображениями картин до реставрации и эскизами художника.

Приложение подразумевает возможность некой коммуникации: посетитель может оставить отзыв о той или иной выставке, сохранить в подборку понравившиеся произведения или поставить «лайк». Привычное для пользователя выражение своего отношения, уже переносимое на музейный предмет, может говорить об «оперативном» ответе музея на современные течения, однако такое упрощение языка, сведение сложного к плоскому символу — иконке, может также подвергнуться и критике. Ещё в 1920-х гг. П. А. Флоренский предвидел: «...в эпохи культуры, достигших, казалось бы, наибольшего расцвета, сказывается некое тяготение к зрительным формам изображения понятий,

при которых зрительные образы становятся способом выражения отвлеченных понятий простых и сложных, и в которых конкретные изображения становятся знаками и символами идей» [7, с. 100].

Таким образом, информация, предоставляемая мобильными приложениями, предваряется сбором и исследованием ряда научных источников, служит раскрытию заключенных в экспонате смыслов, имея в отношении них подчиненное положение. Это значит, что такие платформы обладают свойствами, присущим научно-вспомогательным материалам.

Важным свойством научно-вспомогательного материала является организация маршрута. Это может быть карта экспозиции, краткие сведения по разделам, например, пронумерованным, а также различного рода указатели.

Мультимедийная «Линза искусства» (ArtLens) в Gallery One в Кливлендском художественном музее представляет собой собрание 4100 экспонатов на двенадцатиметровом мультитач экране. Из огромной представленной на стене мозаики музейных предметов, посетитель может выбрать иконку с изображением какого-либо экспоната, чтобы узнать по нему дополнительную информацию, увеличить и детально рассмотреть его изображение. Одной из важнейших опций является возможность отметить заинтересовавшие предметы в «избранное». Отобранные экспонаты при помощи приложения «ArtLens» (ArtLens App) переносятся на личное устройство посетителя для составления личного маршрута по экспозиции. Вначале посетитель знакомится с виртуальным пространством, делая по нему выборку, а потом, основываясь на ней, перемещается в пространстве реальном. Одновременно с экраном могут взаимодействовать до 20 человек, то есть присутствует возможность коммуникации между посетителями, что можно противопоставить описанным ранее формам подачи информации об экспонате, направленных больше на индивидуального пользователя.

Помимо осуществления связи посетителя с посетителем, проект также подразумевает связь посетителя с музеем. Так, отвечая на вопросы игры «Lions Lens» (выявление характера изображения льва в искусстве: «от реалистичного до жестокого»), выбор каждого посетителя фиксировался и отображался в конечном графике, с которым мог ознакомиться каждый последующий зритель [8]. Аудитория выступает не только в качестве потребителей контента, но и в качестве его создателей: такая форма участия (соучастия) может свидетельствовать о характере партиципаторности учреждения.

Стоит отметить распространение в музейной практике 3D реконструкций. Воспроизведения музейных предметов, согласно словарю актуальных музейных терминов, относятся к научно-вспомогательному материалу [6]. Современный этап развития компьютерных технологий позволяет воспроизвести образ утраченных или руини-

рованных памятников, показ которых в ограниченном пространстве выставочных залов не представляется возможным. Для реализации такого проекта вначале необходим сбор историко-культурной информации, «в которой в чертежах, фотографиях и графических работах уже имеется устойчивый и воспринимаемый визуальный образ памятника» [4, с. 51], а также изучение текстовых источников. Первый этап 3D реконструкций вновь отражает свойство исследуемых в контексте данной работы материалов, а именно — научность подхода при их создании. Такое воссоздание музейного предмета или объекта в стенах музея при несомненных своих плюсах имеет и ряд минусов, основным из которых является утрата «характерных деталей памятников» [4, с. 51], заметить которые возможно при рассмотрении графических его изображений: приобретение изображением «стерильности», полученной при компьютерной реконструкции.

Однако 3D реконструкция позволяет исследователям и посетителям музея детально рассмотреть какие-либо части предмета, что порой представляется невозможным при знакомстве с подлинником, проследить воссоздание объема архитектурной модели из плоскости чертежа [1] или отследить процесс получения образа целостного сосуда из известных уцелевших его фрагментов [5].

Интересной представляется дальнейшая судьба таких объектов, так как известно, что нередко копия становится подлинником. Такое положение отражается не только на судьбе научно-вспомогательных материалов, созданных или приобретенных для объяснения музейных предметов и с течением времени наряду с ними оказавшихся в основном фонде музея, но и на судьбе древнейших источников (большинство письменных источников древности дошли до нас в поздних копиях).

Страх подмены реального виртуальным, все более заметное проникновение визуальных образов, подменяющих реальные предметы, кажется вполне обоснованным. Но в рамках деятельности музея, важнейшей задачей которого является сохранение и демонстрация предметов и объектов культурного наследия, образы медиатехнологий, выступающие в качестве научно-вспомогательного материала, не заменяют реальный предмет, а служат одним из способов его познания. Пользоваться такими материалами или нет — решает исключительно сам посетитель. Однако их появление и популярность говорит о свойственном современному человеку новому типу мышления, а также о применении новых инструментов познания реальности.

Подводя итоги, можно сказать, что научно-вспомогательный материал через сам музей откликается на социокультурную среду того или иного периода, расшифровывая сокрытую в музейном предмете информацию, согласно актуальным запросам посетителя своего времени.

Список литературы

1. Архитектурные модели // Церковь Спасо-Преображения на Нередице. URL: http://nereditsa.ru/3D/3d_model.htm (дата обращения: 02.11.2021).
2. Кликс Р. Р. Художественное проектирование экспозиций. М.: Высш. Школа, 1978, 368 с.
3. Музеи // Artefact. URL: <https://artefact.culture.ru/ru/museums> (дата обращения: 02.11.2021).
4. Никонова А. А. Визуальные технологии и сохранение культурного наследия России // Вестник СПбГУКИ. 2014. №1. С. 49–53.
5. Реконструкция 3D-модели урартского караса VIII века до нашей эры // ГМИИ им. А. С. Пушкина. URL: <https://pushkinmuseum.art/media/3d/index.php> (дата обращения: 02.11.2021).
6. Словарь музейных терминов // Российская музейная энциклопедия. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?13> (дата обращения: 02.11.2021).
7. Флоренский П. Symbolarium (Словарь символов). Вып. 1. Точка / Некрасова Е. А. Неосуществленный замысел 1920-х годов создания «Symbolarium'a» (словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 98–104.
8. ARTLENS Gallery First Iteration: Gallery One // Cleveland Museum of Art. URL: <http://mart-museum.ru/portfolio/gallery-one-part-2/> (дата обращения: 02.11.2021).

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021

Сборник научных статей

Подписано к публикации 01.08.2022. Заказ № 14010

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.

Усл. печ. л. 43,31.

Издательство «Скифия-принт».

Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10